

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

III

2025

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

№ 3 / 2025

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3

*Свидетельство о
регистрации*

Эл № ФС77-59844
от 17 ноября 2014

ISSN

2542-212X

Периодичность

4 раза в год

Учредитель/Издатель

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образова-
ния «Кабардино-Балкарский гос-
ударственный университет
им. Х.М. Бербекова»

Е-mail редакции

caucasology.kbsu@mail.ru

URL-адрес издания

[http://www.kbsu.ru/nauchnye-iz-
daniya/zhurnal-kavkazologiya/](http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/)

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, главный научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, советник директора, руководитель научной части Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, Грозный, Россия.

Дерлугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, профессор, руководитель Центра развития цифровой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии образования, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афакоевна, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллери Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Principal research fellow, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, advisor to the director, head of the scientific part, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, Head of the Department of Modern and Contemporary History of the Chechen State University, Grozny, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, Professor, CEO, Lomonosov Moscow State University Digital Economy Development Center, Full Member of the Russian Academy of Education, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Professor, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Principal Research Fellow, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор
Абазов Алексей Хасанович
доктор исторических наук, доцент

Заместитель главного редактора
Кажаров Артур Гусманович
доктор исторических наук, доцент

Ответственный секретарь
Анищенко Елена Александровна

Редактор текстов на английском языке
Ашхотова Алина Пшимурзовна

Редакционная коллегия:

Акиева Светлана Исмаиловна – доктор исторических наук;
Албогачиева Макка Султан-Гиреевна – доктор исторических наук;
Аликаев Рашид Султанович – доктор филологических наук, профессор;
Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор;
Бауаев Казим Каллетович – доктор филологических наук, доцент;
Башиева Светлана Конакбиевна – доктор филологических наук, профессор;
Берберов Бурхан Абуюсуфович – доктор филологических наук;
Бижева Зара Хаджимуратовна – доктор филологических наук, профессор;
Бижоев Борис Чамалович – доктор филологических наук;
Бозиева Найма Борисовна – кандидат филологических наук;
Борова Асият Руслановна – доктор филологических наук;
Бухуров Мухамед Фуадович – кандидат филологических наук;
Гутов Адам Мухамедович – доктор филологических наук, профессор;
Дзамихов Касболат Фицевич – доктор исторических наук, профессор;
Канукова Залина Владимировна – доктор исторических наук, профессор;
Кетенчиев Мусса Бахаутдинович – доктор филологических наук;
Кудаева Зинаида Жантемировна – доктор филологических наук, доцент;
Кузьминов Петр Абрамович – доктор исторических наук, профессор;
Кучукова Зухра Ахметовна – доктор филологических наук, профессор;
Кушхабиев Анзор Викторович – доктор исторических наук, доцент;
Лобанов Владимир Борисович – кандидат исторических наук;
Мамсиров Хамитби Борисович – доктор исторических наук, профессор;
Муратова Елена Георгиевна – доктор исторических наук, профессор;
Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич – доктор исторических наук, профессор;
Сокаева Диана Вайнерова – доктор филологических наук;
Тамазов Муслим Султанович – кандидат исторических наук;
Тимижев Хамиша Тарканович – доктор филологических наук, профессор;
Тумов Аскер Асланбекович – кандидат исторических наук;
Узденова Фатима Таулановна – доктор филологических наук;
Улаков Махти Зейтунович – доктор филологических наук, профессор;
Хавжокова Людмила Борисовна – доктор филологических наук;
Хараева Лариса Ханбиевна – доктор филологических наук, профессор.

Editor-in-Chief

Abazov Alexey Khasanovich

doctor of science (history), associate professor

Deputy Editor-in-Chief

Kazharov Artur Gusmanovich

doctor of science (history), associate professor

Executive Secretary

Anishchenko Elena Aleksandrovna

English text editor

Ashkhotova Alina Pshimurzovna

Editorial board:

Akkieva Svetlana Ismailovna – doctor of science (history);
Albogachieva Makka Sultan-Gireevna – doctor of science (history);
Alikaev Rashid Sultanovich – doctor of science (philology), professor;
Astvatsaturova Maya Artashesovna – doctor of science (political science), professor;
Bauaev Kazim Kalletovich – doctor of science (philology), associate professor;
Bashieva Svetlana Konakbievna – doctor of science (philology), professor;
Berberov Burkhan Abuyusufovich – doctor of science (philology);
Bizheva Zara Khadzhimuratovna – doctor of science (philology), professor;
Bizhoev Boris Chamalovich – doctor of science (philology);
Bozieva Naima Borisovna – PhD (in philology);
Borova Asiyat Ruslanovna – doctor of science (philology);
Bukhurov Muhamed Fuadovich – PhD (in philology);
Gutov Adam Mukhamedovich – doctor of science (philology), professor;
Dzamikhov Kasbolat Fitzevich – doctor of science (history), professor;
Kanukova Zalina Vladimirovna – doctor of science (history), professor;
Ketenchiev Mussa Bakhautdinovich – doctor of science (philology);
Kudaeva Zinaida Zhantemirovna – doctor of science (philology), associate professor;
Kuzminov Petr Abramovich – doctor of science (history), professor;
Kuchukova Zukhra Akhmetovna – doctor of science (philology), professor;
Kushkhabiev Anzor Viktorovich – doctor of science (history), associate professor;
Lobanov Vladimir Borisovich – PhD (in history);
Mamsirov Khamitbi Borisovich – doctor of science (history), professor;
Muratova Elena Georgievna – doctor of science (history), professor;
Prasolov Dmitry Nikolaevich – PhD (in history), associate professor;
Sabanchiev Haji-Murat Alekseevich – doctor of science (history), professor;
Sokaeva Diana Vainerova – doctor of science (philology);
Tamazov Muslim Sultanovich – PhD (in history);
Timizhev Khamisha Tarkanovich – doctor of science (philology), professor;
Tumov Asker Aslanbekovich – PhD (in history);
Uzdenova Fatima Taulanovna – doctor of science (philology);
Ulakov Makhti Zeitunovich – doctor of science (philology), professor;
Khavzhokova Lyudmila Borisovna – doctor of science (in philology);
Kharaeva Larisa Khanbievna – doctor of science (philology), professor.

СОДЕРЖАНИЕ***ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ*****Общие проблемы****Боров А.Х., Муратова Е.Г.**Этногенез и социогенез в становлении исторической Балкарии
(некоторые итоги исследований)**17-39****Средневековая и новая история****Дзуганов Т.А.**Модернизация внешней торговли народов Северо-Западного и
Центрального Кавказа: проблема выбора между
Таманью и Астраханью в конце XVIII века**40-52****Абдусаламов М.-П.Б., Гусейнов Ю.М., Идрисов Ю.М.**Отношение засулакских правителей к освободительному движению
северокавказских народов под руководством Шейха Мансура
(1785-1791 гг.) по материалам кизлярской комендантской канцелярии**53-64****Дышеков М.В.**Структура и полномочия финансовых учреждений
Кавказской области в 1827-1845 годах**65-79****Бербекова М.Х.**Некоторые особенности организации меновой торговли
на Кавказской линии в 40-х – первой половине 50-х годов XIX века**80-89****Дабагова И.М.**Некоторые особенности территориальной организации
деятельности первой сотни Терской постоянной милиции
в Нальчикском округе в последней трети XIX – начале XX века**90-99****Урусмамбетова Л.А.**Деятельность органов власти по организации педагогических курсов
в Кабардинском (Нальчикском) округе
во второй половине XIX – начале XX века**100-119****Новейшая история****Тетуев А.И.**Горские евреи в Кабардино-Балкарии:
проблемы социально-экономического развития и эмиграции**120-140**

Бер А.Р.

- Взаимодействие Министерства по делам национальностей
и общественным проектам КБР с национально-культурными
объединениями республики в рамках реализации государственной
национальной политики Российской Федерации **141-152**

Этнология, антропология и этнография

Балкарова З.М.

- Мясная пища в традиционной гастрономической культуре
кабардинцев в конце XIX – начале XX века **153-166**

Барзbieв М.И., Геграев Х.К.

- Литературное творчество Исмаила Абаева (Измаил-Бея)
как источник по этнографии балкарцев
(по материалам газеты «Вольный горец») **167-188**

Албогачиева М.С.-Г., Джемакулова Н.В.

- Особенности свадебного автодекора в Карачаево-Черкесии **189-204**

Ермошина А.В.

- Киберэтничность в действии: создание национального флага удин **205-220**

Капустина Е.Л.

- Траурный обрядовый комплекс Мухаррамлик в Дербенте:
основные тенденции развития в XX и начале XXI веков **221-239**

Нальчикова Е.А., Захохова М.Р., Апажева С.С.

- Некоторые элементы традиционной культуры
в формировании стратегий поведения современной адыгской
молодежи (на материалах Кабардино-Балкарии) **240-254**

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Ахмадов Я.З., Демелханов С.М., Осмаев А.Д.

- К характеристике внутренней торговли народов Северного Кавказа:
архивный документ 1754 года **255-265**

Хаширов А.В.

- Историко-этнографические сведения о народах
Центрального Кавказа в материалах экспедиции Г.А. Емануеля
к подножию Эльбруса 1829 года **266-286**

Сулаберидзе Ю.С.

Крымская война 1853–1856 годов в воспоминаниях современников **287-294**

Черниговская А.И.

Военная и бытовая повседневность Закавказья времен
Крымской войны глазами современника **295-310**

Паштов И.В., Кузьминов П.А.

Признаки кризиса коневодства в Кабарде второй половины XIX в.
по материалам периодической печати **311-332**

Прасолов Д.Н.

Интеграционные процессы в Кабардинском (Нальчикском) округе
в отражении газеты «Кавказ» (1860–1910-е годы) **333-348**

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа)

Алхасова С.М.

Духовное прозрение героя и семантика героизма
в романе Ахмедхана Налоева «Всадники рассвета» **349-357**

Кадимов Р.Г., Чукуева З.Н.

Тема экзистенциального одиночества и деградации социума
в лирике Етима Эмина **358-365**

Хашир К.О.

Кабардинский полицейский (милицейский) детектив
(на материале произведений Рашида Кешокова и Александра Сарахова) **366-376**

Фольклористика

Гашарова А.Р.

Жанровые признаки лезгинских народных скороговорок
и их обучающая функция **377-384**

Русский язык. Языки народов России

Абазова М.М.

К вопросу об особенностях образования множественного числа
в речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции
(в сравнении с современным кабардино-черкесским языком) **385-394**

Ахматланы А.къ.М., Текуланы М.ж.М., Хуболланы М.ж.С.

Хапарчылары фразеология айланчладан къуралгъан
айтымланы форма-магъана юлгюлери

395-408

Кетенчиев М.Б., Мизиев А.М., Аккизова А.А.

Функционально-семантический потенциал зоолексемы эшек ‘осел’
в карачаево-балкарском языке

409-421

Мусуков Б.А.

Морфологические характеристики карачаево-балкарских
географических имен как лексической категории
(существительные, прилагательные, числительные
в составе топонимов)

422-434

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Бозиев А.Т., Хашхожева З.Т.

О некоторых особенностях выражения причинно-следственных
отношений в разноструктурных языках (на примере русского,
английского и кабардино-черкесского языков)

435-448

Башиева С.К., Ульбашева З.М.

Репрезентация концептов «сый» ‘уважение’, «бет» ‘совесть’,
«тюзлюк» ‘справедливость’ в карачаево-балкарской лингвокультуре

449-457

Тасуева С.И.

Концепт «*life / жизнь / дахар*»
в английском, русском и чеченском языках

458-479

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Теория и история культуры, искусства народов Кавказа

Базиева Г.Д.

«Атажукинский сад» как объект культурного ландшафта
города Нальчик

480-491

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

БакIуу Хъ.И.

Иджырей къэбэрдей-шэрджэсыбзэм къыпэщыт лъэпощхъэпохэм
ехьэлIауэ

492-503

Анзору Викторовичу Кушхабиеву 60 лет

504-510

Хавжокова Л.Б.

Творческий путь педагога и ученого: к 85-летию Х.И. Бакова

511-518

Наши авторы

519-524

CONTENTS***HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY*****Common problems****Borov A.Kh., Muratova E.G.**Ethnogenesis and sociogenesis in the formation of historical Balkaria
(some research results)**17-39****Medieval and modern history****Dzughanov T.A.**Modernization of foreign trade of the peoples of the North-Western
and Central Caucasus: the problem of choice between
Taman and Astrakhan at the end of the 18th century**40-52****Abdusalamov M.-P.B., Guseinov Y.M., Idrisov Y.M.**The attitude of the rulers of Zaslak to the liberation movement
of the North Caucasian peoples under the leadership of Sheikh Mansur
(1785-1791) based on materials from the kizlyar commandant's office**53-64****Dyshekov M.V.**Structure and powers of financial institutions
in the Caucasus region in 1827-1845**65-79****Berbekova M.Kh.**Some features of the organization of barter trade on the Caucasian Line
in the 1840s and the first half of the 1850s**80-89****Dabagova I.M.**Some features of the territorial organization of the first hundred
of the Terek Permanent Militia in the Nalchik District
in the last third of the 19th century and the early 20th century**90-99****Urusmambetova L.A.**Teacher training and pedagogical courses in the Nalchik district
in the second half of the 19th and early 20th centuries**100-119****Contemporary history****Tetuev A.I.**Mountain Jews in Kabardino-Balkaria:
Problems of Socioeconomic Development and Emigration**120-140**

Ber A.R.

The interaction of the Ministry of nationalities and public projects of the Kabardino-Balkarian Republic with the national cultural associations of the republic as part of the implementation of the state national policy of the Russian Federation

141-152**Ethnology, Anthropology and Ethnography****Balkarova Z.M.**

Meat food in the traditional gastronomic culture of the Kabardians in the late 19th – early 20th century

153-166**Barazbiev M.I., Gegrayev Kh.K.**

The literary work of Ismail Abayev (Izmail-Bey) as a source for the ethnography of the Balkarians (based on the materials of the newspaper "Volny gorets")

167-188**Albogachieva M.S.-G., Dzhemakulova N.V.**

Features of wedding auto decor in the Karachay-Cherkessia

189-204**Ermoshina A.V.**

Cyberethnicity in action: the creation of the Udi' national flag

205-220**Kapustina E.L.**

Funeral ritual complex Mukharramluk in Derbent: main development trends in the XX and early XXI centuries

221-239**Nalchikova E.A., Zakhokhova M.R., Apazheva S.S.**

Features of the formation of youth some elements of traditional culture in the formation of behavior strategies of modern Adygh youth (based on the materials of Kabardino-Balkaria)

240-254**Historiography, source studies, methods of historical research****Akhmadov Ya.Z., Demelkhanov S.M., Osmaev A.D.**

On the characteristics of the internal trade of the peoples of the North Caucasus: archive document of 1754

255-265**Khashirov A.V.**

Historical and ethnographic information about the peoples of the Central Caucasus in the materials of the expedition of G.A. Emanuel to the foot of Elbrus in 1829

266-286

Sulaberidze Y.S.

The Crimean war of 1853–1856 in the memories of contemporaries 287-294

Chernigovskaya A.I.Military and everyday life of Transcaucasia during
the Crimean war through the eyes of a contemporary 295-310**Pashtov I.V., Kuz'minov P.A.**Signs of the horse-breeding crisis in the Kabarda
in the second half of the 19th century based on periodical press materials 311-332**Prasolov D.N.**Integration processes in the Kabardian (Nalchik) district
as reflected in the newspaper «Caucasus» (1860–1910) 333-348**PHILOLOGY****Literature of the peoples of the Russian Federation
(literature of the peoples of the North Caucasus)****Alkhasova S.M.**Spiritual insight of the heroes in the novel
by Ahmedkhan Naloev "Riders of the dawn" 349-357**Kadimov R.G., Chukueva Z.N.**The topic of existential alone-ness and social degradation
in Etim Emin's lyrics 358-365**Khashir K.O.**Kabardian police (militsia) detective (based on the works
of Rashid Keshokov and Alexander Sarakhov) 366-376**Folklore studies****Gasharova A.R.**Genre features of Lezghin folk tongue twisters
and their educational function 377-384**Russian language. Languages of the peoples of Russia****Abazova M.M.**On the peculiarities of plural formation in the speech
of the kabardino-cherkess diaspora in Turkey
(in comparison with the modern Kabardino-Cherkess language) 385-394

Akhmatova M.A., Tekuev M.M., Khubolov S.M.

Formal-semantic models of structures with predicates expressed by phraseological units in the Karachay-Balkarian language

395-408

Ketenchiev M.B., Miziev A.M., Akkizova A.A.

The functional and semantic potential of the zoolexeme eshek 'donkey' in the karachay-balkar language

409-421

Musukov B.A.

Morphological characteristics of Karachay-Balkar geographical names as a lexical category (nouns, adjectives, numerals in toponyms)

422-434

Theoretical, applied and comparative linguistics

Boziev A.T., Khashkhozheva Z.T.

On some features of expressing cause-and-consequence relationships in languages of different structures (using Russian, English and Kabardino-Circassian languages as an example)

435-448

Bashieva S.K., Ulbasheva Z.M.

Representation of concepts «sy'i» 'respect', «bet» 'conscience', «t'uzl'uk» 'fairness' in karachay-balkarian linguoculture

449-457

Tasueva S.I.

The concept "life / zhizn' / dahar" in English, Russian and Chechen

458-479

ART HISTORY AND CULTUROLOGY

Theory and history of culture and art of Caucasus peoples

Bazieva G.D.

«Atazhukinsky garden» as an object of the cultural landscape of Nalchik

480-491

ESSAYS, NOTES, REVIEWS

Bakov Kh.I.

Current problems of functioning of the Kabardino-Circassian literary language

492-503

Anzor Viktorovich Kushkhabiev is 60 years old

504-510

Khavzhokova L.B.

The creative path of a teacher and scientist: to the 85th anniversary of H.I. Bakov

511-518

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Общие проблемы

Научная статья

УДК 93/930

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-17-39

EDN: ADJPJL

ЭТНОГЕНЕЗ И СОЦИОГЕНЕЗ В СТАНОВЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ БАЛКАРИИ (некоторые итоги исследований)

Аслан Хажисмелович Боров¹, Елена Георгиевна Муратова²

¹ Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, aslan-borov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8396-6422>

² Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, lena_gm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6803-6884>

² Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия

Аннотация: Статья посвящена проблеме балкарского этногенеза, рассмотренной в контексте этнополитической ситуации на Центральном Кавказе в золотоордынский период. Проанализирован комплекс источников, проливающих свет на раннюю этносоциальную историю балкарцев: сведения персидских авторов конца XIV – начала XV в. Шараф-ад-дин Йезди и Низам ад-дин Шами, материалы академической экспедиции Г.Ю. Клапрота на Кавказ в 1807-1808 гг., этногенетические и генеалогические предания о происхождении различных подразделений балкарского народа, материалы археологических экскурсий В.Ф. Миллера и М.М. Ковалевского в горские общества в 1880-е гг. и др.

Подведены некоторые итоги исследований процесса этногенеза балкарцев в новейшей историографии. Подчеркивается, что процесс сложения этноса сопровождается его социально-потестарной самоорганизацией. Этот аспект этногенеза не может не учитываться при исторической интерпретации этногенеза балкарцев и сложения Балкарии как этно-социо-территориального образования. Так же как в дореволюционной и советской историографии в статье утверждается, что местом завершения процессов карачаево-балкарского этногенеза выступает высокогорье Центрального Кавказа, соответствующее балкарскому этническому ареалу более позднего времени.

Применительно к XV-XVI вв. можно говорить о стабилизации в высокогорной зоне Центрального Кавказа особого этно-социо-территориального образования, которое впоследствии стало известно окружающему миру как Балкария, и об обретении его населением совокупности признаков этноса как особой общности людей, отличной от других этносов: определенной целостной территории, общности языка, социальных связей между отдельными частями этноса, специфических черт традиционной материальной и духовной культуры.

Исследование позволило сделать вывод о том, что основные компоненты карачаево-балкарского этногенеза – автохтонный кавказский, иранский (сармато-аланский) и тюркский (болгаро-кыпчакский) находились во взаимодействии на протяжении длительного исторического времени. Однако сложение собственно балкарского этноса, локализованного в пределах исторической Балкарии, происходит только с окончанием золотоордынской эпохи.

Ключевые слова: Центральный Кавказ, золотоордынский период, историография, этногенез, балкарцы.

Для цитирования: Боров А.Х., Муратова Е.Г. Этногенез и социогенез в становлении исторической Балкарии (некоторые итоги исследований) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 17-39. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-17-39. EDN: ADJPJL.

© Боров А.Х., Муратова Е.Г., 2025

Original article

ETHNOGENESIS AND SOCIOGENESIS IN THE FORMATION OF HISTORICAL BALKARIA (some research results)

Aslan Kh. Borov¹, Elena G. Muratova²

¹ Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, aslan-borov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8396-6422>

² Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, lena_gm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6803-6884>

² The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

Abstract. The article is devoted to the problem of Balkar ethnogenesis, considered in the context of the ethno-political situation in the Central Caucasus during the Golden Horde period. A set of sources that shed light on the early ethnic history of the Balkars is analyzed: information from Persian authors of the late 14th-early 15th centuries Sharaf ad-din Yazdi and Nizam ad-din Shami, materials from the academic expedition of G. Yu. Klaproth to the Caucasus in 1807-1808, ethnogenetic and genealogical legends about the origin of various divisions of the Balkar people, materials from archaeological excursions of V. F. Miller and M. M. Kovalevsky to mountain societies in the 1880s, etc.

Some results of research into the process of ethnogenesis of the Balkars in modern historiography are summarized. It is emphasized that the process of formation of an ethnic group is accompanied by its socio-potestary self-organization. This aspect of ethnogenesis cannot be ignored in the historical interpretation of the ethnogenesis of the Balkars and the formation of Balkaria as an ethno-socio-territorial entity. Just as in pre-revolutionary and Soviet historiography, the article asserts that the place where the processes of Karachay-Balkar ethnogenesis ended was the highlands of the Central Caucasus, corresponding to the Balkar ethnic area of a later time.

In relation to the 15th-16th centuries, we can talk about the stabilization in the highland zone of the Central Caucasus of a special ethno-socio-territorial entity, which later became known to the outside world as Balkaria. Its population acquired a set of characteristics of an ethnic group as a special community of people: territorial integrity, common language and social ties, specific features of traditional material and spiritual culture.

The study allowed us to conclude that the main components of the Karachay-Balkar ethnogenesis – the autochthonous Caucasian, Iranian (Sarmatian-Alanian) and Turkic (Bulgar-Kipchak) – interacted over a long historical period. However, the formation of the Balkarian ethnic group itself, localized within the historical Balkaria, occurred only with the end of the Golden Horde era.

Keywords: Central Caucasus, Golden Horde period, historiography, ethnogenesis, Balkars.

For citation: Borov A.Kh., Muratova E.G. Ethnogenesis and sociogenesis in the formation of historical Balkaria (some research results). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 17-39. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-17-39. EDN: ADJPJL.

5

© Borov A.Kh., Muratova E.G., 2025

Введение

В российской историко-этнографической и исторической науке закрепилось представление, что этногенез карачаево-балкарцев принадлежит к числу наиболее сложных проблем. Эта сложность отразилась, прежде всего, в многообразии предложенных версий ее решения [Материалы... 1960]. Но и утвердившаяся впоследствии ее консенсусная трактовка включает в себя представления о множественности этнических корней и компонентов сложения этноса, а также неполную согласованность его культурно-языковых и антропологических признаков [История народов... 1988: 196; Герасимова 2013]. Большинство интерпретаций имеет в качестве концептуального ядра решение вопроса о тюркоязычии карачаево-балкарцев: утверждения об изначальном тюркоязычии их предков, приоритет болгарского либо кипчакского компонента в сложении карачаево-балкарского языка. При этом стирается грань между двумя частями исследования единого процесса этногенеза, на которые справедливо, на наш взгляд, указывал М.В. Крюков:

«Первая из них связана с выявлением этнических корней всех компонентов, принимающих участие в формировании будущего народа; вторая ставит своей целью конкретно проследить основные этапы сложения его специфического лица, в первую очередь этнического самосознания как ведущего признака этноса» [Крюков 1988: 60].

Концентрация внимания на «выявлении корней» оставляет в тени конкретику завершающих этапов этногенеза, когда и оформляется окончательно «специфическое лицо» этноса, тот его облик, которым он становится известен миру. Кроме того, большинство работ, так или иначе затрагивающих проблематику происхождения балкарского народа, не соотносит конкретный материал с целым рядом других положений теории этноса, разработанной в рамках отечественной научной традиции [Бромлей 1988]. Приведем краткий перечень тех из них, которые кажутся нам релевантными для темы данной статьи:

- этногенез подразумевает не воспроизводство изначальных этнических компонентов (корней), а формирование нового этнического образования, отличающегося своим специфическим «этническим лицом» не только от других этнических образований, но и от своих предков;
- основной показатель завершения этногенеза – появление отчетливого этнического самосознания, одним из проявлений которого является возникновение общего самоназвания;
- в процессе этногенеза и этнической истории можно выделить определенные критические точки, ориентиры, по которым ретроспективно прослеживается становление нового этнического качества, исходя из конечных результатов этногенеза;

– этносы представляют собой одну из разновидностей социальных общностей, и собственно этнические явления в конечном счете обусловлены явлениями социально-экономическими;

– определенная форма социально-территориальной организации является одним из важнейших условий устойчивого существования и нормального развития этнической общности [Козлов 1967: 111; Козлов 1969: 36; Чистов 1972: 77; Крюков 1976: 63; Бромлей 1983: 20; Бромлей 1988: 49; Волкова 1985: 23-24].

Представляется, что переход от идентификации этнических корней всех компонентов, принимавших участие в формировании балкарского народа, к конкретно-исторической реконструкции процессов сложения его специфического этнического облика и этнического самосознания без опоры на приведенные выше положения теории этноса был бы весьма затруднительным. Такой переход необходим хотя бы в рамках обобщающей истории региона.

Цель предлагаемой статьи заключается в попытке подведения основных итогов изучения процесса сложения балкарского народа и образования Балкарии как этно-социо-территориальной единицы в единстве этнических и социально-потестарных аспектов этого процесса с перспективой интеграции этно-национальных исторических нарративов в состав регионального, Кабардино-Балкарского исторического нарратива. Речь идет о попытке не столько *реконструкции*, сколько *конструирования* эмпирически и теоретически фундированного, целостного и внутренне непротиворечивого представления реального исторического процесса в пространстве Центрального Кавказа / исторической Кабардино-Балкарии.

Авторы уже завершали работу над рукописью этой статьи, когда до них дошла горестная весть о кончине Валерия Муратовича Батчаева. Тот, кто прочитает статью, увидит, насколько важно для нас его видение рассматриваемой здесь проблемы, а вошедшие в статью отдельные положения из его работ покажут, насколько профессионально и глубоко он владел ее предметом. На наш взгляд, полученные им результаты сохраняют свое непреходящее значение для науки на многие годы вперед. Мы хотели бы посвятить свою скромную работу светлой памяти выдающегося исследователя истории Балкарии Валерия Муратовича Батчаева.

Результаты

При подготовке к путешествию Г.Ю. Клапрота по Кавказу и Грузии в 1807-1808 гг. перед ним был поставлен ряд вопросов в качестве инструкций. В частности, А.Х. Лерберг, тогда адъютант, а впоследствии академик Императорской академии наук предложил для выяснения следующее:

«6. К наиболее странным жителям гор относятся карачаевцы, балкары и чегемы; говорят, что это татарские племена... Являются ли они древнейшей ветвью монголизированных татар или это остатки гуннов, прежних жителей этой страны, которых Константин Порфиноносный называет цихи; возможно также, что это остатки половцев, и Гюльденштедт совершенно неправильно принимает их за осетин...» [Осетины глазами... 1967: 106-107].

Ответ на этот вопрос, содержащийся в опубликованных на русском языке работах Г.Ю. Клапрота, сводится к следующему. Татарские племена обитают в сланцевых и известняковых горах близ истоков рек Кубань, Баксан, Чегем, Нальчик, Черек и Аргудан. Черкесы именуют их татар куша, а грузины басианами. Имя басианов, которое не включает в себя карачаевцев, произошло от главного среди них рода, у которого осетинское происхождение. Раньше они жили в степях реки Кумы, их столица была Маджары. В результате войн они отступили в теперешние свои места, и по имени реки Малки, где остановилась часть из них, назвались малкары или балкары [Клапрот 1974: 244; Клапрот 2008: 160].

В.Ф. Миллер и М.М. Ковалевский, обозначив балкарцев как «небольшое племя татарского происхождения», считали интересным в историческом отношении вопрос:

«к какому времени относится поселение татар в этих местах, кого застали они на новой родине, в какие отношения стали к туземцам и, наконец, откуда шла колонизация горных ущелий»? [В горских обществах... 1884: 540-541].

Свой ответ на него, как, впрочем, и Г.Ю. Клапрот, они строили на местных преданиях о давнем пришествии предков нынешних балкарцев из Маджар. Отвергая отождествление маджар с венграми, они предполагали, что речь может идти о населении хазарского города Маджар. А имя *балкар*, по их мнению, это один из видов имени *болгар*. Туземное же население «нынешней Балкарии» В.Ф. Миллер и М.М. Ковалевский считали осетинами, основываясь, главным образом, на языковых данных. Относительно Балкарского общества (Черекского ущелья) они отметили:

«Все предания указывают на то, что эта местность, некогда заселенная осетинами-дигорцами, раньше других приняла татарское поселение, и что из нее уже пошло дальнейшее движение в ближайшие долины на северо-запад» [В горских обществах... 1884: 553, 554].

Советская историография усматривала в совокупности данных письменных источников, лингвистики, археологии и этнографии определенные основания полагать, что одним из главных компонентов в процессе сложения карачаевского и балкарского народов стала та часть кыпчаков, которая под натиском татаро-монголов ушла в XIII в. в горы Центрального Кавказа. Предполагалось, что кыпчаки в предшествующий период ассимилировали остатки болгар и других тюркоязычных племен огузской группы. Субстратным компонентом этногенеза стали местные автохтонные племена горной зоны Центрального Кавказа и ираноязычные аланы, которые ранее и одновременно с кыпчаками оказались оттеснены в XIII в. в горы Центрального Кавказа. Эмпирическую основу отождествления субстрата балкарского этногенеза с аланами или осетинами-дигорцами составили многочисленные балкаро-осетинские сходства в языке, топонимике, материальной и духовной культуре, зафиксированные еще В.Ф. Миллером [Миллер 1883; В горских обществах... 1884]. Кроме того, определенный отпечаток на процесс этногенеза карачаево-балкарцев наложили тесные контакты и

взаимовлияния с соседними кавказскими народами в последующие периоды на протяжении всего позднего средневековья [История народов... 1988: 196].

Завершающую фазу карачаево-балкарского этногенеза связал с XIII в. Л.И. Лавров в публикации 1959 г. [Лавров 2009]. Исходя из того, что язык и этнографические материалы свидетельствуют о происхождении балкарцев и карачаевцев от тюрок, обитавших на Северном Кавказе до нашествия монголов, он ставил вопрос о времени их проникновения в горы центральной части Северного Кавказа. Л.И. Лавров полагал, что поздние датировки (XVI или XVII в.) опровергаются грузинской надписью на кресте из сел. Цховати (Ксанское ущелье в Южной Осетии), которая сообщала об области «Басиан» и датировалась тогда XIV-XV вв. А термином «басиани» грузины обозначали балкарцев Черекского ущелья. С другой стороны, до XIII в. нынешней Балкарией прочно владели аланы, а непосредственно после монгольского нашествия предгорьями Центрального Кавказа овладели кабардинцы. Наиболее вероятным оказывалось, по Л.И. Лаврову, предположение, что предки балкарцев и карачаевцев появились в горах не до и не после монгольского нашествия, а во время его. Это была, вероятно, та часть половцев, которая бежала в горы после разгрома их монголами в 1222 г. и смешалась там с аланами [Лавров 2009: 238-239]. В таком виде вопрос освещался в академических историях КБАССР (1967) и народов Северного Кавказа (1988) [История Кабардино-Балкарской... 1967: 72-75, 86; История народов... 1988: 196]. Завершение этногенеза, т.е. сложение карачаево-балкарской культурно-языковой общности, локализовалось, таким образом, в зоне ущелий Центрального Кавказа и совпадало с процессом становления исторической Балкарии как этно-социо-территориального образования. В «Историю народов Северного Кавказа» вошло положение о том, что «карачаево-балкарская народность сложилась в XIII–XIV вв.», и в это время «они обитали не только в высокогорной, но и в предгорной зоне» [История народов... 1988: 237, 190]. На карте расселения народов Северного Кавказа в XIII-XIV вв., помещенной в «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.», адыги (Кабарда) и карачаево-балкарцы показаны занимающими те территории, на которых они были известны в XVI-XVII вв. (См. Рис.1).

Рис.1. Расселение народов Северного Кавказа в XIII-XIV вв. Источник: [История народов... 1988: 190].

Иное представление процессов тюркизации и формирования карачаево-балкарской идентичности складывается в региональной историографии позднесоветского и современного периодов.

В.М. Батчаев еще в публикации 1980 г. подверг критическому анализу и отверг версию о проникновении половцев в горы именно в 1222 г. и констатировал отсутствие сколь-нибудь убедительных аргументов в пользу этой версии. Он полагал весьма маловероятным, чтобы небольшая группа предкавказских, т.е. степных половцев, укрывшаяся в горах после разгрома 1222 г., смогла навязать многократно превосходящему ее по численности, и рассредоточенному в трудно доступных взаимно изолированных ущельях горно-аланскому населению, ряд элементов своей культуры и свой язык. Тем более, что теснины горных ущелий делали бесполезной и даже беззащитной главную и единственную ударную силу степняков – конницу [Батчаев 1980: 81-84]. В.М. Батчаев предложил историческую интерпретацию тюркоязычия балкаро-карачаевцев и тюркского компонента их культуры, связав их с той группой половцев, которая в период монгольского владычества была вытеснена из степи и перешла к оседло-земледельческой жизни на территории плоскостной Алании. Незначительная часть уцелевших от монгольских погромов плоскостных алан теперь уже составляла лишь «островки» оседло-земледельческого населения среди обширного этнокультурного мира кочевников-тюрков. И влияние тюрков на алан стало уже неизбежным не

только ввиду их подавляющего численного превосходства, но и вследствие периодического притока в аланскую среду тех групп половецкого населения, которые, лишившись в степи скота и пастбищ, захваченных монголами, вынуждены были переходить к оседлости [Батчаев 1980: 95]. Решающую роль в окончательной тюркизации алан он отводил полуторастолетнему пребыванию плоскостных алан в составе Золотоордынского государства с его половецким языком и преобладающим половецким населением. Отсюда – трактовка В.М. Батчаевым наименования «маджарцы», которым в преданиях балкарцев, карачаевцев и дигорцев обозначается население, оттесненное в послемонгольскую эпоху из предгорий в высокогорную зону. В устной традиции оно относилось к населению степного Предкавказья со «столицей» под названием Маджары (крупнейший в регионе административный центр XIII-XIV вв., располагавшийся на месте нынешнего г. Буденновска). Тюркизация и смешение остатков прежнего аланского населения с половцами привело к постепенному формированию нового, генетически двуприродного «протоэтнуса» и переносу на него наименования «маджарцы». Именно эти оседлые маджарцы предгорий (т.е. преимущественно тюркизированные аланы), а не маджарцы-степняки (т.е. половцы) и проникли впоследствии в горы Балкарии [Батчаев 2006: 126-127].

В публикации 2012 г. И.М. Чеченов рассматривал этнополитическую ситуацию в зоне «высокогорья и среднегорья от Дигории в Северной Осетии до рр. Зеленчуки и Лаба западнее окраин Карачаево-Черкесии, включая и район Пятигорья» [Чеченов 2012: 403]. По его оценке, здесь еще задолго до появления армии Тимура в конце XIV в. более или менее отчетливо выделялись три этнополитических объединения или образования: а) западное («приэльбрусское»), ограниченное в основном в пределах междуречья верховьев Кубани, Кумы и Баксана; б) центральное («восточно-балкарское»), приблизительно занимавшее земли к востоку от верховьев Баксана до самых верхних левых притоков Терека близ западных границ Дигории в Северной Осетии (рр. Лескен, Хазнидон, Урух); в) восточное («дигорское»), территориально в значительной степени соответствующее, вероятно, современной Дигории. Их правителями и были, видимо, известные по сведениям Йезди и Шами, Буриберди и Буракан (западное объединение), Тауса и Кулу (центральное), Пулад (восточное). Что касается этнического состава их населения, то ссылаясь на сведения Абу-л-Фиды (1273-1331) о тюркоязычии алан, данные археологии, антропоники, топонимики и др., И.М. Чеченов полагал, что жители западного («приэльбрусского») и близкородственные им группы населения центрального («восточно-балкарского») объединения не позднее золотоордынского времени (вторая пол. XIII-XIV вв.) говорили в своем подавляющем большинстве на кыпчакском языке, мало отличающемся от современного языка балкаро-карачаевцев. Исходя из этого, он считал возможным алан и асов, относящихся по сведениям авторов конца XIII – начала XIV в. к «тюркской расе» (Абу-л-Фиды) или упоминавшихся в связи с нашествием войск Тимура (Шами, Йезди), назвать балкаро-карачаевцами, окончательно сформировавшимися как средневековая народность [Чеченов 2012: 403-404]. В этом пункте он по существу солидаризировался с положениями ранее высказанными Е.П. Алексеевой, которая также находила возможным говорить с рубежа XIII-

XIV вв. о карачаево-балкарской народности, занимавшей территорию у отрогов Эльбруса, на которой карачаевцы и балкарцы жили и позднее (ущелья Карачая и Балкарии), тогда как «более северные предгорные районы с рубежа XIII-XIV вв. были заселены адыгами» [Алексеева 1971: 173].

Авторы посвященного карачаевцам и балкарцам тома из серии «Народы и культуры» пишут, что с очередным притоком тюркоязычного населения в IX в. в район Центрального Предкавказья, включая предгорную и горную его части, начинают формироваться основные признаки новой этнической общности на территории самой западной части Аланского царства.

«Постепенное объединение тюркоязычного и тюркизированного к этому времени населения привело к образованию уже в X в. древнекарачаево-балкарской этнической общности» [Карачаевцы. Балкарцы... 2014: 37].

Согласно их концепции, ко времени монгольских завоеваний карачаево-балкарское общество находилось на стадии феодальной раздробленности, выразившейся в появлении самостоятельных удельных княжеств и владений от р. Уруп до р. Урух [Карачаевцы. Балкарцы... 2014: 7]. В связи с нашествием Тимура в конце XIV в. авторы этого издания пишут, что Тимур «вторгся на территорию Карачая и Балкарии», не делая уточнения, идет ли речь о современной их территории; о зоне среднегорья и высокогорья в пространстве от Урупа до Уруха, как это делает И.М. Чеченов; или обо всей этой территории, включая равнинную и предгорную ее части. Как итог нашествия отмечается «резкое сокращение населения Карачая и Балкарии, прекращение существования большого числа поселений». А для первой половины XV в. констатируется стагнация социально-политического развития Карачая и Балкарии, которая была вызвана не только последствиями нашествий ордынцев, а также полчищ Тамерлана, но и эпидемией чумы во второй четверти XV в., углублением феодальной раздробленности и дроблением существующих княжеств на более мелкие самостоятельные владения [Карачаевцы. Балкарцы... 2014: 39, 40].

Общим для обозначенных выше трех точек зрения является то, что решающее значение в процессе карачаево-балкарского этногенеза придается тюркизации населения (автохтонного или аланского) Центрального Кавказа в домонгольское или золотоордынское время. У И.М. Чеченова и авторов тома «Карачаевцы. Балкарцы» она трактуется как завершенный процесс становления нового этноса, а у В.М. Батчаева только как фаза этногенеза балкарцев, возникновение некоего протоэтноса. Это суждение представляется более взвешенным и реалистичным. Тюркизация здесь могла означать не появление нового тюркоязычного этноса, а скорее ассимиляцию прежнего ираноязычного населения половцами-маджарцами. Этим и объясняется перенос на него этнонима «маджар» [Батчаев 1988: 170-171].

Тюркизируемое аланское население могло обрести новую идентичность при условии его обособления от половецко-маджарской массы в рамках самостоятельного потестарно-политического образования. В теоретической этнографии признано, что процесс сложения этноса сопровождается его социально-

потестарной самоорганизацией [Бромлей 1983: 176-177; Куббель 1988: 170-171]. Этот аспект этногенеза не может не учитываться при исторической интерпретации этногенеза балкарцев и сложения Балкарии как этно-социо-территориального образования. На первый взгляд, он присутствует в утверждении авторов издания «Карачаевцы. Балкарцы» о существовании ко времени монгольского нашествия удельных княжеств Карачая и Балкарии и в тезисе И.М. Чеченова о «приэльбрусском» и «восточно-балкарском» этнополитических объединениях, сложившихся задолго до конца XIV в. Однако и в том, и в другом случае существует проблема источников, на которых основаны указанные положения. Авторы первой из упомянутых выше публикаций не ссылаются на какие-либо источники, и их построение выглядит сугубо умозрительным. Гораздо более обоснованной представляется версия И.М. Чеченова. Но используемые им источники пока не получили в литературе однозначную интерпретацию [Ртвеладзе 1976: 113-114; Колесникова, Бабенко 2023; История Осетии... 2019: 328].

Еще важнее другие обстоятельства. Сомнительной представляется возможность существования территориально-политически оформленных карачаево-балкарских этносоциальных единиц в рамках аланского царства X-XII вв. То же самое относится к выделенным И.М. Чеченовым «этнополитическим объединениям», когда продолжала существовать улусная система Золотой Орды. В литературе признано, что в 1380-1395 гг. Тохтамыш объединил под своей властью практически всю бывшую территорию Джучиева Улуса [Селезнев 2009: 5-6]. В административно-территориальной структуре Золотой Орды XIII-XIV вв. исследователи числят улусы, охватывавшие и территорию Центрального Кавказа (См. Рис. 2). Кавказские предгорья были включены в число административно-территориальных единиц (улусов), находившихся под управлением монгольской служилой аристократии (темников, тысячников, сотников) [Воротынцев 2023: 51-53].

Источники, описывающие действия Тимура на Северном Кавказе, не позволяют сделать окончательный вывод, скажем, о природе того, что их авторы называют «области эльбурзцев», а равно о самостоятельном или автономном владельческом статусе упоминаемых ими военных предводителей Буракана, Буриберди, Кулу и Тауса.

В «Книге побед» Низам-ад-дина Шами, составившейся с 1401/1402 г., какие-либо титулы указанных персоналий не упоминаются. В тексте источника, говорится только об их крепостях, которые «были на вершинах гор, а дороги (к ним) крайне трудны и тяжелы». Локализуются они в «области Иркувун»:

«Тимур выступил оттуда, намереваясь идти на Пулада. По дороге он один день простоял в местности Балкан, снова выступил и дошел до Пулада» [Тизенгаузен 1941: 122].

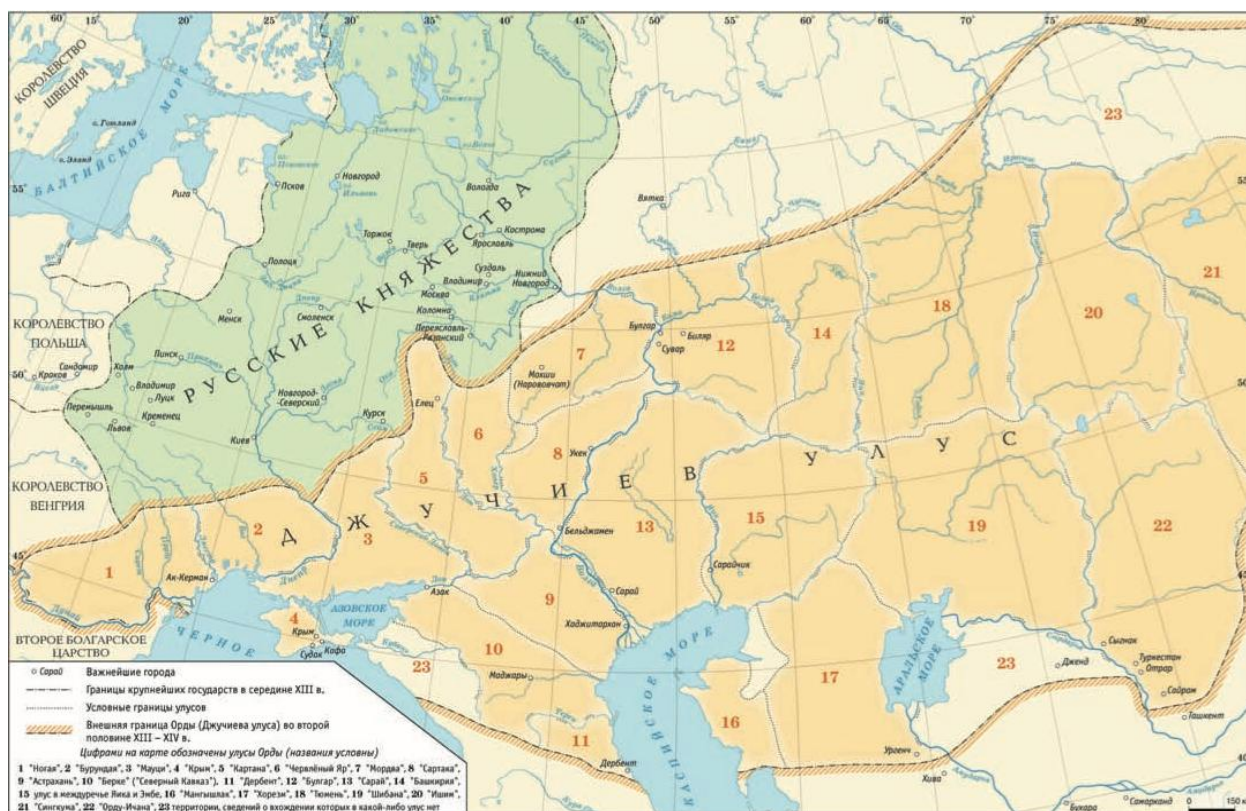

Рис. 2. Административно-территориальное деление Золотой Орды XIII-XIV вв. Источник: [Селезнев 2012: 124].

«Книга побед» Шереф-ад-дина Йезди, написанная на основе сочинения Шахи, хроник и устных сообщений и законченная в 1424/1425 г., повествует, что Тимур, успокоившись «от дел с областью русских и черкесов», повернул к горе Эльбурз и направил войско на Буриберди и Буракана, «который был *правителем* народа асов». О Кулу и Тауса говорится, что они также «принадлежали к племенам обитателей Эльбурза» и были «*предводителями* той крепости» («крепости Кулы и Тауса»). Овладев ею, войска Тимура «умертвили множество людей из племени Иркувун, которые были в ней» [Тизенгаузен 1941: 181, 182].

Но описание разрушительных последствий военных рейдов Тимура на Центральном Кавказе в источниках оставляет безусловное впечатление, что его нашествие имело своим результатом некий разрыв преемственности в этносоциальном развитии ближайших предков балкарцев. Эволюционный процесс этноязыковой миксации в предгорьях и горах Центрального Кавказа был прерван, потестарно-политические структуры, возможно, находившиеся в процессе становления, были разрушены, людские потери в предгорной и горной зонах носили катастрофический характер. После всех этих событий этнические процессы, ведущие к образованию балкарского народа, начались как бы заново в верховьях ущелий Центрального Кавказа с участием небольших по численности групп.

Соответственно этому, В.М. Батчаев развел процесс тюркизации плоскостных алан и становление собственно балкаро-карачаевской народности, происшедшее уже после нашествия Тамерлана, в результате которого подавляющее большинство кочевых половцев было рассеяно по степи, уничтожено или

уведено Тамерланом в Мавераннахр. На прежних местах – на плоскости – остались лишь аланы, ставшие уже тюрками по языку и частично по культуре, и, возможно, какая-то незначительная часть оседлых половцев:

«С появлением на данной территории кабардинцев (конец XIV – начало XV в.) часть алано-тюрков, вероятно, была ассимилирована ими, другая же, заселив ущелья Центрального Кавказа, положила начало уже собственно балкаро-карачаевской народности» [Батчаев 1986: 130-132].

Расселение тюрков в горах (будь это оседлые половцы или отюреченные аланы) в начале XV века уже не могло встретить особого противодействия со стороны местного населения, полагал В.М. Батчаев. Во-первых, в результате карательных походов Тамерлана население горных районов катастрофически сократилось и, следовательно, проблемы перенаселения быть не могло. Во-вторых, в значительном своем большинстве пришельцы, вероятнее всего, были те же аланы, хотя и перешедшие на тюркскую речь [Батчаев 1986: 133]. Концепцию В.М. Батчаева в новейшей публикации поддержал Х.-М.А. Сабанчиев. Согласно ей, из смешанного алано-кипчакского населения плоскостной Алании сформировался новый «проэтнос» («маджары» устной традиции народов региона), который обитал в предгорьях вплоть до появления кабардинцев на Центральном Кавказе, а затем продвинулся в высокогорную зону, где ассимилировал остатки горных алан [Батчаев 1988; Батчаев 1992; Сабанчиев 2017: 71-72].

В работе 2006 г. В.М. Батчаев более детально рассмотрел отражение проблемы в этногенетических и генеалогических преданиях балкарцев. Население, оттесненное в поселемонгольскую эпоху из предгорий в высокогорную зону, фигурирует в них под наименованием «маджарцы», а ассимилированные маджарцами группы местного горского населения известны в устной традиции балкарцев под названиями «таулу», «ференки», иногда «сваны» [Батчаев 1988: 171]. В.Ф. Миллер зафиксировал со слов эфенди Абаева в 1880-х гг. следующее представление об этническом составе местного населения, когда Басиат поселился «около нынешнего аула Кунюм, на левом берегу Черка»:

«В нынешнем Кунюме жили в то время выходцы из Сванетии Таулу (мн. ч. Таулулар). Басиат подчинил их себе и обложил данью. Кроме Таулу, туземное население состояло из Осетин-Дигорцев и других ранних пришельцев» [Материалы... 1888: 79].

Предложенная В.М. Батчаевым этническая идентификация этих групп населения выглядит следующим образом: инфильтрация какой-то небольшой части сванов на северные склоны Кавказского хребта в XV в. вполне вероятна, а документальные свидетельства наличия здесь сванского этнического элемента начинают появляться уже в XVI столетии; «ференки» не обязательно европейцы, это могла быть часть местного населения, крещенная миссионерами из Западной Европы; «таулу» могут представлять собой первую, наиболее раннюю волну маджарцев, но, возможно, это остатки домаджарских тюрков (в других местах В.М. Батчаев говорит о горноаланской знати, о горноаланском компоненте этногенеза осетин и балкаро-карачаевцев, не упоминая их тюркоязычия, а еще ранее в

работе 1988 г. он писал о двух группах аланского этноса – тюркоязычных аланомаджарцах и ираноязычных аборигенах высокогорья алано-дигорцах) [Батчаев 1988: 171]. В дальнейшем «взаимное смешение рассмотренных выше групп привело к окончательному оформлению этнической самобытности балкарцев», – заключает В.М. Батчаев [Батчаев 2006: 125-127, 133].

При таком подходе оказываются существенными этнические процессы, протекавшие не только и не столько на равнине или в предгорьях, сколько именно в этом высокогорном ареале – возможная иранизация посткобанского населения в результате инфильтрации сюда алан и последующая тюркизация горно-аланского населения в результате инфильтрации тюркоязычных групп (тюркизированных алан и/или половцев). Таким образом, так же как в дореволюционной и советской историографии местом *завершения* процессов карачаево-балкарского этногенеза выступает высокогорье Центрального Кавказа, соответствующее балкарскому этническому ареалу более позднего времени. Такое понимание представляется соответствующим сути рассматриваемого вопроса. Чтобы тюркизация какой-то группы населения привела к образованию *новой*, в данном случае – карачаево-балкарской этнической общности, а не к ассимиляции, не к поглощению тюркоязычным большинством, это население должно было бы оставаться в достаточной степени изолированным от кыпчакского массива степей и предгорий Центрального Кавказа.

Но эта относительная изоляция имела существенное значение для оформления, стабилизации и обеспечения непрерывности воспроизводства социально-потестарной организации горского общества. Анализ взаимосвязанного процесса становления этнического и социального профиля ранней Балкарии осуществляется в литературе на материале этногенетических и генеалогических преданий. Первые публикации такого рода принадлежат В.Ф. Миллеру и М.М. Ковалевскому [Миллер 1883; В горских обществах... 1884]. Следует заметить, что предания говорят о происхождении не народа в целом, а только отдельных горских обществ, прежде всего, балкарского (в Черекском ущелье) и чегемского. Приведем в изложении М. Абаева основные элементы «предания об образовании самого древнего общества "малкар"», как формулирует сам автор [Абаев 1992: 6].

1. Однажды, это было очень давно, пробрался из плоскости в ущелье реки Черек один охотник по имени Малкар, человек неизвестного происхождения, и застал там, на одной поляне поселок из нескольких дворов, жители которого называли себя "таулу" (в переводе – горец). Малкар решил навсегда остаться там, переселив туда и свой род. Старожилам это не нравилось, поэтому Малкаровы поселились на другой поляне.

2. Однажды в горы явился неизвестный человек по имени Мисака и стал гостем Малкаровых, которых в это время было 9 братьев, взрослых мужчин, и единственная их сестра. Гость и сестра Малкаровых влюбились друг в друга, но гордые братья Малкаровы не согласились на брак единственной любимой своей сестры с пришельцем неизвестного происхождения. Дело кончилось тем, что Мисака убил всех братьев по сговору с их сестрой.

3. Женившись на Малкаровой, Мисака завладел землею и другим имуществом Малкаровых, привел туда из плоскости и других людей и начал притеснять мирных тружеников таулу, которых, в конце концов, превратил в своих данников. Потомки Мисака (Мисаковы) значатся теперь в числе балкарских таубиев, а потомки рода таулу составляют теперь жителей поселка Сауты: они до освобождения в горах крестьян назывались "джасакчи", т.е. данники.

4. Через некоторое время после этих событий в ущелье, получившее уже название «Малкар», является воин по имени Басиат верхом на лошади и с огнестрельным оружием, о котором в то время горцы не имели понятия. Басиата сопровождали люди, которые ему прислуживали. В изложении В.Ф. Миллера и М.М. Ковалевского, Мисака сам пригласил Басиата, при котором он «в Маджарии состоял узденем», но обусловил это тем, что теперь они будут иметь равный статус [В горских обществах... 1884: 554]. Басиат производит сразу такое сильное впечатление на малкарцев, что они добровольно подчиняются ему, но он сохраняет права Мисаковых по отношению к таулу.

5. Потомки Басиата ныне составляют фамилии таубиев Балкарского общества: Абаевы, Жанхотовы, Айдебуловы и Шахановы. «Так образовалось "Малкар-эль", т.е. Балкарское общество», – заключает М. Абаев, – переходя далее к описанию «организации управления народом, созданной родоначальником таубиев Басиатом и существовавшей до введения нынешнего положения об управлении аульными обществами, т.е. до 70-х годов прошлого столетия (XIX в. – А.Б., Е.Г.)» [Абаев 1992: 6-8].

Другое, но очень похожее предание, рассказывающее о происхождении таубиев Балкаруковых от потомков выходца из Абдзехии Анфако, истребивших местный княжеский род Рачикаовых, бытовало в чегемском ущелье [В горских обществах... 1884: 562-568]. В.М. Батчаев высказал мнение, что Верхне-Балкарское и Верхне-Чегемское повествования – это не два различных предания, а две локальные версии одного и того же предания. Одинакова и социальная суть описанных в нем событий – борьба нарождающейся местной (горноаланской) знати с пришлой, маджарской, победа маджарцев и подчинение ими горцев. В.М. Батчаев целиком и полностью принимает интерпретацию В.Ф. Миллера и М.М. Ковалевского, которые считали предания о Басиате и Анфако отражением реальных событий, связанных с борьбой феодальных династий и становлением в Балкарии новых, относительно более развитых форм социальных отношений, а именно – утверждения феодализма как социальной формации [Батчаев 2006: 128, 129, 130; Батчаев 1988: 174].

Интерпретация этногенетических и этноисторических процессов в Балкарии сквозь призму становления отдельных обществ (этносоциальных организмов), локализованных в разных ущельях, вновь актуализирует вопрос: протекали ли эти процессы одновременно и независимо друг от друга или имело место их последовательное освоение. Научная традиция толкования этого вопроса, основанная на местных преданиях, была заложена В.Ф. Миллером, писавшим:

«Нет возможности точно определить, в какое время татары заняли верховья Черека, Чегема и Баксана; но местные предания указывают, по крайней мере, на то, что занятие этих мест

шло последовательно с востока на запад. Самое раннее татарское население было на р. Черек, где живет Балкарское общество. Отсюда впоследствии заняты были верховья Чегема и Баксана. Основатель самого позднего горского общества, предок Урусбиевых, был выходцем из аула Безенги. Таким образом, татарская колонизация от пределов дигорцев-осетин (на реке Урух) достигли на западе Эльбруса, близ которого живет Урусбиевское общество» [Миллер 1883: 200].

М. Абаев еще раз подтвердил в своем очерке «Балкария», что общество «малкар» в Черекском ущелье почитается народом как «самое древнее» [Абаев 1992: 6]. Современная научная литература подтверждает эти положения:

«Освоение межгорных котловин шло последовательно с востока на запад. Самое раннее балкарское поселение зафиксировано в ущелье реки Черек, отсюда впоследствии заняты были верховья Чегема и Баксана» [Муратова 2007: 362].

Разумеется, и кроме народных представлений есть признаки, свидетельствующие о том, что именно Балкарское общество Черекского ущелья было «материнским» для остальных обществ (наиболее ранняя известность окружающему миру; независимость и высокий статус, на которые претендовали его владельцы; особый авторитет и апелляционные функции местного суда). По оценке специалистов, характер и направление миграции косвенно подтверждается и расчетами плотности населения [Муратова 2007: 362].

Но для наших целей важнее как раз вопрос о времени образования, будь то первого, или всех одновременно балкарских обществ. Согласно изложенной выше концепции Е.П. Алексеевой и И.М. Чеченова, уже с конца XIII в. можно говорить о сложившейся карачаево-балкарской народности, занимавшей всю ту территорию, на которой их знали в дальнейшем (ущелья Карачая и Балкарии) [Алексеева 1971: 173; Чеченов 2012: 403-404]. Часть исследователей вслед за Л.И. Лавровым в качестве наиболее раннего упоминания о Балкарии (Балкарском обществе Черекского ущелья) рассматривает грузинскую надпись на кресте из церкви с. Цховати, обнаруженную в свое время Е.С. Такайшвили [Такайшвили 1915: 104-106]. В ней шла речь о том, что Ксанский эристав Ризия Квенипневели попал в плен в Басиане и был выкуплен на средства Цховатской церкви. Сам Е.С. Такайшвили, не выражая никаких сомнений, определял «Басиан» из этой надписи как «провинцию у верховьев Аракса», но Л.И. Лавров считал это ошибкой, поскольку «старая грузинская литература» называет басианами тюркоязычное население Восточного Черка (Вахушти и документы начала XIX в.); Ксанское ущелье гораздо ближе к Черекскому, чем к аракскому Басиану; частые военные столкновения жителей Ксанского ущелья с горцами центральной части Северного Кавказа были реальным историческим фактом [Лавров 2009: 59]. Е.С. Такайшвили датировал надпись, выполненную алфавитом мхедрули, в широких рамках XIV-XV вв. [Такайшвили 1915: 105]. Эту датировку принял Л.И. Лавров, и она на определенное время закрепились в литературе. В дальнейшем было показано, что описанное в надписи событие не могло иметь места в XIV в., поскольку среди Ксанских эриставов этого столетия не было человека с именем Ризия. По последним уточненным данным надпись датируется XV веком. Что

касается хронологии событий, описываемых в генеалогических преданиях, то, по В.М. Батчаеву, они приходится преимущественно на XV-XVI столетия [Батчаев 2006: 133, 134].

Таким образом, применительно к этому периоду можно говорить о стабилизации в высокогорной зоне Центрального Кавказа особого этно-социо-территориального образования, которое впоследствии стало известно окружающему миру как Балкария, и об обретении его населением совокупности признаков этноса как особой общности людей, отличной от других этносов: определенной целостной территории, общности родного языка, социальных связей между отдельными частями этноса, специфических черт традиционной материальной и духовной культуры [Признаки этнические 1995]. Фундаментальной предпосылкой формирования этно-социальной и этнокультурной индивидуальности балкарского народа стало соединение культурного наследия его предков с необходимостью адаптации к природно-климатическим условиям среды его обитания. Привязка этнической идентичности к среде обитания глубоко обоснована методологически. Специфичность функциональной природы этноса по сравнению с иными исторически сложившимися общностями определяется выработанными им и культурно передаваемыми от поколения к поколению способами адаптации к среде своего обитания [Карлов 2014: 7]. Х.К. Геграев, исследовавший этнодемографию Балкарии XIX – начала XX в. в контексте концепции этнической (этнодемографической) адаптации, отмечает, что балкарцы, искони проживающие в условиях горного (высокогорного) ландшафта Центрального Кавказа, являют собой пример достаточно успешной адаптированности к своему этноландшафту [Геграев 2003: 3]. Ограниченное пространство горных теснин определяло территорию, поддерживало политическую общность немногочисленного населения, устанавливало четкое разделение «внутреннего» и «внешнего». Есть основания говорить о «обретении балкарцами своей этнической идентичности как тюрков по языку и как жителей высокогорной части Центрального Кавказа в границах современной территории Кабардино-Балкарии» [Муратова 2007: 364, 83].

В теории этноса этногенез трактуется как начальный этап этнической истории народа, одним из наиболее наглядных рубежей которого выступает возникновение сравнительно устойчивого этнического самосознания и самоназвания у новой общности [Этнос 1995]. На первый взгляд здесь есть определенная проблема, поскольку самоназвание балкарцев *таулу* вошло в обиход значительно позднее XV или XVI вв. Часто цитируемый источник 1743 г. прямо говорит об этом.

«Известия о горских народах, полученные от кабардинских владельцев Магомета Атажукина, Адильгирея Гиляксанова и костиковского владельца Алиша Хамзина» в Коллегии иностранных дел ассессором Бакуниным в 1743 г. перечисляет 7 «народов»: Большая Абаза (абадзехи); шапсо (шапсуги); харачаи (карачаевцы); соны (сваны); «Пятой народ состоит в разных пяти волостях и оным звание свое имеет. А общего всему народу звания нет». Названы «волости» Чегем, Безенге, Хулам, Хусырь, Малкар. Шестым народом назван дюгор (дигор) и седьмым – сюрдигор (стырдигор) [Русско-осетинские... 1976: 36-37].

Н.Г. Волкова в свое время обратила внимание, прежде всего, на сообщение источника об отсутствии среди населения пяти волостей общего самоназвания [Волкова 1973: 90]. Но обращает на себя внимание и другое. Население пяти волостей, не имеющее общего названия, воспринимается соседями – кабардинскими князьями – как один народ. Отдельным от него народом названы карачаевцы. Как отдельные народы обозначены дигорцы и стырдыгорцы. Интересно, что Н.Г. Волкова, указав на неясность в вопросе об этнической принадлежности жителей «волости Хусырь», были ли это тюрки по языку или соседние им осетины и сваны, полагает, что кабардинские князья в своих показаниях отнесли их к балкарским волостям потому, что среди них «могли жить отдельные балкарские фамилии» [Волкова 1973: 94]. Очевидно, «пятой народ» – балкарцы – образовывали в глазах информаторов-соседей этно-социо-территориальную, а не только языковую или «административно-территориальную» общность. Представляется также, что сами балкарцы осознавали эту общность не менее определенно, чем их соседи.

Заключение

Основные компоненты карачаево-балкарского этногенеза – автохтонный кавказский, иранский (сармато-аланский) и тюркский (болгаро-кыпчакский) находились во взаимодействии на протяжении длительного исторического времени. Однако наука не располагает надежными источниковыми данными, позволяющими зафиксировать признаки завершения карачаево-балкарского этногенеза в период до конца XIV – начала XV в.

Завершающая фаза карачаево-балкарского этногенеза приходится на период после разрушения социально-политических структур Аланского царства, а затем и Золотой Орды, когда группы населения, сосредоточенного в высокогорье Центрального Кавказа обрели возможность независимого существования и социально-потестарной самоорганизации.

Оценки этнического состава того демографического базиса, на основе которого сложился балкарский народ, могут несколько варьироваться, но в нем так или иначе сошлись исконно кавказские элементы (потомки кобанцев, сваны?), ираноязычные группы (аланы, дигорцы?), тюркоязычные группы, ранее нашедшие здесь убежище («таулу» этногенетических преданий?), и вновь прибывшие после нашествия Тимура тюркизированные аланы («маджарцы» этногенетических преданий). Дальнейшие исследования могут внести коррективы в эту картину, но это не изменит принципиальную схему этнических процессов, которые протекали в горах и предгорьях Центрального Кавказа издавна, а теперь могли дойти до логического завершения без новых массированных вторжений извне.

Чтобы представлять реальную картину этносоциальных процессов в балкарском высокогорье XV-XVI вв., необходимо помнить замечание В.М. Батчаева о «количественной» стороне дела:

«Поскольку речь у нас идет о ситуации, сложившейся на Центральном Кавказе после кровопролитных войн с монголами, а затем и полчищами Тамерлана, то ясно, что говоря о горцах или маджарцах XV-XVI веков, мы можем подразумевать не огромные массы людей, а лишь очень небольшие по численности группы» [Батчаев 2006: 128].

Завершающая фаза балкарского этногенеза неотделима от одновременных процессов социогенеза и политогенеза в пространстве исторической Балкарии – становления феодальной социально-потестарной организации общества. Специфические черты этой организации были обусловлены ландшафтными и природно-климатическими условиями: в каждом ущелье сложилось самостоятельное общество с завершенной социально-потестарной структурой, а их внутренняя социальная организация определялась во-многом ограниченностью и высокой ценностью земельных ресурсов, а также системой отгонного скотоводства как основной отраслью хозяйства.

Прямого указания на то, с какого момента можно говорить о сложившемся отчетливом этническом самосознании балкарцев, об их «субъективной» этничности, источники не содержат. Но при более широком подходе к вопросу, правомерность исторической фиксации «объективного» существования балкарского народа в пределах особого этно-социо-территориального образования, ставшего впоследствии известным как Балкария, не вызывает сомнений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев 1992 – *Абаев М.К.* Балкария: Исторический очерк. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 40 с.
- Алексеева 1971 – *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (Вопросы этнического и социально-экономического развития). – М.: Наука, 1971. – 356 с.
- Батчаев 1980 – *Батчаев В.М.* Предкавказские половцы и вопросы тюркизации средневековой Балкарии // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Вып. 1. – Нальчик, 1980. – С. 79–95.
- Батчаев 1986 – *Батчаев В.М.* Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 1986. – 152 с.
- Батчаев 1988 – *Батчаев В.М.* «Мы пришли из Маджар»: факт или вымысел? // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. – Черкесск, 1988. – С. 160–177.
- Батчаев 1992 – *Батчаев В.М.* Маджарцы (к проблеме золотоордынского этапа истории Северного Кавказа) // Проблемы этнографии осетин. – Владикавказ, 1992. – С. 86–99.
- Батчаев 2006 – *Батчаев В.М.* Балкария в XV – начале XIX вв. – М.: Институт археологии Кавказа, 2006. – 240 с.
- Бромлей 1983 – *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 412 с.
- Бромлей 1988 – *Бромлей Ю.В.* Теория этноса // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. – М.: Наука, 1988. – С. 41–53.
- В горских обществах... 1884 – В горских обществах Кабарды. Из путешествия Всев. Миллера и Макс. Ковалевского // Вестник Европы. – 1884. – № 4. – С. 540–588.
- Волкова 1973 – *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М.: Наука, 1973. – 208 с.
- Волкова 1985 – *Волкова Н.Г.* Этническая история: Содержание понятия // Советская этнография. – 1985. – № 5. – С. 16–25.
- Воротынцев 2023 – *Воротынцев Л.В.* На границе великой степи: Контактные зоны лесостепного пограничья Южной Руси в XIII – первой половине XV вв. – М.: Центрполиграф, 2023. – 317 с.
- Геграев 2003 – *Геграев Х.К.* Этнодемография Балкарии XIX – начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик: КБГУ, 2003. – 28 с.
- Герасимова 2013 – *Герасимова М.М.* К вопросу о происхождении балкарцев // Вестник антропологии. – 2013. – № 3 (25). – С. 52–71.

История Кабардино-Балкарской... 1967 – История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней: в 2-х т. Т. 1. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции – М.: Наука, 1967. – 482 с.

История народов... 1988 – История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. – М.: Наука, 1988. – 544 с.

История Осетии... 2019 – История Осетии: В 2-х томах. Т. 1. История Осетии с древнейших времен до конца XVIII в. / Гл. ред. З.В. Канукова. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019. – 498 с.

Карачаевцы. Балкарцы... 2014 – Карачаевцы. Балкарцы / Отв. редакторы М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев. – Москва: Наука, 2014. – 814 с.

Карлов 2014 – *Карлов В.В.* Этнос и этнокультурные процессы в эпоху глобализации // Вестник антропологии. – 2014. – № 2 (28). – С. 6–14.

Клапрот 1974 – *Клапрот Г.-Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Сост. В. К. Гарданов – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 235-280.

Клапрот 2008 – *Клапрот Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию русского правительства Юлиусом фон Клапротом, придворным советником Его Величества императора России, членом Академии Санкт-Петербурга и т. д. / пер. с англ. К.А. Мальбахов. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. – 317 с.

Козлов 1967 – *Козлов В.И.* О понятии этнической общности // Советская этнография. – 1967. – № 2. – С. 100-111.

Козлов 1969 – *Козлов В.И.* Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. – М.: Наука, 1969. – 408 с.

Колесникова, Бабенко 2023 – *Колесникова М.Е., Бабенко В.А.* Походы армии Тамерлана в Центральное Предкавказье в 1395–1396 гг. (локализация, проблемы изучения // *Oriental Studies*. – 2023. – Т. 16. – № 2. – С. 252–267. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-252-267.

Крюков 1976 – *Крюков М.В.* Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. – Вып. 6. – М., 1976. – С. 42-63.

Крюков 1988 – *Крюков М.В.* Этногенетические исследования // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. – М.: Наука, 1988. – С. 59-62.

Куббель 1988 – *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. – М.: Наука, 1988. – 271 с.

Лавров 2009 – *Лавров Л.И.* Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. – 556 с.

Материалы... 1888 – Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества / Под ред. гр. Уваровой. Вып. 1: Терская область: археологические экскурсии Всев. Миллера. – М.: тип. А. И. Мамонтова и К°, 1888. – 135 с.

Материалы... 1960 – Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22-26 июня 1959 г.). – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1960. – 336 с.

Миллер 1883 – *Миллер Вс.* Сообщение о поездке в Горские общества Кабарды и в Осетию летом 1883 года // ИКОИРГО. – Тифлис, 1883. – Т. 8. – № 1. – С. 198-204.

Муратова 2007 – *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 420 с.

Осетины глазами... 1967 – Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.) / Сост. Б.А. Калоев. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. – 319 с.

Признаки этнические 1995 – Признаки этнические // Этнические и этно-социальные категории: Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6. – М.: ИЭА РАН, 1995. – 216 с.

Ртвеладзе 1976 – *Ртвеладзе Э.В.* О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник. Т. IV / Отв. ред. В.Б. Виноградов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1976. – С. 103–128.

Русско-осетинские... 1976 – Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Сборник документов в 2-х т. Т. I: 1742–1762 гг. / Сост. М.М. Блиев. – Орджоникидзе: Ир, 1976. – 512 с.

Сабанчиев 2017 – *Сабанчиев Х.-М.А.* Золотая Орда и народы Северного Кавказа // Вопросы истории. – 2017. – № 10. – С. 64–78.

Селезнев 2009 – *Селезнев Ю.В.* Элита Золотой Орды. – Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. – 232 с.

Селезнев 2012 – *Селезнев Ю.В.* Русь – Залесская орда? // Родина. – 2012. – № 9. – С. 124–126.

Такайшвили 1915 – *Такайшвили Е.С.* Археологические путешествия, разыскания и заметки // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Его Императорского Величества на Кавказе и К. Козловского, 1915. – Вып. 44. – Отдел третий. – С. 1–146.

Тизенгаузен 1941 – *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. – 308 с.

Чеченов 2012 – *Чеченов И.М.* К истории вторжения войск Тимура в междуречье верховьев Кубани и Терека осенью 1395 г. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г.) / Отв. ред. М.С. Гаджиев. – Махачкала: Мавраевъ, 2012. – С. 403–405.

Этнос 1995 – Этнос // Этнические и этно-социальные категории: Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6. – М.: ИЭА РАН, 1995. – 216 с.

REFERENCES

ABAEV M.K. *Balkariya: Istoricheskiy ocherk* [Balkaria: Historical essay]. – Nal'chik: El'brus, 1992. – 40 p. (In Russ.).

ALEKSEEVA E.P. *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Karachaevo-Cherkessii (Voprosy etnicheskogo i sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya)* [Ancient and medieval history of Karachay-Cherkessia (Issues of ethnic and socio-economic development)]. – М.: Nauka, 1971. – 356 p. (In Russ.).

BATCHAEV V.M. *Predkavkazskie polovtsy i voprosy tyurkizatsii srednevekovoi Balkarii* [Pre-Caucasian Cumans and the Turkization of Medieval Balkaria]. IN: *Arkheologiya i voprosy drevnei istorii Kabardino-Balkarii*. Iss. 1 [Archeology and questions of ancient history of Kabardino-Balkaria. Iss. 1]. – Nalchik, 1980. – P. 79–95. (In Russ.).

BATCHAEV V.M. *Iz istorii traditsionnoi kul'tury balkartsev i karachaevtsev* [From the history of the traditional culture of the Balkars and Karachais]. – Nalchik: El'brus, 1986. – 152 p. (In Russ.).

BATCHAEV V.M. «*My prishli iz Madzhar*»: *fakt ili vymysel?* ["We came from the Majars": fact or fiction?]. IN: *Voprosy srednevekovoi arkheologii Severnogo Kavkaza* [Issues of Medieval Archeology of the North Caucasus]. – Cherkessk, 1988. – P. 160–177. (In Russ.).

BATCHAEV V.M. *Madzhartsy (k probleme zolotoordynskogo etapa istorii Severnogo Kavkaza)* [Madjars (to the problem of the Golden Horde stage of the history of the North Caucasus)]. IN: *Problemy etnografii osetin* [Problems of ethnography of Ossetians]. – Vladikavkaz, 1992. – P. 86–99. (In Russ.).

BATCHAEV V.M. *Balkariya v XV – nachale XIX vv.* [Balkaria in the 15th – early 19th centuries]. – М.: Institut arheologii Kavkaza, 2006. – 240 p. (In Russ.).

BROMLEY Yu.V. *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the theory of ethnos]. – М.: Izd-vo Nauka, 1983. – 412 p. (In Russ.).

BROMLEY YU.V. *Teoriya etnosa* [Theory of Ethnos]. IN: *Etnografiya i smezhnye discipliny. Etnograficheskie subdiscipliny. Shkoly i napravleniya. Metody* [Ethnography and Related

Disciplines. Ethnographic Subdisciplines. Schools and Directions. Methods]. – M.: Nauka, 1988. – P. 41-53. (In Russ.).

CHECHENOV I.M. *K istorii vtorzheniya voisk Timura v mezhdurech'e verkhov'ev Kubani i Tereka osen'yu 1395 g.* [On the history of the invasion of Timur's troops in the interfluvium of the upper reaches of the Kuban and the Terek in the autumn of 1395.]. IN: *Noveishie otkrytiya v arkheologii Severnogo Kavkaza: Issledovaniya i interpretatsii. XXVII Krupnovskie chteniya: mat-ly mezhdunar. nauch. konf. (g. Makhachkala, 23–28 aprelya 2012 g.) / Otv. red. M.S. Gadzhiev* [The latest discoveries in the archeology of the North Caucasus: Research and interpretation. XXVII Krupnov readings: materials of the international. scientific conf. (Makhachkala, April 23–28, 2012) / Managing ed. M.S. Gadzhiev]. – Makhachkala: Mavraev, 2012. – P. 403–405. (In Russ.).

Etnos [Ethnos]. IN: *Etnicheskie i etno-social'nye kategorii: Svod etnograficheskikh ponyatij i terminov* [Ethnic and ethno-social categories: Collection of ethnographic concepts and terms]. Iss. 6. – M.: IEA RAN, 1995. – 216 p. (In Russ.).

GEGRAEV Kh.K. *Etnodemografiya Balkarii XIX – nachala XX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Ethnodemography of Balkaria XIX – early XX century: dissertation abstract for the degree of candidate of historical sciences]. – Nalchik: KBGU, 2003. – 28 p. (In Russ.).

GERASIMOVA M.M. *K voprosu o proiskhozhdenii balkartsev* [On the origins of Balkars]. IN: *Vestnik antropologii.* – 2013. – No. 3 (25). – P. 52–71. (In Russ.).

Istoriya Kabardino-Balkarskoj ASSR s drevnejshih vremen do nashih dnei: v 2-h t. [History of the Kabardino-Balkarian ASSR from ancient times to the present day: in 2 vol.]. T. 1. *Istoriya Kabardino-Balkarskoj ASSR s drevnejshih vremen do Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoy revolyucii* [Vol. 1. History of the Kabardino-Balkarian ASSR from ancient times to the Great October Socialist Revolution]. – M.: Nauka, 1967. – 482 p. (In Russ.).

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneishih vremen do kontsa XVIII v. / Otv. red. A.L. Narochitsky [History of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century / Managing editor A.L. Narochitsky] – M.: Nauka, 1988. – 544 p. (In Russ.).

Istoriya Osetii: V 2-h tomah. T. 1. Istoriya Osetii s drevnejshih vremen do konca XVIII v. / Gl. red. Z.V. Kanukova [History of Ossetia: In 2 vol. Vol. 1. History of Ossetia from ancient times to the end of the 18th century / Ed. Z.V. Kanukova]. – Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAN, 2019. – 498 p. (In Russ.).

Karachaevtsy. Balkartsy / Otv. redaktory M.D. Karaketov, Kh.-M.A. Sabanchiev [Karachays. Balkars / Managing editors M.D. Karaketov, Kh.-M.A. Sabanchiev]. – Moscow: Nauka, 2014. – 814 p. (In Russ.).

KARLOV V.V. *Etnos i etnokul'turnye protsessy v epokhu globalizatsii* [Ethnos and ethnocultural processes in the era of globalization]. IN: *Vestnik antropologii.* – 2014. – No. 2 (28). – P. 6–14. (In Russ.).

KLAPROT G.-YU. *Puteshestvie po Kavkazu i Gruzii, predprinyatoe v 1807-1808 gg.* [Journey through the Caucasus and Georgia, undertaken in 1807-1808]. IN: *Adygi, balkarcy, karachaevcy v izvestiyah evropejskih avtorov XIII-XIX vv. / Sost. V. K. Gardanov* [Adyghe, Balkars, Karachays in the reports of European authors of the 13th-19th centuries / Comp. V.K. Gardanov] – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 235-280. (In Russ.).

KLAPROT YU. *Opisanie poezdok po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 godah po prikazaniyu russkogo pravitel'stva Yuliusom fon Klaprotom, pridvornym sovetnikom Ego Velichestva imperatora Rossii, chlenom Akademii Sankt-Peterburga i t. d. / per. s angl. K.A. Mal'bahov* [Description of trips to the Caucasus and Georgia in 1807 and 1808 by order of the Russian government by Julius von Klaproth, court adviser to His Majesty the Emperor of Russia, member of the Academy of St. Petersburg, etc. / translated from English by K.A. Malbachov]. – Nal'chik: El'-Fa, 2008. – 317 p. (In Russ.).

KOLESNIKOVA M.E., BABENKO V.A. *Pokhody armii Tamerlana v Tsentral'noe Predkavkaz'e v 1395–1396 gg. (lokalizatsiya, problemy izucheniya)* [Campaigns of Tamerlane's army in the Central Ciscaucasia in 1395–1396. (localization, problems of studying)]. IN: *Oriental Studies.* – 2023. – Vol. 16. – No. 2. – P. 252–267. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-252-267. (In Russ.).

KOZLOV V.I. *O ponyatii etnicheskoy obshchnosti* [On the concept of ethnic community]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. – 1967. – No. 2. – P. 100-111. (In Russ.).

KOZLOV V.I. *Dinamika chislennosti narodov. Metodologiya issledovaniya i osnovnye factory* [Dynamics of the population of nations. Research methodology and main factors]. – M.: Nauka, 1969. – 408 p. (In Russ.).

KRYUKOV M.V. *Evoluciya etnicheskogo samosoznaniya i problema etnogeneza* [Evolution of ethnic self-awareness and the problem of ethnogenesis]. IN: *Rasy i narody*. – Is. 6. – M., 1976. – P. 42-63. (In Russ.).

KRYUKOV M.V. *Etnogeneticheskie issledovaniya* [Ethnogenetic studies]. IN: *Etnografiya i smezhnye discipliny. Etnograficheskie subdiscipliny. Shkoly i napravleniya. Metody* [Ethnography and related disciplines. Ethnographic subdisciplines. Schools and directions. Methods]. – M.: Nauka, 1988. – P. 59-62. (In Russ.).

KUBBEL L.E. *Ocherki potestarno-politicheskoi etnografii* [Essays on Potestary-Political Ethnography]. – M.: Nauka, 1988. – 271 p. (In Russ.).

LAVROV L.I. *Izbrannye trudy po kul'ture abazin, adygov, karachaevtsev, balkartsev* [Selected works on the culture of the Abaza, Circassians, Karachays, Balkars]. – Nalchik: GP KBR «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.», 2009. – 556 p. (In Russ.).

Materialy po arheologii Kavkaza, sobrannye ekspeditsiyami Moskovskogo arheologicheskogo obshchestva / pod red. gr. Uvarovoj. Vyp. 1: Terskaya oblast': arheologicheskie ekskursii Vsev. Millera [Materials on the archeology of the Caucasus, collected by expeditions of the Moscow Archaeological Society / edited by gr. Uvarova. Issue 1: Terek region: archaeological excursions of Vsev. Miller]. – M.: tip. A. I. Mamontova i K°, 1888. – 135 p. (In Russ.).

Materialy nauchnoj sessii po probleme proiskhozhdeniya balkarskogo i karachaevskogo narodov (22-26 iyunya 1959 g.) [Proceedings of the scientific session on the problem of the origin of the Balkar and Karachay peoples (June 22-26, 1959)]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. – 336 p. (In Russ.).

MILLER VS. *Soobshchenie o poezdke v Gorskoe obshchestva Kabardy i v Osetiyu letom 1883 goda* [Report on a trip to the Mountain Societies of Kabarda and Ossetia in the summer of 1883]. IN: *IKOIRGO*. – Tiflis, 1883. – Vol. 8. – No. 1. – P. 198-204. (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Sotsial'no-politicheskaya istoriya Balkarii XVII – nachala XX v.* [Sociopolitical history of Balkaria in the 17th – early 20th centuries]. – Nalchik: El'- Fa, 2007. – 420 p. (In Russ.).

Osetiny glazami russkikh i inostrannykh puteshestvennikov (XIII-XIX vv.) / Sost. B. A. Kaloev [Ossetians through the eyes of Russian and foreign travelers (13th-19th centuries) / Comp. B. A. Kaloev]. – Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967. – 319 p. (In Russ.).

Priznaki etnicheskie [Ethnic characteristics]. IN: *Etnicheskie i etno-social'nye kategorii: Svod etnograficheskikh ponyatij i terminov* [Ethnic and ethno-social categories: A collection of ethnographic concepts and terms]. – Iss. 6. – M.: IEA RAN, 1995. – 216 p. (In Russ.).

RTVELADZE E. V. *O pokhode Timura na Severnyi Kavkaz* [About Timur's campaign in the North Caucasus]. IN: *Arkheologo-etnograficheskii sbornik. T. IV / Otv. red. V.B. Vinogradov* [Archaeological and ethnographic collection. Vol. IV / Managing ed. V.B. Vinogradov]. – Grozny: Chcheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1976. – P. 103-128. (In Russ.).

Russko-osetinskie otnosheniya v XVIII veke. Sbornik dokumentov v 2-h t. T. I: 1742-1762 gg. / Sost. M.M. Bliev [Russian-Ossetian relations in the 18th century. Collection of documents in 2 volumes. Vol. I: 1742-1762 / Comp. M.M. Bliev]. – Ordzhonikidze: Ir, 1976. – 512 p. (In Russ.).

SABANCHIEV Kh.-M.A. *Zolotaya Orda i narody Severnogo Kavkaza* [Golden Horde and the peoples of the North Caucasus]. IN: *Voprosy istorii*. – 2017. – No. 10. – P. 64-78. (In Russ.).

SELEZNEV YU.V. *Elita Zolotoj Ordy* [Elite of the Golden Horde]. – Kazan': Izdatel'stvo «Fen» AN RT, 2009. – 232 p. (In Russ.).

SELEZNEV YU.V. *Rus' – Zaleskaya orda?* [Rus' - Zaleskaya Horde?]. IN: *Rodina*. – 2012. – No. 9. – P. 124-126. (In Russ.).

TAKAJSHVILI E.S. *Arheologicheskie puteshestviya, razyskaniya i zametki* [Archaeological travels, research and notes]. IN: *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza* [Collection of materials for the description of the localities and tribes of the Caucasus]. – Tiflis: Tipografiya Kancelyarii Namestnika Ego Imperatorskogo Velichestva na Kavkaze i K. Kozlovskogo, 1915. – Iss. 44. – Part 3. – P. 1-146. (In Russ.).

TIZENGAUZEN V. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoi Ordy. Tom II. Izvlecheniya iz persidskikh sochinenii* [Collection of materials relating to the history of the Golden Horde. Vol. II. Extracts from Persian writings]. – М. – Л.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1941. – 308 p. (In Russ.).

V gorskih obshchestvah Kabardy. Iz puteshestviya Vsev. Millera i Maks. Kovalevskogo [In the mountain societies of Kabarda. From the travels of Vsev. Miller and Max. Kovalevsky]. IN: *Vestnik Evropy*. – 1884. – No. 4. – P. 540-588. (In Russ.).

VOLKOVA N.G. *Etnonimy i plemennye nazvaniya Severnogo Kavkaza* [Ethnonyms and tribal names of the North Caucasus]. – М.: Nauka, 1973. – 208 p. (In Russ.).

VOLKOVA N.G. *Etnicheskaya istoriya: Soderzhanie ponyatiya* [Ethnic History: Content of the Concept]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. – 1985. – No. 5. – P. 16-25. (In Russ.).

VOROTYNCEV L.V. *Na granice velikoj stepi: Kontaktnye zony lesostepnogo pogranich'ya YUzhnoj Rusi v XIII – pervoj polovine XV vv.* [On the border of the great steppe: Contact zones of the forest-steppe borderland of Southern Rus' in the 13th – first half of the 15th centuries]. – М.: Centropoligraf, 2023. – 317 p. (In Russ.).

Информация об авторах:

А.Х. Боров – кандидат исторических наук, доцент.

Е.Г. Муратова – доктор исторических наук, профессор.

Information about the authors:

A.Kh. Borov – Candidate of Historical Sciences, associate professor.

E.G. Muratova – Doctor of Science (History), professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.04.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 09.04.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

Научная статья

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-40-52

EDN: AJWGWX

**МОДЕРНИЗАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ НАРОДОВ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО И ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА:
ПРОБЛЕМА ВЫБОРА МЕЖДУ ТАМАНЬЮ И АСТРАХАНЬЮ
В КОНЦЕ XVIII ВЕКА**

Тимур Аликович Дзуганов

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик,
Россия, dzughanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3030-5732>

Аннотация: Во второй половине XVIII в. внешнеторговые связи населения Центрального и Северо-Западного Кавказа претерпели существенные изменения. Отмеченное явление стало результатом взаимодействия комплекса социально-экономических и геополитических процессов, имевших место в регионе в указанный период. С увеличением оборотов производящего хозяйства горцев, дальнейшее его развитие вступило в противоречие с сохранявшимися традиционными формами и механизмами функционирования Черноморского направления внешней торговли. Коммуникации Черноморского трафика не могли в полной мере удовлетворить растущие потребности населения края. В противоположность ему, астраханское направление внешнеторгового оборота во второй половине XVIII в. находилось на стадии небывалого подъёма, обеспеченного умелым регулированием и грамотной торговой политикой России. Широкое вовлечение населения Центрального и Северо-Западного Кавказа в Астраханскую торговлю объективно было обусловлено не только экономической целесообразностью, но логикой исторических событий.

Ключевые слова: народы Центрального и Северо-Западного Кавказа, внешняя торговля, Россия, Турция, Астраханское направление, Черноморский трафик.

Для цитирования: Дзуганов Т.А. Модернизация внешней торговли народов Северо-Западного и Центрального Кавказа: проблема выбора между Таманью и Астраханью в конце XVIII века // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 40-52. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-40-52. EDN: AJWGWX.

© Дзуганов Т.А., 2025

Original article

**MODERNIZATION OF FOREIGN TRADE OF THE PEOPLES
OF THE NORTH-WESTERN AND CENTRAL CAUCASUS:
THE PROBLEM OF CHOICE BETWEEN TAMAN
AND ASTRAKHAN AT THE END OF THE 18TH CENTURY**

Timur A. Dzughanov

Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, dzughanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3030-5732>

Abstract: In the second half of the 18th century, foreign trade relations of the population of the Central and Northwestern Caucasus underwent significant changes. The noted phenomenon was the result of the interaction of a complex of socio-economic and geopolitical processes that took place in the region during this period. With the increase in the turnover of the mountaineers' production economy, its further development came into conflict with the preserved traditional forms and mechanisms of functioning of the Black Sea direction of foreign trade. Communications of the Black Sea traffic could not fully satisfy the growing needs of the region's population. In contrast, the Astrakhan direction of foreign trade turnover in the second half of the 18th century was at a stage of unprecedented growth, ensured by skillful regulation and competent trade policy of Russia. The wide involvement of the population of the Central and North-West Caucasus in the Astrakhan trade was objectively conditioned not only by economic expediency, but also by the logic of historical events.

Keywords: peoples of the Central and North-West Caucasus, foreign trade, Russia, Türkiye, Astrakhan direction, Black Sea traffic.

For citation: Dzughanov T.A. Modernization of foreign trade of the peoples of the North-Western and Central Caucasus: the problem of choice between Taman and Astrakhan at the end of the 18th century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 40-52. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-40-52. EDN: AJWGWX.

© Dzughanov T.A., 2025

Введение

С середины XVIII в. значение внешней торговли в хозяйственно-экономической жизни народов Северо-Западного и Центрального Кавказа заметно усиливается. Усложняются формы торговых отношений, увеличивается число предпринимательских практик, укрепляется связь производящего хозяйства местного крестьянства с крупными торговыми центрами. Применительно к черкесам (адыгам) с начала 60-х гг. XVIII в. источники фиксируют рост товарного производства, зачатки его специализации. Французский торговый консул в Крыму К. Пейсонель сообщал о ежегодном вывозе черкесского сукна и готовых изделий из него, бурок, разных сортов стрел [Пейсонель 1974: 195-197]. Путешественникам и купцам также хорошо были известны конские заводы Абазии, Большой и Малой Кабарды [Бронеvский 1823: 134]. Усиливалась специализация и в пчеловодстве. Документы различают «кабардинский», «абазинский», «черкесский» сорта медов.

Усиление связи между производящим хозяйством Западной Черкесии и внешнеторговой деятельностью подтверждается источниками и не может вызывать сомнений. В архивохранилищах РФ выявлен материал, наглядно иллюстрирующий расширение торговых связей черкесов не только с соседними кавказскими народами, но и с русскими приграничными поселениями [Тхамоков 1961: 99]. Уже к середине XVIII в. документы фиксируют устойчивый рост товарооборота, расширение ассортимента экспортных и импортных товаров.

Помимо обмена своей продукции на необходимые товары, внешнеторговая деятельность в известной мере способствовала поддержанию политических и культурных связей Западной Черкесии с сопредельными странами. Посещение

черкесов с торговыми целям базаров Москвы, Бахчисарая, Стамбула, Исфахана и Каира подтверждается многочисленными источниками эпистолярного жанра. Нередко эти торговые экспедиции решали дипломатические и другие задачи. Вместе с тем, для большинства населения Западной Черкесии к концу XVIII в. конечными пунктами внешнеторгового трафика оставались базары Астрахани и Черноморского побережья. Соответственно, несмотря на все многообразие внешнеэкономических связей черкесов в этот период, охватывавших не только Кавказ, ближайшее и дальнее Зарубежье, основные торговые магистрали ограничивались этими двумя стратегическими направлениями.

Целью исследования является изучение масштабов внешнеторговой деятельности черкесов во второй половине XVIII в., осмысление значения и роли Астраханского и Черноморского направлений внешней торговли Западной Черкесии в социально-экономической жизни народов Центрального и Северо-Западного Кавказа, изучение особенностей и различий их функционирования.

Черноморская торговля

Предки современных черкесов были интегрированы в Черноморскую торговлю еще с древнейших времен, что подтверждается многочисленными известиями античных авторов. Степень ее доступность для традиционного хозяйства черкесов варьировалась в зависимости от геополитических изменений в регионе, но ни разу не прерывалась на длительный срок. Черноморская торговля, исторически, оказала ощутимое влияние на формирование культурного кода черкесов, особенно западных, так как именно Черноморские порты издревле служили важнейшим пунктом обмена товарами, новыми знаниями и технологиями. Подобное положение вещей сохранялась вплоть до начала XIX в., вместе с тем, как это видно из источников, Черноморское направление внешней торговли черкесов уже к середине XVIII в. приходит в упадок и не имеет уже прежнего позитивного влияния на экономику Черкесии, хотя именно в XVIII – первой половине XIX в. внешняя торговля у черкесов достигла значительного развития [Гарданов 1967: 112].

Первостепенное значение именно этого направления, вплоть до начала XVIII в., обуславливалась возможностью масштабного сбыта излишков народного хозяйства, охоты и пчеловодства, изделий местных ремесленников и оружейников через порты Тамани, Темрюка, Атчу и Каплу и других, более мелких стоянок. Черкесские торговые бренды, – черкесские скакуны, оружие и доспехи, одежда и проч., широко известные далеко за пределами Кавказа, попадали на мировые рынки, преимущественно, посредством Черноморского трафика.

Деятельность данного сегмента обще левантийской торговли относительно рано начинает привлекать к себе внимание специалистов и исследователей. Источники, в основном, эпистолярного жанра, содержат ряд интересных, хотя и обрывочных сведений. Системный подход к изучению данного явления актуализировался к середине XVIII в. и впервые оформился в известной работе Пейсонеля [Пейсонель 1974]. Материалы, собранные французским консулом, позволяют более точно оценить масштабы Черноморской торговли черкесов в третьей четверти XVIII столетия, детально реконструировать культуру потребления местного населения и ее особенности. Анализ опубликованных данных даст

возможность эмпирическим путем установить число основных потребителей, например, Таманского импорта, их социальный статус, потребительские предпочтения и изменения в культуре потребления.

Опираясь на собственные длительные наблюдения, а также данные турецких таможенников, Карл Пейсонель систематизировал и представил полученные результаты в виде двух таблиц импортируемых и экспортируемых из Черкесии товаров. Публикация сопровождалась предварительными расчетами рентабельности операций, должными, по мнению автора, заинтересовать французских коммерсантов, и необходимыми пояснениями. Таблица «импорта» включала около 80 видов ежегодно вывозимых товаров, в основном, в ней представлены предметы роскоши, мануфактурные изделия и полуфабрикаты [Пейсонель 1974: 191].

Раздел «экспорта» содержал 25 наименований, это излишки сельскохозяйственного производства черкесов, ремесленные полуфабрикаты, продукты пчеловодства и охоты [Пейсонель 1974: 195].

Детальное изучение материалов, представленных К. Пейсонелем, позволяет сделать заключение о стагнирующем характере Черноморской торговли. Наблюдения, которые французский консул вел в течение нескольких лет, не позволили ему выявить сколь-нибудь масштабных перспектив для приложения усилий французских промышленников и коммерсантов. Черкесский сегмент Черноморской торговли в этот период являл собой глубокую периферию Левантийской, и Оттоманская Порты, которая, по замечанию В. Уляницкого, главным образом, заботилась о своей Левантийской торговле [Уляницкий 1883: 20], не проявляла особого интереса в его развитии. Сказались удаленность Кавказского побережья от промышленных центров, обусловивших низкую рентабельность закупки и перевозки морским транспортом черкесской сельскохозяйственной продукции, а также стремление Порты максимально усложнить допуск представителей европейских держав на Черноморские рынки. Особенно наглядно нежелание терпеть конкурентов проявилось в специальном распоряжении Дивана, предписывающим представителям английских торговых компаний, впервые допущенных к торговле на Черном море в самом конце XVII в., нанимать для фрахта исключительно турецкие торговые корабли. Позже подобной «привилегии» удалось добиться лишь голландским коммерсантам. Таким образом, Османская Турция сознательно препятствовала проникновению, прежде всего, высокотехнологичных товаров ведущих мировых мануфактурных производств в регион, тем самым вынуждая местное население скупать низкокачественную, в сравнении с европейскими аналогами, продукцию своих южных провинций. Такое решение негативно отражалось на степени привлекательности Черноморской торговли для производящего хозяйства Черкесии и резко ограничивало круг потребителей ввозимого импорта.

Застой в торговле наглядно прослеживается в ассортименте и объемах импорта. В документах К. Пейсонеля фигурируют, как указывалось выше, преимущественно, продукции южных провинций Оттоманской империи и Крыма. Это мануфактура, предметы роскоши и полуфабрикаты для их производства [Пейсонель 1974: 191-195]. Сложные, в техническом исполнении изделия металлургической промышленности, станки, инструменты, что примечательно, в перечне

импорта отсутствуют. Устоявшийся ассортимент турецких товаров, по наблюдениям консула, десятилетиями оставался неизменным, по причине чего проникновение к черкесам современной эпохе знаний и технологий, посредством Черноморского траффика постепенно прекращается.

Как следует из наблюдений торгового консула, в Западную Черкесию регулярно импортировалось до 18 видов мануфактурной продукции, причем в весьма скромных объемах. Тюков Брусской материи – до 200 единиц, Магнезийского шелка – 7 тыс. кусков, 500 готовых одеял и 600 штук простыней [Пейсонель 1974: 192]. К товарам высокой ценовой категории можно отнести также ежегодный импорт: от 4 до 5 тыс. пар крымских сапог; 5 тыс. пар обуви турецкого производства; от 2 до 3 тыс. татарских седельных ленчиков; от 2 до; 3 тыс. пар стремян; от 3 до 4 тыс. лошадиных удил. Туда же следует присовокупить импорт ружейных стволов, порох, крымские луки и прочий дорогостоящий товар, который явно был рассчитан на более состоятельных клиентов [Пейсонель 1974: 191-195]. Нет никаких сомнений, что значительная часть поступавшей мануфактуры предназначалась для удовлетворения потребностей в предметах и товарах роскоши местной аристократии. Единственным исключением из общего числа поставляемых мануфактурных товаров, по-видимому, являлись германские косы, «большое количество» которых ввозилось через Тамань [Пейсонель 1974: 184].

Сравнение объемов товаров высокой ценовой категории позволяет установить приблизительное количество потребителей дорогостоящего импорта. Предположительно, их совокупное число не превышало 3–4 тыс. мужчин и столько же женщин. Данное наблюдение позволяет предположить, что значительная часть таманского транзита предназначалась для нужд черкесской аристократии.

К предметам роскоши, ориентированным преимущественно на местную знать, следует отнести регулярно поставляемые на рынки Тамани: сандаловое дерево; ладан; кофе; маслины и проч. К этому же списку можно причислить также крымский сафьян, мыло из Смирны, дорогие сорта бумаги, от 30 до 40 тюков кофе мокко, имбирь, маслины, пряности и проч. [Пейсонель 1974: 191-195], что опять же не оставляет никаких сомнений в чьих интересах формировался ассортимент импортной продукции. Данное обстоятельство, а также почти полное отсутствие в ассортименте импорта предметов и товаров, ориентированных на бюджетные возможности крестьянства Черкесии, свидетельствуют о слабой привлекательности для Османской Порты данного направления торговли. Османы, в силу ряда причин, не смогли, или не пожелали отладить более эффективную систему функционирования рыночной модели Черкесского сегмента Черноморского траффика. Сохранявшиеся без изменений на протяжении столетий коммерческие связи между Турцией и Черноморским Побережьем Черкесии представляли некоторый интерес лишь для узкого круга османских купцов, но для растущего производящего хозяйства черкесов, по вполне понятным причинам, утрачивают свою актуальность. В XVIII – первой половине XIX в., по замечанию В.К. Гарданова [Гарданов 1967: 112], главнейшие отрасли добывающей и обрабатывающей отрасли черкесов – овцеводство, коневодство, пчеловодство, охота, а также ткацкое, войлочное, оружейное, арчажное, шорное и ювелирное производство, тесно связанные с рынком, не будучи востребованы в

необходимой мере турецким торговым капиталом, вынуждены переориентироваться на динамично развивающийся рынок северного соседа.

Вместе с тем, отдельные исследователи, по-видимому, вдохновленные самим фактом аффилированности черкесов в XVIII в. в Левантийскую торговлю, несколько переоценивают ее значение для экономики Северо-Западного и Центрального Кавказа в этот период. Отмеченная тенденция опирается на результаты приблизительного подсчета оборотов Черноморской торговли черкесов, произведенный И. Клингенем в конце XIX в., утверждавшего, что стоимость ежегодно ввозимых товаров в Черкесию достигала 834 630 руб. серебром [Клинген 1897: 62]. В советское время, В.К. Гарданов, хоть и выдвинул тезис о «самодовлеющем характере адыгской экономики», тем не менее, подчеркивал «масштабность» и значимость внешней торговли в их экономической жизни. Опираясь на результаты И. Клингена, опять же эмпирическим путем, В.К. Гарданов определил общий объем внешней торговли Черкесии в направлении Таманского порта во второй половине XVIII в. в 1600 тыс. руб. [Гарданов 1967: 112]. Цифра может показаться внушительной, но не стоит забывать, что в обмен на свою продукцию, черкесы получали лишь ограниченный ассортимент мануфактурных товаров и изделий высокой ценовой стоимости, а получаемая от продажи выручка шла не на нужды развития традиционного хозяйства черкесов, повышение его товарности и эффективности, а на удовлетворение местных элит в предметах роскоши. Объемы импорта, при подсчете которых К. Пейсонель оперировал восточными мерами длины и веса – «ок», «пик», «халеби», [Пейсонель 1974: 181 и далее], при переводе в современную метрическую систему, так же выглядят значительно скромнее. Таможенный контроль со стороны Турции, и ее явное нежелание допускать для коммерческих целей корабли иных держав усугубляли ситуацию.

Вышеизложенные факты подтверждают наше предположение о стагнирующем характере Черноморского направления внешней торговли Западной Черкесии в XVIII в.

В условиях стагнации Черноморского направления, особенно для народов Северо-Западного и Центрального Кавказа, в конце XVIII в., актуализируется проблема поиска новых рынков сбыта своей продукции. С другой стороны, к концу XVIII в., по мере продвижения Российской империи на Кавказ, доминирование Российского торгового капитала в регионе становится все более очевидным. К. Пейсонель отметил, что несмотря на сохранявшуюся административную власть Порты над рынками Тамани, Темрюка, Атчу и Каплу – важнейшими в экономическом отношении для черкесов, процесс их монополизации русскими купцами уже был запущен, и «ясно, что вся торговля Черкесии окажется в конце концов в руках русских...» [Пейсонель 1974: 194].

Таким образом, Черноморский трафик уже к середине XVIII в. утратил значительную часть своей привлекательности для производящего хозяйства черкесов, соответственно, потерял свои позиции и вынудил искать альтернативные пути сбыта своей продукции. Вместе с тем, вплоть до 60-х гг. XIX в. сохранялась другая его важнейшая функция, направленная на поддержание культурных и политических связей черкесов со странами Востока.

Волжско-Каспийская торговля

Во второй половине XVIII в. для большинства населения и Северо-Западного и Центрального Кавказа актуализируется Волжско-Каспийское направление торговли, центром которого являлась Астрахань, на протяжении веков неизменно служившая местом встречи купцов с Запада и Востока. Здесь происходила «знатная торговля», куда, помимо русских, съезжались торговцы из Индии, Хивы, Бухары и Персии [Плещеев 1793: 198].

Торговые обороты астраханских рынков на порядок превосходили показатели базаров Тамани, Акчу и других пунктов кавказского сегмента Черноморской торговли. Из русских таможенных документов видно, что только из Персии в конце XVIII в. на рынки Астрахани ежегодно поступало от 8 до 13 тыс. пудов шелка, в среднем, на 1,4 млн. руб. «Бумаги пряденной» - из Персии, Бухары и Хивы – 7 тыс. пудов, общей стоимостью – до 168000 рублей. В самой Астрахани к этому времени насчитывалось 2146 торговых лавок суммарная стоимость товара которых оценивалась в 1,5 млн. руб. [Равинский 1809: 232-233].

Роль Астрахани как международного торгового центра в течении всего XVIII в. неуклонно повышалась. Явление было обусловлено развитием российско-османских отношений и заключением ряда соглашений, способствовавших развитию торговли в приграничных областях. В частности, Прутский мирный договор от 1711 г. предоставил определенные торговые преференции и право купцам обеих держав свободно посещать сопредельные рынки. Российская торговля через Астрахань и по границе, ранее пришедшая в упадок, восстанавливается, в торговые операции вовлекается все больше число населения приграничных регионов. Не остались в стороне и народы Северо-Западного и Центрального Кавказа.

Начало интеграция черкесов, посредством Астраханской торговли, в общероссийское экономическое пространство отчетливо прослеживается уже с середины XVII в., что подтверждается, например, частым упоминанием «горских черкесов» среди восточных купцов, «прибывающих для торга в порубежные города и Москву» [Семенов 1859: 20]. Активизация торговли черкесов, как в приграничных русских крепостях, так и в крупных торговых центрах страны выявила необходимость юридического оформления их деятельности. В разработанном боярином А.Ф. Ордин-Нащокиным Торговом Уставе 1667 г., черкесские торговцы, наряду с кумыками, бухарцами и «астраханскими жителями», были включены в отдельный список купцов, подлежащих специальным правилам налогообложения [Соловьев 1870: 122]. В дальнейшем выходит дополнительное распоряжение от 23 апреля 1672 г. о регулировании торговли России и «Горских Черкасов и Узденей» царя Алексея Михайловича. Документ регламентировал порядок сбора таможенных пошлин вывозимых ими товаров [Шпилевский 1858: 112]. Проблема налогообложения черкесских купцов, прибывающих для торговли в русские города, оставалась актуальной и в царствование и Петра I. Князю Волконскому, в мае 1697 г. отъезжавшему на Терек царь приказывал соблюдать в делах с черкесами особую деликатность. Демонстрируя всяческое уважение, «ласку и привет и бережение» к черкесским князьям и узденям, тем не менее, строжайше следить за

торговлей и препятствовать контрабанде, которой особенно злоупотребляли «черкесские торговые люди» [Полное собрание 1830: 308].

В начале XVIII столетия, по сведениям российских источников, «прибывавшим на Терек с торговыми целями кумыкам из Кабарды», а также черкесам, купцам из Гиляна, Персии, «Бухарии и, торговым терекам» (терцам) разрешалось вести торг и менять «по прежнему обычаю, взимая с них пошлину по установленным грамотам» [Семенов 1859: 93]. Вместе с тем правительство предприняло ряд ограничительных мер, повлиявших на общую динамику развития торговых отношений. Ограничения касались так называемых «заповедных товаров», которые запрещалось русским купцам продавать «азиатцам» – золото, серебро, пленных, военное снаряжение. Закреплялась единая форма коммерческих сделок в виде бартера. Русским купцам строго наказывалось «никаких товаров у них («азиатцев» – *Т.Д.*) на деньги не покупать», а менять «по-прежнему» [Семенов 1859: 93]. Ограничения коснулись, в том числе, и черкесской торговли лошадьми. В отношении купцов, пожелавших закупать лошадей у черкесов и татар на Терском базаре, вводилась специальная пошлина.

Закрепление менового характера Астраханской торговли, несмотря на то что отпугнуло часть торговцев из сопредельных народов, в целом, пошло на пользу развитию торговых связей России с населением региона. Меновая торговля, как видно из документов, на первых порах стала чрезвычайно удобной и привлекательной формой заключения коммерческих сделок между местным крестьянством, постоянно испытывавшим определенные трудности с наличностью, и приказчиками действовавшим от лица российских мануфактур.

Волжско-Каспийское направление играло важнейшую роль в экономической жизни народов Центрального и Северо-Западного Кавказа, являясь для них связующим звеном, одновременно, с торговыми центрами Востока и России. В связи с этим, нет ничего удивительного, что в самой Астрахани представительство черкесских, в данном случае, кабардинских купцов и ремесленников достоверно прослеживается уже с конца XVII в. В этот период, наряду с «1675 душ купечества российского», в городе на постоянной основе пребывали Персияне, Греки, **Кабардинцы** (выделено мной. – *Т.Д.*), Калмыки и Индийцы, поселившиеся здесь для купечества» [Чулков 1786: 180]. Кабардинские купцы, о которых повествуют документы, являлись связующим звеном Волжско-Каспийского торговли населения Центрального и Северо-Западного Кавказа на протяжении XVII-XVIII вв. Черкесские ремесленники, постоянно проживавшие в Астрахани, в основном, бронники и оружейники, занимались изготовлением булатных сабель и панцирей. Именно этих «черкесов» царь Алексей Михайлович приказал «истребовать к себе в Москву» [Очерк торговли 1862: 166].

На рынках Астрахани устойчивый спрос на кабардинскую экспортную продукцию, по свидетельству источников, сохранялся на протяжении всей первой половины XVIII в. Перечень товаров из Кабарды включал в себя мёд, воск, лисьи и куньи меха, бычьи и выдровые кожи, овчины, шерсть, самшитовый и ореховый лес и разные фрукты» [Плещеев 1793: 179]. Отдельной статьей шли «черкесские тулупы» и другие изделия домашней промышленности.

Важнейшей статьей кабардинского экспорта являлась торговля лошадьми, ценимых за особенную статью, исключительную выносливость и неприхотливость. Большим спросом кабардинская лошадь пользовалась и на российских ярмарках, где приобреталась для нужд армейской кавалерии. Гребенские казаки, в этот период, также «лошадей же по большей части покупают у кабардинцев» — отмечал автор обширного труда по истории хозяйства Астраханской и Кавказской губерний до начала XIX в. И. Равинский [Равинский 1809: 420].

Список черкесских товаров, поступавших на экспорт по Волжско-Каспийскому направлению, несколько отличался «Черноморского» и превосходил его по объемам. Только из Кабарды на рынки Астрахани поступали пушнина, шкуры домашнего скота, а также «воск, мед, свечное сало, жито, черный и белый войлок» [Засс 1805: 17]. По свидетельству Гюльденштедта, на экспорт вывозились шерсть и сукно [Гюльденштедт 1809: 138].

Кабарда на рубеже XVII – первой половины XVIII в. играла важную посредническую роль в расширении торгового обмена между Российской Империей и народами Центрального и Северо-Западного Кавказа. Из Кабарды в Астрахань, Кизляр и Черкасск в «знатном количестве» доставлялись «масло коровье, мед, овчины, в сукнах и бурках тамошнего изделия». Комендант Кизляра в 1764 г., характеризуя торговлю с кабардинцами, отмечал расширение, в том числе, ассортимента привозимой ремесленной продукции. «Весь торг состоит из собственного их рукоделия, яко то бурки, сукны серые, шитые кафтаны, шервары, чулки, шапки, овчинные шубы, мед, воск, арбы и колеса арбные, что все возят в Кизляр и в казачьи городики» [Тхамоков 1961: 99]. На приграничных базарах горцы охотно покупали у приезжающих «из России купцов и армян медную и железную посуду и другие товары первых потребностей, так же пшеницу и разный хлеб от тамошних переселенцев. Продавали же масло, просо, лошадей, рогатый скот и овец» [Тучков 1908: 166].

Кизляр притягивает не только черкесских купцов, но и ремесленников отходников. «При том золотых, серебряных и слесарных рукоделий многие мастеровые из кавказских черкесов, кумыков и кубешенцев приходят в Кизляр и делают изящным образом разные вещи» [Равинский 1809: 244].

Как уже отмечалось выше, с начала XVIII в., с продвижением России на Кавказе, зависимость местного населения от торговых связей с северным соседом заметно возрастает. Относительно Кабарды, этому способствовала близость русских военных укреплений, одновременно выполнявших функции центров приграничной торговли. Святой Крест на р. Сулак, Кизляр и Моздок, становятся «главными торговыми пунктами между Россией и народами Кавказа» [Тхамоков 1961: 99]. Близость к русским ярмаркам и политика благоприятствования расширению приграничной торговли со стороны российских властей, в целом, оказали благотворное влияние на расширение торговых отношений и способствовали существенному расширению приграничной коммерции.

Заключение

Во второй половине XVIII в. для народов Северо-Западного и Центрального Кавказа основные различия между Черноморским и Волжско-Каспийским

направлениями проявились не только в географии, и специфике функционирования торговых магистралей. Принципиальная разница заключалась целеполагании двух великих держав в отношении торговли с черкесами. В умении ясно осознавать значение события, точно определять цели и стратегию своих действий для достижения необходимых результатов, в случае с Россией, и нежелание и неспособность Турции адаптироваться к изменяющимся условиям. Османская Порта, главный бенефициар Левантийской торговли, следовательно, и ее Черноморского сегмента, не проявляла особенного интереса к расширению и модернизации Черкесского торгового трафика. Уже во второй половине XVIII в., как это видно из источников, торговля с Черкесией оставалась актуальной лишь для ограниченного числа представителей османского торгового капитала, подвизавшихся на экспорте местного сырья и полуфабрикатов. Поставляемые на местные рынки товары не могли удовлетворить в полной мере растущий спрос местного населения, в связи с чем, Черноморская торговля поступательно теряла свою привлекательность для него.

Расширению экспорта сельскохозяйственной продукции Северо-Западного и Центрального Кавказа в этом направлении препятствовали удаленность черноморских портов Кавказа от основных магистралей Левантийской торговли, ограниченные возможности турецких каботажников, конкуренция с Крымом.

Официальный Стамбул, считавший черкесские провинции, де-юре, частью своего государства, обладая всеми необходимыми возможностями и ресурсами, тем не менее, на протяжении длительного времени уклонялся от необходимости регулирования и управления торговыми операциями на Черноморском побережье Кавказа, ограничившись сбором пошлин. Данный сегмент Левантийской торговли, ко второй половине XVIII в. превращается в никем не контролируемую «серую зону», где процветают беспошлинная торговля и контрабанда. Ошибочность данной стратегии наглядно проявилась уже в начале 70-х гг. XVIII в. и, в совокупности с рядом объективных факторов, обусловила выдавливание турецкого торгового капитала из региона.

Начиная с 30-х гг. XVIII в. для производящего хозяйства крестьянства Северо-Западного и Центрального Кавказа заметно актуализируется значение Астраханских торговых центров, представлявших большие возможности для реализации собственной продукции и более широкий ассортимент товаров народного потребления, необходимого в повседневной жизни.

Ключевую роль в этом процессе сыграла торговая политика Российского правительства, не только не ограничивавшего участие в операциях иностранных купцов, но и всячески привлекавшая их на рынки Астрахани и приграничных торговых пунктов. Расширение торговых контактов и возможностей, ассортимент предлагаемых товаров, который на порядки превосходил предложения Черноморских базаров, все это, в значительной мере, повышало привлекательность данного направления для населения приграничных территорий, в том числе, и народов Северо-Западного и Центрального Кавказа.

В сравнении с Черноморским, принципиальное отличие Астраханского направления кроется в степени участия государства в управлении экономическими процессами. Русское правительство планомерно развивало Астраханскую

торговлю предпринимало значительные усилия, направленные на расширение торговых связей с соседними народами, усиление позиций русского торгового капитала и набирающей обороты мануфактурной промышленности. В отличие от Турции, Россия оказалась готова к жесткой конкурентной борьбе за рынки сбыта и уже к концу XVIII в. добилась заметных результатов, планомерно вытеснив из региона турецких коммерсантов.

Таким образом, для народов Северо-Западного и Центрального Кавказа расширение торговых связей именно с Россией оказалось predetermined не только известными геополитическими изменениями, но и логикой экономической целесообразности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Броневский 1823 – *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – М.: Тип. С. Селивановского, 1823. – 485 с.
- Гарданов 1967 – *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). – М.: Изд. «Наука». 1967. – 329 с.
- Гюльденштедт 1809 – *Гюльденштедт И.А.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. – СПб., 1809. – 384 с.
- Засс 1805 – *Засс Ф.Ф.* Описание Кавказа с кратким историческим описанием Грузии. – СПб., 1805. – 72 с.
- Клинген 1897 – *Клинген И.* Основы хозяйства в Сочинском округе. – СПб.: типография С.-Петербургскаго Градоначальства, 1897. – 129 с.
- Очерк торговли 1862 – Очерк торговли Московского государства в XVI-XVII столетиях / сост. Н. Костомаров. – СПб., 1862. – 299 с.
- Пейсонель 1974 – *Пейсонель К.* Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1974. – С. 179-203.
- Плещеев 1793 – *Плещеев С.И.* Обзорение Российской империи в нынешнем её новоустроенном состоянии. – СПб., Изд. Императорская типография, 1793. – 184 с.
- Полное собрание 1830 – Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. – Том 3. – СПб., 1830. – 1408 с.
- Равинский 1809 – *Равинский И.В.* Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний, сочиненное по начертанию Имп. Вольного экономич. общества и оным обществом изданное. – СПб., 1809. – 527 с.
- Семенов 1859 – *Семенов А.* Изучение исторических сведений о России и внешней торговле и промышленности с первой половины XVII-го столетия по 1859. – СПб., 1859. – 295 с.
- Соловьев 1870 – *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. – Т. 13. – М., 1870. – 388 с.
- Тучков 1908 – *Тучков С.А.* Записки Сергея Алексеевича Тучкова. – СПб., 1908. – 287 с.
- Тхамоков 1961 – *Тхамоков Н.Х.* Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII веке. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1961. – 202 с.
- Уляницкий 1883 – *Уляницкий В.* Дарданеллы и Босфор и Черное море в XVIII столетии. – М., 1883. – 721 с.
- Чулков 1786 – *Чулков М.Д.* Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего, и всех преимущественных узаконений по оной Государя Императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей Государыни Императрицы Екатерины Великой. В 6-ти томах. Т-VI, книга – IV. – М., 1786. – 545 с.
- Шпилевский 1858 – *Шпилевский С.М.* О благоустройстве по уложению и современным

ему памятникам // Временник Императорского Московского Общества истории и древностей российских. – Кн. 24. – М., 1858. – С. 1-116.

REFERENCES

BRONEVSKII S.M. *Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze* [The latest geographical and historical news about the Caucasus]. – М., Tip. S. Selivanovskogo, 1823. – 485 p. (In Russ.).

GARDANOV V.K. *Obshchestvennyi stroi adygsikh narodov* [Social system of the Adyghe peoples] (XVIII – pervaya polovina XIX v.). – М.: Izd. «Nauka». 1967. – 329 p. (In Russ.).

GYUL'DENSHTEDT I.A. *Geograficheskoe i statisticheskoe opisanie Gruzii i Kavkaza* [Geographical and statistical description of Georgia and the Caucasus]. – SPb., 1809. – 384 p. (In Russ.).

ZASS F.F. *Opisanie Kavkaza s kratkim istoricheskim opisaniem Gruzii* [Description of the Caucasus with a brief historical description of Georgia]. – SPb., 1805. – 72 p. (In Russ.).

KLINGEN I. *Osnovy khozyaistva v Sochinskom okruge* [Basics of the economy in the Sochi district]. – Spb.: Tipografiya S.-Peterburgskago Gradonachal'stva, 1897. – 129 p. (In Russ.).

Ocherk trgovli Moskovskogo gosudarstva v XVI–XVII stoletiyakh [Essay on the trade of the Moscow state in the 16th - 17th centuries] / sost. N. Kostomarov. – SPb., 1862. – 299 p. (In Russ.).

PEISONEL' K. *Traktat o trgovle na Chernom more* [Treatise on Trade in the Black Sea]. In: *Adygi, balkartsy i karachayttsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv.* / pod red. V.K. Gardanova. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1974. – P. 179-203. (In Russ.).

PLESHCHEEV S.I. *Obozrenie Rossiiskoi imperii v nyneshnem ee novoustroennom sostoyanii* [A review of the Russian Empire in its current newly established state]. – SPb.: Izd. Imperatorskaya tipografiya, 1793. – 184 p. (In Russ.).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii s 1649.goda [Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649.]. – V. 3. – SPb., 1830. – 1408 p. (In Russ.).

RAVINSKII I.V. *Khozyaistvennoe opisanie Astrakhanskoi i Kavkazskoi gubernii, sochinennoe po nachertaniyu Imp. Vol'nogo ekonomich. obshchestva i onym obshchestvom izdannoe* [Economic description of the Astrakhan and Caucasian provinces, composed according to the outline of the Imperial Free Economic Society and published by the said society]. – SPb., 1809. – 527 – p. (In Russ.).

SEменов A. *Izuchenie istoricheskikh svedenii o Rossii i vneshnei trgovle i promyshlennosti s pervoi poloviny XVII-go stoletiya po 1859* [A study of historical information about Russia and foreign trade and industry from the first half of the 17th century to 1859]. – SPb. 1859. – 295 p. (In Russ.).

SOLOV'EV S.M. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia from ancient times]. – V. 13. – М., 1870. – 388 p. (In Russ.).

TUCHKOV S.A. *Zapiski Sergeya Alekseevicha Tuchkova* [Notes of Sergei Alekseevich Tuchkov]. – SPb., 1908. – 287 p. (In Russ.).

TKHAMOKOV N.KH. *Sotsial'no-ekonomicheskii i politicheskii stroi kabardintsev v XVIII veke* [Socio-economic and political system of Kabardians in the 18th century.]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961. – 202 p. (In Russ.).

ULYANITSKII V. *Dardanelly i Bosfor i Chernoe more v XVIII stoletii* [The Dardanelles and the Bosphorus and the Black Sea in the 18th century]. – М., 1883. – 721 p. (In Russ.).

CHULKOV M.D. *Istoricheskoe opisanie Rossiiskoi kommertsii pri vsekh portakh i granitsakh ot drevnikh vremen do nyne nastoyashchego, i vsekh preimushchestvennykh uzakonenii po onoi Gosudarya Imperatora Petra Velikogo i nyne blagopoluchno tsarstvuyushchei Gosudaryni Imperatritsy Ekateriny Velikoi* [Historical description of Russian commerce at all ports and borders from ancient times to the present, and all the preferential laws on it of the Sovereign Emperor Peter the Great and the now happily reigning Sovereign Empress Catherine the Great]. V–IV. – М., 1786. – 545 p. (In Russ.).

SHPILEVSKII S.M. *O blagoustroistve po ulozheniyu i sovremennym emu pamyatnikam. / Vremennik Imperatorskogo Moskovskogo Obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh* [On the

improvement of the city according to the code and contemporary monuments]. – V. 24. – M., 1858. – P. 1-116. (In Russ.).

Информация об авторе

Т.А. Дзуганов – кандидат исторических наук.

Information about the author

T.A. Dzuganov – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 27.06.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 27.06.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

Научная статья
УДК 39+94 (470.67)
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-53-64
EDN: AZGXAV

ОТНОШЕНИЕ ЗАСУЛАКСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ К ОСВОБОДИТЕЛЬНОМУ ДВИЖЕНИЮ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ ПОД РУКОВОДСТВОМ ШЕЙХА МАНСУРА (1785-1791 ГГ.) ПО МАТЕРИАЛАМ КИЗЛЯРСКОЙ КОМЕНДАНТСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Магомед-Паша Балашович Абдусаламов¹,
Юсуп Магомедович Гусейнов², Юсуп Магомедович Идрисов³

¹ Научно-клинический центр имени Башларова, Махачкала, Россия, vi-kingpasha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5239-6690>

² Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия, g.usup@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-5028-0871>

³ Исторический парк «Россия – Моя история», Махачкала, Россия, markes06@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5326-9298>

Аннотация. В статье на основе документов фонда 379 «Кизлярская комендантская канцелярия» Центрального государственного архива Республики Дагестан и специальной исторической литературы рассматривается движение шейха Мансура и отношение к нему правителей Засулакской Кумыкии. По мнению авторов, именно шейх Мансур первым сформулировал и развил в кавказском регионе идею об имаме, как легитимном руководителе всех мусульман. Подчеркивается, что отношение засулакских князей к движению шейха Мансура было не однозначным. Часть кумыкских феодалов поддержала имама, но большинство, оставаясь верными российской короне, не примкнули к движению. Как показывают документы Ф. 379, засулакские правители в переписке с официальными представителями российской администрации на Кавказе – кизлярскими комендантами, снабжали их информацией о движении шейха Мансура, об ее участниках, планах и т.д.

Сдела вывод о том, что 1786 г. явился поворотным в судьбе политико-правовых образований Засулакской Кумыкии, ознаменовав бесповоротное оформление зависимости их правителей от Российской империи.

Ключевые слова: Северный Кавказ, шейх Мансур, освободительное движение, засулакские правители, кизлярский комендант, переписка.

Для цитирования: Абдусаламов М.-П.Б., Гусейнов Ю.М., Идрисов Ю.М. Отношение засулакских правителей к освободительному движению северокавказских народов под руководством Шейха Мансура (1785-1791 гг.) по материалам кизлярской комендантской канцелярии // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 53-64. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-53-64. EDN: AZGXAV.

© Абдусаламов М.-П.Б., Гусейнов Ю.М., Идрисов Ю.М., 2025

**THE ATTITUDE OF THE RULERS OF ZASULAK
TO THE LIBERATION MOVEMENT OF THE NORTH CAUCASIAN
PEOPLES UNDER THE LEADERSHIP
OF SHEIKH MANSUR (1785-1791) BASED ON MATERIALS
FROM THE KIZLYAR COMMANDANT'S OFFICE**

Magomed-Pasha B. Abdusalamov¹, Yusup M. Guseinov², Yusup M. Idrisov³

¹ Bashlarov Scientific and Clinical Center, Makhachkala, Russia, vi-kingpasha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5239-6690>

² Institute of History, Archaeology, and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, g.usup@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-5028-0871>

³ Historical Park «Russia – My History», Makhachkala, Russia, markes06@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5326-9298>

Abstract. The article, based on documents from the 379th Fund of the Central State Archives of the Republic of Dagestan and special historical literature, examines Sheikh Mansur's movement and the attitude of the rulers of Zaslak Kumykia towards it. According to the authors, Sheikh Mansur was the first to formulate and develop the idea of an imam as the legitimate leader of all Muslims in the Caucasus region. It is emphasized that the attitude of the Zaslak princes towards Sheikh Mansur's movement was not straightforward. Some of the Kumyk feudal lords supported the Imam, but most of them remained loyal to the Russian crown and did not join the movement. According to documents in the F. 379 collection, the rulers of the Zaslak region provided information about Sheikh Mansur's movement, its participants, plans, and more to the official representatives of the Russian administration in the Caucasus, such as the commandants of Kizlyar.

It is concluded that 1786 was a turning point in the fate of the political and legal entities of Zaslak Kumykia, marking the irrevocable establishment of their rulers' dependence on the Russian Empire.

Keywords: The North Caucasus, Sheikh Mansur, the liberation movement, the rulers of Zaslak, the commandant of Kizlyar, and the correspondence.

For citation: Abdusalamov M.-P.B., Guseinov Y.M., Idrisov Y.M. The attitude of the rulers of Zaslak to the liberation movement of the North Caucasian peoples under the leadership of Sheikh Mansur (1785-1791) based on materials from the kizlyar commandant's office. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 53-64. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-53-64. EDN: AZGXAV.

© Abdusalamov M.-P.B., Guseinov Y.M., Idrisov Y.M., 2025

Введение

Источниковедение и историография истории движения народов Северного Кавказа под предводительством шейха Мансура – актуальные направления научных исследований историков-кавказоведов. В современной отечественной историографии с учетом последних достижений в кавказоведении наметилась линия в осмыслении движения имама Мансура в новом ракурсе, ревизии и в панорамном исследовании отдельных тематических сюжетов, связанных с рассматриваемой проблемой. Несмотря на то, что некоторые его аспекты в той или иной степени получили освещение в трудах отечественных ученых-кавказоведов

[Ахмадов 1991; Ахмадов 2001; Мусаев 2007; Кидирниязов 2008; Бегеулов 2009; Идрисов, Абдусаламов 2012 и др.], тем не менее, не все вопросы освещены. В представленной статье с опорой на документы ЦГА РД фонда 379 «Кизлярский комендант» и специальную историческую литературу, дается интерпретация движения шейха Мансура в контексте отношения к нему засулакских правителей. Анализ уникальных документов фонда 379 «Кизлярский комендант» и вытекающие из него выводы, свидетельствуют, что именно шейхом Мансуром была предложена идея о едином правителе всех мусульман на Северном Кавказе. Стоит отметить, что одной из главных целей восстания являлось создание теократического государства, где правитель опирается в религиозные правила и устои шариата. Последующие события сыграли важную роль в истории Кавказа, а также изменили некоторые векторы политики Российской империи на Кавказе. Методологической и теоретической базой статьи явились основные принципы исторической науки: объективность, научность и историзм.

Результаты исследования

К середине 80-х гг. XVIII в. завершилось строительство Кавказской кордонной линии, которая соединила непрерывным рядом крепостей – Каспийское море с морем Черным. С возведением этой линии терялись последние элементы равноправности в российско-дагестанских политических связях. Последующий курс на усиление экспансионистской политики самодержавием в регионе совпал с серьезным кризисом в чеченском социуме, что нашло свое отображение в таких явлениях как изгнание князей и формирование немалых бедняцких безземельных групп, не имеющих средств существования. Неудивительно, что эти обездоленные массы примыкали к любым движениям, подающим хотя бы малую надежду на улучшение их социального положения [История Чечни... 2008: 393-394].

В таких условиях марте 1785 г. в Чечне вспыхнуло мощное движение против имперских властей во главе с молодым чеченцем из села Алды Мансуром, в исторической литературе известным также как Ушурма. За небольшой промежуток времени в движение оказались вовлеченными почти все пограничные районы Чечни: Дагестан, Кабарда и т.д. [История Чечни... 2008: 395].

Следует отметить, что народное движение, во главе которого стоял Мансур, характеризовалось широким использованием религиозных лозунгов, преломлением социальных мотивов через призму исламских воззрений. Именно ислам сыграл роль цементирующей идеологии в процессе консолидации разрозненных и разноязычных кавказских народов в борьбе за свои права и земли. Мансур из с. Алды оценил политическое значение ислама для противостояния против имперских военных властей на Кавказе, и эту борьбу избрал в форме «священной борьбы» – газавата [История Чечни... 2008: 395].

В отечественной историографии «Мансура принято называть шейхом, но в абсолютном большинстве современных ему документов он обозначен как имам» [Идрисов, Абдусаламов 2012: 63].

Говоря о шейхе Мансуре, необходимо указать о фигуре его основного противника Кавказского и Саратовского генерал-губернатора, генерал-поручика графа Павла Сергеевича Потёмкина. По описанию современников он выглядел

человеком весьма энергичным, властным и честолюбивым, мастерски пользующимся как вверенными ему военными силами, так и с делегированными ему дипломатическими полномочиями.

Преследуя цель уничтожить нарождающееся движение в самом корне, П.С. Потёмкин снарядил в июне 1785 г. в Алды карательный корпус полковника Пиери, поручив ему разгромить восставших в Алдах и пленить шейха Мансура. Видимо, российское военное командование недооценило возможности повстанцев, в результате чего экспедиция Пиери закончилась полным фиаско. Во время прохода по лесистой местности полк Пиери попал в засаду и в жестокой схватке в рукопашном кинжальном бою был уничтожен со своим командующим [Идрисов, Абдусаламов 2012: 63].

Впечатляющий успех повстанцев сыграл важную роль в подъеме начавшейся борьбы кавказских горцев и поднял авторитет шейха Мансура как руководителя этой борьбы, провозглашенного народом имамом. Движение постепенно стало охватывать территорию региона на всей протяженности Кавказской линии – от р. Терек до р. Кубань [История Чечни... 2008: 397, 399].

Почти с самого начала к движению шейха Мансура примкнули и некоторые из засулакских князей. Думается, это можно объяснить их опасениями потерять свое господствующее положение в случае распространения российской власти в регионе. Не исключено, что они действовали, стремясь обезопасить от нападения горцев свои владения, особенно, предотвратить угон скота. Среди примкнувших к движению шейха Мансура можно назвать эндиреевского князя Али-Солтана Чепалова. Генерал-поручик П.С. Потёмкин так его охарактеризовал:

«...Сей владелец с самого начала здешних замешательств был главнейшим помощником и другом бунтовщиков Ушурмы, а как он половиною всех кумыцких селений владеет, то дружба его бунтовщику тем была полезнее, что подвластные сего Али-Солтана составляли лучшую опору бунтовщика» [Ахмадов 1991: 199].

Ещё одним его близким соратником был сала-узденъ (дворянин) Казбек Умашев (Казбеков).

Шейх Мансур после победы над Пиери решил развивать успех, и, собрав достаточные силы (до 20 тыс. чел.), направился на Кизляр. На таком решении в первую очередь настаивали и поддерживавшие шейха Мансура засулакские владельцы, чьи земли находились в непосредственной близости с Кизлярской крепостью и были уязвимы для его гарнизона [Мусаев 2007: 182].

Заручившись поддержкой эндиреевских князей Хамзы Хамзаева, Баммата Арсланбекова, Мамака Урусханова, Чопалава Муртузали Аджиева шейх Мансур двинулся на Кизляр. Князей сопровождали первостепенные уздени Бежгара Аджи из Костека, а также добровольческие дружины из части предгорного Дагестана: казанищенцы, дженгутайцы, а также небольшой отряд из тарков. Отряды повстанцев, состоявший из пяти тысяч человек 15 июля 1785 г. попытался овладеть городом Кизляром, однако попытка оказалось неудачной. Кизляр оказался непокоренным [Ахмадов 1991: 159].

Имам Мансур не оставлял попыток захватить Кизляр и повторно – 19-21 августа 1785 г. организовал второй штурм города, также не увенчавшийся успехом [История Чечни... 2008: 399].

Потерпев вторую неудачу в покорении Кизляра, шейх Мансур сменил вектор своей внешней политики на запад. В его планах было овладение Кабардой. Наперерез шейху выдвинулись полковник Нагель и генерал поручик Павел Сергеевич Потемкин.

2 сентября 1785 г. у города Татартуп (Кабарда) произошло сражение между армией шейха Мансура и частями имперской армии. Не смотря на готовность к сражению армия шейха Мансура снова потерпела сокрушительное поражение.

30 октября 1785 г. у Григорополиса произошла кровопролитная битва, не давшая перевеса ни одной из сторон [Ахмадов 2001: 399-400].

Таким образом, план шейха Мансура – поднять на борьбу народы Центрального и Западного Кавказа – потерпел крах. В то же время появление на территории Кабарды имперской армии во главе с генералом Потемкиным имело устрашающий эффект для местной власти, представители которой убеждали его своей покорности и непричастности к происходящим событиям [Бегеулов 2009: 144].

В 1786 г. генерал Потемкин, находясь в Кабарде, объявил о создании Кавказского наместничества. Столицей был объявлен город Екатеринодар. Все это прошло в присутствии феодалов из всех северокавказских земель. Стоит отметить, что именно в этом городе присягнул на верность Российской империи посол тарковского шамахала визирь Лаварслан [Бегеулов 2009: 189].

В этом же году, в политике шейха Мансура стали происходить определённые изменения. Так, если раньше он присоединял соседние общества добровольно, используя религиозные убеждения о солидарности борьбы мусульман, то теперь в авангард его политики стали военные (насильственные) методы убеждения. В частности, он, планировал переселить кумыков селений Девле-Герей-аул и Брагуны в Мартан [Русско-дагестанские... 1988: 196].

Важно отметить, что большинство кумыкских правителей остались верными российской короне, что подтверждают документы ЦГА РД фонда 379 «Кизлярская комендантская канцелярия». Так, в письме от 18 июля 1785 г. кизлярскому коменданту Ивану Силычу Вешнякову аксаевские владельцы Эльдархан Султанмамутов, Ахмедхан и Алхас Каплангиреевы, Адиль Алибеков и Касай Уцмиев уведомляют, что, несмотря на уговоры шейха Мансура они остались верными подданными Ея Императорского Величества:

«Через сие вашему высокородию доносим проявившиеся в деревне алдинской имам уговаривает нас. Чтоб мы соединились и со своими подвластными с его войском. А есть ли сего не учиним, то он конечно не оставит сделать отнять у нас скот и прочее, но на сие его уговоры мы согласия не дали, а отказали, потому, что мы как прежде были верными Ея Императорскому Величеству так и ныне того опровергнуть не желаем, а намерены управятся только в том, чтоб свои семей в случае нападения от того имама защищать сами собою...» [ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 13а. Л. 310 и об.].

В еще одном письме, хранящимся в центральном государственном архиве Республики Дагестан дотированным 25 апреля 1786 г. Али-Султан Канбулатов

из селения Эндирей, намереваясь препятствовать мобилизации, проводимой шейхом Мансуром, писал кизлярскому коменданту И.С. Вешнякову:

«...есть ли намерение будет иметь российской стороне делать злодейство, то мне не одного человека не отпустим, а отвечать должны, то, что мы к стороне российской не в состоянии наносить злодейство о своих делах неоднократно просим вашего высокородия егда желаете...» [ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 20. Л. 95 и об.].

Следует обратить внимание, что на фоне движения шейха Мансура и религиозной пропаганды усилился протест простого населения против своих владельцев и старшин. Вот что писал по этому поводу кизлярскому коменданту И.С. Вешнякову в своем письме от 24 июля 1785 г. эндиреевский правитель Темир Хамзин:

«Во время нападения на Каргинской форпост, в тогдашнее время как я верный Ея Величеству посылал от себя нарочного человека, который встретился с имамовой партией, и не мог в Кизляр доехать и тем и возвратился, я ж весьма старался, чтоб андреевцы в собираемую толпу не ездили, но не слушаются меня с имамовым войском совокупились и владелец Чепалов второй, Мамак Орусханов; из узденей Магаматаджия сын, Яетык Акай и прочие до десяти человек собственные же своих людей и детей и таковых кои меня слушают до того не допустил, о посленном вашем господине прапорщике Филатове слышал я, что он в аксаевскую деревню прибыл, при коем мы не оставим согласится, и положит штраф для того, что б российской стороне не было чинено чего вредного, о чем вашего высокородия уведомлю, еще слышал я, что состоящие по той стороне реки Койсу, тарковцы, дженгутейцы, кайтакцы, акушинцы; после поста приготовляются ехать; егда ж я точно об оном узнаю, что они вознамерятся ехать, то и не оставлю, чтоб вашего высокородия не уведомит, как я продерзости Ея Величеству как так и после чинить не в состоянии» [ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 13а. Л. 323 и об., 325].

Из содержания данного документа мы видим, что эндиреевский князь Темир Хамзин предпринимает попытки отговорить эндиреевцев от участия в движении шейха Мансура. Кроме того, оставаясь верным российской короне, подробно информирует российскую администрацию в лице кизлярского коменданта о положении дел в регионе, называет участников движения шейха Мансура и уведомляет, что сообщит о последующих действиях повстанцев.

Безусловно, кизлярские коменданты ценили верноподданнические услуги засулакских правителей. Особенно важны были для российской военной администрации на Кавказе сведения о перемещении шейха Мансура, дислокации его повстанческой армии, и, прежде всего разведанные, которыми снабжали кумыкские князья. Так, в письме от 15 сентября 1785 г. кизлярский комендант И.С. Вешняков уведомлял эндиреевского князя Казия Темирова, что каждое его донесение о происходящих событиях не останется без награждения и просил разведывать о действиях шейха Мансура:

«За уведомление ваши приношу благодарность, обнадеживая при том, что всякое ваше донесение не оставлю, чтоб не представить к его высокопревосходительству господину генерал-поручику действительному камергеру и кавалеру Павлу Сергеевичу Потемкину и уверяю, что без должного награждения не останетесь, но прошу исследовать о бунтовщике делать

обстоятельные, и чаще извещать в полку к шиху людей подать позволяю, но только с тем, что наше были употреблены верные и заслуживающие во вверенным сего секрета приказав им, дабы они и тут вместе с ними, взяли, но с дороги узнавши все его расположения удалили и приехали сюда обещать им, что достойную получать от меня награду...» [ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 13. Л. 25 и об.].

Обеспокоенные вовлечением в движение имама Мансура некоторой части населения Засулакской Кумыкии российские военные власти в регионе делали все необходимое, чтобы пресечь подобную тенденцию. Документы фонда 379 «Кизлярская комендантская канцелярия» служат подтверждением этих мер. В своем письме от 13 января 1786 г. комендант Кизляра И.С. Вешняков писал эндиреевским правителям Темиру Хамзину и Аджи-Муртазали Чепанову о необходимости отворачивать своих подданных от выступления против России:

«Сего месяца с 8 на 9 числа восемь человек подъезжала партия под коши бекеты, ...что они таулинцев перелезши на сию сторону учинить какое зло, как скоро готовы караульные их усмотрели и приехали к преследованию, то ...казаков одного убили, а другого ранили, какую дерзость видя принуждением нашлись и караульные защитателя и убили 4-х человек, которые все были, как я от верного человека узнал, двое узденей владельца Алисултана таулу Курман Аджиев, тума Сулейман Аджиев третей из саны аула Исмаил, а после дней Арслангиреев уздень Аiskeбекова брата сын, а как вы почтенные князья навсегда уверяете, что пребудите в повиновении исполнении, но для жителей андреевских не делают на сие вероятие, а приказывает, а себе имеет мысли со всем противные, но вся сия дерзость, на что иное возвратить, как только непременно навлечете гнев начальничей, чего и прошу вас почтенных князей, сколько можно стараться подвластных предупреждать, и возвратить и тишине...» [ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 19. Л. 2].

В аналогичном письме от 4 апреля 1786 г. кизлярский комендант И.С. Вешняков обратился к аксаевским владельцам, в котором требовал всем удерживать своих подвластных от присоединения к шейху Мансуру [ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 20. Л. 6 об.].

В плане рассматриваемой темы вызывает интерес документ – письмо от 7 апреля 1786 г. эндиреевского князя Темира Хамзина коменданту Кизляра И.С. Вешнякову «Об общении шейха Мансура с андреевским и аксайским народами»:

«Доношу вашему высочородию, что бунтовщик Ушурма приезжал в аксаевскую и Андреевскую деревню квартиру; и в Андреевской квартировал у Алисултана, где, будучи, собрав из оных деревень народ, советовал с ним нижеследующее: 1-е. есть ли кто к российской стороне, поедет для учинения зла, таковых не пропускать; и за то грабить у них дома и брать штраф: а за воровство наказывать не трудно, вышеписанным штрафом же штрафовать; проезжающих от вас равно и от нас с караванными люди яко то из грузин или армян, либо из татар уговорились пропускать и без проводников безопасно...» [ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 20. Л. 73 и об.].

Как видно выше, имам Мансур пытался найти компромисс с имперской администрацией на Кавказе. Осознавая прошлые поражения, шейх Мансур понимал, что убедить народ и особенно руководителей на «священную войну» будет сложно он начал стремиться к диалогу с имперскими военными руководителями

на Кавказе. Однако русское военное командование неохотно шло на подобные инициативы шейха Мансура. Позже, генерал П.С. Потемкин, поменял методы борьбы с шейхом Мансуром. Теперь он вместо военных действий перешел к подкупу князей и старшин торговыми привилегиями, подарками и посулами. Все это привело к тому, что к концу 1786 г. стад движения горцев стал очевидным.

Видя его неудачи и боясь возмездия, даже в родном селении Мансура – Алды, старшины вступили в тайные переговоры с имперскими властями, уверяя в своей «непоколебимой верности Её Величеству» [Мусаев 2007: 210].

На сторону российских военных властей перешли даже наиболее близкие соратники шейха Мансура – князь Малой Кабарды Дол Мударов и эндиреевские бии Али-Солтан и Хаджи-Муртазали Чепаловы [История Чечни... 2008: 401]. Пытаясь урегулировать отношения с имперскими властями и добиться амнистии от них, в сентябре 1786 г. Али-Султан передал письмо имперскому руководству на Кавказе, где так объяснял свое совместное участие с имамом Мансуром. Данное письмо было передано через его узденя Кайчук-Агу. В своем донесении он называл одну из главных причин присоединению к имаму Мансуру «немалыми обидами», со стороны генерал-майора де Медемы, который изъяс у него узденя, 6 тысяч овец, 5 ясырей, а также 180 рублей. Естественно, Али-Султан лукавил, называя главной причиной присоединения к движению шейха Мансура обидой на политику, проводимую в отношении его генралом-майором фон Медемой. На наш взгляд главной причиной к присоединению являлось религиозные воззрения Али-Султана.

Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением известного кавказоведа Д.С. Кидирниязова, что основной причиной масштаба движения шейха Мансура и нападений на владения принявшего протекторат Российской империи грузинского царя, было наступление имперских властей на суверенитет местных народов [Кидирниязов 2008: 214]. Али-Султан, наряду с Чопалавом Муртузали-Аджиевым и Доллом Мударовым был одним из тех владельцев, кто, по мнению Я.З. Ахмадова безусловно учитывал в своих действиях общественные интересы и защиту суверенных прав своих народов [Ахмадов 2001: 399].

Часть населения Засулакской Кумыкии, особенно Эндиреевского княжества, активно вовлеченное в движение имама Мансура постепенно отходит от него, что в немалой степени этому способствовали усилия самих кумыкских князей. Засулакские правители, оставаясь по-прежнему верноподданными Российской империи, были сильно заинтересованы не потерять авторитет перед российской военной администрацией на Кавказе. К тому же, взаимовыгодные торгово-экономические интересы сторон, и, естественно, опасения возможных репрессий со стороны российских военных властей в отношении засулакских государственных образований, сыграли немаловажную роль в процессе, когда засулакским биям удалось снова вернуть своих подданных к пророссийской ориентации, т.е. в фарватер российской политики. Свидетельством тому служат документы ЦГА РД фонда 379 «Кизлярская комендантская канцелярия». Так, в письме от 30 мая 1786 г. засулакские правители капитан Хамза Алишев Костековский и Казий Темиров Эндиреевский к кизлярскому коменданту И.С. Вешнякову доносили, что

кумыкским владетелям удалось вернуть свои народы в подданство Ея Императорского Величества:

«Чрез сие вашему высокородию доносим, что, будучи, мы в Андреевской деревни советовали с народом день с шесть, ... мы с добропорядочными людьми думали и довели до того, что они лжепророка слушать не хотели; а желают находиться по-прежнему Ея Императорского Величества в подданстве; Андреевские князья помирились с народом и с одного согласия написали к его высокопревосходительству господину генерал-поручику и разных орденов кавалеру Павлу Сергеевичу Потемкину, и к вашему высокородию, письмо с прошением о своих виновностях, дабы они были в оных пропущены, ... полагаем мы, что аксаевцы и андреевцы будут лучше прежнего находится Ея Императорскому Величеству в послушании» [ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 20. Л. 129 и об.].

Аналогичным по содержанию является письмо от 6 июня 1786 г. эндиреевских и аксаевских владельцев Темира Хамзина, Аджи-Муртизалия Чепанова, Ахмедхана и Алхаса Каплановых, Касая Уцмиева, Бамата Арсланбекова; костековского владельца и капитана Хамзы Алишева кизлярскому коменданту И.С. Вешнякову, в котором князья уведомляли о том, что жители Эндирея и Аксая ныне отошли от шейха Мансура:

«Чрез сие вашего высокородия уведомляем мы, что наши подвластные Андреевские и аксайские уздени и черной народ, ...ныне, и не думайте, как они прежде были верными к Ея Императорскому Величеству, что были и ныне, так усердны, о чем мы и его высокопревосходительство господина генерал-поручика действительному камергеру и разных орденов кавалеру Павлу Сергеевичу Потемкину изъясняли об их замыслах просим...» [ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 20. Л. 133 и об.].

И, наконец, очередное письмо эндиреевского правителя Темира Хамзина от 23 июля 1786 г. кизлярскому коменданту И.С. Вешнякову с просьбой простить эндиреевцев за их переход на сторону шейха Мансура, что, на наш взгляд, окончательно смягчило недовольство российских военных властей.

«Через сие вашему высокородию доношу, – писал в письме Темир Хамзин, – что Андреевской народ не хотят присовокупиться к имаму и мичигинцам, которые ныне весьма печальны, что и прошлого года к оному приступили, и просят меня взойти в просьбу, чтоб я истребовал прощение совет, но я его высокопревосходительству господину генерал-поручику и кавалеру Павлу Сергеевичу Потемкину препровождаю при сем письмо с изъяснением их нижеписанную просьбу, ...то бы в оном были прощены...» [ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 21. Л. 56].

Как справедливо отмечал академик П.Г. Бутков, «Русский двор приняв покровительство своё Грузии, обращая виды свои на Армению, старался увеличить число зависимцев своих в Дагестане» [Бутков 1869: 132]. Поэтому петербургский двор даровал амнистию всем «одумавшимся», как некоторым владетелям, поддержавшим имама Мансура, так и рядовым участникам событий. Российская империя, проводившая гибкую политику на Кавказе и исходя из геополитических интересов в регионе, что мы видим особенно во второй половине XVIII в., осознавало роль и значение в ее проведении кумыкских государственных образований. К тому же, большинство кумыкских правителей, особенно шамхал

Тарковский, бывшие верными сторонниками России, являлись опорой в проведении кавказской политики империей, в расширении постепенного российского влияния в Северо-Восточном Кавказе в целом.

4 августа 1786 г. П.С. Потёмкин издал повеление об амнистии жителям Эндирея, принявшим наиболее активное участие в наступлении на Кизляр в предыдущем году:

«Старший владелец Андреевского народа Темир прислал сына своего Девлет-Гирея ко мне с просительным письмом от андреевских князей и народа о помиловании вас, что вы сами, познав вину и заблуждение свое, раскаясь злодеяниях примтя повинную уважая прошение сего почтенного старика, даю сим знать андреевскому народу, что милосердие Е.И.В. августейшей вашей самодержицы без предельно раскаяющиеся, что сердечно в делах своих преступники находят человеколюбие души Ея склонную миловать и щадить, ведая материнское и милосердие Е.И.В. расположения удержу я меч военной в верных моему управлению, есть ли андреевские владельцы, старшины и народ совершенное принесут раскаяние, но для должно тогда, во-первых, прислали они прошения с подписанием всех владельцев лучших узденей, лучших народных старшин, тремя или четырьмя депутатами из владельцев и узденей, чтоб приняли они новую на верность Е.И.В. присягу, чтоб отреклись от всяких сообщений с известным бунтовщиком и обманщиком Ушурмы и в доказательство чистого раскаяния дали аманатов, тогда оставляю я в покое Андреевской народ сопричту их к числу верных подданных Е.И.В. и буду сам ходатайствовать у его светлости господина генерал-фельдмаршала и кавалера Григория Александровича Потемкина, яко полномочного в здешних находящихся войск повелителя испросить Е.И.В. подтверждения о дарованной вам пощады» [ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 21. Л. 60 и об.].

Таким образом, графом П.С. Потёмкиным взамен на амнистию была потребована присяга на верность Екатерине II и аманаты.

Стоит отметить, что 1786 г. стал решающим для большинства кумыкских территориальных владений. Именно с этого момента стал оформляться начальный этап присоединения этих владений в состав Российской империи, завершившийся в октябре 1813 г.

Позже в 1787 г. шейх Мансур утратил свои позиции на Северо-Восточном Кавказе. Позже он перешел на территорию Кубани, к местам проживания черкесов и ногайцев [Идрисов, Абдусаламов 2012: 68], а в 1790 г. армия шейха Мансура состоявшие из адыгско-ногайских отрядов нанесла удар по корпусу Бибикова. В итоге последний вынужден был отступить от города Анапы, который он ранее хотел покорить [Мусаев 2007: 245-246]. Однако 30 сентября 1790 г. российскими войсками наголову была разбита турецкая экспедиционная армия Батал-паши за Кубанью при р. Тохтамыш. Османский двор, после сокрушительного поражения бездарного военачальника Батал-паши оказался не в силах продолжить войну. Как следствие этого, горские союзники были брошены на произвол судьбы. Шейх Мансур снова оказался вынужденным скрыться в османской крепости Анапа. В июне 1791 г. русские войска в ходе штурма овладели Анапой, где и пленили имама. Пленного шейха Мансура отправили в Петербург, где производился его допрос в Тайной экспедиции. После чего 15 октября 1791 г. он был осуждён на пожизненное заключение в Шлиссельбургской крепости «за

возбуждение народов гор против России и причинение большого ущерба империи» [История Чечни... 2008: 403].

Заключение

Таким образом, вышеизложенный материал показывает, что движение горцев Кавказа в 1785-1791 гг. под предводительством имама Мансура явилось крупным выступлением против русского самодержавия и предвестником грозной Кавказской войны, начавшейся в начале XIX в.

Отношение засулакских правителей к освободительному движению северокавказских народов под руководством шейха Мансура было неоднозначным. Некоторые из них, особенно эндиреевские бии, исходя из религиозных и политических мотивов, примкнули к шейху Мансуру. Но подавляющая часть засулакских правителей не поддержала движение имама Мансура, а осталась верной российской короне. Им в целом, в конечном счете, удалось также удержать от участия в движении имама Мансура свое подвластное население, тем самым огородив от возможных репрессивных мер со стороны российских военных властей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахмадов 1991 – *Ахмадов Ш.Б.* Имам Мансур. – Грозный: Б.и., 1991. – 288 с.
- Ахмадов 2001 – *Ахмадов Я.З.* История Чечни с древнейших времён до конца XIX века. – М.: изд-во «Мир дому твоему», 2001. – 426 с.
- Бегеулов 2009 – *Бегеулов Р.М.* Центральный Кавказа в XVII – первой четверти XIX века: очерки этнополитической истории. – Карачаевск: КЧГУ, 2009. – 240 с.
- Бутков 1869 – *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год: в 3 ч. СПб.: Тип. Имп. АН, 1869. Ч. 2. – 600 с.
- Идрисов, Абдусаламов 2012 – *Идрисов Ю.М., Абдусаламов М.-П.Б.* Кумыкские феодальные владения в контексте развития и краха теократического проекта имама Мансура в 1785-1786 гг. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2012. – Вып. 4. – С. 62-70.
- История Чечни... 2008 – История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 1. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. – Грозный: Книж. изд-во, 2008. – 828 с.
- Кидирниязов 2008 – *Кидирниязов Д.С.* Дагестан в стратегических планах России, Ирана и Турции в 80-х гг. XVIII века//Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исторического развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной к 180-летию присоединения Карачая к России. –Карачаевск: КЧГУ, 2008. – С. 203-216.
- Мусаев 2007 – *Мусаев А.Н.* Шейх Мансур. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 297 с.
- Русско-дагестанские...1988 – Русско-дагестанские отношения в XVIII- начале XIX в.: Сб. документов. – М.: Наука, 1988. – 357 с.
- ЦГА РД. Ф. 379. – Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 379 «Кизлярский комендант».

REFERENCES

- AHMADOV Ya.Z. *Istoriya Chechni s drevnejshix vremyon do koncza XIX veka* [History of Chechnya from Ancient Times to the End of the 19th Century]. – Moskva: izd-vo «Mir domu tvoemu», 2001. – 426 p. (In Russ.).
- BEGEULOV R.M. *Central`ny`j Kavkaza v XVII – pervoj chetverti XIX veka: ocherki e`tnopoliticheskoy istorii* [The Central Caucasus in the 17th – First Quarter of the 19th Century: Essays on Ethnopolitical History]. – Karachaeusk: KChGU, 2009. – 240 p. (In Russ.).

BUTKOV P.G. *Materialy` dlya novoj istorii Kavkaza s 1722 po 1803 god* [Materials for the New History of the Caucasus from 1722 to 1803]. – Sankt-Peterburg: Tip. Imp. AN, 1869. Ch. 2. – 600 p. (In Russ.).

IDRISOV Yu.M., ABDUSALAMOV M.-P.B. *Kumy`kskie feodal`ny`e vladeniya v kontekste razvitiya i kraxa teokraticheskogo proekta imama Mansura v 1785-1786 gg.* [Kumyk feudal possessions in the context of the development and collapse of the theocratic project of Imam Mansur in 1785-1786]. In: *Vestnik Ady`gejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul`turologiya.* – 2012. – Vy`p. 4. – P. 62-70. (In Russ.).

Istoriya Chechni s drevneishikh vremen do nashikh dnei. T. 1. Istoriya Chechni s drevneishikh vremen do kontsa XIX veka [History of Chechnya from Ancient Times to the Present: in 2 vols. Vol. 1. History of Chechnya from Ancient Times to the End of the 19th Century]. – Grozny`j: Knizh. izd-vo, 2008. – 828 p. (In Russ.).

KIDIRNIYaZOV D.S. *Dagestan v strategicheskix planax Rossii, Irana i Turcii v 80-x gg. XVIII veka* [Dagestan in the Strategic Plans of Russia, Iran, and Turkey in the 1780s]. In: *Gorskie obshhestva Kavkaza: problemy` sociokul`turnogo, politicheskogo, istoricheskogo razvitiya. Materialy` Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashhennoj k 180-letiyu prisoedineniya Karachaya k Rossii.* – Karachaevsk: KChGU, 2008. – P. 203-216. (In Russ.).

MUSAEV A.N. *Sheikh Mansur* [Sheikh Mansur]. – Moskva: Molodaya gvardiya, 2007. – 297 p. (In Russ.).

Russko-dagestanskije otnosheniya v XVIII- nachale XIX v.: Sb. dokumentov [Russian-Dagestani Relations in the 18th and Early 19th Centuries: Collection of Documents]. – Moskva: Nauka, 1988. – 357 p. (In Russ.).

Central`ny`j gosudarstvenny`j arxiv Respubliki Dagestan. F. 379 «Kizlyarskij komendant» [Central State Archive of the Republic of Dagestan. F. 379 "Kizlyar Commandant"]. (In Russ.).

Информация об авторах

М.-П.Б. Абдусаламов – доктор исторических наук, доцент.

Ю.М. Гусейнов – доктор исторических наук.

Ю.М. Идрисов – кандидат исторических наук.

Information about the authors

M.-P.B. Abdusalamov – Doctor of Sciences (History), Associate Professor.

Y.M. Guseinov – Doctor of Sciences (History).

Y.M. Idrisov – Candidate of Sciences (History).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.06.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 14.06.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

Научная статья
УДК 94+929
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-65-79
EDN: DBUDYS

СТРУКТУРА И ПОЛНОМОЧИЯ ФИНАНСОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КАВКАЗСКОЙ ОБЛАСТИ В 1827-1845 ГОДАХ

Мурат Владимирович Дышеков

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, dugur1@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4659-5704>

Аннотация. Статья посвящена исследованию структуры и полномочий финансовых учреждений Кавказской области в 1827-1845 годах на основе анализа основных положений «Высочайше утверждённого учреждения для управления Кавказской Областью» (1827 г.). Для этого рассмотрены особенности становления и деятельности финансовых учреждений на общеимперском, региональном (финансовые учреждения Кавказской области), окружном (финансовые полномочия окружных органов Кавказской области) и местном (финансовые полномочия местных органов Кавказской области) уровнях. Отмечается, что Министерство финансов через своих представителей в составе Кавказского комитета участвовало в разработке общей стратегии экономического развития региона, что давало возможность имперским властям сочетать общеимперские интересы с учетом местной специфики, создавая сбалансированную модель финансового управления окраинами империи. Обращается внимание на то, что Кавказская Казённая палата играла ключевую роль в системе финансового управления областью и сопредельными территориями, сочетая функции сбора доходов, контроля за расходованием средств и методологического руководства нижестоящими финансовыми органами. Дается характеристика статуса и полномочий окружных казначейств и некоторых местных органов власти и суда. Сделан вывод о том, что созданная в то время модель финансового управления отражала характерный для Российской империи баланс между унификацией и учётом региональной специфики, который сохранялся на протяжении всего XIX в.

Ключевые слова: Министерство финансов Российской империи, Государственное казначейство, Кавказская область, финансовые учреждения, казенная палата, казначейство

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова (договор № 36 от 28.01.2025 г.) в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: Дышеков М.В. Структура и полномочия финансовых учреждений Кавказской области в 1827-1845 годах // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 65-79. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-65-79. EDN: DBUDYS.

© Дышеков М.В., 2025

Original article

STRUCTURE AND POWERS OF FINANCIAL INSTITUTIONS
IN THE CAUCASUS REGION IN 1827-1845

Murat V. Dyshekov

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, dugur1@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4659-5704>

Abstract. The article is devoted to the study of the structure and powers of the financial institutions of the Caucasian Region in 1827-1845, based on an analysis of the main provisions of the "Imperial Approved Institution for the Administration of the Caucasian Region" (1827). To achieve this, the article examines the features of the formation and activities of financial institutions at the national, regional (financial institutions of the Caucasian Region), district (financial powers of the district bodies of the Caucasian Region), and local (financial powers of the local bodies of the Caucasian Region) levels. It is noted that the Ministry of Finance, through its representatives in the Caucasus Committee, participated in the development of a general strategy for the region's economic development, which allowed the imperial authorities to combine general imperial interests with local specifics, creating a balanced model of financial management for the empire's outlying regions. Attention is drawn to the fact that the Caucasian Treasury Chamber played a key role in the financial management system of the region and adjacent territories, combining the functions of revenue collection, expenditure control, and methodological guidance for lower-level financial authorities. The status and powers of the district treasuries and certain local authorities and courts are described. It is concluded that the financial management model created at that time reflected the balance between unification and regional specificity that was characteristic of the Russian Empire throughout the 19th century.

Keywords: Ministry of Finance of the Russian Empire, State Treasury, Caucasian Region, financial institutions, Treasury Chamber, Treasury

Acknowledgments and funding: The study was funded by an internal grant from Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov (agreement No. 36 dated January 28, 2025) as part of the Priority 2030 program.

For citation: Dyshekov M.V. Structure and powers of financial institutions in the Caucasus region in 1827-1845. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 65-79. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-65-79. EDN: DBUDYS.

© Dyshekov M.V., 2025

Введение

Актуальность темы исследования финансовой системы управления Кавказской областью в 1827–1845 гг. обусловлена несколькими факторами. Полагаем, что исторический опыт административного и финансового управления полиэтничными регионами имеет практическое значение для современной государственной политики, особенно в условиях сохранения этнокультурного разнообразия Северного Кавказа. Изучение механизмов интеграции особых территорий в общеимперское правовое пространство позволяет выявить и охарактеризовать эффективные модели управления, сочетающие централизацию с учётом региональной специфики. Кроме того, некоторые финансовые аспекты кавказской политики Российской империи во второй четверти XIX в. в контексте взаимодействия военных и гражданских административных практик остаются недостаточно изученными в современной историографии.

В связи с чем, цель исследования заключается в комплексном анализе структуры и функций институтов финансовой системы управления Кавказской областью в условиях постоянных административно-территориальных

преобразований Российской империи в северо-кавказском регионе. Это предполагает реконструкцию системы финансовых органов и учреждений оластей и губерний на Кавказе во второй четверти XIX в., выявление особенностей налоговой политики в отношении различных категорий населения, а также определение степени эффективности механизмов финансового контроля и отчетности.

Вместе с тем система финансовых учреждений на Северном Кавказе во второй четверти XIX в. до настоящего времени не получила комплексного исследования. В этом плане «Высочайше утверждённое учреждение для управления Кавказской Областью» 1827 г. (далее. – Учреждение 1827 г.) имеет большой информативный потенциал. Тем не менее некоторые нормы Учреждения 1827 г. затрагивались в работах И.Г. Гайдабура [Гайдабура 2007], Я.Н. Охонько [Охонько 2009а; Охонько 2009b], А.Э. Шавишвили [Шавишвили 2009], Н.И. Краснякова [Красняков 2010], А.Х. Абазова [Абазов 2016, Абазов, Нахушева 2020], Р.Э. Герман [Герман 2017], З.Ж. Глашевой [Глашева 2018], И.Р. Нахушевой [Нахушева 2020] и некоторыми другими авторами для характеристики особенностей становления российской государственности на Северном Кавказе и Юге Степного Предкавказья, этапов законодательного регулирования управления кавказскими территориями, социального и экономического развития Ставрополя в контексте геополитики России на Кавказе и т.п.

Сохранившиеся до настоящего времени источники позволяют охарактеризовать структуру и полномочия финансовых органов Кавказской области в 1827–1845 гг., в том числе особенности структурирования и функционирования финансовых учреждений на общеимперском уровне во взаимодействии с региональными учреждениями (казенными палатами и казначействами), определить полномочия этих учреждений на региональном (областном), окружном и местном уровнях административной иерархии на основании анализа основных положений «Высочайше утверждённого учреждения для управления Кавказской Областью» (1827). А это в свою очередь позволит создать основу для последующего исследования особенностей функционирования системы финансово-экономических учреждений на Кавказе в XIX в. с опорой на богатую источниковую базу. Например, в Государственном архиве Ставропольского края хранится достаточное множество документов по деятельности рассмотренных в настоящей статье финансовых учреждений [см. например: ГА СК. Ф. 459; ГА СК. Ф. 98 и др.].

Финансовые учреждения на общеимперском уровне

Во второй четверти XIX в. в Российской империи функционировала модель специализированных органов финансового контроля в составе государственной системы управления, которая начала складываться в результате министерской реформы начала XIX в. [Лагутин 2005: 8]. Высшим органом в системе финансовых органов России в первой половине XIX в. выступало учрежденное в 1802 г. Министерство финансов. Создание современной финансовой системы стало одной из важнейших задач стоящей перед ней [Дубянский 2012]. Серьезные траты бюджета произведенные в период царствования Екатерины II, участие России в постоянных войнах пошатнули ее экономическое положение. Сокращение расходов и увеличение бюджета стали приоритетными направлениями в

деятельности Министерства финансов. Попытки М.М. Сперанского провести финансовую реформу (проект «План финансов») встретили сопротивление ряда чиновников, а с его опалой и вовсе были свёрнуты [Прохоров, электронный ресурс].

Тем не менее, структура Министерства финансов постоянно совершенствовалась, а ее функции расширялись. 2 февраля 1821 г. указом императора были объединены Министерство финансов и государственное казначейство и образован департамент Государственного казначейства в составе Министерства финансов. Согласно закону, департаменту были подчинены губернские, областные, окружные казначейства с состоящими в их ведомстве уездными казначействами и «вообще казенные палаты, по делам до приходов и расходов казначейств относящиеся» [Костюков 2007].

Министерство финансов выступало главным координатором финансовой политики в кавказском регионе. Через свой центральный аппарат в Санкт-Петербурге министерство утверждало все основные финансовые документы региона – от годовых смет доходов и расходов до штатных расписаний местных финансовых учреждений. Именно Министерство финансов определяло общие принципы налогообложения, размеры податей и порядок их взимания, адаптируя общеимперские финансовые нормы к специфике кавказского региона.

Особое значение имела роль министерства в распределении финансовых потоков между центром и периферией. Министерство утверждало размеры ассигнований на содержание гражданской и военной администрации Кавказа, определяло объемы финансирования инфраструктурных проектов и мер по экономическому развитию региона. Через подчиненные ему структуры министерство осуществляло надзор за использованием средств, направляемых на нужды кавказского управления. Главное казначейство занималось учетом и управлением государственными доходами и расходами, предварительной проверкой и составлением финансовых смет и росписи доходов и расходов, и другими вопросами. За законностью, правильностью, а также рациональностью (выгодностью в финансовом плане) распорядительных и исполнительных действий «по приходу, расходу и хранению капиталов» подотчетных учреждений осуществлял наблюдение Государственный контроль [Михеева 2009: 304].

Важной функцией Министерства финансов было методологическое руководство местными финансовыми органами. Оно разрабатывало единые формы отчетности, инструкции по ведению приходно-расходных книг и правила проведения ревизий. Для Кавказской области, где сочетались различные системы налогообложения для оседлого и кочевого населения, эта унифицирующая роль была особенно важна. Министерство также утверждало особые финансовые правила для региона, учитывающие его пограничный статус и многонациональный состав.

Через своих представителей в составе Кавказского комитета Министерство финансов участвовало в разработке общей стратегии экономического развития региона. Финансовое ведомство инициировало проведение экономических ревизий, анализировало доходность региона и предлагало меры по оптимизации его финансового хозяйства. Эта деятельность позволяла сочетать общеимперские

интересы с учетом местной специфики, создавая сбалансированную модель финансового управления окраинами империи.

***Региональный (областной) уровень.
Финансовые учреждения Кавказской области***

С начала XIX в. вследствие расширения империи в бюджетной практике возникает новое явление – территориальные бюджеты окраин, существующие независимо от бюджетов министерств. Обособление бюджетов Закавказья, Царства Польского и Великого княжества Финляндского можно объяснить несколькими причинами: ограниченностью поступлений в бюджет налогов и других казенных доходов, которых было недостаточно даже для покрытия местных расходов; отсутствием коммуникаций, обеспечивающих взаимодействие администрации окраины и центра; военными действиями; необходимостью учитывать местные традиции финансового управления, а также особым административно-правовым статусом этих регионов в политической системе империи [Правилова 2006]. Как верно отмечала Е.А. Правилова «...фактически обстоятельства ежедневной административной практики, «фактор удаленности» и отсутствие коммуникаций, военные действия и недостаток собственных финансовых средств – все это требовало сохранения особых принципов финансовых отношений окраины и империи» [Правилова 2006].

Министерство финансов последовательно стремилось к унификации финансового управления на Кавказе с общеимперскими стандартами, что встречало сопротивление местной администрации. Как отмечает Е.А. Правилова, кавказские наместники «отстаивали особый статус региона, аргументируя это необходимостью гибкого подхода к управлению многоэтнической окраиной» [Правилова 2006]. Это противостояние особенно ярко проявилось в дискуссиях о порядке составления и утверждения смет расходов, где местные власти добивались большей самостоятельности.

Значительные сложности возникали при применении общеимперского налогового законодательства к специфическим кавказским реалиям. Министерство финансов пыталось распространить на регион подушную систему налогообложения, что часто оказывалось неэффективным. Особой статьёй разногласий стало финансирование масштабных проектов таких как, например, строительство дорог. Министерство финансов скептически относилось к инвестициям в кавказскую инфраструктуру, требуя детальных обоснований и экономических расчетов.

В первой половине XIX в. финансовые полномочия сосредотачивались в руках либо командующего кавказским корпусом, либо Главноуправляющего в Грузии, либо Наместника на Кавказе. В наместничествах, краях и генерал-губернаторствах военные и гражданские функции управления почти всегда сливались; в одних учреждениях объединялись различные функции (административно-полицейские, финансовые и пр.) [Ерошкин 1968: 192].

Зачастую им приходилось решать финансовые вопросы самостоятельно, без чей-либо помощи. Так, к примеру, когда в 1826 г. главнокомандующий войсками на Кавказской линии генерал от инфантерии А.П. Ермолов потребовал

расширить штат канцелярии, включив в нее архивариуса и казначея, то добавили ему только архивариуса [Институт генерал-губернаторства... 2001: 97].

Важным шагом на пути организации финансовой системы стала реформа 1827 года, когда Кавказская губерния была преобразована в Кавказскую область. Учреждение для управления Кавказской области, вступившее в силу 6 февраля 1827 г. – первое высочайше утвержденное особенное законодательное установление для Северо-Кавказского региона, чей статус и широкий спектр регулируемых отношений свидетельствуют о его исключительном значении [Шавишвили 2009: 71].

В соответствии с этим документом на месте Кавказской губернии была создана Кавказская область с добавлением земель Черноморского войска. В состав области входили земли, разделенные на четыре округа: Ставропольский, Георгиевский, Кизлярский и Моздокский. Управление областью осуществлялось на четырех уровнях: 1) Главное управление на Кавказе, расположенное в Тифлисе; 2) Областное управление с центром в Ставрополе; 3) Окружное управление с центрами в городах Ставрополь, Георгиевск, Моздок и Кизляр; 4) Волостное управление [Административная практика... 2012: 121-122]. В соответствии с Учреждением 1827 г. была выстроена достаточна стройная система управления с распределением финансовых полномочий.

Общее руководство Кавказкой областью возлагалось на Главноуправляющего в Грузии. Подробный и формально исчерпывающий, т.е. не допускающий расширения перечень обязанностей главноуправляющего был условно разделен в законе на три сферы компетенции: надзор за «движением дел» в органах исполнительной и судебной власти, контроль соблюдения законности и хозяйственная (преимущественно фискальная) деятельность [Шавишвили 2009: 71].

Согласно Учреждению 1827 г. [ПСЗРИ. Второе собрание. Т. 2. 1827 год. № 878], Главноуправляющий в Грузии обладал значительными, но строго регламентированными финансовыми полномочиями, которые определялись его подчинённостью как императору, так и центральным министерствам. Он выступал ключевым звеном в составлении и исполнении бюджета области. В его прямые обязанности входило «рассмотрение и общее соображение сметы и раскладки городских, земских и волостных доходов, расходов и повинностей и представление их по порядку Министерству...; рассмотрение убытков и вреда, случившееся по казенному имуществу, и меры обеспечения; представление высшему Начальству о назначении сумм на действие разных частей сверх штатного положения и в особенности на какие-либо новые предприятия, или заведения...» [Антология памятников права 2009: 540] и т.п.

Его компетенция распространялась на оперативное управление казёнными средствами. При этом он имел право на чрезвычайные (экстраординарные) расходы, однако их использование требовало строгой отчётности. Пределы его власти четко ограничивались. Так он не имел права «назначать новых издержек, или требовать от мест подчинённых, на какой бы то ни было предмет, отпуска сумм, расписанием неопределённых или последующими предписаниями Министерства не назначенных, ни применить их назначение» [Учреждение 1827 г., ч. 2, ст.

68]. Так же он не мог назначать новые подати и сборы или увеличить собираемую сумму [Учреждение 1827 г., ч. 2, ст. 69].

При этом в сфере налогов и сборов Главноуправляющий в Грузии наделялся правом адаптировать общеимперские нормы к местной специфике, особенно в отношении кочевых народов. Это подтверждается «Уставом для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области», который являлся частью общего учреждения. В нем, в частности указывается что кочующие народы платят оброк не с количества душ в кибитке, а сообразно их имущественному состоянию (количество скота) и промыслам [Учреждение 1827 г., ч. 2, ст. 78]. При этом земские повинности могли исполняться «как денежными взносами, так и натуральною повинностью».

Главноуправляющий в Грузии осуществлял общий надзор за деятельностью «Окружных казначейств» и «Казённой палаты», обеспечивая своевременный сбор податей и пошлин. Важной прерогативой было распределение средств между военной и гражданской администрацией, а также финансирование инфраструктурных проектов, что подчёркивало его роль распорядителя кредитов.

Контрольно-ревизионные функции являлись неотъемлемой частью его полномочий. Главноуправляющий организовывал ежегодную ревизию со стороны назначенных начальством чиновников всех финансовых учреждений, включая казначейства и таможи. Он имел право требовать все необходимые документы и книги для проверки целостности казённых сумм и мог инициировать расследование по фактам злоупотреблений. Однако его самостоятельность ограничивалась жёсткой системой отчётности перед центром: все финансовые операции фиксировались в приходно-расходных книгах по установленной форме, которые регулярно направлялись в Министерство финансов.

Согласно Учреждению 1827 г., Областное управление являлось центральным исполнительным органом, обладавшим комплексными финансовыми полномочиями. Его основной функцией было составление «общей сметы и раскладки городских и земских доходов, расходов и повинностей» [Учреждение 1827 г. Ч. 1. Ст. 24. III. 1] по области, которая подлежала последующему утверждению Главноуправляющим в Грузии и Министерством финансов. Управление ведало распределением казённых средств между округами и контролировало исполнение бюджета, обеспечивая соответствие финансовых операций установленным нормам. «Побуждение к скорому и законному производству дел взыскания недоимок во всех местах Областных и низших» [Учреждение 1827 г. Ч. 1. Ст. 23] было одной из центральных финансовых задач Областного управления. Кроме того, Областное управление занималось организацией торгов и подрядов, превышавших сумму в 10 000 руб. [Учреждение 1827 г. Ч. 1. Ст. 24. III. 3], рассматривало и утверждало контракты на сумму от 2 000 до 10 000 руб. [Учреждение 1827 г. Ч. 1. Ст. 24. III. 4], обсуждало вопросы, касающиеся убытков, и принимало меры по дальнейшей охране казенного имущества [Учреждение 1827 г. Ч. 1. Ст. 24. III. 6]. Конкретные финансовые вопросы были закреплены за Третьим отделением Областного правления.

Контрольно-ревизионные функции Областного управления включали регулярную проверку финансовой отчетности всех подведомственных учреждений.

Оно обязано было ежемесячно представлять ведомости о состоянии финансов высшему начальству, обеспечивая прозрачность использования казённых средств. Управление проводило ревизии окружных казначейств, выявляя нарушения и принимая меры к их устранению, вплоть до привлечения виновных к ответственности за растрату казённых сумм. Кроме того, Областное управление обладало полномочиями по решению локальных финансовых вопросов, не требующих высшего утверждения. Так, оно могло распределять средства на неотложные нужды в пределах утверждённых смет.

Согласно Учреждению 1827 г., Казённая палата при Областном управлении являлась центральным финансовым органом области с четко структурированной организацией. В ее состав входили председатель, старший советник, три советника и казначей [Учреждение 1827 г. Ч. 1. Ст. 34], а также штат столоначальников по разным видам сборов, бухгалтеров и счетных чиновников. Члены Казенной палаты назначались Министерством финансов по согласованию с Главным управляющим [Учреждение 1827 г. Ч. 1. Ст. 181].

Казенная палата состояла из нескольких отделений, отвечавших за конкретные направления финансового управления: казённые сборы, ревизию счетов, недоимки и хозяйственные операции. Эта структура обеспечивала комплексный контроль над всеми финансами области.

Финансовые полномочия Казённой палаты охватывали все стороны доходной части бюджета. Палата ведала всеми казёнными сборами и доходами, включая подушную подать с оседлого населения и оброк с кочевых народов. На палату возлагался контроль за таможенными и питейными сборами, а также надзор за исправным поступлением доходов от государственных имуществ и промыслов. Она вела строгий учёт всех поступающих сумм, составляя годовые финансовые отчёты по установленной форме.

Важнейшей функцией палаты была организация ревизионной работы. Учреждение производило ревизию казначейств и финансовых отчетов всех округов, выявляя недостатки и нарушения. Палата наделялась правом требовать от местных властей все необходимые документы и книги для проверки, а также составляла ведомости недоимок и наблюдала за их взысканием. При обнаружении злоупотреблений палата инициировала расследование и передавала материалы судебным органам для привлечения виновных к ответственности за растрату казённых сумм.

Казённая палата играла ключевую роль в системе финансового управления Кавказской областью и сопредельными территориями, сочетая функции сбора доходов, контроля за расходованием средств и методологического руководства нижестоящими финансовыми органами.

Финансовые полномочия окружных органов Кавказской области

Согласно Учреждению 1827 г., окружные начальники являлись ключевыми административными лицами на местах, обладавшими широкими финансовыми полномочиями в пределах своих округов. Их статус определялся прямым подчинением Областному начальнику, при этом они осуществляли общее руководство всеми финансовыми органами на территории округа, включая окружные

казначейства и местные налоговые службы. Структура управления предполагала наличие при начальнике штата чиновников, ответственных за конкретные направления финансовой деятельности.

Важным аспектом полномочий являлся контроль за бюджетным процессом на окружном уровне. Окружные начальники составляли и представляли на утверждение сметы доходов и расходов по своим округам в Областное правление. Они осуществляли надзор за деятельностью окружных казначейств, обеспечивая целевое использование средств и соблюдение финансовой дисциплины. Окружным начальникам предписывалось ежемесячно представлять ведомости о состоянии финансов округа высшему начальству, обеспечивая прозрачность финансовых операций [Учреждение 1827 г. Ч. 1. Ст. 52]. Они имели права проводить внеплановые проверки казны и всего казенного имущества в пределах округа и «ревизии справочных цен».

Деятельность Окружных начальников в финансовой сфере сочеталась с их административными и судебными функциями, что создавало комплексную систему управления на местах. Они имели право привлекать к ответственности за нарушения в финансовой сфере, но их решения могли быть обжалованы в Областном правлении.

В состав Окружного правления входило окружное казенное управление. Оно состояло из казначея, смотрителя питейной продажи и смотрителя солевой продажи. В его обязанности входило ежемесячная ревизия Окружного казначейства и солевой части. Основные задачи Казначейства включали: сбор различных доходов согласно окладным книгам и расписаниям, хранение средств, переданных из разных источников, учет расходов по точным расписаниям и назначениям Казенной Палаты, составление месячных выписок и годовых отчетов о приходах, расходах и остатках, взыскание недоимок через взаимодействие с Городским Управлением и Земским Судом, а также сборы за гербовую и вексельную бумагу, а также за паспорта в целом [Учреждение 1827 г. Ч. 1. Ст. 70].

Согласно Учреждению 1827 г., окружные казначейства представляли собой ключевое звено финансовой системы на местном уровне. Их структура включала окружного казначея (чиновника 8-го класса), бухгалтера, кассира и канцелярских служащих, подчинявшихся непосредственно Окружному начальнику. Казначейства создавались в каждом из четырех округов области (Ставропольском, Георгиевском, Моздокском и Кизлярском) и образовывали единую систему с четкой иерархией подчинения Областному казначейству в Ставрополе.

Финансовые полномочия Окружных казначейств охватывали весь спектр операций с казенными средствами. Они осуществляли приём, хранение и отпуск казенных сумм по утверждённым сметам. На них возлагался контроль за сбором налогов: «сбор податей и налогов с населения» включая подушную подать с оседлых жителей и оброк с кочевых народов, который взимался «с кибитки, сообразно их состоянию и промыслам». Казначейства также ведали таможенными сборами и другими местными доходами.

Особой важностью обладали полномочия по учёту и отчетности. Окружные казначейства обязаны были вести приходно-расходные книги по установленной форме и представлять ежемесячные финансовые отчёты в Областное

казначейство. Они обеспечивали выдачу жалованья всем чиновникам округа согласно штатным расписаниям, а также финансирование местных нужд в пределах утверждённых смет. Все операции проводились под строгим контролем, а казначей нес материальную ответственность за целостность вверенных ему денег.

Деятельность Окружных казначейств жёстко регламентировалась и контролировалась вышестоящими органами. Они подлежали ежегодной ревизии со стороны назначенных начальством чиновников.

Финансовые полномочия местных органов Кавказской области

Согласно Учреждению 1827 г., волостные правления являлись низовым звеном финансовой системы, обладавшим значительными полномочиями по сбору налогов и управлению местными средствами. Они осуществляли непосредственный сбор податей с населения, включая подушную подать с оседлых жителей и оброк с кочевых народов, который взимался с кибитки, сообразно их состоянию и промыслам. Волостные правления вели подробные реестры налоговых поступлений, обеспечивая учёт и своевременное перечисление собранных средств в окружные казначейства.

Важной функцией волостных правлений была организация земских и волостных повинностей [Учреждение 1827 г. Ст. 127], которые могли исполняться как денежными взносами, так и натуральной повинностью. Они распределяли повинности между населением согласно установленным нормам и контролировали их исполнение. Волостные правления также занимались взысканием недоимок с населения, применяя предусмотренные законом меры воздействия к неплательщикам, но в пределах своей компетенции.

Финансовая деятельность волостных правлений жёстко контролировалась вышестоящими органами. Они обязаны были представлять регулярные отчёты о собранных суммах и произведённых расходах окружным начальникам и в казённую палату. Все операции проводились в соответствии с утверждёнными сметами и правилами, а самостоятельность волостных правлений в финансовых вопросах была ограничена необходимостью согласования ключевых решений с окружными властями.

Нельзя обойти вниманием и местные Словесные суды, которые обладали ограниченными, но важными финансовыми полномочиями, ориентированными на разрешение малозначительных споров и поддержание финансового порядка на местном уровне. Их основной функцией в финансовой сфере было решение дел о маловажных долговых спорах между местными жителями, что позволяло оперативно урегулировать конфликты без обращения в вышестоящие инстанции. Суды также имели право взыскивать штрафы за маловажные проступки, что способствовало поддержанию дисциплины и пополнению местных доходов.

Деятельность Словесных судов в финансовой сфере была строго регламентирована. Они могли рассматривать только дела с небольшой суммой иска, определённой учреждением, и их решения не касались вопросов государственных налогов или крупных финансовых операций. Все взысканные средства передавались в окружные казначейства или направлялись на местные нужды в соответствии с установленными правилами. Суды вели учёт финансовых решений, но

не обладали полномочиями по самостоятельному распоряжению собранными суммами.

Финансовые полномочия Словесных судов являлись частью их общей юрисдикции и подчинялись принципам, изложенным в учреждении. Их решения могли быть обжалованы в вышестоящих инстанциях, что обеспечивало контроль за соблюдением законности. Несмотря на ограниченный характер их финансовых полномочий, Словесные суды играли важную роль в поддержании финансового порядка на местах, обеспечивая быстрое и доступное разрешение споров, связанных с незначительными денежными вопросами.

Заключение

На основе анализа Учреждения 1827 г. можно сделать следующие выводы о системе финансовых органов региона:

1. *Оно регламентировало создание строго централизованной и иерархической системы финансового управления в пределах Кавказской области.* Учреждение 1827 г. зафиксировало чёткую вертикаль финансовых учреждений: от Министерства финансов через Главноуправляющего в Грузии к Областному правлению, а затем к окружным и местным органам. Эта система обеспечивала жёсткий контроль центра над финансовыми потоками окраины, но при этом предоставляла определённую степень автономии в адаптации общеимперских норм к местным условиям. Финансовая отчетность всех уровней подлежала регулярной ревизии, что минимизировало возможности для злоупотреблений.

2. *Дифференцированный подход к налогообложению различных категорий населения.* Документ закрепил особый порядок управления финансами кочевых народов, что проявилось в включении «Устава для управления ногайцев». Этот подход демонстрирует прагматизм имперской власти, стремившейся интегрировать окраины без кардинальной ломки традиционных экономических укладов.

3. *Сочетание военных и гражданских принципов управления.* Финансовая система Кавказской области отражала её пограничный статус: наряду с гражданскими казначействами, значительная роль отводилась военной администрации в распределении средств. Это проявлялось в финансировании укреплений, содержании войск и особом порядке утверждения внесметных расходов на неотложные военные нужды.

4. *Заложение основ для дальнейшей интеграции Северо-Кавказского региона в финансово-экономическую систему России.* Учреждение 1827 г. стало важным этапом в процессе включения Кавказа в общеимперское правовое и финансовое пространство. Созданная система органов с чёткими полномочиями и процедурами позволила наладить регулярный сбор налогов, учёт доходов и расходов, а также контроль за использованием средств. Однако сохранявшееся напряжение между центром и регионами в вопросах финансовой автономии предопределило дальнейшие административные реформы на Кавказе.

В целом, анализ основных положений Учреждения 1827 г. в части организации деятельности финансово-экономических учреждений показывает, что созданная в то время модель финансового управления отражала характерный для

Российской империи баланс между унификацией и учётом региональной специфики, который сохранялся на протяжении всего XIX в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2016 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. – Нальчик: «Печатный двор», 2016. – 264 с.

Абазов, Нахушева 2020 – *Абазов А.Х., Нахушева И.Р.* Приставские управления на Северном Кавказе в последней трети XVIII – первой половине XIX века: эволюция деятельности // Научный диалог. – 2020. – № 8. – С. 287-300.

Административная практика... 2012 – *Административная практика* Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сборник документов. Сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахидзе. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 399 с.

Антология памятников... 2009 – *Антология памятников* права народов Кавказа / Ростовский юридический институт Северо-Кавказской академии государственной службы, Институт государства и права РАН, Южный филиал, Российская академия юридических наук, Северо-Кавказское отделение. – Ростов-на-Дону: Северо-Кавказская академия государственной службы, 2009. – 660 с.

ГА СК. Ф. 459 – Государственный архив Ставропольского края. Ф. 459 «Ставропольская казенная палата».

ГА СК. Ф. 98 – Государственный архив Ставропольского края. Ф. 98 «Казначейства Ставропольской губернии и Терской области» и др.

Гайдабура 2007 – *Гайдабура И.Г.* Становление системы административного управления на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX вв.): автореф. дисс. канд. юрид. н-к. – Краснодар, 2007. – 26 с.

Герман 2017 – *Герман Р.Э.* Социальное и экономическое развитие Ставрополя в контексте геополитики России на Кавказе: конец XVIII – начало 60-х гг. XIX века. – Ставрополь: Издательство Ставролит, 2017. – 204 с.

Глашева 2018 – *Глашева З.Ж.* Создание и функционирование особых государственных органов управления на Кавказе в 30-50 гг. XIX в. // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2018. – № 4(39). – С. 62-68.

Дубянский 2012 – *Дубянский А.Н.* Финансовая реформа в России в начале XIX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2012. – Сер. 5. Вып. 2. – С. 91–98.

Ерошкин 1968 – *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. – М.: Высшая школа, 1968. – 192 с.

Институт генерал-губернаторства... 2001 – Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской Империи: В 2 т. / Под общей редакцией В.В. Черкесова Т.1 / Научные редакторы тома Луковская Д.И., Раскин Д.И. – СПб.: Изд. СПбГУ, 2001. – 430 с.

Костюков, электронный ресурс – *Костюков А.В.* История российских финансов. Великий Новгород, 2007 // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://studfile.net/preview/5825671/page/5/>. Дата обращения: 14.05.2025 г.

Красняков 2010 – *Красняков Н.И.* Основные этапы законодательного регулирования управления кавказскими территориями Российской империи // Федерализм. – 2010. – № 1(57). – С. 177-194.

Лагутин 2005 – *Лагутин И.Б.* Государственный финансовый контроль в Российской империи в первой половине XIX века (историко-правовое исследование): автореф. дис. канд. юрид. н-к. – М., 2005. – 24 с.

Михеева 2009 – *Михеева И.В.* Государственный контроль и надзор в контексте министерского правотворчества в XIX веке // Проблемы в российском законодательстве. – 2009. – № 4. – С. 304–308.

Нахушева 2020 – *Нахушева И.Р.* О статусе приставских управлений на основании учреждения для управления Кавказской областью (1827 Г.) // Перспектива – 2020: Материалы

Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. В 5 томах, Нальчик, 01–30 апреля 2020 года. Том I. – Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 2020. – С. 212-216.

Охонько 2009а – *Охонько Я.Н.* Становление российской государственности в Предкавказье в XVIII-XIX вв.: автореф. дисс. канд. юрид. н-к. – Ставрополь, 2009. – 27 с.

Охонько 2009б – *Охонько Я.Н.* Управление инородцами Северного Кавказа по Учреждению для управления Кавказской области 1827 г. // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2009. – № 3. – С. 118-123.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. – Т. 2. – 1827 год. – № 878.

Правилова 2006 – *Правилова Е.А.* Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801-1917. М.: Новое издательство, 2006 // Электронный ресурс. Режим доступа: https://statehistory.ru/books/Ekaterina-Pravilova_Finansy-imperii-Dengi-i-vlast-v-politike-Rossii-na-natsionalnykh-okrainakh/. Дата обращения: 15.05.2025 г.

Прохоров электронный ресурс – *Прохоров В.Е.* Проекты оздоровления государственных финансов России в первой четверти XIX века // Электронный ресурс. Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/30695/1/dais_06_01.pdf. Дата обращения: 15.05.2025 г.

Шавишвили 2009а – *Шавишвили А.Э.* Правовое положение Северного Кавказа в составе Российской империи // Общество и право. – 2009. – № 1 (23). – С. 70-72.

Шавишвили 2009б – *Шавишвили А.Э.* Правовое положение Северного Кавказа в составе Российской империи: автореф. дисс. канд. юрид. н-к. – Краснодар, 2009. – 20 с.

REFERENCES

ABAZOV A.KH. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi impe-rii v kontse XVIII – nachale XX v.* [The Peoples of the Central Caucasus in the Judicial System of the Russian Empire in the Late 18th and Early 20th Centuries]. – Nal'chik: «Pechatnyi dvor», 2016. – 264 p. (In Russ.).

ABAZOV A.KH., NAKHUSHEVA I.R. *Pristavskie upravleniya na Severnom Kavkaze v poslednei treti XVIII – pervoi polovine XIX veka: evolyutsiya deyatel'nosti* [The Bailiff Departments in the North Caucasus in the Last Third of the 18th Century and the First Half of the 19th Century: Evolution of Activities]. In: Nauchnyi dialog. – 2020. – № 8. – P. 287-300. (In Russ.).

Administrativnaya praktika Rossiiskoi imperii na Tsentral'nom Kavkaze s kontsa XVIII v. do 1870 g. (na materiale Osetii) [The Administrative Practice of the Russian Empire in the Central Caucasus from the Late 18th Century to 1870 (Based on the Material from Ossetia)]: Sbornik dokumentov. Sost., vstup. st., kom-ment. E.I. Kobakhidze. – Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2012. – 399 p. (In Russ.).

Antologiya pamyatnikov prava narodov Kavkaza [Anthology of Legal Monuments of the Peoples of the Caucasus] / Rostovskii yuridicheskii institut Severo-Kavkazskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby, Institut gosudarstva i prava RAN, Yuzhnyi filial, Rossiiskaya akademiya yuridicheskikh nauk, Severo-Kavkazskoe otde-lenie. – Rostov-na-Donu: Severo-Kavkazskaya akademiya gosudarstvennoi sluzhby, 2009. – 660 p. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraia. F. 459 «Stavropol'skaya kazennaya palata» [State Archives of the Stavropol Territory. F. 459 "Stavropol Treasury Chamber"]. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraia. F. 98 «Kaznacheistva Stavropol'skoi gubernii i Terskoi oblasti» [State Archive of the Stavropol Territory. F. 98 "The Treasury of the Stavropol Province and the Terek Region"]. (In Russ.).

GAIDABURA I.G. *Stanovlenie sistemy administrativnogo upravleniya na Severnom Kavkaze (konets XVIII – nachalo XX vv.)* [The Formation of the Administrative Management System in the North Caucasus (Late 18th – Early 20th Centuries)]: avtoref. diss. kand. jurid. n-k. – Krasnodar, 2007. – 26 p. (In Russ.).

GERMAN R.E. *Sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitie Stavropol'ya v kontekste geopo-litiki Rossii na Kavkaze: konets XVIII – nachalo 60-kh gg. XIX veka* [Social and Economic Development

of the Stavropol Territory in the Context of Russia's Geopolitics in the Caucasus: Late 18th – Early 1860s]. – Stavropol': Izda-tel'stvo Stavrolit, 2017. – 204 p. (In Russ.).

GLASHEVA Z.ZH. *Sozdanie i funktsionirovanie osobykh gosudarstvennykh organov upravleniya na Kavkaze v 30-50 gg. XIX v.* [The Establishment and Functioning of Special State Administrative Bodies in the Caucasus in the 1830s-1850s]. In: Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy. – 2018. – № 4(39). – P. 62-68. (In Russ.).

DUBYANSKII A.N. *Finansovaya reforma v Rossii v nachale XIX veka* [Financial Reform in Russia in the Early 19th Century]. In: Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. – 2012. – Ser. 5. Vyp. 2. – P. 91–98. (In Russ.).

EROSHKIN N.P. *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolutsionnoi Rossii* [The history of state institutions in pre-revolutionary Russia]. – M.: Vysshaya shkola, 1968. – 192 p. (In Russ.).

Institut general-gubernatorstva i namestnichestva v Rossiiskoi Imperii [The Institute of Governor-Generalship and Viceroyalty in the Russian Empire]: V 2 t. / Pod obshchei redaktsiei V.V. Cherkesova T.1 / Nauchnye redaktory toma Lukovskaya D.I., Ras-kin D.I. – SPb.: Izd. SpbGU, 2001. – 430 p. (In Russ.).

KOSTYUKOV A.V. *Istoriya rossiiskikh finansov. Velikii Novgorod, 2007* [History of Russian Finance]. In: Elek-tronnyi resurs. Rezhim dostupa: <https://studfile.net/preview/5825671/page:5/>. Data obrashche-niya: 14.05.2025 g. (In Russ.).

KRASNYAKOV N.I. *Osnovnye etapy zakonodatel'nogo regulirovaniya upravleniya kavkazskimi territoriyami Rossiiskoi imperii* [The Main Stages of Legislative Regulation of the Administration of the Caucasian Territories of the Russian Empire]. In: Federalizm. – 2010. – № 1(57). – P. 177-194. (In Russ.).

LAGUTIN I.B. *Gosudarstvennyi finansovyi kontrol' v Rossiiskoi imperii v per-voi polovine XIX veka (istoriko-pravovoe issledovanie)* [State Financial Control in the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (Historical and Legal Research)]: avtoref. dis. kand. yurid. n-k. – M., 2005. – 24 p. (In Russ.).

MIKHEEVA I.V. *Gosudarstvennyi kontrol' i nadzor v kontekste ministerskogo pravotvorchestva v XIX veke* [State Control and Supervision in the Context of Ministerial Lawmaking in the 19th Century]. In: Problemy v rossiiskom zakonodatel'stve. – 2009. – № 4. – С. 304–308. (In Russ.).

NAKHUSHEVA I.R. *O statute pristavskikh upravlennii na osnovanii uchrezhdeniya dlya upravleniya Kavkazskoi oblast'yu (1827 G.)* [On the Status of Bailiff Offices Based on the Establishment for the Administration of the Caucasian Region (1827)]. In: Perspektiva – 2020: Materialy Mezhduna-rodnoi nauchnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh. V 5 tomakh, Nal'chik, 01–30 aprelya 2020 goda. Tom I. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskii gosudarstvennyi universitet im. Kh.M. Berbekova, 2020. – P. 212-216. (In Russ.).

OKHON'KO YA.N. *Stanovlenie rossiiskoi gosudarstvennosti v Predkavkaz'e v XVIII-XIX vv.* [The Formation of Russian Statehood in the Ciscaucasia in the 18th and 19th Centuries]: avtoref. diss. kand. yurid. n-k. – Stavropol', 2009. – 27 p. (In Russ.).

OKHON'KO YA.N. *Upravlenie inorodtsami Severnogo Kavkaza po Uchrezhdeniyu dlya upravleniya Kavkazskoi oblasti 1827 g.* [The Administration of the Non-Russians of the North Caucasus under the 1827 Regulations for the Administration of the Caucasian Region]. In: Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy. – 2009. – № 3. – P. 118-123. (In Russ.).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Vtoroe sobranie [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. – T. 2. – 1827 god. – № 878. (In Russ.).

PRAVILOVA E.A. *Finansy imperii: Den'gi i vlast' v politike Rossii na natsional'nykh okrainakh, 1801-1917. M.: Novoe izdatel'stvo, 2006* [The Finance of the Empire: Money and Power in Russian Politics in the National Outlying Regions, 1801-1917]. In: Elektronnyi resurs. Re-zhim dostupa: https://statehistory.ru/books/Ekaterina-Pravilova_Finansy-imperii-Dengi-i-vlast-v-politike-Rossii-na-natsionalnykh-okrainakh/. Data obrashcheniya: 15.05.2025 g. (In Russ.).

PROKHOROV V.E. *Proekty ozdorovleniya gosudarstvennykh finansov Rossii v pervoi chetverti XIX veka* [Projects for Improving the State Finance of Russia in the First Quarter of the 19th

Century]. In: Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/30695/1/dais_06_01.pdf. Data obrashcheniya: 15.05.2025 g. (In Russ.).

SHAVISHVILI A.E. *Pravovoe polozhenie Severnogo Kavkaza v sostave Rossiiskoi imperii* [The Legal Status of the North Caucasus within the Russian Empire]. In: Obshchestvo i pravo. – 2009. – № 1 (23). – P. 70-72. (In Russ.).

SHAVISHVILI A.E. *Pravovoe polozhenie Severnogo Kavkaza v sostave Rossiiskoi imperii* [The Legal Status of the North Caucasus within the Russian Empire]: avtoref. diss. kand. yurid. n-k. – Krasnodar, 2009. – 20 p. (In Russ.).

Информация об авторе

М.В. Дышеков – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

M.V. Dyshekov – candidate of science (History), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.06.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 17.06.2025 y.; approved after reviewing 15.09.2025 y.; accepted for publication 27.09.2025 y.

Научная статья
УДК 94+929
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-80-89
EDN: DRMCON

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ МЕНОВОЙ ТОРГОВЛИ НА КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ В 40-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 50-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

Марина Хасанбиевна Бербекова

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, yucatan_line@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3981-623X>

Аннотация. Статья посвящена исследованию некоторых особенностей организации меновой торговли на Кавказской линии в 40-х – первой половине 50-х гг. XIX в. Рассмотрены принципы и планы по организации меновой торговли на Кавказе. Отмечено, что власти считали целесообразным учреждать торговые дворы поблизости от городов или крупных селений для обеспечения удобства доступа к ним представителей местного населения. Определен штат служащих управления «Главного попечителя меновых сношений с горцами» и меновых дворов, установлены размеры их жалования в зависимости от занимаемой должности. Обращается внимание на то, что места расположения меновых дворов охватывали значительную территорию Кавказа, включая города (Кизляр, Моздок, Пятигорск, Екатеринодар), станции (Червленая, Наурская, Прохладненская, Батал-Пашинская, Усть-Лабинская) и крепости (Кавказская). Установлено, что к каждому меновому двору были приписаны конкретные народы, такие как кумыки, чеченцы, ингуши, кабардинцы, осетины, балкарцы, карачаевцы, ногайцы, абазыны, а также черкесский и некоторые другие соседние народы. Установлен примерный перечень товаров, которые предлагались для взаимного обмена на пунктах меновой торговли. Сделан вывод о том, что несмотря на сложности военно-политическую ситуацию в регионе в 40-х – первой половине 50-х гг. XIX в., российские власти стремились к созданию эффективной и взаимовыгодной системы меновой торговли с представителями коренного населения на Кавказе, что демонстрирует их попытку интегрировать регион в экономическое пространство империи.

Ключевые слова: Кавказ, Кавказская линия и Черноморья, народы Кавказа, торговля, меновые дворы, торговый попечитель

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова (договор № 36 от 28.01.2025 г.) в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: Бербекова М.Х. Некоторые особенности организации меновой торговли на Кавказской линии в 40-х – первой половине 50-х годов XIX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 80-89. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-80-89. EDN: DRMCON.

© Бербекова М.Х., 2025

Original article

SOME FEATURES OF THE ORGANIZATION OF BARTER TRADE ON THE CAUCASIAN LINE IN THE 1840S AND THE FIRST HALF OF THE 1850S

Marina Kh. Berbekova

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, yucatan_line@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3981-623X>

Abstract. The article is devoted to the study of some features of the organization of barter trade on the Caucasian Line in the 1840s and the first half of the 1850s. The principles and plans for organizing barter trade in the Caucasus are considered. It is noted that the authorities considered it expedient to establish trading yards near cities or large villages to ensure easy access for local residents. The staff of the Office of the Chief Trustee of Trade Relations with the Highlanders and the exchange yards has been determined, and their salaries have been set according to their positions. It is noted that the locations of the exchange yards covered a significant area of the Caucasus, including cities (Kizlyar, Mozdok, Pyatigorsk, and Yekaterinodar), villages (Chervlennaya, Naurskaya, Prokhladnenskaya, Batal-Pashinskaya, and Ust-Labinskaya), and fortresses (Kavkazskaya). It has been established that specific peoples, such as the Kumyks, Chechens, Ingush, Kabardians, Ossetians, Balkars, Karachais, Nogais, Abazins, as well as various Circassian and other neighboring peoples, were assigned to each exchange yard. An approximate list of goods was established for mutual exchange at the barter points. It is concluded that despite the coherence of the military and political situation in the region in the 1840s and the first half of the 1850s, the Russian authorities sought to create an effective and mutually beneficial system of barter trade with the indigenous population of the Caucasus, demonstrating their attempt to integrate the region into the economic space of the empire.

Keywords: The Caucasus, the Caucasian Line and Chernomorye, the peoples of the Caucasus, trade, exchange yards, and the trade trustee

Acknowledgments and funding: The study was funded by an internal grant from Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov (agreement No. 36 dated January 28, 2025) as part of the Priority 2030 program.

For citation: Berbekova M.Kh. Some features of the organization of barter trade on the Caucasian Line in the 1840s and the first half of the 1850s. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 80-89. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-80-89. EDN: DRMCOH.

© Berbekova M.Kh., 2025

Введение

Одним из аспектов инкорпорации коренного населения Кавказа в состав Российской империи в середине XIX в. была экономическая интеграция. Важной формой такой интеграции была организация меновой торговли между российскими торговцами и представителями коренного населения и учреждение для этого меновых дворов на Кавказской линии. Система управления меновыми дворами появилась на Кавказе на основании утвержденного императором журнала Комитета министров от 6 июля 1840 г. [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 782. Л. 71]. Правовым основанием для их учреждения были ст. 1690-1694 Свода Уставов Таможенных [Свод 1857]. Однако к этому времени деятельность меновых дворов уже не была новаторством в установлении торгово-экономических отношений с народами региона. Некоторые меновые дворы существовали здесь и ранее. Но к середине XIX в. власти видели в этом большой интеграционный потенциал, который помимо, собственно, товарообмена, способствовал установлению деловых отношений российского правительства и местного населения. И у властей складывалось понимание, что их деятельностью нужно управлять централизо-

ванно. Поэтому исследование истории становления и функционирования меновых дворов на Кавказе в 40-х – первой половине 50-х гг. XIX в. является актуальной научной задачей современного кавказоведения.

Некоторые вопросы развития торговли у народов Северного Кавказа на рубеже 40–50-х гг. XIX в. затрагивались в работах Т.Х. Кумыкова [Кумыков 1962], Ю.Ю. Гранкина [Гранкин 2011], А.А. Илясовой [Илясова 2012], Ш.Б. Ахмадова [Ахмадов 2013], Д.С. Кидирниязова [Кидирниязов 2016; Кидирниязов 2017], Н.С. Ткаленко и Н.Н. Великой [Такленко, Великая 2016; Ткаленко 2019], П.А. Кузьминова [Кузьминов 2017], А.О. Андреева [Андреев 2018], Е.Б. Бурцевой [Бурцева 2018], Т.А. Дзуганова [Дзуганов 2022; Дзуганов 2023], Дж.В. Умарова [Умаров 2024] и др. Однако особенности территориальной организации и правила ведения торговли на меновых дворах Кавказской линии в конце 40-х – 50-х гг. XIX в. можно уточнить на основе хранящихся в фонде Кавказского комитета в Российском государственном историческом архиве [РГИА. Ф. 1268] материалов переписки высших должностных лиц министерств и ведомств по обсуждению вопросов их функционирования и Положения «о меновой торговле с горцами по Кавказской линии» (от 9 февраля 1846 г.).

Основная часть

Вопросам установления торговых отношений российской власти с коренным населением Кавказа придавалось важное значение. Власти были уверены, что «торговля есть одна из ближайших и действительных мер к сближению... с горцами, к упрочнению сношений с ними и положению конца к неприязненным действиям» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 782. Л. 1]. В обсуждение проекта учреждения системы меновых дворов на Кавказе в конце 40-х – начале 50-х гг. были вовлечены высшие должностные лица и органы государственной власти. В их числе: наместник Кавказский, кавказский комитет, министерство финансов, министерство внутренних дел и т.п. Проект организации здесь меновых дворов подлежал утверждению императором.

В итоге на рассмотрение императора был предложен подготовленный в кавказском наместничестве в конце 1845 – начале 1846 гг. проект «о меновой торговле с горцами по Кавказской линии», который состоял из 19 статей и штата чиновников «Кавказских меновых сношений с горцами» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 782. Л. 51–63]. Положение было утверждено императором 9 февраля 1846 г. В итоговом варианте положения было 14 статей, расписания «изделиям и произведениям горских народов, дозволяемых к беспошлинному пропуску в Россию по Кавказской линии и потому допускаемых к меновому торгу на русские товары и вещи» и штат «чинам, состоящим при надзоре за меновою торговлею с горцами по Кавказской линии». В документе отмечалось, что основной целью образования «менового сношения с горцами» было выстраивание взаимовыгодного торгового (менового) сотрудничества. Для контроля деятельностью меновых дворов учреждалось управление по «Кавказской меновой торговле с горцами». Управлением руководил «главный попечитель меновых сношений с горцами». Попечитель был обязан исполнять предписания командующего войсками на Кавказской линии и Черномории и областного начальника. О каждом исполненном

предписании попечитель должен был ставить в известность Кавказского наместника. В штате предусматривалось несколько штатных должностей, в том числе: помощники попечителя, смотрители и служащие меновых дворов. Также в документе был определен размер жалования служащим управления и меновых дворов. Так, годовой размер жалования главного попечителя составлял 800 руб. и 600 руб. полагалось в качестве столового довольствия. Оклад помощника попечителя составлял 300 руб. в год, столовых – 150 руб. Жалование письмоводителя – 300 руб. в год, но столовые не предусматривались. Переводчик – 200 руб. в год, смотрители меновых дворов – по 250 руб. в год. Всего на оплату труда смотрителей меновых дворов ассигновалось 1500 руб. в год, т.е. в таком объеме этой суммы было достаточно для оплаты жалования лишь 6 смотрителей. Оплата труда писцов низшего разряда составляла по 100 руб. (всего по этой части выделялось 200 руб.). Также предполагалось оплачивать труд вахтеров из отставных офицеров по 50 руб. в год (всего 3 единицы). Всего на содержание управления попечителя и меновых дворов на Кавказской линии предполагалось выделять 4300 руб. в год [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 782. Л. 63].

Проект устанавливал обязанности служащих меновых дворов и порядок торговли. В нем отмечалось, что «в каждом меновом дворе по распоряжению попечителя назначается торг не менее одного дня в неделю, куда промышленники могут пребывать со своими товарами» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 782. Л. 59 об.]. Для решения торговых споров между российскими промышленниками и представителями коренного населения по распоряжению попечителя при каждом меновом дворе могли быть избраны по два торговца с чистой репутацией. Рассмотрение торговых споров допускалось в присутствии попечителя и завершалось заключением мирового соглашения или удовлетворением потерпевшей стороны. Для обеспечения порядка по время торгов попечитель наделялся правом запрашивать необходимое число караульных у местных военных начальников. Для допуска к местам проведения торгов торговцы проходили через карантинные заставы. Для усиления конкуренции между торговцами запрещалось предоставлять какие-либо исключительные права и преимущества. Смотрители меновых дворов были обязаны периодически отчитываться о проделанной работе попечителю, а он, в свою очередь, на основании собранных отчетов – перед кавказским наместником.

При этом следует учитывать, что меновые дворы на Кавказской линии существовали задолго до середины XIX в., а к началу 1840-х гг. меновая торговля уже велась в Кавказской области и на Кавказской линии, в Черномории на восточном берегу Черного моря. Например, в 1809 г. был образован Прохладненский меновой двор, через который осуществлялась торговля российских предпринимателей с представителями горского населения Центрального Кавказа [Кумыков 1962: 29; Кумыков 1865; УЦГА АС КБР. Ф. И-49. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 1]. А 6 июля 1810 г. император утвердил положение Комитета министров «о приращении к меновому торгу с горцами», учредив для этого в некоторых пунктах Кавказской линии специализированные места с «особыми запасами соли и хлеба» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 782. Л. 73]. Для этого предполагалась за счет казенных средств сформировать запасы соли и хлеба для последующей

организации меновой торговли, приступить к строительству меновых дворов, определить при штабе войск на Кавказской линии для заведования меновыми дворами особого инспектора, учредить в Георгиевске (в то время – областном центре Кавказской губернии) особый комитет по меновым дворам в составе военного и гражданского губернаторов и двух представителей региональной элиты, занимавших высокие посты на российской военной службе (генерал-майора Менгли-Гирея и полковника князя Атажукина). Позже некоторые из этих принципов были взяты за основу управления меновыми дворами на Кавказской линии. После этого в 1827 г. императором главноуправляющему в Грузии и на Кавказской линии был дан особый рескрипт о поручении Кавказскому областному начальнику заняться благоустройством существовавших там карантинных застав и меновых дворов. В другом регионе – в Черномории меновая торговля также существовала с 1811 г., когда херсонский военный губернатор докладывал министру внутренних дел и существовании на Кубани двух меновых дворов: одного в Екатеринодаре, другого – в Редутском [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 782. Л. 73 об.]. Однако меновая торговля здесь по разным причинам то прекращалась, то возобновлялась. Также – в 1821 г. были изданы особые правила, регламентировавшие торговые отношения на восточном берегу Черного моря российских торговцев с черкесами и абазинами. Было создано 2 пункта такой торговли – в Керчи и Бугазе. В первом был устроен торговый порт, а во втором – меновый двор. Надзор за торговлей осуществляло особое попечительство при начальнике региона. В 1831 г. к пунктам меновой торговли с народами региона была причислена Анапа. В 1835 г. особое попечительство было ликвидировано и функции надзора за торговлей с черкесами и абазинами были возложены на Керчь-Еникальского градоначальника.

К концу 40-х гг. XIX в. в Кавказской области и Черномории функционировало 10 меновых дворов – «пунктов, назначенных правительством для производства торговли к горцами» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 782. Л. 1 об.]. Однако, в делопроизводственной практике сохранились сведения о невысоких оценках качества торговых отношений того времени с представителями коренного населения. В 1849 г. наместника Кавказа отмечал, что «торговля в течение многих лет не только не сделала больших успехов, но, напротив, упала в некоторых местах и вовсе не существует» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 782. Л. 1 об.]. При этом с 1833 г. российские власти предпринимали несколько попыток по организации меновой торговли с представителями коренного населения региона. Однако качественный товарообмен, например на Северо-Западном Кавказе, осложнялся военными действиями и некоторыми другими объективными обстоятельствами. В отчетах представителей высшей власти в регионе в то время отмечалось, что «если и существует какая-либо меновая торговля с горцами, то она находится в руках небольшого количества армян, которые будучи руководимыми собственными выгодами, далеко от мысли содействовать благой цели правительства» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 782. Л. 2]. Все это подталкивало правительство к поиску мер по организации меновой торговли в регионе и интеграции местного населения в финансово-хозяйственную систему империи. Для этого кавказский наместник считал целесообразным принять ряд мер, в числе которых учреждение 10 меновых

дворов на всем протяжении Кавказской линии от Каспийского до Черного моря, меновые дворы планировалось учреждать неподалеку от карантинных застав, в каждом меновом дворе определить должность смотрителя, главное управление деятельностью меновых дворов предлагалось создать в Пятигорске [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 782. Л. 2].

В ходе подготовительных мероприятий был спроектирован и направлен на рассмотрение наместника Кавказа план организации меновых дворов на Кавказской линии. В числе основных подходов властей по организации меновой торговли в регионе считалось целесообразным учредить торговые дворы поблизости от городов или крупных селений в зависимости от их географического положения. В качестве таковых предлагалось выбирать те места, которые расположены неподалеку от мест проживания народов. В обязанности начальника или попечителя меновых отношений вменялось обеспечение постоянного порядка торговли, способствовать установлению дружеских отношений между сторонами торговли и противодействие различным формам злоупотребления отношениями. Должность начальника меновой торговли была выделенной, он не имел права совмещать эту работу с другими видами деятельности на государственной службе.

Также были определены основные населенные пункты, вблизи которых предполагалось учредить меновые дворы, с определением перечня народов, которые относилось к ним. Так, например, к меновому двору при г. Кизляре относилась торговля с кумыкскими владениями, Тарковским Шамхальством, а также с тавлинскими и некоторыми соседними с ними народами. К меновому двору при станции Червленной гребенского казачьего полка были отнесены «брагунские деревни», Новый и Старый Юрт с соседствующими народами. При станции Наурской моздокского казачьего полка, соответственно, — преимущественно представители чеченского народа. В г. Моздоке — Малая Кабарда с владениями Бековича-Черкасского. К станции Прохладненской горского казачьего полка — население Дигории и некоторых других осетинских территорий, а также население Балкарского, Хуламского и Безенгиевского обществ. К г. Пятигорск — население Большой Кабарды, жители Урусбиевского общества, карачаевцы и бештауские и калауские ногайцы. К станции Батал-Пашинской хоперского казачьего полка — джегутинские и тахтамышевские ногайцы, абазины и некоторые народы, проживавшие по р. Зеленчук и Белая. К Прочному окопу — закубанские армяне и некоторые соседние народы. К станции Усть-Лабинской — темиргоевцы, хатукаевцы, егерукаевцы и некоторые соседние народы. К Екатеринодару или Алексеевскому укреплению — бжедуги, хамышевцы, черченеевцы и некоторые другие народы, проживавшие по соседству с ними. Также один из меновых дворов предлагалось разместить при крепости Кавказской с отнесением к нему проживавших по близости народов [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 782. Л. 8–9]. Хотя в проекте положения о меновой торговле устанавливалась несколько иная дислокация этих дворов. В п. 3 документа отмечалось, что «меновые дворы на первый случай в удобных для торговли пунктах, как то: в Николаевском поселении близ станции Червленной состоящем, Науре, Екатеринодаре, Нальчике, при г. Пятигорске, в Боргустанской станции, Баталпашинске, Прочном окопе и Усть-Лабе» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 782. Л. 57 об.].

У российской стороны вызывала интерес определенная группа товаров, производимых представителями местного населения с опорой на технологии традиционных промыслов. В числе таковых товаров: изделия из леса, мед, воск, бурки, войлочные изделия, сукно, седла, конское снаряжение, мелкие изделия из серебра, масло, овчина, шкуры диких зверей, лошади, мелкий рогатый скот, дворовая птица, циновки, лесные фрукты, просо, пшено и т.п. В свою очередь, российская сторона поставляла для обмена разноцветный сафьян, шелковые платки, шелковые и бумажные материалы, изделия из серебра и золота, ножницы, зеркала, железо для орудий земледелия, сталь, соль и некоторые другие товары.

Реорганизация системы управления меновыми дворами на Кавказской линии началась к середине 1850-х гг. С введением системы откупного содержания в Ставропольской губернии по продаже и разработке казенной соли, учреждениям которой были переданы все ее запасы по меновым дворам, было признано нецелесообразным функционирование управления меновой торговлей. По решению наместника оно было ликвидировано, а его дела были переданы на хранение в канцелярию управления гражданской частью Ставропольской губернии. Документы Главного попечителя меновых сношений с горцами на Кавказской линии в настоящее время хранятся в Государственном архиве Ставропольского края [ГА СК. Ф. 20 «Главный попечитель меновых сношений с горцами на Кавказской линии»].

Заключение

Таким образом, к 40-м гг. XIX в. на Кавказской линии сложилась ситуация, когда несмотря на наличие некоторых меновых дворов и попытки правительства стимулировать торговлю, реальное развитие меновой торговли на Кавказской линии в первой половине XIX в. было затруднено рядом объективных и субъективных факторов, что требовало от властей поиска новых, более эффективных решений. Планы по возведению пунктов меновой торговли на Кавказе говорили о системном подходе властей к их организации, направленном на создание упорядоченной, справедливой и дружественной торговой среды, с четко определенными функциями и ответственностью служащих управления и меновых дворов. Места расположения меновых дворов охватывали значительную территорию Кавказа, включая города (Кизляр, Моздок, Пятигорск, Екатеринодар), станицы (Червленая, Наурская, Прохладненская, Батал-Пашинская, Усть-Лабинская) и крепости (Кавказская). К каждому меновому двору были приписаны конкретные народы, такие как кумыки, чеченцы, ингуши, кабардинцы, осетины, балкарцы, карачаевцы, ногайцы, абазыны, а также черкесский и некоторые другие соседние народы. Такой подход к организации меновой торговли демонстрирует попытку российских властей систематизировать торговые отношения с различными этническими группами региона, приписывая их к определенным пунктам обмена. Организация меновой торговли на Кавказе способствовала развитию экономических связей и взаимной заинтересованности сторон. Российская сторона получала доступ к местным ресурсам и ремесленным изделиям, в то время как местное население получало необходимые им товары, которые, возможно, не производились на месте или были более высокого качества. Все это является подтверждением того, что несмотря на слаженности военно-политическую ситуацию в

регионе в 40-х – первой половине 50-х гг. XIX в., российские власти стремились к созданию эффективной и взаимовыгодной системы меновой торговли с представителями коренного населения на Кавказе, что демонстрирует их попытку интегрировать регион в экономическое пространство империи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев 2018 – *Андреев А.О.* О деятельности Махошевского менового двора Главного попечителя Кавказских меновых сношений с горцами за 1846-1853 гг. (по документам ГКУ ГАКК) // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа : материалы одиннадцатой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции, Армавир, 23 ноября 2018 года. – Армавир: Индивидуальный предприниматель Шурыгин Виталий Евгеньевич, 2018. – С. 43-45.

Ахмадов 2013 – *Ахмадов Ш.Б.* Роль меновых дворов в развитии торговли Чечни с народами Северного Кавказа и России в первой половине XIX века // Известия Чеченского государственного педагогического института. – 2013. – № 1(7). – С. 100-108.

Бурцева 2018 – *Бурцева Е.Б.* О некоторых особенностях меновой торговли с горцами Закубанья в первой половине XIX в. // История и обществознание. – 2018. – № XV. – С. 19-25.

ГА СК – Государственный архив Ставропольского края (г. Ставрополь).

Гранкин 2011 – *Гранкин Ю.Ю.* Реализация экономической стратегии развития Северного Кавказа в период Второго Кавказского наместничества (1844-1882 гг.): автореф. дисс. д-ра ист. н-к. – Пятигорск, 2011. – 44 с.

Дзуганов 2022 – *Дзуганов Т.А.* К вопросу о торговле в Балкарии (конец XIX - начало XX вв.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2022. – № 4-1(55). – С. 57-73.

Дзуганов 2023 – *Дзуганов Т.А.* Очерки истории торговли и предпринимательства в Нальчикском округе. – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2023. – 196 с.

Илясова 2012 – *Илясова А.А.* Торговый фактор в системе политико-экономического развития Северного Кавказа в XVIII – первой половине XIX века: автореф. дисс. канд. ист. н-к. – Владикавказ, 2012. – 28 с.

Кидирниязов 2016 – *Кидирниязов Д.С.* Взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа в XVIII – середине XIX в.: политические, торгово-экономические и этнокультурные аспекты. – Махачкала: ИП Овчинников Михаил Артурович (Типография Алеф), 2016. – 494 с.

Кидирниязов 2017 – *Кидирниязов Д.С.* Развитие торговых отношений на Северном Кавказе в первой половине XIX в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2017. – № 4(37). – С. 36-43.

Кузьминов 2017 – *Кузьминов П.А.* Россия и горские народы Северного Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX в.: альтернативные формы взаимодействия // Электронный журнал «Кавказология». – 2017. – № 4. – С. 64-83.

Кумыков 1865 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное наследие Кабарды и Балкарии в XIX веке. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. – 420 с.

Кумыков 1962 – *Кумыков Т.Х.* Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962. – 180 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург).

Свод 1857 – Свод законов Российской империи. Том шестой. Уставы таможенные. – Спб.: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. – 696 с.

Ткаленко 2019 – *Ткаленко Н.С.* Российско-горская торговля на Северо-Западном Кавказе первой половины XIX века в отечественной и зарубежной историографии // Образовательный потенциал : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 30 января 2019 года. Том № 1. – Чебоксары: «Экспертно-методический центр», 2019. – С. 195-200.

Ткаленко, Великая 2016 – Ткаленко Н.С., Великая Н.Н. Развитие российско-горской торговли на Северо-Западном Кавказе в 20-е гг. 19-го века (по материалам государственного архива Краснодарского края) // Наука и образование: новое время. – 2016. – № 5(16). – С. 882-884.

Умаров 2024 – Умаров Д.В. Интеграция народов Северного Кавказа в состав Российской империи: дисс. д-ра ист. н-к. – Грозный, 2024. – 402 с.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (г. Нальчик).

REFERENCES

AKHMADOV SH.B. *Rol' menovykh dvorov v razvitiі torgovli Chechni s narodami Sever-nogo Kavkaza i Rossii v pervoi polovine XIX veka* [The Role of Exchange Houses in the Development of Chechnya's Trade with the Peoples of the North Caucasus and Russia in the First Half of the 19th Century]. In: *Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. – 2013. – № 1(7). – P. 100-108. (In Russ.).

ANDREEV A.O. *O deyatel'nosti Makhoshevskogo menovogo dvora Glavnogo popechitelya Kavkazskikh menovykh snoshenii s gortsami za 1846-1853 gg. (po dokumentam GKU GAKK)* [On the activities of the Makhoshevsky Exchange Yard of the Chief Trustee of Caucasian Exchange Relations with the Highlanders for 1846-1853 (according to the documents of the State Archives of the Caucasus)]. In: *Iz istorii i kul'tury lineinogo kazachestva Severnogo Kavkaza : materialy odinnadtsa-toi mezhdunarodnoi Kubansko-Terskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Armavir, 23 noyabrya 2018 goda*. – Armavir: Individual'nyi predprinimatel' Shurygin Vitalii Evgen'evich, 2018. – P. 43-45. (In Russ.).

BURTSEVA E.B. *O nekotorykh osobennostyakh menovoi torgovli s gortsami Zakuban'ya v pervoi polovine XIX v.* [On Some Features of Barter Trade with the Highlanders of the Trans-Kuban Region in the First Half of the 19th Century]. In: *Istoriya i obshchestvoznaniye*. – 2018. – № XV. – P. 19-25. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraya (g. Stavropol') [The State Archive of the Stavropol Territory]. (In Russ.).

GRANKIN YU.YU. *Realizatsiya ekonomicheskoi strategii razvitiya Severnogo Kavkaza v period Vtorogo Kavkazskogo namestnichestva (1844-1882 gg.)* [Implementation of the Economic Strategy for the Development of the North Caucasus during the Second Caucasian Viceroyalty (1844-1882)]: avtoref. diss. d-ra ist. n-k. – Pyatigorsk, 2011. – 44 p. (In Russ.).

DZUGANOV T.A. *K voprosu o torgovle v Balkarii (konets XIX – nachalo XX vv.)* [On the Issue of Trade in Balkaria (Late 19th – Early 20th Centuries)]. In: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*. – 2022. – № 4-1(55). – P. 57-73. (In Russ.).

DZUGANOV T.A. *Ocherki istorii torgovli i predprinimatel'stva v Nal'chikskom okruge* [Essays on the History of Trade and Entrepreneurship in the Nalchik District]. – Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr», 2023. – 196 p. (In Russ.).

ILYASOVA A.A. *Torgovyi faktor v sisteme politiko-ekonomicheskogo razvitiya Severnogo Kavkaza v XVIII – pervoi polovine XIX veka* [The Trade Factor in the Political and Economic Development of the North Caucasus in the 18th and Early 19th Centuries]: avtoref. diss. kand. ist. n-k. – Vladikavkaz, 2012. – 28 p. (In Russ.).

KIDIRNIYAZOV D.S. *Razvitie torgovykh otnoshenii na Severnom Kavkaze v pervoi polovine XIX v.* [Development of trade relations in the North Caucasus in the first half of the 19th century]. In: *Vestnik Akademii nauk Chechenskoi Respubliki*. – 2017. – № 4(37). – P. 36-43. (In Russ.).

KIDIRNIYAZOV D.S. *Vzaimootnosheniya narodov Dagestana i Severnogo Kavkaza v XVIII – seredine XIX v.: politicheskie, torgovo-ekonomicheskie i etnokul'turnye aspekty* [Relations between the peoples of Dagestan and the North Caucasus in the 18th – mid-19th centuries: political, trade-economic, and ethnocultural aspects]. – Makhachkala: IP Ovchinnikov Mikhail Arturovich (Tipografiya Alef), 2016. – 494 p. (In Russ.).

KUMYKOV T.KH. *Ekonomicheskoe i kul'turnoe nasledie Kabardy i Balkarii v XIX veke* [Economic and cultural heritage of Kabarda and Balkaria in the 19th century]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoye izdatel'stvo, 1965. – 420 p. (In Russ.).

KUMYKOV T.KH. *Vovlechenie Severnogo Kavkaza vo vserossiiskii rynek* [The involvement of the North Caucasus in the all-Russian market]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. – 180 p. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A. *Rossiya i gorskie narody Severnogo Kavkaza v kontse XVIII - pervoi poloviny XIX v.: al'ternativnye formy vzaimodeistviya* [Russia and the Mountain Peoples of the North Caucasus in the late 18th and early 19th centuries: Alternative Forms of Interaction]. In: *Elektronnyi zhurnal «Kav-kazologiya»*. – 2017. – № 4. – P. 64-83. (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (g. Sankt-Peterburg). (In Russ.).

Svod zakonov Rossiiskoi imperii [The Code of Laws of the Russian Empire]. Tom shestoi. *Ustavy tamozhennye*. – Spb.: Tipo-grafiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii, 1857. – 696 p. (In Russ.).

TKALENKO N.S. *Rossiisko-gorskaya trgovlya na Severo-Zapadnom Kavkaze pervoi poloviny XIX veka v otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii* [Russian-Mountain Trade in the North-Western Caucasus in the First Half of the 19th Century in Russian and Foreign Historiography]. In: *Obrazovatel'nyi potentsial: Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Cheboksary, 30 yanvarya 2019 goda. Tom № 1*. – Cheboksary: «Ekspertno-metodicheskii tsentr», 2019. – P. 195-200. (In Russ.).

TKALENKO N.S., VELIKAYA N.N. *Razvitie rossiisko-gorskoi trgovli na Severo-Zapadnom Kavkaze v 20-e gg. 19-go veka (po materialam gosudarstvennogo arkhiva Krasno-darskogo kraia)* [The development of Russian-Mountain trade in the North-Western Caucasus in the 1820s (based on materials from the State Archives of the Krasnodar Territory)]. In: *Nauka i obrazovanie: novoe vremya*. – 2016. – № 5(16). – P. 882-884. (In Russ.).

UMAROV D.V. *Integratsiya narodov Severnogo Kavkaza v sostav Rossiiskoi imperii*: [Integration of the peoples of the North Caucasus into the Russian Empire] diss. d-ra ist. n-k. – Grozny, 2024. – 402 p. (In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki (g. Nal'chik) [Management of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

Информация об авторе

М.Х. Бербекова – кандидат исторических наук.

Information about the author

M.Kh. Berbekova – candidate of science (History).

Статья поступила в редакцию 17.06.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 17.06.2025 y.; approved after reviewing 15.09.2025 y.; accepted for publication 27.09.2025 y.

УДК 93/94(470.64)

Научная статья

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-90-99

EDN: EMHJNS

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВОЙ СОТНИ ТЕРСКОЙ ПОСТОЯННОЙ МИЛИЦИИ В НАЛЬЧИКСКОМ ОКРУГЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Инна Мухамедовна Дабагова

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик,
Россия, innadabagova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-4074-4583>

Аннотация. Статья посвящена исследованию некоторых особенностей территориальной организации деятельности первой сотни Терской постоянной милиции в Нальчикском округе в последней трети XIX – начале XX в. Рассмотрены особенности работы первой сотни милиции в Нальчикском округе по охране служащих окружного и участковых правлений и дежурства на охранных постах. Выявлена специфика распределения стражников при начальнике Нальчикского округа, его старшем и младших помощниках, начальниках участков. Рассмотрена динамика изменения численности милиционеров, которые в разное время несли службу на Нальчикском, Шалушкинском, Урванском, Кяшевском, Черекском, Доутоковском кордонных постах. Отмечается, что служба в первой сотне Терской постоянной милиции создавала для населения Нальчикского округа дополнительные социальные лифты: включение в систему органов охраны общественного порядка, получение жалования от казны и классных чинов и т.п. Сделан вывод, что в последней трети XIX – начале XX в. в Нальчикском округе первая сотня Терской постоянной милиции играла ключевую роль в обеспечении общественного порядка и функционировании административного аппарата. Отмечается, что она была не только охранным подразделением Терской постоянной милиции, но и выступала важным для своего времени сегментом обеспечения государственного управления в регионе, способствовала укреплению власти и интеграции местного населения в политико-правовую систему России.

Ключевые слова: Терская область, Нальчикский округ, милиция, Терская постоянная милиция, охрана порядка

Для цитирования: Дабагова И.М. Некоторые особенности территориальной организации деятельности первой сотни Терской постоянной милиции в Нальчикском округе в последней трети XIX – начале XX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 90-99. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-90-99. EDN: EMHJNS.

© Дабагова И.М., 2025

Original article

SOME FEATURES OF THE TERRITORIAL ORGANIZATION OF THE FIRST HUNDRED OF THE TEREK PERMANENT MILITIA IN THE NALCHIK DISTRICT IN THE LAST THIRD OF THE 19TH CENTURY AND THE EARLY 20TH CENTURY

Inna M. Dabagova

Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, innadabagova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-4074-4583>

Abstract. The article is devoted to the study of some features of the territorial organization of the activities of the first hundred of the Terek Permanent Militia in the Nalchik District in the last third of the 19th century and the beginning of the 20th century. The article examines the features of the work of the first hundred of the militia in the Nalchik District in terms of protecting the employees of the district and district government offices and guarding the security posts. The article also examines the distribution of guards under the head of the Nalchik District, his senior and junior assistants, and the heads of the districts. The article examines the dynamics of changes in the number of policemen who served at the Nalchik, Shalushkin, Urvan, Kyashev, Cherek, and Doutokov cordon posts at different times. It is noted that service in the first hundred of the Terek Permanent Militia created additional social elevators for the population of the Nalchik District: inclusion in the system of public order enforcement bodies, receiving salaries from the treasury and class ranks, etc. It is concluded that in the last third of the 19th century and the early 20th century, the first hundred of the Terek Permanent Militia played a key role in ensuring public order and the functioning of the administrative apparatus in the Nalchik District. It is noted that she was not only a security unit of the Terek Permanent Militia, but also an important segment of state administration in the region at that time, contributing to the strengthening of power and the integration of the local population into the political and legal system of Russia.

Keywords: Terek region, Nalchik district, police, Terek permanent police, law enforcement

For citation: Dabagova I.M. Some features of the territorial organization of the first hundred of the Terek Permanent Militia in the Nalchik District in the last third of the 19th century and the early 20th century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 90-99. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-90-99. EDN: EMHJNS.

© Dabagova I.M., 2025

Введение

В начале 60-х гг. XIX в. в условиях перехода к военно-народному управлению в Терской области начала складываться система охраны общественного порядка. 30 октября 1860 г. было принято «Положение о создании Терского Конно-иррегулярного полка», который уже был сформирован 12 июня 1861 г. [Ибрагимова 2007: 433]. Параллельно из числа местных жителей была создана Туземная временная милиция в количестве 6 сотен. 29 января 1865 г. на основе Терского Конно-иррегулярного полка и Туземной временной милиции была создана Терская постоянная милиция. 29 января 1865 г. Александр II утвердил «Положение о Терской постоянной милиции» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 15. Ед. Хр. 94], которое, по сути, функционировало до 1913 г. Территориальная организация деятельности Терской постоянной милиции выстроилась таким образом, что в каждом из ее округов дислоцировались отряды милиции (сотни), которые обеспечивали охрану должностных лиц окружных и участковых правлений и несли постоянную службу на охранных постах. Так, в последней трети XIX – начале XX в. на территории Нальчикского округа в течение всего этого времени работала 1 сотня Терской постоянной милиции. Изучение вопросов территориальной организации ее деятельности представляет собой определенный научный интерес, т.к. дает

возможность определить особенности становления и развития системы органов охраны общественного порядка в этом регионе в дореволюционное время, механизмы включения представителей местного населения в органы государственной власти, вопросы их финансового обеспечения и т.п.

В настоящее время в отечественной историографии наблюдается повышение интереса исследователей к истории становления и деятельности органов охраны общественного порядка (см. например, работы З.Х. Ибрагимовой [Ибрагимова 2007], М.Г. Кулешина [Кулешин 2009], А.Х. Абазова [Абазов 2011; Абазов 2015; Абазов 2016], Т.К. Макоева [Макоев 2023], И.С. Пазова [Пазов 2024; Пазов 2025] и др.). Вместе с тем документы управления Нальчикского округа Терской области дают возможность восстановить состав первой сотни Терской постоянной милиции, распределение милиционеров для службы по административным учреждениям и охранным постам региона и т.п. В связи с чем основной целью настоящей статьи выступает изучение особенностей территориальной организации деятельности первой сотни Терской постоянной милиции в Нальчикском округе в последней трети XIX – начале XX в.

Результаты исследования

Так, как отмечалось, в последней трети XIX – начале XX в. в Нальчикском округе проходила службу первая сотня Терской постоянной милиции [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 1]. При начальнике округа и в терском областном правлении хранились списки чинам первой сотни Теркой постоянной милиции, состоящим на службе в Нальчикском округе. Ответственным за составление список был командир сотни [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 2 об.]. Примечательно, что инспектор Терской постоянной милиции рекомендовал начальнику Нальчикского округа для правильного ведения списка расположенных в подведомственном ему округе милицейских чинов составлять такие списки ежегодно в начале каждого календарного года [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 170. Л. 3]. Кроме того, к содержанию таких списков управление инспектора Терской постоянной милиции предъявляло некоторые требования. В них должно были быть отмечены следующие сведения: «кто именно находится на каком посту, кто состоит в охранной страже у... [начальника Нальчикского округа], а также у начальников участков и кто находится в какой командировке; в список этот должны быть внесены все те зачисления и перемещения, какие имеют последовать по 1 число будущего января включительно» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 170. Л. 3 об.]. После чего сотенным командирам вменялось в обязанность проверять правильность составления списков, точность указания в них имен, фамилий и званий милиционеров. Такие списки должны были поступать в управление инспектора Терской постоянной милиции не позднее 15 января каждого календарного года [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 170. Л. 4].

Анализ содержащихся в таких списках сведений дает возможность установить численный состав подразделения и его рассредоточение по должностным лицам и местам прохождения службы в пределах Нальчикского округа. Так, например, в таком списке от 15 января 1887 г. числилось 78 человек [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 3 – 4 об.]. Командующим сотней в то время

был штаб-ротмистр Султанбек Жогишев [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 3 об.]. Примечательно, что С. Жогишев более 25 лет прослужил на офицерских должностях, за что на основании Высочайше пожалованной грамоты был награжден орденом Святого Владимира 4 степени [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 170. Л. 36]. Охранная стража начальника Нальчикского округа составляла 11 человек, в том числе 7 урядников и 4 всадника [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 3]. Кроме того, в составе первой сотни Терской постоянной милиции выделялась охранная стража помощников начальника Нальчикского округа и участковых постов [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 3]. Так, при старшем помощнике начальника Нальчикского округа состояли 2 милиционера – один урядник и один всадник [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 3]. При младшем помощнике начальника округа – 1 милиционер (всадник) [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 3]. При приставе 1 участка округа – 4 милиционера (1 урядник и 3 всадника), при помощнике 2 участка – 3 милиционера (1 урядник и 2 всадника), при начальнике 3 участка – 4 милиционера (все всадники), при (начальнике) приставе 4 участка – 3 милиционера (1 урядник и 2 всадника), при (начальнике) приставе 5 участка – 2 милиционера (оба всадники) [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 3 об.]. Также в составе 1 сотни Терской постоянной милиции выделялась группа милиционеров, которые несли службу на кордонных постах, расположенных на территории Нальчикского округа. Так, на Шалушкинском посту проходили службу 10 милиционеров (1 урядник и 9 всадников), на Урванском посту – 12 милиционеров (3 урядника и 9 всадников), на Кяшевском¹ посту – 13 милиционеров (3 урядника и 10 всадников), на Черекском посту – 7 милиционеров (1 урядник и 6 всадников) [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 3 об. – 4 об.]. Также в составе сотни числились 1 сотенный писарь, 1 дробант² при командире сотни (всадник) и 2 всадника, находившиеся в командировке при управлении инспектора Терской постоянной милиции [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 4 об.]. Анализ списков показывает, что большинство милиционеров сотни были представителями коренного населения региона, но в некоторых случаях встречались фамилии славянского происхождения. Включение в состав и выведение из состава сотни милиционеров осуществлялось на основании приказа начальника Терской области по представлению инспектора Терской постоянной милиции [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 5].

В начале 90-х гг. XIX в. инспектор терской постоянной милиции в предписаниях начальнику Нальчикского округа определял регламент предоставления плановых отпусков милиционерам первой сотни – нижних чинов, находившихся на кордонных постах и в охранных стражах в Нальчикском округе [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 322. Л. 4]. Определение порядка отпусков было вызвано необходимостью содержать максимально большее возможное число всадников на постах и в охранных командах [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 322. Л. 4]. Так, в командах численностью от 3 до 10 всадников предлагалось

¹ И.Д.: так в документе; иногда упоминается как «Кишевский пост».

² И.Д.: так в документе; вероятно, дробант (драбант) – представитель категории военнослужащих, в обязанности которых входило сопровождение, охрана или прислуживание.

предоставлять отпуск в один период одному человеку; в командах от 10 до 14 всадников, соответственно, 2 человекам; в командах от 14 до 17 всадников, соответственно, 3 человекам [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 322. Л. 4]. При чем постовым начальникам запрещалось пользоваться преимуществом перед всадниками при определении порядка и сроков отпусков.

Инспектор Терской постоянной милиции вел учет вооружения урядников и всадников милицейских сотен в округах области [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 322. Л. 8]. Для этого он периодически давал соответствующие распоряжения начальникам округов о проведении мониторинга вооружения милицейских сотен во вверенным им округах.

Следует отметить, что областные и окружные власти постоянно предпринимали попытки по усовершенствованию инфраструктуры милицейских постов в округах области, постройке новых сооружений и т.п. Например, в предписании терского областного правления начальнику Нальчикского округа от 8 февраля 1894 г. предлагалось составить проект и смету для постройки конюшни и ограды на Кяшевском милицейском посту [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 322. Л. 10].

Анализ списка чинам первой сотни Терской постоянной милиции, которым полагается жалование за треть года, дает возможность установить численность, состав и места прохождения службы милиционеров на территории Нальчикского округа в 1894 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 322. Л. 33–34]. Так, согласно данных списка в то время на территории округа проходили службу 63 милиционера [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 322. Л. 33–34]. Из них при начальнике округа состояло – 11 человек (в том числе, 2 старших урядника, 2 младших урядника, 4 всадника 1 разряда, 3 всадника 2 разряда). При старшем помощнике начальника округа состоял один всадник 3 разряда, при младшем – один всадник 2 разряда. При начальнике 1 участка округа состояло 5 милиционеров (в том числе, 2 всадника 1 разряда, 1 всадник 2 разряда, 2 всадника 2 разряда). При начальнике 2 участка округа состояло 6 милиционеров (в том числе, 2 всадника 1 разряда, 4 всадника 2 разряда). При начальнике 3 участка округа состояло 4 милиционера (в том числе, 2 всадника 1 разряда, 1 всадник 2 разряда, 1 всадник 3 разряда). На Шалушкинском посту службу проходили 6 милиционеров (в том числе, 1 младший урядник, 5 всадников 2 разряда). На Урванском посту службу проходили 7 милиционеров (в том числе, 1 старший урядник, 1 всадник 1 разряда, 5 всадников 2 разряда). На Кяшевском посту службу проходили 6 милиционеров (в том числе, 1 старший урядник, 5 всадников 2 разряда). На Черекском посту службу проходили 7 милиционеров (в том числе, 1 всадник 1 разряда, 6 всадников 2 разряда). На Нальчиком посту службу проходили 6 милиционеров (в том числе, 1 старший урядник, 5 всадников 2 разряда). Также в составе сотни по-прежнему числились сотенный писарь, дробант при командире сотни, командированный в управление инспектора Терской постоянной милиции. В то время жалование старших урядников составляло 80 руб. за треть года, младших урядников – 70 руб., всадник 1 разряда – 60 руб., всадник 2 разряда 50 руб., всадник 3 разряда – 40 руб., сотенный писарь – 40 руб., дробант при командире сотни – 40 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 322. Л. 33–34].

В 1896 г. в должности командира первой сотни Терской постоянной милиции служил поручик Ахсаров [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 10].

С течением времени менялось количество постов, занимаемых милиционерами первой сотни Терской постоянной милиции. Например, 22 марта 1896 г. инспектор Терской постоянной милиции сообщал начальнику Нальчикского округа о том, что в начальник Терской области принял решение заменить на Котляревском посту 10 казаков 10-ю милиционерами, для чего предлагал дополнительно зачислить в состав первой сотни для службы 10 милиционеров, в том числе 1 всадника 1 разряда и 9 всадников 3 разряда [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 21].

В начале 1900-х гг. в составе первой сотни Терской постоянной милиции наблюдалась большая текучесть кадров. Так, в отзыве начальника Терской области по управлению милиции на имя начальника Нальчикского округа от 30 июня 1901 г. отмечалось: «из месячных представлений об исключении и зачислении нижних чинов в Терскую постоянную милицию мною усмотрено, что некоторые всадники не остаются на службе и одного месяца, вследствие чего не представляется возможным обучить их даже тем несложностям, которые от них требуются» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 593. Л. 60]. Эта ситуация не казалась нормальной и требовала административного реагирования. Поэтому начальник Терской области указывал начальнику Нальчикского округа на то, что «во избежание такого ненормального порядка вещей на будущее время предлагаю Вашему Высокоблагородию людей, желающих поступить в 1-ю сотню Терской постоянной милиции, принимать лишь с неременным обязательством прослужить в ней не менее 2-х месяцев» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 593. Л. 60]. В отношении тех, кто не выполнил такого обязательства, предлагалось принимать меры дисциплинарного взыскания.

В начале 1900-х гг. в компетенцию начальника Нальчикского округа входило право перевода милиционеров первой сотни Терской постоянной милиции на низшую должность и понижение должностного оклада в качестве меры дисциплинарной ответственности за правонарушения [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 593. Л. 57]. Также в компетенции окружного начальника были контроль и производство распоряжений о проведении ремонтов на милицейских постах, расположенных на территории подведомственного ему округа [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 593. Л. 136].

По состоянию на 1 января 1900 г. состав проходившей службу в Нальчикском округе первой сотни Терской постоянной милиции был представлен следующим образом [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 499. Л. 7–8 об.]: в конвое начальника округа состояло 9 милиционеров (в том числе, 1 старший урядник, 5 всадников 1 разряда, 2 всадника 2 разряда, 1 всадник 3 разряда). В конвое старшего помощника начальника округа состоял 1 милиционер в чине всадника 3 разряда, в конвое младшего помощника – 1 милиционер в чине всадника 2 разряда. В конвое начальника 1 участка состояло 3 милиционера (в том числе, 1 всадник 1 разряда и 2 всадника 3 разряда). В конвое начальника 2 участка состояло 3 милиционера (в том числе, 1 всадник 1 разряда и 2 всадника 3 разряда). В конвое начальника 3 участка состояло 3 милиционера (в том числе, 1 всадник 1

разряда, 1 всадник 2 разряда и 1 всадник 3 разряда). На Нальчикском посту проходили службу 13 милиционеров (в том числе, начальник поста в чине младшего урядника, 3 всадника 1 разряда, 9 всадников 2 разряда). На Шалушкинском посту проходили службу 7 милиционеров (в том числе, начальник поста в чине младшего урядника, 1 всадник 1 разряда, 5 всадников 2 разряда). На Урванском посту проходили службу 8 милиционеров (в том числе, начальник поста в чине старшего урядника, 1 младший урядник, 1 всадник 1 разряда, 5 всадников 2 разряда). На Кяшевском посту проходили службу 6 милиционеров (в том числе, начальник поста в чине младшего урядника, 1 всадник 1 разряда, 4 всадников 2 разряда). На Черекском посту проходили службу 5 милиционеров (в том числе, начальник поста в чине младшего урядника, 1 всадник 1 разряда, 3 всадника 2 разряда). На Котляревском посту проходили службу 10 милиционеров (в том числе, начальник поста в чине младшего урядника, 1 всадник 1 разряда, 8 всадников 2 разряда). По-прежнему в составе сотни служили сотенный писарь, добрант командира сотни. К ним добавился добрант помощника командира сотни (вместо командированного к инспектору Терской постоянной милиции) [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 499. Л. 7–8 об.].

На основе анализа рапорта начальника Нальчикского округа начальнику Терской области от 17 марта 1900 г. видно, что в функционал милиционеров 1 сотни Терской постоянной милиции входил сопровождение государственной почты на вверенном отрезке (как правило, от одного милицейского поста до другого или до пункта назначения) [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 499. Л. 50], для чего, как правило, назначался конвой из 3-х всадников, которые должны были сменяться на постах. А один конвоир без лошади должен был ехать в повозке вместе с почтальоном безотлучно.

В 1902 г. милиционеры первой сотни Терской постоянной милиции в Нальчикском округе несли службу в конвое начальника округа, старшего и младшего помощников начальника округа, начальников участков в округе, а также на Нальчикском, Шалушкинском, Урванском, Котляревском, Даутоковском и Кяшевском постах [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 593. Л. 1–3]. Кроме того, в составе 1 сотни в это время числились дробант командира сотни, дробант помощника командира сотни и сотенный писарь [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 593. Л. 1–3]. Так, конвой начальника округа составляли 5 милиционеров, начальников участков – по 3 милиционера, на Нальчикском посту проходили службу 15 милиционеров, на Шалушкинском – 7, Доутоковском – 7, Кяшевском – 7, Котляревском – 7 [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 593. Л. 16–18].

В 1904 г. служащие 1 сотни Терской постоянной милиции в Нальчикском округе несли службу в конвое начальника округа (5 человек), старшего и младшего помощников начальника округа (по 1 человеку для каждого), начальников участков в округе (по 3 человека для каждого), а также на Нальчикском (15 человек), Шалушкинском (7 человек), Урванском (7 человек), Черекском (9 человек), Котляревском (5 человек) постах [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 633. Л. 4–6]. По-прежнему в составе состояли дробанты командира и помощника командира сотни и сотенный писарь.

Приказом начальника Терской области от 7 января 1904 г. командующим первой сотни Терской постоянной милиции был назначен поручик Джукаев. До него командующим первой сотни Терской постоянной милиции был поручик князь Урусбиев [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 633. Л. 17].

В 1909 г. в составе проходившей службу в Нальчикском округе первой сотни Терской постоянной милиции числились 11 милиционеров на Нальчикском посту [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 763. Л. 3], 7 – на Шалушкинском, 7 – на Даутоковском, 7 – на Черекском, 7 – на Котляревском, 4 – на Баксанском. В составе охранной страже начальника Нальчикского округа состояло 3 милиционера, в охранной страже старшего помощника начальника округа – 1, охранной стражи начальников 4-х участков – по 2 в каждом. По-прежнему в составе сотни проходили службу дробанты при командире сотни и его помощнике и сотенный писарь [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 763. Л. 5].

Далее и до реорганизации Терской постоянной милиции в 1913 г. структура и территориальная организация деятельности первой ее сотни существенных изменений не претерпела.

Заключение

Таким образом, в последней трети XIX – начале XX в. в Нальчикском округе для охраны служащих окружного и участковых правлений и дежурства на охранных постах проходили службу милиционеры первой сотни Терской постоянной милиции. Окружные и областные власти вели учет их персонального состава и отвечали за ротацию. Поначалу охранная стража состояла при начальнике Нальчикского округа, его старшем и младших помощниках и при начальниках участков. Часть милиционеров несла службу на Шалушкинском, Урванском, Кяшевском, Черекском кордонных постах. Обеспечивали деятельности первой сотни сотенный писарь и дробант при командире сотни. С течением времени и по мере расширения аппарата государства в этом регионе отчасти менялась и структура первой сотни Терской постоянной милиции. Это выражалось в назначении персонального стражника председателю Нальчикского горского словесного суда или в появлении новых охранных постов (преобразовании Котляревского, появлении Доутоковского и т.п.). Служба в первой сотне Терской постоянной милиции создавала для населения Нальчикского округа дополнительные социальные лифты: включение в систему органов охраны общественного порядка, получение жалования от казны и классных чинов и т.п. В целом, в последней трети XIX – начале XX в. в Нальчикском округе первая сотня Терской постоянной милиции играла ключевую роль в обеспечении общественного порядка и функционировании административного аппарата. Она была не только охранным подразделением Терской постоянной милиции, но и выступала важным для своего времени сегментом обеспечения государственного управления в регионе, способствовала укреплению власти и интеграции местного населения в политико-правовую систему России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2011 – *Абазов А.Х.* Формирование многоуровневой судебной системы в Кабарде в конце XVIII – начале XX в.: этапы, особенности // *Caucasica: Труды Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона* / Под редакцией В.А. Захарова. Том 1. – Москва: Русская панорама, 2011. – С. 93-108.

Абазов 2015 – *Абазов А.Х.* Горские словесные суды Терской и Кубанской областей в 1871-1918 гг. // *История государства и права.* – 2015. – № 23. – С. 58-63.

Абазов 2016 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. – Нальчик: «Печатный двор», 2016. – 264 с.

Ибрагимова 2007 – *Ибрагимова З.Х.* Мир чеченцев. XIX век. – М.: Пробел-2000, 2007. – 1024 с.

Кулешин 2009 – *Кулешин М.Г.* Горская милиция на страже порядка в Терской области во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник Российского университета дружбы народов.* Серия: История России. – 2009. – № 1. – С. 90-94.

Макоев 2023 – *Макоев Т.К.* Правоохранительные органы Терской области как предшественники частей и подразделений Росгвардии (по материалам газеты «Терские ведомости») // *Известия СОИГСИ.* – 2023. – № 47(86). – С. 150-177.

Пазов 2024 – *Пазов И.С.* История становления органов общественного правопорядка в Кабарде и Балкарии (вторая половина XIX века – первая половина XIX века) // *Право и управление.* – 2024. – № 10. – С. 358-363.

Пазов 2025 – *Пазов И.С.* Административно-полицейский аппарат управления Кабарды и Балкарии во второй половине XIX – начале XX вв. // *Образование и право.* – 2025. – № 1. – С. 124-131.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

REFERENCES

ABAZOV A.KH. *Formirovanie mnogourovnevnoi sudebnoi sistemy v Kabarde v kontse XVIII – nachale XX v.: etapy, osobennosti* [Formation of a multi-level judicial system in Kabarda at the end of the XVIII – beginning of the XX century: stages, features]. In: *Caucasica: Trudy Instituta politicheskikh i sotsial'nykh issledovaniy Chernomorsko-Kaspiiskogo regiona* / Pod redaktsiei V.A. Zakharova. Tom 1. – Moskva: Russkaya panorama, 2011. – P. 93-108. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Gorskie slovesnye sudy Terskoi i Kubanskoi oblastei v 1871-1918 gg.* [The Mountain verbal courts of the Tersk and Kuban regions in 1871-1918]. In: *Istoriya gosudarstva i prava.* – 2015. – № 23. – P. 58-63. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX v.* [The peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire at the end of the XVIII – beginning of the XX century]. – Nal'chik: «Pечатnyi dvor», 2016. – 264 p. (In Russ.).

IBRAGIMOVA Z.KH. *Mir chechentsev. XIX vek* [The World of the Chechens. 19th Century]. – M.: Probel-2000, 2007. – 1024 p. (In Russ.).

KULESHIN M.G. *Gorskaya militsiya na strazhe poryadka v Terskoi oblasti vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [The mountain militia on guard of order in the Tersk region in the second half of the XIX – early XX century]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov.* Seriya: Is-toriya Rossii. – 2009. – № 1. – P. 90-94. (In Russ.).

MAKOEV T.K. *Pravookhranitel'nye organy Terskoi oblasti kak predshestvenniki cha-stei i podrazdelenii Rosgvardii (po materialam gazety «Terskie vedomosti»)* [The law enforcement agencies of the Tersk region as the forerunners of the units and divisions of the Russian Guard (based on the materials of the newspaper "Terskiye Vedomosti")]. In: *Izvestiya SOIGSI.* – 2023. – № 47(86). – P. 150-177. (In Russ.).

PAZOV I.S. *Administrativno-politseiskii apparat upravleniya Kabardy i Balkarii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [The administrative and police administration of Kabarda and Balkaria in the second half of the 19th – early 20th centuries]. In: *Obrazovanie i pravo.* – 2025. – № 1. – P. 124-131. (In Russ.).

PAZOV I.S. *Istoriya stanovleniya organov obshchestvennogo pravoporyadka v Kabarde i Balkarii (vtoraya polovina XIX veka – pervaya polovina XIX veka)* [The history of the formation of public law enforcement agencies in Kabarda and Balkaria (the second half of the 19th century – the first half of the 19th century)]. In: *Pravo i upravlenie.* – 2024. – № 10. – P. 358-363. (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii akhiv [Russian State Historical Archive]. (In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic] (In Russ.).

Информация об авторе

И.М. Дабагова – соискатель Научно-образовательного центра.

Information about the author

I.M. Dabagova – the applicant at the Scientific and Educational Center.

Статья поступила в редакцию 09.07.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 09.07.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

Научная статья
УДК 94
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-100-119
EDN: FESBDE

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КУРСОВ В КАБАРДИНСКОМ (НАЛЬЧИКСКОМ) ОКРУГЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Лаура Адамовна Урусмамбетова¹

¹ Центр непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников Минпросвещения КБР, Нальчик, Россия, layra_ya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5891-0571>

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию системы подготовки учителей и функционирования педагогических курсов в Кабардинском (Нальчикском) округе во второй половине XIX – начале XX в. В работе анализируется нормативно-правовая база, регламентировавшая организацию педагогического образования в указанный период, и рассматриваются особенности реализации образовательной политики в многоэтничном регионе. Показаны меры государства, направленные на преодоление дефицита учителей. Первоначально основной формой подготовки кадров стали учительские семинарии, ориентированные на подготовку сельских учителей. Однако их ограниченная эффективность способствовала распространению в Российской империи краткосрочных педагогических курсов как более оперативного инструмента подготовки преподавателей.

В статье анализируются социально-исторические и культурные факторы, определявшие результативность образовательных инициатив. Приводятся примеры как успешных, так и малоэффективных курсов, организованных в пределах одного учебного округа. Сравнение их результатов позволяет сделать выводы об условиях, влияющих на эффективность педагогических курсов. В статье рассмотрена эволюция различных форм педагогической подготовки в Кабардинском (Нальчикском) округе – от первых курсов К. Атажукина и специальных отделений 1870-х гг. до двухгодичных курсов под руководством И.М. Кармова, а также краткосрочных курсов повышения квалификации. В данной работе прослеживается взаимосвязь этих инициатив с образовательной политикой Кавказского учебного округа и региональной спецификой Кабардинского (Нальчикского) округа. Использование архивных источников позволило выявить как преемственность этих форм, так и их ограниченную эффективность, связанную с административными решениями, софинансированием со стороны местных обществ и слабой методической базой. Результаты исследования расширяют представления о включении Кавказа в образовательное пространство Российской империи и о значении ранних инициатив по развитию просвещения и начального школьного образования в регионе. Статья имеет ценность для историков и исследователей истории образования, изучающих процессы становления учительских кадров и функционирования педагогических институтов в многонациональных регионах Российской империи.

Ключевые слова: педагогическое образование, учительские курсы, Кавказ, XIX век, образовательные реформы, нормативно-правовая база, подготовка учителей, национальная специфика, интеграция, история педагогики.

Для цитирования: Урусмамбетова Л.А. Деятельность органов власти по организации педагогических курсов в Кабардинском (Нальчикском) округе во второй половине XIX – начале XX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 100-119. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-100-119. EDN: FESBDE.

© Урусмамбетова Л.А., 2025

Original article

ACTIVITIES OF GOVERNMENT BODIES ORGANIZING PEDAGOGICAL COURSES IN THE KABARDIN (NALCHIK) DISTRICT IN THE SECOND HALF OF THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

Laura A. Urusmambetova¹

¹ Center for Continuous Improvement of Professional Skills of Teaching Staff of the Ministry of Education of the Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Russia, layra_ya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5891-0571>

¹ Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the teacher training system and the functioning of pedagogical courses in the Kabarda (Nalchik) district in the second half of the XIX – early XX century. The paper analyzes the legal framework governing the organization of teacher education during this period, and examines the specifics of the implementation of educational policy in a multi-ethnic region. The government's measures aimed at overcoming the shortage of teachers are shown. Initially, teachers' seminaries focused on the training of rural teachers became the main form of staff training. However, their limited effectiveness contributed to the spread of short-term pedagogical courses in the Russian Empire as a more operational tool for teacher training. The article analyzes the socio-historical and cultural factors that determined the effectiveness of educational initiatives. Examples of both successful and ineffective courses organized within the same school district are given. A comparison of their results allows us to draw conclusions about the conditions affecting the effectiveness of pedagogical courses. The article examines the evolution of various forms of pedagogical training in the Kabardian (Nalchik) district, from the first courses of K. Atazhukin and special departments in the 1870s to two-year courses under the guidance of I.M. Karmova, as well as short-term professional development courses. This paper traces the relationship of these initiatives with the educational policy of the Caucasian Educational District and the regional specifics of the Kabardian (Nalchik) district. The use of archival sources revealed both the continuity of these forms and their limited effectiveness due to administrative decisions, co-financing from local societies, and a weak methodological base. The results of the study expand the understanding of the inclusion of the Caucasus in the educational space of the Russian Empire and the importance of early initiatives to develop education and primary school education in the region. The article is valuable for historians and researchers of the history of education who study the processes of formation of teaching staff and the functioning of pedagogical institutes in multinational regions of the Russian Empire.

Key words: pedagogical education, teacher training courses, Caucasus, 19th century, educational reforms, legal framework, teacher training, national specifics, integration, history of pedagogy.

For citation: Urusmambetova L.A. Teacher training and pedagogical courses in the Nalchik district in the second half of the 19th and early 20th centuries. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 100-119. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-100-119. EDN: FESBDE.

© Urusmambetova L.A., 2025

Введение

Исследование вопросов подготовки учителей и функционирования педагогических курсов в Кабардинском (Нальчикском) округе во второй половине XIX – начале XX в. является значимым для понимания образовательной политики Кавказского учебного округа и процессов интеграции региона в систему народного образования Российской империи. Этот период был связан с активным включением региона в образовательное пространство Российской империи, формированием сети начальных школ и первых национальных педагогических кадров. Для многонационального и поликонфессионального Кавказа внедрение новых образовательных инициатив сопровождалось необходимостью учитывать местные социально-культурные особенности. Это делало процесс подготовки учителей особенно сложным. Рассмотрение истории педагогических курсов в Кабардинском (Нальчикском) округе позволяет выявить механизмы становления системы подготовки учителей и её роль в развитии начального образования региона. Целью статьи является изучение подготовки учителей и деятельности по организации педагогических курсов в Кабардинском (Нальчикском) округе во второй половине XIX – начале XX в. в контексте политики Кавказского учебного округа. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Проанализировать нормативно-правовые основы подготовки учителей во второй половине XIX – начале XX в. в контексте политики Кавказского учебного округа.
2. Исследовать процесс становления и развития педагогических курсов в Кабардинском (Нальчикском) округе в указанный период.
3. Определить особенности организации и функционирования курсов, а также их значение для подготовки кадров сельских школ региона.

Материалы и методы. Для достижения цели статьи и решения поставленных задач использован комплекс исторических методов исследования. В целях выявления динамики развития образовательных инициатив второй половины XIX в. применен историко-генетический метод. Изучение общих особенностей и региональной специфики в организации краткосрочных курсов в исследовании проведено при помощи применения историко-сравнительного метода. Помимо этого, в ходе изучения темы статьи использованы методы анализа нормативно-правовых документов, социально-культурный и историко-педагогический анализ.

Историографию по теме исследования можно разделить на три группы: дореволюционную, советскую и современную. В дореволюционной историографии вопросы подготовки учителей освещались преимущественно в работах общественных деятелей, педагогов и чиновников. Это было связано с выбором путей реформирования, решением практических задач, стоявших перед российским обществом в условиях нехватки квалифицированных сельских учителей. Однако из-за ограниченности источников и специфики государственной политики, дореволюционные работы зачастую не раскрывали полного спектра

проблем и ограничивались решением текущих практических задач. Это характерно для работ П. Стригуненко [Стригуненко 1875], Н.А. Корфа [Корф 1882], Л.Н. Модзалевского [Модзалевский 1899], К.Д. Ушинского [Ушинский 1974], Г.А. Фальборка [Фальборк 1904], Н.В. Чехова [Чехов 1912].

Советские исследователи давали положительные оценки системе подготовки учителей, особенно деятельности краткосрочных курсов, рассматривали их как новаторские инициативы. Изучая деятельность педагогов, которых привлекали на курсы, советские ученые давали положительные характеристики их квалификации. Это прослеживается в работах Т.Х. Кумыкова [Кумыков 1969] и Р.Х. Хашхожевой [Хашхожева 1991]. Некоторые исследования были опубликованы уже в постсоветский период, однако по своим методологическим подходам и системе оценочных характеристик они продолжают традиции советской историографии. К числу таких публикаций относится научная работа Л.С. Гатаговой [Гатагова 1993].

Современные исследователи подходят к изучению вопросов подготовки учителей во второй половине XIX в. с позиций междисциплинарного подхода, сочетающего в себе элементы истории, социологии и педагогики. Комплексный подход позволяет учитывать материальные, организационные, экономические, социально-культурные и методические условия системы подготовки учителей. В научных работах современных авторов исследуются вопросы становления системы педагогического образования, особенности подготовки учителей начальной школы, деятельность учительских семинарий и учительских съездов. Это характерно для работ М.З. Саблирова [Саблиров 2001], Е.И. Хатаева [Хатаев 2002], Ф.Б. Саутиевой [Саутиева 2003], Д.С. Ткаченко [Ткаченко 2006], А.Б. Созаева [Созаев 2009], Н.К. Гуркиной [Гуркина 2012а; Гуркина 2012б], Е.В. Щербаковой [Щербакова 2013], Н.О. Блейх [Блейх 2017], Д.Н. Прасолова [Прасолов 2019], Д.С. Молокова [Молоков 2020], А.В. Политовой [Политова 2022], Н.И. Чуркиной [Чуркина 2024].

Анализ историографии по теме исследования показывает, что, несмотря на наличие большого количества научных работ по теме исследования, отсутствуют труды, в которых системно изучаются вопросы подготовки учителей в контексте конкретных региональных особенностей, социально-культурных барьеров и их влияния на эффективность образовательных инициатив в многонациональном регионе, что актуализирует тему статьи.

Результаты

В 60–70-е гг. XIX в. в связи с необходимостью вовлечения территорий Российской империи в единое образовательное пространство, возникла необходимость в развитии системы подготовки педагогических кадров. В этот период увеличивается количество учительских семинарий и краткосрочных педагогических курсов. Первый опыт нормативного сопровождения организации краткосрочных курсов в Российской империи встречается в Уставе низших и средних училищ, принятом в 1860 г. [Проект... 1860: 88–110]. В содержании данного нормативного документа значилось, что выпускники, которые закончили высшие учебные заведения «после завершения специальных педагогических курсов... могли

стать учителями» [Молоков 2020: 214]. Выпускники должны были обучаться дополнительно два года на курсах, в программу которых были включены занятия по педагогике и дидактике. Дальнейшие уточнения нормативным актом стало принятое «Положение о начальных народных училищах» от 1864 г., определявшее структуру учебных заведений и требования к педагогическим кадрам.

На страницах журнала Министерства народного просвещения в 1861 г. была опубликована статья К.Д. Ушинского, в которой обсуждался проект учительской семинарии, в рамках которой были затронуты актуальные темы, связанные с необходимостью подготовки наставников [Ушинский 1974]. Ушинский, анализируя недостатки в деле просвещения, выделил главный из них, который заключался в нехватке «хороших наставников, специально подготовленных к исполнению своих обязанностей» [Ушинский 1974: 339]. Рассматривая возможность организации краткосрочных курсов при начальных школах, К.Д. Ушинский понимал, что организация курсов не сможет упразднить имеющиеся дефициты. Краткий срок подготовки педагогов не будет способствовать подготовке учителей, владеющих академическими знаниями в деле воспитания и просвещения. Еще одним весомым аргументом ученого было то, что средние и начальные училища испытывают недостаток в подготовленных учителях, поэтому не смогут решать вопросы обучения учителей на курсах.

В Российской империи подготовкой учителей в XIX в. занимались педагогические институты. Обучение в них длилось 3 года, выпускники институтов могли работать в городских училищах [Фальборк 1904: 113]. Педагогические институты были закрытыми учреждениями, поступление в которые было ограничено выходцам из крестьянских семей. В середине XIX в. в обществе рассматривали возможность открытия учительских семинарий, которые должны были обучать выходцев из всех сословий и готовить учителей для сельской местности. Но в научном сообществе к идеям открытия семинарий относились осторожно. Например, ученый и историк педагогики Н.В. Чехов считал, что учительские семинарии должны «функционировать только при университетах», т.к. из-за дефицита финансирования в семинариях не найдется квалифицированных кадров, способных заниматься подготовкой учителей [Чехов 1912: 224].

Оппонировал Н.В. Чехову общественный деятель и педагог барон Н.А. Корф, который считал, что обучение в семинариях должно быть основано «на основе вероучения православной церкви и учета этнографических особенностей местности» [Корф 1882: 363]. В результате полемики сторонников и противников открытия семинарий преобладающей стала позиция сторонников открытия семинарий. Министерство народного просвещения, признав важность открытия семинарий «поручило разработку проекта нового учебного заведения Константину Дмитриевичу Ушинскому» [Щербакова 2013: 135].

В результате по проекту К.Д. Ушинского в 1870 г. было принято «Положение об учительских семинариях». Таких семинарий к концу 1898 г. в Российской империи насчитывалось 62 [Гуркина 2012а: 37]. Для привлечения контингента студентов обучение в учительских семинариях было бесплатным. При этом им выплачивали стипендии, но семинаристы должны были после окончания

обучения обязательно отработать учителями в четыре года «по одному – за год обучения» [Гуркина 2012b: 195].

Однако деятельность учительских семинарий не покрывала всех запросов от общества, потому что в XIX в. открывалось большое количество новых училищ. Вследствие увеличивающегося спроса на педагогические кадры и ограниченной эффективности учительских семинарий, получила распространение практика ускоренной курсовой подготовки учителей. Педагогические курсы могли быть организованы на базе начальных училищ, которые относились к разряду двухклассных и городских. Типология начальных училищ, согласно положению о начальных народных училищах 1864 г., была расширена. Городские училища имели 6-летний срок обучения, а в двухклассных нужно было обучаться 5 лет. При таких училищах было разрешено открывать краткосрочные курсы по подготовке педагогов, на которых курсантов знакомили «с постановкой и ведением начального обучения». При подготовке учителей основной упор делался на «практические запросы» будущих учителей [Щербакова 2013: 801].

В 1864 г. в России при городских училищах были организованы первые курсы для учителей. Инспектировал ход организации и обучения Л.Н. Модзалевский, который был соратником К.Д. Ушинского, а позже занимал должность инспектора в Кавказском учебном округе. Первые курсы были организованы Л.Н. Модзалевским «при Андреевском уездном училище» [Модзалевский 1899: 23]. Сам он помимо того, что инспектировал курсы, привлекался в качестве преподавателя методики начального обучения, а также преподавал русский язык будущим учителям сельских училищ. Курсы, которые организовывались в середине XIX в. имели разную продолжительность – от нескольких месяцев до 2-х лет. Краткосрочные курсы предоставляли возможность прохождения дополнительной подготовки и действующим учителям, что способствовало их профессиональному совершенствованию.

Нехватка учителей являлась общенациональной проблемой, которая особенно остро ощущалась в национальных школах. Перед администрацией Кавказского учебного округа возникли значительные трудности, обусловленные нехваткой национальных учителей и необходимостью решения задачи: «как обучить русского учителя местным языкам» [Ткаченко 2006: 312]. Владение местными языками учителями начальных школ было необходимым условием реализации концепции «естественной методики обучения», согласно которой первоначальное обучение на родном языке создаст благоприятные условия для дальнейшего обучения. О необходимости преподавания в учительских семинариях Кавказа национальных языков говорил первый наместник Кавказа М.С. Воронцов, который настаивал на том, чтобы в Тифлисской гимназии преподавали местные языки Кавказа. В Ставропольской гимназии в 1850 г. велось преподавание предмета «Черкесский язык» с «целью подготовки переводчиков для населения Западного Кавказа» [Терские ведомости 1869: 3]. Как отмечает Р. Хашхожева, этот предмет изначально был обязательным для всех студентов гимназии, однако впоследствии его оставили только для казачьих и горских воспитанников. Она указывает, что «к концу 50-х годов XIX в. изучение черкесского языка было отменено» [Хашхожева 1991: 24].

Решая вопросы, связанные с дефицитом учителей, администрация на Кавказе опраивляла воспитанников на обучение в центральные губернии, рассчитывая на то, что таким образом будет сформирован кадровый резерв учителей. Однако, не все выпускники, в том числе и семинарий начинали работать учителями. Попечитель Кавказского учебного округа Я.М. Неверов отмечал, что молодые люди, которые обучались в центральных губерниях, предпочитали получать не педагогическое, а юридическое образование, которое «открывало свободный доступ во все ведомства государственной службы» [Отчет попечителя 1868: 100]. В связи с этим, в десяти высших учебных заведениях Кавказского учебного округа (6 гимназий, 3 прогимназии, 1 учительская семинария), которые функционировали в 1867 г. среди преподавателей, было «только 2 учителя из туземцев». Поэтому администрация Кавказского учебного округа была вынуждена обращаться «за учебными силами во внутренние губернии» [Отчет попечителя 1868: 5].

Чтобы покрыть дефицит педагогических кадров попечитель Кавказского округа – Я.М. Неверов в 1866 г. поддержал идею проведения краткосрочных курсов, которые проходили в Тифлисе под руководством «опытного в начальном обучении педагога г. Желиховского» [Отчет попечителя 1868: 9]. Курсы длились 4 месяца, слушателей курсов знакомили с «новейшими приемами обучения», они посещали уроки учителей и сами давали пробные уроки. Про выпускников этих курсов, которые начали работать в Кубанской области, директора школ отзывались «самым лесным образом» [Отчет попечителя 1868: 9]. Сам Я.М. Неверов посетил уроки выпускника краткосрочных курсов – учителя пригготовительного класса пятигорской гимназии Ракова и его деятельность оценена им как «вполне удовлетворительная». Успех деятельности Желиховского решили распространить на уже практикующих учителей и совершенствовать их компетенции в использовании новой системы преподавания.

Несмотря на положительные эффекты от деятельности краткосрочных курсов, Я.М. Неверов отмечал, что такая подготовка учителей должна стать всего лишь временной мерой, потому что знания, которые получают учителя ограничены. По его мнению, учитель должен не только «передавать элементарные знания, но и воспитывать учащихся, быть соратником и руководителем народа» [Отчет попечителя 1868: 10]. Такую подготовку, по мнению попечителя, можно было получить только в семинариях.

Положительный опыт организации курсов для подготовки учителей не был повсеместным. Например, результаты функционирования подобных краткосрочных курсов в Кабардинском округе в этот период не были достаточно результативными. Их открытие состоялось в 1866 г. 23 марта 1866 г. пришло письмо от начальника Терской области генерал-адъютанта М.Т. Лорис-Меликова начальнику Кабардинского округа полковнику Нуриду, в котором сообщалось об одобрении наместником Кавказа открытия «школы для приготовления сельских учителей кабардинской грамоты и письма по алфавиту, составленному генерал-майором Усларом» [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 936. Л. 25 об.]. Руководство школой доверялось учителю, «знающему русский и кабардинский языки, отличавшегося благонадежностью и пользующегося доверием народа», им стал общественный деятель, педагог, лингвист – К.М. Атажукин [УЦГА АС КБР. Ф. И-

2. Оп. 1. Д. 936. Л. 25 об.]. В письме определялось количество учеников, которое должно было составлять от 10 до 20 человек, а «курс учения каждой партии учеников назначается до 3-х месяцев» [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 936. Л. 26 об.]. В случае весомых причин разрешалось продлить срок подготовки сельских учителей. В качестве слушателей в школу принимались в первую очередь те, кто владел русским или арабским языком. В содержании письма пояснялось, что учреждение школы было временной мерой, которая должна была существовать до тех пор «пока она не подготовится должное число учителей для сельских школ» [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 936. Л. 26 об.]. В письме от начальника Терской области значилось, что «окончившие курс в школе и получившие свидетельства о звании сельского учителя кабардинской грамоты по возвращении в места постоянного проживания» должны были обучать своих односельчан. За каждого обученного грамоте в течение 1867 г. выпускникам курсов назначалась «премия по 5 руб. за каждого малолетнего или взрослого, обученного кабардинской грамоте и письму» [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 936. Л. 27 об.]. Однако постоянного жалования учителям назначено не было. Но, чтобы вызвать интерес и мотивацию к изучению грамоты в письме начальника Терской области значилось, что, «усердно занимавшиеся в течение 1867 г. будут зачисляться на должности словесных и письменных переводчиков в Кабардинский округ и всадниками в Терскую постоянную милицию» [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 936. Л. 27 об.]. Кроме того, выпускников курсов могли зачислять на казенный счет в горские школы Нальчика и Владикавказа.

Еще одной нефинансовой мерой стимулирована начальника Терской области генерал-адъютанта М.Т. Лорис-Меликова к обучению грамоте и дальнейшей работе на должности сельских учителей являлось указание на то, что нужно «в конце года представить к наградам тех учителей, выучивших основательно кабардинской грамоте более 50 человек» [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 936. Л. 29 об.].

Первые слушатели курсов школы для приготовления сельских учителей кабардинской грамоты и письма в количестве 13 человек приступили к занятиям 15 марта 1866 г. В списках слушателей курсов и ведомостях с отметками значились 3 предмета: чтение, чистописание и арифметика (четыре основных действия) [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 936. Л. 43-49 об.]. Чтению на курсах обучали по составленным «для педагогических курсов и сельских школ... кабардинской азбуке... и нескольким книгам на кабардинском языке», автором которых был К.М. Атажукин [Кумыков 1996: 214].

Отметки, выставленные в ведомостях слушателям курсов, в подавляющем большинстве случаев были хорошими и отличными. Но через три месяца обучения успешно сдали экзамен лишь 6 человек, которые «получили свидетельство об окончании курсов... и звание сельских учителей» [Кумыков 1969: 67]. Однако они «были признаны неспособными пока к исправлению должности сельских учителей» из-за недостаточного знания арифметики [Кумыков 1969: 16]. В результате выпускники курсов, большинство из которых были выпускниками медресе, так и не приступили к своим обязанностям, потому что должны были пройти переэкзаменовку.

Второй поток курсов в составе 11 человек начал свою работу 20 ноября 1866 г. Длились курсы 7 месяцев, к концу обучения количество слушателей сократилось до 7 человек. Длительность курсов объясняется перерывами, которые были в обучении в период мусульманского поста и некоторых организационных сложностей, связанных с финансированием курсов. Вскоре начальник Кабардинского округа полковник Нурид закрыл школу, это произошло 1 июня 1867 г. Причин для закрытия было несколько, к ним относилось недостаточное финансирование и неудовлетворительные результаты, которые показали ученики. Часть местного духовенства, прежде всего муллы, воспринимала курсы как угрозу сложившейся системе религиозного образования на арабском языке и позициям исламских учебных заведений. Выпускникам медресе, которые составляли основную массу слушателей курсов, трудно давалось письмо, но чтению они обучались достаточно успешно. При этом выпускники курсов опасались осуждения со стороны духовенства. Неэффективными оказались стимулирующие меры, которые были предложены Лорис-Меликовым. Плата, установленная за обучение учеников в качестве финансовой мотивации, была невысокой. К.М. Атажукин отмечал, что «если бы учителям было назначено какое-либо постоянное жалованье, то это могло бы их побудить идти против предрассудков» [Терские ведомости: 3]. В целом неуспешность обучения слушателей курсов К.М. Атажукин объяснял тем, что их привлекало более всего «содержание, которое они должны были получать» во время обучения на курсах, а не интерес к профессии учителя [Терские ведомости: 3]. Несмотря на то, что курсы просуществовали недолго, их главное значение в том, что они стали началом на пути распространения грамотности и письменности на родном языке. Сам К.М. Атажукин не был сломлен первыми неудачами, а продолжал разрабатывать концепции «о становлении образования в крае и предлагал конкретные пути по улучшению постановки обучения в национальных школах» [Блейх 2017: 50].

Изучение первого опыта организации педагогических курсов показало, что краткосрочные курсы стали важным инструментом оперативной подготовки учителей в условиях нехватки квалифицированных кадров. Однако их результаты оказались ограниченными по ряду причин. Среди них «короткий срок обучения, ...некоторые ученики, ранее не знавшие никакой грамоты, не укладывались в сроки и не выдерживали экзамена» [Хашхожева 1991: 8]. К дополнительным причинам относились слабая практическая применимость получаемой письменности, отсутствие устойчивого материального обеспечения выпускников, а также недостаточная заинтересованность части обучающихся в педагогической работе. Еще одним препятствием стало сопротивление исламизированной арабоязычной культуры, представители которой опасались утраты традиционной системы образования. Эти факторы не позволили курсам в полной мере реализовать задачу подготовки национальных кадров и распространения грамотности среди горского населения.

Проблема дефицита учителей постоянно поднималась в образовательной политике Кавказского учебного округа. В 1873 г. в Терской, а затем в Кубанской области и Ставропольской губернии были организованы педагогические курсы для сельских учителей [Ткаченко 2006: 316]. Аналогичные инициативы

появились и в Закавказье. В Кабардинском округе необходимость подготовки педагогов также осознавалась местной общественностью. В ответ на обращение съезда доверенных в 1873 г. при Нальчикской горской школе с 1 сентября 1876 г. было открыто специальное отделение для подготовки учителей аульных школ, фактически представлявшее собой дополнительный год обучения. Нововведение стало частью общего движения в Терской области по развитию сельского начального образования. Согласно Положению, утверждённому попечителем Кавказского учебного округа, специальное отделение предусматривало 10 стипендий из Кабардинской общественной суммы [Саблиров 2001: 187]. Был составлен проект школы, одобренный начальником Пятигорского округа полковником Мазараки. Проект был основан на открытии дополнительного класса, обучение в котором позволит выпускнику горской школы занять должность учителя в сельской школе. Начальник Терской области получил одобрение от Наместника Кавказа на открытие такого класса. Предполагалось, что руководить подготовкой учителей будет выпускник Ставропольской гимназии П. Стригуненко, который на тот момент работал в горской школе. Наместник Кавказа назначил инспектору Мелиховскому составить инструкцию так, чтобы за качество организованного педагогического класса отвечал весь педагогический коллектив горской школы. В учебном процессе большое внимание следовало уделять «усилению занятий будущих учителей по русскому языку и арифметике» [Саблиров 2001: 89].

Подготовка воспитанников педагогического класса включала изучение основ педагогики с опорой на авторитетные пособия: «Руководство к родному слову» К.Д. Ушинского, «Начатки школьного обучения» А. Дистервега и «Очерки главнейших практических законов педагогики, дидактики и методики» П. Рошина. Смотритель горской школы предлагал включить в программу подготовки учителей ежедневные занятия по одному часу, посвящённые методике преподавания русского языка и арифметики [Саблиров 2001: 89].

Организованный в 1876 г. педагогический класс проработал около года, однако смена руководства в Пятигорском округе привела к его закрытию, несмотря на протесты со стороны общественности. Несмотря на продуманную программу обучения и использование авторитетных педагогических пособий, функционирование класса оказалось недолговечным. Значение этих классов для подготовки аульских учителей подчёркивал в своём обращении директор народных училищ Орлов: «Мы просим об ограждении специального класса, организованного при Нальчикской окружной школе для подготовки аульских учителей для кабардинских аульных школ, от произвола и странных побуждений господина Полозова и Пятигорского окружного начальства. Специальные классы особенно важны, без них невозможно открытие аульных школ, а, следовательно, и распространение русской грамотности среди горского населения» [ЦГИА Грузии. Ф. 422. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1015. Л. 1].

Конфликт между школьной администрацией и окружными властями приобрёл системный характер. Несмотря на положительные отзывы о курсах, съезд доверенных Большой и Малой Кабарды принял приговор о закрытии трёх аульных школ [Прасолов 2019: 40]. В документе утверждалось, что расходы на их

содержание оказались чрезмерными, а обучение не принесло ожидаемых результатов [Прасолов 2019: 41].

Важным свидетельством административного конфликта стало донесение директора народных училищ Орлова о вмешательстве окружного начальства в работу школ. Он сообщал: «Учитель Кучмазукинской аульной школы Анзоров распоряжением от 16 января 1878 г. донёс мне, что начальник Пятигорского окружного правления приказал ему и учителю кабардинской аульной школы прекратить занятия и закрыть школы» [ЦГИА Грузии. Ф. 422. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1015. Л. 4]. В итоге, несмотря на предпринятые меры по улучшению качества преподавания, усилия по формированию национальных кадров были фактически сведены на нет из-за произвольных действий окружного начальства. Несмотря на то, что, как отмечал директор училищ, «существования этих школ в течение одного года явно недостаточно», новый начальник округа Полозов фактически стремился их ликвидировать: «в течение четырёх месяцев не выдавал содержания специальным классам, постоянно доказывая мне, что они могут быть руководимы одним педагогом – специалистом в этой области, Стригуненко» [ЦГИА Грузии. Ф. 422. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1015. Л. 6]. Указанный педагог внес существенный вклад в функционировании курсов. Его педагогическая подготовка была связана с опытом работы в Кубанской учительской семинарии, в которой при организации учебного процесса учитывались духовные запросы учащихся, а также делался акцент на развитии их активности. Данный подход дополнялся тем, что педагоги проводили наблюдения и фиксировали их в дневниковые записи с последующим разбором и обобщением эмпирического материала [Хатаев 2002: 163].

При этом П. Стригуненко проявил себя не только как практик, но и как методист. В своём реферате «Об устройстве социально-педагогического отделения при Нальчикской окружной горской школе для приготовления аульных учителей» он подчёркивал значимость практико-ориентированного обучения, отмечая, что «по истечении первого полугодия практиканты должны давать уроки в приготовительном классе» [Саблиров 2001: 77]. Также П. Стригуненко занимался разработкой учебных пособий для кабардинских детей. Им были подготовлены учебник «Русское слово» и «Руководство для аульных учителей к преподаванию «Русского слова».

Однако несмотря на практический опыт и стремление адаптировать обучение к местной специфике, учебные пособия П. Стригуненко были встречены критикой со стороны попечителя Я.М. Неверова. Проведённый им анализ показал, что в них присутствовали фактические неточности и ошибки, которые противоречили принципу научности. Подбор материала оказался неудачным и не соответствовал поставленным задачам обучения. Кроме того, структура учебника не обеспечивала логичности и последовательности изложения, это затрудняло усвоение материала. Особое замечание было сделано в отношении текстов нравственного характера, с указанием на «несоответствие национальным особенностям быта и психологии горских детей, а потому могущих вызвать у них отталкивающее впечатление» [Хатаев 2002: 142]. Также отмечалось, что языковая форма учебника не отвечала требованиям грамотности и не согласовывалась с

целями автора [Хатаев 2002: 143]. Выявленное противоречие между попыткой адаптации учебного материала к местной специфике посредством использования знакомых предметов и образов и недостаточной проработкой содержания свидетельствует о сложности формирования эффективной методической базы для обучения горских детей в рассматриваемый период.

На этом фоне деятельность П. Стригуненко приобретает особое значение. Несмотря на критику его учебников со стороны Я.М. Неверова, именно совершенствование методических подходов и поддержка педагогической деятельности таких учителей-практиков могли бы повысить результативность школ. Однако его перевод на службу в полицию привёл к утрате ключевого педагога. Это объективно ослабило работу специальных классов и стало одним из факторов, осложнивших их дальнейшее функционирование. Источники фиксируют, что этот перевод дал И.В. Полозову формальный повод для закрытия курсов. Это подчёркивает их зависимость от административных решений и отсутствие институциональной устойчивости образовательных инициатив в регионе.

Ситуация с переводом П. Стригуненко стала лишь одним из шагов Полозова, направленных на свёртывание работы курсов. В своих обращениях к попечителю Орлов прямо указывал, что, получив финансирование, Полозов «прибегнул к другой уловке – закрыл аульные школы. Тем самым он, без сомнения, добьётся своей цели: закрытия и специальных классов. Ведь с закрытием аульных школ существование специальных классов, готовящих учителей для несуществующих школ, становится бессмысленным» [ЦГИА Грузии. Ф. 422. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1015. Л. 6].

Таким образом, причины сворачивания аульных школ и курсов заключались не в их концептуальной несостоятельности, а в комплексе организационных и социальных трудностей. Их функционирование было возможно только при сочетании государственной поддержки и обязательного софинансирования со стороны местных обществ. Именно совместное участие государства и местных сообществ в финансировании обеспечивало относительную доступность курсов для широких слоёв населения. И хотя дирекция народных училищ предпринимала шаги для повышения качества обучения за счёт подготовки местных учителей, отсутствие согласованной позиции с окружной администрацией, проблемы финансирования и ограниченная поддержка со стороны общества привели к снижению эффективности этих инициатив. Таким образом, несмотря на усилия П. Стригуненко по организации специальных классов и разработке методических пособий для аульных учителей, их эффективность оказалась крайне низкой. За 1876–1878 гг. курсы окончили лишь трое выпускников, а закрытие сельских школ фактически лишило эти инициативы практического смысла. Как подчёркивает Д.Н. Прасолов, ключевым фактором стала позиция съезда доверенных, поддержавшего ликвидацию школ. Это прервало «преемственность» в подготовке местных учителей и сорвало реализацию намеченной программы формирования национальных педагогических кадров [Прасолов 2019: 43].

Ограниченная результативность курсов усугублялась также отсутствием методической базы и недостаточным опытом первых педагогов. Проверки, проводившиеся в Терской области, регулярно фиксировали проблемы с

профессиональной подготовкой учителей. В одном из ревизионных отчётов дирекции народных училищ за 1895 г. отмечалось, что «учителя, вновь назначенные на вакантные места в течение истекшего года, в большинстве своём оказываются незнакомыми с методами и приёмами преподавания, применяемыми в установленном порядке» [ЦГИА Грузии. Ф. 422. Оп. 1. Кн. 1. Д. 5135. Л. 1]. Для устранения выявленных недостатков в 1895 г. предлагалось организовать краткосрочные курсы во Владикавказе, включавшие пробные уроки и практические занятия по ремеслу, садоводству, пчеловодству и гимнастике. В документе подчёркивалось: «Вызванные учащиеся приедут во Владикавказ и возвратятся бесплатно по земской почте; суточные, во время курсов, получают по 2000 руб., отпускаемых ежемесячно на нужды начальных училищ» [ЦГИА Грузии. Ф. 422. Оп. 1. Кн. 1. Д. 5135. Л. 2]. Это свидетельствует о стремлении дирекции не только повысить методический уровень подготовки педагогов, но и создать для них базовые социально-экономические условия во время обучения. Это рассматривалось как важный фактор популяризации краткосрочных курсов и повышения их привлекательности для потенциальных слушателей.

Во второй половине 1890-х гг. при Нальчикской горской школе начали регулярно функционировать специальные педагогические классы для подготовки аульных учителей. Нальчикская горская школа отличалась сильным педагогическим составом. В рассматриваемый период в ней преподавали «А. Каракешев (смотритель), П. Корешков (преподаватель геометрии и арифметики), С. Арутюнов (истории и географии), М. Бескровная (французского языка), С. Ткачев (русского языка), И. Кармов (арифметики и рисования) и А. Джабоев (чистописания и русского языка)» [Кумыков 1996: 218]. Деятельность этих педагогов сыграла важную роль в организации учебного процесса и внесла значительный вклад в развитие образования в округе. Наличие квалифицированного состава создавало благоприятные условия для расширения педагогической практики в горской школе.

В 1906 г. при школе были организованы двухгодичные педагогические курсы, на содержание которых отпускалось «6100 руб., вносимой ежегодно кабардинским народом на преобразование Нальчикской горской школы в среднее учебное заведение» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 725. Т. 2. Л. 79]. Их деятельность регулировалась общими «Правилами о педагогических курсах для подготовки учителей и учительниц начальных классов», утверждёнными Министерством народного просвещения [ЦГИА Грузии. Ф. 422. Оп. 1. Кн. 2. Д. 9301. Л. 50]. Согласно этим правилам, курсы могли учреждаться как министерством, так и земствами, городами и общественными организациями. При этом, «курсы, утверждаемые на средства Министерства народного просвещения, разрешаются министерством. Курсы, содержимые на местные средства открываются с разрешения попечителя учебного округа» [ЦГИА Грузии. Ф. 422. Оп. 1. Кн. 2. Д. 9301. Л. 51]. В Нальчике курсы 1906 г. были организованы именно по этой схеме – на средства Общественной суммы и с разрешения попечителя Кавказского учебного округа. Если для двухгодичных курсов, учреждённых на средства Министерства народного просвещения, предельный размер финансирования составлял «не выше 4000 руб.», то в Нальчике в 1906 г. на их содержание было

выделено 6100 руб. из Общественной суммы. Вместе с тем, сама возможность их учреждения и функционирования была частью более широкой модели общественно-государственного софинансирования образования в Кавказском учебном округе, которая регулярно фиксировалась в отчётных материалах попечителя Кавказского учебного округа. Так, на содержание начальных училищ Кавказского учебного округа в 1905 г. было израсходовано 2 944 656 руб. 15 коп., из которых из средств Государственного казначейства поступило лишь 6 679 руб. 50 коп. Основная часть расходов покрывалась за счёт общественных и сословных сборов (1219851 р.). Остальную часть расходов покрывали земские средства, городские суммы, пожертвования и плата за обучение [Отчет попечителя 1905: 96]. При этом современники отмечали противоречие, что в условиях кризиса и массового закрытия аульных школ в Нальчикском округе, было организовано финансирование курсов для учителей [Прасолов 2019: 48]. Поддержка курсов представлялась местным уполномоченным предпочтительной, поскольку их финансирование осуществлялось за счёт Общественной суммы и не требовало прямых расходов из средств сельских обществ. Несмотря на противоречия, курсы были организованы. Их руководителем стал учитель Нальчикской горской школы И.М. Кармов. Он был опытным и авторитетным педагогом, который на протяжении десятилетий работал в Нальчикской горской школе, преподавая различные предметы, включая арифметику и рисование. С 1882 г. И.М. Кармов совмещал преподавательскую деятельность с выполнением должности надзирателя в школе [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 27. Л. 9 об.]. В дальнейшем он состоял в «Обществе распространения образования среди кабардинцев и горцев», активно участвовал в общественной жизни, поддерживая проекты, направленные на улучшение условий обучения и быта учащихся.

Несмотря на то, что в период революционных событий 1905 г. И.М. Кармов оказался под подозрением из-за своей причастности к подаче петиций и участию в обсуждении требований учащихся, он сохранил влияние в образовательной среде. Его профессиональная репутация и значимость для региональной системы просвещения подтверждаются тем, что за него ходатайствовал известный исследователь Кавказа Л.Г. Лопатинский [Кумыков 1996: 220].

Администрация понимала, что для успешной подготовки национальных кадров необходим человек, знакомый с местными условиями и пользующийся авторитетом среди учащихся и учителей. И.М. Кармов, несмотря на политическую опалу, обладал необходимыми качествами. Он умел разрабатывать методические материалы, организовывать учебный процесс и сочетать теоретическую подготовку с практико-ориентированным обучением. Именно эти компетенции позволили ему стать руководителем двухгодичных педагогических курсов, открытых в 1906 г., которые стали важным инструментом подготовки учителей для сельских школ. Для их организации ещё в 1905 г. он составил вопросник «Устройство педагогических классов при Нальчикской горской школе». А также «Материалы для беседы с кабардинскими учителями и представителями», определявший цели и задачи курсов. Во время курсов Исхак Махмудович сам давал открытые уроки по русскому языку и арифметике на кабардинском языке. Таким образом, назначение И.М. Кармова руководителем курсов отражало

прагматичный подход властей. При всей политической неблагонадёжности он оставался одним из наиболее опытных педагогов, способных реализовать задачи ускоренной подготовки учителей в условиях нехватки кадров.

Поступление на данные курсы рассматривалось как результат осознанного профессионального самоопределения, отражавшего готовность слушателей связать свою дальнейшую деятельность с педагогической сферой. Выпускники горской школы, намеренные стать учителями, продолжали обучение в 4-м классе для подготовки к экзаменам по программе начального училища. Приём допускался также для лиц с домашним или иным образованием, при условии успешной сдачи вступительного испытания. О серьёзности намерений будущих педагогов свидетельствуют архивные материалы. 27 октября 1908 г. несколько воспитанников 4-го класса обратились к доверенным от Большой и Малой Кабарды... с просьбой «окончить начатое нами обучение... в какой-нибудь учительской семинарии, если закроются курсы при горской школе» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 725. Т. 2. Л. 51].

После открытия в 1909 г. Нальчикского реального училища на базе горской школы педагогический класс был упразднён, а вместе с ним прекратила работу и система курсовой подготовки учителей на месте. В дальнейшем подготовка педагогических кадров осуществлялась путём направления выпускников для продолжения обучения в учебные заведения других городов, в том числе Ставрополя. При этом использовались стипендии, предоставляемые за счёт общественных средств. Такой подход позволял компенсировать недостаток местных возможностей для профессиональной подготовки учителей и способствовал формированию квалифицированных педагогических кадров для региональных школ. В целом, педагогические курсы под руководством И.М. Кармова стали важным этапом в истории становления системы подготовки сельских учителей в Нальчикском округе. Они учитывали региональную специфику и ориентировались на практическую подготовку учителей. Однако результативность курсов была ограниченной. Прекращение деятельности курсов в результате реорганизации школы продемонстрировало их институциональную неустойчивость. Их функционирование было тесно связано с административными решениями и не опиралось на стабильное финансирование. Это выявило высокую степень зависимости образовательных инициатив от внешних управленческих факторов и отсутствие устойчивого механизма подготовки педагогических кадров в регионе.

В сложившихся условиях возникла объективная необходимость поиска альтернативных механизмов подготовки педагогических кадров. Одной из таких форм организации профессионального обучения стали временные курсы. Они представляли собой разновидность курсовой работы, ориентированной на совершенствование профессиональных компетенций и освоение основных методических приёмов преподавания. Пример организации временных курсов в Моздоке в 1914 г. для учителей «туземных школ» свидетельствует о предпринимаемых властями попытках хотя бы частично улучшить качество подготовки педагогов для национальных регионов.

Программа курсов включала лекции по методике преподавания русского языка и арифметики. С 1 по 15 июня 1914 г. проходили лекции по методике

преподавания русского языка, которые читал инспектор Прохладненского городского училища В. Чаликов. Программа охватывала все этапы обучения грамоте: «Предварительные понятия», «Лексические уроки в туземной школе», «Правила обучения детей по естественному методу», «Подбор материала для проблемных бесед», «Обучение грамоте: способы, гигиенические и дидактические требования» и др. [ЦГИА Грузии. Ф. 422. Оп. 1. Кн. 3. Д. 12204. Л. 39].

После завершения лекций по русскому языку курсы продолжились занятиями по методике арифметики. Их проводил учитель Прохладненского городского училища И.Г. Жуков. В его программе рассматривались как теоретические, так и практические аспекты преподавания, охватывающие «Краткий обзор истории методики арифметики», «Необходимые знания и цели методики обучения арифметике», «Роль наглядности при обучении», а также вопросы связи арифметики с рисованием, целесообразности её введения в начальной школе, методов преподавания и др. [ЦГИА Грузии. Ф. 422. Оп. 1. Кн. 3. Д. 12204. Л. 40].

Подобные курсы являлись инструментом оперативного повышения квалификации и позволяли педагогам получить базовые знания по современным на тот момент методикам преподавания. Их прикладной характер позволял действующим учителям получить минимально необходимый набор методических знаний для работы в начальной школе. Однако такие курсы не могли заменить полноценную систематическую подготовку педагогов. Тем самым подтверждалась их вспомогательная и временная функция в структуре региональной системы педагогической подготовки. Пример их организации демонстрирует стремление государства к совершенствованию преподавания в школах национальных регионов, однако отсутствие комплексных и долговременных программ не позволяло сформировать устойчивую систему педагогического образования.

В более широком контексте развитие курсовой подготовки отражало общероссийские тенденции в области народного образования. В целом, в период «с середины 60-х гг. XIX столетия до 1917 г. в России было открыто 149 педагогических курсов» [Саутиева 2003: 4]. Подготовка педагогов не ограничивалась рамками курсового обучения. С середины XIX в. в Российской империи распространилась практика проведения учительских съездов, на которых рассматривались передовые методики обучения и проблемные вопросы, связанные с работой учителей. Они использовались администрацией как дополнительный ресурс «для привлечения молодежи к работе в начальных школах» [Гатагова 1993: 87]. В период с 1861 по 1870 гг. учительские съезды стали проводиться регулярно в уездах и регионах. Официальный 1-й Всероссийский съезд учителей проходил в Москве с 28 декабря 1902 по 6 января 1903 г. Государство поддерживало такую инициативу, рассматривая ее как дополнительное «средство повышения качества профессиональной подготовки народных учителей» [Чуркина 2024: 118]. На них проводились лекции, демонстрировались образцовые уроки, знакомили с новинками литературы. Специфика съездов отличалась от курсов тем, что основная инициатива повышения квалификации принадлежала самим учителям, таким образом формировалось педагогическое сообщество.

Заключение

Проведённое исследование показало, что педагогические курсы в Кабардинском (Нальчикском) округе сыграли значимую, но ограниченную роль в

формировании первых национальных учительских кадров. Их функционирование демонстрирует, что при поддержке инициативных педагогов, таких как К.М. Атажукин, П. Стригуненко и И.М. Кармов, были предприняты шаги по созданию системы подготовки сельских учителей, сочетающей теоретическое и практическое обучение. Однако эти попытки не привели к формированию устойчивого института подготовки педагогов.

Эффективность курсов сдерживалась краткосрочностью обучения, отсутствием методической базы и ограниченными финансовыми возможностями. Дополнительными барьерами стали зависимость образовательных проектов от воли окружной администрации, отсутствие согласованной политики между местными органами и дирекцией народных училищ, а также противодействие части духовенства, опасавшегося вытеснения традиционной религиозной системы обучения. Опыт Кабардинского (Нальчикского) округа демонстрирует, что эффективность подготовки национальных педагогических кадров зависела от сочетания государственных мер, общественной поддержки и наличия методически подготовленных специалистов. Несмотря на ограниченные результаты, педагогические курсы стали значимым этапом в развитии начального образования на Северном Кавказе и способствовали формированию первых поколений местных учителей, что создало основу для дальнейшего включения региона в общероссийское образовательное пространство.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Блейх 2017 – *Блейх Н.О.* Жизненный путь и этапы просветительно-педагогической деятельности К.М. Атажукина (1841–1899 гг.) // Педагогика и просвещение. – 2017. – № 3. – С. 40-56.

Гатагова 1993 – *Гатагова Л.С.* Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. Ассоциация исследователей российского общества XX века. – Москва: Россия молодая, 1993. – 141 с.

Гуркина 2012а – *Гуркина Н.К.* История образовательных учреждений – История образовательных учреждений в России (X–XX века). – СПб.: Полторак, 2012. – 77 с.

Гуркина 2012б – *Гуркина Н.К.* Становление системы педагогического образования Становление системы педагогического образования в дореволюционной России // Управленческое консультирование. – 2012. – № 2 (46). – С. 193-203.

Корф 1882 – *Корф Н.А.* Наши педагогические вопросы. – М.: Сотрудник школ. А.К. Залесской, 1882. – 410 с.

Кумыков 1969 – *Кумыков Т.Х.* Кази Атажукин (Жизнь и деятельность). – Нальчик: Эльбрус, 1969. – 172 с.

Кумыков 1996 – *Кумыков Т.Х.* Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – в начале XX века. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 328 с.

Модзалевский 1899 – *Модзалевский Л.Н.* Из педагогической автобиографии. – СПб.: Н.Г. Мартынов, 1899. – 45 с.

Молоков 2020 – *Молоков Д.С.* Становление и развитие педагогических курсов в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 460. – С. 213–220.

Отчет попечителя 1867 – Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1867 год. – Тифлис: б/и, 1868. – 51 с.

Отчет попечителя 1905 – Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1905 год. – Тифлис, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1906. 411 с.

Политова 2022 – *Политова А.В.* Благотворительность в становлении и развитии системы образования в Терской области (1861–1917 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. – 2022. – № 3. – С. 430-436.

Прасолов 2019 – *Прасолов Д.Н.* Просветительские практики и интеллектуальная культура коренного населения Северного Кавказа в условиях имперской модернизации (школьный вопрос на съездах доверенных Нальчикского округа в последней трети XIX – начале XX в.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 2. – С. 37-54.

Проект... 1860 – Проект Устава низших и средних училищ, состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. – 1860. – № 3. – 386 с.

Саблиров 2001 – *Саблиров М.З.* Народное образование в Кабарде и Балкарии в XIX – начале XX в.: сборник архивных документов. – Нальчик: Издательский центр Эль-Фа, 2001. – 272 с.

Саутиева 2003 – *Саутиева Ф.Б.* Особенности подготовки учителей для начальной народной школы на педагогических курсах в России во второй половине XIX – начале XX в.: дис... канд. пед. н-к. – М., 2003. – 164 с.

Созаев 2009 – *Созаев А.Б.* Народное образование в Терской области в 60-х гг. XIX в. – 1917 г.: дисс. к.и.н. – Владикавказ, 2009. – 200 с.

Стригуненко 1875 – *Стригуненко П.* Кубанская учительская семинария // Терские ведомости. – 1875. – 15 мая.

Терские ведомости 1869 – Терские ведомости. – 1869. – № 31. – 4 с.

Ткаченко 2006 – *Ткаченко Д.С.* Национальное образование в Российской империи XIX – начала XX в.: на материалах Северо-Кавказского региона: дисс... д-ра ист. н-к. – Ставрополь, 2006. – 548 с.

Ушинский 1974 – *Ушинский К.Д.* Проект учительской семинарии // Избранные педагогические сочинения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1974. – Т. 2. – 438 с.

Фальборк 1904 – *Фальборк Г.А.* Настольная книга по народному образованию. Том 3. (низшие учебные заведения всех ведомств и разрядов). – СПб.: б/и, 1904. – 1724 с.

Хатаев 2002 – *Хатаев И.Е.* Научно-просветительская и педагогическая деятельность Я.М. Неверова (1810-1893 гг.): дис... канд. пед. н-к. – Владикавказ, 2002. – 183 с.

Хашхожева 1991 – *Хашхожева Р.Х.* Атажукин К. Избранное. Вступ. ст. и подгот. Текстов Р.Х. Хашхожевой. – 2-е изд., доп. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 352 с.

Чехов 1912 – *Чехов Н.В.* Народное образование в России с 60-х годов XIX века / Н.В. Чехов. – М.: "Польза" В. Антик и К, 1912. – 224 с.

Чуркина 2024 – *Чуркина Н.И.* Учительские съезды в оформлении педагогического сообщества России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Проблемы современного образования. – 2024. – № 1. – С. 116–127.

Щербакова 2013 – *Щербакова Е.В.* Учительские семинарии в системе педагогического образования Российской империи XIX – начала XX века // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2013. – № 1. – С. 132-137.

УЦГА АС КБР – Управление центрального государственного архива архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

ЦГИА Грузии – Центральный государственный исторический архив Грузии.

REFERENCES

BLEIKH N.O. *Zhiznennyi put' i etapy prosvetitel'sko-pedagogicheskoi deyatel'nosti K.M. Atazhukina (1841–1899 gg.)* [The life path and stages of K.M. Atazhukin's educational and pedagogical activities (1841-1899)]. In: *Pedagogika i prosveshchenie*. – 2017. – № 3. – P. 40-56. (In Russ.).

GATAGOVA L.S. *Pravitel'stvennaya politika i narodnoe obrazovanie na Kavkaze v XIX v. Assotsiatsiya issledovatelei rossiiskogo obshchestva XX veka* [Government policy and public education in the Caucasus in the 19th century. Association of Researchers of Russian Society in the 20th Century]. – Moskva: Rossiya molodaya, 1993. – 141 p. (In Russ.).

GURKINA N.K. *Istoriya obrazovatel'nykh uchrezhdenii – Istoriya obrazovatel'nykh uchrezhdenii v Rossii (X–XX veka)* [History of Educational Institutions - History of Educational Institutions in Russia (10th-20th Centuries)]. – SPb.: Poltorak, 2012. – 77 p. (In Russ.).

GURKINA N.K. *Stanovlenie sistemy pedagogicheskogo obrazovaniya Stanovlenie sistemy pedagogicheskogo obrazovaniya v dorevolyutsionnoi Rossii* [Formation of the System of Pedagogical Education - Formation of the System of Pedagogical Education in Pre-Revolutionary Russia]. In: *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. – 2012. – № 2 (46). – P. 193-203. (In Russ.).

KORF N.A. *Nashi pedagogicheskie voprosy* [Our pedagogical questions]. – M.: Sotrudnik shkol. A.K. Zalesskoi, 1882. – 410 p. (In Russ.).

KUMYKOV T.KH. *Kazi Atazhukin (Zhizn' i deyatel'nost')* [Kazi Atazhukin (Life and Work)]. – Nal'chik: El'brus, 1969. – 172 p. (In Russ.).

KUMYKOV T.KH. *Kul'tura, obshchestvenno-politicheskaya mysl' i prosveshchenie Kabardy vo vtoroi polovine XIX – v nachale XX veka* [Culture, Social and Political Thought, and Education in Kabarda in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries]. – Nal'chik: El'brus, 1996. – 328 p. (In Russ.).

MODZALEVSKII L.N. *Iz pedagogicheskoi avtobiografii* [From a Pedagogical Autobiography]. – SPb.: N.G. Martynov, 1899. – 45 p. (In Russ.).

MOLOKOV D.S. *Stanovlenie i razvitie pedagogicheskikh kursov v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [The Emergence and Development of Pedagogical Courses in Russia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2020. – № 460. – P. 213–220. (In Russ.).

Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1867 god [Report of the Trustee of the Caucasian Educational District on the state of educational institutions for 1867]. – Tiflis: b/i, 1868. – 51 p. (In Russ.).

Otchet popechitelya 1905 – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1905 god. – Tiflis, Tipografiya kantselyarii Glavnachal'stvuyushchego grazhdanskoyu chast'yu na Kavkaze, 1906. 411 s. (In Russ.).

POLITOVA A.V. *Blagotvoritel'nost' v stanovlenii i razvitii sistemy obrazovaniya v Terskoi oblasti (1861–1917 gg.)* [Charity in the Formation and Development of the Education System in the Terek Region (1861–1917)]. In: *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. – 2022. – № 3. – P. 430–436. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *Prosvetitel'skie praktiki i intellektual'naya kul'tura korennoy naseleniya Severnogo Kavkaza v usloviyakh imperskoy modernizatsii (shkol'nyi vopros na s"ezdakh doverennykh Nal'chikskogo okruga v poslednei tret'i XIX – nachale XX v.)* [Educational practices and intellectual culture of the indigenous population of the North Caucasus in the context of imperial modernization (the school issue at the congresses of the deputies of the Nalchik District in the last third of the 19th – early 20th century)]. In: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2019. – № 2. – P. 37-54. (In Russ.).

Proekt Ustava nizshikh i srednikh uchilishch, sostoyashchikh v vedomstve Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Draft Statute of Lower and Secondary Schools under the Ministry of Public Education]. In: *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. – 1860. – № 3. – 386 p. (In Russ.).

SABLIROV M.Z. *Narodnoe obrazovanie v Kabarde i Balkarii v XIX – nachale XX v.: sbornik arkhivnykh dokumentov* [Public Education in Kabarda and Balkaria in the 19th – early 20th century: a collection of archival documents]. – Nal'chik: Izdatel'skii tsentr El'-Fa, 2001. – 272 p. (In Russ.).

SAUTIEVA F.B. *Osobennosti podgotovki uchitelei dlya nachal'noi narodnoi shkoly na pedagogicheskikh kursakh v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Features of teacher training for primary schools in Russia in the second half of the 19th and early 20th centuries]: diss. kand. ped. n.-k. – M., 2003. – 164 p. (In Russ.).

SOZAEV A.B. *Narodnoe obrazovanie v Terskoi oblasti v 60-kh gg. XIX v. - 1917 g.* [Public Education in the Terek Region in the 1860s – 1917]: diss. k.i.n. – Vladikavkaz, 2009. – 200 p. (In Russ.).

STRIGUNENKO P. *Kubanskaya uchitel'skaya seminariya* [Kuban Teachers' Seminary]. *Ter-skie vedomosti*. – 1875. – 15 maya. (In Russ.).

Terskie vedomosti [Terek Gazette]. – 1869. – № 31. – 4 p. (In Russ.).

TKACHENKO D.S. *Natsional'noe obrazovanie v Rossiiskoi imperii XIX – nachala XX v.: na materialakh Severo-Kavkazskogo regiona* [National Education in the Russian Empire of the 19th and Early 20th Centuries: Based on the Materials of the North Caucasus Region]: diss... d-ra ist. n-k. – Stavropol', 2006. – 548 p. (In Russ.).

USHINSKII K.D. *Proekt uchitel'skoi seminarii* [Project of a Teachers' Seminary]. In: *Izbrannye pedagogicheskie sochine-niya: v 2 t.* – M.: Pedagogika, 1974. – T. 2. – 438 p. (In Russ.).

FAL'BORK G.A. *Nastol'naya kniga po narodnomu obrazovaniyu. Tom 3. (nizshie uchebnye zavedeniya vsekhn vedomstv i razryadov)* [Handbook on Public Education. Volume 3. (Lower Educational Institutions of All Departments and Categories)]. – SPb.: b/i, 1904. – 1724 p. (In Russ.).

KHATAEV I.E. *Nauchno-prosvetitel'skaya i pedagogicheskaya deyatel'nost' Ya.M. Neverova (1810-1893 gg.)* [Scientific, Educational, and Pedagogical Activities of Ya.M. Neverov (1810-1893)]: dis... kand. ped. n-k. – Vladikavkaz, 2002. – 183 p. (In Russ.).

KHASHKHOZHEVA R.KH. *Atazhukin K. Izbrannoe. Vstup. st. i podgot. Tekstov R.Kh. Khashkhozhe-voi* [Atazhukin K. Selected Works]. – 2-e izd., dop. – Nal'chik: El'brus, 1991. – 352 p. (In Russ.).

CHEKHOV N.V. *Narodnoe obrazovanie v Rossii s 60-kh godov XIX veka* [Public education in Russia since the 1860s]. – M.: "Pol'za" V. Antik i K, 1912. – 224 p. (In Russ.).

CHURKINA N.I. *Uchitel'skie s"ezdy v oformlenii pedagogicheskogo soobshchestva Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Teacher's congresses in the formation of the pedagogical community of Russia (the second half of the 19th – the beginning of the 20th century)]. In: *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. – 2024. – № 1. – P. 116–127. (In Russ.).

SHCHERBAKOVA E.V. *Uchitel'skie seminarii v sisteme pedagogicheskogo obrazovaniya Ros-siiskoi imperii XIX – nachala XX veka* [Teacher's seminaries in the system of pedagogical education of the Russian Empire of the 19th – the beginning of the 20th century]. In: *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*. – 2013. – № 1. – P. 132-137. (In Russ.).

Upravlenie tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Management of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [Central State Historical Archive of Georgia]. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Л.А. Урусмамбетова – кандидат педагогических наук

Information about the author

L.A. Urusmambetova – PhD (in Pedagogy)

Статья поступила в редакцию 08.06.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 08.06.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

Научная статья

УДК 94+39

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-120-140

EDN: DXRPHA

**ГОРСКИЕ ЕВРЕИ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ:
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
И ЭМИГРАЦИИ**

Алим Инзрелович Тетуев

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, alim-tetuev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4387-291X>

Аннотация: В статье комплексно исследуются проблемы социально-экономического развития общины горских евреев в Кабардино-Балкарии в 20–80-е гг. XX в. и причины их эмиграции в конце 90-х гг. XX в. Обобщен опыт работы исполкома советов Горско-Еврейской колонии в организации кооперирования кустарей-кожевников в производственные артели, сельскохозяйственные товарищества. Выявлена численность раскулаченных и репрессированных горских евреев. Изучена проводимая в общине работа по ликвидации неграмотности, а также усилия, направленные на развитие образования, культуры и формирование национальной интеллигенции. Исследуется участие горских евреев в Великой Отечественной войне. Рассматриваются вопросы социально-экономического развития общины горских евреев в КБР в послевоенный период, в годы перестройки и постсоветский период. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что происшедшие демократические преобразования в постсоветском пространстве 80–90-х гг. XX века создали благоприятные условия для свободного выбора страны для проживания. Представители горских евреев стали в массовом порядке уезжать из КБР. Выявлены причины эмиграции, главные из них – политика Израиля, направленная на объединение еврейской нации, и желание горских евреев жить на своей исторической родине.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария; горские евреи; вклад; экономика; культура; коллективизация; политические репрессии; Великая Отечественная война; перестройка; эмиграция

Для цитирования: Тетуев А.И. Горские евреи в Кабардино-Балкарии: проблемы социально-экономического развития и эмиграции // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 120-140. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-120-140. EDN: DXRPHA.

© Тетуев А.И., 2025

Original article

**MOUNTAIN JEWS IN KABARDINO-BALKARIA:
PROBLEMS OF SOCIOECONOMIC DEVELOPMENT
AND EMIGRATION**

Alim I. Tetuev

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, alim-tetuev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4387-291X>

Abstract. The article comprehensively examines the problems of socio-economic development of the Mountain Jewish community in Kabardino-Balkaria in the 1920s–1980s and the reasons for their emigration in the late 1990s. It summarizes the experience of the Executive Committee of the Soviets of the Mountain Jewish Colony in organizing the cooperation of leather-working artisans into production cooperatives and agricultural partnerships. The article also identifies the number of dispossessed and repressed Mountain Jews. The community's efforts to eliminate illiteracy, as well as its efforts to develop education, culture, and the formation of a national intelligentsia, have been studied. The article explores the participation of Mountain Jews in the Great Patriotic War. It also examines the socio-economic development of the Mountain Jewish community in the Kabardino-Balkarian Republic in the post-war period, during the years of perestroika, and in the post-Soviet era. Our research suggests that the democratic transformations that took place in the post-Soviet space in the 1980s and 1990s created favorable conditions for the Mountain Jews to freely choose their country of residence. As a result, a significant number of Mountain Jews began to leave the Kabardino-Balkarian Republic. The reasons for emigration have been identified, and the main ones are Israel's policy aimed at uniting the Jewish nation and the desire of the Mountain Jews to live in their historical homeland.

Key words: Kabardino-Balkaria, Mountain Jews, contribution, economy, culture, collectivization, political repression, Great Patriotic War, perestroika, emigration.

For citation: Tetuev A.I. Mountain Jews in Kabardino-Balkaria: Problems of Socioeconomic Development and Emigration. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 120-140. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-120-140. EDN: DXRPHA.

© Tetuev A.I., 2025

Введение

Актуальность исследования жизни горских евреев в составе СССР вытекает из потребности переосмысления национально-государственного строительства и национальной политики на современном этапе.

Изучению истории, этнокультурных проблем горских евреев посвящено значительное число научных работ. Из их числа можно выделить монографию Ю.И. Мурзаханова, в которой рассмотрены как традиционные черты семейного быта горских евреев Нальчика, так и процесс формирования новых, а также культурно-бытовые процессы, вызвавшие трансформацию многих обычаев и обрядов семейного быта горских евреев [Мурзаханов 1994].

Интересный материал по теме содержится в исследованиях А. Г. Агабабян, Р.Н. Дзагова, в которых проанализированы вопросы культурной интеграции горских евреев в социум Кабардино-Балкарии в XIX–XX вв. Авторы отмечают, что горские евреи сохранили базовые элементы идентичности, оставаясь, таким образом, составной частью многообразия этнокультурного пространства региона [Агабабян 2024; Дзагов 2012].

Опыт работы Еврейской национально-культурной автономии в Кабардино-Балкарии является объектом исследования статьи С.И. Аккиевой и И.М.

Сампиева [Акиева, Сампиев 2015]. В ней обстоятельно анализируются основные направления работы, связанные с сохранением языка, традиций, религиозных обрядов, а также вопросами социальной помощи горским евреям, проживающим в республике.

Широкую известность получили опубликованные по исследуемой нами теме сборники статей «Горские евреи в Кабардино-Балкарии», «Исход горских евреев: разрушение гармонии миров» [Данилова 1997; ИГЕ 2000]. В них содержится богатый эмпирический материал о самобытной деятельности горско-еврейской общины г. Нальчик. Большую ценность представляют воспоминания старожилов о жизни общества на протяжении XX века, записанные в 1998 году исследователями фонда «Шох» (США).

В книге С.А. Даниловой «Горские евреи в истории и в наши дни» излагается история культура и традиции горских евреев в СССР (России) и зарубежных стран [Данилова 2021].

Несколько особняком в списке упомянутых изданий выглядят публикации Валерия Амира¹ (Иванченко) [Валерий Амир 2019]. Отмечая объективность исследователя в изучении традиционного жизненного уклада Горско-еврейской колонии г. Нальчика, однако трудно согласиться с однозначным толкованием причин эмиграции горских евреев.

Вместе с тем, изучив историографические и источниковедческие проблемы истории горских евреев Северо-Кавказского края, Д.В. Сень, на наш взгляд, справедливо отмечает, что прошлое горских евреев – XX век – изучено более фрагментарно по сравнению с XIX в. [Сень 2023]. Анализ имеющейся по теме исследования литературы позволяет утверждать, что некоторые вопросы этнокультурного развития горских евреев нашли отражение в региональной историографии, в том числе работах ученых Кабардино-Балкарии. Тем не менее следует отметить, что до сих пор нет обобщающих комплексных исследований, содержащих анализ социально-экономического развития горских евреев региона на разных этапах советской модернизации и причин их переселения в зарубежные страны.

Цель работы – на основе изучения архивных и других источников, ранее не введенных в научный оборот, комплексно исследовать участие горских евреев в социально-экономической модернизации Кабардино-Балкарии в 20–90-е гг. XX в. Она предусматривает решение следующих задач: анализ развития экономики и культуры общины горских евреев КБР в 20-х – 90-х гг. XX в., выявление особенностей их повседневной жизни, а также исследование причин эмиграции из РФ.

Научная новизна исследования. На основе архивных документов и других источников, многие из которых введены в научный оборот впервые, проведена реконструкция повседневной жизни горских евреев в исследуемый период и причины их эмиграции.

¹ Амир (Иванченко) Валерий Павлович. Родился в 1952 г. в городе Нальчике, жил в Еврейской колонке, учился в школе № 10, которую окончил в 1969 г. В 1979 г. вернулся в школу в качестве учителя французского и немецкого языков. В 1980 г. стал завучем школы. До переезда в Израиль преподавал в школе татский язык (жугъури), а затем иврит и историю Израиля. В Израиле взял фамилию мамы Амиров, сократил ее и стал таким образом Валерием Амир.

Хронологические рамки исследования охватывают 20–90-е гг. XX и начало XXI в.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, научности, объективности и системности. Кроме того, были использованы историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический методы, а также метод социального анализа.

Участие горских евреев в социально-экономической модернизации региона

Горско-еврейское население на территории современной Кабардино-Балкарии формировалось в начале XIX в. из числа выходцев из Дагестана, где они проживали с раннего средневековья. В Горско-Еврейской колонии (далее – ГЕК), которая располагалась в окрестностях Нальчика, они в основном работали кожевенниками, сапожниками, портными, также занимались ковроткачеством, торговлей, привозили из регионов России изделия предприятий и обменивали их на мед, меха, деловой лес, товары из текстиля, некоторые занимались скотоводством.

В 1922 г. в Кабардино-Балкарской автономной области проживал 1991 горский еврей, из них грамотой владели 237 (11,9 %) [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 40. Л. 88]. Модернизация социально-экономического уклада привела к изменениям жизни населения региона, в том числе и горских евреев. В частности, ограничивалось кустарное производство, была запрещена купля-продажа товаров и услуг. Вместе с тем государственные органы власти области большое внимание уделяли развитию еврейской общины. Об этом свидетельствуют скупые строки сообщений начальника снабжения Нальчикской окружной народной милиции окружному революционному комитету. В информации под заголовком «О пуске в эксплуатацию кожевенного завода» от 19 апреля 1920 г. указывается: «Сообщаю для сведения, что кожевенный завод нами принят на учет, наняты мастера, отпущен аванс, назначен смотритель, куплено все необходимое и пущен в работу с 15-го сего апреля [УЦГА АС КБР. Ф. Р-264. Оп. 1. Д. 28. Л. 1].

На III пленуме ЦИК Кабардино-Балкарской автономной области (26 июля 1925 г.) была озвучена идея необходимости конкретной, реальной помощи еврейской общине: «...Давайте расширим права еврейской колонии, укрепим их экономически. Надо построить баню, мостовые, больницу, школу, наделить землей и в деле кооперации помочь...» [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 122. Л. 241, 242, 556].

В 20–30-е гг. XX в. важная роль в развитии экономики и культуры, как и в других поселениях, отводилась сельским советам рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов колонии, которые учитывали национальные особенности еврейской общины. Наряду с Исполкомом советов ГЕК (председатель – Ильцфон Шамилов) в Исполкоме Кабардино-Балкарского областного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов была создана комиссия по вопросам ГЕК (выделено – А.Т.). Например, на заседании указанной комиссии облисполкома (20 октября 1927 г.) было принято решение:

«...В целях придания большой рентабельности сельского хозяйства колонии создать огородно-садоводческие товарищества, птицеводческие и молочно-животноводческие товарищества. ...Поручить Областному управлению Землеустройства (далее. – ОБЛЗ) приступить к проведению землеустройства колонии, проводя эту работу бесплатно, не дожидаясь получения выделенного на эту цель кредита, по Манифесту ЦИКа СССР» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 415. Л. 8].

По предложению комиссии по вопросам ГЕК была проведена работа по кооперированию кустарей-кожевников в производственные артели и сельскохозяйственные товарищества. Созданная артель «Захматкеш» Кустпромсоза области за первый квартал 1929 г. заготовила 1500 шкур мелкого и 400 крупного рогатого скота. Работали 50 человек, по социальному составу – бедняки и середняки [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 575. Л. 30]. Для укрепления экономической базы Кустпромтовара строительство кожевенного завода было включено в программу развития промышленности области. Земельный надел ГЕК был распределен между крестьянами, занимавшимися хлебопашеством, и создано Товарищество по совместной обработке земли (далее – ТОЗ) [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 415. Л. 8; Д. 567. Л. 10]. На заседании подкомиссии (24 ноября 1927 г.) по вопросам ГЕК были определены практические мероприятия для Крестьянских комитетов общественной взаимопомощи (далее. – ККОВ):

«Весной 1927–28 г. всю землю бедноты запахать тракторами ККОВ; трактор, приобретенный ККОВ, передать для эксплуатации ТоЗу ГЕК; провести в жизнь постановление общего собрания граждан ГЕК относительно отчисления 10 части урожая в пользу ККОВ» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 415. Л. 11].

Получив ссуду члены ТОЗа, весной 1929 г. засеяли под кукурузу 260 десятин, масличные культуры – 25 дес., картофель – 20 дес., семенной фонд – 4 дес. Однако ввиду отсутствия соответствующей техники, финансовых средств и высоких налогов, собранный урожай оказался нерентабельным [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 415. Л. 11; Д. 567 Л. 12.].

В конце 1929 г. в колонии была создана сельскохозяйственная артель им. В.И. Ленина. Президиум ГЕК (16 декабря 1929 г.), заслушав доклад тов. Шамилова, отметил, что отведена земля для колхоза, проводится организационная работа, предложил председателю колхоза заняться вопросом вовлечения граждан в колхоз, обратив особое внимание на социальный состав, и подготовки к весенне-посевной кампании [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 575. Л. 30]. Помимо того, был заслушан отчет Шамилова «О ходе хлебозаготовок», где указывалось, что в связи с низкой урожайностью план по контрактации (это форма государственных закупок сельскохозяйственной продукции (*уточнение* – А. Т.) 6435 пудов не выполнен. Президиум ГЕК постановил:

«Создать комиссию по выявлению излишков хлеба, особое внимание обратить на кулацкие хозяйства: Предложить Исполкому советов в 2-х дневной срок выявить по индивидуальным хозяйствам задолженность по контрактации и по возможности сдать хлеб» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 575. Л. 30].

Данные вопросы обсуждены на общем собрании граждан ГЕК от (21 декабря 1929 г.) и приняты постановления:

«1. Сдать все излишки хлеба государству. Особое внимание во время проведения кампании обратить на кулацкие хозяйства, имеющие излишки хлеба и продающие таковой частникам и в случае обнаружения такового передавать суду согласно существующих законов»; «2. Гражданам имеющие задолженности по контракции и судам таковую погасить в денежной и натуральной формой» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 575. Л. 30].

Следует отметить, что кризис хлебозаготовок имел место во всех регионах СССР, в том числе Кабардино-Балкарской автономной области. Анализ архивных документов показал, что основными причинами хлебного кризиса, на наш взгляд, явились натурализация крестьянского хозяйства, отсутствие соответствующей техники, низкие цены на сельскохозяйственные и высокие на промышленные товары, задержка продажи зажиточными крестьянами своих излишков зерна государственными органами.

В то же время руководители ВКП (б) и местных партийных организаций главными виновниками дефицита считали *внешнюю опасность, кулака, сопротивление крестьянства и внутрипартийную оппозицию* (выделено – А.Т.).

В связи с этим местные советы области проводили постоянную работу по выявлению кулачества. Президиум облисполкома КБАО (протокол от 25 июля 1929 г.), обсудив вопрос «О результатах выявления кулацких хозяйств», утвердил представленную сводку областного финансового отдела явно кулацких хозяйств в количестве 909 чел., или в процентном отношении 2,5 % от общего числа крестьянских хозяйств. В ГЕК из 318 хозяйств шесть составляли кулацкие, что составляло 1,9 % [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 522. Т.5. Л. 937].

Показатели численности населения и хозяйств горских евреев представлены в таб.1.

Таблица 1. Характеристика социально-экономического состояния горских евреев в КБАО в 1930 г. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 499 Л. 22].

Округа	Название сельсовета	Число нас пунктов	Общая площадь земли (га)	Всего		Нас. пункт	Всего ГЕК			Удельный вес (в %)		
				хозяйств	население		Хозяйств	населения	Площадь земли (га)	Хозяйств	населения	площади
Нальчикский	Горско-Еврейская колония	1	290,60	326	1932	Горско-Еврейская колония	246	1543	290,60	75,4	80	100

Как видно из таблицы, всего в КБАО в 1930 г. горские евреи имели 326 хозяйств, с общей площадью земли 290,60 га, численность населения составляла

1932 чел. При этом в ГЕК удельный вес хозяйств составлял 75,4 %, населения – 80, площадь земли – 100 %.

Исполком Кабардино-Балкарского областного совета в постановлении от 5 сентября 1930 г. отметил:

«Принимая во внимание, что в городе Нальчик от улицы Крестьянской до Садовой проживает исключительно бедняцкое население горских евреев, – включить эту часть в административное подчинение и состав ГЕК города» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 552. Л. 1014].

Однако к началу 1930-х гг. политика большевиков привела общину горских евреев в критическое состояние. Такие меры, как ограничение кустарных промыслов и ремесел, запрет частной торговли, лишила общину возможности заниматься традиционным ремеслом, хотя основная работа в колхозе, в сфере обслуживания и на предприятиях легкой промышленности всегда сочеталась для нее занятиями кустарными промыслами в домашних условиях. Это подтверждает Амир (Иванченко):

«...Несмотря ни на что, после работы на государство горский еврей, вернувшись домой, брался за свое ремесло и, втайне от властей, кустарничал. У нас дома, например, под полом находился маленький цех дяди Ефрема по выделке кожи и меха. Работа была адская...» [Валерий Амир 2019: 33].

Вместе с тем в стране усиливается антирелигиозная пропаганда, нарастает враждебное отношение государства к религии. Начались гонения на христианское и мусульманское духовенство, стали закрываться мечети и церкви, в том числе синагоги. Хотя следует признать, что влияние религии на жизнь населения области, в том числе горских евреев, не ослабело.

Все более обостряется борьба с кулачеством, которая нанесла большой урон общине горских евреев, как и всему крестьянству России, не только в экономическом плане, но и в людских ресурсах. Как известно, в целях обеспечения благоприятных условий для социалистического переустройства сельского хозяйства были приняты нормативные документы: постановление ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» (1 февраля 1930 г.) [Политбюро 2005: 50, 51] и приказ ОГПУ № 44/21 «О мероприятиях по ликвидации кулачества как класса» (2 февраля 1930 г.) [ГАРФ. Р-9414. Оп. 1. Д. 1944. Л. 17-25].

Для их реализации Президиум облисполкома советов КБАО установил мероприятия по проведению сплошной коллективизации и раскулачивания [УЦГА АС КБР. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 34. Л. 29]. Всего по выявленным документам в КБАО были репрессированы 2234 кулака, зажиточных крестьянина, представителя духовенства, контрреволюционных элемента, [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 4. Д. 79. Л. 1-14 об., 22-23; Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 291. Т. 3 Л. 753-755, 917, 918; Оп. 2. Д. 292. Л. 52, 107-109; Д. 290, Л. 90-93, 117, 303-309, 325, 371-373, 386-3891], в том числе 19 горских евреев [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 567. Л. 1.; Книга Памяти 2024: 15, 30, 245, 374, 379; Книга памяти 2009: 374, 469]. К высшей мере были

приговорены– Р.А. Ашуров, И.И. Ханукаев, М.Х. Ашуров, П.М. Рабаев (Соломонов), И.И. Ханукаев, осуждены на различные сроки лишения свободы– Т.С. Амиров, Р.А. Ашуров, М.Х. Алхазов, Дон (Мошолке) Амиров, Ханукаев, М.Н. Левиев, М.Л. Дигилов, А.М. Ханукаев, Шомоле Симахов, Н.Н. Шаулов и др. [Книга Памяти 2024: 15, 30, 245, 379; Книга памяти 2009: 374, 469; Валерий Амир 2019: 9, 10, 14, 22, 24, 57, 59, 60, 87].

Подготовка национальной интеллигенции

Большинство горских евреев, как и других народов, населявших КБАО, в основном были безграмотными. Большевики, придя к власти, провозгласили одной из первостепенных задач борьбу с безграмотностью. В области оперативно приступили к реализации лозунга государственных органов. Были созданы в сентябре 1923 г. чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности и малограмотности, в октябре 1924 г. – общество «Долой неграмотность». В 1925 г. в области работало 145 пунктов по ликвидации неграмотности (далее – ликпунктов), в них обучалось 6 тыс., 20 школ для малограмотных [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 161 Л. 7]. В газете «Карахалк» четверть страницы выделялась для публикации материалов на татском и русском языках. Возглавлял данный отдел редакции Ханон Ифраимов, участник гражданской войны. Газета «Карахалк» писала:

«В горско-еврейской колонии открыты два ликпункта, из коих один – мужской, другой – женский. Учеников в обоих ликпунктах 60 человек. Посещаемость хорошая. Интересно отметить, что женщина-делегатка Циво Пинхасова ходит в школу даже с грудным ребенком, зная, что без грамоты трудно жить» [Шабаев 1998: 13].

На территории ГЕК была построена школа (директор К.И. Гилядов), где училось 97 мальчиков, 103 девочки. В 1923 г. К.И. Гилядов подготовил и издал в городе Нальчике букварь на языке горских евреев на основе ивритского алфавита, преподавал в школе родной язык. В 1949 г. за многолетнюю и плодотворную педагогическую деятельность одним из первых учителей Кабардино-Балкарии был награжден орденом Ленина. Он вошел в историю республики как первый просветитель горско-еврейского народа, педагог-интернационалист, посвятивший всю свою жизнь делу народного образования.

Большое внимание уделялось в КБАО росту уровня образованности представителей горско-еврейской общины. Лучшие выпускники школ направлялись для продолжения учебы в средние и высшие профессиональные учебные заведения республики, страны. Так, по ходатайству Президиума исполкома ГЕК (1929 г.) нарком просвещения КБАО направил для продолжения учебы в профессиональные учебные заведения Р. Дигилова, Ц. Дигилова, Ш. Алхасова. На рабфаке учились Н Дигилова, М. Ашурова, М. Ешигеева. Кроме того, в Ленинский учебный городок, созданный в Нальчике в 1924 г., были приняты 15 представителей еврейской общины [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 567. Л. 6, 7].

Под особым вниманием советских органов находилось и зарождающееся профессиональное музыкальное искусство народов области, в том числе горских евреев. В 1927 г. в городе Нальчике открылась радиовещательная станция, при

ней создали национальное трио в составе зурниста Танахума Ашурова, гармониста Хацерона Алхасова и бубниста Арона Исакова. Музыканты исполняли музыку народов Северного Кавказа, песни на кабардинском, балкарском и татском языках [ИГЕ 2000: 139]. Танахум Ашуров – один из организаторов Кабардино-Балкарского ансамбля песни и танца, в состав которого вошло и национальное трио. В 1939 г. ансамбль танца и песни за успешное выступление на Дальнем Востоке был награждён Почетной грамотой Президиума Верховного Совета КБАССР, а артисты ансамбля доулист Арон Исаков, зурнист Танахум Ашуров, гармонистка Кураца Каширгова были удостоены почетного звания «Заслуженный артист КБАССР»¹. Большой вклад в развитие культуры республики в 30-годы XX в. внесли музыкант, гармонист Х.Х. Алхасов – заслуженный деятель искусств КБАССР, автор сборника «Татские песни», изданного в 1940 г. в Нальчике, Ш.С. Шабаев – художественный руководитель и солист первого профессионального ансамбля танца Кабардино-Балкарии «Красный Кавказ», И.И. Ифраимов – композитор и поэт, М.А. Шабаев – художник, Г.И. Ифраимова и Г.И. Левиева – участницы агитбригады татской художественной самодеятельности, солистки Кабардино-Балкарского государственного ансамбля пляски и музыки [Данилова 1997: 21].

В 20–30-е гг. XX в. в КБАО, как и во всей стране, быстрыми темпами создаются десятки новых промышленных предприятий, в том числе заводы – машиностроительный, мотороремонтный, гидротурбинный, обозостроительный, фабрики – шорноседельная, трикотажная, обувная, Нальчикский хлебокомбинат и др. Бурное развитие промышленности в области вызвало потребность овладения горскими евреями рабочими профессиям, техническими специальностями. Вовлечение в трудовой процесс, в котором участвовали как рабочие, так и специалисты со всей республики, было полезным уроком для становления организаторов производства. Так, ценный вклад в экономику республики внес А. Ш. Шамилов – с 1938 г. нарком пищевой промышленности КБАССР.

Е.А. Шабаева окончила Московский государственный геолого-разведочный институт им. Серго Орджоникидзе, кандидат минералогических наук, работала в геологических экспедициях республики, затем Забайкалья, Урала, Таджикско-Памирской экспедиции. В последующие годы она возглавляла лабораторию Всесоюзного научно-исследовательского института. Дон Едадиевич Амиров возглавлял министерство юстиции Кабардино-Балкарии [Данилова 1997: 23, 24].

В целом можно сделать вывод, что горские евреи были вовлечены в социально-экономическую модернизацию области. В ГЕК были построены социальные объекты – школа, баня, поликлиника. Это способствовало развитию общего уровня национальной культуры и языка, формированию кадров интеллигенции. Однако надо отметить, что в результате форсированной модернизации экономики происходила ломка традиционного образа жизни и хозяйственного уклада, что болезненно сказывалось на психологическом состоянии горско-еврейской

¹ Шабаев Д. Танахум Рувимович Ашуров // Электронный ресурс. Режим доступа: druzya.com (11 ноября 2010 г.). Дата обращения: 21 января 2019 г.

общины. Впрочем, в таком положении находились и другие национальные меньшинства, проживавшие в СССР.

Во второй половине 30-х гг. XX в. в общественно-политической жизни страны произошли события, которые крайне негативно повлияли на судьбу горско-еврейской общины. В 1936 г. была принята Конституция СССР, в которой провозглашалось о построении социализма и решении национального вопроса. В тоже время в ней не упоминалось ничего о национальных районах и советах. На наш взгляд, это было связано с тем, что не соответствовало идее большевиков «о сближении и слиянии наций».

В последующем, 17 декабря 1937 г., Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило решение Оргбюро ЦК ВКП (б) от 1 декабря 1937 г. «О ликвидации национальных районов и сельсоветов». В нем отмечалось, что они были созданы искусственно «врагами народа» с вредительскими целями [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 994. Л. 15]. Во исполнение этого решения Президиум Верховного Совета КБАССР 29 мая 1938 г. принял постановление «О включении Горско-Еврейской колонии в черту г. Нальчика». В нем указывалось следующее обоснование: «Учитывая, что Горско-Еврейская колония непосредственно примыкает к г. Нальчику, и в ней сельское хозяйство нет, и проживают в основном рабочие, служащие, работающие на предприятиях и в учреждениях города, ликвидировать в связи с этим Горско-Еврейский сельский совет и образовать на территории бывшей колонии районный совет г. Нальчика» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 715 Л. 9].

Горские евреи в годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война (далее – ВОВ) явилась тяжелым испытанием для народов нашей страны, в том числе и для горских евреев. Она коренным образом изменила жизнь горских евреев, как и других народов КБАССР. Эта героическая и трагическая страница в истории нашей республики раскрывается во многих публикациях, в том числе подробно рассмотрена в работах автора статьи [Тетуев 2021; Тетуев 2024]. Более 60-ти тыс. уроженцев республики были призваны в ряды Красной Армии, из них более 38 тыс., в их числе более 350 из горской общины, погибли на фронте, в плену, умерли от ран и увечий [подсчитано: Книга Памяти: Российская Федерация 2014, 2015, 2016]. Среди них более 150 горских евреев из семей: Дигиловых – 17, Шалумовых – 13, Мушаиловых – 10, Шамиловых – 10, Шалумовых – 10, Шауловых, Пинхасовых – 10, Раханаевых – 4 человек и др. [подсчитано: Книга Памяти: Российская Федерация 2014, 2015, 2016].

Мужественно сражались уроженцы Кабардино-Балкарии – горские евреи – на всех фронтах Великой Отечественной войны. Например, командир оружейного расчета, старший сержант И.И. Иллазаров участвовал в боях за Москву, на Курской дуге. Летом 1944 г. развернулись кровопролитные бои под Витебском, где он совершил подвиг. В представленном наградном листе за подписью командира 272-го стрелкового гвардейского полка 90-й гвардейской стрелковой дивизии подполковника Пешкова отмечается следующее:

«...22 июня в районе деревни Карташи в исключительно сложной и напряженной обстановке, когда командир роты вышел из строя, личному составу угрожала опасность, и боевая

задача по прорыву обороны противника оставалась бы не выполненной с большими потерями. При этом старший сержант И.И. Иллазаров взял на себя командование ротой и личным примером воодушевил бойцов на успешное решение поставленной задачи. Лично, командуя подразделением в разыгравшемся бою, воин в рукопашном бою истребил 30 гитлеровцев. Под его командованием бойцами роты было подавлено 6 пулеметных точек с их расчетами. Линия обороны противника была прорвана. К исходу дня И.И. Иллазаров был тяжело ранен. За этот подвиг командир расчета противотанковых ружей 1-го стрелкового батальона старшему сержанту И.И. Иллазарову Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г. присвоено звание Героя Советского Союза [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 19].

И.И. Иллазаров погиб 6 сентября 1944 г. в боях за освобождение деревни Киркели в Латвии [ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 978].

На Северо-Западном фронте воевал И.Л. Израйлов, помощник командира роты по технической части 65 танкового полка бронетанковых и механизированных войск 34-й армии. В его наградном документе за подписью командира 65 танкового полка Хомко 15 октября 1943 г. указывается:

«За период боевых действий полка техник-лейтенант И.Л. Израйлов проявил отвагу и мужество. Во время боя под артиллерийским и минометным огнем противника сумел восстановить 5 эвакуированных танков в первый день боя, которые во второй день пошли в атаку. За образцовое выполнение командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленный при этом доблесть и мужество И.Л. Израйлов медалью «За Отвагу» [ЦАМО. Ф. 58. Оп. 686044. Д. 837].

В боях в сентябре 1944 г. на подступах к границе СССР и Восточной Пруссии за образцовое выполнение командования на фронте старший техник лейтенант, помощник командира роты по технической части 1 танкового батальона 120 отдельной Оршанской танковой бригады И.Л. Израйлов был награжден орденом «Отечественной войны 1 степени» [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 3938; Ф. 58. Оп. 686044. Д. 837].

В составе Киево-Житомирского корпуса сражался старший лейтенант, командир подразделения связи 9 механизированного корпуса С.И. Ханукаев, который за боевые заслуги 18 мая 1945 г. был награжден орденом Отечественной войны 2-ой степени [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 1583].

В годы Великой Отечественной войны трудовая деятельность жителей населения республики была направлена на обеспечение фронта военной и продовольственной продукцией. С приближением фронта с 1 ноября 1941 г. до октября 1942 г. население, в том числе представители горско-еврейской общины, принимало активное участие в строительстве оборонительных сооружений.

В период временной оккупации города Нальчика немецко-фашистскими захватчиками (28 октября 1942 г. – 3 января 1943 г.) был введен военный режим, осуществлялась регистрация всего населения и выдача удостоверений личности. В особый список регистрации были отнесены *жиды* (подчеркнуто – *А.Т.*), иностранцы, красноармейцы, партизаны, коммунисты и политически неблагонадежные [УЦГА АС КБР. Ф. 290. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 2, 2 об.]. При этом горских евреев обязывали носить желтую звезду Давида. В этой ситуации М.А. Шабаев в тревоге за жизнь своих соплеменников пошел на отчаянный шаг. В лохматой

барашковой шапке и черкеске, с тремя седобородами горскими евреями он явился в гестапо. Через переводчика заявил:

«В Нальчике проживает несколько тысяч татов – народность иранской группы. Некоторые их ошибочно называют горскими евреями. Но они никакого отношения к евреям не имеют. У них свой язык, близкий к иранскому, свои восточные обычаи и традиции, исповедуют ислам. Просил не регистрировать татов как евреев» [Данилова 1997: 65].

Руководство гестапо решило провести проверку. В то же время был расклеен приказ коменданта Нальчика с требованием: всем евреям явиться с вещами на сборный пункт. Маркелу Шабаету и его добровольным помощникам удалось сообщить жителям горско-еврейской колонии о грозящей им опасности. В результате этой работы горские евреи не явились на сборный пункт и были спасены [Данилова 1997: 65, 66].

В период оккупации еврейские семьи, опасаясь за свою жизнь, нашли приют в селах, в кабардинских и балкарских семьях. Тем не менее за три дня до освобождения Нальчика от фашистов пришла директива в отношении горских евреев, смысл которой был расстрелять всех [Данилова 1997: 60]. Освобождение Красной Армией города 3 января 1943 г не позволило реализовать эту задачу и спасло их от неминуемой смерти. В период временной оккупации КБАССР от рук немецко-фашистских захватчиков погиб 4241 чел., из них: 2188 мирных граждан – мужчин, женщин и детей и 2053 советских военнопленных. Среди убитых горских евреев было около сорока человек [Тетуев 2024: 10; УЦГА АС КБР. Ф. 292. Оп. 1. Д. 25. Л. 9, 10].

В обращении группы горских евреев (Р.А. Шамилов, М.Т. Амирова, А.А. Шамилов, В.К. Маковкина, Н.Р. Давыдова, Л.З. Ашуров, Х.Т. Шамилова) «Будьте прокляты, фашистские изверги!» отмечается:

«65 дней мы находились в плену у фашистских бандитов. 65 дней озверелые гитлеровские псы, потерявшие человеческий облик, издевались, мучили и расстреливали ни в чем не повинных советских граждан. ...Ежедневно стали забирать отдельных людей, целые семьи и увозить в неизвестном направлении. Только с приходом Красной Армии мы узнали, что они были зверски замучены. Так были убиты Борис Нисонович Давыдов и его отец. 60-летнюю старушку Н.М. Истахорову связали по рукам и ногам, как бревно, бросили в грузовую машину, отвезли за город и там расстреляли... Семейю Ифраимова, состоящую из 10 душ: 70-летней старушки Гогущ, ее дочерей: Нами – 30 лет и Руспо – 20 лет, невестки Зои – 23 лет и 6 мальчиков, внучат от 2 до 12 лет, ночью вывезли за город и всех расстреляли...» [Газета 1943: 19 января].

Анализ архивных документов и др. источников позволяет утверждать, что в годы Великой Отечественной войны население республики, в том числе горско-еврейское, трудилось в различных отраслях народного хозяйства, принимало активное участие в сборе средств в Фонд обороны на постройку боевой техники, подписке на государственные займы, подарков и теплых вещей воинам Красной Армии. Так, в газете «Социалистическая Кабардино-Балкария» сообщалось, что жители горской общины г. Нальчика из личных сбережений внесли в Госбанк на

строительство танковой колонны «Смерть немецким захватчикам» 15 201 руб. [Газета 1944: 24 мая].

Горские евреи в 1946–1970-е гг.

В послевоенные годы многие горские евреи принимали участие в восстановлении и развитии народного хозяйства. Они внесли большой вклад в развитие экономики и образования. Например, Семен Шабает, окончив Московский авиационный институт, более тридцати лет работал начальником цеха на Нальчикском машиностроительном заводе. Немало рацпредложений, направленных на совершенствование изделий, внес инженер Илья Ифраимов, который трудился в конструкторском отделе данного завода [Данилова 1997: 63]. После окончания Московского института легкой промышленности получил направление на Нальчикскую обувную фабрику инженер Эрзол Шабает. Некоторое время он возглавлял один из цехов, который несколько лет был в числе отстающих, затем стал главным инженером. Благодаря его профессионализму фабрика преодолела годами тянувшееся отставание и стала одной из передовых среди родственных предприятий Северного Кавказа [Данилова 1997: 63].

В 50–70-е гг. XX в. на руководящей партийной, советской и хозяйственной КБАССР работали А.Ш. Шамилев – министр местной промышленности, Э.М. Ашуров – руководитель семенного отдела Управления хлебопродуктов, Б.Х. Ифраимов, кандидат экономических наук, – управляющий профессионально-технического образования (депутат Верховного Совета КБАССР), Михайлов Захар – заместитель начальника ГАИ КБАССР, Бухур Шаулов – секретарь райкома Кабардино-Балкарского обкома партии по промышленности¹ [Валерий Амир 2019: 56]. В сфере образования и науки трудились С.А. Михайлов – директор школы № 10 г. Нальчик, заслуженный учитель школы Кабардино-Балкарской Республики; Борис Ашуров, заместитель директора политехнического техникума, отличник приборостроения СССР; А.С. Шабает, кандидат химических наук, старший научный сотрудник центра прогрессивных материалов и аддитивных технологий Кабардино-Балкарского университета (далее – КБГУ); В.М. Шабает, доктор физико-математических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, специалист в области квантовой механики; Ю.И. Мурзаханов, кандидат исторических наук, доцент КБГУ [Валерий Амир 2019: 33, 34, 56].

Значительный вклад развитие культуры внесли Илья Давыдов, живописец, участник выставок с 1957 г.; Юрий Мушаилов, заслуженный художник РФСР; Т.Р. Ашуров, музыкант-самородок, собиратель и исполнитель фольклорной музыки народов Северного Кавказа, народный артист Кабардино-Балкарской АССР (1953), заслуженный артист РСФСР (1957)²; Д.В. Шабает, начальник Архивного отдела при Совете Министров КБАССР, заслуженный работник культуры КБАССР, автор шести поэтических сборников, двенадцати научно-

¹ Горские евреи в политической жизни // Электронный ресурс. Режим доступа: URL <https://cyclowiki.org/wiki/> (дата обращения: 25 января 2024).

² Шабает Д. Танахум Рувимович Ашуров // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: druzya.com. (Дата обращения: 25 января 2024 г.)

популярных книг и сборников архивных документов по истории народов Северного Кавказа и 200 статей и очерков по истории народов Кабардино-Балкарии [Мурзаханов 2017: 161]; Е.Г. Амирамов, народный артист Кабардино-Балкарской Республики, народный артист Республики Ингушетия, заслуженный артист Карачаево-Черкесской Республики, советский музыкант, поэт, автор и исполнитель собственных песен, композитор, телевизионный продюсер¹.

С 1959 г. при обувной фабрике был создан вокально-инструментальный «Горско-еврейский ансамбль», позднее переименованный в «Татский народный вокально-музыкальный ансамбль» под управлением Виктора Шабаева.

Сфера трудовой деятельности горских евреев в основном ограничивалась работой на государственных предприятиях и учреждениях. В то же время благодаря природной коммерческой жилке они успешно занимались предпринимательской деятельностью, что в 80-90е. годы XX века в нашей стране именовалось теневой экономикой и находилось под запретом. Несложную ее технологию представил Л. Амир (Иванченко)².

«В колонке все было взаимосвязано... например, мой дядя Ефрем, который занимался выделкой меха, шел к заготовителю Шенилю, выбирал у него 40-50 овчин, чуть дороже стандартной цены, нанимал извозчика, и тот перевозил ему товар домой, прикрыв его тряпьем от ненужных глаз. Если овчины были с большой шерстью, то Ефрем нанимал человека для стрижки, платя ему по 50 коп., а шерсть сдавал заготовителям или еврейкам, которые мыли ее, вычесывали и шили шерстяные одеяла и матрасы на продажу или приданное своим девочкам. Выделанные овчины и кожу Ефрем продавал евреям перчаточникам, курточникам, сапожникам. Все, от извозчика до сапожника, имели друг от друга свой постоянный заработок» [Валерий Амир 2019: 57].

Благодаря этой деятельности некоторым удавалось не только содержать семью, но строить новые дома из туфа или кирпича.

Добровольное переселение горских евреев

Демократизация общества в 80–90-е гг. XX в. расширила права граждан на осуществление национально-культурных и религиозных прав. В 80-е гг. в Кабардино-Балкарии были созданы десятки общественных национально-культурных организаций, в том числе в 1988 г. общественно-политический культурный центр «Товуши» (в переводе «Свет») (далее – «Товуши») – руководитель С.А. Данилова, кандидат исторических наук, заслуженный работник народного образования, депутат Верховного Совета КБР. Она внесла значительный вклад в сохранение и развитие культуры горских евреев. При содействии «Товуши» с 1992 г. в школе № 10 города Нальчика, где в основном учились дети горских евреев, наряду с татским языком (фарси), изучали иврит. В г. Нальчике при городском Дворце детского и юношеского творчества была открыта детская

¹Амирамов Ефрем Григорьевич. Официальный сайт // Режим доступа: URL: <https://amiramov.ru/about/> (дата обращения: 21 января 2024).

² В 1979 г., окончив Смоленский государственный пединститут, вернулся в школу в качестве учителя французского и немецкого языков. В 1980 г. стал завучем школы. До переезда в Израиль преподавал в школе татский язык (жугури), а затем иврит и историю Израиля. В Израиле я взял фамилию мамы Амиров, сократил ее и стал таким образом Валерием Амир.

студия национального искусства. В центре «Товуши» регулярно работали группа эстетического воспитания «Малыш» (руководитель С.Ю. Асадова), вокально-инструментальный ансамбль (педагог В.С. Гурьев), хореографический ансамбль «Токуши» (балетмейстер Н.Р. Ифраимова, заслуженный работник культуры КБР» [Данилова 1997: 79–81, 103].

В Нальчике в 1993 г. была открыто новое здание синагоги, которое было построено за счет средств, собранных еврейской общиной, и финансовой помощи Верховного Совета КБР [Данилова 1997: 11].

В соответствии с Законом РФ «О национально-культурной автономии» 1996 года была создана в 1999 г. Федеральная еврейская национально-культурная автономия (ФЕНКА). В её состав вошли свыше 50 региональных национально-культурных автономий, в том числе в Кабардино-Балкарии. Она объединила евреев (горских и европейских, проживавших в республике), что давало право на проведение некоторых мероприятий за счет государственных средств¹.

Наряду с тем разрешалась частная и предпринимательская деятельность после регистрации и лицензирования, доходы от этой деятельности подлежали налогообложению. Многие горские евреи открыли цеха. Например, Валерий Амир в своих воспоминаниях повествует о том, как он стал предпринимателем:

«...Я взял патент и с Геной открыли фирму «Шарик», на заготпункте в городе Прохладный купили сто собачьих шкур по себестоимости по 10 руб. за штуку. Разные специалисты–ремесленники за отдельную плату нам произвели выделку, высушили, обезжирили и вычесали на чесальной машине эти шкуры. Из ста шкур я умудрился сшить сто двадцать шапок. В сентябре я получил свой первый гонорар: с одного вложенного рубля я получил сто рублей прибыли.

На втором этапе моего бизнеса покупал нутриевые, норковые шкуры, другие виды, и три надомника, работавшие у меня на фирме, шили шапки, шубы, и возил их в Москву в два Центральные универмага. Впервые стал зарабатывать реальные деньги, минимум тысяча долларов в месяц, а в сезон и больше» [Валерий Амир 2019: 121, 122].

Следует отметить, что таких цехов по пошиву курток, шуб, спортивной одежды и других трикотажных изделий, изготовлению обуви, шерстяных изделий (свитера, носки, перчатки, платья) у граждан Кабардино-Балкарии, в том числе горских евреев, было немало. Об этом свидетельствует динамика доходов и розничного товарооборота населения Кабардино-Балкарии. Так, *реальные доходы населения республики в 1998 г. по сравнению с 1997 г. уменьшились на 8 %, при этом розничный товароборот увеличился на 6,9 %* (выделено – А.Т.) [Тетуев 2006: 131]. Этот факт можно объяснить только наличием у определенной части населения теневых, то есть неучтенных реальных доходов. Состоятельные предприниматели строили из дорогих строительных материалов двухэтажные дома, покупали автомобили и предметы роскоши.

Вместе с тем после распада СССР в Российской Федерации, в том числе КБР, наступил социально-экономический кризис (гиперинфляция, разрыв традиционных связей, кризис сбыта, сокращение производства, разделение общества

¹ Закон РФ «Закон о национально-культурной автономии» 1996 г. // Режим доступа: URL <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9578>(дата обращения:25.12.2024г.).

на богатых и бедных и др.). Указанные факторы и правовой нигилизм способствовали росту преступности (см. таб.1)

Таблица 2. Основные показатели преступности в КБР¹.

	1987	1988	1989	1990	1991
Всего численность зарегистрированных преступлений	6256	6417	7362	7962	7353
Коэффициент преступности на 100 тыс. населения	863,9	874,0	969,2	1036,3	952,9
Зарегистрированные преступления против личности	200	206	271	283	206
Зарегистрированные преступления против собственности	2538	2980	3561	3837	4054
Коэффициент судимости на 100 тыс. населения	723	610	441	552	502

Анализ таблицы показывает, что число зарегистрированных преступлений в республике в 1991 г. по сравнению с 1987 г. выросло на 15 %, в том числе за этот период преступления против собственности на 37,4 %.

Вместе с тем следует отметить, что было и много незарегистрированных преступлений, в том числе против личности и собственности представителей различных национальностей, проживающих в республике. Этим преступлениям подверглись и горские евреи в период их подготовки к эмиграции. Так, в их воспоминаниях отмечается, что, опасаясь за свою жизнь, они выполняли условия вымогателей, отдавали выкуп и не заявляли в правоохранительные органы [ИГЕ 2000: 50, 79, 6; Валерий Амир 2019: 131, 118, 119, 127, 128].

Активная деятельность сионистских организаций, направленная на объединение и возрождение еврейского народа на его исторической родине, оказывала влияние и на горских евреев, проживающих на Кавказе. Первыми осмелились подать документы на выезд жители Северного Кавказа, имевшие тесные контакты с сионистскими активистами из Москвы и Ленинграда. Например, Яков Пинхасов из Нальчика, имевший дружеские отношения с активистами возвращения на историческую родину, репатриировался в начале 1973 г.² Эмиграция возобновилась с началом перестройки (с 1986 г.) и особенно усилилась после распада СССР.

¹ Преступность и правонарушения Статистический сборник. МВД РФ, Минюст РФ. М., 1992. С. 12, 14, 24, 28, 119.

² Горские евреи и страна Израиль // Режим доступа: <https://pomnirod.ru/articles/religii/evrei1/gorskie-evrei-i-strana-izrail.html> (дата обращения: 20.11.2024)

Демократические преобразования 80–90-х гг. XX в. создали благоприятные условия для развития связей с соотечественниками, проживающими за рубежом и выезд за рубеж. Одним из них является проведение под эгидой Американского еврейского объединенного распределительного комитета «Джойнт» в мае 1997 г. в городе Нальчике международной конференции по проблемам общинной собственности. Участники конференции руководители еврейских общин и организаций России, стран СНГ, США и Израиля обсудили проблемы возвращения общинной и религиозной собственности еврейскому народу в соответствии с российским законодательством, а также проблемы образования, культуры и науки [Данилова 1997: 2].

В выступлении руководителя «Товуши» С.А. Даниловой (в 2001 г. эмигрировала США) отмечалось:

«...государственные органы власти Кабардино-Балкарской Республики очень помогают еврейской общине. Заключено соглашение с Израилем о функционировании в КБР программы, по которой еврейские дети будут получать образование, соотносимое с израильскими стандартами, в школе № 10 города Нальчика дети изучают иврит, историю Израиля, историю и традиции еврейского народа. ...В Кабардино-Балкарии по отношению к евреям никогда не было проявлений антисемитизма, однако евреи покидают республику» [Данилова 1997: 5, 6, 7].

Представитель Комитета «Джойнт» Менахем Элазар, анализируя положение горских евреев, отметил:

«...Что все факты свидетельствуют о том, что власти в КБР относятся с пониманием к проблемам еврейской общины, и Нальчик, возможно, единственный город, где несмотря на то, что евреи уезжают, «еврейская жизнь на высшем уровне». Наша организация не проповедует идеологию обязательного возвращения евреев на историческую родину и вкладывает средства именно в то, чтобы «евреи жили как евреи там, где они хотят жить» [Данилова 1997: 6].

Изменения состава горской общины показаны в таблице 3.

Таблица 3. Динамика численности населения этнических групп в Кабардино-Балкарии, по данным Всероссийской переписи населения (далее–ВПН) (1922–2010 гг.)¹

	1922	1926	1939	1970	1979	1989	2002	2010
горские евреи	1991	—	—	2546	612	3178	198	124

¹ Составлено по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. // Режим доступа: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=1022 (дата обращения: 25.12.2024 г.); Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Режим доступа: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=2188 (дата обращения: 20.12.2024); Основные итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. по городам и районам КБАССР. Т. 2. Население. Нальчик: Госкомстат КБР, 1981 г. С. 103; 80 лет Кабардино-Балкарской Республики. Юбилейный стат. Сборник. Нальчик: Госкомстат КБР, 2001. С. 4; Кабардино-Балкария в цифрах: Стат. ежегодник 2005 г. Нальчик Госкомстат КБР, 2005. 283 с.; Всесоюзная перепись населения 2002 года. Национальный состав и владение языками, гражданство итоги Всероссийской переписи населения в 14 томах том 4 книга1 Режим доступа: <https://static.statmuseum.ru/results/2002/tom-4-natsionalnyy-sostav-i-vladenie-yazykami-grazhdanstvo-kniga-1.pdf>. С 60,61(дата обращения: 20.09. 2025);

евреи	–	1473	3414	3029	3046	1726	1088	835
таты	–	–	–	529	2560	1891	98	48

Как видно из таблицы, численность населения горских евреев 1989 по сравнению с 1922 г. увеличилась в 1,5 раза, но в результате эмиграции с 1989 по 2010 г. их осталось в республике 124 человека. Вместе с тем сравнительный анализ переписи населения показал, что данные этнические общности республики указывали национальную принадлежность по самоопределению – горские евреи, евреи или таты. Например, в результатах ВПН – 1922 г. отсутствуют сведения о численности евреев и татов. По итогам ВПН – 1926 и 1939 гг. нет данных о горских евреях и татах. Эти показатели отражают структуру состояния национального самосознания и национальной идентичности.

Об этом свидетельствует и персональные данные горских евреев, погибших в годы Великой Отечественной войны. Выявлено, что из горской общины погибли на фронте 350 чел., однако в персональных данных указаны 13 горских евреев и татов, остальные 337 – евреи [Книга Памяти: Российская Федерация 2014, 2015, 2016], поэтому установить точную численность горских евреев, проживавших в Кабардино-Балкарии, невозможно.

При анализе архивных документов и других источников выявлены причины эмиграции горских евреев КБР: либерализация цен и гиперинфляция, сокращение реальных доходов населения, безработица; центробежные тенденции на Северном Кавказе, что привело к политической нестабильности; высокий уровень преступности; политика Израиля, направленная на объединение евреев и их желание жить на земле обетованной; тесные семейные, родовые и соседские связи между членами общины.

Руководитель «Токуши» С.А. Данилова отмечает:

«...Хочу затронуть еще один животрепещущий вопрос. Это отъезд в Израиль. Едут евреи, но не от народов Кабардино-Балкарии, а на землю своих предков, не забывая ни на минуту обо всем добром, что была здесь за столетия совместной жизни» [Данилова 1997: 11].

Заключение

Таким образом, анализ архивных документов и других источников свидетельствуют о том, что горские евреи приняли активное участие в социально-экономической модернизации региона. Обобщен опыт работы исполкома советов ГЕК и специальной комиссии по вопросам ГЕК исполкома Кабардино-Балкарского областного совета в организации экономической и культурной жизни. При этом ликвидирована неграмотность и сформирована национальная интеллигенция. Однако ввиду форсированной коллективизации произошла ломка традиционного образа жизни и хозяйственного уклада горско-еврейской общины, что негативно отразилось на ее повседневной жизни в последующем. Выявлена численность кулаков, представителей духовенства и «контрреволюционных элементов». Установлена численность призванных в Красную Армию и погибших в годы Великой Отечественной войны, вклад горских евреев в Победу.

Изучение трудовой деятельности горских евреев в 1946–1990 гг. позволяет утверждать, что они внесли значительный вклад в развитие экономики, образования, науки и культуры республики. Большую работу по сохранению и развитию языка и культуры горских евреев проводил общественно-политический культурный центр «Товуши». В то же время демократические преобразования 80–90 гг. XX в. столетия создали благоприятные условия для выезда из РФ. Выявлены причины эмиграции горских евреев: главные из них – политика Израиля, направленная на объединение евреев и их желание жить на исторической родине.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Агабабян 2024 – *Агабабян А.Г.* «Как евреи за одну ночь выучили кабардинский»: языковые стратегии горских евреев в годы Холокоста на Северо-Западном Кавказе // *Этнография*. – 2024. – № 2(24). – С. 232–256. – DOI 10.31250/2618-8600-2024-2(24)-232-256.

Аккиева, Сампиев 2015 – *Аккиева С.И., Сампиев И.М.* Еврейская национально-культурная автономии в Кабардино-Балкарии // *Современные проблемы науки и образования*. – 2015. – № 2-2. – С. 560–568.

Валерий Амир 2019 – *Валерий Амир (Иванченко)* Еврейская колонка. – Нальчик: Центр «Sholumi», 2019. – 131 с.

Газета 1943 – Газета «Социалистическая Кабардино-Балкарская правда». 1943 г. 19 января.

Газета 1944 – Газета «Социалистическая Кабардино-Балкарская правда». 1944 г. 24 мая. ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Данилова 1997 – *Данилова С.А.* «Моя боль, гордость и надежда»: горские евреи в Кабардино-Балкарии. Статьи и очерки. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 168 с.

Данилова 2021 – *Данилова С.А.* Горские евреи в истории и в наши дни. – Нью-Джерси: Издательство SVET Design, 2021. – 287 с.

Дзагов 2012 – *Дзагов Р.Н.* Горские евреи в этнокультурном пространстве Кабардино-Балкарии в XIX – первой трети XX в. // *Исторический вестник*. – 2012. – Вып. XI. – С. 46–56

ИГЕ 2000 – *Исход горских евреев: разрушение гармонии миров* / сост. С.А. Данилова. – Нальчик: Полиграфсервис Т., 2000. – 216 с.

Книга памяти 2009 – *Книга памяти жертв политических репрессий*. Кабардино-Балкария. 1920–1940. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. – 552 с.

Книга Памяти 2024 – *Книга Памяти. Кабардино-Балкария*. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2024. – 426 с.

Книга Памяти: Российская Федерация 2014, 2015, 2016 – *Книга Памяти: Российская Федерация*. Кабардино-Балкарская Республика. В 4 т. – Нальчик: Эльбрус. Том 1, 2014. – 448 с.; Том II, 2015. – 408 с.; Том III, 2015. – 424 с.; Том IV, 2016. – 424 с.

Мурзаханов 1994 – *Мурзаханов Ю.И.* Современная семья у горских евреев Кабардино-Балкарии. – М.: ЧОРО, 1994. – 104 с.

Мурзаханов 2017 – *Мурзаханов Ю.И.* Д.В. Шабает – историк и архивист // *Электронный журнал «Кавказология»*. – 2017. – № 2. – С. 157–164. DOI: 10.31143/2542-212X-2017-2-157-164.

Политбюро 2005 – *Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение*. 1930–1940: В 2 кн. Кн. I / Отв. ред. Н.Н. Покровский. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – 912 с.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

Сень 2023 – *Сень Д. В.* История горских евреев Северо-Кавказского края 1920-х–1930-х гг.: актуальные вопросы историографии и источниковедения // *Электронный журнал «Кавказология»*. – 2023. – № 4. – С. 291–307. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-291-307.

Тетуев 2006 – *Тетуев А.И.* Межнациональные отношения на Северном Кавказе: эволюция, опыт, тенденции. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – 352 с.

Тетуев 2021 – *Тетуев А.И.* Историческая память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (на примере Кабардино-Балкарии). – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2021. – 380 с.

Тетуев 2024 – *Тетуев А.И.* Повседневная жизнь населения в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (на примере Кабардино-Балкарии). – Нальчик: Кабардино-Балкарский научный центр, 2024. – 415 с.

УЦГА АС КБР – *Управление* центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики

ЦАМО – *Центральный архив* Министерства обороны Российской Федерации

Шабаев 1998 – *Шабаев В.Д.* Достойный вклад // История и этнография горских евреев Кавказа. – Нальчик: Эль-Фа, 1998. – 85 с.

REFERENCES

AGABABYAN A.G. «*Kak evrei za odnu noch' vyuchili kabardinskii*»: *yazykovye strategii gorskikh evreev v gody Kholokosta na Severo-Zapadnom Kavkaze* ["How the Jews Learned Kabardian in One Night": The Language Strategies of the Mountain Jews during the Holocaust in the North-Western Caucasus]. In: *Etnografiya*. – 2024. – № 2(24). – P. 232-256. – DOI 10.31250/2618-8600-2024-2(24)-232-256. (In Russ.).

AKKIEVA S.I., SAMPIEV I.M. *Evreiskaya natsional'no-kul'turnaya avtonomii v Kabardino-Balkarii* [The Jewish National and Cultural Autonomy in Kabardino-Balkaria]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. – 2015. – № 2-2. – P. 560–568. (In Russ.).

VALERII AMIR (IVANCHENKO). *Evreiskaya kolonka* [The Jewish Column]. – Nal'chik: Tsentr «Sholumi», 2019. – 131 p. (In Russ.).

Gazeta «Sotsialisticheskaya Kabardino-Balkarskaya pravda» [The Socialist Kabardino-Balkarian Pravda Newspaper]. 1943 g. 19 yanvarya. (In Russ.).

Gazeta «Sotsialisticheskaya Kabardino-Balkarskaya pravda» [The Socialist Kabardino-Balkarian Pravda Newspaper]. 1944 g. 24 maya. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. (In Russ.).

DANILOVA S.A. «*Moya bol', gordost' i nadezhda*»: *gorskie evrei v Kabardino-Balkarii. Stat'i i ocherki* ["My Pain, Pride, and Hope": Mountain Jews in Kabardino-Balkaria. Articles and Essays]. – Nal'chik: El'brus, 1997. – 168 p. (In Russ.).

DANILOVA S.A. *Gorskie evrei v istorii i v nashi dni* [Mountain Jews in History and Today]. – N'yu-Dzherisi: Izdatel'stvo SVET Design, 2021. – 287 p. (In Russ.).

DZAGOV R.N. *Gorskie evrei v etnokul'turnom prostranstve KabardinoBalkarii v XIX – pervoi treti XX v.* [Mountain Jews in the Ethnocultural Space of Kabardino-Balkaria in the 19th and First Third of the 20th Century]. In: *Istoricheskii vestnik*. – 2012. – Vyp. XI. – P. 46–56. (In Russ.).

Iskhod gorskikh evreev: razrushenie garmonii mirov [The Exodus of the Mountain Jews: The Destruction of the Harmony of the Worlds] / sost. S.A. Danilova. – Nal'chik: Poligrafserveisi T., 2000. – 216 p. (In Russ.).

Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressii. Kabardino-Balkariya. 1920-1940 [Book of Memory of the Victims of Political Repression. Kabardino-Balkaria. 1920-1940]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2009. – 552 p. (In Russ.).

Kniga Pamyati. Kabardino-Balkariya [Book of Memory. Kabardino-Balkaria]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2024. – 426 p. (In Russ.).

Kniga Pamyati: Rossiiskaya Federatsiya. Kabardino-Balkarskaya Respublika [Book of Memory: Russian Federation. Kabardino-Balkarian Republic]. V 4 t. – Nal'chik: El'brus. Tom 1, 2014. – 448 s.; Tom. II, 2015. – 408 s.; Tom III, 2015. – 424 s.; Tom IV, 216. – 424 p. (In Russ.).

MURZAKHANOV YU.I. *Sovremennaya sem'ya u gorskikh evreev Kabardino-Balkarii* [Modern Family among the Mountain Jews of Kabardino-Balkaria]. – M.: ChORO, 1994. – 104 p. (In Russ.).

MURKHAKHANOV YU.I. *D.V. Shabaev – istorik i arkhivist* [D.V. Shabaev – historian and archivist]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2017. – № 2. – P. 157-164. DOI: 10.31143/2542-212X-2017-2-157-164. (In Russ.).

Politbyuro i krest'yanstvo: vysylka, spetsposelenie [Politburo and Peasantry: Deportation, Special Settlement. 1930-1940]. 1930—1940: V 2 kn. Kn. I / Otv. red. N.N. Pokrovskii. – M.: «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 2005. – 912 p. (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Social and Political History]. (In Russ.).

SEN' D.V. *Istoriya gorskikh evreev Severo-Kavkazskogo kraia 1920-kh– 1930-kh gg.: aktual'nye voprosy istoriografii i istochnikovedeniya* [The history of the Mountain Jews of the North Caucasus Region in the 1920s- 1930s: current issues of historiography and source studies]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2023. – № 4. – P. 291-307. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-291-307. (In Russ.).

TETUEV A.I. *Mezhnatsional'nye otnosheniya na Severnom Kavkaze: evolyutsiya, opyt, tendentsii* [Interethnic relations in the North Caucasus: evolution, experience, trends]. – Nal'chik: El'-Fa, 2006. – 352 p. (In Russ.).

TETUEV A.I. *Istoricheskaya pamyat' o Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg. (na primere Kabardino-Balkarii)* [Historical memory of the Great Patriotic War of 1941-1945 (using the example of Kabardino-Balkaria)]. – Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr», 2021. – 380 p. (In Russ.).

TETUEV A.I. *Povsednevnyaya zhizn' naseleniya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941-1945 gg. (na primere Kabardino-Balkarii)* [Daily life of the population during the Great Patriotic War of 1941-1945. (on the example of Kabardino-Balkaria)]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskii nauchnyi tsentr, 2024. – 415 p. (In Russ.).

Upravlenie tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Management of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation]. (In Russ.).

SHABAEV V.D. *Dostoinyi vklad* [A Worthy Contribution]. In: *Istoriya i etnografiya gorskikh evreev Kavkaza*. – Nal'chik: El'-Fa, 1998. – 85 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.И. Тетуев – доктор исторических наук.

Information about the author

A.I. Tetuev – Doctor of Historical Sciences.

Статья поступила в редакцию 09.07.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 09.07.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

Научная статья
УДК 94
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-141-152
EDN: FXYCSQ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МИНИСТЕРСТВА ПО ДЕЛАМ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ И ОБЩЕСТВЕННЫМ ПРОЕКТАМ КБР С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ РЕСПУБЛИКИ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Асият Руслановна Бер

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик,
Россия, asyat.tokhtabieva@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-4900-9354>

Аннотация. В статье рассматривается влияние национально-культурных объединений Кабардино-Балкарской Республики на социальную и политическую ситуацию в стране, которое в значительной степени зависит от их сотрудничества с органами власти и местного самоуправления. Выявлено, что в случае налаженного и согласованного взаимодействия между государственными структурами и институтами гражданского общества можно предотвратить проявление этнической нетерпимости и конфликтогенности. Приведены примеры основных направлений, в рамках которых органы государственной власти и местного самоуправления республики взаимодействуют с национально-культурными объединениями. Выделяются ключевые задачи, стоящие перед национально-культурными объединениями, среди которых: сбор и систематизация интересов представляемых этнокультурных сообществ; представление этих интересов органах государственной власти и местного самоуправления; участие в разработке решений, направленных на удовлетворение указанных потребностей. В процессе исследования выделен ряд основных направлений, в рамках которых Министерство по делам национальностей и общественным проектам КБР взаимодействует с национально-культурными объединениями. Автором делается вывод о том, что такого рода тесное взаимодействие обладает мощным антиконфликтогенным потенциалом, способствует укреплению гражданской активности и межнационального согласия, а также улучшает качество социальных услуг, предоставляемых государством обществу.

Ключевые слова: Кабардино-Балкарская Республика, Министерство по делам национальностей и общественным проектам КБР, национально-культурное объединение, полиэтничность, стратегия государственной национальной политики, межэтническое согласие.

Для цитирования: Бер А.Р. Взаимодействие Министерства по делам национальностей и общественным проектам КБР с национально-культурными объединениями республики в рамках реализации государственной национальной политики Российской Федерации // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 141-152. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-141-152. EDN: FXYCSQ.

© Бер А.Р., 2025

Original article

**THE INTERACTION OF THE MINISTRY OF NATIONALITIES
AND PUBLIC PROJECTS OF THE KABARDINO-BALKARIAN
REPUBLIC WITH THE NATIONAL CULTURAL ASSOCIATIONS
OF THE REPUBLIC AS PART OF THE IMPLEMENTATION
OF THE STATE NATIONAL POLICY
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Asiyat R. Ber

Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, asyat.tokhtabieva@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-4900-9354>

Abstract. The article examines the influence of national and cultural associations of the Kabardino-Balkarian Republic on the social and political situation in the country, which largely depends on their cooperation with government and local government bodies. It is noted that in the case of well-established and coordinated interaction between government agencies and civil society institutions, it is possible to prevent the manifestation of ethnic intolerance and conflict potential. Examples of the main areas in which government and local government bodies of the republic interact with national and cultural associations are given. The key tasks facing national and cultural associations are highlighted, including: collecting and systematizing the interests of the represented ethnocultural communities; representing these interests in government and local government bodies; participating in the development of solutions aimed at meeting these needs. In the course of the study, a number of key areas were identified in which the Ministry of Nationalities and Public Projects of the Kabardino-Balkarian Republic interacts with national and cultural associations. The author concludes that this kind of close interaction has a powerful anti-conflict potential, promotes the strengthening of civic activism and interethnic harmony, and improves the quality of social services provided by the state to society.

Key words. Kabardino-Balkarian Republic, Ministry of Nationalities and Public Projects of the Kabardino-Balkarian Republic, national and cultural association, polyethnicity, strategy of state national policy, interethnic harmony.

For citation: Ber A.R. The interaction of the Ministry of nationalities and public projects of the Kabardino-Balkarian Republic with the national cultural associations of the republic as part of the implementation of the state national policy of the Russian Federation. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 141-152. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-141-152. EDN: FXYCSQ.

© Ber A.R., 2025

Введение

Ключевыми аспектами социальных и политических процессов, происходящих в мире в конце XX – начале XXI вв., становятся вопросы, которые связаны с национальным развитием и самоопределением этносов и этнических групп. В эпоху современной социализации и формирования самосознания индивида особую роль играют этнические и национальные факторы, которые стимулируют интерес людей к национально-культурной идентификации. Члены различных этнических групп проявляют стремление к следованию традициям, сохранению этнических обычаев, культурного наследия и языка. Для них важно общение внутри своей группы, основанное на общих этнокультурных интересах. Исходя

из этого, члены этнических сообществ активно создают национально-культурные общественные организации [Аствацатурова 2008: 64]. В складывающейся ситуации необходимым является конструктивное взаимодействие государства с национально-культурными объединениями как важнейшими институтами гражданского общества для грамотной реализации государственной национальной политики.

В ходе анализа были применены разнообразные подходы к изучению темы, включая проблемно-хронологический, сравнительное сопоставление различных аспектов, прогнозирование будущих тенденций, исследование институциональной структуры, философский анализ социальных процессов (социально-философский), системное изучение истории (системно-исторический) и структурно-функциональный подход.

Научная новизна исследования заключается в систематизации методов взаимодействия Министерства по делам национальностей и общественным проектам КБР с национально-культурными объединениями, выявлении тенденции межэтнических отношений при условии успешного взаимодействия указанных сторон.

Предметом исследования является взаимодействие Министерства по делам национальностей и общественным проектам КБР с национально-культурными объединениями республики в рамках реализации государственной национальной политики Российской Федерации.

Основная часть

Основной ступенью национальной политики Российской Федерации выступает «Стратегия государственной национальной политики на период до 2025 года», которая была утверждена Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666*. В соответствии со Стратегией Россия является одной из самых крупных полиэтнических государств в современном мире, где проживают представители 194 национальностей*. Большинство народов, населяющих нашу страну, сформировались на ее действующей территории на протяжении многих веков и внесли свой вклад в развитие российской государственности и культуры.

Вопрос, связанный с гармонизацией этноконфессиональных отношений на территории современной России, по праву, является одним из самых важных, актуальных, а также политически значимых. Причиной тому является тот факт, что положение этноконфессиональных отношений в значительной степени является своеобразным показателем состояния социального, экономического и культурного развития страны и важным критерием эффективности политического управления [Вилков, Толкунов 2017: 322]. Процесс этнизации общественной жизни в России, который берет свое начало в 1990-х гг., проявляется в различных формах, одной из которых является тенденция к образованию многоуровневых общественных организаций. К таковым относятся национально-культурные

* Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666 "О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года" (с изменениями и дополнениями) // Система Гарант. URL: <https://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 14.06.2025).

* Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 14.06.2025).

объединения, автономии и центры, которые играют важную роль в создании новых социальных стандартов и способствуют демократизации межнациональных отношений, а также защите прав и свобод граждан [Абдулатипов 1996: 121].

Национально-культурные организации, являясь звеном общественного сектора, обладают своей отличительной спецификой. Так, например, общественные организации сами по себе действуют в интересах сообществ в целом, а у национально-культурных организаций, напротив, вектором деятельности является защита интересов объединенной по этническому принципу конкретной группы людей [Зорин, Каменских, Субботина 2023: 32].

Как отмечают В.А. Тишков и Ю.П. Шабаев, основная цель национально-культурных организаций заключается в выражении уникальности этнических групп с точки зрения культуры, сохранении этой культурной самобытности, из чего следует, что зачастую в программных документах и декларациях данных организаций понятия этничность и гражданство противопоставляются [Тишков, Шабаев 2019: 206]. Вклад этих объединений в решение актуальных политических и социальных проблем становится все более очевидным. Они работают над формированием у молодежи нравственных ценностей, прививают уважение и доверие к согражданам, независимо от их национальной принадлежности. Эти организации активно принимают участие в решении как общенациональных, так и региональных задач, связанных с различными сферами жизни [Савельев 2006: 89].

Однако стоит отметить, что конструктивность влияния национально-культурных объединений на социальную и политическую ситуацию в стране в значительной степени зависит от их сотрудничества с органами власти и местного самоуправления. Только в случае налаженного и согласованного взаимодействия между государственными структурами и общественными организациями можно предупредить проявление межэтнической напряженности и конфликтов. Указанное представляет особую важность для сохранения территориальной целостности, суверенитета и единства народов России [Дробизева 2000: 20].

Кабардино-Балкарская Республика также не является исключением, будучи одним из многонациональных и поликонфессиональных регионов России. В соответствии с данными Всероссийской переписи населения, в республике проживает 100 национальностей*.

Согласно открытым данным Управления Федеральной службы государственной статистики по СКФО по состоянию на 1 января 2025 г. в КБР проживают 908214 человек**. Что касается этнического состава населения республики, в соответствии с результатами Всероссийской переписи населения 2020 года наиболее крупными этническими группами являются: кабардинцы – 502615 чел., русские – 174768 чел., балкарцы – 120898 чел., черкесы – 26544 чел., турки – 16840 чел., осетины – 6877 чел., цыгане – 4122 чел., армяне – 3987 чел., корейцы

* Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 14.06.2025).

** Статистические данные Управления Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу на 1 января 2024 года // Официальный сайт Управления. URL: https://26.rosstat.gov.ru/ofstatistics_kbr (дата обращения: 14.06.2025).

– 2926 чел., азербайджанцы – 1767 чел., чеченцы – 1675 чел., татары – 1544 чел., украинцы – 1461 чел., грузины – 1279 чел^{***}.

Поликультурность и многонациональность КБР стимулирует интерес жителей к национально-культурному самоопределению. Существующая в КБР система образовательных и культурных учреждений в целом удовлетворяет этнокультурные и религиозные потребности народов, проживающих на данной территории. Этнические диаспоры и землячества КБР образовали общественные организации. Их главной целью является обеспечение тотального обеспечения этнических потребностей и интересов представляемых ими народов, а также поддержание этнического разнообразия в социокультурной среде региона.

В КБР на 28 апреля 2024 г., по данным Управления Минюста России по КБР, зарегистрировано 945 организаций, из них:

- национальные (в том числе национально-культурные автономии) – 47;
- более 40 национальных общественных объединений, в числе которых и 14 официально зарегистрированных национально-культурных центров^{****}.

Данные организации сконцентрированы на сохранении этнической идентичности, языка, культуры и традиций. Кроме того, они оказывают содействие в процессе интеграции этнических групп в общество. Текущую ситуацию в сфере взаимоотношений между государством и народами республики, а также между представителями самих этносов представляется возможным охарактеризовать в качестве не представляющей непосредственную угрозу для общественно-политической стабильности. Важными критериями, определяющими характер этих взаимоотношений, являются:

– во-первых, существование того факта, что определенная группа населения республики придерживается оппозиционных взглядов касаясь некоторых земельных вопросов. Данная ситуация является результатом целенаправленного воздействия ряда представителей «антиправительственно» настроенных общественных организаций на формирование общественного мнения в данном вопросе;

– во-вторых, присутствие в республике в той или иной степени бытового национализма, являющегося следствием социальной неудовлетворенности жителей региона и мотивирующего людей к объединению по этническому признаку;

– в-третьих, неорганизованность и неkoordinированность проводимых мероприятий, направленных на укрепление межнационального согласия*.

Решение актуальных общественно-политических задач, связанных с межэтническими и межконфессиональными отношениями, требует комплексного подхода. В данном контексте стоит отметить необходимость разработки и

*** Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 14.06.2025).

**** Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях // Управление Министерства юстиции РФ по КБР. URL: <https://to07.minjust.gov.ru/ru/activity/directions/4/informaciya-o-zaregistrirovannyh-nekommercheskih-organizacijah/> (дата обращения: 14.06.2025).

* Архивные данные Министерства по делам национальностей и общественным проектам Кабардино-Балкарской Республики

реализации целевых программ, способствующих укреплению межнационального и межконфессионального диалога, соблюдению правовых норм и принципов демократии [Кожанов 2013].

В КБР деятельность органов публичной власти в сфере исполнения пунктов государственной национальной политики выстроена на системной основе, действуют следующие совещательные органы, такие как Общественная палата КБР, Правительственная комиссия по вопросам межэтнических и межконфессиональных отношений в КБР, общественные советы при заинтересованных ведомствах [Аккиева, Бер 2023: 219]. Государственные структуры КБР, а также органы местного самоуправления, придерживаясь принципа невмешательства, успешно сотрудничают с национальными, культурными, религиозными и казачьими сообществами, обеспечивая эффективное взаимодействие^{**}. Такое сотрудничество охватывает различные аспекты, такие как соблюдение норм законодательства, касающегося свободы слова и вероисповедания, а также обеспечение согласия между различными национальностями и конфессиями. Важным направлением их совместной работы является религиозное и гуманитарное образование, а также использование ресурсов указанных организаций для духовно-нравственного воспитания граждан. Конструктивное развитие общественного сознания неразрывно связано с популяризацией национальных культур и национально-культурной идентичности. Формирование чувства гражданской ответственности не представляется возможным без знакомства населения с успешными практиками этнокультурных традиций народов, населяющих республику. В этой связи национально-культурное самоопределение следует рассматривать в качестве объединяющего фактора, включающего этническую и религиозную, региональную и государственную идентичности, а также формирующего гражданское общество [Базиева 2025: 22].

Успешность мероприятий по продвижению идей духовного единства, повышения культуры межэтнического и межконфессионального общения, а также сохранения традиционных духовных ценностей и профилактики негативных явлений напрямую зависит от качества взаимодействия между исполнительной властью республики и национально-культурными и религиозными объединениями [Папян 2009: 94]. В рамках достижения вышеуказанных целей с 2014 г. в КБР действует Министерство по делам национальностей и общественным проектам КБР (далее – Министерство).

Деятельность Министерства осуществляется в рамках государственной программы «Реализация государственной национальной политики и поддержка общественных проектов в КБР»^{*}. Согласно данной программе Министерством будут достигнуты следующие результаты:

^{**} Стратегия социально-экономического развития Кабардино-Балкарской Республики до 2040 года// Портал Правительства КБР. URL: <https://economy.kbr.ru/activity/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitiye/> (дата обращения: 14.06.2025).

^{*} Постановление Правительства КБР от 29 декабря 2023 г. № 304-ПП "О государственной программе Кабардино-Балкарской Республики «Реализация государственной национальной политики и поддержка общественных проектов в Кабардино-Балкарской Республике»"// Портал Правительства КБР. URL: <https://pravitelstvo.kbr.ru/documents/postanovleniya/postanovlenie-pravitelstva-kbr-ot-29-dekabrya-2023-g-304-pp-o->

- достижение высокого уровня культуры межнационального и межконфессионального общения;
- моделирование мультиаспектных отношений добрососедства, дружбы и партнерства, формирование сотрудничества на взаимовыгодных условиях со странами компактного проживания соотечественников, а также международными организациями;
- информационное сопровождение и обеспечение деятельности некоммерческих организаций республики;
- методическая, юридическая, экономическая и организационная поддержка деятельности некоммерческих организаций, в том числе национально-культурных организаций и др. [Никитина, Гаунова 2021: 9].

В КБР взаимодействие органов власти и национально-культурных общественных объединений осуществляется по следующим основным направлениям.

Вовлеченность руководителей национально-культурных общественных объединений в процесс разработки и принятия нормативных правовых актов, решений и постановлений, а также концепций и программ, нацеленных на улучшение межэтнических отношений.

В рамках данного направления следует выделить функционирование Правительственной комиссии по вопросам межэтнических, межконфессиональных отношений и поддержки соотечественников в КБР (далее – Комиссия)*. Комиссия является координационным органом, который образован с целью обеспечения согласованных действий заинтересованных исполнительных органов государственной власти КБР по реализации государственной политики в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений, взаимодействия с соотечественниками в КБР. Состав Комиссии соответствует количеству, равному 41. Из них 29 – представители органов государственной и муниципальной власти республики, различных заинтересованных ведомств; 9 – руководители национально-культурных и религиозных общественных организаций, 3 – представители научного сообщества. Основными задачами, выполняемыми Комиссией, являются подготовка предложений по эффективному диалогу «власть-институты гражданского общества», предупреждение дискриминации по признакам расовой, национальной, языковой, религиозной принадлежности, пресечение экстремистских проявлений и др. Комиссия заседает не реже 2 раз в год. Ответственным за организацию деятельности Комиссии органом власти является Министерство по делам национальностей и общественным проектам КБР.

gosudarstvennoy-programme-kabardino-balkarskoy-respubliki-realizatsiya-gosudarstvennoy-natsionalnoy-politiki-i-podderzhka-obshchestvennykh-proektov-v-kabardino-balkarskoy-respublike-.html (дата обращения: 14.06.2025).

* Постановление Правительства КБР от 16 сентября 2024 г. № 143-ПП "О Правительственной комиссии по вопросам межэтнических, межконфессиональных отношений и поддержки соотечественников в Кабардино-Балкарской Республике" // Портал Правительства КБР. URL: <https://pravitelstvo.kbr.ru/documents/postanovleniya/postanovlenie-pravitelstva-kbr-ot-16-sentyabrya-2024-g-143-pp-opravitelstvennoy-komissii-po-voprosam-mezhetnicheskikh-mezhkonfessionalnykh-otnosheniy-i-podderzhki-sootchestvennikov-v-kabardino-balkarskoy-respublike.html> (дата обращения: 14.06.2025).

Участие в общественно-консультативных институтах при органах власти и управления.

Представители национально-культурных объединений являются постоянными членами общественных советов при министерствах и ведомствах КБР. Общественный совет Министерства является постоянно действующим совещательно-консультативным органом и формой регулярного взаимодействия власти и гражданского общества. Заседания Общественного совета проводятся ежеквартально, в рамках которых профильные отделы и секторы представляют отчет о проделанной работе за соответствующий период. Количественный состав Общественного совета составляет 15 человек: из них 5 – представители национально-культурных общественных организаций**.

Осуществление миротворческой деятельности как системы действий, направленной на сохранение мира и профилактику межэтнических и межконфессиональных противоречий и конфликтов.

На территории КБР представители всех национальностей и конфессий активно интегрированы в общественную жизнь: они вовлечены во взаимодействие с молодежью, участвуют в миротворческих мероприятиях и акциях, направленных на профилактику конфликтов. Это служит ярким примером для населения о приоритетах духовного братства над любыми попытками разжигания конфликтов: морально-нравственные принципы становятся фундаментом общественных отношений, преодолевая угрозы межэтнической и межконфессиональной враждебности, ксенофобии и насилия.

Грантовая поддержка общественных организаций, осуществляющих деятельность в сфере укрепления единства российской нации и этнокультурного развития народов России.

Министерство по делам национальностей и общественным проектам КБР реализует программу грантовой поддержки социальных инициатив, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального единства. В рамках данной поддержки национально-культурным организациям республики предоставляется возможность принять участие в конкурсах на получение финансовой поддержки для реализации проектов. Это дает шанс выигравшим организациям проводить мероприятия, способствующие развитию толерантности, конструктивного диалога и сотрудничества между различными этническими группами в республике. Конкурсы проводятся в рамках подпрограммы «Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов КБР» государственной программы КБР «Взаимодействие с общественными организациями и институтами гражданского общества в КБР».

Ежегодно проводятся конкурсы для предоставления субсидий на реализацию социальных проектов по следующим направлениям:

** Положение об Общественном совете Министерства по делам национальностей и общественным проектам Кабардино-Балкарской Республики// Портал Министерства по делам национальностей и общественным советам Кабардино-Балкарской Республики. URL: <https://minnac.kbr.ru/activity/obshchestvennyy-sovet/> (дата обращения: 14.06.2025).

- Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России.
- Активизация деятельности религиозных организаций в КБР.

Проведение общественно-значимых мероприятий с участием национально-культурных объединений.

Министерство по делам национальностей и общественным проектам КБР ежегодно организует Гражданский форум некоммерческих организаций региона. Форум некоммерческих организаций – ключевое собрание для представителей государственных органов власти, национально-культурных объединений, общественности, религиозных деятелей и СМИ. Цель мероприятия заключается в систематизации диалога между властью и гражданами по текущим вызовам развития гражданского общества республики: поиск путей к укреплению взаимодействия всех сторон, стимулирование активного участия населения в общественно-политической жизни через открытые обсуждения. Форум служит платформой для формирования современного гражданского самосознания среди жителей КБР путем объединения усилий НКО и представителей публичной власти.

В целях обеспечения межнационального единства Министерство проводит Межрайонный форум «Кабардино-Балкария – наш общий дом». В мероприятии ежегодно принимают участие все муниципальные районы республики, активно вовлекаются представители публичной власти, молодежи, национально-культурных и духовных лидеров, Общественной палаты КБР и журналистов. Форум сосредоточен на актуальной политической повестке дня с целью совместного поиска решений. В рамках мероприятия функционируют четыре тематические площадки, отражающие наиболее значимые вопросы текущего года.

Данные мероприятия становятся неотъемлемой частью общественной жизни Кабардино-Балкарской Республики, способствуя укреплению гражданской активности и межнационального согласия.

Заключение

Таким образом, этнокультурное направление представляет собой важную ступень в процессе объединения граждан в общественные организации. Формирование в Кабардино-Балкарской Республике национально-культурных объединений позволяет жителям региона не только реализовывать свои этнокультурные интересы, но и в достаточной степени взаимодействовать с органами государственной власти и местного самоуправления в соответствии с веяниями государственной национальной политики РФ.

Взаимодействие национально-культурных объединений с государственными органами и управлением играет важную роль в улучшении качества публичных услуг, предоставляемых государством гражданам. Как подчеркивает Президент В.В. Путин, эффективность этих услуг во многом определяется их соответствием запросам общества и своевременностью их реализации [Савельев 2006: 127]. Для достижения этих целей необходимо поддерживать постоянный и эффективный диалог между властями и населением. Это возможно только при наличии у государственных органов четкого понимания потребностей и

интересов граждан. Достоверная информация о запросах общества зачастую поступает от общественных объединений, которые активно занимаются их обнаружением. В этом контексте национально-культурными объединениями выполняется работа по сбору и систематизации интересов представляемых этнокультурных сообществ; представлению этих интересов в органах государственной власти и местного самоуправления; участию в разработке решений, направленных на удовлетворение указанных потребностей. Данная работа подчеркивает значимость национально-культурных объединений в процессе формирования эффективной социальной политики и в создании условий для более качественного взаимодействия между государством и обществом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулатипов 1996 – *Абдулатипов Р.Г.* Россия на пороге XXI века: состояние и перспективы федеративного устройства. – М.: Славянский диалог, 1996. – 254 с.

Акиева, Бер 2023 – *Акиева С.И., Бер А.Р.* Национально-культурное самоопределение этнических сообществ Кабардино-Балкарской Республики как составляющая российской гражданской идентичности // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 214–223. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-214-223. EDN: WGTRKX.

Аствацатурова 2008 – *Аствацатурова М.А.* Ресурсы местного самоуправления в достижении межнационального согласия и гражданской солидарности на Юге России. Государственное и муниципальное управление // Ученые записки СКАГС. – 2008. – № 1. – С. 61–73.

Базиева 2025 – *Базиева Г.Д.* Гражданское общество и культурная идентичность в Кабардино-Балкарии // Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 7. – С. 21–26. DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2025.7.2>.

Вилков, Толкунов 2017 – *Вилков А.А., Толкунов Н.С.* Этнокультурная политика в Саратовской области: проблемы и перспективы // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. – 2017. – Т. 17. Вып. 3. – С. 320–325. – DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-320-325.

Дробижеева 2000 – *Дробижеева Л.М.* Социальные параметры межэтнической стабильности и напряженности // Мир России. – 2000. – № 4. – С. 18–22.

Зорин, Каменских. Субботина 2023 – *Зорин В.Ю., Каменских М.С., Субботина А.А.* Институты гражданского общества в реализации Государственной национальной политики: опыт Пермского края* // Труды КАЭЭ ПГПУ. 2023. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instituty-grazhdanskogo-obschestva-v-realizatsii-gosudarstvennoy-natsionalnoy-politiki-opyt-permskogo-kraja> (дата обращения: 10.06.2025).

Кожанов 2013 – *Кожанов И.В.* Гражданская и этническая идентичности личности: проблема взаимосвязи и взаимозависимости // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 3 – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9187> (дата обращения: 18.09.2023)

Никитина, Гаунова 2021 – *Никитина Е.Е., Гаунова Ж.А.* Взаимодействие органов публичной власти с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. – № 10. – С. 5–19. – DOI: 10.12737/jrl.2021.119

Папян 2009 – *Папян В.Ю.* Национально-культурное самоопределение как фактор упрочения гражданской идентичности современного российского общества: дисс... канд. политол. н-к. – Ставрополь, 2006. – 182 с.

Савельев 2006 – *Савельев В.Ю.* Взаимодействие органов власти и управления с национально-культурными объединениями в реализации государственной национальной политики Российской Федерации: на примере субъектов ЮФО: дисс... канд. политол. н-к. – Ставрополь, 2006. – 219 с.

Тишков, Шабает 2019 – *Тишков В.А., Шабает Ю.П.* Этнополитология: Политические функции этничности: учебник для вузов. – М.: Издательство Московского университета, 2019. – 416 с.

REFERENCES

ABDULATIPOV R.G. *Rossiya na poroge XXI veka: sostoyanie i perspektivy federativnogo ustroystva* [Russia on the Threshold of the 21st Century: State and Prospects of the Federal Structure]. – М.: Slavyanskii dialog, 1996. – 254 p. (In Russ.).

AKKIEVA S.I., BER A.R. *Natsional'no-kul'turnoe samoopredelenie etnicheskikh soobshchestv Kabardino-Balkarskoi Respubliki kak sostavlyayushchaya rossiiskoi grazhdanskoi identichnosti* [National-cultural self-determination of ethnic communities of the Kabardino-Balkarian Republic as a component of Russian civil identity]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2023. – № 4. – P. 214-223. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-214-223. EDN: WGTRKX. (In Russ.).

ASTVATSATTSROVA M.A. *Resursy mestnogo samoupravleniya v dostizhenii mezhnatsional'nogo soglasiya i grazhdanskoi solidarnosti na Yuge Rossii. Gosudarstvennoe i munitsi-pal'noe upravlenie* [Local government resources in achieving interethnic harmony and civil solidarity in the South of Russia]. In: Uchenye zapiski SKAGS. – 2008. – № 1. – P. 61-73. (In Russ.).

BAZIEVA G.D Civil Society and Cultural Identity in Kabardino-Balkaria. Society: Philosophy, History, Culture. (7), 21–26. Available from: doi:10.24158/fik.2025.7.2 (In Russ.).

VILKOV A.A., TOLKUNOV N.S. *Etnokul'turnaya politika v Saratovskoi oblasti: problemy i perspektivy* [Ethnocultural Policy in Saratov Region: Problems and Prospects]. In: Izvestiya Saratovskogo universiteta. Nov. ser. Ser. Sotsiologiya. Politologiya. – 2017. – T. 17. Vyp. 3. – P. 320–325. – DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-320-325. (In Russ.).

DROBIZHEVA L.M. *Sotsial'nye parametry mezhetnicheskoi stabil'nosti i napryazhennosti* [Social Parameters of Interethnic Stability and Tension]. In: Mir Rossii. – 2000. – № 4. – P. 18-22. (In Russ.).

KOZHANOV I.V. *Grazhdanskaya i etnicheskaya identichnosti lichnosti: problema vzaimosvyazi i vzaimozavisimosti* [Civil and ethnic identity of the individual: the problem of interconnection and interdependence]. In: Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2013. – № 3 – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9187> (data obrashcheniya: 18.09.2023) (In Russ.).

NIKITINA E.E., GAUNOVA ZH.A. *Vzaimodeistvie organov publichnoi vlasti s institutami grazhdanskogo obshchestva pri realizatsii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii* [Interaction of public authorities with civil society institutions in the implementation of the state national policy of the Russian Federation]. In: Zhurnal rossiiskogo prava. – 2021. – T. 25. – № 10. – P. 5-19. – DOI: 10.12737/jrl.2021.119/ (In Russ.).

PAPYAN V.YU. *Natsional'no-kul'turnoe samoopredelenie kak faktor uprochneniya grazhdanskoi identichnosti sovremennogo rossiiskogo obshchestva* [National-cultural self-determination as a factor in strengthening the civil identity of modern Russian society]: diss... kand. politol. n-k. – Stavtoropl', 2006. – 182 p. (In Russ.).

SAVEL'EV V.YU. *Vzaimodeistvie organov vlasti i upravleniya s natsional'no-kul'turnymi ob"edineniyami v realizatsii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Ros-siiskoi Federatsii: na primere sub"ektov YuFO* [Interaction of government and administration bodies with national-cultural associations in the implementation of the state national policy of the Russian Federation: on the example of the subjects of the Southern Federal District]: diss... kand. politol. n-k. – Stavropol', 2006. – 219 p. (In Russ.).

TISHKOV V.A., SHABAEV YU.P. *Etnopolitologiya: Politicheskie funktsii etnichnosti: uchebnik dlya vuzov* [Ethnopolitical Science: Political Functions of Ethnicity: Textbook for Universities]. – М.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2019. – 416 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А.Р. Бер – аспирант.

Information about the author

A.R. Ber – a graduate student.

Статья поступила в редакцию 20.06.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 20.06.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

Научная статья

УДК 39

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-153-166

EDN: GZDGEB

**МЯСНАЯ ПИЩА В ТРАДИЦИОННОЙ ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЕ КАБАРДИНЦЕВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Залина Мухамедовна Балкарова

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, balk.zalina@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-6389-7657>

Аннотация. Статья посвящена исследованию мясной пищи в традиционной гастрономической культуре кабардинцев в конце XIX – начале XX в. В ней приводятся общие сведения о мясных блюдах, сведения о способах и технологиях приготовления мясных блюд, а также непосредственно о самом разнообразии мясных блюд из крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота и птицы. На основе анализа научной литературы и собранных сотрудниками КБНИИ в 50–70-х гг. XX в. в селах Кабардино-Балкарии полевых материалов рассмотрены особенности приготовления блюд из баранины и ее субпродуктов, козлятины, говядины и из мяса некоторых других животных. В статье обращается внимание на широкое использование баранины, говядины и мяса птицы в кабардинской кухне, а также отражены способы приготовления блюд национальной кухни из них. В ходе исследования выявлено, что мясо домашней птицы можно классифицировать по престижности. Также установлено то, что блюда из мяса козы имели широкое распространение в традиционной гастрономической культуре кабардинцев. Выявлено, что большинство блюд имели наименования на родном языке, которые очень тонко и точно отражали их семантику и особенности. Установлено, что мясная пища являлась одним из маркеров этнокультурной идентичности, отражая принадлежность к своему народу.

Ключевые слова: кабардинцы; традиционная культура; гастрономическая культура; пища; мясная пища; блюда из баранины; блюда из козлятины; блюда из говядины

Для цитирования: Балкарова З.М. Мясная пища в традиционной гастрономической культуре кабардинцев в конце XIX – начале XX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 153-166. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-153-166. EDN: GZDGEB.

© Балкарова З.М., 2025

Original article

**MEAT FOOD IN THE TRADITIONAL GASTRONOMIC CULTURE
OF THE KABARDIANS
IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY**

Zalina M. Balkarova

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, balk.zalina@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-6389-7657>

Abstract. The article is devoted to the study of meat dishes in the traditional gastronomic culture of the Kabardians in the late 19th and early 20th centuries. It provides general information about meat dishes, methods and technologies for preparing meat dishes, as well as information about the variety of meat dishes made from cattle, small livestock, and poultry. Based on the analysis of scientific literature and field materials collected by the staff of the Kabardino-Balkarian Research Institute in the 1950s and 1970s in the villages of Kabardino-Balkaria, the article examines the features of cooking dishes made from lamb and its by-products, goat meat, beef, and the meat of some other animals. The article draws attention to the widespread use of lamb, beef, and poultry meat in Kabardian cuisine, and also describes the methods of preparing dishes from these ingredients. The study revealed that poultry meat can be classified according to its prestige. It was also found that goat meat dishes were widely used in the traditional gastronomic culture of the Kabardians. It was revealed that most dishes had names in their native language that accurately reflected their semantics and characteristics. It has been established that meat was one of the markers of ethnocultural identity, reflecting one's belonging to one's own people.

Key words: the Kabardians; traditional culture; gastronomic culture; food; meat food; lamb dishes; goat dishes; beef dishes

For citation: Balkarova Z.M. Meat food in the traditional gastronomic culture of the Kabardians in the late 19th – early 20th century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 153-166. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-153-166. EDN: GZDGEB.

© Balkarova Z.M., 2025

Введение

Изучение традиционной гастрономической культуры любого народа – это особый раздел современной этнографии. Пища, во всем своем многообразии приготовления повседневных, праздничных и обрядовых блюд, а также особенности приема пищи – все это тесно связано с этническим мировоззрением каждого народа. Изучение пищи, как важнейшего элемента культуры жизнеобеспечения, дает возможность более глубоко разобраться в многогранном процессе исторического развития этноса и этничности и сохранении самобытности ее носителей.

Возрастание исследовательского интереса к традиционной гастрономической культуре кабардинцев позволяет выявить специфические особенности их быта в прошлом, которые связаны с местными природно-климатическими условиями, образом жизни, уровнем различных отраслей хозяйства. Блюда, созданные народом, с течением времени полностью не вытесняются даже при значительных изменениях в повседневной жизни. Это позволяет проследить определенные аспекты этнической истории народа в широком хронологическом диапазоне.

В дореволюционное время основу питания кабардинцев составляли продукты животноводства. Мясная пища занимала ведущее место в их традиционной гастрономической культуре в повседневной, праздничной и ритуальной сферах. Она была весьма разнообразна и обладала специфическими для кабардинской кухни вкусовыми качествами.

Затрагивая научную актуальность в теоретическом и прикладном отношении, следует отметить, что пища – это элемент культуры жизнеобеспечения этноса, в которой традиционные черты сохраняются больше, чем в других. С ним наиболее тесно связаны представления людей о своей национальной специфике,

и в то же время его легче и быстрее, чем другие, заимствовать, варьировать, модифицировать и вводить новшества. Изучение продуктов питания в рамках историко-этнологического исследования отличается, например, от подходов шеф-поваров и диетологов, в частности, тем, что этнографы, интересуясь едой, фокусируют внимание не столько на технологиях ее приготовления или сравнительной питательной ценности, сколько как на повседневным явлением, связанным с другими традициями народа. Для этнографа важно не только то, что люди едят, но и то, как они это делают, например, садятся за стол, какие блюда предпочитают и как их используют. Любая совместная трапеза, будь то семейный ужин или обед попутчиков, которые объединились для выполнения рабочей задачи, не говоря уже о праздничных застольях, выходящих за рамки повседневной жизни, – это не просто коллективное насыщение. В любом случае, это действие с определенным символическим содержанием, которое подразумевает утверждение о том, что собравшиеся принимают и разделяют традиционные этнические и эстетические нормы поведения для данной этнической группы, а, следовательно, принадлежат к одной культуре сообщества и проявляют определенный минимум доброжелательности друг к другу.

Неслучайно изучение традиций питания во всем его многообразии привлекает все больше внимания ученых. Некоторые аспекты мясной пищи в традиционной гастрономической культуре кабардинцев затрагивались в работах разных авторов, но в целом, комплексного представления не сложилось. Данные аспекты затрагивались в работах С.А. Арутюнова [Арутюнов 2], Г.Х. Мамбетова [Мамбетов 2002], Хан-Гирея [Хан-Гирей 1978], О.И. Кускаровой [Кускарова 2022], Л.Ж. Ширитовой и Р.М. Жиловой [Ширитова, Жилова 2021], М.Ф. Пафовой [Пафова 1992], З.М. Кешевой [Кешева 2019], Е.Н. Студенецкой [Студенецкая, Архив КБНИИ], А.Д. Цикуниб [Цикуниб, Езлю 2014], обобщающих трудах по истории и культуре кабардинцев [Адыги 2022] и др.

Вместе с тем, до настоящего времени сохраняется большое количество источников, которые позволяют выявить некоторые этнокультурные особенности традиционной пищи кабардинцев. В ходе исследования в качестве нарративного материала использовались материалы путешественников, а в качестве полевого материала применялись материалы полевых исследований, которые были собраны различными исследователями во время полевых экспедиций в 50-е – середине 70-х гг. XX в. и отложились в архиве ИГИ КБНЦ РАН. Здесь хранятся материалы, собранные Х.М. Думановым, В.Х. Кажаровым, Г.Х. Мамбетовым, С.Х. Мафедзевым и др.

Основная часть

Мясная пища у кабардинцев издавна была одним из распространенных видов питания. Сведения об употреблении мясной пищи у разных групп черкесского народа были зафиксированы в источниках еще в XVII в. Например, Николай Витсен на основе личных наблюдений в 1692 г. писал, что «...черкесы всегда едят баранину, говядину, птицу и почти никогда не употребляют конину...» [АБ-КИЕА: 87]. Схожую деталь отмечал и Карл Кох, обращая внимание на, что «...жаркое на вертеле известно по всему Кавказу под названием «шишлик»

[АБКИЕА: 608]. Дж.А. Лонгворт по итогу пребывания в гостях описывал традиционную пищу черкесов следующим образом: «...Специально для нас забили овцу, и баранину нам подавали на тонкой просеянной лепешке вместо тарелки» [АБКИЕА: 535]. Хан-Гирей отмечал, что «...баранина, говядина, козлятина, разные домашние птицы и вообще мясо: вареное, жареное и под соусом, различным образом приготовляемое, составляет главнейшую пищу черкес. Также дичь и рыба употребляется ими в пищу...» [Хан-Гирей 1978: 237]. То есть большинство дореволюционных авторов определяли значимое место мясной пище в традиционной пищевой культуре адыгов.

Эти же детали отмечались и в научных работах. О том, что мясная пища была основным компонентом традиционной гастрономической культуры кабардинцев, сохранились сведения и в историографических источниках советского периода. Например, Г.Х. Мамбетов отмечал, что «...издавна важное место в пище кабардинцев в прошлом преимущественно скотоводческих народов занимали мясные продукты: свежее и сушеное мясо в вареном или жареном виде» [Мамбетов 2002: 137]. Интерес исследователей к мясной пище кабардинцев не снижается и в настоящее время. Например, О.И. Кускарова отмечала, самыми распространенными мясными блюдами, как у адыгов, так и у всех народов Северного Кавказа, являются жареное мясо (каб. – лы гъэжъа) и вареное мясо (каб. – лы гъэва) [Кускарова 2022: 147]. Л.Ж. Ширитова, Р.М. Жилова отмечали, что у кабардинцев «мясо, являвшееся важнейшим продуктом питания, ели в вареном и жареном виде во все времена года, но больше и чаще всего осенью и зимой» [Ширитова, Жилова 2021: 160].

Анализ источников показывает, что кабардинцы чаще отдавали предпочтение мясу мелкого рогатого скота, причем каждая часть туши имела свое название и свое место в иерархической лестнице престижности.

Технология приготовления блюд как из мяса крупного, так и мелкого рогатого скота, а также из мяса птицы имела свои особенности. Из мяса домашних животных кабардинцы готовили множество разнообразных блюд, сохраняя вкусовые и полезные свойства блюда. На это обращали внимание исследователи. Например, Е.Н. Студенецкая по этому поводу писала: «...мясо приготавливалось также различным образом – свежее, вяленое, копченое. Свежее мясо варили в котле, жарили на вертеле. Употребляли мясные блюда, главным образом, в вареном виде, с соусом из кислого молока, соли и чеснока. Жарили мясо чаще всего на вертеле» [Студенецкая, Архив КБНИИ: 44]. А.Д. Цикуниб говорила о том, что «...мясо употребляли в вареном, жареном и тушеном виде, а также коптили. Также, адыгам был известен и весьма распространен метод сушки мяса на сквозняке в тени...» [Цикуниб, Езлю 2014: 140]. С.А. Арутюнов рассказывал о том, что «...раньше мясо жарили на вертеле или решетке, а не на сковороде. Мясо на вертеле символизирует мужское начало, а вареное мясо – женское» [Арутюнов 2].

Мясная пища готовилась разными способами: в свежем виде, вяленом и копченом. Кроме того, мясную пищу употребляли в жареном, вареном и тушеном виде. Сушеное мясо употребляли как в вареном, так и в жареном виде, а вяленое – только в жареном.

Блюда из баранины

Из баранины готовили разнообразные блюда. Вареная и жареная баранина, баранина на вертеле, жареные бараньи ребрышки. Кроме того, готовили блюда из субпродуктов барана: ливерная колбаса (каб. – тхъэмщыгъуныбэ) и сальтисон (каб. – жэрумэ).

К мясу ягненка относились с особым вниманием и вкладывали особый смысл в процедуру его приготовления и обряды гастрономической культуры. Его готовили перед приходом дорогих гостей. Архивные материалы, собранные сотрудниками ИГИ КБНЦ РАН (в то время КБНИИ) во время полевых экспедиций в 1957 г., показывают то, какое место в мясной пище кабардинцев занимал ягненок, информаторы рассказывали о традициях при закалывании ягненка, о разнообразных способах приготовления. Так, например, в 1957 г. информатор жительница с. Кишпек К.Ц. Жанатаева сообщала, что «мясо ягненка нужно готовить уже в кипящей воде, иначе мясо становится не вкусным» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26]. Кроме того, если «мясо сварить в обычной воде без добавления специй, то бульон получается безвкусным» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26].

Информатор житель с. Камлюково А.К. Канкулов в 1957 г. сообщал, что «ягненок считается очень дорогой и почетной едой» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26. Паспорт 3]. Он говорил, что «если резать ягненка для гостей, то это особо дорогие гости с громким именем» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26. Паспорт 3]. Из ягненка варили бульон, добавляя все необходимые специи. При приготовлении ягненка съедали не только мясо, но и выпивали бульон.

В кабардинской кухне широко использовалась баранина. При этом, мясу овцы черной масти приписывались лучшие вкусовые качества. Сведения об употреблении баранины у разных групп черкесского народа были зафиксированы в источниках еще в XVII в., например, Николай Витсен на основе личных наблюдений в 1692 г. писал, что: «...овцы составляют почти все богатство черкесов и важнейшую часть их домашнего хозяйства. Мясо их является обычной пищей черкесов, которые едят его в вареном виде без соли и хлеба...» [АБКИЕА: 212]. Е.Н. Студенецкая также отмечала, что «любимым мясом кабардинцев была баранина» [Студенецкая, Архив КБНИИ: 30].

Архивные материалы выездных полевых экспедиций сотрудников КБНИИ в 1957 г. также свидетельствуют о том, что кабардинцы особое предпочтение отдавали баранине. Например, информатор житель с. Камлюково КБАССР А.К. Канкулов 30 августа 1957 г. сообщал, что «из всего скота, чаще всего кабардинцы предпочитали баранину» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26. Паспорт 3]. В целом, баранина являлась важнейшей частью домашнего хозяйства кабардинцев, которая употреблялась как в обычные дни, так и во время различных церемоний.

Самыми распространенными блюдами у кабардинцев в мясном рационе питания были жареная и вареная баранина. Жареное мясо традиционно в начале готовилось на вертеле.

В историографических источниках зафиксированы сведения, в которых отмечены распространенные способы приготовления баранины. Чаще всего используемые из них способ жарки и варки. Например, Г.Х. Мамбетов рассказывал о способах жарки баранины на вертеле (каб. – дзасэ) над очагом, над раскаленными углями. В отдельных случаях (свадьба или какой-нибудь большой праздник) тушу барашка (освобожденного от внутренностей) зажаривали целиком (каб. – *мэл гъэжъа*) и подавали гостям на большом круглом столике с разложенными вокруг кусками пасты. Кроме того, он отмечал, что «распространенным блюдом было и рагу из баранины. Большое место среди национальных блюд из баранины занимали шашлык (каб. – *лы гъэжъа*).

Также в архивных полевых материалах зафиксированы данные о том, как готовят баранину. Например, информатор А.С. Канкулов в 1957 г. сообщал, что «целиком тушу барана чаще всего сушат на горных пастбищах» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26. Паспорт 3]. Кроме того, информаторы сообщали о том, что по особым случаям жарили отдельно бараньи ребрышки. Например, К.Ц. Жанатаева и А.А. Канкулов сообщали о том, что «ребрышки жарят тогда, когда встречают дорогих гостей. Ребра подают на подносе, с ножом. Чаще всего с этим блюдом едят пшеничную пасту» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26].

Вареная баранина готовилась у кабардинцев по схожему рецепту, с технологией разделывания туши и добавлением специй. Г.Х. Мамбетов отмечал, что «мясо варили в разных количествах, в зависимости от обстоятельств...» [Мамбетов 2002: 138]. О том, что во все времена кабардинцы варили мясо в большом количестве, свидетельствуют сведения полевых экспедиций. Так, например, информатор А.К. Канкулов сообщал о том, что «мясо варили целиком, без позвоночного отдела, головы и ног» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26. Паспорт 3]. Также А.А. Канкулов сообщал, о том, что «кабардинцы варили мясо в большом количестве, по крайней мере больше половины килограмма на каждого человека. Кости небольшого бычка клали для варки целиком, остальные по частям. Ребра разделяли на 2 части, чтобы при варке мясо не выпирало из воды, его аккуратно чистой палкой укладывали обратно» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26. Паспорт 3]. Все это говорит о том, что вареная и жареная баранина занимала особое место в традиционной системе питания кабардинцев и использовалась не только в повседневной жизни, но и в праздничные и ритуальные дни.

У кабардинцев были выработаны разнообразные способы хранения продуктов из баранины. Чтобы мясо заготовить впрок, использовали метод вяления, копчения и засаливания. Таким способом мясо хранилось долгое время и не портилось, при этом сохраняя свои вкусовые качества и полезные свойства.

О том, что кабардинцы употребляли в пищу не только свежее, но также сушеное и копченое мясо сохранились сведения историографических источников. Например, Г.Х. Мамбетов отмечал: «...мясо заготавливали впрок во все времена, но в большинстве случаев осенью. Для этого тушу барана или крупного рогатого скота делили на шесть основных частей: две передние ляжки (каб. – *блатхъэ*), две задние ляжки (каб. – *куэ*) и два бока (каб. – *дзажэ*), на которых с помощью

острого ножа делались надрезы (каб. – яупІэ) так, чтобы мясо превратилось в тонкие пласты» [Мамбетов 2002: 140].

Кроме того, Г.Х. Мамбетов отмечал, что мясо коптили в дымоходе открытого очага или на солнце, а в некоторых случаях на небольшом огне. Для этого имелись специальные плетни (каб. – лыгъэгъу). Они укреплялись на небольшой высоте в дымоходе, и под ними разводили огонь, в который наряду с дровами подкладывали и зеленую крапиву (каб. – шыпсыранэ). Мясо, копченное дымом крапивы, сохранялось долго и не портилось. Копченое мясо хранилось на специальных плетнях, уложенных на потолочных балках, или развешанным на стенах комнат, чердаках и т.д. Нередко тушу барана (каб. – бгъуэ), освобожденную от внутренностей, коптили целиком.

Жаренное на вертеле копченое мясо с пастой (каб. – лы гъур гъэжъарэ пІастэрэ) и недосушенное мясо с пастой имели широкое распространение в питании кабардинцев» [Мамбетов 2002: 140].

Как показывают сведения из научных источников, самым распространенным способом хранения мяса у адыгов было вяление и копчение, которое тоже встречается у всех народов Северного Кавказа. О.И. Кускарова отмечала, что самый распространенный метод сушки мяса считался на сквозняке и над паром. «В отдельные периоды мясо использовалось в основном на создание зимних и военных запасов, а свежее потреблялось главным образом в культовых и ритуальных целях» [Кускарова 2022: 147].

Наиболее распространенным методом консервации мясных продуктов являлось копчение, вяление и сушение. Мясо заготавливали для длительного хранения в основном осенью. Тушу барана или крупного рогатого скота делили на большие куски, затем надрезали особым образом, тщательно солили и оставляли в какой-нибудь посуде на сутки, а затем подвергали указанным ранее методам консервации» [Кешева 2019]. Также З.М. Кешева описывала и способы заготовки для длительного хранения мяса и использовании методов консервации мясных продуктов [Кешева 2019].

В архивных полевых источниках зафиксированы сведения о том, как разделывали и засаливали мясо. Так, информатор А.К. Канкулов в 1957 г. сообщал о том, что «мясо разделывали по частям, добавляли достаточное количество соли (немного пересаливали), чтобы оно не портилось, затем складывали в корыто. На следующий день развешивали либо на солнце, либо в дымоход и там мясо вялилось до конца» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26. Паспорт 3].

Баранину сушили целой тушей или большими кусками. Мясо, готовившееся для длительного хранения, разрезали на плоские куски, солили и коптили в трубе очага над крапивным дымом, придававшим благородный запах и особенный специфический вкус.

У кабардинцев голова барана считалась самой престижной частью, которую необходимо подать в конце застолья, разделив между его участниками. Культовое значение во время застолья имела отварная баранья голова. Особое предпочтение кабардинцы отдавали вареному мясу, которое также занимало строго определенное место в застольном ритуале. В работе Хан-Гирея о ритуале

дележа бараньей головы отмечалось: «...головы бараньи помещаются на столах преимущественно для старших и старцев. Сидящие за столом подают молодым людям, стоящим за ними, куски кушанья. Есть в баране составы, которые преимущественно кладут на стол так, чтобы гостю или старшине ловчее было их достать» [Хан-Гирей 1978: 237]. З.М. Кешева отмечала, что голову барана подавали в строго определенное время, а разделывание головы сопровождалась особым ритуалом, который нельзя было нарушать [Кешева 2019].

Информацию о том, что ритуал дележа бараньей головы имеет церемониальный характер подтверждают и архивные полевые источники. Так, Информатор Х. Баксанов в 1957 г. сообщал, что «если в дом пришли гости, в знак уважения резали барана, чтобы гости узнали о том, что в их честь закололи барана. Им приносили голову барана. В таком случае голову барана ломают на две части, а голову ягненка ломают на три части...» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 50. Паспорт 3]. Кроме того, обычай разделывания бараньей головы несет в себе много разных историй. Как отмечал информатор А.К. Канкулов: «голову мелкого скота приносят к столу обычно к окончанию трапезы. Если выразиться иначе, голову как еду никогда на стол не ставили. Если голову и приносят, то не с целью трапезы, а с целью показать, что застолье подходит к концу» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26. Паспорт 3]. А.К. Канкулов также отмечал, что «голову приносят к старшему застолья, и он ее ломает. Этот обычай применим с бараньей головой. Сначала ножом надламывают и отрезают уши, и старший дает тому, кто сидит слева от него. Затем старший отламывает кончик носа и дает тому, кто сидит справа от него. Следом достает глазницу и может съесть ее сам, но может и не съесть, оставив все на столе. Вот так проводится церемония разделывания головы барана» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26. Паспорт 3]. То есть ритуал дележа бараньей головы имеет имел отчасти и магическое значение, являясь формой причащения, - отсюда перенесение культа бараньей головы в праздничное застолье. Эта процедура предусматривала определенное ритуальное речевое сопровождение.

Масло бараньего хвоста. Курдюк барана традиционно используется в пищевой системе питания кабардинцев. Курдючный бараний жир вытапливали и использовали для жарки и тушения блюд.

Курдючный жир упоминается в исторических источниках с давних времен. Об использовании масла бараньего хвоста сохранились сведения в историографических источниках. Например, Г.Х. Мамбетов отмечал, что «...курдючное сало находило широкое применение в пище кабардинцев. Оно вытапливалось и получали масло (каб. – щэ дагъэ). Из курдюка готовили особые блюда – жареный курдюк (каб. – кIапэ гъэжъа), вареный курдюк (каб. – кIапэ гъэва)...» [Мамбетов 2002: 140]. Кроме того, информатор А.К. Канкулов сообщал, что «при приготовлении различных блюд использовалось масло хвостов баранов, курдючный жир» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26. Паспорт 3].

Курдюк использовался как консервант, помогающий сохранить мясо на более длительное время в жаркое время года. В рацион мясных блюд кабардинцев входит множество мясных блюд, одно из которых либжа из баранины. В

архивных полевых материалах есть сведения, в которых информатор А.С. Канкулов сообщал, как делали жаркое из целого барана: «мясо целого барана рубят на мелкие куски, не добавляя головы, ног, печени и легких, выкладывают в казан и обжаривают, добавляя немного воды. Когда немного обжарилось, добавляют лук, перец, чабрец. Когда все вместе обжарилось и во время жарки вышло много масла, мясо перекладывают в отдельную емкость, например, в большой глиняный кувшин и ставят на длительное время» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26. Паспорт 3].

Таким образом, во время приготовления либжа из баранины, выделяется масло, которое впоследствии может служить нам как своего рода консервант. Так как готовое жаркое из баранины можно будет хранить в этом масле, в отдельной емкости.

Жарума либжа. Одним из деликатесных блюд кабардинцев является «жэрумэ» (сальтисоны), которое обладает высокой калорийностью и прекрасными вкусовыми качествами. «Жэрумэ» готовилось исключительно из баранины.

Как описывают историографические источники, в прошлом у кабардинцев существовали разнообразные способы приготовления этого блюда. Например, Г.Х. Мамбетов отмечал, что кабардинцы готовили жарума из бараньего жира, заправленного чесноком, чабрецом и солью [Мамбетов 2002: 140]. Такой фарш заворачивался в кусочки очищенной и промытой брюшины баран – требуху и перевязывали тонкими кишками. З.М. Кешева по этому поводу писала, что «особое место занимали мясные блюда, приготовленные из субпродуктов и внутренностей крупного рогатого скота. К ним относятся сальтисон (каб. – жэрумэ), ливерная колбаса (каб. – тхьэмщIыгъуныбэ), копченая или вяленая колбаса (на каб нэкуль)» [Кешева 2019].

Кроме того, в архивных полевых источниках упоминалось о способах приготовления жарумы. Информатор К.Ц. Жанатаева сообщала, что «рубец животного хорошенько промывают, затем рубец барана делят на пять равных частей. Из жира добавляют жир для кишки, делят по желанию на равные части, затем добавляют лук, перец, чабрец и соль по вкусу. Это все заворачивают в рубец и связывают. Раньше концы связывали кишками, а сейчас ниткой. Жаруму можно сразу же варить, также сушить и вялить. Из вяленой жарумы можно приготовить либжу, либо пожарить на шампуре. Когда хотят приготовить на шампуре, шампуры сначала разогревают и жарят на огне» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26].

В целом, жэрумэ либжэ считается традиционным кабардинским блюдом, кроме того, этот субпродукт полезен тем, что в нем содержится немало витаминов, а также некоторые минеральные соли.

Колбаса из печени и жира с пряностями. ТхьэмщIыгъуныбэ считалось изысканным блюдом кабардинцев и готовилось в честь приезда дорогих гостей, либо больших внутрисемейных или внутриродовых праздников. Распатроненным блюдом у кабардинцев являлась колбаса (каб. – тхьэмщIыгъуныбэ).

Г.Х. Мамбетов отмечал «...кабардинцы нередко месяцами откармливали крупный рогатый скот или мелкий скот для забоя. Такие животные давали много

мяса и жира (каб. – щэ). Жир при разделке туши срезался и использовался для приготовления различных колбасных изделий. Фарш для нее готовили из измельченной бараньей печени и сала, заправливаемых чесноком, луком, перцем, чабрецом и солью. Ими начинается сычуг барана (каб. – нэкьыщІэ). В отличие от других видов колбасы тхьэмщІыгъуныбэ не сушат и едят только в вареном виде...» [Мамбетов 2002: 141].

В 1957 г. информаторы описывали способы приготовления колбасы. Например, К.Ц. Жанатаева сообщала, что «печень и легкие варят в целом виде. Когда сварилась печень, ее делят на части и добавляют лук. Жиры добавляют столько же, сколько и печени. Если же этого мало, то добавляют и часть хвоста. Когда варят, делают дырки, чтобы пар ушел. Если так не сделать, то кишки лопнут во время варки. На стол ставят вместе с вареным мясом» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26]. Схожую деталь отмечал информатор А.К. Канкулов, что «после «осеннего забоя» оставшиеся жир, кишки и печень использовали для приготовления разных блюд. Готовили кабардинскую колбасу (каб. – *тхьэмщІыгъуныбэ*), жаруму» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26. Паспорт 3]. ТхьэмщІыгъуныбэ употребляют только в вареном виде и подают с соусом из чеснока. ТхьэмщІыгъуныбэ – это блюдо, которое высоко ценится и считается одним из главных мясных блюд в традиционной системе питания кабардинцев.

Блюда из козлятины

Мясо козы не имело почетного статуса в традиционной гастрономической культуре кабардинцев. Оно исключалось из меню гостя и поминального застолья. В 1957 г. информатор А.К. Канкулов сообщал, что «помимо барана, в «осенний забой» закалывали и козу. Мясо козы более вкусное и калорийное, чем мясо барана. Но минус в том, что козье мясо не резали для дорогих гостей, это считалось не совсем почетно, так как у козы не было курдюка, как у барана. О том, что козье мясо считалось полезнее и вкуснее говорилось даже в пословицах среди людей почтенного возраста» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26. Паспорт 3].

Следует отметить, что козье молоко и козий жир обладали целебными свойствами. Кроме того, из козьего мяса варился вкусный и полезный бульон.

Блюда из говядины

В рационе питания кабардинцев не последнее место занимает говядина. Блюда из говядины варили, жарили, сушили, тушили и т.д.

Либжа. Либжа подают как на праздничные застолья, так и на ритуальные. Блюдо готовится из небольших кусков мяса и подается в подливке. Технология приготовления подливы у всех отличается, но чаще всего основными ингредиентами остаются мука, сметана, чабрец, красный перец и чеснок. В историографических источниках нередко упоминается об этом мясном блюде. Либжа считается одним из самых распространенных блюд. Например, Г.Х. Мамбетов отмечал, что «...готовится оно из небольших кусков вареного, а потом поджаренного мяса, которое подается в подливке. Последняя готовилась из поджаренного на

масле лука, муки, сметаны, чабреца, перца, чеснока и мяса» [Мамбетов 2002: 137].

В архивных полевых материалах информаторы рассказывали о способах приготовления либжа. Так, например, информатор К.Ц. Жанатаева сообщала, что «для приготовления либжа обычно готовят мясо бедра. Таз не добавляют в либжа, это идет как отдельная часть, их просто варят...» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26]. Схожее мнение было у информатора А.А. Канукоева, который сообщал о том, что «мясо разрезают на небольшие куски и жарят на сковороде подливая немного воды. Во время жарки мяса, параллельно в этой же сковороде делают вкусную подливу с помощью муки и сметаны» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26. Паспорт 2].

В целом, либжа – это неотъемлемое мясное блюдо в традиционной пищевой культуре кабардинцев. Либжа считается самым распространенным блюдом кабардинцев и остается основным атрибутом застолья.

Блюда из мяса птицы

Мясо домашней птицы имело свою классификацию по статусу престижности. Самым престижным мясом считалась индюшати́на. Куряти́на уступала индюшати́не, несмотря на свою универсальность и частоту использования и занимало второе место. Мясо гуся и утки считались непрестижными, поэтому их использование оставалось в рамках повседневной пищи.

В историографической литературе описывается, что в питании кабардинцев издавна большое место занимает и мясо домашней птицы (кур, индеек, уток, гусей). Например, Г.Х. Мамбетов отмечал, что наибольшее распространение имеют блюда, приготовленные из курятины (каб. – джэдыл) и индюшати́ны (каб. – гуэгушыл). Курятину и индюшати́ну едят в вареном и жареном виде, готовя из них традиционные национальные блюда» [Мамбетов 2002: 142].

Если вари́ли курятину или индюшати́ну, то одновременно готовился чесночный соус (каб. – бжы́ныху шы́пс), состоящий из толченого чеснока с солью, залитого небольшим количеством мясного бульона. Чесночный соус готовили и на кислом молоке.

Распространенным национальным блюдом кабардинцев является курица с подливой – гедлибже (каб. – джэдлыбжьэ). Если гедлибже готовили из вареного мяса, то потом поджаривали на сметане, куда добавляли нарезанный лук, перец, немного муки и мясного бульона, ели с пастой» [Мамбетов 2002: 142].

Схожее описание имеется и в научных источниках. Например, Л.Ж. Ширитова, Р.М. Жилова отмечали, что «...традиционным национальным блюдом кабардинцев являлась курица с подливой – гедлибже (джэдлыбжьэ). Это блюдо готовили из мелких кусков курицы (без костей). Затем поджаривали на масле с луком и небольшим количеством муки, потом заливали бульоном и кипятили до готовности» [Ширитова, Жилова 2021: 164].

Сведения архивных полевых источников показывают, что гедлибже считалось одним из распространённых блюд у кабардинцев. Например, информатор А.К. Канкулов сообщал, что «в вареном виде, посолив, с выдавленным чесноком, курятину едят с большим удовольствием. Также, можно приготовить ее в

сметане или в сливках. К курице кабардинцы готовили пасту. У курицы самая почетная часть – это желудок (каб. – нэгъэгъу)» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26. Паспорт 3].

Особое предпочтение в своей традиционной системе питания кабардинцы отдавали блюдам из курицы. «Джэд шыпс» или «джэдлыбжьэ» (курица в соусе) основное блюдо, которое является традиционным и достойным компонентом кабардинской кухни.

В архивных полевых материалах информатор А.К. Канкулов сообщал, что «утка ценится больше, чем курица. Мясо утки варят, солят и едят с чесночной подливой. Также есть те, кто любит готовить утку в сметане, как и курицу. В утке, из ее частей больше всего ценится желудок и бедро» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26. Паспорт 3].

Гусь ценится с двух сторон: с одной стороны – это мясо, с другой стороны – это перья. Как показывают архивные полевые источники, перья гуся ценятся намного выше, чем его мясо. Так, например, информатор А.К. Канкулов сообщал, что «из всех домашних птиц, гусь считается самым нужным и полезным. Мясо гуся варят и потом разделяют по частям. Самыми почетными частями гуся являются: желудок, бедро, грудка» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26. Паспорт 3]. Информатор А.К. Канкулов сообщал, что «в традиционной пищевой культуре кабардинцев, индюшати́на из всей домашней птицы в семье считается самым ценным мясом, так как индюшати́на самая мясистая. Если ее кормить, то она быстро и хорошо набирает вес» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26. Паспорт 3].

Заключение

Таким образом, следует отметить, что в традиционной гастрономической культуре кабардинцев мясо играло основополагающую роль во всем своем многообразии. Данный аспект выражается не только в разнообразии выбора мясных блюд, а также в способах приготовления и технологиях заготовок и хранения мясных блюд. В это говорит о широком использовании баранины, говядины и мяса птицы в кабардинской кухне, а также отражены способы приготовления каждого блюда. Баранина широко использовалась в кабардинской кухне и имела статус престижности. Блюда из баранины считались излюбленными и распространенными в традиционной пищевой культуре кабардинцев. Кроме того, не последнее место в рационе питания занимала говядина. Блюда из говядины варили, жарили, сушили, тушили и т.д. Мясо домашней птицы имело свою классификацию по статусу престижности. Самым престижным мясом считалась индюшати́на. Куряти́на уступала индюшати́не, несмотря на свою универсальность и частоту использования. Также установлено, что блюда из мяса козы использовали в традиционной пищевой культуре кабардинцев, но тем не менее почетного статуса мясо козы не имело. В целом, большинство блюд имели термины на родном языке кабардинцев, а мясная пища являлась одним из маркеров их этнокультурной идентичности, отражая принадлежность к своему народу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Список источников

- Арутюнов 2 – *Арутюнов С.А.* Лекция 2. Хлеб, сыр, шашлык // Электронный ресурс. Режим доступа – https://vk.com/video3672267_456242364. (дата обращения 10.03.2024 г.)
- Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26. Паспорт 1 – Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26.
- Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26. Паспорт 2. – Информатор Канукоев Алий Асхадович, с. Лечинкай, КБАССР, дата записи – 17.08.1957 г. (возраст на момент записи – 87 лет) // Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26. Паспорт 2.
- Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26. Паспорт 3. – Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 26. Паспорт 3.
- Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 50. Паспорт 3. – Информатор Баксанов Хажмурза, с. Кызбурун КБАССР, дата записи – 29.09.1975 г. (возраст информатора на момент записи – 80 лет) // Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. № 10. Оп. 1. Ед. хр. 50. Паспорт 3.
- Студенецкая, Архив КБНИИ – *Студенецкая Е.Н.* Быт и культура кабардинского народа в XVIII-XIX вв. // Архив КБНИИ. Ф. № 10. Оп. № 5. Ед. хр. 8, 1953 г. 44 с.

Список литературы

- АБКИЕА – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов в XIII-XIX вв. / под редакцией В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 635 с.
- Адыги 2022 – Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги. – Москва: Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр «Наука», 2022. – 870 с. – (Серия «Народы и культуры»).
- Кешева 2019 – *Кешева З.М.* Национальная кухня кабардинцев как предмет брендинга // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2019. – № 2(41). – С. 54-60.
- Кускарова – *Кускарова О.И.* Этнокультурные особенности традиционной пищи адыгов // Культурное наследие народов Юга России: итоги и перспективы изучения: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 23 ноября 2022 года. – Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2022. – С. 145-149.
- Мамбетов 2002 – *Мамбетов Г.Х.* Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. – Нальчик: изд-во «Эль-фа», 2002. – 348 с.
- Пафова 1992 – *Пафова М.Ф.* Традиционная система питания адыгов (XIX-XX вв.). Автореф. дисс. канд. ист. н-к. – Москва, 1992. – 189 с.
- Хан-Гирей 1978 – *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. – Нальчик: книжное издательство «Эльбрус», 1978. – 334 с.
- Цикуниб, Езлю 2014 – *Цикуниб А.Д., Езлю Ф.Н.* Традиционная система питания адыгов: культурно-гигиенические и педагогические аспекты // Наука: комплексные проблемы. – 2014. – № 1(2). – С. 40-50.
- Ширитова, Жилова 2021 – *Ширитова Л.Ж., Жилова Р.М.* Особенности и традиции кабардинской и балкарской кухни // Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В.М. Кокова. – 2021. – № 2(32). – С. 160-166.

REFERENCES

List of sources

- ARUTYUNOV S.A. *Lektsiya 2. Khleb, syr, shashlyk* [Lecture 2. Bread, cheese, and shashlik]. In: Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa – ssylka. (data obrashcheniya 10.03.2024 g.)
- Informator Zhanataeva Kara Tsikunovna* [Informant Zhanataeva Kara Tsikunovna], s. Kishpek, KBASSR, data zapisi – 16.08.1957 g. (vozrast na moment zapisi – 71 god) // Arkhiv IGI KBNTs RAN. F. № 10. Op. 1. Ed. khr. 26. Pasport 1.
- Informator Kanukoev Alii Askhadovich* [Informant Kanukoev Aliy Askhadovich], s. Lechinkai, KBASSR, data zapisi – 17.08.1957 g. (vozrast na moment zapisi – 87 let) // Arkhiv IGI KBNTs RAN. F. № 10. Op. 1. Ed. khr. 26. Pasport 2.

Informator Kankulov Aslanbek Kerimovich [Informant Kankulov Aslanbek Kerimovich], s. Kamlyukovo, KBASSR, data zapisi – 30.08.1957 g. (vozrast na moment zapisi – 90 let) // Arkhiv IGI KBNTs RAN. F. № 10. Op. 1. Ed. khr. 26. Pasport 3.

Informator Baksanov Khazhmurza [Informant Baksanov Khazhmurza], s. Kyzburun KBASSR, data zapisi – 29.09.1975 g. (vozrast informatora na moment zapisi – 80 let) // Arkhiv IGI KBNTs RAN. F. № 10. Op. 1. Ed. khr. 50. Pasport 3.

STUDENETSKAYA E.N. *Byt i kul'tura kabardinskogo naroda v XVIII-XIX vv.* [The everyday life and culture of the Kabardian people in the 18th and 19th centuries]. In: Arkhiv KBNII. F. № 10. Op. № 5. Ed. khr. 8, 1953 g. 44 s.

List of literature

Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov v XIII-XIX vv. [The Adyghe, Balkars, and Karachays in the accounts of European authors in the 13th-19th centuries]. / pod redaktsiei V.K. Gardanova. – Nal'chik: El'brus, 1974. – 635 p. (In Russ.).

Adygi: Adygeitsy. Kabardintsy. Cherkesy. Shapsugi [Adygs: Adygeans. Kabardians. Circassians. Shapsugs]. – Moskva: Akademicheskii nauchno-izdatel'skii, proizvodstvenno-poligraficheskii i knigorasprostranitel'skii tsentr «Nauka», 2022. – 870 p. – (Seriya «Narody i kul'tury»). (In Russ.).

KESHEVA Z.M. *Natsional'naya kukhnya kabardintsev kak predmet brendirovaniya* [The national cuisine of the Kabardians as a subject of branding]. In: Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy. – 2019. – № 2(41). – P. 54-60. (In Russ.).

KUSKAROVA O.I. *Etnokul'turnye osobennosti traditsionnoi pishchi adygov* [The ethnocultural features of the traditional food of the Adyghe]. In: Kul'turnoe nasledie narodov Yuga Rossii: itogi i perspektivy izucheniya: Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Krasnodar, 23 noyabrya 2022 goda. – Krasnodar: Krasnodarskii gosudarstvennyi institut kul'tury, 2022. – P. 145-149. (In Russ.).

MAMBETOV G.KH. *Traditsionnaya kul'tura kabardintsev i balkartsev* [The traditional culture of the Kabardians and Balkars]. – Nal'chik: izd-vo «El'-fa», 2002. – 348 p. (In Russ.).

PAFOVA M.F. *Traditsionnaya sistema pitaniya adygov (XIX-XX vv.)* [The traditional food system of the Adyghe (19th-20th centuries)]. Avtoref. diss. kand. ist. n-k. – Moskva, 1992. – 189 p. (In Russ.).

KHAN-GIREI. *Zapiski o Cherkesii* [Notes on Circassia]. – Nal'chik: knizhnoe izdatel'stvo «El'brus», 1978. – 334 p. (In Russ.).

TSIKUNIB A.D., EZLYU F.N. *Traditsionnaya sistema pitaniya adygov: kul'turno-gigienicheskie i pedagogicheskie aspekty* [The Traditional Dietary System of the Adyghe People: Cultural, Hygienic, and Pedagogical Aspects]. In: Nauka: kompleksnye problemy. – 2014. – № 1(2). – P. 40-50. (In Russ.).

SHIRITOVA L.ZH., ZHILOVA R.M. *Osobennosti i traditsii kabardinskoi i balkarskoi kukhni* [Features and Traditions of Kabardian and Balkarian Cuisine]. In: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta im. V.M. Kokova. – 2021. – № 2(32). – P. 160-166. (In Russ.).

Информация об авторе

З.М. Балкарова – старший преподаватель.

Information about the author

Z.M. Balkarova – senior lecturer.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 26.06.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

Научная статья
УДК 39=512.142
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-167-188
EDN: HFTLHZ

**ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО
ИСМАИЛА АБАЕВА (ИЗМАИЛ-БЕЯ) КАК ИСТОЧНИК
ПО ЭТНОГРАФИИ БАЛКАРЦЕВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ВОЛЬНЫЙ ГОРЕЦ»)**

Муслим Исмаилович Баразбиев¹, Хаким Камилович Геграев²

^{1,2} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

¹ muslim1971@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2451-6987>

² gegra70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8470-1530>

Аннотация. В статье исследуются этнографические сюжеты в опубликованном, но ранее неисследованном литературном творчестве первого, по сути, балкарского прозаика Исмаила Кайтуковича Абаева, характеризующие различные стороны традиционного повседневного быта балкарского народа и обнаруживающие ряд схожих черт с традиционной повседневностью других народов Северного Кавказа. И.К. Абаев стал первым прозаиком из числа балкарцев, писавшим к тому же на русском языке, часть произведений которого была опубликована в печатном органе кавказских меньшевиков, – газете «Вольный горец», – а также одним из первых, а, возможно, и первым киносценаристом из числа северокавказских народов, причем в эпоху становления игрового кино как нового вида искусства. Неординарная для Северного Кавказа досоветского и раннесоветского периода личность И.К. Абаева по-прежнему остается малоизученной и не столь широко известной, как фигуры некоторых других представителей первой плеяды балкарской интеллигенции. В своих небольших рассказах, названных «эскизами», И.К. Абаев попытался охватить разные стороны традиционного быта балкарского народа: свадебные обычаи, народные игрища, хозяйственные занятия, торговые и родственные связи с соседними народами, обычаи кровной мести и аталычества. При этом часть сюжетов его рассказов помещена в определенный исторический контекст, в частности событий начала XX в., происходивших в Российской империи. Биография и творчество Исмаила Абаева дают интересный и ценный материал для исследователей-балкароведов, но при этом требуют дальнейшего, еще более глубокого изучения.

Ключевые слова: Исмаил Абаев, «Вольный горец», балкарский народ, традиционный быт, аталычество, народные игрища.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Внутреннего гранта КБГУ (Договор № 12 от 09.07.2024 г.), в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: Баразбиев М.И., Геграев Х.К. Литературное творчество Исмаила Абаева (Измаил-Бея) как источник по этнографии балкарцев (по материалам газеты «Вольный горец») // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 167-188. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-167-188. EDN: HFTLHZ.

**THE LITERARY WORK OF ISMAIL ABAYEV (IZMAIL-BEY)
AS A SOURCE FOR THE ETHNOGRAPHY OF THE BALKARIANS
(BASED ON THE MATERIALS
OF THE NEWSPAPER "VOLNY GORETS")**

Muslim I. Barazbiev¹, Khakim K. Gegrayev²

^{1,2} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

¹ muslim1971@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2451-6987>

² gegra70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8470-1530>

Abstract. The article examines ethnographic plots in the published, but previously unexplored literary works of the first, essentially, Balkar prose writer Ismail Kaitukovich Abaev, characterizing various aspects of the traditional everyday life of the Balkar people and revealing a number of similarities with the traditional everyday life of other peoples of the North Caucasus. I.K. Abaev became the first Balkar prose writer who also wrote in Russian, some of whose works were published in the printed organ of the Caucasian Mensheviks, the newspaper "Volny Gorets", and also one of the first screenwriters from among the North Caucasian peoples, and in the era of the formation of feature films as a new art form. The personality of I.K. Abaev, extraordinary for the North Caucasus of the pre-Soviet and early Soviet period, remains little studied and not as widely known as the figures of some other representatives of the first galaxy of the Balkar intelligentsia. In his short stories, called sketches, I.K. Abaev tried to cover different aspects of the traditional life of the Balkar people: wedding customs, folk games, economic activities, trade and family ties with neighboring peoples, customs of blood feud and atalychestvo. At the same time, some of the plots of his stories are placed in a certain historical context, in particular the events of the early 20th century that took place in the Russian Empire. The biography and work of Ismail Abaev provide interesting and valuable material for Balkar researchers, but at the same time require further, even more in-depth study.

Key words: Ismail Abaev, «Vol'nyj gorec», Balkar people, traditional life, atalychestvo, folk games.

Acknowledgments and funding: The study was carried out with the financial support of the KBSU Internal Grant (Contract No. 12 dated 09.07.2024), as part of the Priority 2030 program.

For citation: Barazbiev M.I., Gegrayev Kh.K. The literary work of Ismail Abayev (Izmail-Bey) as a source for the ethnography of the Balkarians (based on the materials of the newspaper "Volny gorets"). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 167-188. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-167-188. EDN: HFTLHZ.

© Barazbiev M.I., Gegrayev Kh.K., 2025

Введение

Для всех народов Северного Кавказа безусловный интерес представляет исследование жизни и творчества представителей первой плеяды национальной интеллигенции, стоявшей у истоков письменной литературы, причем создававших свои сочинения уже на русском языке, что делало их известными для более широкой публики. Особенно это относится к тем первым представителям национальной интеллигенции, которые, являясь свидетелями традиционного быта

своего и соседних народов, смогли запечатлеть некоторые его стороны в своих литературных и публицистических сочинениях, выходивших как в виде отдельных изданий, так и на страницах периодической печати Северного и Южного Кавказа. Более пристальное изучение региональной печати досоветского периода иногда позволяет выявить материалы, ранее не становившиеся предметом исследования, авторами которых как раз и являлись образованные выходцы из коренных народов Северного Кавказа. Яркий пример тому – жизнь и творчество писателя и одного из первых киносценаристов, а, возможно, и первого – выходца из среды горских народов – Исмаила Кайтуковича Абаева, представителя одного из самых известных балкарских аристократических родов. Его неординарная для Северного Кавказа досоветского и раннесоветского периода личность по-прежнему остается малоизученной и не столь широко известной, как фигуры некоторых других представителей первой плеяды балкарской интеллигенции.

Цель данного исследования – выявить этнографические сюжеты в опубликованном и ранее неисследованном литературном творчестве первого, по сути, балкарского прозаика Исмаила Абаева, характеризующие различные стороны традиционного повседневного быта балкарского народа, но, при этом, обнаруживающие ряд схожих черт с традиционной повседневностью других народов Северного Кавказа.

Источниковая и историографическая база о жизненном и творческом пути самого И.К. Абаева крайне незначительна и еще требует дальнейших изысканий. В научной публицистике, пожалуй, самым первым упоминанием о нем является статья балкарского историка, государственного и общественного деятеля Х.И. Хутуева, опубликованная в 1964 г. и не лишенная, конечно, определенных идеологических клише того времени: «У балкарцев, как и у других народов нашей страны, – писал Х.И. Хутуев, – киноискусства до Великой Октябрьской социалистической революции не существовало. Темный, забитый балкарский народ о нем не имел даже представления. Однако суровая и прекрасная природа Кабардино-Балкарии привлекла внимание не только писателей, художников, путешественников, туристов и фоторепортеров, но и киносценаристов и режиссеров. Начало этому важному делу положил сын железнодорожного машиниста балкарец Исмаил Абаев. Он написал три сценария, по которым созданы известные фильмы «Абрек Заур», «Закон гор» и «Под властью адата». В первом из них отражается борьба горцев против несправедливости царских властей. Два других фильма показывают тиранию религиозных обычаев и законов старого Кавказа. В них бичуется религиозный фанатизм, вредные предрассудки и черные следы мусульманского духовенства. Все эти фильмы для своего времени (1926-1928 гг.) были хорошими созданиями советского киноискусства и получили высокую оценку на страницах центральной печати» [Хутуев 1964: 148].

В последующие десятилетия фигура И.К. Абаева также не стала объектом специального научного исследования, но при этом отдельные штрихи его биографии, а также членов его семьи, нашли отражение в работах А.А. Здановича [Зданович 2017], М.И. Баразбиева [Баразбиев 2011], С.Н. Сафаряна [Сафарян 1988], Т.Ш. Биттировой [Биттирова 2007], Е.В. Диановой [Дианова 2024].

Основным источником для данного исследования стали номера еженедельной газеты «Вольный горец», выходившей в Тифлисе в 1919-1920 гг., в которых были напечатаны так называемые «эскизы», по сути – короткие рассказы Исмаила Абаева (Измаил-бея), представляющие для нас интерес прежде всего из-за содержащихся в них этнографических сюжетов о традиционном быте балкарцев [Измаил-бей 1920].

В процессе исследования такие **методы**, как историко-сравнительный, историко-типологический, синхронный, источниковедческого анализа архивных документов, а также опроса информантов.

Основная часть

Биографические сведения об И.К. Абаеве. Исмаил Кайтукович Абаев родился в 1886 году [Зданович 2017: 440]. Его семья принадлежала к одному из наиболее знатных феодальных родов Балкарии, практически все члены которой стали и культурной элитой балкарского народа. Дед Исмаила – *таубий* (горский князь) Асланбек Канукович был первым балкарцем, поступившим в 1834 г. на военную службу в Лейб-Гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон, осуществлявший охрану российского императора и конвойную службу при царском дворе. Через четыре года он был произведен в офицерский чин корнета и прикомандирован к Моздокскому линейному казачьему полку.

Пребывание в составе гвардейского формирования в столице Российской империи, приобщение к русской и европейской культурам оказало существенное влияние на личность князя Абаева. В первую очередь это проявилось в стремлении к приобщению собственных детей к российскому образованию и культуре. Благодаря этому, дядя Исмаила, Султанбек, поступил в Санкт-Петербургскую консерваторию в первый год ее открытия, стал известным на Кавказе музыкантом-скрипачом, первым учителем музыки из северокавказских горцев. Вместе с тем, Султанбек Абаев, так же, как и его отец, проходил службу в рядах конвоя. В 1863 г. он поступил в Лейб-Гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон оруженосцем, а в 1869 г. покинул его офицером.

Тетя Исмаила, Ханифа Абаева, стала первой балкаркой, получившей светское образование в учебном заведении для девочек имени Св. Нины в Тифлисе. Выйдя замуж в 1872 г. за известного азербайджанского общественного деятеля и просветителя Гасан-бека Меликова (Зардаби), она сыграла выдающуюся роль в развитии женского образования в Азербайджане. Известно, что уже в 1873 г. она открывает в своем доме в Баку школу, которую посещали 12 девочек, ставших впоследствии педагогами. В 1901 г. Ханифа Асланбековна добивается открытия в Баку государственной школы для девочек-мусульманок, а через три года открывается женская гимназия, начальницей которой становится именно она. В 1909 г., при содействии миллионера Гаджи Зейналбадина Тагиева, была учреждена русско-мусульманская школа, на деятельность которой бакинская интеллигенция возлагала большие надежды. И Ханифа Абаева, оставив налаженное дело и процветающую гимназию, возглавила новое учебное заведение, в котором и проработала до 1927 г. Ханифа Абаева умерла 2 мая 1929 г. Выступавший на траурном митинге тогдашний председатель азербайджанского ЦИКа Газанфар

Мусабеков по достоинству оценил вклад Ханифы Асланбековны в дело просвещения Азербайджана. В частности, он говорил: «Сегодня мы потеряли мать, воспитавшую не двух, не трех и даже не десять, а тысячи детей. Народ никогда не забудет все то доброе, что сделано ею» [Баразбиев 2011: 59, 60].

Об отце Исмаила Кайтуко известно, что он окончил полный курс обучения в Нальчикской горской школе «с очень хорошими успехами». В 1871 г. Кайтуко поступил на учебу во Владикавказское ремесленное училище. Занятия в училище вели приглашенные из Москвы опытные мастера. Один из них обучал столярному делу, а другой – слесарно-кузнечному. По-видимому, по рекомендации этих преподавателей-москвичей, руководство ремесленного училища преждевременно, не дожидаясь первого выпуска, за успехи в учебе направляет Кайтуко Абаева в Московско-Рязанское железнодорожное училище, располагавшееся в Москве, для продолжения там своего образования [Сафарян 1988: 121; УЦГА АС КБР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 43. 275-276 об.]. Кайтуко был здесь лучшим учеником и пользовался доверием преподавателей и учащихся. Об этом даже писали в областной газете «Терские ведомости»: «Абаев первый в училище и заслужил настолько доверия, что заведует училищной библиотекой» [Сафарян 1988: 121]. Окончил обучение в училище он 1876 году с присвоением звания ученый мастер, став, таким образом, первым балкарцем с техническим образованием [УЦГА АС КБР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 43. Л. 275-276 об.]. После этого Кайтуко стал работать машинистом на Донецкой железной дороге. В возрасте 36 лет он скончался от тифа [Сафарян 1988: 121]. К сожалению, мы не обладаем сведениями, на ком был женат Кайтуко Абаев, и кто был матерью Исмаила.

О самом Исмаиле сведений тоже не очень много. Генерал-лейтенант ФСБ, доктор исторических наук, специализирующийся на истории российских спецслужб, А.А. Зданович пишет, что Исмаил имел высшее образование. В 1917-1919 гг., до установления Советской власти, работал в местных национальных органах управления на Северном Кавказе. С 1920 г. Исмаил, несмотря на свое аристократическое происхождение, стал сотрудником Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). В начале 1922 г. был вызван в Контрразведывательный отдел Государственного политического управления (КРО ГПУ) и участвовал в целом ряде оперативных разработок контрреволюционных и националистических организаций, а также агентуры английской разведки [Зданович 2017: 440]. Таким образом, Исмаила Абаева можно считать не только первым балкарским сценаристом, но и первым контрразведчиком. По сведениям А.А. Здановича, Исмаил скончался после 1934 г. [Зданович 2017: 440].

Ведущий исследователь жизни и творчества карачаево-балкарских просветителей Т.Ш. Биттирова сообщает, что Исмаил Абаев был женат на родной сестре известного общественно-политического деятеля Северного Кавказа первой четверти XX в. Басията Шаханова Лидии, которая скончалась в 1921 г. Отцом Басията и Лидии был Абай Шаханов, происходивший из рода балкарских таубиев, выпускник Петербургской медико-хирургической академии и один из первых представителей, из числа народов Северного Кавказа, получивший высшее медицинское образование [Этюды о Балкарии 2007: 216-218].

На сайте «Кино-Театр.Ру» имеется информация, что Исмаил Аббаев литературным творчеством занимался с 1913 г. Там же приводятся и его творческие псевдонимы «Бек Абай» и «Иза»¹.

В кинофильмах-истернах 1920-х гг. о кавказском фронтире, к созданию которых в качестве автора сценария был причастен Исмаил Аббаев, запечатлены особенности природного ландшафта (горы, реки); объекты инфраструктуры (горные дороги, транспортные средства, архитектурные сооружения, промышленные предприятия); элементы традиционной духовной и материальной культуры этносов Кавказа (жилища, домашняя утварь, одежда; занятия; народные обряды и праздники). Визуальные образы, возникавшие во время просмотров фильмов, подкреплялись разъяснениями лекторов, которые во время бесед со зрителями сообщали им информацию о географическом положении и естественных богатствах Кавказа, занятиях и обычаях местных жителей [Дианова 2024: 216].

Еженедельная общественно-политическая и литературная газета «Вольный горец» (Тифлис, 1919-1920) начала выходить в сентябре 1919 г., объявив себя органом революционной демократии горских народов Северного Кавказа. Целью издания была борьба, с одной стороны, против добровольческой армии, с ее стремлением реставрировать "единую неделимую Россию", с другой стороны – воссоздание единого Кавказа и отрыв его от РСФСР (фактически установив над ним протекторат Турции). В течение своей недолгой издательской жизни «Вольный горец» выходил то один, то два раза в неделю. В качестве редакционной коллегии и издателя вначале выступал союзный меджлис горцев Кавказа. В дальнейшем редактором газеты являлся Ахмед Цаликов, а издателем – Совет обороны республики горцев Кавказа.

Экземпляры газеты имеются в библиотеке Тбилисского государственного университета². «Вольный горец» печатал материалы довольно разнообразной тематической направленности – не только о политической борьбе, событиях революции и Гражданской войны на Кавказе, но и о культуре и быте народов юга России. Так, в ряде номеров «Вольного горца» были опубликованы короткие рассказы (эскизы) под общим заголовком «Из недавнего прошлого Балкарии», подписанные автором под псевдонимом Измаил-бей, за которым скрывалось имя писателя, киносценариста и даже, в будущем, контрразведчика – Исмаила Кайтуковича Аббаева.

«Эскизы» Измаил-бея интересны тем, что они передают исторический контекст того времени и содержат этнографические сюжеты, относящиеся к повседневному быту балкарцев, которые, безусловно, находят свои параллели и у соседних народов, а также в сочинениях других бытописателей Северного Кавказа. Для удобства анализа тексты эскизов мы разбили на сюжеты, в которых прослеживаются те или иные этнографические мотивы.

В первом эскизе описываемые события происходят в 1905 г., когда в Российской империи и на Северном Кавказе, в частности, разворачивались бурные

¹ Измаил Абай (Бек Абай) - сценарист - биография - советские сценаристы - Кино-Театр.Ру // URL: <http://www.kino-teatr.ru/kino/screenwriter/sov/41287/bio/> (дата обращения: 14.04.2025).

² Вольный горец - Georgian Newspapers // URL: <http://www.nplg.gov.ge/paperge/en/browse/001439/set/> (дата обращения: 14.04.2025).

социальные протесты. В произведение вплетен целый ряд этнографических сюжетов из повседневной жизни балкарского народа, которые представляют несомненный интерес. Главными персонажами повествования являются молодые супруги Магомет и Джанет.

***Сюжет 1.** Магомет, ожидавший рождение первого ребенка, в один из дней, после утреннего намаза, объявил жене, что уходит на три-четыре дня. Тем самым, и об этом догадывалась жена, он исполнял одну из норм обычая избегания, когда отец не должен был быть в своем доме в момент рождения ребенка. При этом, опять же согласно адату, она не стала расспрашивать его, куда он собрался и как долго будет отсутствовать. Магомет решил воспользоваться таким предлогом и отправляется вместе с попутчиком-односельчанином во Владикавказ, в котором никогда не был, и заодно сделать там разные покупки для своих родных [Измаил-бей 1920а: 4].*

Такого рода обычай был зафиксирован у разных народов Северного Кавказа. Так, у чеченцев и ингушей женщины рожали, как правило, в доме мужа – в комнате брачной пары («уоти»), причем, муж не должен был находиться дома. «Когда женщина чувствует приближение родов, муж уезжает из дома и предоставляет ухаживать за родильницей родственницам или знакомым женщинам. Спустя некоторое время после родов, так дней через пять, муж возвращался домой и не обращал внимания ни на жену, ни на новорожденного», – отмечал один из дореволюционных авторов [Хасбулатова 2015: 60]. В тексте Измаил-бея, приведенном выше, говорится о трех-четырех днях, в течение которых Магомет намеревался отсутствовать в доме.

***Сюжет 2.** Интересно, что его попутчик ехал продавать во Владикавказ масло, что является штрихом к торговым связям балкарцев, главной хозяйственной специализацией которых традиционно являлось разведение крупного и мелкого рогатого скота с соседними народами [Измаил-бей 1920а: 4].*

С населением Северной Осетии у балкарцев существовали давние и тесные торговые связи. В осетинской народной песне «Эсе Кануков», посвященной событиям первой половины XVIII столетия, имеется указание на то, что осетины-дигорцы торговали с балкарцами зерном. Для того, чтобы попасть из Дигории в Балкарию, необходимо было следовать по короткой, но очень трудной дороге, вдоль рек Хызы-дон и Псыгансу. В начале XIX в. академик Г.-Ю. Клапрот отмечал, что осетины приобретали у своих соседей-балкарцев продукты домашнего промысла, в особенности сукно и высококачественные бурки. Помимо этого, балкаро-карачаевцы торговали с осетинами различными породами скота и, в частности, мелким рогатым скотом. В 1849 г. тагаурский феодал Хатокчуко Дударов во время пребывания в Балкарии приобрел у жителей селения Хулам Умара и Басиата Шакмановых восемьдесят овец, из которых шестьдесят были ягнятами, уплатив за них восемьдесят рублей серебром. В балкарских селениях Верхний Баксан (Урусбиево) и Верхний Чегем имелись специальные торговые точки, куда летом приезжали осетины и скупали скот. Кроме того, между осетинами и балкарцами поддерживались связи искусственного родства – аталычество и куначество [Баразбиев 2000: 15-16].

Имеется также архивный документ за 1893 г., представляющий собой письмо исполняющего обязанности Правителя Канцелярии Начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска на имя Начальника Нальчикского округа, в котором говорится, что жители Балкарского общества Измаил и Ибрагим Саракаевы пригнали для продажи во Владикавказ 56 голов рогатого скота, «причем по дошедшим до Начальника области и Наказного Атамана сведениям они рассказывали на базаре, что распродают свое имущество ввиду переселения в Турцию, лично же допрошенные его Превосходительством объяснили, что продали лишь излишний скот, как занимающиеся скотоводством и что имеют еще достаточно скота для домашних нужд и ведения этой отрасли хозяйства». Далее исполняющий обязанности Правителя Канцелярии передает в письме поручение от Начальника Терской области генерал-лейтенанта Каханова расследовать действительно ли Саракаевы продали 56 голов излишнего скота, как занимающиеся скотоводством, и не распродают уже свое имущество в ожидании переезда в Турцию, и в последующем донести Его Превосходительству, т.е. Начальнику Терской области. Как следует из последующей переписки между чиновниками разного уровня, они пришли к тому, что, как отмечал в своем донесении старшина Балкарского общества князь Анзор Айдеболов, братья Саракаевы действительно продали 56 голов скота как излишки, иначе для его прокорма зимой потребовалось бы довольно много сена [УЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 279. Л. 29-31].

Сюжет 3. Прибыв во Владикавказ, Магомет со своим попутчикам разошлись по своим делам, условившись встретиться в караван-сарае. Однако, Магомет невольно становится свидетелем разгона конными казаками революционной демонстрации, получает при этом удар нагайкой. Восприняв это как личное оскорбление, он, как и подобает горцу, пускается в погоню за обидчиком, но сзади со спины вновь получает удар, падает, ударяется о бордюр тротуара и теряет сознание. Приходит в себя в полицейском участке, и вскоре, по приговору суда, отправляется отбывать срок в Сибирь [Измаил-бей 1920а: 4].

У балкарцев про поведение мужчины в таких случаях говорили: *Эр терсликни унамаз – Мужчина не потерпит несправедливости*. Или: *Жигит киши сакъат санын эслетмез – Смелый мужчина не заметит ранения* [Карачаево-балкарские... 2005: 16, 21].

Сюжет 4. По прошествии долгого времени, родственники, потеряв надежду на то, что Магомет жив, стали убеждать Джанет повторно выйти замуж. Спустя шесть лет после пропажи мужа ее пытались снова засватать, но она отвергла возможность повторного замужества, говоря, что не пойдет на такой шаг, пока не увидит сама могилы мужа, либо кто-нибудь под присягой не подтвердит его смерть. На упреки родных, что она противится воле старших, она ответила, что исполняет долг подчинения мужу, который, уходя, сказал, что вернется. Прошло восемь лет, не одна сотня аршин шерстяной ткани была выткана Джанет [Измаил-бей 1920а: 4].

Реальные случаи из повседневной жизни балкарцев, связанные с проблемой ожидания женами своих мужей, оказавшихся, подобно Магомету, в силу ряда причин, надолго за пределами родных мест, нашли отражение в архивных

документах XIX века. Так, в апреле 1864 года балкарец из сословия таубиев Басиат Айдебулов подал прошение на имя тогдашнего начальника Терской области М.Т. Лорис-Меликова, в котором писал, что зять его Бекмурза Кучуков не более двух лет назад был сослан на каторгу, «и жена его (моя сестра) перешла жить ко мне, и ныне проживает; которую согласно ее желания и намеревался отдать замуж за другого, но родственники сосланного не дозволяют, говоря, что сосланный возвратится. Законами Августейшаго Монарха предписано, если жена сосланного пожелает с ним жить во время ссылки им дозвоительно и по возвращении не возбраняется но сестра моя вовсе не желает иметь такого мужа как сосланный, который лишен был всех прав состояния поэтому и доброго имени и по тому ни в каком случае быть женою каторжаного не желает. Ваше Превосходительство будьте благодетельны прикажите чрез кого следует, чтобы родственники сосланного пока сестра моя молода не препятствовали выдти замуж за кого пожелает, - на что и буду ожидать милостивой резолюции Вашего Превосходительства» [УЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 6. Д. 300. Л. 1, 1 об.].

В рапорте по данному делу начальника Кабардинского округа полковника Нурида на имя М.Т. Лорис-Меликова было сказано, что Туземские племена Терской области имеющие две секты (*мазхаба* – М.Б., Х.Г.): Шафия, Шариат которой позволяет женщине выйти во второй брак, если только муж ее не явится к ней в продолжение 4 лет; этой секты придерживаются Кумыки, Чеченцы и Ингуши; вторая секта Ханифи – Шариат которой воспрещает женщине выходить во второй брак, если только муж ее не развелся с ней по существующему обычаю, то она считается его женою, где бы он не был, по жизнь его, этой секты следуют Кабардинцы, Осетины и Горцы. На просьбу Айдебулова в копии препровожденной при надписи Канцелярии, от 16 прош. Августа за № 2371, я полагал бы разрешить сестре его согласно ст. 50 X т. 1-й части гражданских законов выйти во второй брак». Как видно из рапорта Нурида, ханафитский мазхаб, которого придерживались, в том числе, и балкарцы, не позволял женщине повторно выходить замуж, если она не получила развода от мужа, пусть даже он находится долго далеко от дома.

Надпись на рапорте Нурида гласила: «И.Д. Начальника Области признал возможным разрешить сестре Айдебулова вторично выйдти замуж в таком только случае если это не возбудит неудовольствия в народе, которому обещано что его религия и семейные отношения останутся неприкосновенными» [УЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 6. Д. 300. Л. 8, 8 об.]. В итоге, согласно очередному рапорту полковника Нурида на имя начальника Терской области от января 1868 года, то есть по прошествии четырех лет после подачи прошения Айдебуловым, «жена, сосланного в арестантския роты Бек-Мурзы Абаева, объявила, что не желает выходить вторично замуж и будет ожидать возвращения мужа на родину» [УЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 6. Д.300. Л. 10, 10 об.].

В последнем предложении отрывка из рассказа мы видим указание на основной род занятий балкарских женщин – изготовление сукна из шерсти (на балк. – *айырыу чепкен, сюзюк чепкен*), которое славилось далеко за пределами Балкарии. Часть сукон шла на изготовление одежды: черкесок, башлыков, часть – на продажу и обмен на фабричные товары. Выделывали шкуры, из которых

шили шубы, шапки и т.д. Наиболее трудоемкие работы, например, изготовление ковров, выполняли сообща, силами всех женщин семьи. Иногда приглашались известные мастерицы. Такой вид коллективной трудовой деятельности назывался *изеу* – взаимопомощь [Кучмезова 2003: 34].

Сюжет 5. *Началась Первая мировая война. Согласно Манифесту, были освобождены многие, в том числе Магомет. Он ни с кем не делился своей радостью, но сильно билось его сердце, когда он, спустя восемь лет вновь оказался на улицах Владикавказа, имея даже при себе деньги, которые он скопил, работая в ссылке. Владея уже русским языком, путем расспросов он смог найти улицу Краснорядскую, до которой не дошел в первый раз. Там он в торговых рядах купил для матери материал для платья, красивый кутаисский шелковый платок, а у серебряка-дагестанца приобрел кинжал и красивый мужской пояс. Так, спустя много лет исполнив задуманное, Магомет направился в сторону родных гор. По пути ему попался всадник-кабардинец, который за небольшую плату согласился подвезти его. В пути он проявляет себя как скромный немногословный горец, скупно отвечая на расспросы своего попутчика [Измаил-бей 1920а: 4].*

Как известно, излишнее многословие, особенно у мужчин, было порицаемо в горской среде. Николай Караулов в своем этнографическом очерке «Болкары на Кавказе» отмечал: «К оскорблениям балкарцы очень чувствительны (вспомним реакцию Магомета на удар плетью сзади – М.Б., Х.Г.). Ложь и пустословие у них порицается» [Далгат и др. 2009: 55)]. Как гласила балкарская мудрость, *Кёп селешген кёп жангылыр* – Много говорящий помногу ошибается [Карачаево-балкарские пословицы...2005: 66].

Под манифестом, о котором идет речь в данном сюжете рассказа, понимаются, вероятно, декларации Временного правительства, инициированные А.Ф. Керенским как министром юстиции Временного правительства, от 2 и 6 марта 1917 г., которыми он распорядился амнистировать всех политических заключенных, благодаря чему из тюрем на свободу вышли тысячи членов самых разных политических организаций, включая большевиков, эсеров и анархистов¹.

Сюжет 6. *К вечеру он доехал до своего аула и, не ускоряя шага [подчеркивает автор], направляется к своей осевшей в землю сакле. Уверенной рукой хозяина он отворяет низкую дверь сакли, входит в дом. Джанет, сидевшая за ткацким станком, услышав, что кто-то вошел в дом, встала и прошла к своему месту у очага. Магомет, молча сбросив с плеча мешок с вещами, купленными во Владикавказе, обвел саклю взглядом, посмотрел на жену и только сказал «Я пришел». Найдя на обычном месте кумган с водой, он взял его и вышел умыться с дороги. Джанет, разостлав уцелевшую скатерть, подала на нее кукурузный чурек и кусок горского сыра. Ни одного вопроса не задала она мужу, пока он утолял свой голод. И только когда, утолив свой голод, Магомет вопросительно взглянул на нее, она ушла в кунацкую, разбудила сына и вышла с ним к отцу, проронив только: «Его зовут – Измаил». Окинув взглядом мальчика, Магомет ответил: «Пусть идет спать. Разбери то, что я принес», и указал жене на мешок с*

¹ О мобилизации заключенных в Первую мировую войну рассказали в архиве – Родина // URL: <https://rodina-history.ru/2024/07/31/o-mobilizacii-zakliuchennyh-v-pervuiu-mirovuiu-voynu-rasskazali-v-arhive.html> (дата обращения: 01.06.2025).

покупками, за которыми он вышел из родной сакли восемь лет назад [Измаил-бей 1920a: 4].

И здесь мы видим следованию обычаю, по которому жена не спрашивала мужа, куда и зачем он идет, если он не считал нужным сказать об этом. Она должна была только собрать мужа в дорогу и верно ждать его возвращения. По этому поводу у балкарцев говорили: *Ахшы къатын эрине ууакъ-тюек сормаз* – *Хорошая жена не будет доносить мужа расспросами* [Ёзден адет 2001: 89].

А что касается кукурузного чурека и куска горского сыра, поданных женой Магомету, то на неприхотливость балкарцев в пище указывали бытописатели их традиционного быта: «Ежедневная пища горца, – писал Е. Баранов, – очень проста и состоит из *киржинов*, пресных ячменных лепешек, выпеченных в горячей золе, козьего сыра и *айрана*, напиток из кислого молока, мясо же бывает не каждый день на обеденном столе горца» [Макаров Т. и др. 2009: 22].

Второй Эскиз. Во втором Эскизе Измаил-бея под названием «Во власти адата» продолжается тема супружеской верности в традиционном горском обществе. Рассказ начинается с описания «тоя» (*той*, с балкарского – свадьба, празднество) – выдачи замуж дочери Кайтука, красавицы Фатимат, за молодого мужа Меджидида.

Каждый вечер, следуя адату, невеста, одетая в кованую парчу, на высоких, привязанных к ногам деревянных подставках, у очага своей разубранной сакли, ждет мужа. Он же, тоже следуя адату, должен тайком, глубокой ночью прийти к ней, и задолго до зари также незаметно скрыться, чтобы утром вновь оказаться в кругу своих друзей, показывая тем самым, что ласки жены несколько его не изменили и ему по-прежнему дороги его конь и молодецкие набеги. При этом жена его каждый вечер, при полном наряде, стоя у очага, должна дожидаться его. И будет стыдно, если муж застанет ее спящей. Четыре дня уже длился «той», а Меджид так и не наведлся к своей жене. Темной ночью прискакал гонец с тревожной вестью о том, что враг напал на соседний аул и разграбил его. Тут же Меджид с товарищами вихрем помчались на подмогу. Горячая схватка перешла в многомесячный далекий поход. Уже часть всадников вернулась домой, но Меджид не думал вернуться, пока не затихнет звон оружия. Иначе люди скажут, что он оставил поле брани ради молодой жены: «Так велит адат». Уже заканчивался седьмой месяц войны, Меджид все не возвращался, а его жена по-прежнему каждый вечер ждала его у очага с приготовленным ужином. Темной безлунной ночью за дверью сакли послышался топот копыт, дверь широко распахнулась и люди, снявшие за порогом все свое оружие, внесли завернутого в бурку мертвого Меджидида. Без стоны, без слез, в полном костюме невесты, поклоном встретила Фатимат своего мужа [Измаил-бей 1920b: 4].

В приведенном отрывке обращает на себя внимание такой элемент традиционной женской одежды, как обувь на высоких, привязанных к ногам деревянных подставках, известная в Европе как *чопины*, в кабардинской – *пхъэвакъэ*, в карачаево-балкарской среде – *агъач аякъ кийим* [Султанова 2016: 96]. Такой тип обуви выполнял одновременно и утилитарную функцию, позволяя избежать

загрязнения подола женского платья, и статусную, являясь маркером принадлежности женщины к феодальной среде [Студенецкая 1989: 55].

Что касается упомянутого в сюжете обычая тайного посещения мужем своей жены, пока идет свадебный пир, которого так и не успел исполнить Меджид, то мы находим упоминание и о нем у бытописателей традиционного балкарского общества. В частности, Б.А. Ланге в своих заметках «Балкария и балкарцы» отмечал: «По приезде невесты он [жених] не показывается ей и не участвует в брачном пире. Больше того, он в течение более или менее продолжительного времени может видаться со своей женой только тайком и живет с нею не у себя дома, а у одного из наиболее близких своих приятелей, с которым после этого у него устанавливаются такие же отношения родства, как и с воспитателем (аталыком), и который называется *болушем*» (балк. – *болуш юй*, в переводе – дом-прибежище; М.Б., Х.Г.) [Макаров Т. и др. 2009: 57].

Третий эскиз. В третьем эскизе Измаил-бея из серии «Во власти адата» рассказывается об избавлении от кровной мести с помощью обряда усыновления. *Вначале автор описывает пейзаж, в который помещает белоснежную вершину Кошкотау, вековые сосны на склонах ущелья, неудержимое течение реки Баксан. Далее появляется фигура всадника, над которым нависла угроза кровной мести из-за убийства им, в пылу неожиданно возникшей ссоры, Темира, а затем, уже при защите своей жизни, его брата Солтана. Причем, отцы этих молодых людей были дружны между собой. Виновник трагедии пытался заплатить какой угодно выкуп за пролитую кровь, но другая сторона отвергла это. Знал он, что мать погибших братьев сама «заседлала коня» последнему сыну, который вместе с двоюродными и молочными братьями поклялся не возвращаться в аул, пока не отомстит.*

Кровной вражде, по замыслу автора, предшествовала большая любовь скрывающегося от мести парня к девушке Сювер – сестре убитых братьев. Погруженный в тяжелые думы о разрушенных мечтах, убийца услышал топот копыт своих преследователей и бросился вскачь от погони. Проскочив поворот в свой аул, поскольку дорогу туда отрезала вторая группа преследователей, он поскакал по дороге, ведущей в аул его врагов, чтобы достигнуть сакли своей возлюбленной, в которой не раз бывал гостем. Уже будучи раненым выстрелом в плечо, он достигает дверей знакомой сакли, спешивается с коня, врывается в дом, в котором находит мать убитых им братьев, успевает схватить ее за руки и поцеловать в грудь. Женщина тихо освободила руку и прикрыла концом головного платка прильнувшую к ее груди голову парня. В этот момент в дом, обнажив шапки, ворвались преследователи. Но, увидев женщину, прикрывшую платком и рукой голову парня, замерли на месте. Она промолвила:

– Вот новый брат ваш.

Так была окончена вражда. «Мимо раскрытых дверей тихо промелькнула фигурка стройной Сювер» - заканчивает свой рассказ Измаил-бей [Измаил-бей 2020с: 4].

Сюжет о женской груди как о своего рода обереге, прикосновение к которой является гарантией безопасности для героя, попавшего в опасную для его жизни ситуацию, является во многом архетипичным. Так, например, в одном из

сказаний карачаево-балкарского варианта нартского эпоса о том, как нарт Алауган женился на Эмегенше, говорится, что, войдя в огромный дом Эмегенши, Алауган сразу бросился к ее грудям, которые она забрасывала за спину, и приложился к ним, тем самым обеспечив себе неприкосновенность. По обычаю, великанша вынуждена была его усыновить, о чем сообщила вернувшимся вскоре своим сыновьям. Последним ничего не оставалось делать, как признать данный факт. После чего Алауган обратился к ним с просьбой отдать за него их сестру и, пройдя ряд испытаний, получил на это согласие братьев-эмегенов [Нарты 1994: 403-404].

Похожий сюжет, когда женская грудь становится спасительным прибежищем от мести, встречается в «Сказаниях о братьях Ешаноковых», опубликованном кабардинским просветителем Талибом Кашежевым (1866-1931). В одном из сказаний говорится о том, как братья Кефишевы, спасаясь от мести со стороны Ешаноковых, «прибегли к народному кабардинскому средству: в отсутствие братьев, они явились к ним в дом и, бросившись к их старушке-матери, стали по очереди сосать ее грудь, объявив при этом: «Мы уже теперь такие же твои сыновья, как Уозырмес и Темиркан». Когда братья Уозырмес и Темиркан вернулись вечером с охоты, мать рассказала им о случившемся и попросила относиться к Кефишевым как к родным братьям. «Это нам очень неприятно – сказал старший сын – но что же делать? Своей рукою мы теперь мстить не можем»¹.

В четвертом эскизе Измаил-бея из серии «Во власти адата» рассказывается о воспитании балкарца в Черкесии по обычаю аталычества. Начинается рассказ с рождения сына у Мисоста.

***Сюжет 1.** Со всех пяти ущелий Балкарии, с Карачая и Сванетии съехались гости на веселый той. Не потухали уже четвертый день огни, на которых жарилась и варилась пища и радовался Мисост обилию гостей [Измаил-бей 2020d: 3-4].*

По поводу связей балкарцев со Сванетией и другими историческими областями Грузии первый балкарский историк Мисост Абаев в своем историческом очерке «Балкария» писал, что балкарцы издавна имели сношения с Грузией, Имеретией, получая оттуда материи, железо, соль, фрукты и т.п., а сами взамен этого отправляли туда разный скот, овечью шерсть, шерстяные изделия – черкески, бурки, войлоки и т.п. При этом он отмечал и столкновения, происходившие между собственно Балкарским обществом и жителями грузинской области Рача, а также между Балкарией и Вольной Сванетией. «Только княжеская Сванетия, - утверждал М. Абаев - имея сношения с Балкарией через ближайшее Баксанское («Урусбиевское») общество, находилась всегда в дружбе, и князья ее связались родством с таубиями посредством браков» [Биттирова, Сабанчиев 2017: 50-51].

Действительно, между карачаево-балкарцами и сванами существовали давние и многообразные связи, чему способствовали и этногенетическое родство, и близкое соседство (сваны граничили с карачаево-балкарцами с юга), что нашло отражение в фольклорных текстах этих народов, в архивных материалах, трудах

¹ Кабардинские сказки - Обычное право (адаты) / URL: <https://lab-adat.ru/?p=382> (дата обращения: 12.06.20250).

авторов досоветского периода. В 1959 г. на Научной сессии, посвященной проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов, с докладом о сванско-балкарских этнокультурных взаимоотношениях выступили А.И. Робакидзе и Р.Л. Харадзе [Робакидзе, Харадзе: 135-152]. В 1978 г. была защищена диссертация Т.Ш. Мибчуани на соискание ученой степени кандидата исторических наук, посвященная этнокультурным связям горцев Грузии (сванов) с балкарцами и карачаевцами [Мибчуани 1978].

Сюжет 2. *За два дня до рождения сына к Мисосту заезжал гость с Кубани. По адату, Богом посланного гостя просили дать имя новорожденному и в память присутствия гостя в этот радостный день, решено было отдать сына к аталыкам на Кубань. Тем самым семья новорожденного желала сблизиться с черкесским народом, а также учитывала близость с пограничной линией русских, что в будущем давало возможность молодому человеку проявить свои мужество и отвагу* [Измаил-бей 2020d: 3-4].

У балкарцев, как и у других кавказских народов, бытовал институт аталычества, т.е. обычай отдавать детей на воспитание в чужую семью, поэтому многие дети из привилегированных сословий вырастали в семьях своих аталыков (воспитателей) как в самой Балкарии, так и в Кабарде, Осетии, Карачае и т.д. Оценку результатов воспитания, усвоения этических норм давало общество, которое и само, в свою очередь, влияло на формирование личности [Кучмезова 2003: 30]. В приведенном отрывке из рассказа Измаил-бея речь идет даже о кубанских черкесах. О значении, которое придавалось выбору аталыка, говорит балкарская пословица: *Аталыкъны сайлай бил, сайласанг а сыйлай бил - Умей правильно выбрать аталыка, а если выбрал, то умей оказать ему почет и уважение* [Ёзден адет 2001: 91].

На примере бытования обычая аталычества у черкесов Хан-Гирей в своем сочинении «Записки о Черкесии» писал: «Не видно в Черкесии примера, чтобы дети человека значительного воспитывались в родительском доме, под надзором родителей, напротив того, по рождении младенца немедленно отдают его на воспитание в чужие руки, т.е. в руки человека, избранного в дядьки. Этот избранный нередко приезжает еще до рождения младенца в дом того, которого получил согласие взять на воспитание будущее его дитя, и там ждет разрешения от бремени матери будущего своего воспитанника, после чего, сделав приличное торжество в доме родителей, возвращается к себе с новорожденным младенцем, который под его попечением воспитывается до совершенного возраста» [Хан-Гирей 1992: 260].

Сюжет 3. *По адату сын не мог вернуться от своих воспитателей, пока не прославит свое имя в боях и тем самым не заслужит право быть принятым в свой род. Как про себя надеялся Мисост, пребывание сына на Кубани сократит срок разлуки с ним, поскольку именно там есть возможность рано проявить свою удаль и получить признание у людей. По совету гостя выбрали простую, бедную семью, чтобы мальчик закалился в суровых условиях и связал узы искусственного родства не со знатной, княжеской семьей. Этого требовал адат* [Измаил-бей 2020d: 3-4].

Хан-Гирей в упомянутом сочинении «Записки о Черкесии» писал о роли аталыка: «Воспитатель, или аталык прилагает свои попечения о том, чтобы его

воспитанник был ловок, учтив в обхождении с старшими, а с младшими – соблюдал приличие своего звания, равно как неумомим в верховой езде и искусен в употреблении оружия. Аталыки ездят с ними в отдаленные племена, чтобы приобрести вновь вступающему на стезю наездничества друзей и знакомых. Когда же воспитанник придет в совершенный возраст, то воспитатель возвращает его в дом родителя с торжеством, состоящим в том, что аталык с своим семейством, в сопровождении своих родственников и друзей, с арбами, наполненными яствами и напитками, является в дом родителей своего воспитанника, которого в этот день богато одевают и вооружают блестящими доспехами. Тут открывается семидневное пиршество: игры, забавы и пляски сменяются одна другою... По окончании торжества отец воспитанника щедро дарит воспитателя и тех, кто с ним, которые были приглашены этим последним. После этого они возвращаются в свои дома» [Хан-Гирей 1992: 261-262].

Сюжет 4. *Стали дожидаться приезда аталыков и готовиться к их торжественной встрече. Пока же празднество было в разгаре. Танцы, лихая джигитовка, игра в мяч, в которой принимал участие весь аул, разделенный на две партии и вооруженный длинными палками со слегка загнутыми концами. Каждая партия старалась загнать кожаный мяч в свой лагерь. Эта излюбленная игра велась ночью при свете ряда громадных костров пешими, днем ее вели всадники, загонявшие иногда мяч далеко от аула. По страстности, проявляемой играющими, особенно верховыми, эпизоды игры походили на боевые схватки и были случаи, хотя и редкие, когда кто-нибудь из играющих погибал под копытами лошадей. Но такие случаи не вызывали кровомщения, поскольку считались посланными судьбой* [Измаил-бей 2020d: 3-4].

О похожем народном игрище, некоем аналоге поло (балк. *гулоч оюн*), существовавшем у балкарцев, рассказывают и наши информанты. Например, в с. Нижний Чегем, на одном из горных плато, молодые парни, поделенные на команды, в темное время, сидя верхом на лошадях, с помощью палок с загнутым концом (балк. *гулоч таякъ*) гоняли мяч, сделанный, по одним данным, из шишковидного нароста на стволах деревьев (балк. – *бокъур*), по другим – из древесного гриба, который поджигался для лучшей видимости в темноте и большего зрелищного эффекта. Также существовал и пеший вариант, аналог хоккея на траве, о котором нам рассказал информант из п. Терскол¹.

Саид Отаров (1903-1975) – балкарский поэт, один из основоположников национальной литературы советского периода, известный собиратель родного фольклора, детство которого пришлось на дореволюционную эпоху, в своем поэтнографически замечательном стихотворении «*Бурунгу сабий оюнла*» (в переводе: «Старинные детские игры» – Б.М., Г.Х.), вспоминая различные игры, в которые он играл со сверстниками в детстве (*ашыкъ оюн* – игра в альчики; *хайнух оюн* – игра с волчком; *тутуш* – борьба; *илишаннга атыу* – попадание в цель в виде сооружения из камня; «*аймыса, кюнмюсе*» («Ты Луна или Солнце?») –

¹ Информация записана со слов профессора КБГУ Муссы Бахаутдиновича Кетенчиева (1963 г.р., КБР, с. Нижний Чегем), который слышал ее от своего школьного учителя Малкарова Исмаила Аскеровича (1915 г.р., КБР, с. Нижний Чегем), а также со слов Эльмезова Абдулкерима Мукаевича (1960 г.р., КБР, п. Эльбрус), который слышал ее от своего отца Эльмезова Мукая Дагитовича (1896 г.р., КБР, п. Эльбрус).

перетягивание палки друг у друга; *чюйке уруу* – попадание в катушку; *бёрк алыу* – поднятие шапки зубами с земли, изогнувшись мостиком, и др.), упоминает и *гулоч оюн*:

*Гулоч бла тобну уруб,
Жокку болуб кьуууучек,
Басынышыб сермеигенде,
Инчикни уруучек...*¹

*Ударив клюшкой по мячу,
Сбившись в кучку, гоняли его,
Толкаясь в борьбе,
Попадая (друг другу) по лодыжкам...*
(Подстрочный перевод наш – Б.М., Г.Х.).

Молодежь развлекалась метанием каменных ядер и стрельбой в цель. Победитель получал какую-то незамысловатую награду. Так день за днем аул веселился уже около недели на тое Мисоста [Измаил-бей 2020d: 3-4].

В карачаево-балкарской этнографии известно большое количество разнообразных народных игр. Упомянутые в тексте Измаил-бея метание каменных ядер известно как *кьол таш (имбаиш таш)* [Таумурзаев 1998: 10-12], а стрельба в цель – *илишан атыу* [Там же: 30-32].

Сюжет 5. *Наконец в аул Мисоста прибыли с Кубани аталыки, чтобы принять новорожденного. Мисост богато их одарил, и после прощального пира гости покинули аул. До самой Кубани хватило уехавшим разговоров про гостеприимство и щедрые подарки Мисоста. Достигнув своего аула, приемный отец Ибрагима (так звали младенца) взял его из рук матери, вошел в саклю, где сидел старейшина рода, и со словами: «Вот сын мой и дома моего» – положил ребенка к ногам старика на землю. Старик поднялся и благословил дитя. С этого мгновения сын Мисоста, из далекой Балкарии, был связан узами родства со всей принявшей его на воспитание черкесской фамилией [Измаил-бей 2020d: 3-4].*

Мисост Абаев, рассуждая о причинах распространения аталычества среди самих балкарцев, писал: «Чтобы спасти себя от нападений балкарцев (здесь: жителей собственно Балкарского общества (Малкъара) – М.Б., Х.Г.), таубии других обществ поспешили сродниться с балкарскими таубиями путем совершения браков, а простые роды тех обществ прибегали под покровительство балкарских таубиев: становясь их эмчеками (молочными родственниками – М.Б., Х.Г.), платя им за это известную дань и воспитывая их детей. В последнем случае они делались «аталыками» таубиев, что означает воспитатель, и это было основано на обычае или, правильнее, на понятии, по которому для жен таубиев считалось стыдом кормить своих детей грудью и с 1-го же дня рождения детей отдавали на воспитание – кормление в дом своих подчиненных, где имелись женщины с новорожденными детьми, эти-то кормилицы считались «аталыками»; это

¹ Отаров Саид. Тепло весны / На балк.яз. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1968. – С. 34-36 (76 с.).

аталычество не успело еще и теперь выйти из моды окончательно... И сейчас есть еще живые балкарские таубии, кормилицами, т.е. аталыками которых были кабардинцы и осетины, много и других данных, говорящих о значительном влиянии балкарских таубиев...» [Биттирова Сабанчиев 2017: 65-66]. Здесь надо отметить, что термин «аталык» по смыслу был больше применим к воспитателям мужского пола (балкарское и общетюркское *ата* – отец, соответственно *аталык* – выполнение роли отца – М.Б., Х.Г.), женщину-кормилицу на балкарском называли *эмчек ана* – молочная мать.

Сюжет 6. Прошли года. Ибрагим рос в сакле аталыка со своими молочными братьями. Иногда он слышал рассказы об адатах своей родины, мечтая вернуться к своей кровной родне. Но это было возможно только после обретения статуса воина. Ибрагим уже успел поучаствовать в своем первом походе. Нужно было, чтобы горячо им любимый приемный отец мог с гордостью сказать родному отцу: «Вот сын твой, которого возвращаю тебе» [Измаил-бей 2020d: 3-4].

Как видно из текста, Ибрагим должен был пройти своего рода инициацию через участие в первом бою, доказав тем самым свою мужскую зрелость. По поводу того, что мужчина познается в испытаниях, балкарская пословица гласит: *Окъ садакъсыз атылмаз, эр сынаусуз танылмаз* – Стрела не выстрелит без лука, мужество не проявится без испытания [Карачаево-балкарские...2005: 19].

Сюжет 7. В первых боях рядом с Ибрагимом были его приемный отец и молочные братья. Но спустя время, возмужав, он сам стал признанным военным вождем, снискав славу у черкесов. Песни о подвигах Ибрагима докатились до Балкарии и его отца, который услышал песню о подвигах сына из уст народного певца. Мисост был горд за него, но никак не выдал внешне своей радости. Все чаще и чаще народная молва доносила до аулов Балкарии вести о подвигах Ибрагима, пока не пришло известие, что он тяжело ранен. Раны были тяжелые, выздоровления не наступало, и решено было отвезти Ибрагима в родной аул, в надежде, что в своих горах здоровье пойдет на поправку. При въезде в аул сопровождавших Ибрагима людей торжественно встретил старейший из рода Мисоста. Адат не давал возможности вести сына к отцу прежде, чем он будет принят старшим из своего рода. Несмотря на немоющее состояние здоровья Ибрагима, в доме устроили пир в честь прибытия аталыков. Старшие рода, понимая, что Ибрагим не оправится от ран, послали к отцу сказать, что он может навестить его. Тем самым они делали исключение из правил адата, согласно которым отец не должен первым навещать сына. Мисост не пришел. Наступил смертный час Ибрагима. Снова послали к отцу сказать: «Иди, сын умирает». Не выдержало сердце Мисоста и он пошел. Над головой тяжело больного Ибрагима, от одной стены к другой, как это было принято в таких случаях у горцев, была протянута туго натянутая веревка, с помощью которой можно было приподниматься или поворачиваться на бок. Возле Ибрагима угрюмо стояли его молочные братья. Когда он доживал последние мгновения своей жизни, в саклю вошел его аталык и сказал: «Отец идет». Умирающий Ибрагим рванулся было, чтобы встать при отце, схватившись последним усилием воли за веревку, протянутую над ним, но так и застыл на ней мертвым. Мисост молча

отвернулся от трупа своего сына и лишь промолвив: «Хороший был сын» - вышел из сакли. Два дня со спокойным лицом чествовал своих гостей Мисост, глубоко в себе затаив горе. Богато он одарил аталыков за примерное воспитание сына и вместе с ними выехал на Кубань с целью мщения, как можно понять из образного финала рассказа: «Ярким заревом озарились хутора и станицы. И, пока не подошла пехота, пока не заговорили в защиту русских поселений пушки, до тех пор правилась тризна по Ибрагиму» [Измаил-бей 2020d: 3-4].

Подобную историю, но на адыгском материале, приводит С.Х. Мафедзев: «Как известно, в прошлом детей знати адыгов воспитывали в "чужом доме", у аталыка, и они росли с рождения до совершеннолетия, не видя своих родителей. Один такой воспитанник был тяжело ранен. Перед смертью он попросил, чтобы хотя бы один раз ему показали родного отца. Об этом сообщили последнему, и он приехал в дом, где лежал умирающий сын. *Адыгэ хабзэ* (здесь и далее курсив наш – М.Б., Х.Г.) не позволяло, как уже сказано, ни сидеть, ни лежать при отце. Поэтому раненный встал при помощи других с постели и встретил своего отца, как и надлежало, стоя. Он стоял, друзья поддерживали его, а отец сидел и смотрел на умирающего сына. Но недолго это продолжалось. Отец встал и сказал: "Я не посмотрелся на своего несчастного сына, но все же я вынужден уйти, ибо стоять ему тяжело, а лечь при мне он не смеет". Отец ушел, а сын тут же упал и умер. Наверное, это жестоко в современном нашем понимании, но таковы были требования *адыгэ хабзэ*, таково было понятие о чести» [Мафедзев С.Х. Культурно-исторический журнал «Адыги»].

Заключение

Таковы основные этнографические сюжеты, выявленные нами в произведениях малой прозы Исмаила (Измаил-бея) Абаева, в которых содержится интересный материал о традиционном семейном и общественном быте балкарского народа, свидетелем которых был и сам автор, живший в конце XIX – первой трети XX в., когда во всем государстве в целом и в горских обществах Северного Кавказа, в частности, происходил слом старого уклада и наступление совершенно новой эпохи. Свидетельством тому – биография самого Исмаила Абаева, ставшего первым прозаиком из числа балкарцев, писавшим к тому же на русском языке, часть произведений которого была опубликована в печатном органе кавказских меньшевиков, – газете «Вольный горец», – а также одним из первых, если не самым первым, киносценаристов из числа северокавказских народов, причем в эпоху становления игрового кино как нового вида искусства.

В своих небольших рассказах, названных эскизами, И.К. Абаев попытался охватить разные стороны традиционного быта балкарского народа: свадебные обычаи, народные игрища, хозяйственные занятия, торговые и родственные связи с соседними народами, обычаи кровной мести и аталычества. При этом часть сюжетов его рассказов помещена в определенный исторический контекст, в частности событий начала XX в., происходивших в Российской империи.

Таким образом, уверенно можно сказать, что биография и творчество Исмаила Абаева дают интересный и ценный материал для исследователей-балкароведов, но, при этом, требуют дальнейшего, еще более глубокого изучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Баразбиев 2000 – *Баразбиев М.И.* Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX века. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 112 с.

Баразбиев 2011 – *Баразбиев М.И.* Карачаево-балкарские аристократы – ветераны Собственного Его Императорского Величества Конвоя // «Нам Богом и Царем дарованная честь...». К 200-летию Собственного Его Императорского Величества Конвоя / Материалы VII Международных Дворянских чтений (12-13 ноября 2011 г.). – Краснодар, 2011. – С. 59-60.

Биттирова, Сабанчиев 2017 – *Биттирова Т.Ш., Сабанчиев Х.-М.А.* Мисост Абаев: историк, публицист, общественный деятель. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2017. – 224 с.

Далгат и др. 2009 – *Далгат Б.* Поездка к Чегемским ледникам / П. Стеблинский. Путешествие в Балкарию / Н.А. Караулов. Болкары на Кавказе. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. – 56 с.

Дианова 2024 – *Дианова Е.В.* Советские истерны/остерны 1920-х годов: приключенческие фильмы о Кавказском фронтире // Журнал Фронтирных Исследований. – 2024. – № 3. – С. 200-225.

Ёзден адет 2001 – *Ёзден адет.* Этический кодекс аланского (карачаево-балкарского) народа / Сост. и перевод Махти Джуртубаева. – Нальчик: Б.и., 2001. – 281 с.

Зданович 2017 – *Зданович А.А.* Польский крест советской контрразведки. Польская линия в работе ВЧК-НКВД. 1919-1938. – М., 2017. – 498 с.

Измаил-бей 1920a – *Измаил-бей.* Из недавнего прошлого Балкарии // Газ. «Вольный горец». – 1920. – № 39 (7 июня 1920 года). – С. 4.

Измаил-бей 1920b – *Измаил-бей.* Во власти адата // Газ. «Вольный горец». – 1920. – № 41(21 июня). – С. 4.

Измаил-бей 1920c – *Измаил-бей.* Во власти адата // Газ. «Вольный горец». – 1920. – № 42 (28 июня). – С. 4.

Измаил-бей 1920d – *Измаил-бей.* Во власти адата // Газ. «Вольный горец». – 1920. – № 63 (22 ноября). – С. 3-4.

Карачаево-балкарские...2005 – *Карачаево-балкарские* пословицы и поговорки / Сост. Х.Ч. Джуртубаев. – Нальчик: Эльбрус, 2005 – 192 с.

Кучмезова 2003 – *Кучмезова М. Ч.* Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. – Нальчик: Эль-фа, 2003. – 210 с.

Макаров и др. 2009 – *Макаров Т.* Татарское племя на Кавказе / Е. Баранов. Поездка в Урусбиевское общество горских татар. Очерки из жизни горских татар Кабарды / Б.А. Ланге. Балкария и балкарцы. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. – 60 с. (Карачай и Балкария: Страницы прошлого).

Мафедзев 1991 – *Мафедзев С.Х.* О национальном самосознании: на примере адыгов // Адыги. Культурно-исторический журнал. – 1991. – № 1. – С. 120-129.

Мибчуани 1978 – *Мибчуани Т.Ш.* Этнокультурные связи горцев Грузии (сванов) с балкарцами и карачаевцами (по историко-этнографическим материалам). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук: 07.00.07. – Тбилиси, 1978. – 24 с.

Нарты 1994 – *Нарты.* Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М.: Наука: Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – 656 с.

Робакидзе, Харадзе 1960 – *Робакидзе А.И. и Харадзе Р.Л.* К вопросу о сванско-балкарских этнокультурных взаимоотношениях // Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22–26 июня 1959 г.). – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1960. – С. 135-153.

Сафарян 1988 – *Сафарян С.Н.* Султан-Бек Абаев. – Нальчик: Эльбрус, 1988 – 152 с.

Студенецкая 1989 – *Студенецкая Е.Н.* Одежда народов Северного Кавказа. XVIII – XX вв. – М.: Наука, 1989. – 288 с.

Султанова 2016 – *Султанова А.М.* Орнаментальный декор в традиционном искусстве карачаевцев и балкарцев. – Нальчик: Эльбрус, 2016. – 120 с.

Таумурзаев, Байрамкулов 1998 – *Таумурзаев Д.М., Байрамкулов Х.К.* Карачаево-балкарские народные игры (на балкарском языке). – Нальчик: Эльбрус, 1998. – 208 с.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. – Нальчик.

УЦГА РСО-А – Управление Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания. – Владикавказ.

Хан-Гирей 1992 – *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 352 с.

Хасбулатова 2015 – *Хасбулатова З.И.* Традиционная культура воспитания детей у чеченцев. Диссертация... доктора исторических наук. – Москва, 2015. – 426 с.

Хутуев 1964 – *Хутуев Х.И.* К истории литературы и искусства балкарского народа // Ученые записки КБНИИ. – Том XX. – Серия филологическая. – Нальчик, 1964. – С. 121-158.

Этюды о Балкарии 2007 - *Этюды о Балкарии*: Урусбиевы, Мисост Абаев, Басият Шаханов / Сост., ст. об авторах, прим. и коммент. Т.Ш. Биттировой. – Нальчик: Эльбрус, 2007. – 403 с.

REFERENCEC

BARAZBIEV M.I. *Etnokulturnie svyazi balkarsev i karachaevev s narodami Kavkaza v XVIII – nachale XX veka* [Ethnic and cultural ties of the Balkars and Karachais with the peoples of the Caucasus in the 18th – early 20th century]. – Nalchik: Elbrus, 2000. – 112 p. (In Russ.).

BARAZBIEV M.I. *Karachaevo-balkarskie aristokrati – veterani Sobstvennogo Ego Imperatorskogo Velichestva Konvoya* [Karachay-Balkar aristocrats – veterans of His Imperial Majesty's Own Convoy]. In: «Nam Bogom i Sarem darovannaya chest...». K 200-letiyu Sobstvennogo Ego Imperatorskogo Velichestva Konvoya / Materiali VII Mejdunarodnix Dvoryanskix chteniy (12-13 noyabrya 2011 g.). – Krasnodar, 2011. – P. 59, 60. (In Russ.).

BITTIROVA T.SH., SABANCHIEV X.-M.A. *Misost Abaev: istorik, publisist, obshestvenniy deyatel* [Misost Abaev: historian, publicist, public figure]. – Nalchik: ООО «PECHATNIY DVOR», 2017. – 224 p. (In Russ.).

DALGAT B. *Poezdka k Chegemskim lednikam* [A trip to the Chegem glaciers]. / P. Steblinskiy. Puteshestvie v Balkariyu / N.A. Karaulov. Bolkari na Kavkaze. – Nalchik: Izdatelstvo M. i V. Kottlyarovix, 2009. – 56 p. (In Russ.).

DIANOVA E.V. *Sovetskie isterni/osterni 1920-x godov: priklyuchenchieskie filmi o Kavkazskom frontire* [Soviet istern/ostern of the 1920s: adventure films about the Caucasian frontier]. In: Jurnal Frontirnix Issledovaniy. – 2024. - № 3. – P. 200-225. (In Russ.).

Yozden adet. Eticheskiy kodeks alanskogo (karachaevo-balkarskogo) naroda [Ethical Code of the Alan (Karachay-Balkar) People] / Sost. i perevod Maxti Djurtubaeva. – Nalchik: B.i., 2001. – 281 p. (In Russ.).

ZDANOVICH A.A. *Polskiy krest sovetsoy kontrrazvedki. Polskaya liniya v rabote VChK-NKVD. 1919-1938* [The Polish Cross of Soviet Counterintelligence. The Polish Line in the Work of the Cheka-NKVD. 1919-1938]. – M., 2017. – 498 p. (In Russ.).

IZMAIL-BEY. *Iz nedavnego proshlogo Balkarii* [From the Recent Past of Balkaria]. In: Gaz. «Volniy gores». – 1920. - № 39 (7 iyunya 1920 goda). – P. 4. (In Russ.).

IZMAIL-BEY. *Vo vlasti adata* [In the Power of Adat]. In: Gaz. «Volniy gores». – 1920. - № 41(21 iyunya). - S. 4. (In Russ.).

IZMAIL-BEY. *Vo vlasti adata* [In the Power of Adat]. In: Gaz. «Volniy gores». – 1920. - № 42 (28 iyunya). - S. 4. (In Russ.).

IZMAIL-BEY. *Vo vlasti adata* [In the Power of Adat]. In: Gaz. «Volniy gores». – 1920. - № 63 (22 noyabrya). - S. 3-4. (In Russ.).

Karachaevo-balkarskie poslovisi i pogovorki [Karachay-Balkar proverbs and sayings] / Sost. X.Ch. Djurtubaev. – Nalchik: Elbrus, 2005 – 192 p. (In Russ.).

KUCHMEZOVA M.Ch. *Sosionormativnaya kultura balkarsev: tradisii i sovremennost* [Sociocultural culture of the Balkars: traditions and modernity]. – Nalchik: El-fa, 2003. – 210 p. (In Russ.).

MAKAROV T. *Tatarskoe plemya na Kavkaze* [The Tatar tribe in the Caucasus] / E. Baranov. Poezdka v Urusbievskoe obshestvo gorskix tatar. Ocherki iz jizni gorskix tatar Kabardi / B.A. Lange. Balkariya i balkarsi. – Nalchik: Izdatelstvo M. i V. Kotlyarovix, 2009. – 60 s. (Karachay i Balkariya: Stranisi proshlogo). (In Russ.).

MAFEDZEV S.X. *O natsionalnom samosoznanii: na primere adigov* [On national identity: the example of the Adyghe]. In: Adigi. Kulturno-istoricheskij jurnal. – 1991. - № 1. – P. 120-129. (In Russ.).

MIBCHUANI T.SH. *Etnokulturnie svyazi gorsev Gruzii (svanov) s balkarsami i karachaevsami (po istoriko-etnograficheskim materialam)* [Ethnocultural ties of the Georgian highlanders (Svan) with the Balkars and Karachais (based on historical and ethnographic materials)]. Avtoref. dis. na soisk. uchen. step. kand. ist. nauk : 07.00.07. – Tbilisi, 1978. (In Russ.).

Narti. Geroicheskiy epos balkarsev i karachaevev [М]. – М.: Nauka: Izdatelskaya firma «Vostochnaya literatura», 1994. – 656 p. (In Russ.).

ROBAKIDZE A.I. i XARADZE R.L. *K voprosu o svansko-balkarskix etnokulturnix vzaimootnosheniyax* [On the issue of the Svan-Balkar ethno-cultural relations]. In: Materiali nauchnoy sessii po probleme proisxozhdeniya balkarskogo i karachaevskogo narodov (22 – 26 iyunya 1959 g.). – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatelstvo, 1960. – P. 135-153. (In Russ.).

SAFARYAN S.N. *Sultan-Bek Abaev* [Sultan-Bek Abaev]. – Nalchik: Elbrus, 1988 – 152 p. (In Russ.).

STUDENESKAYA E.N. *Odejda narodov Severnogo Kavkaza. XVIII – XX vv.* [Clothes of the Peoples of the North Caucasus]. – М.: Nauka, 1989. – 288 p. (In Russ.).

SULTANOVA A.M. *Ornamentalniy dekor v traditsionnom iskusstve karachaevev i balkarsev* [Ornamentation in the Traditional Art of the Karachais and Balkars]. – Nalchik: Elbrus, 2016. - 120 p. (In Russ.).

TAUMURZAEV D.M., BAYRAMKULOV X.K. *Karachaevo-balkarskie narodnie igri (na balkarskom yazike)* [Karachay-Balkar Folk Games (in the Balkar Language)]. – Nalchik: Elbrus, 1998. – 208 p. (In Russ.).

USGA AS KBR – *Upravlenie Sentralnogo gosudarstvennogo arxiva Arxivnoy sluzhbi Kabardino-Balkarskoy Respubliki* [Management of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. – Nalchik. (In Russ.).

USGA RSO-A – *Upravlenie Sentralnogo gosudarstvennogo arxiva Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya.* – Vladikavkaz [Management of the Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. (In Russ.).

XAN-GIREY. *Zapiski o Cherkessii* [Notes on Circassia]. – Nalchik: Elbrus, 1992. – 352 p. (In Russ.).

XASBULATOVA Z.I. *Traditsionnaya kultura vospitaniya detey u chechensev* [Traditional Chechen culture of raising children]. *Dissertatsiya...doktora istoricheskix nauk.* – Moskva, 2015. – 426 p. (In Russ.).

XUTUEV X.I. *K istorii literaturi i iskusstva balkarskogo naroda* [To the history of literature and art of the Balkar people]. In: Uchenie zapiski KBNII. Tom XX. Seriya filologicheskaya. – Nalchik, 1964. – P. 121-158. (In Russ.).

Etyudi o Balkarii: Urusbievi, Misost Abaev, Basiyat Shaxanov [Studies on Balkaria: Urusbievs, Misost Abaev, Basiyat Shakhonov2] / Sost., st. ob avtorax, prim. i komment. T.Sh. Bittirovoy. – Nalchik: Elbrus, 2007. – 403 p. (In Russ.).

Информация об авторах

М.И. Баразбиев – кандидат исторических наук, доцент.

Х.К. Геграев – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

M.I. Barazbiev – Candidate of Sciences (History), associate professor.

Kh.K. Gegrayev – Candidate of Sciences (History), associate professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.05.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 13.05.2025 г.; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

ОСОБЕННОСТИ СВАДЕБНОГО АВТОДЕКОРА В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Макка Султан-Гиреевна Албогачиева¹, Нателла Владимировна Джемакулова²

¹ Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия, albmac@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9746-1820>

² Кабардино-Балкарский научный центр РАН Нальчик, Российская Федерация, Нальчик, Россия, natella8620@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1966-9440>

Аннотация. В 2020-х годах в Карачаево-Черкесии возникли фирмы, специализирующиеся на свадебном автодекоре. В социальных сетях и на интернет-платформах стали появляться объявления о различных новых для региона видах оформления свадебных кортежей. В данной статье мы рассмотрим особенности свадебного автодекора, а также изменения, которые произошли в оформлении автомобилей в последние годы. Автодекор свадебных кортежей – это важный элемент современной свадебной обрядности, который отражает не только эстетические предпочтения молодоженов, но и в некоторых случаях культурные традиции региона. Свадебный автодекор рассматривается с позиции семиотического подхода, выполняющего маркирующую роль. На основании исследований зарубежных и отечественных исследователей, а также полевых материалов, собранных авторами, удалось охарактеризовать современный автодекор как маркер национальной идентичности. В начале статьи дается небольшой исторический экскурс, позволяющий показать, как в прошлые исторические периоды проходила свадебная процессия и что для нее было характерно; как менялся декор свадебного поезда под влиянием государственной политики и как современное общество через свадебный автодекор показывает национальную идентичность.

Потребность в самоидентификации у большей части общества существовала всегда, поскольку Карачаево-Черкесия проживает представители разных наций. В таком многонациональном субъекте у многих молодоженов возникало желание подчеркнуть свою национальную принадлежность, и в последние годы это стало очень актуально и важно для большей части брачующихся. Важно подчеркнуть, что мы в данной статье рассматриваем только такие маркеры, которые были использованы при оформлении корпуса машины. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что автомобиль выступает как средство, маркирующее национальную идентичность брачующейся пары.

Ключевые слова: автодекор, свадебный поезд, этнический маркер, абазины, карачаевцы, ногайцы, черкесы

Благодарности и финансирование: Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Коренные малочисленные народы: обновление этничности» по Программе научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности, 2023–2025 гг. (рук. А.В. Головнёв).

Для цитирования: Албогачиева М.С.-Г., Джемакулова Н.В. Особенности свадебного автодекора в Карачаево-Черкесии // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 189-204. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-189-204. EDN: HNLGXM.

Original article

FEATURES OF WEDDING AUTO DECOR IN THE KARACHAY-CHERKESSIA

M.S.-G. Albogachieva¹, N.V. Dzhemakulova²

¹ Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, albmac@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9746-1820>

² Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences Nalchik, Russian Federation, Nalchik, Russia, natella8620@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1966-9440>

Abstract. In the 2020s, companies specializing in wedding car decoration appeared in Karachay-Cherkessia. Announcements regarding new wedding motorcade designs in the region began to surface on social media and internet sites. In this article, we will look at the features of wedding car decoration, as well as the changes that have occurred in the design of cars in recent years. The auto-decoration of wedding motorcades is an important element of modern wedding rituals, which reflects not only the aesthetic preferences of the newlyweds but also, in some cases, the cultural traditions of the region. The wedding decor is considered from the perspective of a semiotic approach that performs a marking role. Based on the research of foreign and domestic researchers, as well as field materials collected by the authors, it was possible to characterize the modern car decor as a marker of national identity. At the beginning of the article, a small historical digression is given, which allows us to show how in the past historical periods.

The need for self-identification has always existed among the majority of society, since Karachay-Cherkessia is home to five titular nations. In such a multinational entity, many newlyweds had a desire to emphasize their national identity, and in recent years, this has become very relevant and important for most of the married couple. It is essential to note that in this article, we only address markers used in the design of the machine body. Based on the findings, we may conclude that the automobile serves to signify the married couple's national identity.

Keywords: avtodekor, wedding train, ethnic marker, Abaza, Karachai, Nogai, Circassians

Acknowledgements and funding: The article was prepared as part of the work on the project "Indigenous peoples: the renewal of ethnicity" under the Program of scientific research related to the study of the ethnic and cultural diversity of Russian society and aimed at strengthening the national identity, 2023-2025 (directed by A.V. Golovnev).

For citation: Albogachieva M.S.-G., Dzhemakulova N.V. Features of wedding auto decor in the Karachay-Cherkessia. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 189-204. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-189-204. EDN: HNLGXM.

© Albogachieva M.S.-G., Dzhemakulova N.V., 2025

Введение

Свадебные традиции, существующие в различных обществах, отражают локальные особенности жителей того или иного региона. Наше исследовательское внимание привлёк декор свадебных кортежей, существующий в последние

десятилетия в Карачаево-Черкесии. Статья посвящена исследованию новых аспектов демонстрации идентичности в контексте свадебного автодекора и отражает тенденции и стремление местного сообщества акцентировать внимание на национальной идентичности. Тема автодекора привлекает многих современных исследователей, которые рассматривают автомобиль как маркер идентичности / идентичностей в контексте этничности. Это работы зарубежных исследователей Alam Y. [Alam 2018], Edensor T. [Edensor 2004], Sheller M., Urry J. [Sheller, Urry 2000], отечественных исследователей А.Д. Исаханян [Исаханян 2016], Д.Ф. Мищенко [Мищенко 2015], Т.Б. Щепанской [Щепанская 2017], В.В. Медведева [Медведев 2019]; некоторые элементы автодекора нашли отражение в статьях региональных исследователей, таких как Р. Сефербеков [Сефербеков 2019], М.К. Мусаева [Мусаева 2018], Л.З. Кунижева [Кунижева 2024], Э.П. Бакаева [Бакаева 2020] и др.

В основу данной статьи легли опубликованные источники и полевые материалы, собранные в различных населенных пунктах Карачаево-Черкесии в 2022–2025 гг. При написании статьи были использованы принципы структурно-семиотического метода, позволяющие сделать своего рода реконструкцию этого малоизученного явления. В данной статье автомобиль рассматривается как семиотический значимый объект, а его декорации позволяют увидеть знаковую систему, с помощью которой осуществляется производство, хранение и передача информации. «Через знаковое пространство культура моделирует сознание человека и представление его о мире» [Семиотика 2001: 12].

Этническая культура народов Кавказа переживает последствия модернизационного развития и глобальных процессов, произошедших в обществе на разных этапах исторического развития оказавших существенное воздействие на систему региональных идентичностей. Как справедливо отмечает А.В. Головнев, общество подвержено постоянным изменениям, которые разворачиваются «в двух измерениях – как изучение динамики этничности и как запись схем-сценариев мобильности разных народов. В этнодинамике пристального внимания заслуживают варианты дрейфа этничности, баланса и чередования устойчивости (традиций) и изменчивости (новаций). Нередко этнокультурные традиции уживаются с технологическими новациями и даже выступают их опорой или трамплином» [Головнев 2018: 12]. В данном случае именно таким образом и происходят изменения этничности, с которыми мы имеем дело в настоящее время. Мы видим, этнокультурные изменения коснулись всех обрядов жизненного цикла. В данном исследовании не будут рассмотрены этапы свадебной обрядности, касающиеся сватовства, смотрин, помолвки и этапов свадьбы. Наш акцент сделан на свадебном поезде, который отправляется из дома жениха за невестой.

Обряды и традиции, связанные с проведением свадеб, имеют глубокие исторические корни, и многие действия, как в процессе подготовки, так и в сам день торжества, обладают символическим значением. Одним из таких традиционных элементов является подготовка и проведение «свадебного поезда», который в настоящее время стал свадебным кортежем.

«История зародилась еще во времена Древнего Рима, когда жених на свадебной колеснице приезжал к дому невесты. Таким образом, жених показывал свой статус и уровень своего благосостояния. По поверьям это помогало отгонять нечистую силу, желающую разрушить счастье молодых. Чтобы усилить этот эффект, уже тогда стали украшать колесницы оберегами, издающими громкие и звонкие звуки. В Древней Руси тоже существовал свадебный кортеж, но тогда он состоял из повозок с лошадьми, украшенными цветами, разноцветными ленточками, звенящими бубенцами. Он курсировал по деревне, перевозя подарки для выкупа невесты, приданое, свадебных гостей и оповещая ее жителей о празднике. Его передвижение всегда сопровождалось шумом, музыкой, разудалым свистом, веселыми песнями, задорными частушками, вовлекая всех жителей деревни в праздничную круговерт. Традиционно шум свадебного кортежа должен разогнать нечистую силу от негативных помыслов завидующих людей»¹.

Во все времена невеста на свадьбе была особой персоной, для которой создавались специальные условия, отличающие ее статус и положение в обществе. Так, например, в Индии невесты добирались к месту торжества на слонах, в Китае невест с комфортом несли в паланкинах, в странах Ближнего Востока – доставляли на скакунах. На Руси существовал свадебный проезд зимой на сани, летом на телегах, украшенных колокольчиками и лентами. На Кавказе за невестой отправляли свадебную процессию, в которой были различные средства передвижения – бедарка, фазтон, линейка, подвода, тачанка. Все зависело от финансового благосостояния брачующихся и родственников. Так, у абазин было принято ехать за невестой группе всадников, которые устраивали джигитовку, показывая свою удаль и смелость. «За невестой ездили шумной, весёлой компанией на тачанках, молодые люди – верхом на лошадях. Невесту увозили под традиционную песню «Оридада» [Кунижева 2024:154]. У различных народов Кавказа существовали свои свадебные традиции, отличающие их от соседних народов. В начале XX в. транспорт украшали всевозможными элементами декора, создавая атмосферу праздника и отражая статус невесты и ее семьи. Свадебный поезд оформлялся с учетом национальных традиций конкретного народа. С появлением и использованием в свадебном поезде машин изменились и свадебная обрядность, и декорирование автомобиля.

Автомобильный декор свадебного кортежа

Автодекор стал неотъемлемой частью свадебной процессии. Т.Б. Щепанская, уделяющая декору автомобиля особое внимание, отмечает, как связаны маркеры на внешней поверхности автомобиля с функцией его как средства передвижения, с самим процессом движения? [Исхакян 2016: 296] Этот тезис лег в основу и данного исследования.

Начиная с 1950-х годов автомобили стали неизменными атрибутами свадьбы.

По словам информантов, *«иногда даже грузовики ГАЗ-51 украшали лентами для свадебных торжеств и использовали в качестве основного автомобиля, на котором ехали за невестой. В более поздний период за невестой отправляли автобус, в который сажали всех*

1 Свадебный кортеж: история, традиции и современная организация обряда | Остров невест [дата обращения: 12.10.2024]. Доступ по ссылке: <https://ostrov-nevest.ru/blog/item/1046-Svadebnyy-kortegh-istoriya-tradicii-i-sovre>

желающих, украшали различными лентами и цветами. Но уже в 1980-х и 1990-х годах популярными свадебными автомобилями стали отечественные «Запорожцы», «Жигули», «Волги». Особым предметом роскоши и достатка считался автомобиль «Чайка». В последние десятилетия стали заказывать лимузины Chrysler, Cadillac Escalade, Linkoln, Mercedes и др. Все зависит от вкуса и финансовых возможностей заказчика»¹.

Все вышеизложенное в одинаковой мере подходит к свадебным кортежам в целом, но региональная особенность автодекора несет в себе элементы национального колорита. Автомобиль является не только средством передвижения, но и в некотором роде этническим маркером.

Отметим, что Карачаево-Черкесия является поликонфессиональной и многонациональной республикой, а автодекор позволяет узнать, свадьба представителя какой нации сегодня отмечается.

Автомобили украшали цветами, бантами, лентами, куклами. Заимствована эта традиция была в местной среде и имела широкое бытование в 1970–1980-х годах. Возможно, этот обычай зародился в местном обществе под влиянием советских фильмов, где появлялись кадры со свадебными кортежами, богато украшенными и декорированными куклами на капоте машины.

«Куклой на капоте в свадебных кортежах Карачаево-Черкесской Республики украшали главную машину, в которой находилась невеста. На капот автомобиля сажали красивых кукол, наряженных в белые платья и фату. Эти куклы символизировали невесту и служили визуальным знаком для окружающих, что в этом автомобиле находится невеста»².

Здесь же отметим, что, если наряд купленной куклы не изменяли, не представлялось возможным сделать четкой идентификации брачующейся пары. Поэтому большая часть людей предпочитала перешивать наряд куклы, одевая ее в свой национальный наряд.

Так, например *«украшение автомобилей к свадьбам, хотя и не являлось строго ногойской традицией в том виде, в котором она существовала, также имела свои особенности. В дополнение к платкам, на капоте свадебного автомобиля часто размещалась кукла, облаченная в свадебное платье. Этот обычай, скорее всего, заимствован из более широкого свадебного фольклора, приобретал в ногойской среде свои уникальные черты. Например, кукла могла быть одета в традиционное национальное платье, сшитое специально для этого случая. Это символизировало благословение на новую семейную жизнь, желание счастья и процветания молодой паре. В памяти навсегда сохранилась свадебная церемония моего дяди, где специально для этого случая было пошито великолепное национальное платье для куклы, сидевшей на капоте машины. Это был трогательный и запоминающийся момент. С течением времени некоторые традиции начали исчезать из нашего обихода»³.*

Шили наряды для кукол на автомобиль близкие родственницы невесты.

1 ПМА 2024 Информант Куначева Ф.А. 1983 г. Карачаевск

2 ПМА 2023 Информант Экзекова Ф.М. 1939 г. р. Черкесск.

3 ПМА 2025 Информант Керейтова (Сикалиева) М.А., 1965 г.р.; Зинеева З.З., 1970, а. Эркен-Шахар, Ногойский район.

«Мы покупали куклу и шили по ее меркам национальный абазинский костюм из самых дорогих и красивых тканей. Кукла до свадьбы хранилась у невесты, а в день свадьбы ее отдавали для оформления декора машины, на которой она уедет в дом жениха. Как правило, кукла хранилась в их доме как символ их брака»¹.

Со слов другого информанта стало известно, что *«в тех случаях, когда у семьи не было возможности купить красивую куклу или невеста хотела самодельную куклу, они ее изготавливали по национальным традициям и одевали в свадебный наряд, характерный для своего народа, тем самым подчеркивая свою национальную принадлежность»².*

Как нам кажется, такая ситуация была достаточно частой, ведь в тот период в магазинах было мало красивых кукол, а жителям отдаленных сел было сложно и часто очень накладно покупать дорогие куклы, тогда как они могли ее изготовить самостоятельно. Куклы на капотах автомобилей не только являлись украшением машин, но и символизировали продолжение рода. Здесь же подчеркнем, что практика оформления машины двумя куклами нами не обнаружена ни в полевых материалах, ни в литературных источниках. Возможно, это связано с тем, что в обществе не было широко распространено совместное участие жениха и невесты в свадебном торжестве. Известный кавказовед Я.С. Смирнова отмечала, что обязательным компонентом свадебного обряда было более или менее выраженное скрывание жениха и невесты, новобрачного и новобрачной, особенно строгое по отношению к старшим родственникам и свойственникам и в целом к лицам старшей возрастной группы [Смирнова 1998: 137].

Но под влиянием модернизационных процессов и культурно-бытовых преобразований в семье и обществе эта практика постепенно стала изживаться.

Л. Кунижева отмечает, «что в послевоенные 50-е годы традиционный свадебный обряд намного упростился. Именно с этого периода наблюдается отход от традиционных форм сватовства, свадебного церемониала. Молодые люди наиболее активно проявляют личную инициативу в выборе брачного партнера. 1960-е годы характеризуются также, как и по всей стране, внедрением в быт комсомольских свадеб. Положительным моментом стало то, что молодые получили возможность активно участвовать в своей собственной свадьбе, хотя под активностью понимается довольно ограниченное понятие. В эти годы схема традиционной свадьбы в основном еще сохранялась. Но на торжественную регистрацию молодые приезжали вместе. Регистрацию брака производили в их присутствии, а в дальнейшем молодые находились вместе со всеми на так называемой комсомольской свадьбе» [Кунижева 2024: 74].

Комсомольские свадьбы получили более широкое признание в обществе. Это привело к тому, что жених, а нередко и невеста отказывались скрываться и становились более или менее активными участниками собственной свадьбы [Смирнова 1998: 137]. Они сами участвовали в выборе оформления для свадебного кортежа и проведении свадьбы.

1 ПМА 2022 Информант Экзекова Ф.М. 1939.г. р. Черкесск.

2 ПМА 2024 Информант Борокова Л.М. 1961. Черкесск.

Рис. 1. Куклы на свадебном автомобиле¹

Как справедливо отмечает известный кавказовед Н.А. Нефляшева, «взаимодействие традиций и власти проявилось на государственном, социальном, семейном и индивидуальном уровнях. В структуре государственных органов формировались подразделения, специализировавшиеся на исследовании существующих и внедрении новых традиций» [Нефляшева 1996: 8]. Новые праздники, обряды и ритуалы стали своего рода рупором новой культуры, призванной распространять в местном обществе новые культурные ценности, не свойственные данному обществу. Эти процессы носили жесткий административный характер, привнося чужеродные обряды в местную среду, меняя мировоззрение людей, особенно молодого поколения. Такой подход позволял отторгать элементы традиционной культуры и заменять их на типичные для всей страны обряды и праздники. Их стандартизация и распространение имели под собой цель унифицировать все национальные праздники под единый образец, характерный для всего советского общества. Многие из задуманного было реализовано и претворено в жизнь. Обычаи и традиции сильно изменились в указанный период.

При чтении статьи Л.З. Кунижевой «Новые обряды на селе» создается впечатление, что это протокол, отступление от которого недопустимо. Весь алгоритм свадебной обрядности в деталях расписан, в том числе и свадебный кортеж.

«Оставляет желать лучшего и атрибутика свадебного кортежа. До сих пор свадебный кортеж оформляется довольно стереотипно: это колонна автомашин количеством 8–10 и более, украшенных шелковыми платками, отрезами дорогой ткани, шейными платками, шарами и пр. На капоте главной машины еще и обязательная кукла в «свадебном» уборе. На наш взгляд, из всей колонны необходимо выделить только головную машину, в которой едут молодые. Общепринятая символика скромного оформления у нас по стране имеется. Значительная часть населения охотно приняла ее. Надо добиваться, чтобы она стала всеобщей. Члены обрядовых комиссий должны каждодневной требовательностью добиваться от населения общепринятой культуры быта, интересной и разумной ее организации» [Кунижева 2024: 78].

¹ Куклы невесты на свадебном автомобиле [дата обращения: 12.12.2024]. Доступ по ссылке: https://babiki.ru/blog/kulturnoe-nasledie/164269.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F

Указанные нововведения постепенно укоренились в местном обществе, нарушив старый запрет, связанный с обычаем избегания, с совместным участием жениха и невесты на свадебном торжестве.

Но так или иначе в настоящее время процесс модернизации свадебной обрядности идет полным ходом.

Если мы видим причины того, почему в обществе появились свадебные куклы-невесты, но не появились свадебные пары жениха и невесты, то появление нового декора не всегда объяснимо. С середины 1980-х использование кукол на капоте утратило свою актуальность, и на смену им пришёл другой элемент декора. Это произошло после распада СССР, который характеризуется «взрывом этничности», в изменяющихся условиях этническая идентичность стала наиболее востребованной, доступной и актуальной формой консолидации общества. Оформление машин, номеров, кузовов стало содержать этнические маркеры. Не остались в стороне и салоны, специализирующиеся на автомобильном декоре. Так, например, абазины, черкесы, ногойцы стали декорировать автомобили тканями и платками.

По словам нашего информанта, *«главный элемент свадебного автодекора – «казбалы» – величественные платки, зачастую саржевые, облаченные в роскошную бахромку. Их использование носило глубокий символический смысл, выходящий далеко за пределы простого украшения. Размер и качество ткани подчеркивали состоятельность и социальное положение владельца. Казбалы, торжественно крепившиеся на капот автомобиля, создавали эффектную композицию, отсылая к богатому культурному наследию ногойского народа. Эти платки, часто передававшиеся из поколения в поколение, становились семейными реликвиями, носителями истории и памяти.*

На боковые зеркала автомобиля неизменно привязывались меньшие платки – по одному на каждое зеркало. Это был неписанный кодекс, определяющий статус молодоженов и их уважение к традициям. Аккуратность завязывания платков говорила о внимательности к деталям, о бережном отношении к обычаям предков. Мы, дети, с упоением наблюдали за этим процессом, впитывая культурные ценности вместе с пылью дорог свадебного кортежа.

Однако с течением времени, под влиянием урбанизации и изменения жизненных приоритетов, традиция украшать автомобили платками претерпела значительную трансформацию. Казбалы стали встречаться реже, нередко перемещаясь на внутреннее зеркало переднего вида. Это явление можно истолковать не только как усталость от безукоризненного следования ритуалам, но и как естественное стремление скупно беречь платок от утрат, возникающих в процессе движения. Превращение этой древней традиции в современное использование стало символом времени, где старые обряды адаптируются к новым реалиям. В этом слиянии прошлого и настоящего сохраняется дух яркости и индивидуальности, который когда-то наполнял улицы, и хотя платок может больше не сверкать на капоте, всё еще приносит нотки культуры и истории на повседневные маршруты»¹.

У абазин близкие родственницы и подруги невесты собирали красивые косынки, которые привязывались к ручкам автомобилей. Это было не просто украшение, но и символ единства и поддержки со стороны родных. Каждая косынка имела свою историю, и девушки с гордостью наряжали машины, создавая уникальный стиль кортежа. На капоты натягивали красивые ткани, популярны были

1 Информант Керейтова (Сикалиева) М.А., 1965 г.р.; З.З. Зинсеева. 1970, г., а. Эркен-Шахар, Ногойский район.

большие шелковые косынки с длинной бахромой разных цветов. В прошлом у абазин и черкесов существовала традиция связывать судьбу молодых людей через платок.

«Считалось большим удалством, если во время свадьбы всадник с джигитовки проник в дом, где происходило празднество. За проявленную смелость мать жениха дарила всаднику халву в небольшой тарелочке, свадебный флаг или шелковый платок (льодан)» [Кунижева 2024: 171].

Получив подарок, всадник выезжал со двора и отдавал платок понравившейся ему девушке. Этот жест выражал молчаливое объяснение в любви. Возврат к прошлым традициям своего народа укреплял основы национальной идентичности. У карачаевцев традиционно клали ковры на крышу автомобиля, показывая свое благосостояние.

«Не принято скрывать достаток, и поэтому это просто одна из традиций, как, например, после свадьбы дарить ковры гостям. Да, это такая традиция, которую мы сохраняли еще до недавних времен. Каждый ковер остается у владельца автомобиля, на котором крепился. На самой красивой машине везут невесту и на этой машине самый яркий и дорогой ковер»¹.

Таким образом этносы пытались вернуться к своим забытым традициям и вводили их заново в свадебную обрядность. Например, в абазинском обществе есть женсоветы, которые разрабатывают и внедряют новые формы деятельности, направленные на сохранение исторической памяти, обычаев, традиций и вообще традиционной культуры абазин. Можно упомянуть, например, организацию цикла лекций под общим названием «Семейные традиции и обычаи абазин», ориентированных на девушек, стоящих на пороге брака [Джемакулова 2024: 172]. Подобные практики есть и у других народ КЧР, женщины всегда занимали важные позиции в вопросах сохранения национальных традиций и обычаев народа, они сохраняли и передавали их своим потомкам.

Но в настоящее время происходит модернизация обрядовой практики, связанной со свадебным автодекором. Появились различные фирмы, специализирующиеся на организации свадеб.

Объявления во всех социальных сетях и мессенджерах позволяют легко находить такие салоны. Они предлагают различные услуги: например, прокат автонаряда «Горец» и «Горянка» для свадебного кортежа из 60 машин. Автонаряды с резинками, натягиваются на капот авто, которые ничего не царапают.

1 Свадебные традиции Карачаево-Черкесии. [Дата обращения: 10.12.2024]. Доступ по ссылке: <https://freedom.livejournal.com/1702435.html?ysclid=m6aves7m4z132366237>

Рис. 2. Автонаряд – «Горец» и «Горянка»¹

Процесс украшения автомобилей стал проще и доступнее. Свадебный кортеж оформляется имитацией костюмов горца и горянки. Автокостюмы горца надевали на машины со стороны жениха, автокостюмы горянки – со стороны невесты. Чехлы типа «Горец» украшены газырями, а общий фон может быть любого цвета – в зависимости от желания заказчика. Чехлы на автомобили невесты украшали нагрудником и поясом. Машины свадебного картежа одинаково оформлялись с учетом пожеланий брачующейся пары. Несмотря на широкое бытование этого модного свадебного тренда, он долго не просуществовал в обществе. Нельзя сказать, что он полностью вышел из употребления, но он не так сильно распространен среди молодоженов. Вместе с тем в настоящее время участились случаи оформления машин только этническими флагами. Эта практика стала особенно актуальной среди молодежи, вызывая чувство патриотизма и придавая процессии уникальный национальный колорит. Современная молодежь предпочитает использовать флаги, символизирующие национальную принадлежность пары. Этот элемент декора не только подчеркивает идентичность молодоженов, но и создает атмосферу праздника, наполняя свадебное торжество духом единства и гордости за свою национальную культуру.

¹ Аренда свадебных украшений авто [Дата обращения: 12.12.2024]. Доступ по ссылке: https://www.avito.ru/cherkessk/predlozheniya_uslug/arenda_svadebnyh_ukrasheniy_avto_3498317739?ysclid=m695j9jn4p700697575

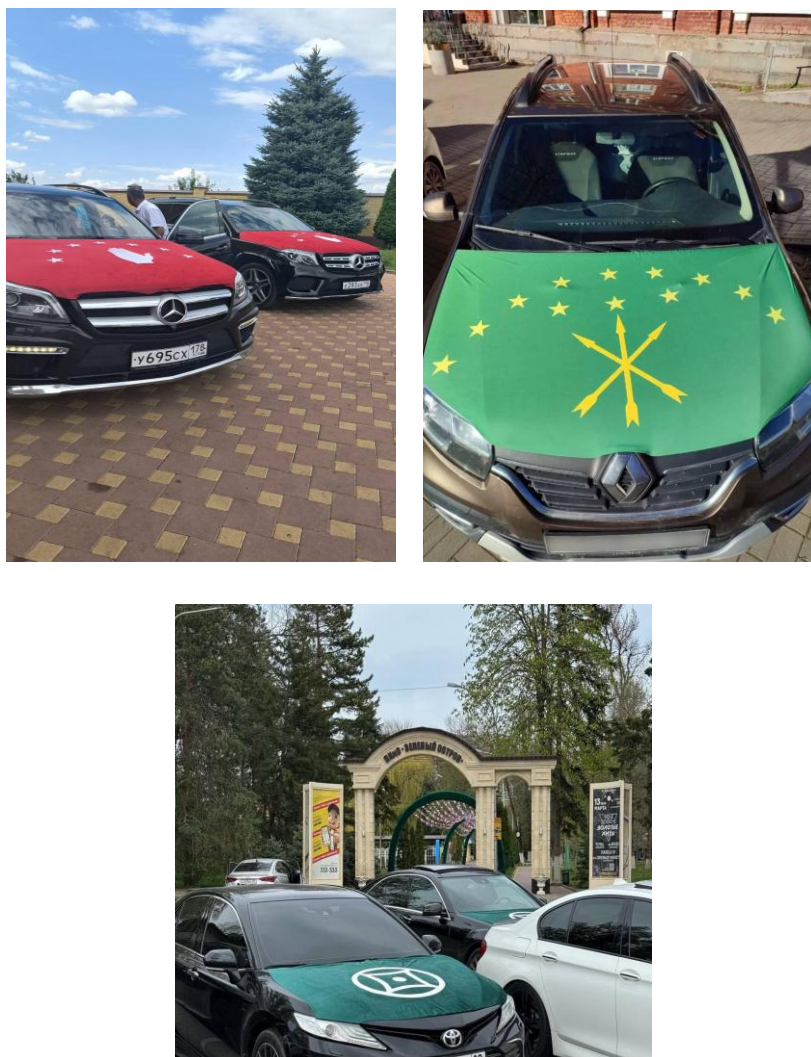

Рис. 3. Автонаряды с национальными флагами¹

Практика использования флага в автомобильной культуре широко известна не только в нашей стране, но и за ее пределами.

«Флаг является символом региональной идентичности. Транспортное средство само по себе – знак движения в пространстве. Его маркировка этническими символами означает не только проявление этнической идентификации, но и обозначение территории пространства» [Бакаева 2020: 340].

Благодаря современному автодекору можно без труда узнать абазинскую свадьбу, карачаевскую, черкесскую или ногайскую только по внешнему виду: на капот машины натягивается целое полотно с флагом.

Так, для абазин это красное полотнище, на котором изображена белая ладонь, олицетворяющая мир, добро и гостеприимство, над которой полукругом располагается семь звезд, символизирующих семь основных исторических областей, на территории которых жили общие предки современных абазин и абхазов.

¹ Аренда свадебных украшений авто [Дата обращения: 19.09.2024]. Доступ по ссылке: https://www.avito.ru/cherkessk/predlozheniya_uslug/arenda_svadebnyh_ukrasheniy_avto_3498317739?ysclid=m695j9jn4p700697575

Для адыгов (черкесов) это флаг зеленого цвета, на котором изображено двенадцать золотых звезд, олицетворяющих двенадцать территорий их исторического проживания, а три скрещенные стрелы в центре композиции символизируют единство и боевой дух народа.

Для ногойцев сегодня это уже не платки, «а флаги зеленого и голубого цветов с изображением символа и тотема ногойцев – «Небесной волчицы». Это, несомненно, подчеркивает индивидуальность молодоженов и стало настоящим трендом на свадьбах ногойцев Карачаево-Черкесии – кубанских ногойцев. Так, традиция украшения автомобилей, когда-то простая и понятная, обрела новые этнические формы и символику. Это не просто украшение; это выражение личной идентичности, уважения к корням и радости в значимые моменты жизни»¹.

Для некоторой части карачаевцев, как и в прошлом, элементом автодекора остаются ковры, но модный тренд не оставил их в стороне – карачаево-балкарский флаг с текметом стал их символом.

«В течение последних 25 лет самым популярным символом у карачаево-балкарцев и их предков алан выступал древний знак мироздания – включенный в круг стилизованный квадрат, как правило, с точкой в центре – текмет. Дословный перевод «круг+ромб» (*тек* – круг, *мет* – ромб) использовался как *тамгъа*, печать и знак отличия наших предков. Своего рода знак отличия в бою (на щите), метка территории, подпись и т.д.»².

Все вышеописанные варианты оформления свадебных кортежей – это веяние нового времени, когда этнические маркеры стали важным элементом идентификации брачующейся пары.

Нельзя не согласиться с академиком В.А. Тишковым, который пишет:

«Мы наблюдаем, как этничность находит самовыражение, сохраняя устойчивый тренд, и насколько органично она включена в политику идентичности, представляющую собой совокупность практических и символических действий, направленных на формирование, поддержание и признание конкретной идентичности» [Тишков 2018: 6].

Мы становимся свидетелями создания новых форм идентичности, ранее не востребованных в обществе, но ставших материальными маркерами идентичности. Размещая знаково-символические маркеры на своих автомобилях, молодожены стремятся показать свою национальную идентичность.

Таким образом, можно утверждать, что современные свадебные традиции адаптируются к изменениям в обществе, отражая актуальные ценности и предпочтения молодежи. Декорирование автомобилей с использованием национальных символов становится не просто эстетическим решением, но и важным элементом самовыражения, который способствует формированию единой культурной идентичности в контексте празднования свадьбы.

1 Информант Керейтова (Сикалиева) М.А., 1965 г.р.; Зинеева З.З. 1970, г., а. Эркин-Шахар, Ногойский район.

2 Карачаево-Балкарский Флаг (Текмет) дата обращения: 12.12.2024]. Доступ по ссылке: <https://karachay-mal-kar.com/tekmet/?ysclid=m7j0nnlsvi916559117>

Вместе с тем, нужно отметить, что автодекор не обязательный атрибут всех свадеб. Демонстрация этнической идентичности отражается в автомобильной культуре в городских условиях [Бакаева 2020: 357]. В окружении брачующихся есть те, кто выступает за традиционную свадьбу; есть желающие сделать свадьбу экстраординарной и готовы изобретать новшества на свои свадьбы, но есть и такие, кто поддерживает новый, модный тренд – оформление свадебного кортежа в современном стиле, то есть украшение национальными флагами. Так или иначе, в современных кавказских обществах наблюдается актуализация этнической самоидентификации, которая приводит к различным проявлениям, демонстрирующим национальную идентичность, что отражается в свадебном автодекоре.

Как справедливо отмечает исследовательница Э.П. Бакаева,

«в проанализированных конкретных примерах основной причиной обращения к этнической символике явились повышение уровня этнического самосознания, динамика их в поле идентичности, выражающаяся в «легитимизации» этнических делений и их маркировки после десятилетий реализации советской национальной политики» [Бакаева 2020: 355].

Отметим, что у многих народов проживающих Карачаево-Черкесии есть сайты, страницы в социальных сетях, где выкладываются видеоролики, под которыми тысячи просмотров. Здесь же хочется отметить, что Интернет-ресурсы дают большие возможности для популяризации народной культуры, имеет важное значение не только для проживающих в республике, но и для тех, кто живет за пределами исторической родины [Албогачиева 2022: 43]. Некоторые из них заключают браки с девушками и молодыми людьми из местного общества и соблюдают ту свадебную обрядность, которая характерна для жителей региона. Тем самым они проявляют уважение к традициям, существующим на их исторической родине.

Заключение

В XX в. произошли значительные изменения в свадебной обрядности местного общества под влиянием политических установок советской эпохи. Новые стандарты часто были продиктованы и прописаны вышестоящими государственными структурами, и отступление от них было нежелательно. Мы видим, как меняется оформление свадебного поезда под влиянием СМИ и телевидения в советскую эпоху. Свадебные кортежи стали оформлять, как и в большей части нашей страны, куклами. Однако даже эти нововведения имели региональную специфику в оформлении наряда куклы, которые пытались оформить внешне под свадебный наряд местного общества.

Постперестроечный период характеризуется ярким всплеском этничности, на этом фоне стали появляться свадебные кортежи, украшенные платками, козынками. Важно учитывать, что свадебные традиции со временем менялись, и на их формирование влияли различные факторы, такие как экономическое положение, религиозные верования и культурные обмены с соседними народами. XXI век внес свои коррективы в оформление свадебного поезда, и многие жители

региона стали украшать капоты автомобилей под черкеску женскую и мужскую, а в настоящее время национальными флагами.

Автодекор свадебных кортежей в Карачаево-Черкесской Республике – это яркий пример того, как традиции могут изменяться с течением времени. Несмотря на упрощение декора в 2000-х годах, символизм и значение этих украшений остаются важными для молодоженов и их семей. Традиции автодекора продолжают развиваться, сочетая в себе элементы прошлого и современные тенденции, что делает каждую свадьбу уникальной.

Рассматривая свадебные традиции украшения автомобилей, можно заметить тяготение к символизму, где каждый элемент декора несет определенное значение. Кроме того, стоит отметить, что украшение свадебного автомобиля – это не просто эстетический акт, но и важная часть ритуала, призванного создать атмосферу праздника и радости. Весь кортеж, украшенный в соответствии с традициями, становится символом единства семьи и сообщества, подтверждением их культурной идентичности. Через эти обычаи передается память о предках и их ценностях, обеспечивается преемственность поколений и укрепляется связь с историческим прошлым и с соседними регионами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Alam 2018 – *Alam Y. Automatic Transmission: Ethnicity, Racialization and the Car // Identities: Global Studies in Culture and Power. – 2018. – Vol. 25, № 3. – P. 1–18.*

Edensor 2004 – *Edensor T. Automobility and National Identity: Representation, Geography and Driving Practice // Theory, Culture & Society. – 2004. – Vol. 21, № 4–5. – P. 101–120.*

Sheller, Urry 2000 – *Sheller M., Urry J. The City and the Car // International Journal of Urban and Regional Research. – Vol. 24 (4). – December 2000. – P. 737–757.*

Албогачиева 2022 – *Албогачиева М. С.-Г. Опыт сохранения традиционной культуры абазинского народа // Этнография. – 2022. – № 3 (17). – С. 33–48.*

Бакаева 2020 – *Бакаева Э.П. Визуализация идентичности: символика этнической идентификации в контексте системы автомобильности (на примере Калмыкии) // Сибирские исторические исследования. – 2020. – № 4. – С. 326–364*

Головнев 2018 – *Головнев А.В. Концептуализация мобильности в антропологии и этнографии // Уральский исторический вестник. – 2018. – № 3 (60). – С. 6–15.*

Джемакулова 2024 – *Джемакулова Н.В. Женсоветы абазинского общества на современном этапе // Кунсткамера. – 2024. – № 4(26). С. 165–173.*

Исаханян 2016 – *Исаханян А.З. Автомобильная культура в контексте современных концепций пространства // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Политология. – 2016. – № 4 (36). – С. 166–173.*

Кунижева 2024 – *Кунижева Л.З. Научное наследие Л.З. Кунижевой. – СПб.: МАЭ РАН, 2024. – 376 с.*

Медведев 2019 – *Медведев В.В. Автомобиль как маркер идентичности: исторические аспекты // Известия АлтГУ. – 2019. – № 6 (110). – С. 67–74.*

Мищенко 2015 – *Мищенко Д.Ф. Надписи на такси в Абиджане (Кот-д'Ивуар) // Антропологический форум. – 2015. – № 24. – С. 155–174.*

Мусаева 2018 – *Мусаева М.К. Обряды жизненного цикла у народов Дагестана в современной урбанистической среде // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа: Материалы VI Международной конференции, Магас, 10–13 мая 2018 года / ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет». – Магас: ООО «КЕП», 2018. – В. VI. – С. 346–356.*

Нефляшева 1996 – *Нефляшева Н.А.* Традиции и власть (на материале Адыгеи XIX–XX вв.). Дисс. ... канд. истор. наук. – Майкоп, 1996. – 167 с.

Семиотика 2001 – *Семиотика*: антология / сост. Ю.С. Степанов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 702 с.

Сефербеков 2019 – *Сефербеков Р.И.* Традиционное и новое в современной свадебной обрядности горожан Дагестана // Социально-культурная и историческая общность Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии: традиции, современность, перспективы развития: материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием, Черкесск, 23 мая 2019 года. – Карачаевск: Карачаево-Черкесский гос. ун-т им. У.Д. Алиева, 2019. – С. 113–117.

Смирнова 1998 – *Смирнова Я.С.* Свадебная обрядность у народов Карачаево-Черкесии: традиционное и новое. – Черкесск: Карачаево-Черкес. НИИИФЭ, 1998. 162 с.

Тишков 2018 – *Тишков В.А.* Междисциплинарный взгляд на историческую память и идентичность // Историческая память и российская идентичность. – М., 2018. – С. 5–11.

Щепанская 2017 – *Щепанская Т.Б.* Вегикулярные маркеры и социальная коммуникация в потоке // Российская антропология и «онтологический поворот». – М., 2017. – С. 295–328.

REFERENCES

ALAM Y. Automatic Transmission: Ethnicity, Racialization and the Car // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. – 2018. – Vol. 25, № 3. – P. 1–18. (In Eng.).

EDENSOR T. Automobility and National Identity: Representation, Geography and Driving Practice // *Theory, Culture & Society*. – 2004. – Vol. 21, № 4–5. – P. 101–120. (In Eng.).

SHELLER M., URRY J. The City and the Car // *International Journal of Urban and Regional Research*. – Vol. 24 (4). – December 2000. – P. 737–757. (In Eng.).

ALBOGACHIEVA M. S.-G. *Opyt sokhraneniya traditsionnoi kul'tury abazinskogo naroda* [The experience of preserving the traditional culture of the Abaza people]. In: *Etnografiya*. – 2022. – № 3(17). – P. 33–48. (In Russ.).

BAKAEVA E.P. *Vizualizatsiya identichnosti: simvolika etnicheskoi identifikatsii v kontekste sistemy avtomobil'nosti (na primere Kalmykii)* [Visualization of identity: the symbolism of ethnic identification in the context of the automotive system (using the example of Kalmykia)]. In: *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. – 2020. – № 4. – P. 326–364 (In Russ.).

GOLOVNEV A.V. *Kontseptualizatsiya mobil'nosti v antropologii i etnografii* [Conceptualization of mobility in anthropology and ethnography]. In: *Ural'skii istoricheskii vestnik*. – 2018. – № 3 (60). – P. 6–15. (In Russ.).

DZHEMAKULOVA N.V. *Zhensovery abazinskogo obshchestva na sovremennom etape* [Women's councils of the Abaza society at the present stage]. In: *Kunstkamera*. – 2024. – № 4(26). – P. 165–173. (In Russ.).

ISAKHANYAN A.Z. *Avtomobil'naya kul'tura v kontekste sovremennykh kontseptsii prostanstva* [Automotive culture in the context of modern concepts of space]. In: *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. – 2016. – № 4 (36). – P. 166–173. (In Russ.).

KUNIZHEVA L.Z. *Nauchnoe nasledie L.Z. Kunizhevoi* [Scientific legacy of L.Z. Kunizheva]. – SPb.: MAE RAN, 2024. – 376 p. (In Russ.).

MEDVEDEV V.V. *Avtomobil' kak marker identichnosti: istoricheskie aspekty* [The car as a marker of identity: historical aspects]. In: *Izvestiya AltGU*. – 2019. – № 6 (110). – P. 67–74. (In Russ.).

MISHCHENKO D.F. *Nadpisi na taksi v Abidzhane (Kot-d'Ivuar)* [Inscriptions on taxis in Abidjan (Côte d'Ivoire)]. In: *Antropologicheskiy forum*. – 2015. – № 24. – P. 155–174. (In Russ.).

MUSAEVA M.K. *Obryady zhiznennogo tsikla u narodov Dagestana v sovremennoi urbanisticheskoi srede* [Rituals of the life cycle among the peoples of Dagestan in a modern urban environment]. In: *Gumanitarnye i sotsial'no-politicheskie problemy moderni-zatsii Kavkaza: Materialy VI Mezhdunarodnoi konferentsii*, Magas, 10–13 maya 2018 goda / FGBOU VO «Ingushskii gosudarstvennyi universitet». – Magas: OOO «KEP», 2018. – V. VI. – P. 346–356. (In Russ.).

NEFLYaShEVA N.A. *Traditsii i vlast' (na materiale Adygei XIX–XX vv.)* [Traditions and power (based on the material of Adygea in the 19th–20th centuries)]. Diss. ... kand. istor. nauk. – Maikop, 1996. – 167 p. (In Russ.).

Semiotika: antologiya [Semiotics: an Anthology] / sost. Yu.S. Stepanov. – Izd. 2-e, ispr. i dop. – M.: Akademi-cheskii Proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2001. – 702 p. (In Russ.).

SEFERBEKOV R.I. *Traditsionnoe i novoe v sovremennoi svadebnoi obryadnosti go-rozhan Dagestana* [Traditional and new in modern wedding rituals of Dagestan citizens]. In: *Sotsial'no-kul'turnaya i istoricheskaya obshchnost' Karachaevo-Cherkessii i Kabardino-Balkarii: traditsii, sovremennost', perspektivy razvitiya: materialy mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Cher-kessk, 23 maya 2019 goda.* – Karachaevsk: Karachaevo-Cherkesskii gos. un-t im. U.D. Alieva, 2019. – P. 113–117. (In Russ.).

SMIRNOVA Ya.S. *Svadebnaya obryadnost' u narodov Karachaevo-Cherkessii: traditsionnoe i novoe* [Wedding rituals among the peoples of Karachay-Cherkessia: traditional and new]. – Cher-kessk: Karachaevo-Cherkessk. NIIIF, 1998. 162 p. (In Russ.).

TISHKOV V.A. *Mezhdistsiplinarnyi vzglyad na istoricheskuyu pamyat' i identichnost'* [An interdisciplinary view of historical memory and identity]. In: *Istoricheskaya pamyat' i rossiiskaya identichnost'.* – M., 2018. – P. 5–11. (In Russ.).

ShchEPANSKAYa T.B. *Vegikulyarnye markery i sotsial'naya kommunikatsiya v potoke* [Vesicular markers and social communication in the flow]. In: *Rossiiskaya antropologiya i «ontologicheskie povoroty».* – M., 2017. – P. 295–328. (In Russ.).

Информация об авторах

М.С.-Г. Албогачиева – доктор исторических наук.

Н.В. Джемакулова – аспирант.

Information about the author

M.S.-G. Albogachieva – Doctor of Sciences (History).

N.V. Dzhemakulova – postgraduate student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.03.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 05.03.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

Научная статья
УДК 39
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-205-220
EDN: ISBBJW

КИБЕРЭТНИЧНОСТЬ В ДЕЙСТВИИ: СОЗДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ФЛАГА УДИН

Анастасия Владимировна Ермошина

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, nassty05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5831-0218>

Аннотация. Статья посвящена истории создания и семантике национального флага удин – одного из народов Восточного Кавказа. Цель данной статьи – рассмотреть историю создания флага как один из примеров киберэтничности – репрезентации этничности в виртуальном пространстве, поскольку флаг был разработан как символ именно в социальной сети «ВКонтакте» путем обсуждения проектов и голосования участников. На основе полевых интервью и анализа материалов социальных сетей автором предпринята попытка реконструкции разработки флага как символа, объединяющего удин. По итогам анализа свыше 20 проектов флагов и интерпретации их основных символов и цветовой гаммы (фундук, голубь, албанский крест, синего, белого, зеленого, красного, коричневого цветов) сделан вывод о консолидирующей роли флага как символа удин, сплачивающего представителей всех поколений и репрезентирующей компоненты их национального самосознания – миролюбивость, земледелие, религиозность, трудолюбие.

Ключевые слова: удины, киберэтничность, социальные сети, национальный флаг, семантика, национальное самосознание.

Благодарности: благодарю за консультации и помощь моего научного руководителя И.В. Кузнецова, а также редакцию UdiMedia за плодотворное сотрудничество в работе над статьей.

Для цитирования: Ермошина А.В. Киберэтничность в действии: создание национального флага удин // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 205-220. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-205-220. EDN: ISBBJW.

© Ермошина А.В., 2025

Original article

CYBERETHNICITY IN ACTION: THE CREATION OF THE UDI' NATIONAL FLAG

Anastasia V. Ermoshina

Kuban State University, Krasnodar, Russia, nassty05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5831-0218>

Abstract. The article is devoted to the history of creation and semantics of the national flag of the Udi, one of the peoples of the Eastern Caucasus. The purpose of this article is to consider the history of creation of the flag as one of the examples of cyber-ethnicity – the representation of

ethnicity in the virtual space, since the flag was developed as a symbol in the VKontakte social network by discussing projects and voting of participants. Based on field interviews and analysis of materials from social networks, the author undertook an attempt to reconstruct the development of the flag as a symbol uniting the Udi. Based on the analysis of over 20 flag designs and the interpretation of their main symbols and colors (hazelnut, dove, Albanian cross, blue, white, green, red, and brown), it was concluded that the flag plays a consolidating role as a symbol of the Udi people, uniting representatives of all generations and representing the components of their national identity, such as peacefulness, agriculture, religiosity, and diligence.

Keywords: Udi, cyber ethnicity, social networks, national flag, semantics, national identity.

Acknowledgments: I would like to thank my scientific adviser, I.V. Kuznetsov, for his advice and assistance, as well as the UdiMedia editorial team for their fruitful collaboration on this article.

For citation: Ermoshina A.V. Cyberethnicity in action: the creation of the Udi' national flag. In: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 205-220. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-205-220. EDN: ISBBJW.

© Ermoshina A.V., 2025

Введение

Актуальность исследования. Удины – один из народов Восточного Кавказа, его самоназвание – «уди», «ути». Согласно результатам Всероссийской переписи населения (2020 г.) на территории Российской Федерации проживали 2551 человек, из них в городе – 1323 человека, в сельской местности – 1228 человек [Российская Федерация – Национальный состав... 2020]. В настоящий момент наибольшая часть представителей этноса проживает в Азербайджане, а именно – в с. Нидж и районном центре Варташен, Грузии – с. Октомбери Кварельского р-на, в Армении [Волкова, 1975: 112].

Несмотря на различные стратегии переезда, удаленность друг от друга не мешает удинам оставаться на связи – при помощи технологий сети Интернет и единого виртуального пространства удины Ниджа и Варташена поддерживают связь с удинами Краснодарского края, Ставропольского края, Ростовской области и других регионов РФ. Изучение национального флага удин является одной из ступенек анализа практик киберэтничности удин с целью сохранения их национального самосознания, консолидации общины.

Цель данной статьи – рассмотреть историю создания национального флага удин как один из примеров киберэтничности этого народа. На основе полевых интервью и анализа материалов социальных сетей нами предпринята попытка реконструкции разработки флага как символа, объединяющего удин.

Материалы и методы

Обзор литературы. Вопрос этничности является дискуссионным в современной этнографии. В отечественной историографии, как было установлено М.Х. Герандоковым путем анализа не одного десятка определений, этничность – синоним национальной общности, восходящий к определению Ю.В. Бромлея: «Этнос – это исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными

особенностями языка, культуры и психики, а также осознанием своего собственного «Я», единства Я-отличия от других подобных образований (самосознание), фиксированным в самоназвании» [Герандоков 2009: 31].

С развитием сети Интернет и цифровизацией общества все большую и большую роль в репрезентации этничности народов стала играть киберэтничность – т.е. этничность, транслируемая в киберпространстве. Оно представляет широкий набор инструментов для создания виртуальных этнических сообществ и распространения информационного контента, способствует формированию новых технологий репрезентации этничности.

Дискуссия о киберэтничности началась в зарубежной и отечественной науке еще на рубеже XX-XXI веков. В Российской Федерации центром исследования киберэтничности является Кунсткамера. Под руководством А.В. Головнева в центре внимания исследователей – практики киберэтничности народов крайнего Севера.

В статье «Новая этнография Севера» А.В. Головнев рассуждает о перспективах этничности коренных малочисленных народов в условиях цифровизации и глобализации общества. Этнограф видит ответом на вызов развитие этноиндустрии – в том числе, в виртуальном пространстве [Головнев 2021: 6-24].

Веб-этнографии и киберэтничности посвящена статья А.В. Головнева по итогам экспедиции на Таймыр руководством [Головнев и др. 2018: 100-108]. По мнению исследователей, киберпространство сделало возможным появление киберэтничности как феномена, заменив единство территории одним Интернет-пространством [Головнев и др. 2018: 106]. Киберэтнография представляет собой сфокусированное наблюдение за повседневными практиками народа и в виртуальном, и в реальном (полевом) пространстве.

Популярность феномена киберэтничности А.В. Головнев, С.Ю. Белорусова, Т.С. Киссер видят в широком спектре возможностей самовыражения в социальных сетях. Приводя многочисленные примеры курдов, евреев, китайцев, а также адаптивности социальных сетей к различным языкам (не только мировым), исследователи приходят к выводу, что каждая диаспора на сегодняшний день обладает киберэтничностью [Головнев и др. 2018: 103].

Киберскороности на Таймыре посвящена статья Т.С. Киссер [Киссер 2021]. Согласно полевым материалам, Интернет-коммуникация занимает ключевую роль в системе межличностных взаимоотношениях населения Таймыра [Киссер 2021: 163-165]. На примере разлива нефти в районе ТЭЦ-5 исследователь демонстрирует основные алгоритмы и «маршруты» взаимодействий населения, скорость их оповещения через систему межличностной коммуникации, особенности общения по WhatsApp [Киссер 2021: 172-174]. Примечательно, что именно киберскороность помогла придать огласку экологической катастрофе и способствовала ее разрешению.

Особенности использования социальных сетей коренными малочисленными народами России продемонстрированы С.Ю. Белоруссовой [Белоруссова 2022]. Будучи ключевым новшеством в межличностных взаимоотношениях, социальные сети стали одновременно и площадкой, и инструментом конструирования этничности. Пользователи этнических сообществ демонстрируют

адаптивность к интернет-пространству, создают новые практики, в то время как некоторые представители считают, что увлечение Интернетом наносит вред локальной традиционной культуре. Способствовала развитию киберпространства и пандемия COVID-19: мероприятия, праздники, форумы можно перевести в онлайн-формат, а киберактивисты и этнические блогеры являются сегодня значимыми персонами не только в виртуальной среде, но и за ее пределами – в реальном пространстве. Иначе говоря, киберэтничность демонстрирует этничность реальную, популяризирует традиционную культуру, является современным способом сохранения этнического единства.

Интересен взгляд С.Ю. Белоруссовой на функцию киберэтничности. Проведя полевое исследование среди нагайбаков, было установлено, что наиболее активными этно-активистами в социальных сетях являются люди, покинувшие малую Родину и тем самым восполняющие свою потерю, т.е. виртуальная этничность играет в том числе и компенсаторную роль [Белоруссова 2018].

Положительные и отрицательные стороны киберпространства выделены И.З. Борисовой. К созидющим аспектам исследователь относит привлечение молодежи, актуализацию межличностных контактов, общее влияние на формирование виртуальной этничности, создание Интернет-архива событий, доступных каждому, популяризация и возрождение умирающих традиций, этно-региональный брендинг, популяризация исследований, объединение всей общности вокруг какого-либо символа, возможность комплексного изучения и реальных (оффлайн) и виртуальных (онлайн) практик [Борисова 2020: 26-29].

Вместе с тем есть и деструктивные аспекты: в ситуациях политической дестабилизации киберэтничность может стать фактором ухудшения обстановки в регионе, разрушения традиционных связей, ускоряет распространение заведомо ложной и недостоверной информации, позволяет радикально настроенным индивидам высказывать всем свою точку зрения, распространяя тем самым довольно спорные идеи. В целом, оно одновременно и конструирует этническое самосознание, и делает его уязвимым [Борисова 2020: 26-29].

Большой пласт работ посвящен киберэтничности определенных народов. Одними из самых насыщенных по количеству исследований и затрагиваемых аспектов являются работы Е.А. Ягафовой, посвященные чувашам. Совместно с А.С. Роговым были изучены способы репрезентации этничности в чувашских региональных сообществах в социальных сетях. На материалах «ВКонтакте» и «Одноклассников» определена роль региональных сообществ в поддержании и актуализации этнического самосознания чувашей, демонстрируя их консолидацию, формируя единое пространство национальной культуры. Вместе с тем масштабы участия в киберсообществах ограничены, а сообщества охватывают незначительную часть чувашей в том или ином регионе [Ягафова и др. 2023: 182-187].

Е.А. Ягафовой рассмотрены и особенности проведения online-праздников у чувашей: в работе проанализированы практики представления календарных праздников и обрядов на веб-платформах в глобальной сети и опыт их проведения в онлайн-формате. В статье использованы материалы различных интернет-платформ, включая YouTube и RuTube, социальных сетей «ВКонтакте», «Одноклассники», порталы отдельных государственных учреждений, общественных

организаций, СМИ. Исследование показало, что в репрезентации празднично-обрядовой культуры чувашей в виртуальном пространстве наблюдаются две тенденции: первая – использование веб-платформ для проекции реальных событий в киберпространстве, вторая – превращение киберпространства в площадку соответствующего праздника/обряда при его проведении в онлайн-формате. Киберпространство способствует сохранению этничности, адаптируя привычный уклад в онлайн-формат [Ягафова 2024: 170-174].

В аспекте визуальной презентации этнического образа чувашей в киберпространстве существенную роль играет контент «чувашского» интернета: онлайн-платформ, интернет-сервисов, ресурсов, виртуального «поля» - онлайн-опроса пользователей социальных сетей. Согласно результатам «виртуального поля» Е.А. Ягафовой, киберпространство отражает реальную картину этнокультурных процессов в чувашском мире, в частности в сфере коммуникации, демонстрирует функциональность элементов этнической культуры (песен, костюма и т.д.). В то же время в глобальной сети формируется собственное пространство этничности чувашей, основанное на значимых с точки зрения пользователей интернета маркерах (язык, песни, визуальные образы чувашской культуры) [Ягафова, 2023].

К подобным результатам пришла Д.Р. Гимадеева в изучении татарских сетевых групп («ВКонтакте») [Гимадеева 2012], З.А. Махмутов, сопоставляющий русскую идентичность с татарской [Махмутов 2020], О.А. Сулейманова в контексте изучения традиционной культуры саамов [Сулейманова 2024].

Прикладным по своему характеру является исследование Н.Н. Середкиной. Сопоставляя произведения А.Н. Осипова, Ю.В. Спиридонова, М.Г. Старостина, С. Луканси и А.В. Чикачева, она проводит киберкультурное исследование, систематизируя художественные практики современных якутов [Середкина 2024].

Роль хэштегов и никнеймов в самопрезентации убухов рассмотрена М. Сысоевой: исследователем выделена мобилизирующая роль хештегов, их возможность систематизации информации в единый тематический поток [Сысоева 2019].

Исследования киберэтничности велись и зарубежом. М. Постер прогнозировал виртуализацию этнических практик в рамках постструктурализма [Poster 1989]; М. Кастелл изучал общую систему и структуру социальных сетей [Castells 2005]; виртуальные диаспоры стали предметом изучения К. Диамандаки [Diamandaki 2003].

Вместе с тем, во всем объеме исследований нет ни одной работы, посвященной киберэтничности удин и ее аспектам, тем самым нами сделан вывод о новизне исследования.

Источники исследования и методология. Источниками исследования стали полевые материалы автора, собранные и обработанные в апреле-июне 2025 г., а также материалы группы «Удины-(**UDI***)» [Удины], телеграм-канала UdiMedia.

Методы исследования представлены комплексом, включающим в себя метод непосредственного наблюдения практик репрезентации киберэтничности – в социальных сетях ВКонтакте и Telegram; глубинные интервью с представителями общины; сравнение иллюстративного материала (проектов флагов).

В рамках исследования репрезентации практик киберэтничности в виртуальном пространстве нами особенно интересно рассмотреть флаг удин – он был

создан в результате онлайн-дискуссии и голосования в группе в социальных сетях. Всего в рамках исследования проанализированы 26 проектов флагов.

Результаты исследования

Изучение вопроса создания национального флага – графического символа народа, в цветах и внешнем оформлении которого зафиксированы наиболее значимые для этноса образы, может продемонстрировать особенности национального самосознания удин. Проанализируем их на материалах проектов флагов удин, размещенных в группе в социальной сети ВКонтакте «Удины- (**UDI***)» [Удины].

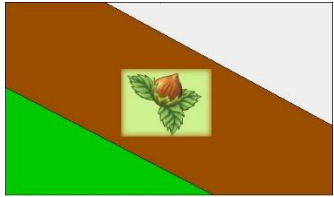
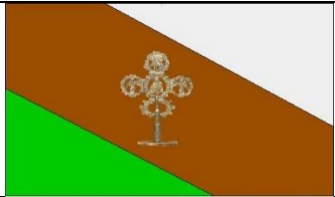
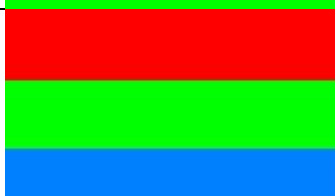
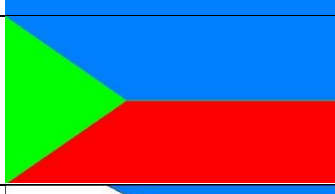
С начала 90-х гг. XX вв. многие народы России стали задумываться о собственной символике на волне распада СССР и в связи с повышением национального самосознания. Так, в 1992 г. свой флаг появился у аварцев, в 1993 – у ингушей и балкарцев. На фоне тренда на создание собственных флагов народами Кавказа удины предприняли шаги по разработке полотнищ только в начале 2010-х – при помощи конкурса.

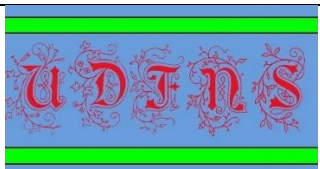
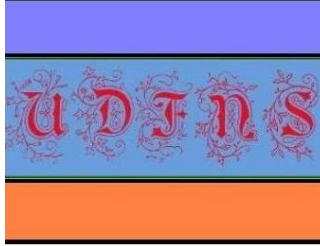
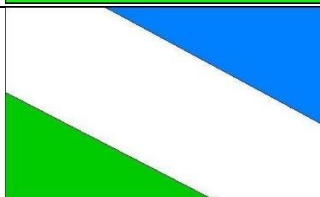
Однако, с чем было связано подобное промедление? В одной из бесед информанты указывали, что *«удинам было не до флага»* в 90-е гг.: переезд в Россию был сложной задачей, когда вопросы национальных символов отходили на второй план [Полевые материалы автора: 12]. Одни уезжали, потому что была работа – строительство инфраструктуры в Ростовской области, Краснодарском и Ставропольском краях. Другие – были беженцами вследствие конфликта в Нагорном Карабахе. Однако, время шло, выросло новое поколение, и остро встал вопрос: как сохранить идентичность детей в новых реалиях жизни? Чем объединить удинскую общину? Ситуация усложнялась тем, что живущие в русскоговорящей среде удины стали забывать родной язык, используя в повседневности русский или армянский, что было сопоставимо с потерей связи с корнями.

Изначально предполагалось найти древний флаг удин, обратившись к архивам Азербайджана: *«Ну не могли мы жить без герба, флага и прочей атрибутики, все-таки войны были, а без знамени на войну не ходят»* [Полевые материалы автора: 36]. Однако, развитие геральдики началось много позже заката Кавказской Албании – исторической родины удин. Усилия на поиски герба силами активистов общины не увенчались успехом. Тогда в онлайн-пространстве произошла активная дискуссия, и было предложено создать собственный флаг – такой, чтобы объединить под его полотнищем всех удин, живущих и в России, и на постсоветском пространстве – в любой точке мира.

Конкурс на выбор флага проходил в социальной сети ВКонтакте в 2007-2008 гг. Он состоял в том, что каждый желающий удин мог прислать свой проект флага с описанием его символики. Всего на конкурс были отобраны около 30 работ в различных вариациях полос, цветов и образов – рассмотрим основные из них и проследим, как трансформировались смыслы флага. Для упрощения навигации по полотнищам нами были составлены таблицы.

Таблица 1. Проекты флагов 2008 г.

№	Изображение	Описание
1		Флаг с фундуком. Прямоугольное полотнище из трех диагональных полос следующей цветовой гаммы (сверху вниз): белой, коричневой, зеленой. В центре – фундук (лещина) на салатовом фоне. Согласно описанию автора проекта, белый цвет символизирует мир, чистоту, многочисленность и красочность удинских свадеб; коричневый – лесной орех, «достояние удинского народа»; зеленый – сельскохозяйственное разнообразие
2		Флаг с крестом. Трансформация проекта флага № 1. Вместо лещины – крест Кавказской Албании. Члены общины посчитали, что этот вид креста не вписывается в полотнище
3		Флаг с фундуком. Расположение полос аналогично проекту № 1, но изменена цветовая гамма и порядок: синий (небо, вечность), белый, зеленый
4		Флаг с горизонтальными полосами. Цветовая гамма аналогична проекту № 3, без символики
5		Флаг с горизонтальными полосами. Красный цвет, символизирующий храбрость, пришелся не по душе членам общины вследствие общего «выбивания из ряда» с другими цветами
6		Флаг с треугольником. Цветовая гамма аналогична флагу № 5.
7		Флаг с крестом, вариация флага № 3. Вместо лещины – Албанский крест, прорись барельефа из Огуза
8		Флаг с горизонтальными полосами. Не вызвал эмоционального отклика у членов общины

9		Флаг с эмблемой «udins». Зеленый, голубой цвета полотнища, красный – текста. Буквы выполнены в готическом – популярном на тот момент – стиле шрифта
10		Вариация флага на № 3. В левом верхнем углу – албанский крест, в правом нижнем – лещина, в центре – надпись «udins».
11		Проект был отклонен, потому что «оранжевый цвет никак не относится к удинам»
12		Вариация флага № 9 в той же цветовой гамме, но ином расположении полос.
13		Вариация флага № 4. В центре – эндоэтноним «Udi»
14		Вариация флага № 3, без символов
15		Вариация флага № 3, каждая полоса дополнительно подчеркнута красной линией. Флаг признан агрессивным для восприятия
16		Вариация флага № 13. Надпись «Udi» прорисована в Paint вручную. Отклонен из-за небрежности выполнения
17		Вариация флага № 3. В центре – цветок. Члены общины не поняли, как именно он связан с удинами, поэтому проект был отклонен.

18		Восстановленный флаг Кавказской Алпани (надпись на Алпанском алфавите - "АЛПАН"). Удины увидели в этом флаге ассоциацию с мусульманскими флагами, лезгинами и пришли к выводу, что он не подчеркнет их индивидуальность
19		Флаг с горизонтальными полосами. Наиболее дискуссионный флаг: часть подписчиков обратила внимание, что этот орел – не кавказский, а американский; другая – на недопустимость сочетания цветов флага другого государства (синей и желтой полос) на флаге удин.
20		Флаг «В единстве сила». Это вариант общего флага для всех народов, проживающих в Кавказской Албании, в центре – кавказский орел. Надпись снизу: «чи къуват садвал я» / «в единстве сила»

Идею создания современного флага предложил Вальдемар Дингилиши. Активисты в группе «Удины-(*UDI*)» [Удины] разработали множество вариантов флага. Проект современного флага удин была разработана Владиславом Дабаковым. Он, как и многие другие, прислал свою идею на конкурс, после чего все заявки были отрисованы в графическом редакторе тогда еще 14-летним активистом Вальдемаром. На основе комментариев к каждой фотографии в альбоме проектов был проведен первичный отбор флагов на голосование, и по его итогам выбрали проект Владислава.

Активисты прислали множество заявок на конкурс. Одни своими силами создавал проекты в Paint, другие – составляли описание, и 14-летний активист Вальдемар Йадезм рисовал флаги в графическом редакторе. На основе комментариев к каждой фотографии в альбоме проектов был проведен первичный отбор флагов на голосование.

Практически сразу было найдено расположение полос флага и уточнена его цветовая гамма. Большинство проектов выполнено в диагональных полосах синего, белого и зеленого цветов, символизирующих небо и вечность, мир и чистоту, сельское хозяйство как основное занятие удин – соответственно. Первые проекты флагов включали в себя коричневую полосу, но темная цветовая гамма и «не самое красивое» сочетание цветов друг с другом привели к трем основным гармонирующим цветам: зеленому, белому и синему. Расположение полос неоднократно менялось, в фактуру полотнища вводились вертикальные и горизонтальные полосы, треугольники, но именно диагональные полосы были признаны наиболее подходящими для визуализации национального самосознания.

Была попытка запечатлеть на флаге этноним «udins». В дизайне этого слова – множество вариаций: готический шрифт, виньетки, красный или черные цвета, сочетание эмблемы с фундуком и крестом. Флаги подобного плана (проекты № 9-13) были перегружены и поэтому не повлекли за собой эмоционального отклика членов общины.

Примечательно, что отвергнуты и непонятные в общине символы: белый цветок (проект № 17), флаг «Кавказской Алпани» и «В единстве сила». Последние два флага не отвечали целям разработки флага как символа – объединения удин. Они сводили фокус на общую историю Кавказской Албании, в которой удины были одним из народов, более того, смущала и «мусульманская» цветовая гамма – красные и зеленые полосы: *«Не мусульманский он! Флаг, прежде всего должен отражать нашу историю, нашу самобытность и религия не должна быть препятствием между нами! Зелёный – это цвет нашей общей земли, лесов и полей Алпани. Я искренне надеюсь на понимание»* [Полевые материалы автора: 28].

Интересна трансформация символики. Изначально на полотнище появляется фундук – лещина, основная специализация удин. Одновременно, в другом проекте – крест, являющийся сначала фотографией, затем – прорисью барельефа на церкви в Огузе.

Позже на полотнищах появились животные: сначала хищные – орел (при этом он был американским, что не устраивало членов общины), затем – голубь, безобидная птица-символ мира. Удины хотели подчеркнуть собственную миролюбивость и тягу к спокойной, размеренной жизни, поэтому отходили не только от хищных, «острых» символов, но и от агрессивных цветов – красного, оранжевого. Так был исключен из конкурса проект флага № 26, представлявший собой красное полотнище со стилизованным под удинский грузинский крест.

Таблица 2. Проекты флагов удин 2009-2010 гг.

№	Изображение	Описание
Проекты 2009 г.		
21		Флаг с вертикальными полосами. В центре, на белой полосе – пожимаемые друг другу руки, а также символика лещины, креста, надпись «udins»
22		Вариация флага № 3. В центре – прорисью барельефа из Огуза, контур.
23		Вариация флага № 21, но вместо комплексов символов здесь один – крест.
Проекты 2010-х гг.		

24		Флаг с горизонтальными полосами. Только два цвета – синий и зеленый. В центре – голубь, держащий в клюве лещину.
25		Вариация флага № 22. Крест прорисован и раскрашен в красный цвет
26		Флаг, не вызвавший эмоционального отклика. Его проект был вдохновлен флагом Грузии – крест в правом верхнем углу стилизован под удинский на основе грузинского. Автор не объяснил символику полосы квадратов внизу.

В этой связи наиболее дискуссионным стал флаг с орлом (проект № 19). Часть подписчиков обратила внимание, что этот орел – не кавказский, а американский; другая – на недопустимость сочетания цветов флага другого государства (синей и желтой полос) на флаге удин. Цветовая гамма полотнища не отличалась от устоявшейся в проекте № 3, за исключением желтой полосы, не объясненной ее создателем.

В противовес флагу с орлом появился флаг с голубем, держащим в клюве фундук. Он символизировал то, что удины – земледельческий народ, выращивающий фундук и обладающий древними традициями сельского хозяйства. Сильнее акцентировать внимание на мирных тенденциях удалось на флаге № 21 – там в центре полотна изображено рукопожатие – символ добрососедства, открытого общения, готовности к взаимодействиям.

И все же голубь и фундук уступили место кресту – символу христианства, религиозного единства, сплачивающего удины в исламском обществе. Удинская Библия, службы на языке, крест в Огузе стали символом общины, объединяющейся по принципу религии, а значит – единой культурной и исторической общности, удины, *«сохранивших свет христианской веры, унаследовавших его от Кавказской Албании»* [Полевые материалы автора: 14].

На сегодняшний день флаг удин выглядит следующим образом: три диагональных полосы синего, белого и темно-зеленого цвета, символизирующие соответственно небо (вечность), чистоту (мир) и сельское хозяйство. В центре флага – албанский крест, восходящий и к Кавказской Албании, и к важнейшей объединяющей парадигме удины – религиозной (Рисунок 1).

Рисунок 1. Современный флаг удин

Флаг был принят всеми уди́нами как официальный символ народа. 8 августа 2019 г., в Международный день альпинизма, Роланд Каспари водрузил удинский флаг на вершину горы Эльбрус (Фото 1 – по материалам UdiMedia [UdiMedia]).

Фотография 1. Флаг удин на вершине горы Эльбрус [UdiMedia]

Сегодня флаг используется на удинских форумах, футбольных матчах, днях национальной культуры – мероприятиях, объединяющих членов общины. Ежегодно 30 мая отмечается день удинского флага.

Рисунок 3. Флаг удин команды УФК RND UDINS [UdiMedia]

1 марта 2021 г. Лытэн Хыаткьо опубликовал удинский флаг в качестве флага будухов, обращая внимание, что это не официальный флаг будухов, а попытка репрезентации их культуры. Данное действие породило дискуссию в чатах и сообществах удин, однако много позже того, как изображение было загружено на Викиучебник [Файл:Budukh flag.jpg] – в контексте подготовки к III Удинскому форуму в г. Москва. По состоянию на апрель 2025 г. идея о недопустимости использования флага удин другими народами более чем актуальна и демонстрирует реальную значимость в национальном сознании удин: это не просто символ, а «живое» отражение идей и мыслей удин, их национальной истории и культуры. Появившись в виртуальном пространстве, флаг стал реальным символом, объединяющим удин по всему миру.

Заключение

Нами рассмотрены проекты флагов удин в контексте практик киберэтничности. В целом, проекты флагов удин – яркий пример попытки создания чувства национального единства на основе образов. Практически сразу было найдено расположение полос – по диагонали, а также выбраны цвета – синий, белый, зеленый (коричневый как символ ореха был отклонен). Заслуживает внимания трансформация символа: от лещины до голубя, держащего в клюве лещину; от собирательного образа беркута до албанского креста. На флагах нашли свое воплощение основные идеи и образы, по которым удины отличают членов общины от других народов.

Другими словами, для удин характерна следующая семантика образов:

- Орех (лещина, фундук) – символ сельского хозяйства, основной специализации земледелия удин. В социальных сетях информантов зачастую встречаются упоминания о Нидже, состоящем из сплошных ореховых садов. С сельским хозяйством сначала была связана коричневая полоса, позже – зеленая;

- Стремление подчеркнуть свою миролюбивость, связанное, на наш взгляд, с косвенной вовлеченностью в конфликт в Нагорном Карабахе (1988-1991), способствовавшем эмиграции удин в Краснодарский, Ставропольский край, Ростовскую область. Отсюда – голубь, рукопожатия;

- Религиозность. Албанский крест, символизирующий православие – и маркер наследования традиций Кавказской Албании, и «скрепа» для всех удин: в исламском обществе Азербайджана удины консолидируются вокруг православного храма. Коннотация с вечностью, образом неба.

- Желание выделиться среди других народов бывшей Кавказской Албании, исключаящее использование «флага Кавказской Алпани», а также символики других государств; ревностное отношение к символам Кавказа.

- Флаг – реальный символ, созданный внутри общины активистами. На его полотнище нашли отражение значимые в обществе идеи – религиозность, а цвет полос охватил основные сферы жизни удин.

Созданный в пространстве социальных сетей, флаг стал объединяющим общину символом и в виртуальном пространстве, и в реальности, «вышел в народ», объединив все поколения удин, напоминая общность истории, традиций, происхождения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Белоруссова 2022 – *Белоруссова С.Ю.* Коренные малочисленные народы: виртуальная этничность и сетевые опыты // *Этнография*. – 2022. – № 4 (18). – С. 84–111.
- Белоруссова 2018 – *Белоруссова С.Ю.* Нагайбаки в киберпространстве // *Кунсткамера*. – 2018. – № 1. – С. 71-77.
- Борисова 2020 – *Борисова И.З.* Роль киберпространства в формировании этнической идентичности // *Культура и цивилизация*. – 2020. – Т. 10. – № 3. – С. 26–30.
- Волкова 1975 – *Волкова Н.Г.* Удины Грузии // *Полевые исследования*. – 1975. – С. 110-116.
- Герандоков 2009 – *Герандоков М.Х.* Этничность и этническая идентичность: теоретический аспект // *Вестник МГУКИ*. – 2009. – № 2 (28). – С.28-35.
- Гималеева 2012 – *Гимадеева Д.Р.* Татарские сетевые группы как вид этнических сообществ // *Культура. Духовность. Общество*. – 2012. – № 1. – С. 277–282.
- Головнев 2021 – *Головнев А.В.* Новая этнография Севера // *Этнография*. – 2021. – № 1 (11). – С. 6-24.
- Головнев и др. 2018 – *Головнев А.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С.* Веб-этнография и киберэтничность // *Уральский исторический вестник*. – 2018. – № 1 (58). – С. 100–108.
- Киссер 2021 – *Киссер Т.С.* Киберскорость на Таймыре // *Этнография*. – 2021. – № 4 (14). – С. 158-185
- Махмутов и др. 2020 – *Махмутов З.А., Титова Т.А.* Виртуальная этническая идентичность русских и татар: к постановке проблемы (по материалам сравнительного анализа пабликов в социальной сети «ВКонтакте») // *Казанский педагогический журнал*. – 2020. – № 4 (141). – С. 279-285.
- Полевые материалы автора. Тетрадь полевых записей, Краснодар-Армавир: 2025. 48 л.
- Российская Федерация – Национальный состав... 2020 – Российская Федерация – Национальный состав населения / *Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками* // Федеральная служба государственной статистики URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 29.01.2025).
- Середкина 2024 – *Середкина Н.Н.* Художественные практики якутской этнической группы в аспекте манифестации этнокультурной идентичности в киберпространстве // *Журнал Сибирского Федерального Университета*. – 2024. – № 8. – Т.17. – С. 1581 – 1591.
- Сулейманова 2024 – *Сулейманова О.А.* Репрезентация этничности кольских саамов в киберпространстве // *Сибирские исторические исследования*. – 2024. – № 2. – С. 71-92.
- Сысоева 2019 – *Сысоева М.Э.* «Как найти убыхов?»: хэштеги и никнеймы как инструмент самопрезентации / *Симпозиум 8 // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / Отв. ред.: М.Ю. Мартынова*. – Москва; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 443.
- Удины – Удины-(***UDI***) // ВКонтакте: социальная сеть URL: <https://vk.com/udiex> (дата обращения: 25.05.2025).
- Файл: Budukh flag.jpg – Файл: Budukh flag.jpg // Викиучебник URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Файл:Будух_флаг.jpg (дата обращения: 15.04.2025).
- Ягафова 2023 – *Ягафова Е.А.* Визуальная презентация этнического образа чувашей в киберпространстве (на примере социальных сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники») // *Самарский научный вестник*. – 2023. – № 4. – С. 175-180.
- Ягафова 2024 – *Ягафова Е.А.* Праздник online в современной культуре чувашей // *Традиционная культура*. – 2024. – № 3 (25). – С. 169-179.
- Ягафова и др. – *Ягафова Е.А., Роговой А.С.* Чувашские региональные сообщества в социальных сетях // *Этнография*. – 2023. – № 4 (22). – С. 181-194.
- Castells 2005 – *Castells M.* The Network Society: from Knowledge to Policy // *The Network Society: From Knowledge to Policy*. Washington, 2005. P. 3–21.
- Diamandaki 2003 – *Diamandaki K.* Virtual ethnicity and digital diasporas: Identity construction in cyberspace // *Global Media Journal*. 2003. № 2 (2). P. 1–40.

Poster 1989 – *Poster M. Critical Theory and Poststructuralism: In Search of a Context*. Cornell University Press, 1989. P. 1–112.

UdiMedia – UdiMedia // Telegram URL: <https://t.me/UdiMedia> (дата обращения: 25.05.2025).

REFERENCES

BELORUSSOVA S.YU. *Korennyye malochislennyye narody: virtual'naya etnichnost' i setevyye opyty* [Indigenous peoples: virtual ethnicity and network experiences]. In: *Etnografiya*. – 2022. – № 4 (18). – P. 84–111. (In Russ.).

BELORUSSOVA S.YU. *Nagaibaki v kiberprostranstve* [Nagaibaki in cyberspace]. In: *Kunstkamera*. – 2018. – № 1. – P. 71–77. (In Russ.).

BORISOVA I.Z. *Rol' kiberprostranstva v formirovaniy etnicheskoy identichnosti* [The role of cyberspace in the formation of ethnic identity]. In: *Kul'tura i tsivilizatsiya*. – 2020. – T. 10. – № 3. – P. 26–30. (In Russ.).

CASTELLS M. *The Network Society: from Knowledge to Policy*. In: *The Network Society: From Knowledge to Policy*. Washington, 2005. P. 3–21.

DIAMANDAKI K. *Virtual ethnicity and digital diasporas: Identity construction in cyberspace*. In: *Global Media Journal*. 2003. № 2 (2). P. 1–40.

Fail: Budukh flag.jpg – Fail: Budukh flag.jpg // Vikiuchebnik URL: https://ru.wikibooks.org/wiki/Fail: Budukh_flag.jpg (data obrashcheniya: 15.04.2025).

GERANDOKOV M.KH. *Etnichnost' i etnicheskaya identichnost': teoreticheskii aspekt* [Ethnicity and ethnic identity: a theoretical aspect]. In: *Vestnik MGUKI*. – 2009. – № 2 (28). – P. 28–35. (In Russ.).

GIMADEEVA D.R. *Tatarskie setevyye gruppy kak vid etnicheskikh soobshchestv* [Tatar network groups as a type of ethnic communities]. In: *Kul'tura. Dukhovnost'. Obshchestvo*. – 2012. – № 1. – P. 277–282. (In Russ.).

GOLOVNEV A.V. *Novaya etnografiya Severa* [New ethnography of the North]. In: *Etnografiya*. – 2021. – № 1 (11). – S. 6–24. (In Russ.).

GOLOVNEV A.V., BELORUSSOVA S.YU., KISSER T.S. *Veb-etnografiya i kiberetnichnost'* [Web ethnography and cyberethnicity]. In: *Ural'skii istoricheskii vestnik*. – 2018. – № 1 (58). – P. 100–108. (In Russ.).

KISSER T.S. *Kiberskorost' na Taimyre* [Cyberspeed in Taimyr]. In: *Etnografiya*. – 2021. – № 4 (14). – P. 158–185. (In Russ.).

MAKHUTOV Z.A., TITOVA T.A. *Virtual'naya etnicheskaya identichnost' russkikh i tatar: k postanovke problemy (po materialam sravnitel'nogo analiza pablikov v sotsial'noi seti «VKontakte»)* [Virtual ethnic identity of Russians and Tatars: towards a problem statement (based on a comparative analysis of publications on the VKontakte social network)]. In: *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal*. – 2020. – № 4 (141). – P. 279–285. (In Russ.).

POSTER M. *Critical Theory and Poststructuralism: In Search of a Context*. Cornell University Press, 1989. P. 1–112.

Polevyye materialy avtora. Tetrady polevykh zapisey. Krasnodar-Armavir: 2025. [Author's field materials. Field notebook, Krasnodar-Armavir: 2025]. 48 pages.

Rossiiskaya Federatsiya – Natsional'nyi sostav naseleniya / Itogi VPN-2020. Tom 5 Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (data obrashcheniya: 29.01.2025). (In Russ.).

SEREDKINA N.N. *Khudozhestvennyye praktiki yakutskoy etnicheskoy gruppy v aspekte manifestatsii etnokul'turnoy identichnosti v kiberprostranstve* [Artistic practices of the Yakut ethnic group in the aspect of the manifestation of ethno-cultural identity in cyberspace]. In: *Zhurnal Sibirskogo Federal'nogo Universiteta*. – 2024. – № 8. – T. 17. – P. 1581–1591. (In Russ.).

SULEIMANOVA O.A. *Reprezentatsiya etnichnosti kol'skikh saamov v kiberprostranstve* [Representation of the Kola Sami ethnicity in cyberspace]. In: *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. – 2024. – № 2. – P. 71–92. (In Russ.).

SYSOEVA M.E. «*Kak naiti ubykhov?*»: *kheshtegi i nikneimy kak instrument samoprezentatsii* ["How to find Ubykhs?": hashtags and nicknames as a tool of self-presentation] / Simpozium 8 // XIII Kongress antropologov i etnologov Rossii: sb. materialov. Kazan', 2–6 iyulya 2019 g. / Otv. red.: M.Yu. Martynova. – Moskva; Kazan': IEA RAN, KFU, Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2019. P. 443. (In Russ.).

UdiMedia // Telegram URL: <https://t.me/UdiMedia> (дата обращения: 25.05.2025).

Udiny-(***UDI***) // VKontakte: sotsial'naya set' URL: <https://vk.com/udix> (data obrashcheniya: 25.05.2025).

VOLKOVA N.G. *Udiny Gruzii* [The Udines of Georgia]. In: Polevye issledovaniya. – 1975. – P. 110-116. (In Russ.).

YAGAFOVA E.A. *Prazdnik online v sovremennoi kul'ture chuvashei* [Online holiday in modern Chuvash culture]. In: Traditsionnaya kul'tura. – 2024. – № 3 (25). – P. 169-179. (In Russ.).

YAGAFOVA E.A. *Vizual'naya prezentatsiya etnicheskogo obraza chuvashei v kiberprostranstve (na primere sotsial'nykh setei «Vkontakte» i «Odnoklassniki»)* [Visual presentation of the ethnic image of the Chuvash in cyberspace (using the example of the social networks Vkontakte and Odnoklassniki)]. In: Samarskii nauchnyi vestnik. – 2023. – № 4. – P. 175-180. (In Russ.).

YAGAFOVA E.A., ROGOVOI A.S. *Chuvashskie regional'nye soobshchestva v sotsial'nykh setyakh* [Chuvash regional communities in social networks]. In: Etnografiya. – 2023. – № 4 (22). – P. 181-194. (In Russ.).

Информация об авторе

А.В. Ермошина – соискатель ученой степени.

Information about the author

A.V. Ermoshina – a candidate for a scientific degree.

Статья поступила в редакцию 24.07.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 24.07.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

Научная статья
УДК 394.21
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-221-239
EDN: JETCSZ

ТРАУРНЫЙ ОБРЯДОВЫЙ КОМПЛЕКС МУХАРРАМЛИК В ДЕРБЕНТЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В XX И НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ

Екатерина Леонидовна Капустина

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера),
Санкт-Петербург, Россия, parlel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7024-0072>

Аннотация. Статья посвящена исследованию траурного обрядового комплекса Мухаррамлик в Дербенте, который является центральным событием для местной шиитской общины. Автор анализирует его трансформацию в советский и постсоветский периоды, выделяя ключевые факторы изменений. Выделяются две основные тенденции: сохранение локальных традиций (например, обряда «баш чапан») и заимствование практик из Ирана и Ирака, определяется изменение баланса между ними за последние десятилетия, а также роль в этих процессах религиозного возрождения в регионе и влияние глобального шиитского мира. Особый акцент делается на роли молодежи, получившей религиозное образование за рубежом, и новых общественных институтах, формирующих современный облик обряда. Особое внимание уделяется визуальным и институциональным изменениям, таким как появление новых ритуалов, благотворительных фондов и вовлечение женщин в организацию обрядов. Статья также рассматривает взаимодействие общины с внешним миром, включая суннитское большинство, представителей других конфессий города, местных властей и туристов. Статья написана на полевых материалах автора (интервью, наблюдения, фото и видеосъемка), собранных в Дербенте в 2007-2008 и в 2022 гг.

Ключевые слова: шиитская община Дербента, Мухаррамлик, обрядовая трансформация, религиозные институты, Дагестан

Для цитирования: Капустина Е.Л. Траурный обрядовый комплекс Мухаррамлик в Дербенте: основные тенденции развития в XX и начале XXI веков // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 221-239. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-221-239. EDN: JETCSZ.

© Капустина Е.Л., 2025

Original article

FUNERAL RITUAL COMPLEX MUKHARRAMLIK IN DERBENT: MAIN DEVELOPMENT TRENDS IN THE XX AND EARLY XXI CEN- TURIES

Ekaterina L. Kapustina

Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great Russian Academy of Sciences (Kunstkamera), St. Petersburg, Russia, parlel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7024-0072>

Abstract. The article is devoted to the study of the mourning ritual complex Muharramlik in Derbent, which is a central event for the local Shiite community. The author analyzes its transformation in the Soviet and post-Soviet periods, highlighting the key factors of change. Two main trends are highlighted: the preservation of local traditions (for example, the "bash chapan" ritual) and the borrowing of practices from Iran and Iraq, and the change in the balance between them in recent decades is determined, as well as the role of religious revival in the region and the influence of the global Shiite world in these processes. Particular emphasis is placed on the role of young people who received religious education abroad and new public institutions that shape the modern appearance of the rite. Particular attention is paid to visual and institutional changes, such as the emergence of new rituals, charitable foundations and the involvement of women in the organization of rituals. The article also considers the community's interaction with the outside world, including the Sunni majority, representatives of other faiths in the city, local authorities and tourists. The article is based on the author's field materials (interviews, observations, photos and videos) collected in Derbent in 2007-2008 and in 2022.

Key words: Shiite community of Derbent, Muharramlik, ritual transformation, religious institutions, Dagestan

For citation: Kapustina E.L. Funeral ritual complex Mukharramlik in Derbent: main development trends in the XX and early XXI centuries. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 221-239. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-221-239. EDN: JETCSZ.

© Kapustina E.L., 2025

Введение

Город Дербент, жители которого традиционно исповедуют ислам, христианство и иудаизм, стал символом религиозного многообразия Северного Кавказа. При этом у Дербента есть одна особенность, делающая этот город действительно уникальным с точки зрения конфессионального разнообразия уже всей России: здесь, преимущественно в старом квартале города – Магале¹, в качестве автохтонов проживает крупная община азербайджанцев, исповедующих ислам шиитского толка.

Одним из самых значимых религиозных событий года для шиитов Дербента является траурный ритуальный комплекс Мухаррамлик². Он посвящен поминовению имама Хусейна, сына Али, внука пророка Мухаммада, убитого вместе со своими сторонниками в 680 г. в битве с войсками халифа Язида при местечке Кербела (современный Ирак). Основные мероприятия Мухаррамлик проходят в первую декаду месяца *мухаррам* (первый месяц мусульманского календаря). Иначе эти траурные дни еще называются Ашура – «декада траура», от арабского слова «ашара» – «десять». Как и все остальные даты лунного календаря,

¹ Старый дербентский центр, находящийся между крепостью Нарын-Кала и площадью Свободы, традиционно называют Магалом, хотя он состоит из 12 магалов (кварталов).

² Существует вариант написания Махаррам, но в статье используется тот вариант, который типичен для азербайджанской общины Дербента.

Мухаррамлик начинается каждый год на 10-11 дней раньше, чем в предыдущем [Сеидова 2007: 115].

Мухаррамлик – это комплекс обрядовых действий, которые направлены на символическое проигрывание и коллективное воспоминание трагической гибели имама Хусейна и его сторонников. В каждом регионе, где проживают шииты, существует свой вариант этой традиции при сохранении общих значимых черт. Судьбе ритуального комплекса в Дербенте в XX – первой четверти XXI вв. и будет посвящена данная статья.

В первый раз автору статьи довелось присутствовать на обрядах Мухаррамлик в 2007 г. Основной период исследования всего ритуального комплекса пришелся на 2008 г., когда наряду с наблюдениями и сбором интервью был снят антропологический фильм (совместно с М.В. Солоненко)¹. Затем для дополнительного уточнения деталей проводилась полевая работа в период траурного десятидневья в городе в 2009 г. Далее в качестве отправной точки разговора о том, какие изменения происходили с этим ритуальным комплексом в последние десятилетия, будет представлено его описание на момент 2007-2009 гг.

В те годы почти все действие Мухаррамлик не выходило за пределы кварталов старого магала, почти полностью заселенного дербентскими шиитами. Начиная с 1 по 10 день месяца Мухаррам каждый вечер в джума-мечети г. Дербента проходили меджлисы (собрания), каждый из которых был посвящен определенному сюжету трагедии в Кербеле. Порядок следования отдельных меджлисов неизменен: общая молитва, поминание Пророка, 12-ти имамов, известных алимов² прошлого, проповедь ахунда – сеида³ и духовного лидера общины. В промежутках между его выступлениями чтецы из числа верующих – роузехани – исполняли мерсия – стихи, описывающие страдания мучеников. В эти дни по улицам старых кварталов Дербента шествовали процессии с черными знаменами-алями. Они сопровождались шествиями групп мужчин – «зинжир-дюган» (молодых людей, бьющих себя плетками из железных цепей) и «синя-дюган» (бьющих себя ладонью в грудь). Эти процессии организовывались отдельными людьми по обету – назиру. Вершина траура – девятый («Тасуа») и особенно десятый («Ашура») дни. Вечером 9 дня Тасуа все шииты собирались на самый важный в декаде вечерний меджлис. После него в отдельных дворах кварталов проводился обряд «баш чапан», более известный в Дагестане под термином «шахсей-вахсей» (от иранского «Шах Хусейн, вах Хусейн!» – «Царь Хусейн, о Хусейн»): мужчины кинжалами делали ритуальные надрезы на темени, выкрикивая горестные возгласы о погибшем имаме. И «баш чапан», и выступления «зинжир-дюган» являлись символическими знаками раскаяния и скорби⁴. После этого глубокой ночью жители Магала отправлялись на берег Каспийского моря, где кидали в воду заранее написанные (как правило, ахундом) записки на арабском языке и загадывали желания. Считалось, что в ночь на Ашура в знак

¹ «Ашура в Дербенте» (2012).

² Алимы – авторитетный знаток исламской теории или практик.

³ Сеидами считаются те, кто ведет свое происхождение от семьи пророка Мухаммада.

⁴ Согласно основной трактовке, жители иракского города Куфа, не оказавшие обещанную поддержку отряду Хусейна, встретили пленников из семейства Пророка плачем и самоизбиением, положив начало этим обрядам.

сопереживания мученикам верующим нельзя спать. Под утро (по преданию, Хусейн погиб на рассвете) все опять собирались во дворе мечети, из которой выносили портрет Хусейна. После этого мужчины на старом кладбище у крепости Нарын-кала у источника «дюль-дюль Али» повторяли обряды «баш чапан», били себя цепями. К полудню на кладбище приходили женщины, раздавали сладости по обету и ставили отметины глиной из источника в качестве благопожелания. Вечером этого дня все снова собирались в мечеть на поминальный меджлис. На этом активная фаза Ашуры завершалась и начинался 40-дневный траур, в течение которого были запрещены увеселения (свадьбы, дни рождения и т.д.), а многие носили траур по убитому имаму. За три дня до 40-го дня после смерти Хусейна в мечети вновь начинались меджлисы, а также отмечалось траурное 40-дневье – Арбаин. Следует отметить, что за 2 недели до начала месяца Мухаррам проходили детские шествия «ушаг гатли», когда дети собирали тряпье для костров, которые зажигались у мечетей, а также повторяли шествия алям-апаран взрослых.

Такова вкратце основная канва событий ритуального комплекса Мухаррамлик в Дербенте в конце 2000-х гг., в главных элементах похожая на отмечаемое Ашуры в других регионах распространения шиизма. Однако Мухаррамлик не стоит считать неизменной традицией: за последнее столетие в результате масштабных исторических событий и культурных преобразований он претерпевал подчас драматические изменения. Очевидно, что советский период ознаменовался редуцированием традиции Ашуры в Дербенте, тогда как после распада СССР на волне религиозного возрождения в постсоветской России эти траурные дни стали отмечаться с большим размахом (об этом подробнее речь пойдет ниже).

Значимость для дербентских шиитов траура Мухаррамлик сложно переоценить, однако к началу XXI в. шиитской тематике в Дагестане и в России уделялось незначительное внимание – как в общественных дискуссиях, так и в научной литературе. Следует отметить некоторые работы, изучающие современный шиизм с точки зрения социальных наук, и формирующие для данной статьи общий исследовательский контекст [Гибаттулин 2014; Седанкина 2019; Сеитов 2021], однако напрямую с дербентской общиной эти работы не связаны. Исключением являлось монографическое исследование Г.Н. Сеидовой, посвященное непосредственно дербентскому шиизму – «Шиизм в Дагестане» [Сеидова 2007], а также ее отдельные работы [Сеидова 2010]. Заслуживает упоминания статья М. Шахбанова [Шахбанов 2002], журналиста и социального исследователя, содержащая немало интересных замечаний, которые также послужили источниковой базой для данной статьи. Важны для изучения современного феномена и описания традиционных религиозных обрядов шиитов в городе в исследованиях этнографов, изучавших Дербент и азербайджанцев Дагестана в дореволюционный период, но напрямую не занимавшихся шиитской тематикой [Гаджиева 1999; Махмудова 2006 и др.].

В последние годы интерес к шиитской теме в Дагестане увеличился. Как уже отмечалось, проводились исследовательские изыскания автора по теме традиции Мухаррамлик и связанных с ней социокультурных проблем (совместно М.

Солоненко) в 2007-2009 гг, результатом чего стал антропологический документальный фильм «Ашура в Дербенте» (2012), выступления на конференциях и несколько статей [Капустина, Солоненко 2008; Капустина, Солоненко 2011]. В течение последующих 10 лет полноценные исследования Ашуры в Дербенте не проводились ни автором, ни другими коллегами-этнографами, хотя были выезды на Ашуру в ходе разработок других тем. К этому времени темой шиизма в Дагестане заинтересовались московские этнографы О. Брусина и Э. Сеитов, собравшие материал по дербентской Ашуре в 2020 г. и презентовавшие его на научных семинарах. Э. Сеитов также ряд лет исследует московскую шиитскую общину [Сеитов 2021], возможно его публикации по темам, связанным с шиитами Дербента, выйдут в научной литературе в ближайшее время. Начиная с 2022 г. студенческие этнографические экспедиции Уральского федерального университета под руководством Д.Н. Караваевой, помимо прочих регионов Дагестана, работают и в Дербенте, в том числе и в период проведения Мухаррамлик. Возможно, в ближайшие годы можно ожидать и статьи этих коллег на темы, связанные с дербентским шиизмом.

Автору провести повторное исследование Мухаррамлик в Дербенте удалось лишь спустя 15 лет после первого опыта наблюдения этого религиозного события, в 2022 г. В результате, был получен новый опыт включенного наблюдения траурных мероприятий Мухаррамлик, а также собран корпус интервью с членами дербентской шиитской общины (22 аудио записей интервью, дневник наблюдений, фотографии и более 15 часов документальной съемки и видеointerview в 2007 и 2008 г., а также 16 интервью, фотографии и дневник наблюдений в 2022 г.). Уточняющая поездка также состоялась в июне 2025 года. Помимо анализа полевого материала проводился анализ письменных источников различного генеза и интернет контента. Это позволяет сравнить полученные результаты и сделать выводы относительно характера и динамики изменений в структуре и значимости основных элементов этого интереснейшего обрядового комплекса в первой четверти XXI в.

Целью данной статьи является выявление основных тенденций изменения обрядов Мухаррамлик в Дербенте. Основной упор сделан на трансформации этого обрядового комплекса в постсоветский период и определение причин изменения тех или иных его элементов. Также для понимания контекста кратко будет охарактеризована специфика бытования Мухаррамлик в советский период.

Ашура в советский период

Агрессивная политика советского государства в отношении религии, практик ее отправления и священнослужителей достигла в Дербенте своей кульминации ко второй половине 1930-х гг. Многие религиозные деятели были репрессированы, джума-мечеть планировалось взорвать, затем в 1938-1943 гг. в ней была размещена тюрьма [Сеидова 2007: 118]. В 1943 г. мечеть возвратили верующим, и долгое время шло ее восстановление, с начала 1950-х гг. в ней снова проводили меджлисы, однако вплоть до конца 1980-х гг. ее посещение проводилось под пристальным контролем милиции и других институтов советского строя.

В условиях жесткого контроля и репрессий неудивительно, что некоторые элементы траурного обрядового комплекса в XX в. стали исчезать. Например, в конце 1930-х гг. перестали проводиться яркие театрализованные представления «шабих», повествующие о событиях в Кербеле и похоронах погибших мучеников. В 1947-1948 гг. происходит кратковременное реанимирование этого ритуала [Сеидова 2007: 118], а затем они окончательно исчезают. Согласно данным Г.Н. Сеидовой, если ранее драматургия траура делилась между роузехани, исполняющими стихи мерсия и участниками шествий шабих, то с исчезновением последних мерсия стали проговариваться по ролям во время меджлисов в мечети во время декады Ашура [Сеидова 2007: 118].

Отмечание Ашуры было фактически запрещено в публичной сфере. Особенно был строг запрет на посещение мечети в траурную декаду детьми – за этим вынуждены были следить учителя местной школы. Дети все равно старались попасть на меджлис. Те, что постарше, маскировались под пожилых (например, надевая платки, скрывающие лица), самые маленькие проникали внутрь под юбками бабушек, подростки перелезали в мечеть через крыши соседних домов, поскольку джума-мечеть плотно вписана в квартал. Но и взрослым шиитам не всегда было возможно ходить в мечеть без последствий: учителя, работники милиции, партийные и т.д. могли иметь проблемы на работе, если их уличали в участии в Ашуре.

Джума-мечеть была под особым надзором, однако маленькие мечети охранялись менее тщательно, по некоторым данным, в Дербенте работала молельня иранского представительства, куда негласно могли ходить и некоторые дербентцы, в том числе на Ашуру.

От Мухаррамлик шиитов Магала старались отвлечь, устраивая в часы проведения меджлисов концерты и показывая кино в местном магальском клубе. Однако жители Магала, в большинстве своем, не только игнорировали светские увеселительные мероприятия, но и порой решались на их срыв – так, один из информантов рассказал, что отдельные смельчаки портили полотно кинотеатра, чтобы сорвать показ фильмов в Ашуру [ПМА 2022].

Одна из информанток вспоминала слова матери, что жители Магала *«тайно собирались у кого-то дома, пели, плакали. Те (работники милиции – авт.) уже были наготове, стучатся. Значит одну заворачивали в чадру, а тем говорили – оплакиваем, умерла. Это мать рассказывала, в годы войны было, может, чуть раньше. Было очень страшно... если тайно тихонько плакали, то тут начинали (когда приходили проверяющие) бить себя. Что действительно так, чтоб поверили (что в доме покойник – авт.). Вот так. Все равно делали»* [ПМА 2008, Ж., 60 лет].

Обряд «баш чапан» не исчез, но проводился тайно: ночью на кладбище, во дворах частных домов, в крепости Нарын-Кала (один из информантов вспоминал, что для проведения «баш чапан» мужчины выезжали ночью за пределы города и проводили его при свете фар грузовиков, образывавших круг [ПМА 2008]). Именно «баш чапан» или «вахсей-вахсей» как самый экзальтированный обряд в ситуации, когда меджлисы в мечети стараются скрыть, а шествия пропадают, становится «визитной карточкой» мухаррамлик для внешних

наблюдателей и в советский, и в постсоветский периоды. В результате в Дербенте суннитское большинство традиционно называло весь обрядовый комплекс Мухаррамлик словосочетанием «шахсей-вахсей».

При этом, следует отметить, что, по словам информантов, именно оставшиеся в советский период обряды Мухаррамлик сохранили для них приверженность исламу в целом и в какой-то степени ощущение единства азербайджанского шиитского сообщества¹ в условиях религиозных запретов советского времени и миграции за пределы Дербента. Говоря об отмечании Ашуры в те годы, информанты говорили «*через Ашуру мы держали ислам, а то совсем забыли бы*» [ПМА 2008, М., 55 лет], «*не было б его (Хусейна – авт.), не было бы нас*» [ПМА 2008, М., 45 лет]. Подобный процесс описан и в советском Азербайджане, где в условиях официальных запретов религии роль ислама в семье в советское время даже возросла [Балджи 2006: 76].

Религиозное возрождение в постсоветский период и восстановление обрядов Мухаррамлик

Религиозное возрождение после распада СССР принципиально изменило ситуацию. В 1990-е гг. происходит и постепенное возрождение Мухаррамлик. Прежде всего, начинается наращивание масштаба отмечания и восстановление публичности и полноты традиционного отмечания Ашуры. Отправление шиитских обрядов проводится открыто и с нарастающим размахом. Джума-мечеть снова становится центром во время Мухаррамлик, хотя «баш чапан» по-прежнему нередко проводится во дворах домов. Открывают также и все остальные мечети старого Магала. Мероприятия можно условно поделить на те, что проводятся в мечети и/или завершаются в ней (ежевечерние меджлисы, чтение мерсия, обряд «алям апаран», вынос портретов мучеников, отпускание голубей и т.д.) и те, что не связаны напрямую с деятельностью мечети и проводятся в разных городских локациях («баш чапан», посещения источника «дюль-дюль Али», бросание записок с обетами в Каспийское море и т.д.). «Алям апаран» можно отнести и к первой, и ко второй группе, поскольку первая часть проходит в доме того, кто решил делать обряд по обету, а затем участники шествия несут знамена в джума-мечеть.

Начиная с начала 1990-х гг. в молодежной среде дербентских шиитов достаточно престижным становится исламское образование: по программам Исламской республики Иран молодые люди (и мужчины, и женщины) едут учиться в университеты Кума, Мешхеда, популярны такие направления религиозной образовательной миграции как Ливан, Сирия. Члены шиитской общины начинают совершать хадж, а также активно посещают шиитские святыни Ирана, Азербайджана, Сирии и Ирака. Паломничества в первые десятилетия (до конца 2010-х гг.) совершаются на автобусах и автомобилях, что превращало их в довольно длительные путешествия, во время которых верующие больше соприкасались с повседневной жизнью шиитов Ближнего и Среднего Востока и, прежде всего, Ирана, встречали верующих из других шиитских регионов мира. Дербентцы

¹ Далеко не все азербайджанцы, традиционно проживающие в Дербентском районе, исповедуют шиизм.

старались получить информацию о шиизме за пределами города и не выезжая из него: вначале это было спутниковое телевидение из Ирана, затем интернет-источники и особенно социальные сети (примеры деятельности шиитских общин в социальных медиа см.: [Тагиев 2023]). Также в шиитском квартале Дербента также открылось свое медресе.

Вернувшись из Ирана, молодые шииты стали основой той группы, которая критически отнеслась к степени каноничности тех обрядов традиции Мухаррамлик, скрытно сохранявшейся в общине в течение советского времени и возродившейся в 1990-х гг. Сторонники очищения местной формы шиизма от, по их мнению, «неправильных» наслоений, стали брать за образец, прежде всего, шиитские практики Ирана. В этих условиях шиитская община Дербента расслоилась на приверженцев традиционного, локального ислама и адептов «чистого» шиизма, преимущественно, в иранской версии.

Сторонники локального шиизма, ориентирующиеся на сохранившиеся обряды дербентского Мухаррамлик, это, в основном, люди среднего и старшего поколения, воспринимавшие религиозные догматы через семью и, как правило, не имеющие институционно оформленного религиозного образования. Для них важным стало восстановление старинных обычаев предков и их открытое исполнение – прежде всего, «баш чапан», самобичевания зинжирами, поход к святому источнику «дюль-дюль Али» и к Каспийскому морю с записками, адресованными Мехди.

Сторонники очищения локального ислама от нововведений и ошибок, ориентирующиеся на иранский или иракский варианты отправления траурных дней, связанных с Хусейном, выступали против обряда «баш чапан», критикуя его излишнюю экзальтированность и кровавость и предлагая заменить обряд сдачей донорской крови (вариант, официально одобренный в Иране). В последнем их поддерживал и ахунд дербентской общины Хаджи Сеид-Хашим Миртеидов, упоминая об этом в своих проповедях. В начале 2000-х гг. начинается, а затем постепенно наращивало обороты вытеснение «баш чапан» с позиции главного обрядового действия Мухаррамлик. В результате его проведение хотя и не исчезло совсем, но все чаще ограничивается дворами тех, кто готов защищать эту традицию и впредь. Например, если в 2008 г. «баш чапан» мог открыто проводиться на кладбище в день Ашура, то в 2022 г. этого уже не происходило.

Другая дербентская традиция Ашуры, которую критиковали молодые шииты – ночной поход к Каспию в ночь с 9 на 10 день и кидание в море записок с пожеланиями, а также самобичевание цепями-зинжирами. «Сейчас в дагестанском шиизме много народного, многие адаты, противоречащие или не согласующиеся с классическим шиизмом, воспринимаются как его неотделимая часть. Но постепенно образованных людей среди дагестанских шиитов становится всё больше, наша молодёжь только-только возвращается после учёбы из иранских религиозных центров – и народ возвращается к классическому шиизму. В том же, как сейчас отмечают Ашуру, много народных обычаев, к примеру, эти же самобичевания» [Шахбанов 2002]¹.

¹ Эта цитата в целом выражает позицию молодых шиитов. Что характерно, помещена она в заметке в республиканской газете: позиция, импонирующая суннитскому большинству Дагестана, в большинстве своем воспринимающему самоистязания шиитов как дикость, не имеющую ничего общего с исламом

Для сторонников очищения ислама от локальных заблуждений местные традиции Мухаррамлик не являлись безусловной ценностью, гораздо важнее для них оказывался уровень религиозного образования и через это – «правильного» понимания смысла шиизма. Так молодая женщина, на момент интервью в 2008 г. проходившая обучение в исламском университете в Куме, признавалась: *«В Иране у людей больше имана (веры – авт.), там все больше знают по-религиозному. А у нас поговорить мало с кем можно. Говоришь «имам Реза», а они спрашивают: «А кто это?»»* [ПМА 2008, Ж., 18].

Несмотря на наличие противоречий у обеих групп, стоит отметить, что и «традиционалисты», и сторонники иранской версии проведения обрядов были вполне лояльны по отношению друг к другу, подчас и те, и другие находятся в пределах одной семьи. В 2008 г. у последних не было сколько-нибудь авторитетного и значительного лидера, и все формально подчинялись ахунду, занимающему срединную позицию: с одной стороны, он предлагал общине отказаться от «баш чапан», а с другой стороны не запрещал этот обряд, помогал верующим с написанием записок, которые кидали в море в ночь на Ашура.

В итоге противоборствующие стороны ограничивались лишь словесными увещеваниями и критикой и собирались в одной джума-мечети на траурные меджлисы Мухаррамлика. Сплочению общины способствовала и непримиримость к их течению со стороны набравшего в тот период влияние салафитского направления ислама, из которого вышли фундаменталистские группировки, практиковавшие насилие к оппонентам [Кисриев 2004; Ярлыкапов 2014].

Мухаррамлик в 2020-х: основные тренды развития

За прошедшие с первого наблюдения автора Мухаррамлик 15 лет отмечание его в Дербенте изменилось и визуально, и институционально. В этом разделе статьи будут показаны основные тенденции и узлы этих изменений.

В последние годы еще более нарастает активное участие в религиозной жизни общины тех, кто получил исламское образование в Иране и Сирии и старается очистить местный шиизм от «неправильных», по их мнению, элементов. Растет и процент тех, кто стал участвовать в жизни шиитского мира за пределами России – прежде всего, через паломничества в Иране и Ираке. Экономическая неустроенность, делающая паломнические поездки довольно затратными, а также военные действия на Ближнем Востоке и особенно война в Ираке долгое время не позволяли паломникам массово выезжать на Арбаин¹ в Ирак – траурное сорокодневье, когда паломники, как правило, двигаются из города Эн-Наджаф в Кербелу, повторяя путь пленных родных Хусейна. После окончания войны в Ираке в последние полтора десятилетия паломничество в Кербелу из Дербента набирает обороты и вовлекает все больше членов общины. Например, если в 2008 г. количество посетивших Кербелу шиитов Дербента исчислялось парой десятков, то в 2019 г. только на Арбаин из Дербента выехало 5 автобусов паломников (после закрытия наземной границы с Азербайджаном в 2020 г.

¹ Арбаин, считающийся одним из самых многолюдных паломничеств в мире, привлекает шиитов со всего мира и наполнен различными траурными мистериями.

паломничество происходит преимущественно посредством полетов в Тегеран и уже оттуда автобусами в Ирак). Это приводит к тому, что дербентские шииты массово знакомятся с традицией траурных шествий, макетами, воссоздающими сцены трагедии в Кербеле и с другими элементами траурных обрядов, связанных с гибелью имама Хусейна и его сторонников. Это усиливает описанное выше противостояние сторонников локальных традиций и иранского варианта шиизма, перемещая в ряды вторых все больше дербентских шиитов. Дополнительное влияние оказывает общая тенденция пересмотра авторитетности локального ислама в России [Schmoller 2020].

Что же изменилось в Мухаррамлик за последние 15 лет? Прежде всего, обрядовый комплекс стал более экспансивным визуально, хотя и по-прежнему преимущественно не выходя за пределы старой части города – Магала. В 2007-2008 гг. на улицах Магала практически не было визуального оформления пространства, только висели траурные флаги на квартальных мечетях, а также на стене двора джума-мечети было два самодельных тканевых баннера. При этом основное траурное оформление было во дворе мечети и в самой мечети, то есть в том пространстве, в котором в эти дни не было практически посторонних. В 2022 г. Мухаррамлик значительно присутствует на улицах города. Повсеместно на стенах и в виде растяжек по ширине улиц повешены баннеры, выполненные в типографиях. На них представлены высказывания, по большей части, посвященные значимости имама Хусейна и его жертвы и его роли для мусульман, а также свидетельства того, что семья Пророка и особенно Хусейн – возлюбленные Аллахом шахиды. Пример типичного баннера – «Имам Хусейн посвятил свое сердце Аллаху и Аллах дал миллионы сердец Хусейну». Большинство баннеров написано на русском, хотя встречаются надписи и на арабском, и на фарси. Помимо хадисов об имаме Хусейне и семье Пророка встречаются высказывания имамов (например, имама Резы), цитаты из сочинений про Кербелу («Сказание о Кербеле», Мехди Газали) и даже описание Мухаррамлика, данное Александром Дюма во время его путешествия на Кавказ. Последнее висит на внешней стене двора джума-мечети, там, где в 2008 г. висел тканевый баннер «Каждый день Ашура, всюду Кербела». Когда верующие шииты стекаются к джума-мечети, на улицах, к ней примыкающих, они слышат довольно громкое музыкальное оформление – включены духовные тексты, главным образом, связанные с Мухаррамлик.

В траурную декаду Ашура во время, предшествующее вечерним меджлисам, происходит шествие верующих по улице Ленина в районе местного рынка вверх в сторону джума-мечети. Это шествие, которое проводят с конца 2010-х гг. – единственное мероприятие Мухаррамлика, которое выходит за пределы магальских кварталов и видно нешиитскому населению (спуск к Каспию и кидание записок в море это не организованный поход верующих, а движение шиитов небольшими группами, к тому же это происходит глубокой ночью). Следует отметить также увеличение количества участвующих в меджлисах мужчин и женщин, среди которых достаточно много молодежи.

Последние несколько лет у мечети и на прилегающих к ней улицах организовываются шатры. Каждый из шатров посвящен одному из шиитских

праведных имамов, причем не только тех, кто погиб при Кербеле: шатер имама Хусейна, шатер имама Хасана, имама Резы, имама Садыка и т.д. В шатрах могут быть еда и напитки для отправляющихся в мечеть верующих, фрукты и другие продукты для раздачи садака, религиозная литература и товары для посещения мечети и молитв (последние продаются, но по весьма небольшим, почти символическим ценам). Шатры украшены надписями, связанными с Мухаррамлик, и картинами из жизни мучеников Кербелы. В одном из шатров у самой мечети был помещен макет, где воссоздана сцена битвы при Кербеле, подобный макетам, выставляющимся в Иране и Ираке.

В течение нескольких лет предпринимались попытки представить театрализованные шествия плененных шиитов, которых ведут войска халифа Язида. Интересно, что, по сообщениям информантов, в современном Дербенте впервые шествия плененной сестры Хусейна Зейнаб и других женщин были разыграны прибывшими на Ашуру шиитами лезгинского селения Мискинджа – единственного шиитского селения в горном Южном Дагестане¹. Подобные шествия очень популярны в Иране и Ираке, преимущественно во время паломничества Арбаин, когда театрализованные шествия показывают страдания плененных женщин из семьи Хусейна. В самом Дербенте на 2022 г. этот вид мистерий не закрепился как ежегодное событие и остался скорее экспериментом одной из инициативных групп Магала. При этом очевидно эти попытки организации театрализованных мистерий являются скорее не реконструкцией местных шабих, пропавших после 1948 г., а копированием иранских и иракских вариантов, увиденных паломниками из Дербента во время Арбаин в Ираке.

Из визуальных нововведений также можно отметить и обилие иллюминаций на улице, вдоль которой стоят шатры имамов: красные фонари, очевидно, символизируют трагическое кровопролитие при Кербеле. На большом экране транслируется видео отчисления Мухаррамлик в Иране и Ираке.

Изменился и внешний облик участвующих в траурных мероприятиях шиитов. Горожане, участвующие в Мухаррамлик, также чаще надевают на себя элементы одежды, связанные с траурными днями – значительно увеличилось число женщин в черных абаях и чадрах, мужчины со специальными головными повязками, выделяющими их как активных участников траурных мероприятий. Это тоже можно связать с распространенной практикой паломничеств в Иран и Ирак, откуда дербентцы привозят элементы одежды, используемые в траурных мероприятиях, а также, в целом, перенимают религиозную моду. Также можно связать обилие женщин в черных абаях и с увеличением числа покрытых женщин в Дагестане, в целом.

В самой мечети появились новые сооружения, которые используется и в Мухаррамлик: построены навесы, беседки и сидения во дворе мечети. Дело в том, что женщины в 2008 г. сидели в женской части внутри мечети, но сейчас эта часть реконструируется, поэтому женщины последние годы сидят во внутреннем дворе. В 2008 г., находясь в одном помещении, но разделенные занавесами, женщины слышали все выступления, проповеди и мерсия, но не видели их. Сейчас

¹ Подробнее об этом селении см. Капустина 2022.

они слышат их через динамики во дворе и также смотрят онлайн-трансляции в социальных мессенджерах.

Построены сооружения в разных частях значимых для шиитов старых кладбищ, в частности у источника «дюль-дюль Али» выстроен крытый навес, где проходят мовлиды и раздача саадака на сам день Ашура.

Безусловно, вышеперечисленные нововведения, визуально проявленные в Магале в настоящий период, обращены к верующим шиитам и призваны увеличить их вовлеченность в проводимые мероприятия. Причем эта вовлеченность достигается не только через апелляцию к религиозному наполнению траурного комплекса, но и к социальному значению его, а также к повышению авторитета общины через Мухаррамлик. Например, вместе с вышеописанными баннерами висят также баннеры с президентом В. Путиным, сидящим на встрече с аятоллой Хоменей, баннеры с аятоллой Хоменени и его предшественником Хомейни. Тот же посыл можно увидеть и в описанном выше баннере с описанием Мухаррамлик от А. Дюма. Все эти элементы как бы помещают событие в Магале в глобальный контекст, тем самым повышая статус общины.

Отдельное внимание стоит уделить баннеру «Ретро мухаррам. Из поколения в поколение оставаясь преданными Иمامу Хусейну (а)». Этот баннер, очевидно, подчеркивает Мухаррамлик как давнюю традицию дербентской общины, сумевшей ее сохранить в непростых условиях советского времени.

Это перекликается с представлениями членов общины о месте Дербента на шиитской карте региона. В постсоветское время он был центром притяжения для шиитских сел Северного Азербайджана, жители которых часто приезжали на Мухаррамлик именно в Дербент, поскольку здесь было более торжественное мероприятие. *«Дербент вообще специфическое место. Один... профессор... говорил, что у вас там, община. Я говорю, на это не смотрите, в самые времена, когда гонения были, со всего Северного Азербайджана сюда приезжали, потому что здесь всегда торжественно все идет... Это вообще уникальный город, это первый мусульманский город России, откуда исламизация всего Кавказа шла. И при этом сумел сохраниться как островок шиизма, что очень большая редкость»* [ПМА 2008, Ж., 50 лет].

На Ашуру в Дербенте и сейчас появляются те, кто разъехался далеко за его пределы. Так неоднократно можно было слышать рассказы о том, что живущие в Баку дербентцы до недавнего времени часто приезжали отмечать Ашуру в Дербент. *«Мой муж уже 60 лет рубит голову... от чистого сердца, каждый год. Иногда его брат в Баку голову рубит тоже, но иногда он приезжает из Баку в день Ашура, так я же говорю у них это запрещено. Там насколько это Ильхам Алиев, как бы там что ни было, они боятся. У них там такого нет, чтобы они в день Ашура концерт не давали (в значении – отменяли концерт по случаю траура – авт.) чтобы хотя бы приостановили на дня 3, уж не скажу на 40 дней. А у нас местное телевидение нет-нет, он все, уже считай 40 дней по местному телевидению у нас этого нет, с день Ашуры начиная – концерты-манцерты, поздравления – нету у нас этого 40 дней* [ПМА 2008, Ж., 60 лет].

В какой-то момент престижным стало приглашать роузехани из Баку, это могли сделать состоятельные члены общины по обету, наазиру – оплатить проезд

бакинских звезд мерсия. Однако уже в конце 2000-х гг. постепенно начали отказываться от приглашения таких специалистов и обходиться собственными чтецами. Значительно ослабли связи, в том числе религиозные, с Азербайджаном, с 2020 г., когда фактически закрылась наземная граница между государствами.

В связи с этим, безусловно, для членов дербентской шиитской общины важным является «избранность» города, причем именно со стороны общемусульманских и шиитских праведников и лидеров. Например, здесь популярны легенды о посещении Дербента Пророком Мухаммадом и имамом Али. Согласно первой Пророк, приняв пищу, стряхнул крошки со скатерти на землю и объявил, что этот город всегда будет хлебным местом, здесь будет благодать. С именем имама Али связывается происхождение священного места – родника «Дюльдюль Али». По одной версии, источник возник от удара копыта коня Али, по другой – Али просто заложил его совместно с другим праведником и даже спуускался в него в поисках воды, где принял бой с демонами, в результате подняв воду на кончике иглы, которой, тем не менее, хватило на всех жаждущих. Другое святое место Дербента – кладбище Кихляр – знаменито могилами 40 арабов, мученически погибших за ислам в первые десятилетия арабских завоеваний. Информанты также не раз указывали на то, что город Дербент даже упоминается в Коране¹.

Современный Мухаррамлик: новые институты

На современном этапе вокруг Мухаррамлик развилась не только инфраструктура, но и социальные институты. Появились различные общественные объединения, которые участвуют в преобразовании религиозной жизни дербентской общины, наиболее значимые из которых – «Ахли-Бейт», «Нур» и «Каусар».

Благотворительный фонд «Ахли-Бейт» создали один из имамов джума-мечети Хаджи Сурхай Асланов и его жена Жанна Куташева в 2016 г., официально он зарегистрирован в 2019 г. Изначально он задумывался супругами, получившими религиозное образование в Куме, как культурно-просветительский проект, но в результате был оформлен как фонд. Организация проводит обучение молодежи чтению Корана и основам шиизма, помогает малоимущим в городе, мониторит социальное благополучие семей общины, проводит религиозные мероприятия (день рождения Фатимы Захры, день первого надевания хиджаба девочками, мероприятия по поводу различных событий в мире) и т.д. [ПМА 2022]. В Мухаррамлик «Ахли-Бейт» организует оформление прилегающих к мечети улиц (заказывает баннеры), в одном из шатров они создали композицию со сценой битвы при Кербеле. Фондом проводились конкурсы среди детей на знания об исламе и о Мухаррамлике. При активном участии фонда в Дербенте в 2020 г. был организован круглый стол, посвященный шиизму «Культура и традиции мухаррама на юге России» [В Дербенте 2020], ставший ежегодным. Там в стиле научной конференции теории и практики российского шиизма (как правило, сами – соблюдающие шииты), а также чиновники и общественные деятели

¹ Здесь исследователям важна не степень реальности подобных преданий, а подчеркивание информантами через них значения Дербента на исламской карте мира.

рассматривают насущные проблемы шиизма в России, его истории, практик, социального и политического значения.

В Дербенте до недавнего времени существовала культурно-просветительская организация «Нур» под руководством переводчика Корана и исламского просветителя и благотворителя Назима Зейналова. На Мухаррамлик Н. Зейналов организует не только традиционные для Дербента шествия алям апаран, но и в последние годы ставит вдоль примыкающих к джума-мечети улиц шатры с напитками и едой, раздающей участникам, религиозной литературой, овощами и фруктами. Также их группа пыталась организовывать театрализованные траурные шествия по мотивам страданий мучеников Кербелы, похожие на те, что устраиваются в Иране и Ираке. Н. Зейналов ряд лет организовывал лотерею, где разыгрывались полтора десятка поездок на Арбаин.

Инициативная группа «Каусар» основана преподавательницей Корана девочкам в джума-мечети Эльнарой Х. в 2021 г. Ее деятельность первоначально была сконцентрирована на проведении ифтаров в мечети, особенно в период Мухаррамлик и сборе пожертвований на это. В ее ведении также и просветительская деятельность, и благотворительность, а специфика – исключительное участие в этом женщин. На Мухаррамлик их главная задача – раздача еды и напитков (чай, вода) во время меджлисов в мечети.

В целом, следует отметить, что роль женщин в организации и функционировании социальных институтов, активно выстраивающих религиозную жизнь общины, значительно возросла. Это связано с увеличением числа студенток религиозных вузов Ирана из числа дербенток и в связи с развитием женского движения в исламе, в целом [Махмуд, Tahiev 2024].

Все вышеперечисленные организации осуществляют свою деятельность на пожертвования. Их деятельность не ограничивается временем Мухаррамлик, но именно Ашура является значимым периодом для применения своей деятельности и демонстрации результатов.

Помимо более-менее институционально оформленных групп есть и более мелкие объединения членов общины, берущие на себя обеты во время Ашуры проводить благотворительные акции в мечети и в других важных для проведения Мухаррамлик локациях.

Не остается в стороне и само руководство джума-мечети: на средства мечети заказываются баннеры, которые вешаются на ее стенах, организовывается чаепитие, ведется просветительская деятельность в социальных сетях и т.д. Охрана меджлисов также санкционируется руководством мечети. Напряженная обстановка последних лет заставляет подключаться к этому правоохранительные органы, что помогло предотвратить несколько провокаций и нападений на мечеть.

Мухаррамлик: видимость для нешиитов

Шиитский мир, скрытый прежде даже от дербентцев-суннитов, живущих за пределами магала, постепенно выходит из тени. Неслучайным кажется баннер с высказыванием Пророка Мухаммада «Хасан и Хусейн, два моих благоухающих цветка этого мира», повешенный в районе центрального рынка – именно там, где шиитские шествия выплескиваются за пределы шиитских магалов и становятся

заметны суннитскому большинству города. Этот баннер можно прочесть как послание суннитам, что шиитский траур был бы санкционирован Пророком Мухаммадом, раз он так ценил своих внуков-имамов.

Последние годы, когда в Дагестане развивается туризм и в старых кварталах города часто появляются гости, не вписанные в религиозный контекст республики и Дербента, а Мухаррамлик приходится на летние месяцы, пик туристического сезона в приморский город, с традицией Ашуры сталкивается еще больше людей. Туристов стараются не пускать на вечерние траурные меджлисы декады Ашуры, за это отвечают волонтеры, следящие за безопасностью мероприятий в мечети, однако при этом угощают бесплатным пловом на подступах к мечети и, в целом, благожелательно объясняют суть проводимых обрядов. Баннеры на русском языке также очевидно несут в себе цель пояснения смысла мероприятия и для не шиитов, как суннитов, так и туристов-не мусульман. При этом происходят попытки регулирования поведения туристов. Например, Джума мечеть пытается указать туристам на необходимость соблюдать дресс-код: на столбах в магале вывешены объявления «Уважаемые гости Дербента, добро пожаловать! Просим уважительно относиться к культуре и традициям народов Дагестана! [Федеральный закон от 24.11.1996 г. № 132-ФЗ). Джума-мечеть г. Дербента» и примеры подобающей и неподобающей для посетителя Магала одежды.

Очевидно, значимым для шиитской общины является участие в Ашуре представителей других религиозных течений. Ежегодно с 1990-х гг. на Ашуру к ахунду С.-Х. Миртеидову приходили раввины дербентской синагоги и настоятель местной церкви Покрова пресвятой Богородицы отец Николай (убитый во время нападения на церковь в 2024 г.), выражая соболезнования по поводу траурных дней памяти Хусейна и его сторонников. По приглашению влиятельных членов общины меджлис недавно посещал и архиепископ Азербайджанский и Бакинский.

Также большое значение имеет внимание к центральному шиитскому мероприятию со стороны светских властей. Последние годы в мечети оглашается приветствие со стороны мера Дербента, появляются заметки о начале Ашуры в местной прессе и на телевидении. Презентацией внешнему наблюдателю и власти можно считать и вышеупомянутые круглые столы о традиции Мухаррам, где уже начиная с 2020 г. подчеркивалось, что это мероприятие может быть интересно туристам, приезжающим в регион [В Дербенте].

Таким образом, шииты Дербента через современную версию обрядов Мухаррамлик пытаются уйти от невидимости для окружающего шиитскую общину мира, не только суннитов и не мусульман, но и светских властей, и заявить свою позицию открыто и экспертно.

Выводы

Мухаррамлик – центральное шиитское мероприятие в году для общины азербайджанцев Дербента. Долгое время оно было практически единственным и общинообразующим. В советский период редуцирование обрядов и тайное его проведение дополнительно помещало шиитскую азербайджанскую общину в состояние ритуальной невидимости и дало дополнительный вес обрядам,

проходящим вне мечети – например, «баш чапан». В постсоветский период религиозная жизнь шиитской общины – это не только траурная декада памяти имама Хусейна и сторонников. У многих членов общины есть опыт учебы в исламских университетах Ирана, паломнических поездок к главным шиитским святыням, развиваются контакты с глобальным шиитским миром через Интернет и социальные медиа, что оказывает влияние на восприятие своей локальной традиции Ашуры. В результате ритуальный комплекс Мухаррамлик претерпевает определенные изменения, визуально он стал ярче и значительнее, обогатилась инфраструктура, сформированная вокруг него. Также помимо самой джума-мечети появились институты разной степени организованности, регулирующие его проведение – благотворительные фонды и инициативные группы.

К настоящему моменту некоторые локальные традиции уходят в тень и подвергаются критике, внутри общины существует дискуссия об этом, разделяющая людей на два лагеря, которые при этом не прекращают диалог друг с другом (подчас в рамках одной семьи). Добавляются и новые факторы – нешиитское окружение и туристы, в последние годы активно приезжающие в Дербент.

Исходя из всего вышеизложенного можно говорить о том, что декада Ашуры и последующий траур по-прежнему – тот кульминационный момент, в который шиитская община Дербента максимально вовлечена в религиозную дискуссию. С одной стороны, это приводит к обострению противоречий между «традиционным» и «чистым» шиизмом, но одновременно с этим и позволяет общине ощутить свое конфессиональное единство в условиях суннитского окружения, определить высокий статус города в шиитском мире и интегрироваться вокруг самого значительного религиозного события. При этом следует подчеркнуть, что Мухаррамлик перестал быть единственным значимым шиитским событием, поскольку ритуальная жизнь общины стала более разнообразной и в большей мере включенной в дискурс и практики других шиитских центров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

ПМА 2007, 2008, 2022 – полевые материалы автора, собранные в г. Дербенте в 2007, 2008, 2022 гг.

В Дербенте прошёл круглый стол «Культура и традиции мухаррама на юге России» // Дербент. Онлайн издание. Режим доступа: <https://derbend.ru/2020/10/16/v-derbente-proshyol-kruglyj-stol-kultura-i-tradiczii-muharrama-na-yuge-rossii/> (Дата обращения: 25.05.2025).

ЛИТЕРАТУРА

Балджи 2006 – Балджи Б. Судьбы шиизма в постсоветском Азербайджане // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 2. – С.75-87.

Гаджиева 1999 – Гаджиева С.Ш. Дагестанские азербайджанцы XIX – начала XX века. – М. Восточная литература РАН, 1999. – 199 с.

Гиббатуллин 2014 – Гибадуллин И.Р. Шиизм в России: поиск адекватной модели самоутверждения в общем контексте российской уммы // Ислам в мультикультурном мире: Мусульманские движения и механизмы воспроизводства идеологии ислама в современном информационном пространстве: сб. статей международной конференции. / отв. ред. И.Р. Гафурова, В.В. Наумкина, Р.Р. Хайрутдинова, А.Ю. Хабутдинова. – Казань: Казан. ун-т, 2014. – С. 67–88.

Капустина, Солоненко 2007 – *Капустина Е.Л., Солоненко М.В.* Шахсей-вахсей в Дербенте: традиция Ашуры в начале XXI века // Лавровский сборник: материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология: 2006–2007. / отв. ред. Ю.Ю. Карпов, И. В. Стасевич. – СПб.: Кунсткамера; 2007. – С. 105–109.

Капустина 2022 – *Капустина Е.Л.* Как подняться на гору: инфраструктурные проекты паломничества на Шалбуздаг // Антропологический форум. – 2022. – 55. – С. 221-256. doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-55-221-256.

Капустина, Солоненко 2011 – *Капустина Е.Л., Солоненко М.В.* Религиозное возрождение, традиционализм и самосознание: опыт шиитской общины Дербента // Ислам в России и за ее пределами: история, общество, культура. Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Батал-хаджи Белхароева. / отв.ред. М.С-Г. Албогачиева. – 2011. – С.606-611.

Кисриев 2004 – *Кисриев Э.Ф.* Ислам и власть в Дагестане. – М: ОГИ, 2004. – 224 с.

Махмудова 2006 – *Махмудова З.У.* Дербент в XIX – начале XX в. Этническая мозаичность города на "вечном перекрестке. – М.: Три квадрата. – 2006. – 176 с.

Махмуд 2023 – *Махмуд С.* Политика благочестия. Исламское возрождение и феминистский субъект. – М: НЛЮ, 2023. – 360 с.

Сеидова 2010 – *Сеидова Г. Н.* Сценическое искусство в традициях шиитского ислама в Дербенте // Вопросы культурологии. – 2010. – № 9. – С.35-38.

Сеидова 2007 – *Сеидова Г.Н.* Шиизм в Дагестане. – М.: Альта-Принт, 2007. – 154 с.

Сеитов 2021 – *Сеитов Э.М.* Формирование и деятельность шиитских сообществ Москвы в постсоветский период // Ислам в современном мире. – 2021. – №17 (2). – 141-160. <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2021-17-2-141-160>

Седанкина 2019 – *Седанкина Т.Е.* Шиитские ритуальные практики в теолого-психологическом контексте (на примере ритуала шахсей-вахсей) // Minbar. Islamic Studies. – 2019. – №12 (2). – С. 559-570. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-2-559-570>

Тагиев 2023 – *Тагиев А.* Шиизм на постсоветском пространстве: влияние новых медиа // Виртуальный ислам на постсоветском пространстве: киберсреда и религиозные авторитеты. / отв. ред. З. Хабибуллина, Э. Муратова. – Баку: Идрак, 2023. – С.80-107.

Шахбанов 2002 – *Шахбанов М.* Наш Шахсей-Вахсей // Республика. – 2002. – № 5. www.chernovik.net/index.php?paper_id=208

Ярлыкапов 2014 – *Ярлыкапов А.А.* Ислам и конфликт на Кавказе // Большой Кавказ двадцать лет спустя: ресурсы и стратегии политики идентичности. / отв. ред. Е. Михеев. – М: НЛЮ, 2014. – С.183-215.

Schmoller 2020 – *Schmoller J.* The Talking Dead: Everyday Muslim Practice in Russia // Nationalities Papers. – 2020. – №48 (6). – P. 1036-1051. <https://doi.org/10.1017/nps.2019.132>.

Tahiev 2024 – *Tahiev A.* Female Leadership in Shia Islam: Women on the Way from Mujtahid to Marja' // Societies. – 2024. – № 14. – P. 2. <https://doi.org/10.3390/soc14010002>

REFERENCES

SOURCES

PMA 2007, 2008, 2022 – author's field materials collected in Derbent in 2007, 2008, 2022.

A round table "Culture and Traditions of Muharram in the South of Russia" was held in Derbent // Derbent. Online publication. Access mode: <https://derbent.ru/2020/10/16/v-derbente-proshyol-kruglyj-stol-kultura-i-tradiczii-muharrama-na-yuge-rossii/> (05/25/2025).

LITERATURE

BALDZHI B. Sud'by shiizma v postsovetском Azerbaidzhane [The Fates of Shiism in Post-Soviet Azerbaijan]. IN: *Ethnographic Review*. – 2006. – № 2. – P. 75-87. (In Russ.).

GADZHIEVA S. Sud'by shiizma v postsovetском Azerbaidzhane [Dagestani Azerbaijanis of the XIX-early XX centuries]. – М.: Eastern Literature of the Russian Academy of Sciences, 1999. – 199 p. (In Russ.).

GIBATULLIN I. Shiizm v Rossii: poisk adekvatnoĭ modeli samoutverzhdeniya v obshchem kontekste rossiĭskoĭ ummy [Shiism in Russia: the search for an adequate model of self-affirmation in the general context of the Russian ummah]. IN: Islam in the multicultural world: Muslim movements and mechanisms of reproduction of the ideology of Islam in the modern information space: collection of articles from the international conference. [Islam v mul'tikul'turnom mire: Musul'manskie dvizheniya i mekhanizmy vosproizvodstva ideologii islama v sovremennom informatsionnom prostranstve: sb. stateĭ mezhdunarodnoĭ konferentsii] / Edited by I.R. Gafurova, V.V. Naumkina, R.R. Khairutdinova, A.YU. Khabutdinova. – Kazan: Kazan. University, 2014. – P. 67–88. (In Russ.).

KAPUSTINA E., SOLONENKO M.V. Shakhseĭ-vakhseĭ v Derbente: traditsiya Ashury v nachale XXI veka [Shahsei-vahsei in Derbent: the Ashura tradition at the beginning of the 21st century]. IN: Lavrovsky Sbornik: Proceedings of the Central Asian-Caucasian Studies. Ethnology, History, Archaeology, Cultural Studies: 2006–2007 [Lavrovskii sbornik: materialy Sredneaziatsko-Kavkazskikh issledovaniĭ. Ehtnologiya, istoriya, arkheologiya, kul'turologiya: 2006–2007.]. / Edited by Yu. Yu Karpov., I. V. Stasevich. – St. Petersburg: Kunstkamera; 2007. – P. 105–109. (In Russ.).

KAPUSTINA E. Kak podnyat'sya na goru: infrastrukturnye proekty palomnichestva na Shalbuzdag [How to Climb the Mountain: Infrastructure Projects for the Pilgrimage to Shalbuzdag]. IN: *Anthropological Forum*. – 2022. – № 55. – P. 221–256. doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-55-221-256. (In Russ.).

KAPUSTINA E., SOLONENKO M. Religioznoe vozrozhdenie, traditsionalizm i samosoznanie: opyt shiitskoi obshchiny Derbenta [Religious Revival, Traditionalism and Self-Consciousness: The Experience of the Shiite Community of Derbent]. IN: Islam v Rossii i za ee predelami: istoriya, obshchestvo, kul'tura. Materialy mezhregional'noi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya konchiny vydayushchegosya religioznogo deyatelya sheikha Batal-khadzhi Belkharoeva [Islam in Russia and Beyond: History, Society, Culture. Proceedings of the Interregional Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Death of the Outstanding Religious Figure Sheikh Batal-Khadzhi Belkharoev]. / Edited by M.S-G. Albogachieva, 2011. – P. 606-611. (In Russ.).

KISRIEV E. Islam i vlast' v Dagestane [Islam and Power in Dagestan]. – Moscow: OGI, 2004. – 224 p. (In Russ.).

MAKHMUDOVA Z. Derbent v XIX – nachale XX v. Ehtnicheskaya mozaichnost' goroda na "vechnom perekrestke [Derbent in the 19th – Early 20th Centuries. Ethnic mosaic of the city at the "eternal crossroads"]. – Moscow: Tri kvadrata, 2006. – 176 p. (In Russ.).

MAHMUD S. Politika blagochestiya. Islamskoe vozrozhdenie i feministskii sub"ekt. [Politics of piety. Islamic revival and feminist subject]. – Moscow: NLO, 2023. – 360 p. (In Russ.).

SEIDOVA G. N. Stsenicheskoe iskusstvo v traditsiyakh shiitskogo islama v Derbente [Performing arts in the traditions of Shiite Islam in Derbent]. IN: *Voprosy kulturologii*. – 2010. – № 9. – P. 35-38. (In Russ.).

SEIDOVA G. N. Shiizm v Dagestane [Shiism in Dagestan]. – Moscow: Alta-Print, 2007. – 154 p. (In Russ.).

SEITOV E. M. Formirovanie i deyatel'nost' shiitskikh soobshchestv Moskvy v postsovetskii period [Formation and activities of Shiite communities in Moscow in the post-Soviet period]. IN: *Islam in the modern world*. – 2021. – № 17(2). – P. 141-160. <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2021-17-2-141-160>. (In Russ.).

SEDANKINA T.E. Shiitskie ritual'nye praktiki v teologo-psikhologicheskom kontekste (na primere rituala shakhsei-vakhsei) [Shiite ritual practices in the theological and psychological context (on the example of the shakhsei-vakhsei ritual)]. IN: *Minbar. Islamic Studies*. – 2019. – № 12(2). – P. 559-570. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-2-559-570>. (In Russ.).

TAGIYEV A. Shiizm na postsovetskom prostranstve: vliyanie novykh media [Shiism in the post-Soviet space: the influence of new media]. IN: Virtual'nyi islam na postsovetskom prostranstve: kibersreda i religioznye avtoritety [Virtual Islam in the post-Soviet space: cyber environment and religious authorities]. / Edited by Khabibullina Z., Muratova A. – Baku: Idrak, 2023. – P. 80-107. (In Russ.).

SHAKHBANOV M. Nash Shakhsei-Vakhsei [Our Shakhsey-Vakhsey]. IN: Republic. – 2002. – № 5. www.chernovik.net/index.php?paper_id=208. (In Russ.).

YARLYKAPOV A. Islam i konflikt na Kavkaze [Islam and conflict in the Caucasus]. IN: Bol'shoi Kavkaz dvadtsat' let spustya: resursy i strategii politiki identichnosti [Greater Caucasus twenty years later: resources and strategies of identity politics]. / Edited by Mikheev E. – Moscow: NLO, 2014. – P. 183-215. (In Russ.).

SCHMOLLER J. The Talking Dead: Everyday Muslim Practice in Russia. IN: *Nationalities Papers*. – 2020. – № 48 (6). – P. 1036-1051. <https://doi.org/10.1017/nps.2019.132>.

ТАННЕР А. Female Leadership in Shia Islam: Women on the Way from Mujtahid to Marja'. IN: *Societies*. – 2024. – № 14. – P. 2. <https://doi.org/10.3390/soc14010002>

Информация об авторах

Е.Л. Капустина – кандидат исторических наук.

Information about the author

E.L. Kapustina – PhD (History).

Статья поступила в редакцию 24.07.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 24.07.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

Научная статья
УДК 39
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-240-254
EDN: LFGNHA

НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ АДЫГСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА МАТЕРИАЛАХ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ)

Елена Аниуаровна Нальчикова¹, Мадина Руслановна Захохова², Светлана Султановна Апажева³

^{1,2,3} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

¹ elenalchik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2090-0105>

² madia_rz@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-9817-6971>

³ svetlana.apageva@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-5811-5618>

Аннотация. Статья посвящена историческим аспектам современных проблем региональной молодежи, актуализированным реальным государственным и, соответственно, научно-исследовательским интересом. Практическая значимость результатов связана с современными дискуссиями сторонников традиционалистских и фундаменталистских взглядов. Использование преимущественно этнографической методологии для исследования междисциплинарной проблемы определено обращением к периоду «архаики» и «вчерашнему дню» адыгской культуры. Традиционные возрастные градации молодежи носили гендерно- и сословно дифференцированный характер. Система существовавших в прошлом запретов, дозволений и обязываний, распространявшихся на молодых, имела ярко выраженную этническую специфику. Результаты исследования позволяют назвать «вербальные», «пищевые» «пространственные» и «посадочные» ограничения и табу максимально устойчивыми. Именно сохранность последних до настоящего времени доказывает традиционную основу современной культуры адыгов.

Ключевые слова: молодежь, адыгская культура, традиционные статусы и роли, дозволения и обязывания, половозрастная шкала

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Внутреннего гранта КБГУ (Договор № 38), в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: Нальчикова Е.А., Захохова М.Р., Апажева С.С. Некоторые элементы традиционной культуры в формировании стратегий поведения современной адыгской молодежи (на материалах Кабардино-Балкарии) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 240-254. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-240-254. EDN: LFGNHA.

© Нальчикова Е.А., Захохова М.Р., Апажева С.С., 2025

Original article

**FEATURES OF THE FORMATION OF YOUTH
SOME ELEMENTS OF TRADITIONAL CULTURE
IN THE FORMATION OF BEHAVIOR STRATEGIES
OF MODERN ADYGH YOUTH
(BASED ON THE MATERIALS OF KABARDINO-BALKARIA)**

Elena A. Nalchikova¹, Madina R. Zakhokhova², Svetlana S. Apazheva³

^{1,2,3} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

¹ elenalchik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2090-0105>

² madia_rz@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-9817-6971>

³ svetlana.apageva@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-5811-5618>

Abstract. The article is devoted to the historical aspects of modern problems of regional youth, actualized by real state and, accordingly, scientific research interest. The practical significance of the results is associated with modern discussions of supporters of traditionalist and fundamentalist views. The use of predominantly ethnographic methodology for the study of an interdisciplinary problem is determined by an appeal to the period of "archaism" and "yesterday" of the Adyghe culture. Traditional age gradations of youth were gender- and class-differentiated. The system of prohibitions, permissions and obligations that existed in the past and applied to young people had a clearly expressed ethnic specificity. The results of the study allow us to call "verbal", "food", "spatial" and "seating" restrictions and taboos the most stable. It is the preservation of the latter to this day that proves the traditional basis of the modern Adyghe culture.

Key words: youth, Adyghe culture, traditional statuses and roles, permissions and obligations, age and gender scale

Acknowledgments and funding: The study was funded by the KBGU Internal Grant (Contract No. 38) as part of the Priority 2030 program.

For citation: Nalchikova E.A., Zakhokhova M.R., Apazheva S.S. Features of the formation of youth some elements of traditional culture in the formation of behavior strategies of modern Adygh youth (based on the materials of Kabardino-Balkaria). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 240-254. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-240-254. EDN: LFGNHA.

© Nalchikova E.A., Zakhokhova M.R., Apazheva S.S., 2025

Введение

Изменения, внесенные в 2020 г. в федеральное законодательство в сфере молодежной политики, и в первую очередь, принятие нового закона «О молодежной политике в Российской Федерации» (ФЗ № 489 от 30 декабря 2020 г.) вновь акцентируют исследовательское внимание на «возрастном» подходе к определению молодежи, когда фиксация возрастных границ последней является принципиально значимой. Но в науке до сих пор присутствует терминологическая размытость, неясность и неопределённость самого понятия «молодёжь» и ее возрастных рамок. Даже И.С. Кон, видный советский и российский социолог – философ, антрополог, разработчик «социологической психологии» – выделявший молодежь на основе совокупности, прежде всего, возрастных характеристик, не конкретизировал их [Кон 1974: 478].

Возрастной показатель максимально значим для проведения этнодемографических исследований. До недавнего времени молодежь в них рассматривалась «как особая популяция в обществе в возрасте от 15 до 30 лет» [Плугарь и др. 2015: 4]. Но еще в 1973 г., например, философ В.Н. Боряз при изучении методологических оснований дефиниции «молодежь» обозначил ее предельные возрастные ограничения – 14 и 35 лет, соответственно [Боряз 1973: 133]. Именно эти границы зафиксированы во многих современных научных трудах и правовых документах страны, включая принципы выборки в эмпирических социологических исследованиях молодежи и локальные нормативные акты, а также Федеральный Закон о молодежной политике в РФ.

Политолог А.Ф. Радченко [Радченко 2012: 19-29] основательно подошла к проблеме дефиниции молодежи, исследовала проблему обоснования возрастных границ «молодежи», апеллируя к мировой практике, российскому опыту и научно-обоснованным данным. У нее самые серьезные затруднения вызвало определение верхней возрастной границы молодежной группы из-за отсутствия репрезентативных эмпирических данных.

Для решения задач настоящего исследования важным оказался постулат И. Ильинского о назревшей необходимости «современной, отвечающей запросам XXI в., концепции молодежи, которая, в свою очередь, не может быть создана без новой философии возраста» [Молодежь России... 1993: 6]. На наш взгляд, своеобразным «ответом» на данный запрос можно счесть монографию Вал. Лукова «Теории молодежи: междисциплинарный анализ» [Луков 2012], где освещены все ключевые концепции молодежи. Автор свел воедино различные дефиниции молодежи, структурировал основные подходы к ее определению, отдельно выделив биологически и психологически ориентированные (в них рассматривается не молодежь, а молодость), а также социологические теории молодежи.

Возвращаясь к идеям гуманистической концепции И. Ильинского, а именно, к одному из ее базовых положений о том, что «молодежь – явление конкретно-историческое», можно говорить о «молодежи конкретных обществ» [Луков 2012: 269]. Поэтому при изучении феномена нельзя игнорировать этнографические исследования, акцентирующие внимания на этнических особенностях в определении возрастных границ и статусов молодежи.

Основная часть

В рамках нашего исследования особенно ценными оказались научные труды советских и российских адыговедов, таких С. Мафедзев, Б. Бгажноков, М. Текуева. Все научные труды С. Мафедзева, и, особенно, «Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов» [Мафедзев 1991] посвящены вопросам воспитания детей и подростков, социализации адыгской молодежи в традиционный период. Именно он делал акценты на возрастных особенностях и зафиксировал несколько возрастных шкал прошлого. Б. Бгажноков [Бгажноков 1999] обращался исключительно к духовно-нравственным основам традиционной культуры. При описании адыгской этики и этикета (*Адыгэ хабзэ*) он отдельно рассматривал нормативные модели поведения молодежи. М. Текуева в монографии «Мужчина и женщина в традиционной культуре адыгов» [Текуева 2006]

акцентировала внимание на гендерно-дифференцированном характере традиционной системы воспитания, исследуя женские роли и статусы в адыгском обществе в прошлом и настоящем.

Временные рамки настоящего исследования могут быть обозначены на основании исследований современных кавказоведов, которые Северный Кавказ и сегодня относят к зоне «архаики» [Дмитриев 2024: 179]. Поэтому для изучения процессов обозначения (фиксации) возрастных границ и специфики традиционных ролей и статусов в группе «молодежь» авторы обратились к «архаическому» периоду адыгской (в частности, кабардинской) культуры, включая отголоски ее в современности.

Междисциплинарный характер проблемы позволил применить методологию различных научных дисциплин. В настоящем исследовании были использованы все три уровня этнографических методов: сбор материала, его обобщение и интерпретация. Помимо анализа полевых материалов авторов, собранных в ходе экспедиций по селениям Чегемского, Баксанского, Урванского и Лескенского районов КБР в 2022-2024 гг., были по-новому интерпретированы этнографические описания путешественников по Кавказу XIX в. (и более раннего периода). Важным стало и обращение к методике реконструкции, построенной на модельном принципе. Именно избранный для изучения «вчерашний день» предопределил актуальность метода этнографической реконструкции в настоящем исследовании.

Известно, что существовавшие в адыгской культуре традиции «препятствовали» высокой скорости взросления детей и молодежи. Сама же процедура интеграции и «включения молодежи в состав старшей возрастной группы в условиях патриархального быта была протяженной по времени, а понятие «молодежь» относилась и к большому количеству людей зрелого возраста» [Нальчикова, Машуков 2020: 194]. Дополнительные сложности были связаны с отсутствием понятия календарного возраста: «эпохами у них служат необыкновенные в природе явления... кровопролитные сражения и другие знаменитые события... Редкий черкес знает безошибочно, сколько ему лет отроду» [Хан-Гирей 1992: 107-108]. Вплоть до начала XX в. горцы не вели точных записей своих родившихся и умерших, а в быту применялся черкесский / адыгский «сельскохозяйственный» календарь (*махуэгъэпс* – каб.).

В первой половине XX в. ситуация также кардинально не поменялась. Наш информатор Ануар Н., 1939 г.р. свой год рождения называл примерным, его братья и сестры также не могли назвать точную дату своего рождения – погрешность колебалась от нескольких месяцев до нескольких лет [ПМА 2022]. Со слов дочери Султана А., ее отец, 1924 г.р., а также его брат и сестра, рожденные в 1930-х годах, свой год рождения знали точно, но день и месяц были указаны приблизительно: «Отец говорил, ссылаясь на старших, что родился в месяц сбора кукурузы (*мазэ нартыхур къыщыдачыж зэманым ирихьэлIэу* – каб.). Однако в книге ЗАГСа о рождении за 1940 г. указана дата 25 июля 1924 г., что соответствует летнему времени, а не поздней осени, когда собирали зрелую кукурузу» [ПМА 2024]. Кроме того, тогда часто случалось, что год рождения ставили произвольно. Поэтому в школах в одном классе могли учиться разновозрастные дети

– это заметно на старых школьных фотографиях». Подобная «вольность» с годом рождения позволила многим «мальчикам из нашего села, которым явно еще не было восемнадцати лет, уйти на фронт добровольцами. Среди них был и мой отец» – вспоминает Мадина А., 1950 г.р. [ПМА 2024]. Аналогичные истории с небольшими нюансами имеются практически у всех представителей старшего поколения Кабардино-Балкарской Республики, проживающих или вышедших из сельской местности. Очевидно, система регистрации рождений в годы советской власти в селах Кабардино-Балкарии носила не всегда регулярный и объективный характер, а привычная привязка к знаковым событиям или времени важных сельскохозяйственных работ оставалась актуальной даже в эпоху социалистической модернизации.

«В обществах, где возрастное старшинство определяет социальную иерархию, наблюдается стремление к идентификации со старшими возрастами (в культурных знаках, например, это означает стремление юношей отпустить усы, бороду)» [Луков 2012: 295]. Адыгская культура в этом смысле не исключение, ей свойственна корреляция старости и мудрости: в документальных источниках XIX в. находим свидетельство А. де ла Мотрэ: «старейшины служат им судьями также, как и священниками» [Мотрэ 1974]. Отдельное исследование знакового характера бороды и усов, как символов старости/мудрости и молодости/маскулинности в традиционной черкесской культуре осуществили М.А. Текуева, Е.А. Нальчикова и др. [Нальчикова, Текуева и др. 2017: 127-137]. Авторами были рассмотрены указанные этнокультурные знаки и символы, отражавшие в разные периоды не только возрастную и гендерную принадлежность, но также сословный и ситуативный факторы.

Чтобы достичь почетного возраста и статуса человек должен был пройти долгий жизненный путь, преодолев множество ритуально-оформленных этапов: военно-спортивные игры и военные походы, создание семьи, рождение детей и внуков. В многочисленных описаниях иностранных путешественников по Кавказу находим подтверждение классической модели жизненного пути дворянства и «сословно-дифференцированному характеру традиционного отношения к молодежи в адыгском социуме» [Нальчикова, Машуков 2020: 192-204]. Если составить иерархический перечень занятий знатной молодежи, то на первом месте стоят война и набеги, на втором – военно-спортивные игры, на третьем – охота.

В отдельных культурах «есть социальные группы, в которых слой молодежи ничтожен...» [Луков 2012: 295]. Прямо противоположная ситуация, а именно отсутствие стариков, наблюдается в составе мужской группы высших сословий адыгов – князей (*пицы*) и первостепенного дворянства. Подтверждение находим в многочисленных примерах ситуативных реакций на встречу с седовласым князем примерно следующего содержания: «Сколько лет живу на свете (более ста) – первый раз встречаю *пицы*, дожившего до седины» [Марзей 2004: 239]. А объяснение феномена кроется в особенностях традиционного уклада и следовании принципам дворянского этикета (*уэркъ хабзэ* – каб.): черкесская знать в условиях военизированного быта героически гибла на полях сражений, в набегах и состязаниях в молодом возрасте. В народных преданиях сохранились выражения: «Мы, [черкесские князья Каноковы] планируем жить до двадцати пяти лет» [Марзей 2004: 239].

Аналогичные примеры, со ссылкой на исторические источники и свидетельства информантов, приводят практически все региональные этнографы.

В монографии Вал. Лукова «Теории молодежи» отмечена важная деталь: «Не меньшее значение, чем внешние границы, отделяющие молодежь от других социальных групп, в исследовательской практике имеют внутренние границы, связанные с выделением в общей группе молодежи возрастных подгрупп» [Луков 2012: 296]. Видный адыгский ученый С.Х. Мафедзев писал о трансмиссии жизненного опыта старших поколений младшим, реконструируя «вчерашний день» адыгской молодежи [Мафедзев 1991]. Зафиксированная им «половозрастная шкала» представляет определенный интерес при изучении авторитарной парадигмы семейного и общественного воспитания подрастающего поколения, ролей и статусов детей и молодежи в традиционном обществе и пролонгировании актуальных методик и ментальных характеристик на будущее молодежи одного из титульных народов Кабардино-Балкарской Республики.

Гендерный аспект «половозрастной шкалы» до 5-7 лет не имел значения – социализация детей проходила без учета половых особенностей. Соответственно, ребенка до года называли воробышком (*бзу шыр*), до 5 лет – птенцом, у которого крепнут крылья (*и дамэр мэж*) или развивается язык, речь (*и бзэр мэжтэ*). После этого шкала раздваивалась, приобретая гендерно-дифференцированный характер. При этом ее можно назвать «ассоциативной», потому что развитие мальчика-мужчины на разных этапах сравнивалось с видом животного, носителя определенных качеств: козленком – непоседа, волком – бесстрашный...» [Мафедзев 1991: 22]. «Девочек до 10-12 лет называли «хъыджэбз танэ» (девочка-теленка), до 14-15 лет – «зи шэфэл къэкIуэгъуэ» (зреющая), до 16-18 лет – «и шэфэл къэкIуащ» (созрела) или «зи ишэгъуэ» (на выданьи) [Мафедзев 1991: 23].

Автор подчеркивал условный характер возрастных градаций. «Если подросток был не по-детски рассудительным, не по возрасту солидным, то о нем иронично говорили: «дадэ къуапэ» (вроде: молодой старик), про рассудительную не по годам девочку могли сказать «уд фызыжъ цIыкIу» (букв.: маленькая ведьмочка); равно и про легкомысленного мужчину говорили «и танэбжъэр фIэкIакъым» – телячьи рога не сошли. Выражение «Жьым тесу псым йопыдж» (Сидя на ветре, воду бодает), что буквально означало «ветренный человек» могло относиться и к юноше, и к девушке. Учитывались и физические характеристики. Так, говорили: «По росту детей определяют их возраст» (*Сабийм и инагъ и ныбжъыц*), или «По теленку видать будущего быка» (*Вы хъунур шкIэ цIыкIэ къоуцIэ*) [Мафедзев 1991: 23].

Использовались также возрастные градации, связанные со сменой семейного статуса (женитьбой / замужеством): (1) *цауэцIэ*, или *лIы* (молодой муж, мужчина...) / *нысащIэ* (молодая невестка), (2) *лIыку* (мужчина средних лет) / *фызыку* (женщина средних лет), (3) *лIыжъ* (старый мужчина, старик) / *фызыжъ* (старая женщина, старуха) [Мафедзев 1991: 23].

Трудность в определении возрастных рамок всех категорий, включая молодежь, заключалась и в том, что документальные описания касались разных исторических периодов и различных адыгских субэтносов. Именно поэтому, на первый взгляд, весьма противоречивой выглядит информация европейских и

российских путешественников по Кавказу. Так, в частности, посетивший в 1830-ые годы Кавказ европейский исследователь, известный ученый-естественник и кавказовед Карл Кох зафиксировал некоторые значимые для нас детали брачно-семейных отношений: «Неестественный обычай женить детей до достижения ими зрелости не встречается у черкесов, зато бывают случаи, когда молодые люди вступают в брак только на тридцатом году жизни. Обычно же молодые люди вступают в брак в возрасте от двадцати до двадцати четырех лет» [Кох 1974: 613]. Во время этой поездки он наблюдал и описывал повседневность черкесов, преимущественно западных. Незадолго до него (двадцатью годами ранее) свои непосредственные этнографические впечатления оставил русский академик Г.-Ю. Клапрот, также дважды побывавший в Большой и Малой Кабарде, зафиксировавший традиции достаточно ранних браков: «Обычно раньше кабардинцы женились только в возрасте от тридцати до сорока лет, но теперь они вступают в брак в возрасте от пятнадцати до двадцати пяти лет, а женщины от двенадцати до шестнадцати лет. Девушка в возрасте более семнадцати лет редко найдет себе мужа» [Клапрот 1974: 265]. Возможно, поэтому, девушка, не вышедшая замуж до 25 лет, называлась «къыдэнэжа» (оставленная, старая дева), но мужчину, не женившегося до 45 лет, называли *цIалэфызкъэмышэ* (парнем, не взявшим себе жену). Другое обозначение для не женившегося вовремя – *цIалэгъэужь* (не первой молодости, в годах), оно содержит некоторую негативную коннотацию: уже перезрел для женитьбы, но при этом ключевым остается слово «парень» – раз не перешел в статус «женатого», то все равно молодой.

Очевидно, что несмотря на противоречия в «показаниях» путешественников по Кавказу по поводу брачного возраста адыгов, в качестве традиционной практики бытописатели называют создание семьи «по достижении зрелости».

Таким образом, многообразие существовавших возрастных градаций, включая основанные на семейном статусе, свидетельствовало о значимости самого процесса воспитания и социализации, о понимании специфики различных половозрастных групп, невзирая на отсутствие практики использования в повседневном быту общепринятого календаря.

В целом, этнокультурная специфика в определении молодежи и ее статуса у адыгов, на наш взгляд, может быть выявлена путем исследования традиционной системы этикетных предписаний (обязываний), дозволений (рекомендаций) и запретов (табу).

Каждый молодой человек считал своим долгом демонстрировать «героическое поведение», «готовность рискнуть жизнью», которое проявлялось не только на полях сражений для защиты родины, но и в различных набегах и состязаниях, призванных «развивать воинственный дух в молодежи» [Главани 1974: 164]. Касавшаяся, в первую очередь, представителей высших сословий, эта норма служила эталонной для остальной адыгской молодежи, поэтому ее можно назвать общенародной.

Среди обязываний, накладываемых на молодых, наиболее заметным было «обслуживание старших, гостей и иных категорий» (и не только во время трапезы). Оно осуществлялось, в том числе, в рамках традиционных общественных институтов (гостеприимства / куначества). Обязанности обслуживания старших

и гостей (последние имели для адыгов сакральный характер), ложились исключительно на плечи молодых: «мальчики и девушки прислуживают гостю с открытым лицом и моют ему ноги, между тем как женщины заботятся о мытье его белья» [Лукка 1974: 71]. Четкий половозрастной принцип распределения обязанностей проступает в следующем описании: «Две дочери... старались наперебой услужить мне... Она (их мать – авт.) посадила меня у огня, и самая старшая из ее дочерей принялась снимать с меня обувь... Я подчинился обычаю; моя обувь была не только снята, но она разула меня целиком, а ее сестра, поливая теплую воду в умывальник, род деревянного корыта, поместила в него мои ноги и вымыла» [Мотрэ 1974: 132]. «Молодой человек (сын хозяина дома, в котором они остановились – Ред.), его брат снял с меня сапоги, а молодая девушка, его сестра, вместе с матерью, вымыла мне ноги» [Мотрэ 1974: 142]. Подобные процедуры, «нежные знаки внимания» [Белл 1974: 504], осуществлялись и в отношении больного, и особенно, раненого. Очевидно, что многочисленные проявления безрассудного героизма молодых, с одной стороны, и безропотное прислуживание гостям, старшим, больным (раненым), – с другой, стали теми традиционными обрядами, что привлекли внимание иностранных путешественников – представителей иных народов и культурных традиций.

Если обратиться к системе дозволений, то, в первую очередь, это развлечения: «молодые люди обоих полов вольны встречаться и принимать участие в забавах; женщины не застенчивы, не скромны» [Паллас 1974: 222]. На долю молодых всегда оставалась «развлекательная» часть застолья – участие в танцах, музыке, состязаниях: «Когда старцы, сидящие за столом, покончили с едой, они удаляются к себе, оставляя молодежь, мужчин и женщин, юношей и девушек продолжать веселье и танцы под звуки флейт» [Тавернье 1974: 78-79], Указанные дозволения не имели гендерных ограничений: «Особенно девушки допускаются на все празднества, которые они оживляют своей игривостью, и их общество является одним из лучших способов отдохновения для мужчин, с которыми девушки общаются с величайшей непринужденностью» [Марины 1974: 297].

Но самую яркую этническую специфику имела система запретов. Среди них отметим запрет на высказывание собственного мнения в присутствии старших – «вербальный»: «некоторые (из молодых – авт.) пошли помогать резать скот и готовить мясо для котлов, другие развлекались беготней, прыганьем и т. д., в то время как пожилые заполняли это время беседами» [Белл 1974: 511], то есть беседы – это удел пожилых, молодые заняты на подсобных работах или развлечениях. «Редко бывает, чтобы кто-нибудь в возрасте моложе сорока лет вмешивался в обсуждение; и только с появлением достаточного количества седых волос в бороде, говорящих о зрелой мудрости старейшины, оратор может рассчитывать на внимание аудитории» [Лонгворт 1974: 550]. Наши информанты, вспоминая поучительные рассказы своих старших, часто приводят примеры о скромной молчаливости, воспитанной в русле национальных традиций молодежи. И речь идет не только о внутрисемейной, но и общественной практике. Сегодня часто старший в роду дает наказ (*унафэ* – каб.) по проведению обрядов жизненного цикла, а молодые исполняют. Например, по поводу сватовства Лариса А., 1968 г.р., говорит: «У нас последние годы всю молодежь женит Магомед – старший в роду. Именно он

говорит, кто поедет к родне невесты, кто будет главным, что говорить, сколько времени пробыть» [ПМА 2022]. Но указанный запрет действует и за пределами семьи и рода. Так, Заира Д., 1999 г.р., устраиваясь на работу, получила следующее наставление от своей матери: «будь *жыIэдаIуэ* (каб.), слушай свою начальницу на работе, не оговаривайся, делай, что она скажет, даже если что тебе не понравится – промолчи, она старше, она лучше знает, что делать» [ПМА 2023]. Попытки на современном этапе использовать в республике институт старейшин для решения спорных вопросов и примирения конфликтующих сторон (в которых задействована «горячая» молодежь) также опираются на ментальные установки местной молодежи на почтительное принятие наказов старших.

Другой запрет можно обозначить как «пространственный», или «дислокационный»: в религиозной сфере – запрет на вход в церковь, иначе, «...богослужение, которое в молодости слушают не иначе, как у дверей церкви, и не слезая с коня» [Интериано 1974: 47]. Невзирая на выраженную сословную основу нормы, ее общенациональный характер не может быть подвергнут сомнению из-за многочисленности дошедших до нашего времени документальных свидетельств и наглядных примеров недавнего прошлого о почетных/непочетных сторонах и местах, которые обозначались всюду: от стола до кладбища. Регламентации подвергалось в зависимости от пола и возраста местонахождение в отдельной комнате, доме, усадьбе, на прогулке и при встрече – об этом существует обширная адыговедческая литература.

Понятно, что распространение ислама постепенно изменило религиозные практики, посещение мечети стало обязательным для всех возрастных категорий мужчин-адыгов. Но ранее категоричные дислокационные ограничения продолжали, в смягченной форме, действовать на всех важных мероприятиях с присутствием священнослужителей и старейшин. И распространялись они и на мужчин, и на женщин. В одном из дневников шотландского путешественника XIX в. Дж. Белла описана мера, в котором он участвовал лично, «...причем пожилые располагались на поляне около огня, а молодые на опушке около роши» [Белл 1974: 511]. Противопоставление мест по принципу престижности/непрестижности в адыгской культуре демонстрирует свою жизнеспособность до настоящего времени.

Так, отголоски указанного «дислокационного» запрета слышны в современных внутринациональных дискуссиях. Речь идет о спорах начала XXI в. насчет правил расположения в мечети (выборе места) для представителей различных возрастных страт. Приверженцы традиционалистских взглядов (за первичность древних национальных традиций, поэтому в просторечии хабзисты) противостоят позициям фундаменталистам (сторонников приоритетности шариатских норм). Рефлексию по этому поводу встречаем, например, у видного российского этнолога, доктора исторических наук И.Л. Бабич, у современного исследователя, кандидата исторических наук А.Н. Таковой. Религиозный ренессанс, переживаемый в регионе, рост числа мечетей и возвращение в них верующих, подняло на поверхность проблему внутримечетского размещения. В соответствии с обычаями лучшие места должны были достаться старшим, независимо от времени прихода. А по мусульманским канонам, имеет значение только первоочередность

прихода. Поэтому запрет младшему занимать почетное место, приводил к «хаотичному перемещению людей, отвлекающему от молитвы» [Такова 2016: 3]. Общественный резонанс вокруг указанной проблемы демонстрирует длительную сохранность и перманентную значимость «дислокационного» табу.

Примыкает к последнему «посадочный» запрет – даже «молодой князь, способный продемонстрировать в боях всю гордость, присущую его рангу, решится сесть в присутствии старика только с разрешения последнего» [Мариньи 1974: 304]. «Главный из обычаев... – обязанность женщины вставать при появлении любого мужчины или любой более пожилой женщины, будь она даже из числа прислуги; мужчины поступают точно так же в отношении обоих полов; сесть можно только после того, как лицо, ради которого все поднялись, дает об этом знак словом «тизе» («садись»). Эти люди (адыги/ черкесы – авт.) никогда не пренебрегают этим обычаем, и даже в семье они остаются ревностными приверженцами этого неудобного обычая» [Мариньи 1974: 304]. Существовавший строгий запрет садиться младшим без приглашения старших, обязанность вставать при входе в помещение старшего человека и ждать его разрешения на то, чтобы сесть, до настоящего времени (правда, в сильно трансформированном виде) остается важным этноопределяющим признаком. Указанный запрет соблюдается в упрощенном виде и в диаспоре, в среде зарубежных адыгов. Самиха Д., 1930 г.р., из Иордании сообщает, что «жена моего брата никогда не садилась в присутствии моего отца, который умер в 1971 году, и вообще, старших мужчин» [ПМА 2022].

Следующий запрет можно назвать «пищевым» – это «недопуск» молодежи к застолью (к столам). На торжественных мероприятиях молодежь последней участвовала в трапезе: «...первыми идут самые старшие, а дети дерутся за те кости, которые им остаются» [Тавернье 1974: 77]. У «пищевого» запрета имелись «сословные» нюансы, связанные и с особенностями приема пищи рядом с гостями: «Для черкеса постыдно есть быстрее иностранца; потому наш хозяин, молодой князь и его остальные друзья не принимали участия в обеде, они лишь ели наш десерт по мере того, как его выносили во двор» [Мариньи 1974: 297]. Этот запрет наблюдался и в повседневном быту: «Черкесская семья никогда не собирается за столом; отец и мать ужинают отдельно, также, как и дети, которые разделяются в зависимости от пола и возраста и отправляются съесть свою порцию в уединенном месте» [Мариньи 1974: 297].

Интересное объяснение гендерной дифференциации за семейным обеденным столом сообщают информанты. Так, Марина Б., 1984 г.р., вспоминала: «Я слышала от мамы, что ее коллега и подруга Нина Ш., рассказывая о традиционном укладе своей семьи, цитировала отца: «В детстве, где-то лет до 10, я свою мать и, вообще, всех женщин, как неземные существа, потому что никогда не видел, как моя мама кушает» [ПМА 2022]. Близкие по содержанию описания, но с различными вариациями объяснений приводят другие информанты. А Мадина Х., 1975 г.р., говорила: «Мой дедушка имел 4-х братьев. Его мама кормила детей отдельно от старших. Когда она ела – он не помнит, она всегда работала. Поэтому дедушка стеснялся в молодости девушек. Ему совсем не нравилась поговорка «*мы цыкIум и шатэ ихыкIэ*» («посмотрите, как эта малышка лакает/ест сметанку»), в том смысле, что влюбленному все нравится в любимой), потому что

женщина не должна при мужчине есть, или, хотя бы очень тихо и скромно это делать – так он меня учил» [ПМА 2022]. Асият Х., 1956 г.р. приводила объяснение, которое озвучивала ее мать: «Я никогда не садилась за стол с твоим отцом. Во-первых, потому, что стеснялась, вдруг он увидит, что пронесла мимо рта, крошка упадет, или как-то некрасиво буду жевать. Во-вторых, и это самое главное, как научить детей уважительно относиться к старшему, как не личным примером? Поэтому и сама не ела, ни детей не кормила с их отцом – пусть уважают его главенство с самого детства» [ПМА 2023]. Очевидно, что половозрастная дифференциация за семейным столом, также показательна при описании ролей и статусов адыгской молодежи.

Существовал отдельный «питьевой» запрет – на спиртное. Только знатных мужчин, например, касалась следующая норма: в случае личного участия в застолье юноши не имели права пить спиртного, «пока последние не совершат какого-нибудь ловкого воровства или какого-нибудь важного убийства» [Лукка 1974: 72]. Налицо гендерно- и сословно-дифференцированный подход в отношении молодых, которые должны заслужить право на «взрослое» поведение. Указанный запрет со времени распространения ислама закономерно прекратил свое действие, что было связано не с прекращением требования к молодежному «героизму», а с запретом на алкоголь. Но в советский период, когда распитие спиртного стало достаточно распространенной практикой среди региональной молодежи, характер отдельных половозрастных столов позволял не осуществлять «запретного действия» перед старшими.

Заключение

Таким образом, в ходе проведенного исследования удалось прийти к следующим выводам. В традиционный период у адыгов процесс достижения молодежью «взрослого» статуса подразумевал ряд серьезных испытаний. Этот переход занимал продолжительное время, поэтому понятие «молодежь» охватывало значительное число людей зрелого возраста. Возрастные границы указанной категории не были строго определены и имели гендерные особенности. Так, незамужняя девушка старше 25 лет могла не считаться молодой, в то время как мужчина, не создавший семью до 40-45 лет воспринимался обществом как парень.

Документальные свидетельства вплоть до начала XX в. фиксируют «подчиненный» статус молодежи, которая значительно ограничена в правах в сравнении со старшими. После Октябрьской революции в 1920-1930-ые происходят серьезные трансформации во всех сферах жизни, но возрастной подход к молодежной страте сталкивается со сложностями, объяснимыми влиянием традиции.

Система существовавших у адыгов обрядов, дозволений и запретов, касавшихся молодежи, позволяет заметить ее уникальный этнический характер. Особенно ярко последний проявлялся в запретах: «вербальном», «пространственном», «посадочном», «пищевом» и «питьевом». Их отголоски видны в современной семейной и общественной практике кабардинцев. Некоторые аспекты сверхуважительного отношения молодых к старшим находят продолжение в представлениях традиционалистов (в просторечии – *хабзизме*), увязывающих распределение мест в мечетях в зависимости от возраста верующих.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Бгажноков 1999 – *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 96 с.
- Белл 1974 – *Белл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 458-530.
- Боряз 1973 – *Боряз В.Н.* Молодежь: методологические проблемы исследования. – Л.: Наука, 1973. – 158 с.
- Дмитриев 2024 – *Дмитриев В.А.* Реконструкции в этнологических исследованиях. – СПб.: Виктория плюс, 2024. – 688 с.
- Главани 1974 – *Главани К.* Описание Черкесии // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 156-173.
- Интерьяно 1974 – *Интерьяно Д.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 43-52.
- Клапрот 1974 – *Клапрот Г.-Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 235-280.
- Кон 1974 – *Кон И.С.* Молодежь // Большая Советская Энциклопедия. – М.: Сов. Энциклопедия, 1974. – Т. 16. – С. 478-479.
- Кох 1974 – *Кох К.* Путешествие по России и в Кавказские земли // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 585-628.
- Лонгворт 1974 – *Лонгворт Дж.* Год среди черкесов // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 531-584.
- Лукка 1974 – *Лукка Дж.* Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха Доминиканского ордена. 1625 // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 68-72.
- Луков 2012 – *Луков Вал.А.* Теории молодежи: Междисциплинарный анализ. – М.: «Канеон+» РООИ «Реабилитация», 2012. – 528 с.
- Марзей 2004 – *Марзей А.С.* Черкесское наездничество – «Зеклуэ». – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – 303 с.
- Мариньи 1974 – *Мариньи Т.* Путешествия в Черкессию // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 291-321.
- Мафедзев 1991 – *Мафедзев С.Х.* Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов в XIX – начале XX века (этнографические исследования). – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 256 с.
- Молодежь России... 1993 – Молодежь России: Тенденции и перспективы / под ред. И.М. Ильинского, А.В. Шаронова. – М.: Молодая гвардия, 1993. – 224 с.
- Мотрэ 1974 – *Мотрэ А.* Путешествие господина А. Де Ла Мотрэ в Европу, Азию и Африку // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 119-147.
- Нальчикова, Машуков 2020 – *Нальчикова Е.А., Машуков Х.В.* Традиционный статус молодежи Кабардино-Балкарии и его трансформации: социальные основы и культурно-идеологические факторы // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 4. – С. 192-204. – DOI 10.31143/2542-212X-2020-4-192-204.
- Нальчикова, Текуева и др. 2017 – *Нальчикова Е.А., Текуева М.А., Мусукаев А.И., Кагазежес Б.С.* Борода и волосы как культурные маркеры в традициях кавказских народов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2017. – № 4(209). – С. 127-137.

Паллас 1794 – *Паллас П.-С.* Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 214-224.

Плугарь и др. 2015 – *Плугарь О.А., Плугарь О.А., Кононова Т.М., Горева О.М.* Молодежь как социальная группа: определение, социально-демографические характеристики и перспективные направления исследования // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2. – С.1-8.

ПМА 2022 – Полевые материалы авторов. Экспедиция в Лескенский и Урванский районы Кабардино-Балкарской Республики. Июль-август 2022 г.

ПМА 2023 – Полевые материалы авторов. Экспедиция в Баксанский район Кабардино-Балкарской Республики. Июль 2023 г.

ПМА 2024 – Полевые материалы авторов. Экспедиция в Чегемский район Кабардино-Балкарской Республики. Август 2024 г.

Радченко 2012 – *Радченко А.Ф.* Молодежь и ее возрастные границы // Социология власти. – 2012. – № 3. – С. 19-29.

Тавернье 1794 – *Тавернье Ж.Б.* Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию в течение сорока лет... // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 73-81.

Такова 2016 – *Такова А.Н.* Исламский фактор в контексте этнополитических трансформаций в двухсубъектных республиках Северного Кавказа (Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии) на постсоветском этапе развития // Universum: общественные науки. – 2016. – № 10 (28). – С.1-5.

Текуева 2006 – *Текуева М.А.* Мужчина и женщина в традиционной культуре адыгской культуре: традиции и современность. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – 260 с.

Хан-Гирей 1992 – *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии / Вступ. статья и подг. к печати В.К. Гарданова, Г.Х. Мамбетова. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 352 с.

REFERENCES

BGAZHNOKOV B.Kh. *Adygskaya etika* [Adyghe ethics]. – Nalchik: El'-Fa, 1999. – 96 p. (In Russ.).

BELL J. *Dnevnik prebyvaniya v Cherkessii v techenie 1837, 1838, 1839 gg.* [Diary of stay in Circassia during 1837, 1838, 1839]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv.* [Adyghe, Balkars and Karachays in the Accounts of European Authors of the XIIIth – XIXth Centuries] / Edited by V.K. Gardanov. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 458-530. (In Russ.).

BORYAZ V.N. *Molodezh': metodologicheskie problemy issledovaniya* [Youth: Methodological Problems of Research]. – Leningrad: Nauka, 1973. – 158 p. (In Russ.).

DMITRIEV V.A. *Rekonstruktsii v etnologicheskikh issledovaniyakh* [Reconstructions in ethnological research]. – St. Petersburg: Viktoriya plus, 2024. – 688 p. (In Russ.).

GLAVANI K. *Opisanie Cherkessii* [Description of Circassia]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv.* [Adyghe, Balkars and Karachays in the Accounts of European Authors of the XIIIth – XIXth Centuries] / Edited by V.K. Gardanov. – Nalchik: El'brus, 1974. – P.156-173. (In Russ.).

INTERIANO G. *Byt i strana zikhov, imenuemykh cherkesami* [The life and country of the Zikhs, called Circassians]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv.* [Adyghe, Balkars and Karachays in the Accounts of European Authors of the XIIIth – XIXth Centuries] / Edited by V.K. Gardanov. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 43-52. (In Russ.).

KLAPROT G.-YU. *Puteshestvie po Kavkazu i Gruzii, predprinyatoe v 1807-1808 gg.* [Journey through the Caucasus and Georgia, undertaken in 1807-1808]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv.* [Adyghe, Balkars and Karachays in the Accounts of European Authors of the XIIIth – XIXth Centuries] / Edited by V.K. Gardanov.. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 235-280. (In Russ.).

KON I.S. *Molodezh'* [Youth]. In: *Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya*. – Moscow: Sov. Entsiklopediya, 1974. – Vol. 16. – P. 478-479. (In Russ.).

KOKH K. *Puteshestvie po Rossii i v Kavkazskie zemli* [Traveling across Russia and the Caucasus]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv.* [Adyghe, Balkars and Karachays in the Accounts of European Authors of the XIIIth – XIXth Centuries] / Edited by V.K. Gardanov. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 585-628. (In Russ.).

LONGVORT G. *God sredi cherkesov* [A Year Among the Circassians]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv.* [Adyghe, Balkars and Karachays in the Accounts of European Authors of the XIIIth – XIXth Centuries] / Edited by V.K. Gardanov. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 531-584. (In Russ.).

LUCCA G. *Opisanie perekopskikh i nogaiskikh tatar, cherkesov, mingrelov i gruzin Zhana de Lyuka, monakha Dominikanskogo ordena. 1625* [Description of the Perekop and Nogai Tatars, Circassians, Mingrelians and Georgians by Jean de Luc, a monk of the Dominican Order. 1625]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv.* [Adyghe, Balkars and Karachays in the Accounts of European Authors of the XIIIth – XIXth Centuries] / Edited by V.K. Gardanov. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 68-72. (In Russ.).

LUKOV V.A. *Teorii molodezhi: Mezhdistsiplinarnyi analiz* [Theories of Youth: An Interdisciplinary Analysis]. – Moscow: Kaneon+, 2012. – 528 p. (In Russ.).

MARZEI A.S. *Cherkesskoe naezdnichestvo – «ZekIue»* [Circassian horsemanship - “ZekIue”]. – Nalchik: El'-Fa, 2004. – 303 p.

MARIGNY T. *Puteshestviya v Cherkessiyu* [Travels to Circassia] / IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv.* [Adyghe, Balkars and Karachays in the Accounts of European Authors of the XIIIth – XIXth Centuries] / Edited by V.K. Gardanov. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 291-321. (In Russ.).

MAFEDZEV S.KH. *Mezhpokolennaya transmissiya traditsionnoi kul'tury adygov v XIX-nachale XX veka* [Intergenerational transmission of traditional Adyghe culture in the 19th-early 20th centuries]. – Nalchik: El'brus, 1991. – 256 p. (In Russ.).

Molodezh' Rossii: Tendentsii i perspektivy [Youth of Russia: Trends and Prospects] / Edited by I.M. Ilyinsky, A.V. Sharonov. – Moscow: Molodaya gvardiya, 1993. – 224 p. (In Russ.).

MOTRE A. *Puteshestvie gospodina A. De La Motre v Evropu, Aziyu i Afriku* [Journey of Mr. A. De La Motrais to Europe, Asia and Africa]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv.* [Adyghe, Balkars and Karachays in the Accounts of European Authors of the XIIIth – XIXth Centuries] / Edited by V.K. Gardanov. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 119-147. (In Russ.).

NALCHIKOVA E.A., MASHUKOV KH.V. *Traditsionnyi status molodezhi Kabardino-Balkarii i ego transformatsii: sotsial'nye osnovy i kul'turno-ideologicheskie faktory* [Traditional status of youth in Kabardino-Balkaria and its transformations: social foundations and cultural-ideological factors]. IN: *Kavkazologiya*. – 2020. – № 4. – P. 192-204. – DOI 10.31143/2542-212X-2020-4-192-204. (In Russ.).

NALCHIKOVA E.A., TEKUEVA M.A., MUSUKAEV A.I., KAGAZEZHEV B.S. *Boroda i volosy kak kul'turnye markery v traditsiyakh kavkazskikh narodov* [Beard and hair as cultural markers in the traditions of the Caucasian peoples]. IN: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2017. – № 4 (209). – P. 127-137. (In Russ.).

PALLAS P.-S. *Zametki o puteshestviyakh v yuzhnye namestnichestva Rossiiskogo gosudarstva v 1793 i 1794 gg.* [Notes on travels to the southern vicerealties of the Russian state in 1793 and 1794]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv.* [Adyghe, Balkars and Karachays in the Accounts of European Authors of the XIIIth – XIXth Centuries] / Edited by V.K. Gardanov. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 214-224. (In Russ.).

PLUGAR O.A., PLUGAR O.A., KONONOVA T.M., GOREVA O.M. *Molodezh' kak sotsial'naya gruppа: opredelenie, sotsial'no-demograficheskie kharakteristiki i perspektivnye napravleniya issledovaniya* [Youth as a social group: definition, socio-demographic characteristics and

promising areas of research]. IN: *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. – 2015. № 2-2. P.1-8. (In Russ.).

Polevyye materialy avtorov. Ekspeditsii v Leskenskii i Urvanskiy rayony Kabardino-Balkarskoy Respubliki [Field materials of the authors. Expeditions to the Leskensky and Urvansky districts of the Kabardino-Balkarian Republic.] - July-August 2022.

Polevyye materialy avtorov. Ekspeditsiya v Baksanskiy rayon Kabardino-Balkarskoy Respubliki [Field materials of the authors. Expedition to the Baksan region of the Kabardino-Balkarian Republic.] - July 2023.

PMA 2024 – Polevyye materialy avtorov. Ekspeditsiya v Chegemskiy rayon Kabardino-Balkarskoy Respubliki [PMA 2024 – Field materials of the authors. Expedition to the Chegem district of the Kabardino-Balkarian Republic] - August 2024.

RADCHENKO A.F. *Molodezh' i ee vozrastnye granitsy* [Youth and its age limits]. IN: *Sotsiologiya vlasti*. – 2012. – № 3. – P. 19-29. (In Russ.).

TAVERNIER J. *Shest' puteshestvii v Turtsiyu, Persiyu i Indiyu v techenie soroka let...* [Six voyages to Turkey, Persia and India over forty years...]. IN: *Adygi, balkartsy i karachayevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv.* [Adyghe, Balkars and Karachays in the Accounts of European Authors of the XIIIth – XIXth Centuries] / Edited by V.K. Gardanov. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 73-81. (In Russ.).

TAKOVA A.N. *Islamskii faktor v kontekste etnopoliticheskikh transformatsii v dvukhsobornostnykh respublikakh Severnogo Kavkaza (Kabardino-Balkarii i Karachay-Cherkessii) na postsovetском etape razvitiya* [The Islamic factor in the context of ethno-political transformations in the two-entity republics of the North Caucasus (Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia) at the post-Soviet stage of development]. IN: *Universum: obshchestvennye nauki*. – 2016. – №10 (28). P.1-5. (In Russ.).

TEKUEVA M.A. *Muzhchina i zhenshchina v traditsionnoi kul'ture adygskoi kul'ture: traditsii i sovremennost'* [Man and woman in traditional culture Adyghe culture: traditions and modernity]. – Nalchik: El'-Fa, 2006. – 260 p. (In Russ.).

KHAN-GIREY. *Zapiski o Cherkessii* [Notes on Circassia] / Edited by V.K. Gardanov, G.Kh. Mametov. – Nalchik: El'brus, 1992. – 352 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Нальчикова Е.А. – кандидат исторических наук, доцент.

Захохова М.Р. – кандидат экономических наук, доцент.

Апажева С.С. – кандидат философских наук, доцент.

Information about the authors

Nalchikova E.A. – Candidate of Sciences (History), associate professor.

Zakhokhova M.R. – Candidate of Sciences (Economic), associate professor.

Apazheva S.S. – Candidate of Sciences (Philosophy), associate professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.04.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 14.04.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья

УДК 93/94+930.2(479)

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-255-265

EDN: LMUANZ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВНУТРЕННЕЙ ТОРГОВЛИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: АРХИВНЫЙ ДОКУМЕНТ 1754 ГОДА

**Явус Зайндиевич Ахмадов¹, Сулейман Магомедович Демелханов²,
Аббаз Догиевич Осмаев³**

¹ Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия/

^{2,3} Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Грозный, Россия.

¹ ahmadov_YZ@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0274-0235>

² demelkhanov74@mail.ru

³ osmaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0599-4636>

Аннотация: В XVIII в. народы Северного Кавказа вели активную внутреннюю и внешнюю торговлю, которая играла важную роль в их социально-экономической жизни. Торговые отношения способствовали обмену товарами и культурными традициями между различными этническими группами. Однако внутренняя торговля в регионе XVIII столетия исследована в науке куда скромнее нежели внешняя. Так, русско-горские торговые отношения, благодаря наличию большого количества архивных документов, раскрыты весьма основательно. В настоящей статье публикуется один из редких документов, характеризующих ассортимент товаров ремесленно-кустарного производства, который был представлен во внутренней торговле населения Северного Кавказа (в данном случае Чечни, Малой и Большой Кабарды, также ногайских кочевий) к середине XVIII в., что представляет самостоятельный научный интерес.

Ключевые слова: горские народы, внутренняя торговля, архивные документы, Северный Кавказ, Россия, Чечня, Малая Кабарда, Большая Кабарда, ногайцы.

Для цитирования: Ахмадов Я.З., Демелханов С.М., Осмаев А.Д. К характеристике внутренней торговли народов Северного Кавказа: архивный документ 1754 года // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 255-265. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-255-265. EDN: LMUANZ.

© Ахмадов Я.З., Демелханов С.М., Осмаев А.Д., 2025

Original article

ON THE CHARACTERISTICS OF THE INTERNAL TRADE OF THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS: ARCHIVE DOCUMENT OF 1754

Yavus Z. Akhmadov¹, Suleiman M. Demelkhanov², Abbaz D. Osmaev³

¹ Institute of Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russia.

^{2,3} Comprehensive Scientific Research Institute named after H.I. Ibragimov, Russian Academy of Sciences, Grozny, Russia.

¹ ahmadov_YZ@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0274-0235>

² demelkhanov74@mail.ru

³ osmaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0599-4636>

Abstract. In the 18th century, the peoples of the North Caucasus conducted active domestic and foreign trade, which played an important role in their socio-economic life. Trade relations facilitated the exchange of goods and cultural traditions between different ethnic groups. Unfortunately, domestic trade in the region of the 18th century has been studied much more modestly in science than foreign trade. However, the study of domestic trade in the region during the 18th century is less extensive than the study of foreign trade. The Russian-Mountain trade relations, due to the availability of numerous archival documents, have been extensively researched. This article publishes one of the rare documents that characterize the range of handicraft products that were available in the domestic trade of the North Caucasus (in this case, in this case Chechnya, Malaya and Bolshaya Kabarda, as well as the Nogai nomads) by the mid-18th century, which is of independent scientific interest.

Keywords: mountain peoples, internal trade, archival documents, North Caucasus, Russia, Chechnya, Malaya and Bolshaya Kabarda, Nogais.

For citation: Akhmadov Ya.Z., Demelkhanov S.M., Osmaev A.D. On the characteristics of the internal trade of the peoples of the North Caucasus: archive document of 1754. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 255-265. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-255-265. EDN: LMUANZ.

© Akhmadov Ya.Z., Demelkhanov S.M., Osmaev A.D., 2025

Введение

В XVIII в. Северный Кавказ представлял собой регион с определенной торговой деятельностью, в которой участвовали купцы различных государств (Россия, Иран, Османская империя, Крымское ханство) и множества кавказских этносов. Указанное столетие характеризуется также активизацией внутренних торговых связей между собственно горскими народами Северного Кавказа. При этом полагаем, что на фоне сложившегося в историческом кавказоведении приоритета изучения внешнеторговых отношений горских народов исследование отношений по внутренней торговле в этом регионе также требует усиленного внимания и более детальной проработки.

Рассмотрение событий и явлений в контексте экономических и политических процессов в торговле того времени, стремление к научному анализу новых источников и к новому прочтению известных фактов на основе как контекстуального анализа, так и исторического метода, приводит исследователей к необходимости выявления и публикации новых архивных источников.

Настоящий пакет документов от 1754 г., впервые вводимый авторами в научный оборот, выявлен на основе анализа материалов фонда 379 (Кизлярский комендант) Центрального государственного архива Республики Дагестан,

цифровые копии которых были предоставлены Архивным управлением Правительства Чеченской Республики, ведущим большую работу по копированию документальной базы о Чечне и чеченцах в архивохранилищах Российской Федерации и за рубежом. Дополнительная изыскательская деятельность позволила авторам выявить два недостающих листа перечня товаров в деле № 315 «Рапорта Терского войска...» в том же архиве [ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 315. Л. 53-53 об].

Следует отметить, что факты, связанные с внутренней торговлей горцев в XVIII в., фиксировались не только царскими властями на Северном Кавказе, но и исследователями и путешественниками того времени. Так, еще в первой четверти XVIII в. И.Г. Гербер отмечал, что «за городом (крепость Святой Крест на протоке Аграхань р. Сулак. – Авт.) ...имеется торгование с приездными туда купцами российскими, армянами, горскими чеченцами, татары и протчие» [Гербер 1958: 64].

Большую роль на всем Северо-Восточном Кавказе в XVIII – начале XIX в. играли еженедельные базары в двух крупных кумыкско-чеченских (по составу населения) селениях Аксай и Эндирей, являвшихся также центрами соответствующих княжеств [Ахмадов 2009: 103-105; Гашимов 1982: 67]. Известными ремесленными центрами в Нагорном Дагестане и Чечне стали селения, занимавшиеся бурочно-войлочным производством (Анди, Ботлих, Старый Юрт, Белгатой), оружейным промыслом, которые получили развитие в селениях Кубачи, Харбук, Большие Атаги, Дарго, Гидатль, Амузги и др. Центрами гончарного дела были такие аулы как Балхар, Джули и горный регион Шатой (Чечня). Собственно, торговыми центрами внутригорской торговли, помимо Аксая и Эндирея, являлись также Тарки, Старый Юрт, Гудермес, Брагуны, Старые Атаги, Шали, Герменчук, Буйнак, Акуша, Хунзах и т.д. [Рабаданова 2011: 17-18].

Многочисленные базары и ярмарки регионального масштаба функционировали на Центральном Кавказе в районе Татартупа. По данным Н.Х. Тхамокова, Кабарда в XVIII в. вела торговлю практически со всеми горскими народами прежде всего с западными адыгами, балкарцами, осетинами, дагестанцами, калмыками [Тхамоков 1961: 106-107], чеченцами. Впрочем, торговля Кабарды, Западной Черкесии и населения Крыма с Дагестаном шла через Чечню: «...крымцы и кабардинцы проезжают через Чеченской и Брагунской деревни, а к нам из Крыма никто не приезжает, а их дороги лежат чрез Брагунской и Чеченской деревни, а оттуда поедут в кумыцкие жилища» писал в 1765 г. кизлярскому коменданту служилый князь Девлет-Гирей Черкасский [Кидирниязов 2016: 87-88].

Публикуемые документы датированы 12 марта 1754 г. и представляют собой, во-первых, рапорт из Червленского (армейского) форпоста кизлярскому коменданту И.Л. фон Фрауендорфу, во-вторых, «приобщенный реестр» с перечнем товаров, найденных в купеческой горской арбе, на левом берегу Терека.

В представленном реестре подробно описан состав товаров, имевших хождение именно в горской среде, среди которых ткани, наборы для узды, ножи, кинжалы, одежда (рубахи, кафтаны, шубы), обувь (сапоги, башмаки), предметы быта (чашечки, полотенца, кошельки) и другие вещи – от панциря до иголок.

В рапорте указано, что арба с товарами была брошена группой горцев на левом берегу р. Терек в урочище Мекень, когда вследствие какой-то опасности

они в спешке перегнали табун лошадей и быков через брод на правый берег, откуда уехали дальше [ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 315. Л. 49]. Из данной точки, как нами предполагается, дороги шли исключительно в сторону Чечни (влево) и в сторону Большой и Малой Кабарды (вправо). Бегство горских купцов вследствие опасности, скажем, от разбойников вполне понятно, но проявленное ими опасение контактировать с гребенскими казаками объяснимо тем, что торгующим пришлось бы столкнуться на русской стороне не только с большими «вывозными» пошлинами, но и обвинением в контрабандной торговле. Хотя в данном районе Северного Притеречья (от земель Червленской станицы к западу до урочища Мозок и далее) на то время сходились кабардинские, чеченские, ногайские и казачьи интересы, и данная территория была на то время своеобразной нейтральной зоной [Ахмадов, Осмаев 2023: 109]. Кавказско-Азовская военная линия по всему Тереку стала выстраиваться, как известно, только в 60–70-х гг. XVIII в.

Публикуемые документы содержат информацию о названии и количестве каждого вида товара, что позволяет сделать примерный вывод о составе груза и его ценности. Кроме того, в них есть указание на то, что некоторые товары были повреждены (например, котёл «мало язвлен»). Денежной оценки здесь, к сожалению, не представлено. Самая средняя оценка стоимости груза купеческой арбы (запрягаемой как правило двумя быками) известна по данным 1780 г., когда на двух арбах некий купец из Моздока вез в Кабарду товара на «700 рублей» [Тхачаев 1961: 101].

Тексты представляют собой русскую скоропись середины XVIII в., написаны гусиным пером черными чернилами растительного происхождения; бумага фабричного производства. Орфография и пунктуация первоисточников сохранены.

Текст документа

Высокородному и высокопочтеннейшему господину* (*Пропущено по крайней мере одно слово из-за повреждения правого верхнего угла листа. – Авт.) кизлярскому каменданту Ивану Львовичу фон Фраундорфу

Покорнейший репорт.

Сего марта 12-го дня пропущены чрез Червленской фарпост прибывшие из Малой Кабарды Гребенского войска Кардюковской станицы казаки Иван Киреев с товарищи, всего и с ним шестнатцать человек, на шестнатцати арбах, лошадей двенатцать, валов восемь, выменанного проса пятьдесят четыре чувала¹, при них ружей с прибором без оправы шеснатцать.

Да оные ж казаки объявили мне, что следуочи они в Кабарду приехали в урочище Мекень и усмотрили перегнавшей чрез брод конской табун и в нем несколько быков, а сколько числом лошадей и быков перегнато, про то они не знают. И как прибыли на ту переправу, то стоит арба бес коней, а люди на той стороне реки Терка; которых они казаки к себе звали, чтоб взяли арбу с таваром. Точию те люди к ним не приехали и арбу с товаром не взяли, а какие оные люди – татары или калмыки, про то они не знают; точию кричали из-за реки Терку, из

1 Чувал – большой мешок, как правило, для сыпучих грузов. Вес зерна в чувале составлял примерно 5 пудов. Следовательно, казаки везли в 54 чувалах 270 пудов кабардинского проса – факт сам по себе примечательный. – Здесь и далее постраничные комментарии принадлежат Я.З. Ахмадову.

лесу и сулили им четыре рубли да полотна на каждого казака по рубашке, точию они казаки не взяли.

И оные де караванные люди покинув арбу уехали в горы и с табуном, а сколько какого товару и рухледи имеетца – тому при сем приобщен реэстр.

Которыя казаки при сем репорте до вашего высокородия с вышеописанным таваром и с протчею рухлядью в Кизлярскую крепость и пропущены.

Капитан: ** (**Подпись отсутствует. – Авт.)

Марта 12-го дня

1754-го [ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 315. Л. 49].

...(*Несколько слово в левом уголке заголовка не читается из-за повреждения листа. – Авт.) число какого товару и рухледи ¹ имеетца... гнавшими потаенно в горы табуна караванными людьми о том значит под сим имянно	Число вещей
Денег серебряной российской манеты четыре рубли пятьдесят копеек	4р. 50 к.
Персицкая десятиалтынная абаса ¹ одна	1
Бешлеков ² басурманских медных, мелких, девяноста шесть	96
Набору на узду серебряного больших и малых штук двадцать девять	29
С сабельного пояска серебряных штук четыре	4
Китайки два конца	2
Сукна алаго на один вершок	1
Ножей:	
Складных два	2
Черкасских три	3
Кинжал три	3
Чашечек корневых ³ маленьких две	2
Мерлушек черных двадцать одна	21
Мыла двадцать один брусок	21
Шуба лисья крыта бурметью с опушкой одна	1
Мех русских кошек один	1
Удел конских железных двои	2
Пряжек железных четыре	4
Панцырь один	1
Чернильница медная татарская одна	1
Зеркал два	2
Олова один прут	1
Выбойки бумажной два лоскута	2
Кумача красного один лоскут	1
Рубах бязинных пять	5
Порты одне	1

1 «Рухлядь» - в языке XVIII в. движимое, накопленное имущество (одежда, утварь, различные домашние вещи, и т.д.).

1 «Абаса» – аббаси. Персидская серебряная монета, выпускавшаяся с 1620 г. не только в Персии, но и в странах Закавказья. К середине XVIII в. ее вес снизился с 7,7 гр. до 4,6 гр. Десять алтын – это примерно 30 коп. в русском исчислении.

2 «Бешлек» – бешлык, мелкая медная монета преимущественно крымского чекана.

3 «Чашечки корневые» – возможно чашки, выточенные из твердого узорчатого капа-нароста (или, как его называли, капового корня).

Платков утиранных блестящих ¹ три	3
Платок выбойчетой бумажной ветхой один	1
Кафтанов два, один бурметной а другой бумажной бязинной	2
Нагавицы одне	1
Чулки персидские пестрые одни	1
Кошелек с огнивом один	1
Ножниц малых двоя	2 //
Нарукавники шубные один	1
Сапогов крымских две пары	2
Башмаков две пары	2
Шапок ветхих три	3
Чарчер ² ветхих двое	2
Кож юфтенных красных, три кожи с половиною	3 ^{1/2}
Квасцов один комок	1
Нашатырь два комка	2
Чересов ³ холщевых два	2
Поясов холщевых два	2
Тебенник ⁴ один	1
Фиксатор с трубкой один	1
Кремней триста тридцать	330
Клея двадцать каблухов	20
Кичелеб(ы) ⁵ двадцать семь лепешик	27
Свинца прутьев малых пятнадцать	15
Пуль тридцать одна	31
Фурма ⁶ медная одинакая одна	1
Харсеев ⁷ три	3
Пика обкорушная одна	1
Чакан ⁸ один	1
Кумган медной один	1
Котлов медных два* (*Приписка «один мало язвлен». – Авт.)	2
Уполовник железной один	1
Буравчиков два	2
Чекмень один	1
Шуб нагольных овчинных четыре* (*Приписка «а две язвлены». – Авт.)	4
Шуба курпечья крыта бурметью одна	1
Чембар ⁹ трое, в том числе шубные один	3
Башлыков два	2
Коса одна	1
Долотичко одно	1
Гвоздей железных малых тридцать	30
Цепей железных две – на них нашейников семь, наручные три	2
Кандалов с ключами трое...*** (***) Два слова неразборчиво. – Авт.)	3 //

1 В русском языке XVIII в. «утиранный» означает носовой (платок); значение «блестящий/блестящий» не обнаружено. Скорее всего полированная (блестящая) ткань.

2 «Чарчер» – возможно чакчир/чикчир, из тюркского – узкие штаны. Но также: чакчуры/чапчуры – женская обувь.

3 «Черес» – пояснение не обнаружено, по контексту холщевые (полотнянные) сумки.

4 «Тебенник» – часть седельной упряжи верхового коня.

5 Значение не выяснено.

6 «Фурма» – медная трубка для вдувания воздуха в плавильную печь.

7 Значение не выяснено.

8 «Чакан» – чекан, в тюркских языках небольшой боевой топор, железная булава.

9 «Чембар» – широкие зимние штаны. Шились из кожи, сукна и холста.

Масла коровье один кутыр ¹	1
Тапоров – русской один, басурманских два: итого три	3
Сумок переметных полстяных двоя, холщевья один, итого троя	3
Мешечков полстяных три	3
Холста ровного сто осьмнадцать кусков	118
Седел с прибором два	2
Ремней сыромятных двадцать	20
Треног четыре	4
Пут два	2
Арканов волосяных два, пенковых два, итого четыре	4
Рогов сайгачых двадцать два	22
Кошем пять	5
Бурок четыре	4
Мамазлык один	1
Игол бумашка ² одна	1
Три ареха мушкатные	3
Гребень костяной один	1
Перцу немецкаго четверть фунта	1/2
Гвоздики один золотник	1
Ложек крашенных две	2
Краски синей четыре куска	4
Инбирь пять кусочков	5
Агнив три	3
Сулук ³ кожаной один	1
Трут связок две	2
Трубок глиняных тридцать семь	37
Решеток кибиточных две	2
Ружей три и с ними блях серебряных шесть	3
Сабля без оправы одна у пояска крючек серебряной	1
Нагалище харсенкое ⁴ одно	1
Патрониц две	2
Борошен ⁵ два, один с серебряной оправой один без	2
Натрусок роговых три	3
Мерка с затравкой и с цепочкой серебряной	1
Плеть калмыцкая одна	1

[ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 315. Л.49 об., 53-53 об.].

1 «Кутыр» – кутыр, в тюркских языках «пузырь» (рыбный или из желудка животного).

2 «Игол бумашка» – судя по данным некоторых словарей русского языка XVI-XVIII вв., приспособление для вышивания, либо бумажный пакетик с набором игл [Полякова 2010.: 219]. Как версия – крупная игла для прошивания бумаг, а также кожи.

3 «Сулук» – близкое к значению можно встретить в тюркских языках – «сундук кожаный».

4 «Нагалище харсенкое» – нагалище это чехол для ружья, а значение второго термина не выяснено. Видимо, указывает материал изделия.

5 «Борошен» – борошен/барашен, в русском языке первой половины XVIII в. особенно в казачьей среде, звучал в узвке – снаряжение ружья [Косвен 1958: 182].

[illegible]

Рис.1. Начальный лист из реестра [ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 315. Л. 49 об.].

[Приобщенный реестр]

Особо следует здесь указать, что мы не видим в этом списке готовых металлов российской промышленности, необходимых в качестве заготовок для кузнечного промысла горцев. Дело в том, что в XVII-XVIII вв. российским таможенным строжайше запрещалось пропускать за пределы России – особенно на Восток и Кавказ, т.н. «заповедные» товары (железо, сталь, медь, серебро, золото, хлеб, ружья, порох, холодное оружие, в целом военное снаряжение и железные изделия хозяйственного значения) [Торопицын 2011: 163-166]. На продажу к горцам шли главным образом ткани и бытовые товары. Так, согласно ведомости вывезенных из Кизляра товаров за январь 1751 г. видно, что в с. Тарки были отправлены: сундуки, коробки из липы, кумач красный, бязь, сита, выбойка, башмаки, решета, деревянные чашки, мыло, зеркала, беличьи меха, чекмени, ножицы, белила, гребни, иглы, наперстки; в с. Чиркей были проданы сита хлебные, стеклянная посуда, нитки, бисера, зеркала, писчая бумага, коробки деревянные; в с. Эндирей – овчины, решета, выбойка, кожа, пестрядь; в Кабарду – холст, кожи красные, покрывала, шелковые кушаки, сапоги, мех, деревянные чашки, сундуки и т.д. [Кидирниязов 2016: 84].

В заключение необходимо отметить, что в этом обширном списке изделий, приводимом нами, присутствуют некоторые непонятные термины, которые требуют дополнительного исторического и лингвистического исследования для точного понимания их значения в контексте своего времени. В остальном как думается, содержание источника говорит само за себя, оно представляет весь спектр небогатой жизни горцев того времени.

В целом, данные документы являются важным источником информации о хозяйстве, торговле и обыденной жизни народов региона в XVIII в. и позволяют лучше понять экономические и социальные процессы, происходившие на то время в горской среде. Они безусловно займут свое место в источниковедении Северного Кавказа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ахмадов 2009 – *Ахмадов Я.З.* Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. – М.: Изд. Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы, 2009. – 423 с.

Ахмадов, Осмаев 2023 – *Ахмадов Я.З., Осмаев А.Д.* «...В службе Ея Императорского Величества находился с 708-го году». Казачьи судьбы: к истории Гребенского (Терско-Гребенского) войска // Военно-исторический журнал. – № 9. – 2023. – С. 103-109.

Гашимов 1982 – *Гашимов Ч.М.* Из истории взаимоотношений Дагестана с Чечено-Ингушетией в XVI-XVIII вв. // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и народами Кавказа. – Махачкала: Б/и., 1982. – С. 55-70.

Гербер 1958 – *Гербер И.Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана: Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена, отв. ред. Х.М. Хашаев. – М.: Изд-во Восточной литературы. 1958. – С. 60-86.

Кидирниязов 2016 – *Кидирниязов Д.С.* Взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа в XVIII – середине XIX в.: политические, торгово-экономические и этнокультурные аспекты. – Махачкала: Изд. АЛЕФ, 2016. – 487 с.

Полякова 2010 – *Полякова Е.Н.* Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века: в 2 т. – Пермь: Изд. Перм. гос. ун-т., 2010. – Т. 1: А–О. – 428 с.

Рабаданова 2011 – *Рабаданова А.У.* Народы Северо-Восточного Кавказа в середине XVIII – начале XIX в. (проблемы социально-экономического развития и государственно-политического устройства). Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Махачкала, 2011. – 27 с.

Торопицын 2011 – *Торопицын И.В.* Эмбарго на поставки оружия странам Востока как принцип внешнеторговой политики России в XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – Вып. 3-3. – С. 163-166.

Тхамоков 1961 – *Тхамоков Н.Х.* Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII веке. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1961. – 202 с.

ЦГА РД – Центральный государственный архив Республики Дагестан.

REFERENCES

AKHMADOV YA.Z. *Ocherk istoricheskoy geografii i etnopoliticheskogo razvitiya Chechni v XVI-XVIII vekah* [An essay on the historical geography and ethnopolitical development of Chechnya in the XVI-XVIII centuries]. – M.: Izd. Blagotvoritel'nyy fond podderzhki chechenskoy literatury, 2009. – 423 p. (In Russ.).

AKHMADOV YA.Z., OSMAEV A.D. «...*V sluzhbe Yeya Imperatorskogo Velichestva nahodilsya s 708-go godu*». *Kazach'i sud'by: k istorii Grebenskogo (Tersko-Grebenskogo) voyska* [«...He has been in the service of Her Imperial Majesty since 708». Cossack destinies: towards the History of the Grebensky (Tersko-Grebensky) Army]. IN: *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. – № 9. – 2023. – P. 103-109. (In Russ.).

GASHIMOV CH.M. *Iz istorii vzaimootnosheniy Dagestana s Checheno-Ingushetiy v XVI-XVIII vv.* [From the history of Dagestan's relations with Chechen-Ingushetia in the XVI-XVIII centuries]. IN: *Iz istorii vzaimootnosheniy Dagestana s Rossiei i narodami Kavkaza*. – Makhachkala: B/i., 1982. – P. 55-70. (In Russ.).

GERBER I.G. *Opisanie stran i narodov vdol' zapadnogo berega Kaspiyskogo morya. 1728 g.* [Description of the countries and peoples along the western shore of the Caspian Sea. 1728]. IN: *Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana: Arhivnye materialy / Pod red. M.O. Kosvena, otv. red. H.M. Khashaev*. – M.: Izdatel'stvo Vostochnoy literatury. 1958. – P. 60-86. (In Russ.).

KIDIRNIYAZOV D.S. *Vzaimootnosheniya narodov Dagestana i Severnogo Kavkaza v XVIII – seredine XIX v.: politicheskie, torgovo-ekonomicheskie i etnokul'turnye aspekty* [Relations between the peoples of Dagestan and the North Caucasus in the 18th – Mid-19th centuries: political, trade, economic, and ethnocultural aspects]. – Makhachkala: Izd. ALEF, 2016. – 487 p. (In Russ.).

POLYAKOVA E.N. *Slovar' leksiki permskih pamyatnikov XVI – nachala XVIII veka: v 2 t.* [Dictionary of the Permian monuments of the XVI – early XVIII century: in 2 volumes] – Perm: Ed. Perm State University, 2010. - vol. 1: A–O. – 428 p. (In Russ.).

RABADANOVA A.U. *Narody Severo-Vostochnogo Kavkaza v seredine XVIII – nachale XIX v. (problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya i gosudarstvenno-politicheskogo ustroystva)* [The peoples of the North-Eastern Caucasus in the middle of the XVIII – early XIX century (problems of socio-economic development and state-political structure)]. Avtoref. diss... kand. ist. nauk. – Makhachkala, 2011. – 27 p. (In Russ.).

TOROPICYN I.V. *Embargo na postavki oruzhiya stranam Vostoka kak princip vneshnetorgovoy politiki Rossii v XVIII v.* [The arms embargo on Eastern countries as a principle of Russia's foreign trade policy in the 18th century]. In: *Historical, Philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*. – 2011. – Issue 3-3. – Pp. 163-166. (In Russ.).

TKHAMOKOV N.X. *Sotsial'no-ekonomicheskiy i politicheskiy stroy kabardintsev v XVIII veke* [Socio-economic and political system of Kabardians in the XVIII century]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961. – 202 p. (In Russ.).

CGA RD [Central State Archive of the Republic of Dagestan]. F. 379. Op. 1. D. 315. L. 49-49 ob., 53-53 ob. (In Russ.).

Информация об авторах

Я.З. Ахмадов – доктор исторических наук, профессор.

С.М. Демелханов – младший научный сотрудник.

А.Д. Осмаев – доктор исторических наук, доцент.

Information about the authors

Ya.Z. Akhmadov – Doctor of Historical Sciences, Professor.

S.M. Demelkhanov – Junior Researcher.

A.D. Osmayev – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.06.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 17.06.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

Научная статья
УДК 930+93/94
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-266-286
EDN: LNPLNR

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О НАРОДАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА В МАТЕРИАЛАХ ЭКСПЕДИЦИИ Г.А. ЕМАНУЕЛЯ К ПОДНОЖИЮ ЭЛЬБРУСА 1829 ГОДА

Аскер Владиславович Хаширов

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик,
Россия, askerhashirov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9789-7728>

Аннотация. В статье впервые проанализированы с использованием компаративного (сравнительного) метода историко-этнографические сведения, полученные во время экспедиции к Эльбрусу, организованной командующим войсками на Кавказской линии, в Черномории и Астрахани, начальником Кавказской области генералом Г.А. Емануелем в 1829 г. Некоторые выявленные сведения того периода являются уникальными, и их введение в научный оборот расширит представления кавказоведов о народах региона.

Источниковую базу исследования составили работы А.Я. Купфера и Ж.-Ш. де Беша, содержащие в том числе уникальные сведения о черкесах (адыгэ), карачаевцах, малкарцах, безенгиевцах, хуламцах, чегемцах, урусбиевцах и дигорцах о политике Российской империи на Кавказе, топонимике на черкесском (адыгэ) языке по маршруту следования экспедиции, о том, как появилось название реки Кубань, о политическом устройстве и обычаях черкесов, а также этногенезе карачаевцев, безенгиевцев, малкарцев и урусбиевцев. В данном исследовании проводится сравнение этих источников с известными на тот момент сведениями С. Броневского, Ю.Г. Клапрота и некоторых других авторов. Первый собрал и обобщил в одном издании почти все известные на то время записи ученых, описавших Кавказ, за исключением Ю.Г. Клапрота, труд которого был опубликован впервые в Германии, поэтому С. Броневский не использовал его в своей работе, в связи с чем эти сведения анализируются отдельно.

Ключевые слова: Экспедиция 1829 г., Академия наук, Эльбрус, Центральный Кавказ, историко-этнографические сведения, А.Я. Купфер, Ж.-Ш. де Беш, Г.А. Емануель, черкесы (адыги), карачаевцы, урусбиевцы, хуламцы, дигорцы, безингиевцы, малкарцы.

Для цитирования: Хаширов А.В. Историко-этнографические сведения о народах Центрального Кавказа в материалах экспедиции Г.А. Емануеля к подножию Эльбруса 1829 года // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 266-286. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-266-286. EDN: LNPLNR.

© Хаширов А.В., 2025

Original article

HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC INFORMATION ABOUT THE PEOPLES OF THE CENTRAL CAUCASUS IN THE MATERIALS OF THE EXPEDITION OF G.A. EMANUEL TO THE FOOT OF ELBRUS IN 1829

Asker V. Khashirov

Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, askerhashirov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9789-7728>

Abstract. For the first time, the article analyzes historical and ethnographic information obtained during the expedition to Elbrus, organized by the commander of the troops on the Caucasian line, in Chernomoriya and Astrakhan, the head of the Caucasian region, General G.A. Emanuel, using a comparative method. Some of the identified information of that period is unique, and their introduction It will expand the scientific understanding of Caucasian scholars about the peoples of the region.

The research was based on the works of A.Ya. Kupfer and J.-S. de Beche, which contain, among other things, unique information about Circassians (Adyghe), Karachays, Malkars, Bezengians, Khulamians, Chegemians, Urusbians and Digorians about the policy of the Russian Empire in the Caucasus, toponymy in Circassian (Adyghe) language along the route of the expedition., about how the name of the Kuban River appeared, about the political structure and customs of the Circassians, as well as the ethnogenesis of the Karachays, Bezengians, Malkars and Urusbians. This study compares these sources with the information known at the time by S. Bronevsky, Yu.G. Klaproth, and several other authors. The former collected and summarized almost all the records of scientists who described the Caucasus at the time, with the exception of Yu.G. Klaproth, whose work was first published in Germany, so S. Bronevsky did not use it in his work. Therefore, these sources are analyzed separately.

Keywords: Expedition of 1829, Academy of Sciences, Elbrus, Central Caucasus, historical and ethnographic information, A.Ya. Kupfer, J.-Ch. de Besh, G.A. Emanuel, Circassians (Adyghes), Karachais, Urusbiys, Khulams, Digors, Bezingiys, Malkars.

For citation: Khashirov A.V. Historical and ethnographic information about the peoples of the Central Caucasus in the materials of the expedition of G.A. Emanuel to the foot of Elbrus in 1829. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 266-286. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-266-286. EDN: LNPLNR.

© Khashirov A.V., 2025

Введение

Актуальность темы обусловлена недостаточной изученностью историко-этнографических сведений, полученных учеными во время исследования Северного Приэльбрусья в 1829 г.

Следует отметить, что публикаций по истории и этнографии народов Кавказа на тот период времени было немного. Академия наук впервые провела комплексное исследование Оренбургской и Астраханской губерний в 1768–1774 гг. Одна из групп под руководством молодого ученого И.А. Гильденштедта побывала на территории Восточного и Центрального Кавказа. Его сведения, как и некоторых других ученых (Миллера, Савастьянова, Озерецковского, Фусома, Румовского, Зуева, Лепехина и др.), архивные материалы, систематизировал и опубликовал в 1823 г. С. Броневский [Броневский 1823]. В 1807–1808 гг. на Кавказ по поручению Академии наук прибыл Ю.Г. Клапрот и опубликовал свой труд в Берлине в 1812 г. [Клапрот 2008].

С 2007 г. в научный оборот введена историческая часть доклада А.Я. Купфера и книги Ж.-Ш. де Беша [Гориславский и др. 2007: 29-52, 64-91; Думанов 2009: 145-190, 200-317; Хаширов 2019: 196-287, 288-417] (перевод И.А. Гориславского, И.В. Кравченко, К.А. Мальбахова), но ее анализ проводился через призму определения этничности первовосходителя на Эльбрус.

Т.А. Колосовская использовала сведения А.Я. Купфера об экспедиции на Эльбрус, ее целях и результатах, не освещая подробно добытые им

этнографические сведения, лишь упомянув, что академик продолжил сбор этнографических сведений местных народов [Колосовская 2016: 51]. Соответственно, некоторые исторические и этнографические факты, зафиксированные членами экспедиции, не получили должного анализа.

В процессе исследования были использованы опубликованные источники и труды, отражающие работу экспедиции. Это «Отчет» А.Я. Купфера [Kupffer 1830] и «Путешествие» Жан-Шарля де Беша (Бесс) [Besse 1838]. Публикации Броневского [Броневский 1823] и Ю.Г. Клапрота [Клапрот 2008] дополняют, а где-то уточняют или опровергают сведения участников экспедиции. «Путешествие» Ю.Г. Клапрота интересно еще и тем, что автор в предисловии замечает, что промедление с публикацией книги было связано «с трудностью распространения произведения, напечатанного в России, в остальной части мира» [Клапрот 2008: 5]. Это замечание можно понимать двояко. Во-первых, оно было опубликовано в России, а в Европе об этом не знали. Во-вторых, собранный материал надо было перевести на русский язык, который был мало знаком в Старом Свете. Найти сведения о публикации работы Ю.Г. Клапрота в Петербурге пока не удалось. Любопытно и то, что автор помимо личных наблюдений использовал работы предшественников и «государственные документы» [Клапрот 2008: 6].

В процессе анализа собранного материала по теме статьи использовались современные принципы и методы исторических исследований. В первую очередь это принципы научности и объективности. Принцип научности обязывает исследователя давать объективный, непредвзятый подход к исследованию исторических и этнографических сведений, собранных участниками экспедиции. Для реализации данного постулата историк обязан опираться на проверенные репрезентативные факты, отражающие «не только то, что видели», но и причины, породившие те или иные события.

Неоднозначность освещаемых традиций и обычаев горских народов требует опоры на принцип объективности, который предполагает обоснование авторской концепции, построенной на выявленных документальных материалах.

Основная часть

Исторические сведения о первом восхождении на Эльбрус и связанные с этим события описаны нами в статье «Военно-научная экспедиция 1829 года к подножию Эльбруса под руководством Г.А. Емануеля: значение, мифы и реалии» [Хаширов 2023: 120-133]. Там же приведен материал о подготовке и организации экспедиции, которую Командующий войсками на Кавказской линии, в Черномории и Астрахани, начальник Кавказской области генерал Г.А. Емануель предложил провести летом 1829 г. для научного и военно-политического обследования подножия Северного Приэльбрусья. Император Николай I и Главный штаб поддержали его инициативу.

Существующая граница между Российской империей и Турцией проходила по р. Кубань, то есть экспедиция проходила в приграничной зоне. Если рассматривать положение народов в этой местности шире, то с одной стороны располагалась Восточная Черкесия – Кабарда, покоренная и окончательно вошедшая в состав Российской империи, а с другой стороны – Западная Черкесия,

номинально считающаяся частью Османской империи. Сами черкесы Западного Кавказа не считали себя чьими-то подданными. Это положение отстаивал и Г.А. Емануель в депешах новому коменданту крепости Анапы Хаджи-Гассан-Чеченоглы [Филонов 1894: 342]. В верховьях р. Кубань располагался покоренный в конце октября (по старому стилю) 1828 г. Карачай, но экспедиция не заходила на территорию карачаевцев.

Исходя из сложившейся военно-политической обстановки в крае, в целях безопасности генерал привлек 600 человек пехоты из числа 2-й и 7-й рот 43 егерского полка, 9-й мушкетерской роты Крымского полка, а также две сотни Моздокского казачьего полка, полусотню Волжского и Хоперского казачьих полков, два 3-х фунтовых горных орудия [Томкеев 1898: 167]. Кроме того, экспедицию с первого дня сопровождало некоторое количество конных «союзных черкесов» [Ленц 1897: 3].

Маршрут экспедиции был таким: из Горячеводска ученые выдвинулись к месту сбора войск возле редута Каменный мост на Малке, далее на Запад до Бермамыта, где повернули на Юг, в сторону Эльбруса. Возле реки Ингушли был установлен вагенбург (временный укрепленный лагерь), откуда вышла группа ученых в сопровождении 250 солдат, казаков, союзных черкесов и двух орудий к истокам Малки. Совершив штурм вершины Эльбруса, группа вернулась к вагенбургу, после чего, обойдя Бермамыт направлением на Запад, прошла вдоль реки Мара и истоков Подкумка, дойдя до Каменного моста на Кубани, откуда через Кисловодск экспедиция вернулась в Горячеводск.

Целями научного исследования были обозначены: геология, физика, зоология и ботаника региона [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1014. л. 19]. В распоряжение Г.А. Емануеля были командированы минеролог Г.Г. Вансович [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1014. Л. 31], физики А.Я. Купфер и Э.Х. Ленц, ботаник К.А. Мейер и зоолог Э.П. Менетрие [РГВИА Ф. 846. Оп. 16. Д. 1014. Л. 9 об.]. Каждый из них собрал материалы по порученным направлениям. Но, кроме этого, А.Я. Купфер выявил и описал исторические и этнографические сведения о некоторых этносах. Через несколько дней после выдвижения экспедиции к ней присоединился венгерский этнограф Ж.-Ш. де Беш, который позднее опубликовал собранные им сведения о жителях Центрального Кавказа [Besse 1838].

А.Я. Купфер (1799–1865) в 1828 г. был избран ординарным академиком «по части минералогии» Петербургской академии наук, а в 1829 г. назначен ответственным за научные исследования земель по пути следования. В докладе он указал цель экспедиции – сбор точных сведений об исследуемой местности, выявление наличия полезных ископаемых и других важных продуктов для жизнеобеспечения жителей края, а также проведение рекогносцировки для возведения новых укреплений [Kupffer 1830: 3]. В своем отчете он отдельным пунктом выделил историческую часть своих наблюдений. Ученый писал, что после покорения карачаевцев в результате выдвижения войск к подножию Эльбруса, стало очевидно, что он не окружен болотами, как утверждали местные жители [Kupffer 1830: 3]. Видимо, знания об Эльбрусе до начала экспедиции он собирал из тех же источников, что Ю.Г. Клапрот и С. Броневский. Первый указывал, что подножие Эльбруса окружено болотами из-за таяния летом ледников [Клапрот 2008:

25], второй писал, что *«к сожалению, мы не имеем физического описания сей горы»*, но *«известно, что подножие Эльбруса состоит из трясин и болот, поросших колючими кустарниками верст на 50 расстояния в окрестности источников Малки, Кумы и Кубани»* [Броневский 1823: 11–12]. Что касается ссылки на местных жителей, предоставивших сведения о подножии Эльбруса, то в качестве версии можно признать намеренное искажение ими ситуации вокруг Эльбруса в связи с нежеланием проникновения чужаков в свою страну. Отсутствие точных сведений о высочайшей вершине Европы актуализировало необходимость проведения экспедиции 1829 г. под руководством Г.А. Емануеля.

А.Я. Купфер указывал, что *«черкесы имели возможность препятствовать продвижению Российской империи на Юг и только благодаря подпитываемой русской политикой раздоров внутри их общества они не объединились под единым началом»* [Kupffer 1830: 4]. Эта информация ценна тем, что подобные политические методы, реализуемые на Кавказе, редко упоминаются в открытых источниках. Ю.Г. Клапрот также предлагал усиливать конфликты между черкесскими обществами [Клапрот 2008: 136].

Проявляя внешне уважительное отношение к черкесам, А.Я. Купфер подчеркивает превосходство цивилизованных народов над варварами, стоящими на низкой ступени культуры. Это можно проследить при его описании шотландской колонии Каррас (современный курортный поселок Иноземцево – А.Х.), расположенной под горой Бештау [Kupffer 1830: 7]. После выселения абазин и кабардинцев в 1818–1820 гг. местность была заселена шотландцами, а затем – саратовскими немцами [АКАК 1878: 930]. Жизнь колонии достаточно подробно описал Ю.Г. Клапрот [Клапрот 2008: 147–148], но для нас представляет интерес высказывание А.Я. Купфера о местном населении Пятигорья. Ученый считает удивительным *«обнаружить здесь посреди пустыни (Кабарде. – прим. А.Х.), развитой цивилизации сады с фруктовыми деревьями и содержащиеся в хорошем состоянии аллеи земледельцев (в шотландской колонии. – прим. А.Х.)»* [Kupffer 1830: 7]. То есть А.Я. Купфер считает фруктовые сады колонистов, разведенные у Карраса, проявлением цивилизации, привнесенной к туземцам. Но это далеко не так. Известный биолог и селекционер И.В. Мичурин отмечал *«изумительное богатство так называемых старых Черкесских садов»* и опасался, что *«единственные в мире экземпляры для селекции могут быть утеряны»* [Мичурин 1941: 318]. Доктор сельскохозяйственных и биологических наук, профессор П.М. Жуковский установил, что садоводство у черкесов (адыгов) было развито еще несколько тысяч лет назад, *«родина прививок – Кавказ»* [Жуковский 1971: 462]. С. Броневский перечисляет несколько сортов груш, яблок, айвы, вишни, кизила, крыжовника и т. д., а также множество видов овощей и злаков, выращиваемых в районе Пятигорья на *«древней родине пятигорских Черкесов или нынешних кабардинцев»* [Броневский 1823: 12, 14–16, 21, 23]. Соответственно, ни о какой сельскохозяйственной «пустыне» у черкесов (адыгэ) не может быть и речи. Это утверждает и известный народник Я.В. Абрамов, который писал, что *«если сравнить то, что сделано на Кавказе туземцами и нами, русскими, то менее культурною и менее трудолюбивою нацией придется признать именно русских»* [Абрамов 1884: 74–75]. В качестве примера он приводит состояние современного

«Атажукинского сада» в Нальчике в тот период, созданного кабардинцами и практически уничтоженного новыми поселенцами [Абрамов 1884: 75–76]. Кроме того, по его словам, *«верстах в 7-8 от слободы Нальчика, вверх по реке того же имени, некогда был кабардинский аул, а при нем рос прекрасный сад, значительно превосходящий своими размерами «Атажукин». Сад этот подвергся такому же расхищению со стороны русских, как и «Атажукин», и в настоящее время представляет еще большую мерзость запустения, чем последний»* [Абрамов 1884: 76]. Можно констатировать, что А.Я. Купфер не имел сведений о черкесской культуре садоводства.

Ученый дал интересную информацию о Горячеводске [Kupffer 1830: 8–9]. Отметим, что рядом была станица Горячеводская, а указанный ученым населенный пункт являлся поселком возле крепости Константиногорск, ставшим в 1830 г. городом Пятигорск, поглотившим указанную крепость. По его словам, к моменту прибытия из-за продолжающейся Русско-Турецкой войны отдыхающих и находящихся на лечении было всего около 50 семей [Kupffer 1830: 8]. Сам поселок насчитывал не более 40 домов. Несмотря на это, он был похож на маленький город, освещенный множеством фонарей. Г.А. Емануэль активно благоустраивал его. В центре поселка находился ресторан, одновременно являющийся местом проживания генерала. Эти сведения вызывают интерес, так как данных о том, что Г.А. Емануэль жил в этом здании, практически не встречается.

А.Я. Купфер описывает плодородие почвы Черкесии, приятный мягкий климат, хорошие пастбища и утверждает, что *«во всей остальной части России нет края более пригодного для заселения, и где природа была бы более способной стереть будь то экономическими выгодами, будь то сильными многообразными впечатлениями, воспоминание о родине»* [Kupffer 1830: 10]. Но одновременно с заселением колонистов района Пятигорья местное коренное население подверглось принудительному переселению с родных мест, пишет А.Я. Купфер. По его словам, черкесов *«изгнали за Кубань» «со времени последнего мятежа»* [Kupffer 1830: 41], видимо, имеется в виду восстание в Кабарде 1825 г., которое детально описано современниками и исследователями.

А.Я. Купфер подробно описал предгорья и горы Центрального Кавказа по пути следования экспедиции, которые, по его словам, значительно отличаются от тирольских и швейцарских. Для нас интерес представляют сведения об описанных им горах в форме плато на большой высоте от уровня моря, используемые черкесами (адыгэ) в качестве отгонных пастбищ [Kupffer 1830: 11, 22]. Когда внизу трава выгорает от воздействия солнца, табуны лошадей и скот в июле перегоняется на эти возвышенные пастбища, где обильно растет трава и мало насекомых. Каждая гора или ее участок имеют собственника из числа черкесов и носят название его имени или фамилии. Осенью, с наступлением холодов, лошади и скот спускаются вниз. Эта информация важна тем, что впервые указываются пастбища, разбитые кабардинцами на родовые участки.

Большую научную ценность, не потерявшую значение и сегодня, имеют сведения А.Я. Купфера о топонимике, которые открывают новые страницы знаний о прошлом кабардинского народа [Kupffer 1830: 16, 23]. Проблема в том,

что на современных картах указанные ученым названия заменены на другие, либо не обозначены вовсе: реки Психачоче [Kupffer 1830: 16], Псыпса, которая, по словам ученого, *«устремляется вниз из расщелины между Ныуэжъыдзэ (гора обозначена на современных картах, имеет перевод с черкесского языка «Зуб старухи» – А.Х.) и Иналом и, наконец, впадает в Баксан, приняв название Гунделен»* [Kupffer 1830: 23]. Нет на современных картах названий гор Ошхадаха, Мывабана, Пагун, Кошегог, указанных в отчете А.Я. Купфера [Kupffer 1830: 16, 23]. Эти названия, записанные на слух русскими буквами, исказили родное звучание, но, безусловно, имеют черкесскую (адыгскую) основу. Изменено название истока реки Малка на Кызыл-кол, хотя в отчете А.Я. Купфера четко написано, что 9 (21) июля группа участников восхождения на Эльбрус выдвинулась *«в десять часов утра; переправившись через Малку, мы вынуждены были отослать обратно лошадей...»* [Kupffer 1830: 29]. Ученый пишет, что через несколько дней, 13 (25) июля, недалеко от горы Бермамыт, они посетили реку Кызыл-кол, которая содержала железо и имела кисловатый вкус [Kupffer 1830: 39]. То есть на современных картах исток реки Малки возле «поляны Емануеля» переименован в Кызылкол, а возле горы Бермамыт это название исчезло¹. Изменена прежняя этимология этих объектов, но при анализе работ Купфера и Ленца необходимо учитывать это обстоятельство.

А.Я. Купфер представил уникальные сведения о названии реки Кубань. Так, после выдвижения от Каменного моста на Малке, недалеко от стоянки в Хасаутском ущелье, 2 (14) июля он описал могилы генуэзцев. По словам проводников-черкесов, в этом месте в давние времена *«обитали франки, чей царь Кубан дал свое имя реке Кубань»* [Kupffer 1830: 28]. До сих пор нет достоверного перевода этого слова, но сведения А.Я. Купфера дают новый импульс поиска значения Кубани в именах собственных генуэзских правителей, либо их наместников в районе Северного Приэльбрусья. Ю.Г. Клапрот писал о захоронении френгов возле селения Карачай (Карт-Журт) [Клапрот 2008: 165]. Из этого следует, что до заселения карачаевцами верховьев Кубани в этом месте проживали генуэзцы. А.Я. Купфер писал, что казак показывал ему саблю с надписью «Геноа» [Kupffer 1830: 43], что подтверждает вышеуказанное. Ю.Г. Клапрот также писал, что территория западной стороны Дарьяльского ущелья осетинами называется Кобан (от названия одноимённого селения названа археологическая культура. – прим. А.Х.) [Клапрот 2008: 289]. Это слово не имеет осетинской этимологии. Ю.Г. Клапрот считал слово Кубань татарским, но не смог узнать его перевода [Клапрот 2008: 102]. Но если нет перевода, то утверждение неубедительно. На черкесском (адыгском) языке река носит название Псыж (старая или могучая река). Эти факты указывают, что в период пребывания генуэзцев на Кавказе с XIII по XV вв. в районе Северного Приэльбрусья была их торговая фактория или религиозный центр, возможно, одновременно и то, и другое. Река Кубань, по всей вероятности, получила свое название по имени кого-то из правителей

¹ Река Кызылкол на Яндекс карте // Электронный ресурс. Режим доступа: https://yandex.ru/maps/11013/the-kabardino-balkar-republic/geo/reka_kyzylkol/135916176/?ll=42.556169%2C43.369739&z=11.72 (дата обращения: 10.06.2025).

региона, либо верховного духовного лица генуэзцев. Для уточнения вопроса необходимо дальнейшее исследование данной темы.

Сведения Ж.-Ш. де Беша представляют не меньший, если не больший интерес по истории и этнографии некоторых этносов Кавказа. При поддержке императора Австрии, короля Венгрии, Хорватии и Богемии Франца I он выехал в Российскую империю для участия в экспедиции и догнал ее 3 (15) июля в лагере на плато Хасаут [Besse 1838: 62]. Целью его поездки был поиск следов предков мадьяр (часть современных венгров) в горах Кавказа.

Через несколько дней, 6 (18) июля, к Г.А. Емануелю прибыла делегация карачаевцев и урусбиевцев во главе с Исламом Крымшамхаловым и Мырзакулом Урусбиевым [Besse 1838: 66; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1014. Л. 43 об.]. Ж.-Ш. де Беш – единственный из участников экспедиции 1829 г., кто указал Мырзакула Урусбиева в составе экспедиции. Он общался с ними с помощью Я.М. Шарданова, секретаря Временного Кабардинского суда, знавшего несколько языков [Думанов 1988: 6]. На встрече с прибывшими, Ж.-Ш. де Беш сказал им, что ищет родину мадьяр. Ответ удивил его: представители карачаевцев категорически отрицали свое происхождение от этого этноса. По их словам, их предки ранее проживали в степях от Азова до Дербента. Причиной переселения в горы к верховью Кубани послужило увеличение выплачиваемой дани более могущественному соседнему народу – одной белой коровы с черной головой или три обыкновенные с каждой семьи. Под предводительством Карчи они попали в верховья Кубани, и позднее от его имени получили свой этноним – «карачаевцы», хотя он не оставил прямых потомков [Besse 1838: 67]. Далее они добавили, что от мадьярского корня происходят жители Малкар, Безенги, Хулам, Урусбиево и Дигории. Они проживают высоко в горах и поддерживают связи с осетинами и имеретинцами [Besse 1838: 67].

Информация от наиболее почитаемых в своем народе карачаевцев имеет эксклюзивный характер. Что касается перечисленных горских обществ, то необходимо отметить, что по какой-то причине не указано Чегемское. Возможно, из-за черкесского происхождения их дворян, носивших фамилию Болатоковы, сменившуюся позже на Балкаруковых, по имени одного из потомков [Миллер, Ковалевский 1884: 562-563]. Также необходимо отметить, что селение Хулам, по словам Ю.Г. Клапрота, *«населено семьями сванов, все еще продолжающими одеваться строго на имеретинский манер, и именуемые сони»* [Клапрот 2008: 183]. Сваны точно не являются потомками мадьяр, то же можно сказать и о дигорцах. По крайней мере, современная академическая наука не подтверждает это.

Ю.Г. Клапрот также отделял карачаевцев от «татарских племен», называемых грузинами «бассианами», а черкесами «къущхъ» – горцы [Клапрот 2008: 160, 162]. Ссылаясь на «Грузинскую географию», он считает, что главный из их рода – Басият – осетинского происхождения [Клапрот 2008: 160]. Что касается урусбиевского общества – отец Мырзакула выселился примерно в 1770-х годах из Безенги в верховья Баксана [Иванюков, Ковалевский 1886: 93] и образовал новое, самое молодое из горских обществ, сменив фамилию Суюнчев на Урусбиев. Урусбиев подружился с Ж.-Ш. де Бешем и много общался с ним.

В отличие от карачаевцев, отрицавших мадьярское происхождение, Урусбиев в качестве довода, подтверждающего этот тезис, рассказал легенду, услышанную от старших [Гориславский 2007: 34–35]. Ее суть в том, что мадьярский князь Тума-Мариен-хан, сын предводителя мадьяр, во время охоты обнаружил с берега Черного моря неуправляемый корабль с дочерью Византийского императора Амелией на борту. Она забеременела «от лучей солнца», и Византийский император, чтобы скрыть позор двора, скрытно посадил ее на этот корабль с несколькими сопровождающими и каким-то количеством золота, после чего отправил в открытое море. Девушка так понравилась юноше, что Тума-Мариен-хан женился на ней. Она родила ему сына от «лучей солнца» и потом еще двоих. После смерти отца трое сыновей начали межусобную войну, которая привела к расколу страны и ее упадку, в результате чего предки Урусбиева оказались в горах Кавказа.

Какую информацию можно извлечь из изложенного? Они предлагают новую версию этногенеза карачаевцев и, по крайней мере, урусбиевского, безенгиевского и малкарского обществ, а также определяют нижнюю границу заселения кыпчакоязычных пришельцев в верховья Черема.

Мадьяры проживали в степях Урала, потом Дона и Днепра, и только к концу X в. поселились в районе современной Венгрии и Румынии, получив доступ к Черному морю, где был обнаружен корабль из легенды. То есть событие могло произойти не ранее этого периода. В истории не известен король венгров по имени Тума-Мариен-хан, вероятно, речь шла о короле Андраше II (1205–1235 гг.), который имел троих сыновей. При его преемнике – старшем сыне Беле IV (1235–1270 гг.) – произошло вторжение татаро-монгол, в результате чего Венгрия была опустошена. В этногенезе современных мадьяр приняли участие и кипчаки, проживавшие по Дунаю. Вероятно, какая-то их часть после разгрома венгров ушла в степи Предкавказья, к Маджарам, а уже оттуда – в горы. Таким образом, сведения о мадьярском царе и Черном море из легенды, рассказанной Урусбиевым, указывают на то, что ранее XIII века его предки не жили на Кавказе. Ибн-аль-Асир писал, что после предательства кипчаками алан в 1222 г., монголо-татары разбили и самих кипчаков. *«Услышав эту весть, жившие вдали кипчаки бежали без всякого боя и удалились; одни укрылись в болотах, другие в горах, а иные ушли в страну русских»* [Тизенгаузен 1884: 25–26]. Возможно, предки Урусбиева входили в эту часть кипчаков, укрывшихся в горах. Есть вероятность, что часть половцев, укрывшихся от монголо-татар в XIII в. в Венгрии, позже оказалась в районе Маджара, и причиной скрываться в горах послужило нашествие войск Тамерлана в конце XIV в. Л.И. Лавров считал, что *«до XIII в. нынешней Балкарской прочно владели аланы и нет основания относить появление здесь балкарцев до XIII в.»* [Лавров 1960: 65–66]. По его мнению, предки современных балкарцев появились в горах именно во время монгольского нашествия. Жизнь в горах для неприспособленного человека суровая и тяжелая. Соответственно, кыпчакоязычное ядро, принесшее свой язык в верховья Черема, укрылось там от сильного противника, скорее всего, монгол. Ю.Г. Клапрот писал, что Бассият (легендарный основатель народа. – прим. А.Х.) был родом из Маджар (район современного г. Будённовска) [Клапрот 2008: 160].

Так или иначе, не ранее XIII в. кипчакоязычные пришельцы впитали в себя часть коренного населения в горах (сванов, дигорцев, абхазов и т. д.) и передали свой язык, что послужило созданию младоэтнуса с самоназванием таулу (горцы). Такое возможно, так как вновь прибывшие наверняка опирались на силу оружия.

Что касается этногенеза карачаевцев, то известно, согласно их устным преданиям, что из окрестностей Крыма вышло 60 человек, останавливавшихся на абхазских и абазинских землях, и через несколько лет в конечном итоге поселившихся в верховьях Кубани [Дьячков-Тарасов 1898: 63]. В.Я. Тепцов писал, что сванеты считали карачаевцев захватчиками, отобравшими у них земли. Но они явно путали их с войсками монголо-татар или Тамерлана из-за сходства языка. Не могло так быть, что *«сванет было много, много, но пришли эти черти (карачаевцы), началась война, и наши все погибли, потому что их во сто раз было больше»* [Тепцов 1892: 87]. Во всех известных источниках карачаевцы не захватывали территорию, а пришли на свободные, никем не занятые земли, не застав здесь ни алан, ни генуэзцев. В.Я. Тепцову карачаевские старики рассказывали, что их предки знали, что они пришли к истокам Терека на разоренные земли сванетов. Карча нашел также опустошенные кем-то земли в истоках Кубани, куда карачаевцы переселились и образовали селение Карачай [Тепцов 1892: 87]. Соответственно, произошло это после XV в., так как аланы прекратили свое существование как этнос после XIV в., а генуэзцы покинули Кавказ в конце XV в., после чего эти земли опустели. Учитывая, что при заселении местность была заросшей лесом и пустынной, а для этого нужно достаточное время [Иваненков 1912: 26], заселение карачаевцев в верховья Кубани можно считать произошедшим в конце XVI – начале XVII вв.

В XVI в. резко возросла военная мощь Крымского ханства и Ирана. Учитывая, что в степях от Азова до Дербента в это время кочевали ногайцы и кумыки, мы можем сделать заключение, что карачаевцы откололись от кого-то из них. К карачаевскому языку очень близок кумыкский, в связи с чем с большой долей вероятности можно было бы считать, что ядром предков карачаевцев были представители кумыкского этноса. Но есть одно важное обстоятельство – сам Карча, скорее всего, был «беем карачи» – дворянский титул в Крымском и Казанском ханствах, а также у ногайцев. Если предположить, что он выходец из Казани, то вполне допустимо, что он увлек за собой в верховья Кубани часть кумыков, живущих на границе с «более могущественным народом» – усилившимся на тот момент Ираном.

Другая версия, высказанная самими карачаевцами Ж.-Ш. де Бешу, сводит на нет предыдущую и говорит о происхождении Карчи с окрестностей Крыма. В этом важность информации Ж.-Ш. де Беша. В таком случае наиболее подходящими кандидатами для тех, кого увлек с собой Карча, являются ногайцы, которые часто подвергались преследованию со стороны Крымского ханства и имели своих дворян-«карчей». Эту версию приводит и С. Броневский, относя к ногайцам малкарцев, чегемцев и карачаевцев [Броневский 1823: 216–220]. Против этого варианта выступают лингвисты, которые утверждают, что ногайский язык отличается от карачаевского. Но, скорее всего, переселенцы были разнородны, и в этом случае можно предположить, что они общались на кумыкском языке –

своеобразном общем языке, на тот момент наиболее известном у различных этносов. В этом случае данная версия наиболее предпочтительна, так как кумыкский очень близок к карачаевскому.

По крайней мере, благодаря сведениям Ж.-Ш. де Беша можно предположить, что карачаевцы имеют свой, отличный от безегиевцев, малкарцев, хуламцев, чегемцев и урусбиевцев этногенез. Кипчакоязычное этнообразующее ядро предков малкарского, безегиевского и урусбиевского обществ пришло в верховья Черема, вероятнее всего, из Маджара между XIII и XV в., а кипчакоязычные предки этнообразующего ядра карачаевцев пришли в верховья Кубани с окрестностей Крыма около XVI–XVII вв.

Ж.-Ш. де Беш подтверждает слова А.Я. Купфера о названии реки Малка, а не Кызыл-кол [Besse 1838: 88, 94], и также приводит несколько топонимов адыгской транскрипции (горы Меувель-Хуана, Пагун, Кушгаг, Локоч-Гебе, река Хумара) [Besse 1838: 104, 107], которые в наше время на картах не обозначены, либо заменены другими.

На следующий день после восхождения на Эльбрус кабардинца Килара Хаширова Ж.-Ш. де Беш описал торжественный обед, на котором *«туземные старины весело предавались возлиянию, считая, что поэтому, из ряда вон выходящему случаю, Магомед закроет глаза, чтобы на них не смотреть»* [Besse 1838: 100]. Об этом писал и А.Я. Купфер [Купфер 1830: 38]. Этот факт указывает, что кабардинцы и балкарцы не были «одержимыми» адептами ислама. На этом же мероприятии, по словам Ж.-Ш. де Беша, Кучук Жанхот – старший князь, валий Кабарды получил в подарок золотые часы, остальные участники обеда – отрезки качественной ткани для пошива черкески. В книге подтверждаются сведения А.Я. Купфера об одном из «узденей абазов», нагим переплывшим Кубань, о казаке с саблей с надписью «Геноуа», о раннехристианских храмах и могилах [Besse 1838: 106–107, 112–114]. Ж.-Ш. де Беш уверенно относил их к генуэзцам, покинувшим эти места под давлением татар (османов) [Besse 1838: 106].

Сведения об абазлах (абазинах) Ж.-Ш. де Беша практически совпадают с их описанием у Ю.Г. Клапрота [Клапрот 2008: 110–117]. Могло сложиться впечатление, что Ж.-Ш. де Беш просто заимствовал у него данные, но некоторые факты это опровергают. Например, он сам видел абазин и описал их отличие фенотипа от черкесского, попробовал белый мед, собранный абазинами, указал на чуму, которая 20 лет назад унесла половину жителей Абазы, как и в Карачае [Besse 1838: 109–110].

Один из черкесов, майор, командир редута возле Каменного моста на Кубани, передал легенду о том, что в старину на Кавказе были угры [Besse 1838: 113]. Угры – это мадьяры, манси и ханты, видимо, он говорил о мадьярах. Это важное сообщение, так как такое название мадьяр мог знать только народ, соседствующий с ними в то время.

В книге Ж.-Ш. де Беша указаны имена местных князей и дворян, присутствовавших на банкете в честь именин супруги Г.А. Емануеля: генерал-майор Султан Менги-Гирей, полковник князь/валий Кабарды Кучук Жанхот, князья Кабарды: Мисост Атажукин, Беслен Хутедленов, Темрюк, Мохамед Докшукин, Мохамед Атажукин, Арсланбек Кайтукин, секретарь Временного Кабардинского

суда майор Якуб Шарданов, князь Малой Кабарды Темрюк Ахлов, его брат Беслан Ахлов, глава урусбиевского общества старшина/таубий Мырзакул Урусбиев, султан ногайцев Алакай Мансуров, глава карачаевцев Ислам Крымшамхалов, абазинский дворянин Керим-Гирей Лоо, сын одного из черкесских князей Абулов [Besse 1838: 132-133]. По словам Ж.-Ш. де Беша, они имели хорошие манеры и прекрасно обращались с вилок и ножом, т. е. имели навыки российского-европейского застольного этикета [Besse 1838: 133].

В процессе работы со сведениями Ж.-Ш. де Беша нельзя не обратить внимание на описание лошадей. По его словам, карачаевцы разводили лошадей прекрасной породы, и он не соглашался с Ю.Г. Клапротом, который описал их как низкорослых [Гориславский и др. 2007: 36]. Необходимо пояснить следующее. Ю.Г. Клапрот писал в 1807 г., что *«карачаи держат... лошадей, которые, хотя и маленькие, выносливы, сильны, горячи и удивительно приспособлены для поездки в горах»* [Клапрот 2008: 171]. Во-первых, здесь не указано, что это карачаевская порода. Во-вторых, Ж.-Ш. де Беш ошибочно считал, что *«земля в их (имеются в виду карачаевцы. – прим. А.Х.) краю – одна из самых хороших и плодородных, она дает пшеницу, ячмень и особенно просо; травы вырастают там до высоты почти в два фута и их более чем достаточно для корма скота»* [Гориславский и др. 2007: 36]. На самом деле это описание черкесских (адыгэ) земель, предоставленных в пользование карачаевцам после 1825 г. В отношении И.И. Дибича к И.Ф. Паскевичу Г.А. Емануэль пояснял, что *«причем еще позволено им (карачаевцам – прим. А.Х.) занимать под пастбища смежные земли, бывшие прежде во владении кабардинцев»* [АКАК 1878: 866]. И пасли они там лошадей, по современному определению кабардинской породы (адыгэш), доставшихся им, как и казакам, после покорения Кабарды [Хотко 2008: 163]. Сам Ж.-Ш. де Беш писал, что ехал на резвой черкесской лошади [Besse 1838: 105], что не удивительно – практически все предпочитали эту породу на Кавказе за ее превосходные рабочие качества – неприхотливость и выносливость в дальних переходах. С. Броневский написал о коневодстве черкесов отдельный параграф, указывая, что *«каждый князь имеет небольшой домашний завод», «черкесские лошади, известные в России вообще под названием Горских лошадей»* [Броневский 1823: 134–135]. Напротив, в описании малкарцев нет ни слова о лошадях, чегемцы *«вместо лошадей употребляют породу лошаков, называемую Кадра»*, а карачаевцы имеют *«мелкую, но крепкую породу Горских лошадей, известная под именем Карачаевских»* [Броневский 1823: 216–218, 220]. Выше С. Броневский указывал, что под горскими лошадьми подразумеваются черкесские, следовательно, по нашему мнению, карачаевские – разновидность черкесской породы, внутрипородный зональный тип. Во всяком случае, позже выделить именно карачаевскую породу лошадей специалистам иппологии так и не удалось.

Вызывают интерес слова Ж.-Ш. де Беша о карачаевской одежде. По его словам, они *«одеты на черкесский манер, в костюмы, которые были переняты не только всеми жителями Кавказа, но также и казачьими офицерами на Линии»* [Гориславский и др.: 35–36]. Ю.Г. Клапрот также писал, что карачаевские мужчины носят подобную черкесам одежду [Клапрот 2008: 171]. С. Броневский не упоминал одежду карачаевцев, чегемцев и малкарцев, но посвятил отдельный

параграф одеянию черкесов [Броневский 1823: 102–106]. Легкая, удобная она была заимствована всеми соседними народами, поэтому Г.А. Емануель в 1828 г. установил для всех казаков Кавказского линейного войска единую форму, вооружение и снаряжение черкесского образца, подобного кабардинскому. 16 января 1831 г. Николай I официально утвердил это положение [Толстов 1900: 85–86]. Ж.-Ш. де Беш подробно описал черкеску, посвятив этому отдельную главу [Besse 1838: 128–131] и подверг критике перевод слова «черкес» с татарского языка как «чер» и «кесмек» – «перерезающий путь». Ю.Г. Клапрот считал происхождение этого слова именно татарским [Клапрот 2008: 171]. Но в таком случае этнотермин должен звучать «черкесмек», а не «черкес». Наиболее логичным Ж.-Ш. де Беш посчитал перевод с персидского – «чер» – «воитель» и «кес» – «личность» [Besse 1838: 128], что ближе к трактовке С. Броневского, считавшего «керкетов» из работы Страбона и «керкасов» восточных писателей тождественными «черкесам» [Броневский 1823: 42].

Большой интерес в книге Ж.-Ш. де Беша представляют сведения о политическом устройстве, обычаях и традициях черкесов. Он перечисляет их основные субэтноты [Besse 1838: 380]. Подробнее эти сведения приведены С. Броневским, с некоторыми отличиями в их описании [Броневский 1823: 55–97]. Но именно Ж.-Ш. де Беш называет их республиками, объединяющимися в случае угрозы их независимости. Как раз против этого союза был Ю.Г. Клапрот, предлагая воспользоваться внутренними противоречиями черкесов. Ж.-Ш. де Беш пишет, что *«каждая из этих республик под присягой берет на себя обязательство при неминуемой опасности выступить сообща... Клятва, данная в подобных обстоятельствах, становится не нарушаемой»* [Besse 1838: 380]. Таким образом, российской политике «разделяй и властвуй» черкесы противопоставили союз через присягу, в этом заключается причина их столь долгой борьбы за свою независимость.

Ж.-Ш. де Беш описывает гостеприимство черкесов, их человеческое отношение к рабам, а также еще некоторые обычаи и нравы, указанные в работах С. Броневского и Ю.Г. Клапрота [Besse 1838: 381].

Этнографический интерес вызывает описание религии черкесов. Ж.-Ш. де Беш обращает внимание на то, что ислам в Черкесии под влиянием турок распространили «магометанские муллы, почти все неграмотные», и если бы Рим прислал миссионеров, то можно было бы вернуть черкесов в христианство, которое здесь было ранее [Besse 1838: 382].

Подробнее описана древняя религия черкесов, в основе которой языческие верования, разбавленные отдельными положениями христианства. Высшее Существо одно, есть еще силы второго порядка, наподобие апостолов. Лес является храмом, а не местом поклонения деревьям. Описан обряд жертвоприношения, проводимый жрецом в фетровом мантии и непокрытой головой. Сведения уникальны, поэтому приведем цитату целиком: *«Старец берет свечу, помещенную у основания креста и он обжигает у жертвы немного шерсти в месте, где ей будет нанесен удар, вылив немного бузы на голову, и после короткой молитвы приношения, ее умерщвляют. Голова посвящается божеству; ее насаживают на шест, на некотором расстоянии от алтаря. Шкура принадлежит жрецу, а все остальное готовится для приготовления трапезы собравшихся. После*

жертвоприношения жрец берет одной рукой чашу. А другой ломоть хлеба; он возносит их к небу и в этой позе взывает к Высшему Существо, прося у того милости для собравшихся. Осветив напиток и хлеб, он дает их испробовать старейшему из общества. Присутствующие дают ему другую чашу и ломоть хлеба, и жрец снова начинает те же церемониалы, обращаясь к Матери Божьей и подносит чашу иному старицу и так далее. Перед тем как отпустить присутствующих жрец по своей воле назначает день последующего жертвоприношения, происходящего раз в неделю; но это должно происходить в воскресенье, понедельник, вторник, среду или субботу; остальные три дня для жертвоприношения запрещены» [Besse 1838: 382–383]. Подобные сведения встречаются только у Ж.Т. де Мариньи [АБКИЕА 1974: С. 304–306]. Их сведения взаимно дополняют друг друга и представляют высокую научную ценность.

Ю.Г. Клапрот писал, что черкесы приняли магометанство после 1774 г., чему поспособствовал Исхак Эфенди [Клапрот 2008: 212]. Причиной этого, на наш взгляд, являлась попытка Турции удержать их в своем влиянии и противопоставить черкесов Российской империи. Примерно то же описывает С. Броневский, указывая на влияние Шейха-Мансура на принятие черкесами ислама в течение 6 лет, с 1775 по 1781 гг. Простой народ, *«при удобном случае, кажется, не усомнился бы обратиться к закону предков своих»*, но князья препятствуют этому [Броневский 1823: 98–100]. Сведения Ж.-Ш. де Беша указывают, что далеко не все черкесы приняли мусульманство в то время, сохранив прежние свои обычаи и традиции.

Уникальна информация и о Мерейм, покровительнице пчел, апостоле Созерисе, которому повиновались воды и ветер, трех серафимах-сестрах во время царствования древнегреческого бога звездного неба Астрейя (либо Астреи, богини справедливости), которые *«ведали согласием в доме, взаимопониманием между соседями и укрывали путешественников своими защищающими их крыльями»* [Беш 1838: 383–384]. Пасха, по его словам, отмечается в марте, в это время черкесы не берут в долг ничего, даже огня, не едят яиц и мяса [Беш 1838: 384]. Очевидно влияние древнегреческой мифологии и раннего христианства на культуру черкесов, но есть и свои особенности. Это заметно, когда перечисляются собственные обряды и традиции – ежегодно, в октябре, в конце лунного месяца в семьях поминают своих умерших, через несколько дней после этого отмечают праздник грома и молнии, убитый молнией считается святым. Новый год празднуется два дня во время весеннего равноденствия. Ж.-Ш. де Беш упоминает имена еще некоторых древнеадыгских апостолов – Мезит, Ноакаташ, Жемши и Шанка, но эти имена искажены настолько, что только первое можно понять как Мазытхъэ (покровитель леса) [Besse 1838: 384].

Черкесы умеренны в еде, мясо едят только в праздники и во время жертвоприношений, а также при приеме гостя. К мясу готовится рагу, приправами служат молоко, соль, перец и мед. В остальное время черкесы питаются вареным просом и сыром. Подробнее об их пище написано Ю.Г. Клапротом [Клапрот 2008: 225–229] и С. Броневским [Броневский 1823: 138–139].

Внешность черкесов описана так: мужчины статные, с гибкой фигурой, Ж.-Ш. де Беш приводит цитату арабского историка Абу-Эль-Касима: *«это самая прекрасная порода людей среди всех кавказских народов»* [Думанов 2009: 234].

Женщин он считал «довольно красивыми», писал, что к ним относятся с уважением. При встрече всадника с женщиной тот спешивается, предлагает ей ехать верхом. В случае отказа сопровождает пешком до жилища. Женщины очень трудолюбивы и делают различные работы. Ж.-Ш. де Беш высоко оценивал их мастерство вышивания, отделки и украшение одежды и обуви. Они не отделены от общества мужчин и пользуются свободой общения, но не злоупотребляют этим [Думанов 2009: 239]. При этом Ж.-Ш. де Беш считает, что красота черкешенок не заслуживает той славы, которую им приписывают армяне – основные торговцы на Кавказе в то время [Besse 1838: 386]. Он пишет, что *«привычки, более тонкое воспитание, более изысканная пища, непрестанное желание нравиться – все это увеличивает красоту грузинских женщин и дает им превосходство в этом смысле над черкесскими. До взятия Анапы в предгорьях Кавказа крали совсем молоденьких девушек, продавали в Константинополь, работорговцы выдавали их обычно за черкешенок»* [Думанов 2009: 240]. Здесь можно отметить слова Ю.Г. Клапрота, который писал, что *«их женщины-черкешенки во многом самые красивые на всем Кавказе»*, но черкесы очень редко продают своих соплеменников и большая часть проданных в гаремы женщин взяты из Имеретии и Мингрелии [Клапрот 2008: 219–220].

Ж.-Ш. де Беш подробно описывает, как женщины-черкешенки занимаются разведением пчел [Besse 1838: 388]. Эту одну из ведущих отраслей хозяйства черкесов упоминает С. Броневский [Броневский 1823: 137] и освещает Ю.Г. Клапрот [Клапрот 2008: 226–228], который в деталях описывает конструкцию ульев, их размеры и форму, материал из которого они изготовлены, как зимуют пчелы и т. д. К слову, он же указал, что у карачаевцев *«нет меда, так как климат слишком холоден для пчел зимой, и они абсолютно не умеют управляться с ульями. Если они хотят меда, то достают его у кабардинцев...»* [Клапрот 2008: 176].

Отдельно Ж.-Ш. де Беш сообщает информацию о черкесских баранах, небольшого роста, *«но их мясо наилучшего качества. Доят овец и из их молока изготавливают сыр, что с наслаждением ешь»* [Besse 1838: 389]. Эту отрасль подробнее осветил Ю.Г. Клапрот. Он писал, что основным мясом животных, употребляемым черкесами, являются бараны – они *«составляют почти все богатство черкесов и разведение их является самой важной отраслью их экономики»* [Клапрот 2008: 224]. С. Броневский писал, что *«овцы черкесские, между коими есть также и калмыцкой породы с длинным хвостом, имеют шерсть лучшей доброты против степных овец»* [Броневский 1823: 136–137].

Ж.-Ш. де Беш описал некий природный феномен, сокрытый на горе, называемой черкесами Великим храмом [Besse 1838: 389]. Она расположена равноудаленно между Анапой и рекой Кубанью, на территории современного Государственного природного заказника «Красная горка». По его словам, животные и птицы избегают этого места, трое черкесов осмелились подняться на нее, двое умерли сразу там же, третий спустился, успел рассказать об этом и тоже скончался через несколько дней. У подножия горы находят различные античные

изделия, в том числе из золота, серебра и меди, но к ним запрещено прикасаться. Вероятнее всего, рядом находится выход газа метана, убивающий все живое и не имеющий запаха. Кроме того, упоминается пещера близ селения Пшада, в которой *«закован в цепи дух, враждебный добрым феям и приговорен оставаться в таком положении до изгнания с земли пороков»*. Также Ж.-Ш. де Беш указывает на наличие в Черкесии дольменов – *«кубической формы памятников, выглядящих весьма древними»* [Besse 1838: 390].

Большой интерес представляет погребальный обряд черкесов. На данный момент практически неизвестно, как хоронили женщин – также, как мужчин, или со своими особенностями. С. Броневский писал, что по смерти представителя мужского пола женщины плачут, царапают свое лицо и грудь до крови. Мужчины считают стыдным плакать, но бьют себя по лицу плетью до синяков. Похороны проходили по мусульманским обрядам – тело, завернутое в простыню, относили к месту захоронения и клали в могилу без гроба, сверху устанавливался надгробный камень. Наиболее знатным насыпался курган, на котором строилась усыпальница. Частично сохранялся древний обряд захоронения с умершим всех даров, приносимых на похороны родными и друзьями [Броневский 1823: 149].

Ю.Г. Клапрот писал, что на похоронах женщины громко плачут, а раньше мужчины били себя плетью по голове [Клапрот 2008: 218]. Умерший кладется *«в устланную досками могилу»* лицом в сторону Мекки. Мулла читает молитвы, за что вознаграждается одним из лучших коней умершего. Некоторое время назад, по его словам, в могилу клали все вещи умершего, но на момент нахождения автора в тех местах этот обряд прекратил свое существование. Необходимо отметить, что в обоих случаях описываются похороны в Кабарде.

Сведения Ж.-Ш. де Беша отличаются от вышеописанных [Besse 1838: 390–392], когда он описывает смерть мужчины-черкеса. Женщины громко плачут, мужчины бьют себя в грудь. Покойника обривают и моют, после чего одевают в чистую одежду. Тело кладется на циновку на полу, рядом с ним, на другой циновке, ставится поднос со всей его одеждой. Во дворе, у входа, оружие покойного выложено так, что вновь прибывающие перешагивают его. Мужчины, зайдя в дом, возле умершего падают на колени и бьют себя в грудь, пока их не поднимают со словами «достаточно». После этого, помыв руки и лицо, они соболезнуют членам семьи усопшего. В доме готовится мясо жертвенных животных, несколькими молодым людям поручают выкопать могилу, тело должно быть предано земле через 24 часа после смерти. Важная особенность – покойника хоронят в гробу. Похоронное шествие возглавляют старики, сразу за гробом – родственники, друзья и соседи умершего. Еще одна особенность – за мужчинами в шествии идут женщины в платках, повязанных таким образом, что они держат его концы двумя руками и тянут его то в одну сторону, то в другую. Близкие родственники из числа женщин царапают себе лицо и рвут волосы. *«После погребения на могилу кладут часть мяса от жертвоприношений, а также пасту и бузу, что оставляют для прохожих. Те, кто сопровождал шествие, возвращаются к родственникам умершего, где им накрывается стол. Церемония завершается ружейной стрельбой, призом в коей являются шкуры жертвенных животных»* [Besse 1838: 391].

В честь умершего народный сказитель (джегуако) слагает песню, если он был ее достоин. В ней указывается краткая биография и поступки, прославившие его. Так сохраняется историческая память о человеке, Родине и этносе у черкесов.

По словам Ж.-Ш. де Беша, через год, предварительно оповестив об этом живущих вдалеке родственников и друзей, проводятся поминальные обряды. Жертвенных животных (их число доходит до 50) готовят близкие родственники покойного [Besse 1838: 392]. Все собираются на «поле мертвых» – это обширное пространство, предназначенное для захоронения соплеменников (подобное поле сохранилось близ г. Нальчика, в районе от с. Нартан до с. Яникой. – прим. А.Х.). К могиле приносят всю одежду, оружие и лошадей усопшего. К этому могут добавляться ткани, рабы и кольчуга – все это предназначено в качестве призов на скачках. Целый день проходит за столом и состязаниями, любой желающий может присоединиться к этому. Во время первого заезда на скачках победитель отдает приз кому-то из девушек в знак уважения.

Ж.-Ш. де Беш писал, что черкесский язык широко распространен на Кавказе и в случае налаживания торговли понадобится словарь, в связи с чем он собрал и перевел более 270 черкесских слов на русский и латинский язык [Думанов 2009: 240–247]. Конечно, искажение большое, но при должной обработке лингвистов можно правильно откорректировать слова, что поможет отследить эволюцию языка.

Ж.-Ш. де Беш также писал о джигитовке, упомянутой А.Я. Купфером с иными подробностями: *«Тюркская игра джарид тоже требует сноровки, но совсем не сравнима с неподражаемой ловкостью и искусством черкесов. Из сотни выстрелов ни одного промаха, ни одного убитого или раненного среди людей и лошадей. Все прошло непостижимо слаженно. Сопровождавшие нас казаки решили повторить удачу черкесов, но насколько слабее они выглядели! Среди всех отличился сын черкесского князя Абулов и Мухамед Атажукин, кабардинский князь»* [Думанов 2009: 285].

Ж.-Ш. де Беш упомянул созданный *«в потворство самолюбию черкесов и с целью сблизить их с русскими нравами»* горский эскадрон конвоя Его императорского величества [Думанов 2009: 279], который сыграл значимую роль в сближении народов России и Северного Кавказа.

Заключение

Таким образом, сведения А.Я. Купфера и Ж.-Ш. де Беша внесли большой вклад в изучение историко-этнографических сведений о черкесах (адыгэ), карачаевцах, малкарцах, безенгиевцах и урусбиевцах. Сведения А.Я. Купфера об отсутствии болот вокруг Эльбруса, политике Российской империи «разделяй и властвуй», черкесской (адыгэ) топонимике по пути следования экспедиции, не указанной на современных картах, о названии реки Кубань, а также Ж.-Ш. де Беша об этногенезе карачаевцев и балкарцев, политическом устройстве черкесов (адыгэ), их обычаях и традициях послужат хорошим материалом для историков и этнографов. Одни сопрягаются с данными других источников, другие, наоборот, опровергают их, что станет стимулом для научного поиска истины. В любом случае они имеют большую научную ценность и дают возможность

реконструировать отдельные стороны жизни и быта некоторых народов Центрального и Западного Кавказа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Besse 1838 – *Jean-Charles de Besse*. Voyage en Crimée, au Caucase, en Georgie, en Armenie, en Asie-Mineure a Constantinople en 1829 et 1830; a Paris, 1838. – 464 p.

Kupffer 1830 – *Kupffer A.Ya.* Voyage dans les environs du mont Elbrouz dans le Caucase, entrepris par ordre de sa majeste l'Empereur; en 1829: Rapport fait a l'Academie imperiale des sciences de St.-Petersbourg, par m. Kupffer, membre de cette Academie. – St.-Petersbourg : De l'Imprimerie de l'Academie imperiale des sciences, 1830. – 126 c.

АБКИЕА 1974 – Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 635 с.

Абрамов 1884 – *Абрамов Я.В.* Кавказские горцы // Дело. Журнал литературно-политический. – № 1. – С.-Петербург, типография Н.А. Лебедева, невский просп., д. № 8. Январь 1884. – С. 62-104.

АКАК 1878 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. VII. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1878. – 1011 с.

Броневский 1823 – *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. В двух частях. Часть II. Москва, в типографии С. Селивановского, 1823. – 465 с.

Гориславский и др. 2007 – *Гориславский И.А., Зюзин С.А., Хаширов А.В.* Первовосхождения на Эльбрус: Лето 1829 года, зима 1934 года. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. – 170 с.

Думанов 1988 – *Думанов Х.М.* Якуб Шарданов. Из истории изучения обычного права кабардинцев. – Нальчик: Эльбрус, 1988. – 84 с.

Думанов 2009 – *Думанов Х.М.* Килар Хаширов: исследования и материалы. – Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на Кавминводах, 2009. – 328 с.

Дьячков-Тарасов 1898 – *Дьячков-Тарасов А.Н.* Заметки о Карачае и карачаевцах. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Вып. 25. – Тифлис: Типографии Канцелярия Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе и К. Козловского, 1898. – С. 49-91.

Жуковский 1971 – *Жуковский П.М.* Культурные растения и их сородичи. Систематика, география, цитогенетика, иммунитет, экология, происхождение, использование. Издание третье, переработанное и дополненное. – Ленинград: издательство «Колос», 1971. – 752 с.

Иваненков 1912 – *Иваненков Н.С.* Карачаевцы. Доклад, прочитанный на общем собрании членов общества любителей изучения Кубанской области 28 ноября 1908 г. Известия общества любителей изучения Кубанской области. – Выпуск V. – Екатеринодар: типография Кубанского областного правления, 1912. – С. 25-91.

Иванюков, Ковалевский 1886 – *Иванюков И.И., Ковалевский М.М.* У подошвы Эльбруса. – Очерк // Вестник Европы, журнал истории-политики-литературы. – Книга 1. – Январь. – Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1886. – С. 83-112.

Клапрот 2008 – *Клапрот Ю.Г.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Издательский центр «Эль-фа», 2008. – 319 с.

Колосовская 2016 – *Колосовская Т.А.* Из истории военно-разведывательного изучения Северного Кавказа (по материалам Эльбрусской экспедиции генерала Г.А. Емануеля 1829 г.) // Гуманитарные и юридические исследования. – 2016. – №1. – С. 47-52.

Лавров 1960 – *Лавров Л.И.* О некоторых этнографических данных по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев // Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22-26 июня 1959 г.). – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1960. – С. 63-69.

Ленц 1897 – *Ленц Э.Х.* Восхождение на Эльбрус 1829. Письма об этом. Член Кайзера. Академия наук в Ст. Петербурге. Эмиль Ленц, соучредитель Ливония Депард. Представлено Германом Самсоном Химмельситерном к пятьдесят седьмому юбилею Ливонии. – 22 с. // *Хаширов А.В.* Первовосходитель на Эльбрус: факты и вымысел. – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2019. – С. 418-463.

Миллер, Ковалевский 1884 – *Миллер В.Ф., Ковалевский М.М.* В горских обществах Кабарды. Из путешествия Всеv. Миллера и Макс. Ковалевского // Вестник Европы, журнал истории-политики-литературы. Том II. Март – апрель. Книга четвертая. – Апрель. – Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1884. – С. 540-588.

Мичурин 1941 – *Мичурин И.В.* Сочинения. В 4 томах, том IV: Сборный. [Под общей редакцией академика Б.А. Келлера и академика Т.Д. Лысенко] / И.В. Мичурин. – Москва; Ленинград: СЕЛЬХОЗГИЗ. 1941. – 495 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Тепцов 1892 – *Тепцов В.Я.* По истокам Кубани и Терека. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XIV. – Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе, 1892. – С. 59-212.

Тизенгаузен 1884 – *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. – СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. – 564 с.

Толстов 1900 – *Толстов В.* История Хоперского полка Кубанского казачьего войска: 1696-1896. – В двух частях. Часть первая. – Тифлис: Тип. Канц. Главногоначальств. гражданск. частью на Кавказе, 1900. – 290 с.

Томкеев 1898 – *Томкеев В.* Кавказская линия под управлением генерала Емануеля (продолжение) // Кавказский сборник. – Т. XIX. – Тифлис, 1898. – С. 120-220.

Филонов 1894 – *Филонов С.* Кавказская линия под управлением генерала Емануеля // Кавказский сборник. – Т. XV. – Тифлис, 1894. – С. 327-450.

Хаширов 2019 – *Хаширов А.В.* Первовосходитель на Эльбрус: факты и вымысел. – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2019. – 708 с.

Хаширов 2023 – *Хаширов А.В.* Военно-научная экспедиция 1829 года к подножию Эльбруса под руководством Г.А. Емануеля: значение, мифы и реалии // Новое прошлое / The New Past. – 2023. – № 2. – С. 120–133. – DOI: 10.18522/2500-3224-2023-2-120-133.

Хотко 2008 – *Хотко С.Х.* Черкесская лошадь: коневодство и коннозаводство: Сборник источников. – Нальчик: Издательство М.и В. Котляровых («Полиграф-сервис и Т»), 2008. – 424 с.

REFERENCES

BESSE J.-Ch. Voyage in Crimea, au Caucasus, in Georgia, in Armenia, in Asia-Mineure a Constantinople in 1829 and 1830; a Paris, 1838. – 464 p. (In Frans)

KUPFFER A.Ya. Voyage dans les environs du mont Elbrouz dans le Caucase, entrepris par ordre de sa majeste l'Empereur; en 1829: Rapport fait a l'Academie imperiale des sciences de St.-Petersbourg, par m. Kupffer, membre de cette Academie. – St.-Petersbourg: De l'Imprimerie de l'Academie imperiale des sciences, 1830. – 126 p. (In Frans)

ABRAMOV Ya.V. *Kavkazskie gorcy* [Caucasian Highlanders]. In: Delo. Literary and Political Magazine. – No. 1. – St. Petersburg, N.A. Lebedev Printing House, Nevsky Prospekt, No. 8. January 1884. – Pp. 62-104. (In Russ.).

Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the XIIIth – XIXth Centuries] / Edited by V.K. Gardanov. – Nalchik: El'brus, 1974. – 635 p. (In Russ.).

Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]: v 12 t. T. VII. – Tiflis: Tip. Glavnogo Upravlenija Namestnika Kavkazskogo, 1878. – 1011 s. (In Russ.).

BRONEVSKY S. *Noveyshie geograficheskie i istoricheskie izvestia o Kavkaze, sobrannye I popolnennye Semenom Bronevskim*. [The latest geographical and historical information about the Caucasus, collected and supplemented by Semyon Bronevsky]. In two parts. Part II. – Moscow, in the printing house of S. Selivanovsky. 1823. – 465 p. (In Russ.).

GORISLAVSKY I.A., ZYUZIN S.A., KHAHSIROV A.V. *Pervovoshogdeniya na Uelbrus: leto 1829, goda zima 1934 goda* [First ascents of Elbrus: Summer 1829, winter 1934]. – Nalchik: Izdatelstvo M. i V. Kotlyarovih, 2007. – 170 p. (In Russ.).

DUMANOV H.M. *Yakub Shardanov. Iz istorii izucheniya obychnogo prava kabardincev* [Yakub Shardanov. From the history of the study of the customary law of the Kabardians]. – Nalchik: Elbrus, 1988. – 84 p. (In Russ.).

DUMANOV H.M. *Kilar Khashirov: issledovaniya i materialy* [Kilar Khashirov: research and materials]. – Pyatigorsk: "Advertising and information agency on Kavminvody", 2009 – 328 p. (In Russ.).

DYACHKOV-TARASOV A.N. *Zametki o Karachae i karachaevcah* [Notes on Karachay and the Karachays]. Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus. Issue. 25. – Tiflis: Printing houses: Chancellery of the Commander-in-Chief of the Civil Department in the Caucasus and K. Kozlovsky, 1898. – Pp. 49-91. (In Russ.).

ZHUKOVSKY P.M. *Kulturnie rasteniya i ih sorodichi* [Cultivated plants and their relatives]. Taxonomy, geography, cytogenetics, immunity, ecology, origin, use. Third edition, revised and supplemented. – Leningrad, Kolos Publishing House. 1971. – 752 p. (In Russ.).

IVANENKOV N.S. *Karachaevtsy* [Karachays]. A report read at the general meeting of members of the Society of Lovers of the Study of the Kuban Region on November 28, 1908. News of the Society of Lovers of the Study of the Kuban Region. Issue V. – Ekaterinodar, printing house of the Kuban Regional Government. 1912, – Pp. 25-91. (In Russ.).

IVANYUKOV I.I., KOVALEVSKY M.M. *U podoshvy Elbrusa* [At the foot of Elbrus]. – Essay. In: Bulletin of Europe, a journal of history-politics-literature. Book 1, January. – Petersburg: Printing house of M.M. Stasyulevich, 1886. – Pp. 83-112. (In Russ.).

KLAPROTH Yu.G. *Opisanie poezdok po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 godah* [Description of trips to the Caucasus and Georgia in 1807 and 1808]. – Nalchik, State Enterprise of the KBR "Republican Printing Plant named after Revolutions of 1905, El-fa Publishing Center, 2008. – 319 p. (In Russ.).

KOLOSOVSKAYA T.A. *Iz istorii voenno-razvedyvatelnogo izucheniya Severnogo Kavkaza (po materialam Uelbrysskoy uekspeditsii generala Emanyelia 1829 g.)* [From the history of the military intelligence study of the North Caucasus (based on the materials of the Elbrus expedition of General G.A. Emanuel in 1829)]. In: Gymanitarnue i uridicheskie issledovaniya. – 2016. – No. 1. – P. 47-52. (In Russ.).

LAVROV L.I. *O nekotorykh etnograficheskikh dannykh po voprosu proishogdeniya balkarcev i karachaevcev* [On some ethnographic data on the origin of the Balkars and Karachays]. In: Materials of the scientific session on the problem of the origin of the Balkar and Karachay peoples (June 22-26, 1959). – Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1960. – P. 63-69. (In Russ.).

LENZ E.H. *Voshogdeniya na Elbrus. Pisma ob etom* [The ascent of Elbrus 1829. Letters about it]. Member of the Kaiser. Academy of Sciences in St. Petersburg. Emil Lenz, co-founder of Livonia Depard. Presented by Hermann Samson Himmelsitern for the fifty-seventh anniversary of Livonia. – 22 p. (In Russ.).

MILLER V.F., KOVALEVSKY M.M. *V gorskih obchestvah Kabardy* [In the mountain societies of Kabarda]. From the journey of Vsev. Miller and Max. Kovalevsky // Bulletin of Europe, a journal of history-politics-literature. Volume II. March – April. Book Four. – April. Printing house of M. M. Stasyulevich. St. Petersburg, 1884. Pp. 540-588. (In Russ.).

MICHURIN I. V. *Sochineniya* [Works]. In 4 volumes, volume IV: Collection. [Under the general editorship of academician B.A. Keller and academician T.D. Lysenko] / I. V. Michurin. – Moscow; Leningrad: SELKHOZGIZ. 1941. – 495 p. (In Russ.).

Rossiyskiy gosudarstvennyi voenno-istoricheskiy arhiv [Russian State Military Historical Archive].

TEPTSOV V.Ya. *Po istokam Kubani i Tereka* [Along the Sources of the Kuban and Terek]. Collection of Materials for Describing the Localities and Tribes of the Caucasus. Issue XIV. – Tiflis: Printing House of the Chancellery of the Chief of the Civil Unit in the Caucasus, 1892. – Pp. 59-212. (In Russ.).

TIESENHAUZEN V.G. *Sbornik materialov, otnosyachihysya k istorii Zolotoy Ordy* [Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde]. Vol. 1. Extracts from Arabic Works. Published at the expense of Count S.G. Stroganov, St. Petersburg, 1884. – 564 p. (In Russ.).

TOLSTOV V. *Istoria Hoperskogo polka Kubanskogo kazachiego voiska: 1696-1896* [History of the Khopersky Regiment of the Kuban Cossack Army: 1696-1896]. In Two Parts. Part One. Type. Chancellery of the Chief of the Civil Unit in the Caucasus. Tiflis, 1900. – 290 p. (In Russ.).

TOMKEEV V. *Kavkazskaia liniya pod upravleniem generala Emanuela (prodolgenie)* [Caucasian line under the control of General Emanuel (continued)]. In: Caucasian collection. – T. XIX. – Tiflis, 1898. – P. 120-220. (In Russ.).

FILONOV S. *Kavkazskaya liniya pod upravleniem generala Emanuela* [The Caucasian line under the control of General Emanuel]. In: Kavkazskiy sbornik. - T. 15. - Tiflis, 1894. – S. 327-450. (In Russ.).

KHASHIROV A.V. *Pervovoshoditel na Uelbrus: fakty i vymysel* [Pioneer on Elbrus: facts and fiction]. – Nalchik: izdatelskaya tipografiya Print Center, 2019. – 708 p. (In Russ.).

KHASHIROV A.V. *Voenno-nauchnaia ekspeditsia 1829 goda k podnogi Elbrusa pod rukovodstvom G.A. Emanuela: znachenie, mify i realii* [Military-scientific expedition of 1829 to the foot of Elbrus under the leadership of G.A. Emanuel: meaning, myths and realities]. In: New past / The New Past. – 2023. – No. 2. – P. 120–133. – DOI: 10.18522/2500-3224-2023-2-120-133 (In Russ.).

KHOTKO S.Kh. *Cherkesskaya loshad: konevodstvo i konozavodstvo* [Circassian horse: horse breeding and horse breeding]: Collection of sources. – Nalchik: Publishing house of M. and V. Koltarovs ("Poligraf-service and T"), 2008. – 424 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.В. Хаширов – научный сотрудник.

Information about the author

A.V. Khashirov – is a researcher.

Статья поступила в редакцию 13.07.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 13.07.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

Научная статья
УДК 94 (470)+930.254
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-287-294
EDN: MFOZZR

КРЫМСКАЯ ВОЙНА 1853–1856 ГОДОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

Юрий Семенович Сулаберидзе

Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили, Тбилиси, Грузия, iuri.sulaberidze@mail.ru

Аннотация. В статье на основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов раскрывается неизвестная страница научной деятельности видного русского историка-кавказоведа Михаила Александровича Полиевктова (1872-1942 гг.). На основе архивного материала, помещенного в фонде ученого в Центральном историческом архиве Грузии, восстанавливается небольшой, но характерный эпизод научного творчества М.А. Полиевктова, посвященный патриотической теме. В годы Великой Отечественной войны М.А. Полиевктон, как и многие историки, не мог остаться безучастным к героизму советских людей. Рукописная неоконченная работа ученого «Крымская война 1853-1856 гг. в записках и письмах современников» (ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 70) была обращена к исторической памяти героев Крымской войны и напоминанием о славных воинских традициях предков. В одной из своих последних работ (1942 г.) М.А. Полиевктон представил типологию восприятия войны, «героев и антигероев» Севастопольской баталии, показав картину «героизма и разрухи», характерную для последних лет николаевского режима. Он отметил, что некоторые авторы воспоминаний обнаружили глубокое постижение кардинальных изменений в жизни российского общества, вызванных итогами Крымской войны.

Ключевые слова: М.А. Полиевктон, научное наследие, Крымская война, историческая память, типология восприятия войны.

Для цитирования: Сулаберидзе Ю.С. Крымская война 1853–1856 годов в воспоминаниях современников // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 287-294. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-287-294. EDN: MFOZZR.

© Сулаберидзе Ю.С., 2025

Original article

THE CRIMEAN WAR OF 1853–1856 IN THE MEMORIES OF CONTEMPORARIES

Yuri S. Sulaberidze

Tbilisi state university, Tbilisi, Georgia, iuri.sulaberidze@mail.ru

Abstract. The article, based on archival materials introduced in to scientific circulation for the first time, reveals an unknown page in the scientific activity of the prominent Russian Soviet scientist, caucasus specialist M.A. Polievktov (1872-1942). Based on archival material deposited in the fund on the scientist of the Central Historical Archive of Georgia, a small, but characteristic epizode of the scientific work of M.A. Polievktov, delected tj the patriotic theme, is restored.

During the Great Patriotic War, M.A. Polievktov, like many historians, could not remain indifferent to the heroism of the Soviet people. The handwritten unfinished work «The Crimean War of 1853-1856 in the notes and letters of contemporaries» (f. 1505. inv 1. case 70. 34 sheets) was addressed to the historical memory of the heroes of the Crimean War and recalled the glorious military traditions of their ancestors. In one of his last work (1942) M.A. Polievktov presented a typology of the perception of war, «heroism and devastation», characteristic of last years of the Nicholas regime. He noted that some authors of memoirs have discovered a deep understanding of the dramatic consequences in the life of Russian society caused by the Crimean War.

Keywords: M.A. Polievktov, scientific heritage, Crimean War, historical memory, typology of perception of war.

For citation: Sulaberidze Y.S. The Crimean war of 1853–1856 in the memories of contemporaries. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 287-294. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-287-294. EDN: MFOZZR.

© Sulaberidze Y.S., 2025

Введение

Крымская война 1853-1856 гг. (Восточная война) оставила глубокий след в сознании современников, подготовив российское общество к необходимости проведения реформ.

Из Восточной войны Россия вышла ослабленной, потерпев поражение, но поражение потерпела государственная система власти, отставая среди европейских систем. В то же время народ продемонстрировал чудеса героизма, самопожертвования. Героическая оборона Севастополя, взятие русской кавказской армией «ворот в Малую Азию» крепости Карса продемонстрировало огромную энергию силы духа, воинской доблести простого русского офицера и солдата.

В период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) традиции воинской доблести прежних поколений были возобновлены: Сталинградская битва, героическая оборона Кавказа показали, что народы России, СССР не забыли славных традиций предков.

В 1942 г. видный российский советский историк-кавказовед М.А. Полиевктов (1872-1942 гг.) глубоко понимал, что у Волги и Кавказа решается судьба Родины. В Центральном историческом архиве Грузии (далее. – ЦИАГ), в фонде ученого (Ф. 1505) сохранились интересные материалы, посвященные патриотической теме. Им были написаны две работы: «Отечественная война 1812 года в письмах современников» (Д. 66) и рукопись неоконченной работы «Крымская война 1853-1856 гг. в записках и письмах современников» (Д. 70) на 34 листах. Она имеет и другое название: «Из воспоминаний и писем современников о войне 1853-1856 годов». Обращение в последние годы жизни к теме Крымской войны было не случайным: это тема органически входила в основное поле научных интересов М.А. Полиевктова- историю Восточного вопроса. По сути дела, весь «тифлисский период» (1920-1942) научного творчества был посвящен поискам источников, формированию концепции «восточно-кавказского вопроса», с которым тесно взаимосвязана и крымская проблема. Крымская тема органически вплеталась в систему «восточно-кавказского вопроса» [Сулаберидзе 2020].

В конце 1930-х – начале 1940-х годов М.А. Полиевктов в целом следовал сложившейся концепции советской историографии в характеристике Восточного вопроса, сути Крымской проблемы. Патриотическая тема захватила и других советских историков. Она приобрела особую актуальность во время Великой Отечественной войны. Е.В. Тарле посвятил ряд исследований Крымской войне и ее героям. Это, прежде всего, 2-томное исследование «Крымская война» [Тарле 1941-1943].

В советской историографии дана критическая оценка дореволюционной официальной историографии, трудов Н.Ф. Дубровина, М.Н. Богдановича, С.С. Татищева, А.М. Зайончковского [Чапкевич 1975].

Грузинские историки также критически воспринимали основные положения дореволюционной историографии, но предметом исследования был Кавказский регион во время Крымской войны [Бурчуладзе 1950; Мегрелидзе 1974].

В современной историографии тема исторической памяти приобретает особую актуальность в свете тех геополитических изменений, которые последовали вслед за распадом СССР, методологического кризиса в постсоветской историографии [Ростовцев, Сосницкий 2014].

Статья написана на основе архивного материала, извлеченного из Центрального исторического архива Грузии, личного фонда М.А. Полиевктова [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 70. 34 л.]. Материалы архивного дела отражают отношение ученого к кардинальной проблеме внешней политики России, подчеркивает патриотичность автора в тех тяжелых условиях (1942 г.), когда вновь стала проблема сохранения Родины. Об этом говорят ее современники, которые интуитивно ощущали переломный момент истории России, которой они верно служили.

Основная часть

М.А. Полиевктов был в 1942 г. тяжело болен, но не мог остаться безучастным к тому, что происходило на фронте. Опираясь на помощь студентов, аспирантов Тбилисского университета С. Дрейзе, И. Геккера, М. Гоцадзе и сотрудника Тбилисской публичной библиотеки Т. Мачавариани, проработал материалы из книги С. Минцлова «Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке» [Минцлов 1911-1912].

Он сделал выборку до 150 материалов, из них отобрал тот материал о Восточной войне 1853-1856 гг., который наиболее выпукло отразил отношение к ней со стороны ее участников.

М.А. Полиевктов отметил, что были отобраны пятнадцать из них, наиболее показательных. Они были сгруппированы в соответствующем порядке по разделам: 1) Общие о театре военных действий (Алабин, Берг); 2) Защитники Севастополя (Жандр); 3) По госпиталям и лазаретам (Бакунина, Пирогов); 4) Повседневная жизнь в Севастополе (Ш-ов); 5) Общественное мнение о событиях на театре военных действий (Аксаков, Васильчиков, Ден); 6) Юмор в осажденном Севастополе (Севастопольская песня).

Прежде чем, дать краткую характеристику мемуаристики битвы за Севастополь, Крымской войны, необходимо предпослать предисловие самого автора

обозрения. М.А. Полиевктов, следуя концепции советской исторической науки конца 1930-х – начала 1940-х гг., подчеркивает, что

«война 1853-1856 годов была, безусловно, несправедлива и агрессивной, как вся черноморская политика русского царизма во второй половине XVIII века (самого отсталого в культурном отношении из всех разновидностей европейского абсолютизма), обеспечивающего в случае торжества агрессора надолго за Россией: консервацию феодально-крепостнического режима в ее внутреннем укладе, а в Европе позицию международного жандарма» [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 70. Л. 1-2].

Следуя за характеристикой Васильчикова о николаевском режиме как «эгоистического Петербурга», М.А. Полиевктов резко критикует царизм за агрессивную политику. Но отделяет его от героизма русских солдат:

«когда дело дошло до защиты русской земли, то проявился героизм русского солдата, самоотверженность, шедшего за теми, кто делил с ними тяготы войны, умевшего отличить Корнилова и Нахимова от Меншикова. С другой стороны, на развалинах «Севастополя» закладывались основания нового народоуправления России, России шестидесятых годов» [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 70. Л. 1-2].

Таким образом, М.А. Полиевктов, предпослав введение к обзору выбранных пятнадцати воспоминаний, четко продемонстрировал две России- Россию царскую и Россию народную, которая не только спасет Отечество, но и возродит ее. Такая идея была заложена историком.

Говоря конкретно о воспоминаниях, М.А. Полиевктов выделил особенности восприятия отдельных их авторов. В «Походных записках» старшего адъютанта 11 дивизии П. Алабина при «всей военно-патриотичности склонность многое смягчить», много фактов о состоянии английской, французской и сардинской армии, отмечается антагонизм между англичанами и французами, при чем его симпатии на стороне последних» [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 70. Л. 4-5].

В «Записках об осаде Севастополя» известного писателя, журналиста и переводчика Н. Берга звучит «слащавая патриотическая риторика, однако дана содержательная характеристика Корнилова. После заключения мира он совершил вместе с французским полковником путешествие по Крыму, воочию убедившегося в превосходстве западно-европейской техники» [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 70. Л. 6-7]. Н. Берг оставил большое количество портретов и рисунков, относящихся к обороне Севастополя.

Содержательный источник представляют «Материалы для истории обороны Севастополя и биографии Корнилова» А. Жандра. Он был флаг-офицером В. Корнилова, пользовался его доверием. В. Корнилов являлся, по его мнению, продолжателем славных традиций Лазарева и оставил глубокий след в обороне Севастополя. Особо следует выделить раздел публикации-«Севастополь в военном отношении от Синопа до высадки неприятеля», и журнал первого месяца осады. «Он был изготовлен самим В. Корниловым по распоряжению А. Меншикова. Этот журнал был обработан А. Жандром с документальными описаниями тех

мест, которые были отброшены самим Корниловым по скромности» [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 70. Л. 8].

В.И. Истомин, командир Северного укрепления, начальник штаба у Корнилова, командир 4 дистанции Малахова Кургана оставил письма, которые были опубликованы в «Русском архиве» за 1877 г. В.К. Истоминым. М.А. Полиевктов отмечает:

«Краткие и деловые эти письма дышат беззаветным самоотвержением и полны теплого и заботливого товарищеского чувства к матросам и офицерам. Истомин «выписал себя в расход», он живет за счет англичан и французов. По своему служебному положению, В.И. Истомин имел против себя проклятых англичан («краснокафтанников»). У него резко отрицательное отношение к А. Меньшикову: «золотое время упущено и упущено безбожно». Не много он ждет и от М.Горчакова: «я уже перестал ждать добра от сынов человеческих» [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 70. Л. 10].

М.А. Полиевктов, как видно, и сам питает теплые чувства к В.И. Истому.

В этом ряду «Записные книжки» П. Нахимова, еще одного героя Севастополя, опубликованные в «Русской старине» в 1889 г. [Русская старина. 1889. Т. 61]. Однако, комментарий довольно немногословный. М.А. Полиевктов отмечает, что они в «основном носили служебный характер» [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 70. Л. 11]. Ученый приводит свидетельство Васильчикова, что «П. Нахимов не желал пережить падение Севастополя, как бы ожидал рокового свинца» [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 70. Л. 11].

Интерес представляют воспоминания генерала С.А. Хрулева «Севастополь. Бессменный ординарец ген. Хрулев в Севастополе», напечатанные в «Русской старине» [Русская старина. 1890. № 3]. Они интересны с позиции биографических данных тех ординарцев, которые служили при нем в Севастополе.

Остановившись на особенностях «Истории обороны Севастополя» ген. А.П. Хрушова, опубликованных в 1889 г. в Санкт-Петербурге [Хрушов А.П. История обороны Севастополя. СПб. 1889.], М.А. Полиевктов утверждает, что автор «Истории» старался быть «беспристрастным в описании событий Крымской войны», «выполнять роль арбитра в «военной игре» [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 70. Л. 13]. Поэтому «отдавая должное инженерному искусству Э.И. Тотлебена, он отмечает и его ошибки. Даже для А. Меньшикова, к которому вообще он отнесся очень строго, у него в известных случаях находилось доброе слово. Субъективные нотки звучат у него в исключительных случаях» [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 70. Л. 13]. М.А. Полиевктов отмечает, что А.П. Хрушов занимал в Севастопольской батарее ответственный пост, в 1855 г. был дивизионным командиром и начальником инкерманской позиции [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 70. Л. 13]. Он много знал, поэтому ученый критично отнесся к составителям 2 тома «Истории СССР», которые не указали столь важный источник в издании. «История обороны Севастополя» была им написана в 1877 г. [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 70. Л. 13].

Особое место среди мемуаров занимают воспоминания лиц, отведенных в рубрику – «По госпиталям и лазаретам». Это воспоминания сестры милосердия Бакуниной, штабс-лекаря А. Генрица и хирурга Н. Пирогова. В них звучит основной лейтмотив – неподготовленность военно-медицинской службы, «разруха

госпитальной службы, тяжелое материальное и моральное положение в николаевское время» [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 70. Л. 14-15]. При этом А. Генриц очень высоко отзываясь о своем учителе Н.И. Пирогове» [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 70. Л. 14]. Хирург Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге, так много сделавший для спасения раненных воинов, «был убежден, что Севастополь сдан не будет» [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 70. Л. 16]. Он отрицательно относился к Меншикову и Горчакову [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 70. Л. 16-17].

Следует особо выделить «Севастопольские записки» В. Васильчикова, начальника штаба Севастопольского гарнизона. М.А. Полиевктов подчеркивает, что в отличие от «беспристрастности» А. Хрулева и «мягкого тона» П. Алабина, «здесь живой темперамент и большое знание дела». В. Васильчиков с «глубоким уважением говорит о героях Севастопольской баталии – В. Корнилове, В. Истомине и П. Нахимове. Он хвалит Э. Тотлебена и М. Горчакова (за его распорядительность и умение проявить себя), отдает должное Н. Пирогову. Роковым считает своеволие А. Меншикова, сгубившего карьеру в Крыму. Васильчиков считает его «замкнутым, отчужденным и крайне недоверчивым». В. Васильчиков дает подробный анализ того, что происходило 5 октября 1854 г. на Малаховом кургане, где был смертельно ранен В. Корнилов. Также дается интересный комментарий трагического боя на Федюхиных высотах, заключительная часть записок написана с большой экспрессией. М.А. Полиевктов явно симпатизирует «живому темпераменту», патриотизму, боевому духу генерала В. Васильчикова, герою Севастополя. «Севастопольские записки» В. Васильчикова напечатаны в «Русском архиве». Т. 2 (1891 г.) [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 70. Л. 19-20].

Еще один тип генерала представлял Ден. М.А. Полиевктов отмечает, что флигель-адъютант имп. Николая I в своих записках, опубликованных в «Русской старине» (1880, № 3-7), «дает яркую картину разрухи николаевского времени», хотя до конца жизни он оставался «заядлым николаевцем»: в известных случаях его тон смягчен, в других – наоборот [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 70. Л. 21]. Он остался непримирим к Парижскому миру, назвал его «позорным миром», люди, встречающиеся с врагами «а ля Алабин», и Берг для него неприемлемы. М.А. Полиевктов утверждает, что после Крымской войны, смерти Николая I была «всеобщая расхлябанность и погоня за наживой» [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 70. Л. 22].

Крымская война и ее последствия современниками воспринимались по-разному в силу политических пристрастий и отношения к ее последствиям [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 70. Л. 21-22].

И в последней рубрике «Воспоминаний» – «Юмор в осаде» М.А. Полиевктов рассказывает о предполагаемых авторах «Севастопольской песни». По его мнению, она могла быть сложена в «среде местных артиллерийских офицеров» [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 70. Л. 26]. К их числу он относит А. Фризе, Л. Толстого, Лучина, Мусина-Пушкина и других. Песня посвящена «бою на Федюхиных высотах 4 августа 1855 года», когда из-за бездарности командования погибло много воинов. Вот строка из этой «Севастопольской песни»: «На Федюхинской высоты нас пришло всего три роты, а пошли полки» [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 70. Л. 28-29].

Заключение

Подводя краткие итоги анализа неоконченной работы М.А. Полиевктова «Крымская война 1853-1856 годов в записках и письмах современников», следует заключить, что она позволяет выявить определенные характерные черты, определенную типологию восприятия Севастопольской баталии, отношения к ее героям и антигероям, показать противоречивую картину «разрухи и героизма», столь характерной для последних лет «никolaевского режима». «Севастопольская баталия», Крымская война стала в определенном смысле точкой отчета в российской истории, ее очищения от всего закоснелого, что мешало ее последующему развитию. Мысли М.А. Полиевктова созвучны заключению крупнейшего исследователя Крымской войны Е.В. Тарле:

«И самое изумительное – это та поразительная картина героического самосознания русского народа, которое дает нам изучение Крымской войны... От Крымской войны осталась навеки память немеркнувшей славы, остались сияющие легенды о героических подвигах русского народа» [Тарле 1941-1943: 231].

Об этом говорят и ее современники, участники великого противостояния России с объединенной Европой. Многие из них интуитивно ощущали переломный момент истории России, которой они верно служили.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бурчуладзе 1950 – *Бурчуладзе Е.Е.* Грузия в Восточной войне 1853-1856 гг. – М.: Б.и., 1950. – 52 с.

Мегрелидзе 1974 – *Мегрелидзе Ш.* Грузия в Восточных войнах. – Тб.: Мецниереба, 1974. – 96 с. (на груз. яз.).

Минцлов 1911-1912 – *Минцлов С.Р.* Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Вып. 15. – Новгород: Губернская типография, 1911-1912. – 3 т.

Ростовцев, Сосницкий 2014 – *Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.* Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2014. – Сер. 2. – Вып. 2. – С. 106-126.

Сулаберидзе 2020 – *Сулаберидзе Ю.С.* М.А. Полиевктов – у истоков русского научного кавказоведения // Петербургский исторический журнал. – 2020. – № 2 (26). – С. 236-249.

Тарле 1941-1943. – *Тарле Е.В.* Крымская война. Т. 1-2. – М.-Л.: Военморизд, 1941-1943. – 231 с.

Чапкевич 1975 – *Чапкевич Е.И.* Е.В. Тарле-историк Крымской войны // История и историки. Историографический ежегодник. – М.: Изд-во Наука, 1975. – С. 131-152.

ЦИАГ – Центральный исторический архив Грузии. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 70.

REFERENCES

BURCHULADZE E.E. *Gruziya v Vostochnoi voine 1853-1856 gg.* [Georgia in the Eastern War of 1853-1856]. – M.: B.i., 1950. – 52 p. (In Russ.).

MEGRELIDZE SH. *Gruziya v Vostochnykh voynakh* [Georgia in the Eastern Wars]. – Tb.: Metsniereba, 1974. – 96 p. (in Georgian).

MINTSLOV S.R. *Obzor zapisok, dnevnikov, vospominanii, pisem i putesthestvii, ot-nosyashchikhsya k istorii Rossii i napechatannykh na russkom yazyke* [Overview of notes, diaries, memoirs, letters, and travelogues related to Russian history and published in Russian]. Vyp. 15. – Novgorod: Gubernskaya tipografiya, 1911-1912. – 3 t. (In Russ.).

ROSTOVTSSEV E.A., SOSNITSKII D.A. *Napravleniya issledovaniy istoricheskoi pamyati v Rossii* [Research Directions of Historical Memory in Russia]. In: Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. – 2014. – Ser. 2. – Vyp. 2. – P. 106-126. (In Russ.).

SULABERIDZE YU.S. *M.A. Polievktov – u istokov russkogo nauchnogo kavkazovedeniya* [M.A. Polievktov – at the Origins of Russian Scientific Caucasian Studies]. In: Peterburgskii istoricheskii zhurnal. – 2020. – № 2 (26). – P. 236-249. (In Russ.).

TARLE E.V. *Krymskaya voina* [The Crimean War]. T. 1-2. – M.-L.: Voenmorizd, 1941-1943. – 231 p. (In Russ.).

CHAPKEVICH E.I. *E.V. Tarle-istorik Krymskoi voiny* [E.V. Tarle-Historian of the Crimean War]. In: Istoriya i istoriki. Isto-riograficheskii ezhegodnik. – M.: Izd-vo Nauka, 1975. – P. 131-152. (In Russ.).

Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Gruzii [Central Historical Archive of Georgia]. F. 1505. Op. 1. D. 70. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю.С. Сулаберидзе – кандидат исторических наук.

Information about the author

Yu.S. Sulaberidze – Candidate of Historical Sciences.

Статья поступила в редакцию 02.07.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 02.07.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

Научная статья
УДК 947(470.6)
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-295-310
EDN:

ВОЕННАЯ И БЫТОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ЗАКАВКАЗЬЯ ВРЕМЕН КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОГО

Анастасия Игоревна Черниговская

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия, a.sevostyanova2000@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-1302-6634>

Аннотация. В данной статье анализируется походный дневник генерал-лейтенанта И.Д. Попко как исторический источник, в котором реконструируется военная и бытовая повседневность русских солдат в годы Крымской войны (1853-1856). Основные сюжеты посвящены описанию сражений и настроений в армии, рассмотрению этнографии Закавказья, природно-климатических особенностей региона, городской жизни, системы местного образования. Иван Диомидович интересовался историей Кавказа и Закавказья, изучал быт терских и кубанских казаков, а также горских народов. Он стремился сохранить историческую память о военных событиях, участником которых являлся, поэтому многие его научные публикации были посвящены военной тематике. В годы Крымской войны И.Д. Попко был зачислен в состав корпуса, действовавшего на кавказско-турецкой границе в должности дежурного штаб-офицера. В своем походном дневнике Иван Диомидович отразил военные будни, героизм и подвиги русского солдата. Походный дневник И.Д. Попко является важным историческим источником не только для исследователей изучающих военную повседневность русских солдат в годы Крымской войны, но и этнографию Кавказа и Закавказья, культуру и быт местных народов, их традиции и обычаи.

Ключевые слова: И.Д. Попко, походный дневник, военная повседневность, Кавказ, Закавказье, Российская империя, Крымская война, российско-турецкая граница.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00152, <https://rscf.ru/project/25-28-00152/>

Для цитирования: Черниговская А.И. Военная и бытовая повседневность Закавказья времен Крымской войны глазами современника // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 295-310. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-295-310. EDN: OPGCYJ.

© Черниговская А.И., 2025

Original article

MILITARY AND EVERYDAY LIFE OF TRANSCAUCASIA DURING THE CRIMEAN WAR THROUGH THE EYES OF A CONTEMPORARY

Anastasia I. Chernigovskaya

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia, a.sevostyanova2000@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-1302-6634>

Abstract. This article analyzes the field diary of Lieutenant General I.D. Popko as a historical source that reconstructs the military and everyday life of Russian soldiers during the Crimean War (1853-1856). The main plots are devoted to the description of battles and moods in the army, consideration of the ethnography of Transcaucasia, natural and climatic features of the region, urban life, and the local education system. Ivan Diomidovich was interested in the history of the Caucasus and Transcaucasia, studied the life of the Terek and Kuban Cossacks, as well as the mountain peoples. He sought to preserve the historical memory of the military events in which he participated, so many of his scientific publications were devoted to military topics. During the Crimean War, I.D. Popko was enlisted in the corps operating on the Caucasian-Turkish border as a duty staff officer. In his field diary, Ivan Diomidovich reflected the military everyday life, heroism and exploits of the Russian soldier. The travel diary of I.D. Popko is an important historical source not only for researchers studying the military daily life of Russian soldiers during the Crimean War, but also the ethnography of the Caucasus and Transcaucasia, the culture and life of local peoples, their traditions and customs.

Keywords: I.D. Popko, field diary, military everyday life, Caucasus, Transcaucasia, Russian Empire, Crimean War, Russian-Turkish border.

Acknowledgements and funding: The study has been funded by the Russian Science Foundation, № 25-28-00152, <https://rscf.ru/en/project/25-28-00152/>

For citation: Chernigovskaya A.I. Military and everyday life of Transcaucasia during the Crimean war through the eyes of a contemporary. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 295-310. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-295-310. EDN: OPGCYJ.

© Chernigovskaya A.I., 2025

Введение

В настоящее время в исторической науке активно развивается «ориентализм» – направление востоковедения, изучающее историю, экономику, языки, литературу, этнографию, искусство, религию и философию стран Востока. Концепция ориентализма была разработана в 1970-х гг. Э. Саидом. В его понимании «ориентализм» – это исследование Востока, основанное на установках западного сознания и понимания, что предполагает определенный западный характер суждений, оценок и взглядов в отношении этого региона. Одной из ключевых идей является противопоставление Запада Востоку и доминирование первой цивилизации над второй. Э. Саид ставил под сомнение возможность получения объективного знания о Востоке западными исследователями и считал ориентализм системой представлений о колонизируемых сквозь призму их восприятия колонизаторами. По его мнению, власть использовала знание для распространения своего влияния, а тезис о замене в сознании европейских ученых представлений о реальном Востоке искусственно сконструированным и удобным политико-идеологическим образом стал для него основополагающим [Саид 2021].

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что проблема отражения Востока в Российской империи в целом, и Кавказа как «своего Востока», в частности набирает популярность в научно-исследовательских кругах, является дискуссионной и пока малоизученной. Походный дневник И.Д. Попко является одним из примеров такого отражения. Историками, занимающимися биографией И.Д. Попко, исследованы труды генерала по истории казачества, его вклад в

кавказоведение, военную, административную, культурно-просветительскую деятельность. Однако дневник Ивана Диомидовича как исторический источник по военно-бытовой повседневности Закавказья подробно учеными не рассматривался и не являлся темой отдельного научного исследования.

В отечественной историографии накопилось большое количество биографических исследований о генерал-лейтенанте И.Д. Попко. Историкам дореволюционного периода: Н.И. Костомарову [Костомаров 1861], С.В. Фарфоровскому [Фарфоровский 1910], Б.М. Городецкому [Городецкий 1913: 363-369] удалось создать общую картину его творческой деятельности и сформировать положительное представление о вкладе И.Д. Попко в развитие исторического и этнографического направлений отечественного кавказоведения. В советский период личность генерал-лейтенанта не стала объектом для специальных исследований и рассматривалась преимущественно в общем контексте истории казачества [Голобуцкий 1956]. Лишь некоторые ученые обращались к отдельным проявлениям его исследовательских практик, в том числе музейных [Волкова 1965; Косвен 1958: 230-231]. Интерес к И.Д. Попко вновь проявился уже в постсоветской историографии и привел к написанию ряда основательных работ биографического характера [Шевченко 1991; Амбарцумян 2009; Максимов 2011; Колосовская 2014; Слуцкий 2017; Трехбратов 2017]. В 2003 г. был опубликован сборник научных статей, посвященный памяти кубанского генерала. В сборнике содержатся статьи В.Б. Виноградова [Виноградов 2003], В.К. Чумаченко [Чумаченко 2003], А.Н. Малукало [Малукало 2003] и других специалистов по истории Кубани. На основе широко круга источников, прежде всего, архивных, историки постсоветского периода представили генерал-лейтенанта в качестве талантливого военного, административного и общественного деятеля, просветителя, казачьего законоведа, историка и этнографа.

К числу основных методов, применявшихся при написании статьи, можно отнести биографический, историко-генетический, историко-сравнительный, историко-хронологический и историко-типологический методы. Биографический метод помог выделить основные этапы жизнедеятельности И.Д. Попко, а именно его продвижение по военной службе, исследовательскую деятельность. Историко-генетический и историко-хронологический методы помогли последовательно рассмотреть основные сюжеты из походного дневника генерала о военной и бытовой повседневности русских солдат, участвовавших в Крымской войне (1853-1856). Благодаря историко-сравнительному и историко-типологическому методам удалось изучить, выделить и сравнить труды историков, занимающихся биографией генерала, особенности быта кавказских народов, жизнь солдат в полевых условиях. Основными источниками для написания данной статьи являются походный дневник И.Д. Попко, а также архивные документы из личного фонда генерал-лейтенанта, которые хранятся в Государственном архиве Ставропольского края.

Результаты исследования

И.Д. Попко и его походный дневник. Прежде чем перейти к рассмотрению основных сюжетов, представленных в дневнике, необходимо охарактеризовать

его как исторический источник. Дневник представляет собой не книгу или цельный текст в одном сборнике или журнале, а серию отдельных датируемых воспоминаний, фрагментов, которые опубликованы в таких дореволюционных изданиях, как «Военный сборник» (И.Д. Попко печатался под псевдонимом «Есаул») и «Русский архив», где дневник был опубликован С.В. Фарфоровским [Из дневника... 1909а: 285]. Отдельные отрывки из оригинала этого исторического источника в настоящее время можно найти в личном фонде генерала в Государственном архиве Ставропольского края [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 147, 147 об., 151, 151 об.]. События в дневнике датируются 1854-1855 гг. Основные сюжеты посвящены описанию сражений и настроений в армии, рассмотрению этнографии Закавказья, природно-климатических особенностей региона, городской жизни, системы местного образования. Необходимо отметить легкость, живость и красочность повествования. Следует подчеркнуть тот факт, что к источникам личного происхождения (эгодокументам), к которым относятся в первую очередь дневники, мемуары следует подходить критически. Нельзя воспринимать за истину все написанное автором. Он мог намеренно или нечаянно исказить, скрыть информацию. Необходимо не только проанализировать содержание источника, но и изучить биографию его автора. Это очень важно учитывать исследователям, работающим с эгодокументами. В связи с чем необходимо осветить основные вехи из жизни автора походного дневника.

Иван Диомидович Попко (28.08.1819–30.08.1893) – генерал-лейтенант Кубанского казачьего войска, административный и общественный деятель, просветитель, кавказовед, автор многих значительных трудов по терскому и кубанскому казачеству, внесший весомый вклад в становление и развитие отечественного кавказоведения и казаковедения. Он родился в станице Тимашевской Черноморского казачьего войска, в семье приходского священника. Он получил религиозное образование, но с детства мечтал стать военным. В 1841 г. поступил на службу рядовым казаком в 10-й конный полк Черноморского казачьего войска [Городецкий 1913: 363-365]. 1848 г. был письмоводителем Черноморского казачьего войска, а с 1851 по 1853 гг. являлся адъютантом командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории генерала Н.С. Заводовского, которого сопровождал в военных экспедициях. В марте 1854 г. по распоряжению начальства И.Д. Попко был зачислен в состав корпуса, действовавшего на кавказско-турецкой границе в должности дежурного штаб-офицера [ГАСК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 85. Л. 73]. После завершения Крымской войны И.Д. Попко был переведен во 2-й эскадрон лейб-гвардии Черноморского казачьего дивизиона в Санкт-Петербурге, в котором он служил до 1858 г., после чего был назначен в бывшее Главное управление иррегулярных войск с переводом в Черноморское войско [Колосовская 2014: 54, 55]. И.Д. Попко принимал участие в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Ему было поручено управление всеми покоренными санджаками, а когда был взят Карс, он являлся начальником новообразованной Карской области. За боевые отличия Иван Диомидович был награжден чином генерал-лейтенанта и орденом святой Анны первой степени [Фарфоровский 1910: 93, 94]. Полный послужной список И.Д. Попко содержится в его личном фонде в Государственном архиве Ставропольского края, а именно в делах №8 «Официальная переписка и

послужной список» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 8. Л. 137 об. – 147] и № 51 «Полный послужной список И.Д. Попко» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 51. Л. 21, 23-25, 27-29].

И.Д. Попко был грамотным, образованным, эрудированным, любознательным человеком, обладал литературным талантом, совмещал военную службу с исследовательской деятельностью. Он изучал Кавказ и Закавказье, быт терских и кубанских казаков, а также горских народов. Результаты своих исследований он публиковал в изданиях «Русский инвалид», «Русский архив» и «Военный сборник», в которых печатался под псевдонимами «Помандруйко» и «Есаул». Среди его значимых работ наиболее известными являются «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества, вооруженной силы» [Попко 1998] и «Терские казаки со стародавних времен. Гребенское войско» [Попко 1880].

Будучи участником Крымской войны (1853-1856) И.Д. Попко попытался отразить военную и бытовую повседневность военнослужащих в своем походном дневнике. Целью автора было не описать причины или основные события войны, а, скорее, представить жизнь русских солдат в военных условиях, рассказать об их героизме и подвигах, а также осветить этнографические, культурные особенности и обычаи кавказских народов. Прежде всего, Ивана Диомидовича интересовал и волновал вопрос сохранения исторической памяти о событиях, участником которых он являлся. На это автор указывает в прологе дневника. И.Д. Попко с горечью и тоской высказывается о том, что все славные подвиги русского солдата со временем забываются. Память о них необходимо сохранить, иначе они навсегда канут в прошлое [Есаул 1860а: 477-478].

Но тут же И.Д. Попко с оптимизмом и уверенностью отмечает, что все написанное и переданное следующим поколениям, не будет забыто: «Подлинно, мы пыль и тень. Но незабудка расцветает на нашей могиле, и наше слово живет после нас....» [Есаул 1860а: 479].

Отражение военной повседневности. Хотелось бы остановиться на основных сюжетах, представленных в дневнике. Много внимания И.Д. Попко уделяет описанию природы и климата кавказско-турецкой границы. Это была горная и холмистая местность. Погода была переменчивой, часто шел дождь. У казаков птицей, предсказывающей погоду и покровительствующей домашнему очагу, являлась ласточка [Есаул 1860b: 185]. Ливень мог быть такой сильный, что случался настоящий потоп, который разорял русский лагерь. Тогда казаки начинали петь песни, это помогало им вернуть силу духа. Так, в один из дождливых вечеров, возвратившись после рекогносцировки в лагерь неприятеля, И.Д. Попко отмечает: «Блажен, кто, вынув мокрый чобот из стремени, нашел себе сухой угол и кому добрый товарищ походов, треногий самовар, затащил свою русскую бесконечную песню...» [Есаул 1860а: 493].

Быстрая перемена погоды, жаркие дни и холодные ночи являлись причинами болезней солдат. Лучшее средство от простуды и хандры, которое использовали военные – это «походная жженка» – расплавленный сахар [Есаул 1860b: 356]. Летом было очень жарко. Лагерные палатки были из парусины и сильно нагревались на солнце, но прикрыть их чем-нибудь сверху, например, травой или шерстью было невозможно, так как местность была голая, лесов практически не

было. Каски солдат были черные из меди и кожи. Черный цвет быстро поглощал солнечные лучи. Чтобы избежать солнечного удара, солдаты обшивали свои головные уборы холстом [Есаул 1860b: 357-358]. В одном из фрагментов своего дневника И.Д. Попко пишет о том, что от яркого южного апрельского солнца солдаты спасались либо кавказской папахой, ее черные космы закрывали глаза, либо порошком, которым чернили орбиту глаза и надевали сетчатые очки [Есаул 1860a: 479-480].

В другом фрагменте дневника автор искусно описывает пейзаж около села Тихниса, где располагались бивуаки русских войск. Всю окрестность он называет «волнующим морем». Однако, по замечанию генерала, не хватало лесов и садов [Есаул 1860b: 166]. На скале располагался черный замок Тихнис, а под ней – деревня в долине реки Карханчая. И.Д. Попко восхищался красотой здешней природы и архитектуры.

В третьем месте своего дневника Попко описывает историю древнего армянского города Ани – столицы Великой Армении в X-XI вв. Автор признавался, что если бы не был казаком, то хотел бы стать археологом [Есаул 1860b: 361-364, 168].

Русскими войсками на Кавказе против турок в Крымской войне командовали российский государственный деятель, военачальник, генерал от инфантерии, князь В.О. Бебутов, а также начальник кавалерии, генерал-лейтенант А.Ф. Багговут, которого солдаты очень любили и уважали за его искренность, простоту, добродушие. Он всегда умел находить нужное слово, чтобы ободрить своих товарищей по оружию [Есаул 1860b: 174]. Состав кавказского корпуса был пестрым. В него входили не только русские солдаты, казаки, но и кавказские народы, исповедующие не только христианство, но и ислам. Среди них были осетины, карачаевцы, кабардинцы, грузины. Корпусная квартира русских войск на Кавказском театре военных действий находилась в г. Александрополе. Здесь располагалась крепость, отделенная от города скалистым оврагом, а от Турции – глубокой долиной Арпачая. С северной и южной стороны она была прикрыта отдельными башнями, называемыми, по цвету камня, красной и черной. Там располагался военный лагерь для новоприбывших полков [Есаул 1860a: 483]. И.Д. Попко в своем дневнике отмечал, что шествия войск по Бебутовской улице стали для горожан привычным явлением. Военные и местные жители приветствовали русско-кавказские подразделения дружелюбно, с музыкой [Есаул 1860a: 494].

Особый интерес представляют описание Конно-мусульманских полков, прибывших с зимних квартир в конце апреля – начале мая 1854 г. Для них был отведен стан в Красной башне. Первый полк был сформирован из жителей закавказских мусульманских провинций. В нем 13 офицеров, 45 векилей (унтер-офицеров), 500 всадников и 85 выючников, четыре сотни в полку татарские и одна армянская. Люди разных возрастов. Одеты однообразно: чохи грузинская, шапки персидские, сапоги на высоких каблуках, с подковами и с весьма острыми, загнутыми вверх, носками. Голенище разрезано и стянуто шнурком туго вокруг ноги, как корсет. Это давало упругость ноге для проворных прыжков с коня и на коня. Вооружение состояло из длинной винтовки; короткой и почти прямой сабли и нескольких пистолетов. Лошади славные, жеребцы карабахских заводов,

все светло-гнедой или рыжей масти, живые и наскаканные, но, по мнению генерала, с казачьими конями не сравнятся.

И.Д. Попко приводит деталь, которая демонстрирует культурно-ментальные особенности народа. Он отмечает, что на одном из офицеров была высокая шапка, которая, тем самым, подчеркивала знатное, привилегированное положение человека в обществе, его богатство, зажиточность [Есаул 1860а: 489-491]. Второй Конно-мусульманский полк состоял из 1 штаб-офицера, 5 султанов (сотенных командиров), 5 наибов (помощников), 42 векилей и 500 всадников. По замечанию И.Д. Попко, во втором полку было больше пестроты и меньше исправности, чем в первом. Особенно критиковал генерал отсутствие у большинства всадников сабель, считал это не допустимым [Есаул 1860а: 491].

Оба мусульманских полка имели свои знамена. При офицерах находились штабные лица полка. Это были мулла, армянский священник и лекарь – татарский костоправ.

В своем дневнике И.Д. Попко описывает другое подразделение – Горскую милицию, которую он называет «Славной дружиной». В ее составе были кабардинцы, карачаевцы, осетины, общей численностью до 300 человек. Кабардинцы были князьями и дворянами, а другие – простыми людьми. Командир полка происходил из незнатного рода, что вызывало недовольство кабардинского местничества. Из-за этого между племенами в отряде возникали конфликты [Есаул 1860b: 356-357]. Сравнивая с конно-мусульманскими полками, автор отмечает благородство одежды, вооружения, достоинство и легкость посадки, гибкость движений, целеустремленность и выправку солдат кавказско-горской милиции [Есаул 1860а: 494].

Много внимания И.Д. Попко заостряет на описании вооружения казака. Автор отмечает, что драгунским эскадронам удобно сохранить строй на уздечках, так как они вооружены саблями, а пикинерным эскадронам – на мундштуках, так как они вооружены пикой. И.Д. Попко считает, что всадник с ружьем, пикией и на уздечке в бою больше теряет, чем выигрывает. Автор критикует пики и считает, что всадникам удобнее с саблями [Есаул 1860b: 172]. Как отмечает И.Д. Попко, стрельба в конном бою – пустая вещь. Первоочередную роль играет не оружие, а смелость коня и всадника. Так, например, у шапсугов, лучших воинов на Кавказе, коней обучают смелости, а ездовых ловкости. Есть такой вид джигитовки, при котором конь обучен толкать грудью коня противника, чтобы сбить его вбок и тем самым подставить своему седоку профиль неприятеля [Есаул 1860b: 380, 381].

Вместе с описанием численности состава, вооружения, обмундирования полков, И.Д. Попко отмечает обычай гостеприимства и особенности кавказской национальной кухни. Вот как автор описывает грузинский обед у одного из проводителя мусульман. Обедали сидя на коврах, по-восточному скрестив ноги, как эфенди. Если гость выше звания майора, то ему полагались подушки для большего комфорта. Обед состоял из сыра, соленой рыбы, зеленого лука и вина, пилава (блюдо из риса с курицей, луком и арахисом, завернутого в тонкий слой теста и посыпанного миндалем), а главным блюдом была каурма (рагу из мяса, овощей и специй) [Есаул 1860b: 186-187].

Интересным является описание подразделения башибузуков в турецкой армии. Это были иррегулярные военные отряды в Османской империи, которые представляли собой легкую конницу. В мирное время башибузуки использовались для внутренней службы, в составе национальной гвардии, в отдалённых местностях империи, для «усмирения» христианских народностей. В военное время они придавались полевым войскам. Слово «башибузук» в дословном переводе с турецкого означает «с неисправной головой», «безбашенный». В переносном значении оно стало синонимом слова «головорез». Башибузуки набираются преимущественно на берегах Тигра, Евфрата и Персидского залива и комплектуются в основном из вьючных извозчиков, почтарей, табунщиков, водовозов и вообще людей, сделавших привычку к коню. И.Д. Попко отмечает, что эти люди вынуждены участвовать в военных действиях, они трусливы, плохо владеют оружием. За военную службу им полагается содержание, но они его не получают [Есаул 1860а: 482].

Кавалерия во главе с генералом Багговутом и князем Бебутовым часто ездила на разведку в лагерь турецкой армии. Возвращаясь из одного такого похода, Иван Диомидович стал свидетелем и участником сражения между русскими и отрядом башибузуков около деревни Баш-Кадык Лара, где располагался лагерь неприятеля. И.Д. Попко хвалил кавказскую джигитовку пикетных линейцев, которые в итоге дали отпор туркам. Свое впечатление о бое автор описал так: «У меня уж пропал и голод. Не знаю, у всех ли, но полагаю, что у многих вид крови рождает отвращение от еды» [Есаул 1860b: 168]. И.Д. Попко с грустью отмечает, что в военное время на сосновый гроб смотришь как на роскошь. Чаще всего солдаты погибают на поле боя, и их хоронят в сырой земле как есть [Есаул 1860b: 170].

Отдельным эпизодом в дневнике И.Д. Попко представлено Курюк-Даринское сражение на горе Караял, которое произошло 24 июля 1854 г. Автор описывает настроения, чувства и мысли русских солдат накануне битвы. Он пересказывает разговор между кавалеристами лейб-эскадрона Тверского полка. Оставляя свой лагерь, отправляясь на поле боя, они рассуждали о мухах, которые досаждали им своими укусами, и с иронией отмечали, что больше насекомым некого будет кусать [Есаул 1860c: 145]. Русские войска одержали победу в сражении, но были истощены и понесли большие потери. Было много убитых, раненых и без вести пропавших. Автор отмечает: «Левый наш фланг начал, правый кончил. На левом мы не дались в обиду, на правом поправились; центр порешил самую сущность дела» [Есаул 1860b: 400]. Автор, описывая обстановку после битвы, указал на то, что лошади кавалерии и артиллерии были изнурены, солдаты пехоты выбились из сил после ночи, проведенной без сна. День был очень жаркий, и людей мучила жажда [Есаул 1860b: 401].

Когда шум битвы затих окончательно, солдаты прилегли на землю на получасовой отдых, после чего отправились в лагерь, чтобы разбить палатки. В первую очередь разбивали госпитальные палатки, куда доставляли раненных бойцов. И.Д. Попко описывает свои ощущения от увиденного в лагерном госпитале. Он отмечает, что было легче пробыть шесть часов в бою, чем присутствовать шесть минут на перевязочном пункте и наблюдать за страданиями сослуживцев [Есаул 1860b: 402]. Там же над телами умерших лагерный священник

читал молитву. Всех убитых солдат хоронили в общей братской могиле. Русских офицеров хоронили на особом холме на русском берегу Арпачая. Позже в лагере с аукциона продавали имущество убитых офицеров [Есаул 1860с: 132, 161].

И.Д. Попко приводит данные о численности армии неприятеля и рассуждает о причинах поражения турецкой армии. Он отмечает, что турецкие войска превосходили русских в три раза, занимали более выгодную боевую позицию. Однако у них не было быстроты, решимости и единства в действиях [Есаул 1860b: 402-404]. Благодаря храбрости, ловкости, стойкости русской армии удалось дать отпор неприятелю и выиграть сражение. За проявленное мужество и героизм в битве 24 июля царскими наградами были удостоены князь Бебутов, генерал Бриммер, а начальнику штаба, полковнику Неверовскому был пожалован генеральский чин. На каждую роту, эскадрон и батарею, участвовавшим в сражении, было выделено по три знака отличия военного ордена, на сотню по два, а каждому нижнему чину было прислано по три рубля. После награждения в лагере устроили праздник с песнями и танцами [Есаул 1860с: 166-167].

Местные жители, находившиеся между двумя враждебными лагерями, после битвы, расхитили военные трофеи (оружие, снаряжение). Как отмечает И.Д. Попко: «По военным постановлениям, утрата оружия и аммуниции не принимается на счет казны, если поле сражения осталось за нами» [Есаул 1860с: 125]. В кавалерии всадник и его конь – это единое целое. Поэтому в данном роде войск к лошадям относятся с особым вниманием. После сражения специальная комиссия осматривала коней. Одни были негодными и их пристреливали на месте, о других решение выносили позже, о третьих мнения комиссии и ветеринарного врача разделялись. Русские солдаты вместо своих палаток использовали «чадыр» – конусообразные турецкие шатры из плотного бумажного холста. Их было удобнее перевозить и разбивать, они лучше защищали от дождя, были более устойчивыми к бурям. Однако внутри шатра воздух быстро нагревался, из-за чего было очень душно, и практически не проветривался. В центре палатки устанавливался столб. Спали к нему головой, а ногами к окружности, в виде спиц в колесе. Чадыр вмещал до шестнадцати человек [Есаул 1860с: 126-127, 130-132].

И.Д. Попко приводит в своем дневнике интересный эпизод, демонстрирующий порядочность, честность русского солдата, верного своему долгу. Автор рассказывает историю о рядовом Грузинского гренадерского полка Михайло Евсееве, который взял накануне сражения с турками у И.Д. Попко заказ на пошив для него новой обуви. Несмотря на внезапную атаку неприятеля, кровавый бой и свои тяжелые ранения, рядовой выполнил свое поручение и сделал Ивану Димидовичу сапоги [Есаул 1860с: 132-134].

И.Д. Попко описал посещение делегации от русских войск во главе с прапорщиком Векиловым в ставку турецкого военачальника. Этот эпизод хорошо демонстрирует культурно-ментальные особенности и нормы поведения турецкого народа. Векилов вместе с небольшим отрядом казаков был назначен ответственным за доставку писем от пленных турок муширу на родину. Он знал турецкий язык и мог на нем свободно изъясняться. Когда русские прибыли в лагерь противника, то были встречены турками очень вежливо и приглашены к начальнику передовой стражи Хаджи-Темир-Аге. Он принял русский отряд

дружелюбно, угостил визитеров обедом, после чего отправились в ставку к военачальнику. Всю дорогу русские ехали с завязанными глазами. Прибыв на место, повязки было разрешено снять. Векилов был представлен Зарифу-Мустафе-паше и принят им ласково. Мушир восхищался смелостью, мужеством, героизмом русских солдат и командиров, хвалил кавалерию и пехоту, достойно отзывался о начальнике кавалерии Багговуте. Прощаясь с гостями, Зариф-Мустафа-паша вручил им письмо к князю Бебутову, пять тысяч пиастров для турецких пленных, а также подарил Векилову золотую табакерку, украшенную бриллиантами, а каждому из его спутников – серебряные часы [Есаул 1860с: 137-140]. На мой взгляд, эта история показывает, что во времена И.Д. Попко для военных людей честь и порядочность, уважение к своему противнику имели огромное значение.

Спустя несколько дней после сражения на Караяле, в русский лагерь прибыл историк для того, чтобы описать подвиги солдат в Крымской войне. И.Д. Попко должен был показать ему местность и расположения турецкого лагеря, описать нынешнюю военную обстановку, проводить в место, где произошло сражение 24 июля 1854 г., рассказать о ходе боевых действий. И.Д. Попко с тоской отмечал, что со временем подвиги русского солдата забудутся и чем ярче они будут представлены обществу, тем быстрее полиняют [Есаул 1860с: 142-143].

И.Д. Попко отмечает, что русским войскам часто приходилось менять дислокацию военного лагеря, но не столько из-за тактических соображений, сколько по хозяйственной необходимости [Есаул 1860с: 399]. И.Д. Попко отмечает: «Походная жизнь без походов бедна и мелка. Содержание ее почти то же, что жизни оседлой, заглохшей в каком-нибудь уездном захолустьи: самовар, завтрак, труд, обед, сон, скука, самовар, карты, папиросы, вино, сплетни, чтение, писанье и, в воздаяние за то, унавозив, удобрив одну местность, мы двигаемся на другую. Мы ищем воды и травы. О тактике уж и помину нет» [Из дневника... 1909b: 324].

При переходе из одного лагеря в другой генерал с иронией отметил, что прелесть военного путешествия для солдата в том, что его никто не ждет в месте, куда он отправляется, он не может знать наверняка, где заснет и проснется – в палатке или в могиле [Есаул 1860b: 177-178]. И.Д. Попко отмечает, что перед тем, как отправиться в новое лагерное место, солдаты забирали с собой все имущество, которое могли унести или положить в повозки, а палатки и все что может гореть и чего нельзя унести с собой сжигали, чтобы не оставить следов [Есаул 1860с: 143-144]. Автор описывает подготовку к походу: ковка лошадей, пригонка и укладка вьюков, закупка провианта [Есаул 1860b: 176-177]. О выступлении в поход свидетельствовал генерал-марш – барабанный бой ранним утром. Перед тем, как разбить лагерь на новом месте, было очень важно тщательно изучить местность. Каждый холм, овраг и камень имеет значение при расстановке аванпостов и пикетов. Передовые караулы могут предупредить, своевременно отразить атаку противника или нанести удар, застав врасплох неприятеля. Но самое главное – выставить пикеты так, чтобы враг не смог увидеть их и внезапно напасть [Есаул 1860с: 161, 422-423]. Автор дневника отмечает, что в свободное от сражений время в лагере солдаты проходили учение [Есаул 1860d: 155-156].

Повседневная жизнь служивого человека в военное время, несомненно, тяжела. На войне солдат живет одним днем, он не знает, что ждет его завтра, не

строит планы на будущее. Однако в непростой военной жизни солдата было место для отдыха и досуга. Например, после награждения отличившихся в бою солдат медалями и крестами, устраивали полковые праздники, на которых много пили и ели, танцевали и пели песни. Например, «бочка» – это хороводная песня. Выбирают самого толстого человека, сажают его на землю и водят вокруг него хоровод [Есаул 1860с: 147-149]. Интересно И.Д. Попко описывает один из лагерных обедов перед выступлением русских войск в поход против турок. За обедом пили шампанское, а после трапезы пели песни, танцевали. Согласно русскому и в частности кавказскому обычаю, нижегородцы угощали хлебом-солью своих братьев-драгун, прибывших из России. Угощение для офицеров было приготовлено под огромными госпитальными палатками. Обеденным столом служили доски и трава, а скатертями – попонки. Автор отмечает, что лагерный обед являлся радостным событием, а радушие с обеих сторон было истинно русское и братское [Есаул 1860а: 501].

И.Д. Попко отмечает, что эти обеды, как и будничные каши готовились на развалинах турецких жилищ. Так как в крае мало лесов, то для разведения костра и приготовления пищи солдаты разбирали разоренные и брошенные буйволятники. Однако разобрать это постройку было не проще, чем собрать. Были и несчастные случаи среди солдат. И.Д. Попко отмечает, что сами местные жители отапливают жилое помещение кизяком (высушенный или переработанный навоз), все свое одушевленное и неодушевленное имущество хранят под землей, особенно зерновой хлеб, который хранится в особых ямах [Есаул 1860b: 196]. Как отмечает И.Д. Попко другим из видов досуга для солдат, в свободное от сражений время, были игры, зародившиеся именно в военном лагере. Среди них были русская «орлянка», грузинская «цхра», карточные игры [Есаул 1860с: 158-159].

В русской армии между военачальником и его солдатами складывались теплые, можно сказать отеческие взаимоотношения. Военные с почетом относились к генералу А.Ф. Багговуту. По причине болезни он был вынужден сложить с себя полномочия и передать их графу А.Е. Нироду. Александр Федорович в своем приказе о назначении обратился к своим солдатам, называя их «братья мои ратные». Он отмечал их смелость и стойкость в бою, призывал повиноваться начальству и в дальнейшем преуспевать в военном деле [Есаул 1860с: 150].

Отражение бытовой повседневности. Отдельное внимание в своем дневнике И.Д. Попко уделил г. Александрополю – полковой квартире кавказского корпуса, повседневной жизни русских военных, системе местного образования, религии. По замечанию Ивана Диомидовича, Александрополь был довольно молодым городом, но вид имел такой старческий, что жалко было на него смотреть. В нем жили татары и армяне. Дома без крыш, потолок был присыпан землей и золой от протекания. Однако ветер сметает с крыш землю и золу, образуя пыль, которая попадает в глаза и доставляет дискомфорт [Есаул 1860а: 483]. Место для ночлега солдат располагалось в буйволятниках. Это было сырое помещение с земляной крышей, где находились буйволы и другие домашние животные. С одной стороны, там было тепло, но с другой, опасно. Испарения животных, сырость, отсутствие свежего воздуха и света были вредными для организма человека. Многие солдаты от таких условий заболели тифом. Из-за постоянных

дождей крыша строения могла обвалиться и погубить спавшего солдата [Есаул 1860а: 502]. Одеждой, постелью, подушкой и одеялом служила бурка. И.Д. Попко называет «волшебной мантией» [Есаул 1860b: 388].

Много домов в Александрополе выстроено на улицу, но есть и такие, какие находятся за высоким каменным забором. Например, школа, в которой обучались только мальчики. Она располагалась в четырехугольной комнате без окон. Свет проникал в помещении через полуотворенную дверь. Ученики сидели на полу босыми, скрестив ноги по-восточному с книгами в руках, и слушали учителя, которым был дьяк в длинной ветхой одежде, человек не старый, но уже довольно взрослый, «согбенный», как отмечает автор. Он преподавал азбуку, письмо, чтение, псалтирь и новый завет, что свидетельствует о том, что образование было по большей части религиозным. Как и на всем востоке, в армянской школе не применяют трехвостку и розги. Вместо них используется лопатка, которую учитель иногда применял на своих учениках в воспитательных целях. Уроки в школе начинались и заканчивались посещением местной церкви. Иван Диомидович подчеркивает, что грамотность распространена между всеми городскими и сельскими жителями. Этому обстоятельству способствует умеренная плата за обучение (родители в месяц платили всего десять копеек за обучение сына). Несмотря на низкую заработную плату учителей, тем не менее, их профессия являлась почетной. Существует такой древний обычай у армян, известный также и у кубанских казаков, по которому ученик, достигший успехов в обучении, приносит своему наставнику угощение [Есаул 1860а: 484-487]. По мнению И.Д. Попко, армянский народ является одним из самых грамотолюбивых на свете. Однако армяне не любят труда, требующего физического усилия. Они предпочитают: щеты – бороне, иглу – сохе, и охотнее ухаживают за винным буйволом в духане, чем за живым буйволом в ярме [Есаул 1860а: 486-487].

В состав русской кавалерии набирались армяне-добровольцы, но при условии наличия исправного вооружения и надежного коня. Они были отличными проводниками и толмачами (переводчиками) [Есаул 1860а: 499].

Религия не покидает человека и в военное время. В лагере часто молились за одержанные и предстоящие победы. В Александрополе была маленькая православная, а именно, греческая церковь. Местный священник нес службу по-гречески и по-турецки. С приходом русских войск он стал учиться русскому языку и читал Евангелие на нем тоже [Есаул 1860а: 492]. В пользу церкви солдатам предлагалось внести пожертвование. Начальник кавалерии генерал А. Ф. Багговут одним из первых вносил приношение и предлагал каждому последовать его примеру, кто, сколько может [Есаул 1860а: 504-505].

Заключение

Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что походный дневник И.Д. Попко является важным историческим источником. Данный документ представляет научный интерес не только для исследователей изучающих военную повседневность русских солдат в годы Крымской войны, но и этнографию Кавказа и Закавказья, быт местных народов, их традиции, обычаи, нормы поведения. В своем дневнике автор описал сражения, настроения в армии, образ жизни

солдат в военном лагере, взаимоотношения между военачальниками и их подчиненными, рассмотрел природу и климат русско-турецкой границы, систему местного образования и религию, этнографический материал, отразил культурно-ментальные особенности кавказских и закавказских народов. И.Д. Попко описал нелегкую жизнь служивого человека во время войны, патриотизм, самоотверженность, смелость русского солдата и офицера, верных своему долгу и готовых до последней капли крови защищать свое Отечество. Но главное то, что автор сохранил историческую память о тех событиях, участником которых он был и передал ее потомкам, чтобы они знали, помнили и чтили тех, кто, преодолевая и претерпевая все тяготы и неудобства военной жизни, храбро сражался за родину.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Амбарцумян 2009 – *Амбарцумян К.Р.* Взаимоотношения поколений в семье генерала И.Д. Попко (на материале переписки с племянником П. Кучеровским) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 117. – С. 32-37.

Виноградов 2003 – *Виноградов В.Б.* Исторические взгляды И.Д. Попки в системе представлений об истоках гребенского казачества // Памяти Ивана Диомидовича Попки: Из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества: сборник научных статей / под ред. О. В. Матвеева. – Краснодар: Кубанькино, 2003. – С. 6-10.

Волкова 1965 – *Волкова Н.Г.* Музей Псекупского полка // Ученые записки адыгейского НИИ языка, литературы и истории. – Краснодар, 1965. – Вып 4: История и этнография. – С. 271–276.

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края (г. Ставрополь).

Голобуцкий 1956 – *Голобуцкий В.А.* Черноморское казачество. – Киев: АН УССР, 1956. – 416 с.

Городецкий 1913 – *Городецкий Б.М.* Литературные и общественные деятели Северного Кавказа: библиографические очерки // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1913. – Т. 18. – С. 333-396.

Есаул 1860a – *Есаул.* Походный дневник / Есаул // Военный сборник. – Т. 11. – Санкт-Петербург: Типография Карла Вульфа, 1860. – С. 477-506.

Есаул 1860b – *Есаул.* Походный дневник / Есаул // Военный сборник. – Т. 12. – Санкт-Петербург: Типография Карла Вульфа, 1860. – С. 165-200; 355-412.

Есаул 1860c – *Есаул.* Походный дневник / Есаул // Военный сборник. – Т. 13. – Санкт-Петербург: Типография Карла Вульфа, 1860. – С. 125-174; 385-430.

Есаул 1860d – *Есаул.* Походный дневник / Есаул // Военный сборник. – Т. 14. – Санкт-Петербург: Типография Карла Вульфа, 1860. – С. 149-198.

Из дневника... 1909a: 285 – *Из дневника генерал-лейтенанта И.Д. Попко 1909* // Русский архив. – Т. 130. – Вып. 5-8. – Москва: Синодальная типография, 1909. – С. 285-290.

Из дневника... 1909b: 324 – *Из дневника генерала-лейтенанта И.Д. Попко* // Русский архив. – Т. 131. – Вып. 9-12. – Москва: Синодальная типография, 1909. – С. 321-339.

Колосовская, Ткаченко 2021 – *Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С.* Военные кавказоведы Российской империи: биобиблиографический словарь. – Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2021. – 334 с.

Колосовская 2014 – *Колосовская Т.А.* «Пока архивы не сделались добычей пожара или тления»: историко-исследовательская деятельность генерал-лейтенанта И.Д. Попко // Военно-исторический журнал. – 2014. – № 4. – С. 53–58.

Косвен 1958 – *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник / отв. ред. М. О. Косвен. – Москва: изд-во восточной литературы, 1958. – Вып. 2. – С. 139-274.

Костомаров 1861 – *Костомаров Н.И.* Разбор сочинения г. Попко «Черноморские казаки» // Тридцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. 16 июня 1861 г. – Санкт-Петербург, 1861 – С. 131–142.

Максимов 2011 – *Максимов И.П.* К биографии Ивана Диомидовича Попко // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар: КГУКИ, 2011. – №4 (42). – С. 128–131.

Малукало 2003 – *Малукало А.Н.* Вклад И.Д. Попко в развитие казачьего законодательства // Памяти Ивана Диомидовича Попки: Из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества: сборник научных статей / под ред. О. В. Матвеева. – Краснодар: Кубанькино, 2003. – С. 48–52.

Попко 1880 – *Попко И.Д.* Терские казаки с стародавних времен: исторический очерк. Выпуск 1. – Гребенское войско. – Санкт-Петербург: типография Департамента уделов, 1880. – 517 с.

Попко 1998 – *Попко И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы в 2-х частях. – Краснодар: Советская Кубань, 1998. – 192 с.

Саид 2021 – *Саид Э.В.* Ориентализм. – Москва: Музей современного искусства Гараж, 2021. – 560 с.

Слущкий 2017 – *Слущкий А.И.* Заметки о библиотеке Ивана Диомидовича Попко и ее каталоге // Материалы к библиографической реконструкции каталога личной библиотеки Ивана Диомидовича Попко / сост. И. В. Дубинин, И.Г. Иванцов; Книги из библиотеки И.Д. Попко в фонде Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова / сост. Н.Н. Авдеева, А. В. Ашихмина; под ред. А.И. Слущкого, О.В. Кирьяновой. – Краснодар: Альбатрос Плюс, 2017. – С. 22–41.

Трехбратов 2017 – *Трехбратов Б.А.* Жизненный путь и творческое наследие Ивана Диомидовича Попко // Материалы к библиографической реконструкции каталога личной библиотеки Ивана Диомидовича Попко / сост. И.В. Дубинин, И.Г. Иванцов; Книги из библиотеки И.Д. Попко в фонде Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова / сост. Н. Н. Авдеева, А. В. Ашихмина; под ред. А. И. Слущкого, О. В. Кирьяновой. – Краснодар: Альбатрос Плюс, 2017. – С. 6–21.

Фарфоровский 1910 – *Фарфоровский С.В.* Биографические сведения о И.Д. Попко // Русский архив. – 1910. – Кн. 1. – Вып. 1. – С. 93–95.

Чумаченко 2003 – *Чумаченко В.К.* И.Д. Попко как литератор // Памяти Ивана Диомидовича Попки: Из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества: сборник научных статей / под ред. О. В. Матвеева. – Краснодар: Кубанькино, 2003. – С. 27–37.

Шевченко 1991 – *Шевченко Г.Н.* И.Д. Попко (1819–1893): историко-биографический очерк // Проблемы историографии и культурного наследия народов Кубани дореволюционного периода: сб. науч. тр. / Кубан. гос. ун-т. – Краснодар: [б/и], 1991. – С. 61–69.

REFERENCES

AMBARCUMYAN K.R. *Vzaimootnosheniya pokolenij v sem'e generala I.D. Popko (na materiale perepiski s plemjannikom P. Kuchеровским)* [The relationship of generations in the family of General I. D. Popko (based on correspondence with his nephew P. Kuchеровsky)]. IN: *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. – 2009. – № 117. P. 32–37. (In Russ.).

VINOGRADOV V.B. *Istoricheskie vzglyady I. D. Popki v sisteme pred-stavlenij ob istokah grebenskogo kazachestva* [Historical views of I. D. Popko in the system of ideas about the origins of the Greben Cossacks]. IN: *Pamyati Ivana Diomido-vicha Popki: Iz istoricheskogo proshlogo i duhovnogo naslediya severokavkazskogo kazachestva: sbornik nauchnyh statej / pod red. O. V. Matveeva*. – Krasnodar: Kuban'kino, 2003. – P. 6–10. (In Russ.).

VOLKOVA N.G. *Muzej Psekupskogo polka* [Museum of the Psekup Regiment]. IN: *Uchenye zapiski adygejskogo NII yazyka, literatury i istorii*. – Krasnodar, 1965. – Issue 4: *Istoriya i etnografiya*. – P. 271–276. (In Russ.).

Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja (g. Stavropol') [State Archives of the Stavropol Territory (Stavropol)]. (In Russ.).

GOLOBUCKIJ V.A. *Chernomorskoe kazachestvo* [Black Sea Cossacks]. – Kiev: AN USSR, 1956. – 416 p. (In Russ.).

GORODECKIJ B.M. *Literaturnye i obshchestvennye deyateli Severnogo Kavkaza: bibliograficheskie ocherki* [Literary and public figures of the North Caucasus: bibliographic essays]. IN: *Kubanskij sbornik*. – Ekaterinodar, 1913. – V. 18. – P. 333-396. (In Russ.).

ESAUL. *Pohodnyj dnevnik* [Campaign Diary]. IN: *Voennyj sbornik*. – V. 11. – St. Petersburg: Tipografiya Karla Vul'fa, 1860. – P. 477-506. (In Russ.).

ESAUL. *Pohodnyj dnevnik* [Campaign Diary]. IN: *Voennyj sbornik*. – V. 12. – St. Petersburg: Tipografiya Karla Vul'fa, 1860. – P. 165-200; 355-412. (In Russ.).

ESAUL. *Pohodnyj dnevnik* [Campaign Diary]. IN: *Voennyj sbornik*. – V. 13. – St. Petersburg: Tipografiya Karla Vul'fa, 1860. – P. 125-174; 385-430. (In Russ.).

ESAUL. *Pohodnyj dnevnik* [Campaign Diary]. IN: *Voennyj sbornik*. – V. 14. – St. Petersburg: Tipografiya Karla Vul'fa, 1860. – P. 149-198. (In Russ.).

Iz dnevnika general-lejtenanta I.D. Popko [From the diary of Lieutenant General I.D. Popko]. IN: *Russkij arhiv*. – T. 130. – Issue. 5-8. – Moscow: Sinodal'naya tipografiya, 1909. – P. 285-290. (In Russ.).

Iz dnevnika generala-lejtenanta I.D. Popko [From the diary of Lieutenant General I.D. Popko]. IN: *Russkij arhiv*. – T. 131. – Issue. 9-12. – Moscow: Sinodal'naya tipografiya, 1909. – P. 321-339. (In Russ.).

KOLOSOSKAYA T.A., TKACHENKO D.S. *Voennye kavkazovedy Rossijskoj imperii: biobibliograficheskij slovar'* [Military Caucasian scholars of the Russian Empire: biobibliographic dictionary]. – Stavropol: Dizajn-studiya B, 2021. – 334 p. (In Russ.).

KOLOSOSKAYA T.A. «*Poka arhivy ne sdelalis' dobychej pozhara ili tleniya*»: istoriko-issledovatel'skaya deyatel'nost' general-lejtenanta I.D. Popko [«Until the archives became prey to fire or decay»: historical research activities of Lieutenant General I.D. Popko]. IN: *Voenno-istoricheskij zhurnal*. – 2014. – № 4. – P. 53–58. (In Russ.).

KOSVEN M.O. *Materialy po istorii etnografii Kavkaza v russkoj nauke* [Materials on the history of the ethnography of the Caucasus in Russian science]. IN: *Kavkazskij etnograficheskij sbornik / otv. red. M. O. Kosven*. – Moscow: izd-vo vostochnoj literatury, 1958. – Issue. 2. – P. 139-274. (In Russ.).

KOSTOMAROV N.I. *Razbor sochineniya g. Popko «Chernomorskie kazaki»* [Analysis of the work of Mr. Popko «The Black Sea Cossacks»]. IN: *Tridcatoe prisuzhdenie uchrezhdenij P. N. Demidovym nagrad. 16 iyunya 1861 g.* – St. Petersburg, 1861 – P. 131–142. (In Russ.).

MAKSIMOV I.P. *K biografii Ivana Diomidovicha Popko* [To the biography of Ivan Diomidovich Popko]. IN: *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* – Krasnodar: KGUKI, 2011. – № 4 (42). – P.128-131. (In Russ.).

MALUKALO A.N. *Vklad I. D. Popko v razvitie kazach'ego zakonodatel'stva* [Contribution of I. D. Popko to the development of Cossack legislation]. IN: *Pamyati Ivana Diomidovicha Popki: Iz istoricheskogo proshlogo i duhovnogo naslediya severokavkazskogo kazachestva: sbornik nauchnyh statej / pod red. O. V. Matveeva*. – Krasnodar: Kuban'kino, 2003. – P. 48-52. (In Russ.).

POPKO I.D. *Terskie kazaki s starodavnih vremen: istoricheskij ocherk. Vypusk 1. - Grebenskoe vojsko*. [Terek Cossacks from ancient times: a historical essay. Issue 1. - Grebenskoye army.]. – St. Petersburg: tipografiya Departamenta udelov, 1880. – 517 p. (In Russ.).

POPKO I.D. *Chernomorskie kazaki v ih grazhdanskom i voennom bytu: ocherki kraja, obshchestva, vooruzhennoj sily i sluzhby v 2-h chastyah* [Black Sea Cossacks in their civilian and military life: essays on the region, society, armed forces and service in 2 parts]. – Krasnodar: Sovetskaya Kuban', 1998. – 192 p. (In Russ.).

SAID E.V. *Orientalizm*. [Orientalism]. – Moskva: Muzej sovremennogo iskusstva Garazh, 2021. – 560 p. (In Russ.).

SLUCKIJ A.I. *Zametki o biblioteke Ivana Diomidovicha Popko i ee kataloge* [Notes on the library of Ivan Diomidovich Popko and its catalog]. IN: *Materialy k bibliograficheskoj rekonstrukcii kataloga lichnoj biblioteki Ivana Diomidovicha Popko* / sost. I. V. Dubinin, I. G. Ivancov ; *Knigi iz biblioteki I.D. Popko v fonde Stavropol'skoj kraevoj universal'noj nauchnoj biblioteki im. M. Yu. Lermontova* / sost. N. N. Avdeeva, A. V. Ashihmina ; pod red. A. I. Sluckogo, O. V. Kir'yanovoj. – Krasnodar: Al'batros Plyus, 2017. – P. 22-41. (In Russ.).

TREKHBRATOV B.A. *Zhiznennyj put' i tvorcheskoe nasledie Ivana Diomidovicha Popko* [The life and creative legacy of Ivan Diomidovich Popko]. IN: *Materialy k bibliograficheskoj rekonstrukcii kataloga lichnoj biblioteki Ivana Diomidovicha Popko* / sost. I. V. Dubinin, I. G. Ivancov ; *Knigi iz biblioteki I.D. Popko v fonde Stavropol'skoj kraevoj universal'noj nauchnoj biblioteki im. M. Yu. Lermontova* / sost. N. N. Avdeeva, A. V. Ashihmina ; pod red. A. I. Sluckogo, O. V. Kir'yanovoj. – Krasnodar: Al'batros Plyus, 2017. – P. 6-21. (In Russ.).

FARFOROVSKIJ S.V. *Biograficheskie svedeniya o I.D. Popko* [Biographical information about I.D. Popko]. IN: *Russkij arhiv. – 1910. – B. 1. – Issue. 1. – P. 93-95.* (In Russ.).

CHUMACHENKO V.K. *I. D. Popko kak literator* [I. D. Popko as a writer]. IN: *Pamyati Ivana Diomidovicha Popki: Iz istoricheskogo proshlogo i duhovnogo naslediya severokavkazskogo kazachestva: sbornik nauchnyh statej* / pod red. O. V. Matveeva. – Krasnodar: Kuban'kino, 2003. – P. 27-37. (In Russ.).

SHEVCHENKO G.N. *I. D. Popko (1819-1893): istoriko-biograficheskij ocherk* [I. D. Popko (1819-1893): historical and biographical essay]. IN: *Problemy istoriografii i kul'turnogo naslediya narodov Kubani dorevolucionnogo perioda.* – Krasnodar: [b/i], 1991. – P. 61-69. (In Russ.).

Информация об авторе

А.И. Черниговская – ассистент кафедры истории России.

Information about the author

A.I. Chernigovskaya – Assistant of the Department of Russian History.

Статья поступила в редакцию 20.05.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 20.05.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

Научная статья
УДК 930+93/94
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-311-332
EDN: PSXJBR

ПРИЗНАКИ КРИЗИСА КОНЕВОДСТВА В КАБАРДЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Ислам Владиславович Паштов¹, Петр Абрамович Кузьминов²

^{1,2} Кабардино-Балкарский научный центр РАН, г. Нальчик, Россия

² Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

¹ pashtovwf@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-8836-8485>

² petrakis_hist@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5767-1484>

Аннотация. Статья посвящена анализу роли коневодства в социально-экономической жизни Кабарды во второй половине XIX в. и выявлению признаков его кризиса на страницах российской периодической печати того времени. Рассматриваются особенности развития коневодства, его значение в хозяйственной системе региона, а также прямое и опосредованное влияние политических и экономических факторов на эту сферу. Особое внимание уделяется оценкам современников, отраженных в периодической печати, освещавших состояние коневодства, анализ причин его упадка и предложения по выходу из кризиса. Выявлены факторы упадка данной отрасли, которые авторы связывают с нежеланием большинства коннозаводчиков использовать новые методы селекции и выращивания лошадей. В статье, на примере коневодства, раскрывается процесс трансформации традиционного хозяйствования и его модернизации, происходивший в регионе в условиях земельной реформы 60-х гг. XIX в.

Ключевые слова: Кабарда, история, коневодство, кабардинская порода лошадей, периодическая печать, земельная реформа, XIX век.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Внутреннего гранта КБГУ. Договор № 14 от 09.07.2024 г.

Для цитирования: Паштов И.В., Кузьминов П.А. Признаки кризиса коневодства в Кабарде второй половины XIX в. по материалам периодической печати // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 311-332. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-311-332. EDN: PSXJBR.

© Паштов И.В., Кузьминов П.А., 2025

Original article

SIGNS OF THE HORSE-BREEDING CRISIS IN THE KABARDA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY BASED ON PERIODICAL PRESS MATERIALS

Islam V. Pashtov¹, Petr A. Kuz'minov²^{1,2} Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia² Kabardino-Balkarian State University named H.M. Berbekov, Nalchik, Russia¹ pashtovwf@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-8836-8485>² petrakis_hist@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5767-1484>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the role of horse breeding in the socio-economic life of Kabarda in the second half of the 19th century and the identification of signs of its crisis in the pages of the Russian periodicals of that time. The article examines the features of the development of horse breeding, its importance in the economic system of the region, as well as the direct and indirect influence of political and economic factors on this sector. Special attention is paid to the assessments of contemporaries reflected in the periodicals that covered the state of horse breeding, the analysis of the causes of its decline, and proposals for overcoming the crisis. The article identifies the factors of the decline of this industry, which the authors attribute to the reluctance of most horse breeders to use new methods of horse breeding and raising. Using the example of horse breeding, the article explores the process of transformation and modernization of traditional farming in the region during the land reform of the 1860s.

Keywords: Kabarda, history, horse breeding, Kabardian horse breed, periodical press, land reform, XIX century.

Acknowledgments and funding: The study was carried out with the financial support of the Internal Grant of KBGU. Contract No. 14 dated 09.07.2024.

For citation: Pashtov I.V., Kuz'minov P.A. Signs of the horse-breeding crisis in the Kabarda in the second half of the 19th century based on periodical press materials. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 311-332. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-311-332. EDN: PSXJBR.

© Pashtov I.V., Kuz'minov P.A., 2025

Введение

Коневодство испокон веков занимало центральное место в хозяйственной деятельности кабардинцев, играя важную роль не только в экономике, но и в социальной жизни общества. Разведение лошадей, являясь одним из ключевых источников дохода дворянства региона в дореформенный период, имело важное социальное и экономическое значение.

Во второй половине XIX в. в условиях масштабных политических и социально-экономических трансформаций, связанных с интеграцией Северо-Кавказского региона в состав Российской империи, традиционные формы ведения хозяйства претерпели значительные изменения, но коневодство, как один из ключевых элементов экономики Северного Кавказа, оставалось важным фактором социальной мобильности, показателем статуса и одним из самых престижных ходовых товаров кабардинцев. Вместе с тем коневодство в Кабарде во второй половине XIX в. переживало кризис, но анализа этого явления в науке нет, что и обуславливает актуальность данного исследования.

Особую научную значимость темы исследования представляет анализ не только системных причин упадка отрасли, но и дискурса, сложившегося вокруг

данной проблемы на страницах периодической печати. Такой подход позволяет достичь двойной цели: во-первых, выявить признаки такого кризиса, а, во-вторых, оценить степень участия современников в поиске путей его преодоления.

Целью статьи является анализ положения коневодства в Кабарде во второй половине XIX в. и выявление признаков его кризиса по материалам периодической печати того времени. Статья впервые в современной историографии ставит проблему изучения кризиса коневодства в жизненно важной отрасли кабардинцев во второй половине XIX в., который привел к ухудшению основных качеств кабардинской лошади.

Наша задача – проанализировать кризисные явления коневодства, игравшего серьезную роль в хозяйстве Кабардинского округа и получившего адекватную оценку в периодической печати.

Материалы и методы

Отдельные стороны проблемы получили оценку в работах Е.Д. Максимова [Максимов 1892], Д.Н. Дубенского [Конские заводы... 1896], В.Н. Кудашева [Кудашев 1913], В.П. Пожидаева [Пожидаев 1925], В.П. Христиановича [Христианович 1926], С.И. Месяца [Месяц 1928], которые посвящены земельному вопросу и аграрным преобразованиям в Кабарде, но именно они определили возможности коннозаводчиков по содержанию и выпасу лошадей.

В советской и современной историографии можно выделить работы Ш.Ш. Хуранова [Хуранов 2011], Т.Х. Кумыкова [Кумыков 1985], С.А. Айларовой [Айларова 2007], З.Б. Думанова [Думанов 2009], З.А. Кожева [Адыги 2022], которые затрагивают тему воспроизводства лошадей и рассматривают коневодство как неотъемлемую часть истории региона, подчеркивая его тесную взаимосвязь со всеми отраслями жизни края.

Существенное значение имеют исследования И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова [Ковальченко, Милов 1974], Пола Грегори [Грегори 2003], Б.Н. Миронова [Миронов 2012], А.В. Островского [Островский 2016] и др., которые анализируют общероссийские процессы покупательной способности населения России, динамику товарно-денежных отношений на стыке XIX и XX веков, что позволяет показать роль коневодства в экономике России, выявить связь Кабарды с общероссийским рынком.

Е.Н. Самойлова [Самойлова 2010] изучила информацию о военно-конской переписи в России, как важнейшего института дореволюционной России, работавшего над сбором материала о состоянии коневодства в стране. Интересная работа В.В. Батырова [Батыров 2010] позволяет сравнить положение дел в Терской области с калмыцким коневодством.

Статья основывается на данных, извлеченных из материалов периодической печати: как прессы, так и ежегодных статистических сборников. Начиная со второй четверти XIX в. периодика играла ведущую роль в изучении Кавказа [Кузьминов 2024: 166-170], до сих пор оставаясь одним из важнейших источников по политической и социально-экономической истории региона.

Основой для рассмотрения кризиса коневодства послужили статьи, опубликованные в газетах «Терские ведомости» [Кодзоков 1869a; Кодзоков 1869b;

Высочайшие повеления... 1891; К вопросу... 1891; К вопросу об упадке... 1891; Малявкин 1891a; Малявкин 1891b; Баранов 1891a; Баранов 1891b; Белобородов 1895], «Кавказ» [Баратов... 1860; Владикавказ... 1891; Хозяйственный... 1891], ежегодник «Терский календарь» [Терский... 1893; Терский... 1895; Терский.. 1899] и др. Для уточнения некоторых данных печати задействованы иные материалы по обсуждаемой теме, призванные подтвердить/опровергнуть, либо дополнить данные современников на страницах печати.

Изучение материалов периодики по данному вопросу выявляет характерную проблему фрагментарности публикаций. Под фрагментарностью мы понимаем неполноту, отрывочность представлений авторов о кризисе коневодства, сосредоточенность дореволюционных (и раннесоветских исследований) на ограниченном круге причин кризиса, что не позволяет выявить все его стороны.

Для современной историографии, в свою очередь, типично либо восприятие кризиса как аксиоматичной данности, не требующей доказательств, либо простое перечисление его причин без должного контекстуального анализа, который могли бы предоставить материалы периодической печати. При этом следует подчеркнуть, что такое перечисление не означает ошибочности указанных причин, но указывает на методологическую необходимость их рассмотрения в конкретном историческом контексте эпохи кризиса.

Исследование построено на принципе историзма, что позволяет проанализировать численность и характер коневодства на всем протяжении второй половины XIX в. в динамике, учитывая всероссийский и окружной контекст. Задействован статистический метод, позволяющий выявить общее количество голов скота в регионе на основании ряда эмпирических источников. Опираясь на историко-генетический и историко-системный методы, раскрыта проблема кризиса в кабардинском коневодстве от первых свидетельств упадка до широкого признания проблемы отрасли.

Краткая характеристика коневодства Кабарды во второй половине XIX в.

Традиции коневодства в Кабарде имеют древние корни. Благоприятные природные условия, а также экономические и социальные факторы способствовали формированию уникальной модели разведения лошадей, сыгравшей важную роль в развитии кабардинского общества.

В северокавказском макрорегионе, в основном, разводилась кабардинская порода лошадей. Существуют разные теории ее возникновения: как продукт смешения и как результат селекции внутри породы¹. Высокие качества кабардинских лошадей отмечались современниками, что отражает значение коневодства в регионе. Не случайно, историк-кавказовед В.А. Потто подчеркивал: «Всеми были известны боевые качества этой природной и, без сомнения, лучшей конницы в мире» [Потто 2006: 514].

¹ Кабардинская лошадь. Книга о лошади. Том I // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://konevodstvo.su/books/item/f00/s00/z0000017/st102.shtml> (Дата обращения 02.04.2025).

В свою очередь, кабардинская порода имела несколько внутripородных типов. Как писал известный осетинский этнограф Б.А. Калоев, эти породы «носили имена своих создателей или назывались по местности» [Калоев 1993: 70]. В начале XIX в. Юлиус Клапрот отмечал преобладание у адыгов и абазин двух пород: «трам» [Клапрот 2008: 143] и превосходящей ее «самой лучшей» [Клапрот 2008: 223] «шалох». В Кабарде наиболее распространенным был последний тип. В сведениях Комиссии по устройству Кавказского коннозаводства 1871 г. «шалох» фиксируется как ведущая порода в регионе [Кабардинцы... 2018: 392].

По данным за 1889 г., в Нальчикском округе на 33 071 мужчин и 12 082 двора приходилось 49 065 лошадей, в среднем по 4,06 лошади на двор, при этом 2958 человек вообще не имели лошадей [Статистические... 1890: 66–67]. Важно подчеркнуть, что этнический состав населения Нальчикского округа не был моноэтническим. Данные демонстрируют существенные различия между административными участками, что, вероятно, коррелировало с географией размещения аулов. Исключив из анализа 2-й участок, населённый преимущественно горскими обществами, сл. Нальчик, немецкую и еврейскую колонии, обратимся к данным по другим территориям. Так, на 1-ом участке, с населением в 16 984 мужчины и 4941 двор, было зарегистрировано 30 434 лошади, в среднем 6,16 голов скота на двор. При этом количество безлошадных хозяйств составляло 987 [Статистические... 1890: 25–26]. Напротив, 3-й участок, характеризовавшийся смешанным составом населения, при численности в 14 238 мужчин и 4368 дворов имел лишь 9923 лошади, что равно показателю в 2,27 лошади на двор. Показатель отсутствия лошадей здесь был существенно ниже – всего 257 хозяйств [Статистические... 1890: 66–67].

Для сравнения, в центральных районах империи «на один крестьянский двор приходилось 1,2 взрослой лошади» [Мельникова 2024: 73]. Отметим здесь два аспекта. В Кабарде конь в 90 % случаев использовался для верховой езды, а в поле запрягали быков. Во-вторых, данные по Кабарде учитывают общее поголовье лошадей, в том числе и владельцев-дворян.

В 1876 г. на всей территории европейской России была введена военно-конская повинность, которая должна была «уточнить имевшееся в стране количество лошадей пригодных для нужд армии в военное время» [Самойлова 2010: 153]. Мера крайне нужная в условиях надвигающейся войны с Турцией. Первая военно-конская перепись на Кавказе в 1891 г. зафиксировала в Нальчикском округе 38 660 лошадей [Военно-конская перепись... 1894: 10; 64]. По данным «Терского календаря», в 1892 г. их было 40 456 г. (46,45 голов на 100 человек) [Терский... 1893: 40], в 1894 г. – 38 619 г. (41,9 голов на 100 человек) [Терский... 1895: 86], а в 1899 г. – 39 270 г. (39,9 голов на 100 человек) [Терский... 1899: 77].

Таким образом, в 1890-х годах численность лошадей стабилизировалась: незначительные колебания свидетельствуют о высоком уровне самовоспроизводства и, одновременно, о наличии кризисных явлений, сдерживающих рост общей численности поголовья.

Лошадь оставалась важнейшим товаром Кабарды на протяжении второй половины XIX в., будучи одним из основных предметов торговли на ярмарках Георгиевска, Моздока, Грозного, Пятигорска, Ставрополя, Тифлиса, Кутаиси и

Владикавказа [Казбек 1888: 205–206; Кабардинцы... 2018: 386]. В 1860 г. С.Г. Баратов сообщал, что кабардинцы ежегодно выручали от продажи лошадей от 50 000 до 70 000 руб. серебром [Баратов... 1860: 431], тогда как продажа овец приносила лишь 20 000–25 000 руб., а доход от меда в урожайные годы достигал 80 000 руб.

К 1871 г. средняя цена кабардинской лошади составляла 60–70 руб. серебром, хотя лучшие экземпляры стоили 150–300 руб. [Кабардинцы... 2018: 388]. Комиссия по устройству Кавказского коннозаводства фиксировала минимальные цены от 35 руб. за среднюю кобылицу до 310 руб. за высококачественных коней [Кабардинцы... 2018: 395].

Признаки кризиса кабардинского коневодства

На первый взгляд, показатели развития отрасли кабардинского коневодства выглядят обнадеживающе: продажа лошадей растет, спрос на них стабильно высок, а продавцы имеют значительную прибыль. Каким образом это соотносится с кризисом кабардинского коневодства, о котором говорили современники?

Как отмечает Пол Грегори, с 1885 по 1913 гг. динамика ежегодного уровня роста российского национального дохода составляла 3,4 % [Грегори 2003: 246]. Согласно «Сборнику статистико-экономических сведений» средняя цена рабочей лошади на Северном Кавказе в 1900 г. составляла 62 рубля, а в условиях роста покупательной способности населения достигла в 1915 г. цену в 89 руб. [Сборник... 1917: 503].

Проанализировав изменение цен на лошадей в Европейской России с 1882 г., И.Д. Ковальченко и Л.В. Милов пришли к выводу, что «теснота взаимосвязи случайных колебаний весенних цен на рабочий скот в начале XX в. в его наиболее глубинном выражении в основном завершилось. На большей части Европейской России эти колебания определялись едиными объективно-экономическими факторами» [Ковальченко, Милов 1974: 317]. То есть на рубеже веков региональное коневодство находилось в тесной взаимосвязи с общероссийским рынком, формируя единую рыночную структуру и, вместе с тем, переживало те же трудности развития.

Изучив корпус документальных материалов, Ш.Ш. Хуранов пришел к аналогичным выводам и подчеркнул отличительные черты коневодства, приобретенные в ходе развития товарно-денежных отношений на Северном Кавказе: рост упряжных и рабочих лошадей [Хуранов 2011: 84], переход торгового коневодства в руки богатых крестьян и первостепенных дворян [Хуранов 2011: 90], ставка на интенсивное развитие коневодческого хозяйства [Хуранов 2011: 95], имущественное неравенство [Хуранов 2011: 92], расширение географии конской торговли [Хуранов 2011: 102].

Исследуя экономику российской деревни, А.В. Островский отмечает не только рост цен, увеличение масштабов оптовой торговли лошадьми и увеличение товарности воспроизводства коневодства до 30–50 %, но и обращает внимание на важные обстоятельства, свидетельствующие о негативных процессах и общероссийском упадке коневодства. В сельской местности, пишет автор, сложилось «два взаимоисключающих процесса: рост товарного спроса на лошадей

и сужение круга хозяйств, способных к их расширенному воспроизводству» [Островский 2016: 216]. Несмотря на то, что стоимость продуктов коневодства в Европейской России составляла 1 миллиард 345 миллионов рублей [Островский 2016: 162], «воспроизводство рабочего скота в Европейской России начала XX века с точки зрения рыночного хозяйства было нерентабельным. Этот факт отмечали многие современники, например, известный специалист в этой области князь Н.Б. Щербатов, П.Н. Кулешов и др.» [Островский 2016: 235]. Иначе говоря, цены на лошадей поднимались в связи с государственным и хозяйственным спросом, но их количество, выставляемое на продажу, и качество падало, что является признаком системного кризиса. При этом в России наблюдалось «сокращение численности скота на душу сельского населения в пореформенное время» [Миронов 2012: 238].

Вместе с тем существовали примеры и интенсивного развития, например, у калмыков, как «результат проводимой в России военной реформы Д.А. Милютин и связанного с ней увеличения ремонта в кавалерию и армию», проведения «плановой селекции и увеличению количества продукции» [Батыров 2010: 66].

Д.Н. Дубенский, один из ведущих исследователей коневодства, отмечал, что по сравнению с 1837–1838 гг. к началу 80-х гг. XIX в. количественно «коннозаводство возросло почти во всех губерниях Европейской России» [Конские заводы... 1896: XLI], в то время как на Кавказе наблюдался «сравнительный упадок» [Конские заводы... 1896: 221]. Позднее князь Сергей Петрович Урусов, шталмейстер¹, признанный специалист по разведению лошадей, отмечал уже «значительное уменьшение количества лошадей» [Урусов 1908: 581] вместе с «вырождением крестьянской лошади, наблюдающейся повсеместно в России и везде прогрессирующей почти с одинаковой быстротой» [Урусов 1908: 582]. Автор связывал упадок с многочисленными причинами, важное место среди них занимает «отсутствие определенного плана в мероприятиях по улучшению коневодства страны» [Урусов 1908: 582].

Обобщив материал об уровне развития коневодства в стране, С.П. Урусов с горечью писал:

«Можно было бы приблизительно то же сказать и о других туземных породах: великорусской, малороссийской, крымской, донской, калмыцкой, черноморской, кабардинской, карабахской, башкирской, киргизской, туркменской и других, но это завело бы нас чересчур далеко; достаточно и сказанного, чтобы констатировать несомненное исчезновение пород, украшенных сединою веков и составлявших гордость отечественного коневодства» [Урусов 1908: 590].

Г.Н. Казбек считал, что деградация кабардинской породы связана с выселением черкесов в Османскую империю и «ряда реформ, проведенных правительством в семидесятых годах» [Казбек 1888: 167]. Он же утверждал, что старые заводчики фамилии Шавлоховых, Лоовых и Трамовых, которых упоминал еще С. Броневский, теперь имеют «слабые следы» [Казбек 1888: 167] своих табунов, а

¹ Придворный чин императорского двора в дореволюционной России, заведовавший царскими конюшнями, в Табели о рангах занимал высокий третий класс.

новые – Лафишевы, Тугановы, Тамбиевы – «значительно отстали от прежних и ныне хорошие кабардинские лошади весьма редки и ценны» [Казбек 1888: 167-168].

Однако, есть основания считать, что процесс упадка начался гораздо раньше и имеет под собой более глубокие причины. В 1860 г. князь С.Г. Баратов хвалил кабардинскую породу и отмечал «огромное количество табунов» [Баратов 1860: 431]. Вместе с тем, опираясь на слова владельцев, он писал, что лошади «в последнем столетии с стеснением прежнего приволья пастбищ стали упадать в своем достоинстве» [Баратов 1860: 431].

Особый интерес в этой связи представляет ряд очерков Д.С. Кодзокова, видного кабардинского общественного деятеля, председателя Терской сословно-земельной комиссии (1863–1869 гг.). В 1869 г. в газетах «Кавказ», «Терские ведомости» и «Ставропольские губернские ведомости» он публикует ряд статей, посвященных коневодству. Как указывает С.А. Айларова, «интерес к коневодству у него пробудился с первого его приезда на Кавказ» [Айларова 2007: 98], после завершения учебы в Московском государственном университете в июле 1839 г., когда родственники и друзья отца подарили ему несколько десятков породистых лошадей.

Кодзоков считал, что коневодство в Кабарде переживает упадок по четырем причинам [Кодзоков 1869b: 2]:

1. Смешивание местной кабардинской породы с простыми и дешевыми кобылами ввиду надежды на увеличение табунов.

2. Недостаток корма и хорошего ухода за молодыми лошадьми. Подтверждают это наблюдение сведения 1871 г., затребованные Комиссией по устройству Кавказского коннозаводства в Георгиевском округе, куда в это время входила Кабарда, в которых засвидетельствовано о «чрезвычайно ничтожной» [Кабардинцы... 2018: 387] ветеринарии («не существует» [Кабардинцы... 2018: 394], «не устроено» [Кабардинцы... 2018: 397]) и плачевном состоянии ухода за скотом от «достаточного досмотра» на 3-ем участке до, либо его отсутствия на 4-ом, либо положения, при котором «сказать положительно ничего нельзя» [Кабардинцы... 2018: 386] (за исключением ухода за лошадьми на продажу) на 1-ом.

3. Теснота пастбищ.

4. Плохая сортировка косяков из-за чего происходит отрицательная селекция. Сведения комиссии подтверждают как «произвольность» [Кабардинцы... 2018: 396] случки (размножения), так и оплодотворение внутри табуна без разделения по качеству.

Важно подчеркнуть, что это была комплексная, но сугубо кабардинская проблема (хотя тенденции упадка, были по всей Европейской России). Это подтверждает как высокая оценка Кодзоковым качества лошадей, купленных в Кабарде, но выращенных чеченцами и горскими жителями при «хорошем содержании» [Кодзоков 1869b: 2], так и положительный отзыв на работу коновальной школы во Владикавказе [Кодзоков 1869a: 3-4].

Того же мнения придерживаются и другие исследователи. С.И. Месяц писал, что тяжелым для скотоводства периодом стало отторжение от исторической Кабарды ее просторных земель, которые адыги «на протяжении долгих веков

оберегали от всяких попыток заселения их со стороны кого бы то ни было» [Месяц 1928: 139]. Естественным решением данного вопроса был выпас в соседних регионах. Автор ссылается на документ 1869 г. «О распределении земель Большой Кабарды»:

«Оказывается, что кроме довольно значительного количества скота, постоянно оставляемого в аульных дачах и на общественных кабардинских землях, а также на арендуемых кабардинцами земель Кумской и Государственной станиц, в степях Ставропольской губернии ежегодно пасется до 30 тысяч табунных лошадей, до 700 тысяч (вместе с малокабардинскими) овец и до 120 тысяч шт. рогатого скота»¹.

Несмотря на кризисные явления, сопровождавшие коневодство кабардинцев во второй половине XIX в., сохранялась надежда на его восстановление и адаптацию к новым социально-экономическим условиям. Осознание ценности кабардинской породы как среди местного населения, так и среди представителей российской администрации способствовало поиску путей сохранения и развития отрасли. Попытки возрождения коневодства основывались на государственном покровительстве, селекционной работе и в стремлении заинтересовать кабардинских коневодов в улучшении породы путем скачек, выставок, создания специализированного предприятия на Малке. Эти меры давали основания полагать, что, несмотря на утраты прошлого, кабардинское коневодство сможет восстановить свои лучшие качества.

70-е гг. XIX в. прошли в попытке возвращения кабардинскому коневодству его прежнего статуса. Идейное лидерство в этом вопросе принадлежало Д.С. Кодзокову, требовавшего научного подхода, как к «распространению рациональных сведений к лечению животных» [Кодзоков 1869a: 4], так и к «обильному корму, улучшению содержания и чрез примесь к нашим местным породам других, более благородных...» [Кодзоков 1869b: 3].

Во исполнение решений съезда кабардинских коневодов, в 1870 г. на левом берегу реки Малка был создан конный рассадник, одним из руководителей которого впоследствии был полковник кавалерии Эномук Маймед Сулейманович [Казаков 2008: 240]. Правительство, заинтересованное в разведении известных пород кабардинских лошадей, поддержало это намерение. В связи с этим, кавказовед В.П. Пожидаев отмечал:

«Чтобы облегчить расходы коннозаводчиков по воспитанию лошади и не лишить ее прежнего простора, правительство в 1889 г. на вечные времена утвердило за кабардинским народом богатейшие Зольские пастбища, а в 1892 г. на берегу реки Малки у Ашабовского скотопрогонного брода оно основало Ашабовские Государственные конюшни. Эти последние имели определенное значение: путем случки породистых и кровных английских производителей с местными матками поднять породу вырождающейся кабардинской лошади» [Пожидаев 1925: 58].

¹ О распределении земель Большой Кабарды // Электронный ресурс. Режим доступа: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1720-1740/Territorija_rass_kabard/21-40/36.htm (Дата обращения 26.03.25).

Несмотря на привлекательную программу, кабардинцы, в целом, не откликнулись на их открытие. Первыми коннозаводчиками, воспользовавшимися этими конюшнями были Абезиванов, Коцев, Наурузов, Атажукин. Однако, они сохраняли то, что Пожидаев называет «недоверием темного человека ко всякому новшеству, особенно если оно сопряжено еще и с расходами» [Пожидаев 1925: 59]. В результате «целых 15 лет с г. основания конюшен не было ни одного случая, чтобы сельчанин взял заводского производителя для своих маток несмотря на то, что плата за случку была всего 1 руб. 50 коп.» [Пожидаев 1925: 59]. И только в 1907 г. после решения за бесплатно дать жеребца для случки «стена недоверия рухнула» [Пожидаев 1925: 59], поскольку результат оказался блестящим. Профессор Т.Х. Кумыков, анализируя первоначальную неудачу открытия завода на Малке в 1870 г., писал, что причиной этого явления был «консерватизм кабардинских коневодов, их самоуверенность в сознании того, что их коневодство не нуждается в улучшении» [Кумыков 1985: 97]. Трудно не согласиться с такой оценкой.

Одновременно, предпринимались попытки предотвратить вырождение породы путем организации скачек и выставок. Например, депутаты Съезда доверенных Кабарды и Пяти горских обществ решили организовать народные скачки в Нальчике в честь передачи им пастбищ, на что было получено благословение Александра III [Копия с телеграммы... 1889: 1]. В 1891 г. корреспондент «Кавказа» посетил скачки во Владикавказе, организованные владикавказским скаковым обществом, одной из целью которого было «развитие и улучшение коневодства в Терской области» [Владикавказ... 1891: 3]. Этому предшествовали выставки и обсуждение вопроса о том, что «кабардинские лошади, издавна славившиеся своей выносливостью и бегом, стали вырождаться» [Владикавказ... 1891: 3]. Автор отмечает успех и «самое отрадное впечатление» от выставленных лошадей, плода смешения кабардинской породы с английской на Майкопском заводе, и при лестных отзывах в сторону горцев упрекает уже казаков в равнодушном отношении к коневодству [Владикавказ... 1891: 3]. Другое дело, что таких мероприятий было крайне мало, поэтому они и не достигли поставленной цели.

Размышляя над проблемами развития коневодства, Г.Н. Казбек подчеркивал, что «Терская область обладает всеми данными для широкого развития коневодства: она имеет свой выработанный временем тип кабардинской верховой лошади и есть надежда, что при ряде мер, принятых правительством, коневодство в Терской области сделает большие успехи» [Казбек 1888: 168].

Ряд статей 1891 г. позволяют пролить свет не только на состояние коневодства к концу века, но и всей социально-экономической обстановке в регионе.

«Терские ведомости» перепечатали заметку владикавказского корреспондента газеты «Новое Обозрение», поместив ее в колонке «К вопросу об упадке коневодства в Кабарде». Анонимный автор пишет, что еще 50 лет назад по Кабарде «бродили громадные косяки чистокровных лошадей» [К вопросу об упадке... 1891: 4], имелось много табунщиков, а в распоряжении кабардинских князей и узденей имелись огромные территории для выпаса. Автор выделяет основу того, что составляло фундамент кабардинского животноводства, а именно — бесплатный труд зависимых крестьян и бескрайние просторы княжеских земель:

«Даровые рабочие руки в лице холопов, с одной стороны, и необозримые участки самой плодородной земли и прекрасных пастбищ – с другой, послужили причиной того, что коневодство в Большой и Малой Кабарде достигло самых широких размеров, при чем в качественном отношении кабардинские лошади стояли настолько высоко, что могли соперничать с лучшими европейскими породами» [К вопросу об упадке... 1891: 4].

По словам местных жителей, в то время по Кабарде кочевало более 100 000 лошадей, что маловероятно, так как надежных сведений об этом нет. В случае неурожая и засухи кабардинцы угоняли табуны в «Осетию и Дигорию», за что местные владельцы в этих регионах пользовались разными привилегиями [К вопросу об упадке... 1891: 4].

Однако, эти времена прошли. Анализируя характер коневодства в регионе, аноним пишет о деградации «не только в количественном отношении, но и в качественном» [К вопросу об упадке... 1891: 4]. Из признаков деградации он отметил ухудшение породы, сокращение ее численности, низкий профессиональный и ветеринарный уровень обслуживания табунов. В основе данного концепта «крокодилы слезы» по временам крепостного права, когда была бесплатная рабочая сила, которая круглый год занималась табунами своих владельцев.

Факторами кризиса служат «отсутствие дешевых рабочих рук, неимение достаточного количества земли вообще и пастбищных мест в особенности, примитивность способа ухода за лошадьми, обеднение кабардинских помещиков и многие другие причины» [К вопросу об упадке... 1891: 4]. Такое положение дел коневодства Кабарды, до этого блестящего и широкого, «нанесло ему смертельный удар, вследствие чего с момента освобождения зависимых сословий Терской области названная отрасль сельского хозяйства стала быстро падать, причиняя коневодам громадные убытки» [К вопросу об упадке... 1891: 4], – заключает корреспондент.

В другой заметке этой же газеты говорится, что в «Терских ведомостях» неоднократно указывалось на усиленное и неотразимое развитие причин, влияющих на сильный упадок коневодства в области (Терской. – *И.П., П.К.*)» [К вопросу... 1891: 4]. Причинами этого процесса анонимный автор считает дробление поземельной собственности, увеличение пашенных земель за счет выпасных и развитие овцеводства. Однако, безвестный корреспондент замечает, что это естественные и нормальные причины. «Всматриваясь же ближе в это явление, приходишь, к заключению, что коневодство все-таки может быть спасено, но лишь при радикальной перемене в системе ведения его» [К вопросу об упадке... 1891: 4].

Третья заметка 1891 г. принадлежит жителю слободы Нальчик, корреспонденту «Терских ведомостей» Евгению Захаровичу Баранову. Она посвящена формам землевладения у кабардинцев, и отвечает на вопрос о количестве пастбищных владений в Кабарде, на которых пасутся кабардинские табуны. Автор отмечает, что для скота и лошадей «помимо отдельных общественных сельских выгонов, есть еще пастбищные места по р. Золке (равнина между р. Малкой и гор. Пятигорском) и в нагорной полосе, находящейся в пользовании жителей

Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ» [Баранов 1891а: 4]. То есть, Баранов фактически отрицает приводимые предшественниками факты о малоземелье в Кабарде, как причине упадка коневодства.

Приняла участие в этой дискуссии и газета «Кавказ». Анонимный корреспондент с горечью замечает, что в то время, как одни северокавказские народы поступательно идут по пути модернизации и улучшения хозяйственного быта, другие продолжают «пребывать в застое» [Хозяйственный... 1891: 2]. Отрицательным примером для него служит Кабарда. В небольшой исторической справке о славном прошлом адыгов, автор замечает, насколько бедной стала жизнь современных кабардинцев: начиная от жилищ и еды, заканчивая экономикой. «Будь эти земельные богатства в руках таких трудолюбивых хлебопашцев, как туземцы Хасав-Юртовского округа или жители Дагестанской области, то, наверное, это был бы самый богатый край в России» [Хозяйственный... 1891: 2], — отмечает корреспондент. Несмотря на то, что, по его словам, экономическая жизнь Большой и Малой Кабарды поддерживается исключительно скотоводством, «громадные земельные дачи служат в Кабарде для подножного корма конским табунам, рогатому скоту и овцам» [Хозяйственный... 1891: 2].

Кабардинское коневодство, начиная с потерь во время Кавказской войны, пишет З.А. Кожев, «пережило тяжелейший кризис» [Адыги 2022: 194]. Причины упадка отрасли во второй половине XIX века автор видит в изъятии у Кабарды северных степных пастбищных земель, беспорядочной случке кабардинских лошадей, освобождении зависимых сословий в 1867 г., «дроблении конского поголовья среди большого числа мелких владельцев, мешавшие проводить сознательную селекционную работу» [Адыги 2022: 195–196]. Эти утверждения полностью соответствуют вышеприведенным оценкам современников в периодической печати. Усиление этих негативных факторов привело к тому, что к началу XX в. наметилась тенденция к вырождению кабардинской породы. «Современные условия экономической жизни таковы, что без улучшений в хозяйстве обойтись невозможно даже на богато одаренном природою Кавказе, и кабардинцам пора подумать о возможных улучшениях в их сельском хозяйстве» [Хозяйственный... 1891: 2].

Анализ причин

В чем же заключался корень проблемы? Суммируя оценки современников, озвученные в периодике, можно сделать вывод, что основными преградами для развития коневодства служили два фактора: отсутствие достаточного количества пастбищ и отсутствие современных форм ведения хозяйства.

Рассмотрим тезис о малоземельности кабардинцев. Еще в 60-е годы XIX в. вместе с размежеванием земель между адыгами и горскими обществами поднимался вопрос о закреплении за кабардинским народом Зольских и Нагорных пастбищ, но тогда эта проблема не была решена. Во время поездки Александра III на Кавказ в 1888 г. кабардинцы вновь подали на его имя прошение «об окончательном закреплении за ними, на праве собственности, запасных пастбищных земель и лесов». При содействии начальника Терской области А.М. Смекалова, писавшего о необходимости экономического подъема народов Северного Кавказа и «особенно кабардинцев, всегда нам верно служивших и своим

конеководством приносивших и приносящих немалую пользу государству» [Кудашев 1913: 222-223], и главноначальствующего на Кавказе князя А.М. Дондукова-Корсакова этот вопрос был решен положительно для Кабарды и входящих в нее горских обществ.

В 1889 г. жителям Кабарды и пяти горских обществ было передано в «постоянное и неотъемлемое» пользование 315 383 десятин пастбищных земель и лесов [Высочайшие повеления... 1891: 1]. По данным А. Белобородова, сотрудника «Кубанских ведомостей», придерживавшегося демократических воззрений [Кузьминов 2009: 173], отмечено, что у кабардинцев было в среднем 8,37 десятин на мужчину с разбросом от 6 до 18 дес. [Белобородов 1895: 2] (для сравнения: у казаков Сунженского отд. – 14,8 дес., Пятигорского отд. – 18,2 дес., кумыков – 15,2 дес., плоскостных осетин – 5,4 дес., и в целом по области – 21,3, но в этот «виртуальный» душевой надел была включена вся площадь области, в том числе: горы, леса, болота, озера, реки и др.). Проанализировав эти цифры, автор приходит к выводу:

«О малоземелье в Кабарде все-таки не может быть речи, так как земельный недостаток с избытком может пополняться запасными землями кабардинского народа. Эти земли состоят из пастбищных и лесных угодий; их считается 197 450 дес. удоб. земли, что составляет 18,1 десятин на двор» [Белобородов 1895: 2].

Эту точку зрения ранее обосновал столоничальник Кавказского Горского управления, автор работы по земельной реформе на Северном Кавказе П.А. Гаврилов. В 1869 г. он отмечал, что «предоставляемый этому населению (кабардинцам, численность которых он оценивал не больше 34 000 человек. – И.П., П.К.) поземельный надел слишком обширен, в особенности сравнительно с поземельным наделом, который может быть предоставлен другим племенам Терской области» [Гаврилов 1869: 25]. По его мнению, Кабарда имеет право на эти обширные земли, как по историческим основаниям, так и потому что в некоторых местах почва Большой Кабарды менее плодородна, чем в других регионах Кавказа. Кроме того, кабардинцы из-за этого несут большую налоговую нагрузку, чем другие горцы. Имеем в виду введение 1 января 1866 г. на Северном Кавказе поземельной подати. Главной единицей обложения был «двор»/«дым», который, независимо от числа живущих в нем ближайших родственников, платил одинаковую сумму для данного аула. В Терской области подать варьировалась от 75 копеек до 5 рублей. Высшая норма подати была в многоземельной Кабарде. Поэтому земельная реформа не только повлияет на структуру владения землей, но и изменит хозяйственный уклад Кабарды, в частности, ее скотоводство, которое «должно уменьшиться до самых скромных размеров, постепенно уступая свое место более цивилизующим занятиям» [Гаврилов 1869: 22].

Рассмотрим позицию, согласно которой упадок коневодства вызван не нехваткой земель, а недостатком современных методов ведения хозяйства и неспособностью распоряжаться большими наделами. Несмотря на то, что «большинство землевладельцев Кабарды занимается разведением лошадей и скотоводством», Евгений Баранов отмечает, что «всей земли для этой цели, собственно говоря,

очень много, потому что у землевладельцев не так велики табуны лошадей и стада скота, чтобы число голов их простиралось до нескольких тысяч, а чаще всего оно ограничивается несколькими сотнями, а потому под пастбища и покосы должна отводиться не большая, а меньшая часть земли» [Баранов 1891b: 3].

Упадок кабардинской экономики при наличии у кабардинцев всех возможностей для ее расцвета он связывает с тем, что адыгам не достает навыков и способностей приобщиться к современным методам ведения хозяйства. В качестве примера он приводит горские общества, более рационально использующие свои немногочисленные угодья. Заклучая свои размышления, корреспондент «Терских ведомостей» пишет о неспособности кабардинских землевладельцев свыкнуться с новым временем, временем, где больше нет «дарового труда крепостных людей» [Баранов 1891b: 3]. С освобождением зависимых сословий связывает упадок и Е.Д. Максимов [Максимов 1892: 167–169], отмечая, в свою очередь, что

«упадок коневодства у кабардинских помещиков не означает такого же упадка среди массы населения. Простые кабардинцы остаются верными прадедовским обычаям и, как мы уже видели, имеют лошадей больше, чем где-либо в России» [Максимов 1892: 169].

С отсутствием опыта ведения хозяйства и аграрными реформами связывает кризис коневодства младший помощник землемера межевого управления Терской области Г.Ф. Малявкин [Матвеев 2023: 147]. Профессионально изучив поземельный вопрос, он приходит к выводу об усиливающейся дифференциации между частновладельческими хозяйствами и общинниками (дымами), об обособлении земледельцев и скотоводов. «В 60–70-х годах здесь еще свободно бродили табуны лошадей, стада баранов и коз, и каждый кабардинец считал себя владельцем того или другого участка, как только он раньше захватил его для своего пользования» [Малявкин 1891a: 3]. Конечно, это далеко не точная характеристика земельных отношений в Кабарде. Захватное право или право сильного, право трудовой заимки на основании которого распределялись земли в регионе, уходит корнями в Средневековье. В 40-е же годы XIX в. полковник Петрусевиц привел точные сведения о принадлежности земли в Кабарде отдельным дворянским и княжеским фамилиям [УЦГА АС КБР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Л. 145–162; ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 6. Д. 244. Л. 39–55]. Аграрная реформа 1863–1869 гг. положила начало складыванию новых форм частного землевладения и аульного пользования землей.

Проникновение товарно-денежных отношений в экономику Кабарды привело к тому, что, с одной стороны, «индивидуальные интересы уступают общинным и хозяйственная зажиточность, бывшая ранее принадлежностью лишь привилегированных сословий, начинает понемногу распространяться в массу населения» [Малявкин 1891b: 3], а, с другой, «богатые кабардинцы-собственники, не умея, или не желая вести самостоятельно хозяйства, сдают свою землю в аренду пришлым людям ... и тем самым становятся от них в некоторую зависимость» [Малявкин 1891b: 3]. Таким образом, увеличение фактической и правовой роли коллективных хозяйств, в частности общины, в вопросе пользования пастбищ и возможности коллективно арендовать пастбища, привело к тому, что

«частновладельческое скотоводство и коневодство падает, а взамен его развивается и улучшается общинное» [Малявкин 1891b: 3], земледелие вытесняет животноводство, поскольку оно давало устойчивую товарную продукцию.

Малявкин, в качестве аргументов о захвате земель у кабардинцев, приводит не только «неопределенность границ», но и «характер самого народа, склонный, даже в настоящее время, больше к скотоводству, чем к земледелию» [Малявкин 1891a: 3]. «Нередко и теперь можно услышать жалобы на современное земельное стеснение, причем, обыкновенно, восхваляется время, когда пользование землей было свободным» [Малявкин 1891a: 3], – таково было настроение кабардинцев, включенных в административно-территориальные рамки Терской области и столкнувшихся с необходимостью модернизации всех аспектов жизни – от социальных устоев до экономического быта.

Символическую оценку состояния коневодства второй половины XIX в. дал П.Т. Коцев на Всероссийском съезде коннозаводчиков 1910 г.:

«От громадных табунов... остались лишь воспоминания, и там, где некогда ходили тысячи гнедых лошадей, теперь лишь редкие косяки и многочисленные отары овец... Кабардинское коневодство тает; лучшей кавказской породе в недалеком будущем грозит опасность совершенного исчезновения. Кабардинцы, эти природные табунщики и лучшие ездоки, принуждены бросить дело, которое они любят, с которым сжились, которое всосалось в их плоть и кровь» [Кармов 2018: 23, 130].

В очередной раз поднимая голос за усовершенствование условий разведения кабардинской породы, за государственное субсидирование этого важного как в быту, так и в военных целях предприятия, за все то, о чем 40 лет назад писал Д. Кодзоков, Коцев подводил нелестный итог, символизирующий стратегический крах некогда проведенных реформ.

Заключение

Суммируя мнения современников, можно выделить две магистральные линии в анализе упадка коневодства в Кабарде: нехватка земель и неспособность местного населения приспособиться к новым формам хозяйства. Однако, первая причина отрицается корреспондентами периодической печати в 90-е годы XIX в. Проблема, скорее всего в традиционном мировоззрении, менталитете, неумении по-новому выстроить отрасль и тоской по прошедшим временам, с другой, формой политического лоббирования с целью присоединить к Кабарде отторгнутые от нее в ходе Кавказской войны земли, о чем сообщает С.И. Месяц. Кабардинцы, как обладатели одних из самых больших наделов в регионе, не испытывали аграрного «голода», а потому точка зрения, что в этом заключается проблема коневодства – неверна.

Оценки современников и архивные документы свидетельствуют об отсутствии в Кабарде базовых аспектов, необходимых для интенсивного разведения лошади: от ветеринарии до качества и количества кормов. После включения региона в общероссийский рынок и начала модернизационных процессов в экономике, формирования элементов капиталистического производства, начинает меняться структура и образ жизни общества: на первый план выступают те, кто

приспособился к новым условиям. Кабардинские коннозаводчики, как представители высшего класса с присущим адыгскому дворянству презрением к ручному труду, оказались выбиты из прежней колеи освобождением зависимых условий и аграрной реформой. Это привело к обнищанию и обезземеливанию многих прежних хозяйств и подъему кабардинской общины, способной не только коллективно арендовать пастбища, но и ориентироваться больше на земледелие, на рынок.

Считаем, состояние коневодства напрямую зависело от социально-экономической политики правительства как в Кабарде, так и в России. Коннозаводчики не смогли в полной мере приспособиться к новым условиям и заняться расширенным воспроизводством коневодства.

Материалы периодической печати служат ценным источником, позволяющим не только реконструировать детализацию кризиса коневодства, но и проанализировать спектр его публичных репрезентаций и восприятия различными группами населения. Обсуждение отличалось стремлением к поиску выхода из сложившейся ситуации: этап диагностики проблемы последовательно сменялся этапом поиска практических решений. Содержательное наполнение статей о проблемах коневодства демонстрирует значительный разброс: от поверхностных наблюдений и общих впечатлений, доступных даже случайному наблюдателю, до глубоких аналитических попыток осмыслить причины явления на основе имеющихся материалов и данных официальной статистики.

Особый интерес представляет анализ того, как в рамках данной дискуссии конструировался образ Кабарды как внутреннего региона империи, чьи проблемы требуют широкой огласки и оперативного вмешательства центральных властей. Данный нарратив, акцентирующий внимание не только на последствиях для региональной экономики, но и с его вниманием на социокультурное воздействие на кабардинское общество, противостоит другой, распространенной в имперской прессе парадигме, которая рассматривала Северный Кавказ как объект социально-экономической эксплуатации и колонизации. Таким образом, обсуждение экономического вопроса поднимает сложный и противоречивый характер конструирования имперской идентичности и оппозиции «свой-чужой».

Таким образом, проблема развития коневодства Кабарды во второй половине XIX в. неразрывно связана с иными вопросами, которые отражают комплексную историю региона. На основании приведенного материала можно утверждать, что коневодство, некогда составлявшее гордость кабардинского народа, во второй половине XIX в. постепенно обнажало признаки кризиса, что нашло отражение в материалах периодической печати того времени. Попытки восстановления престижа как породы, так и этой отрасли экономики, в дореволюционное время не увенчались успехом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адыги 2022 – *Адыги*: Адыгейцы, Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / отв. ред. А.Х. Абазов, Ю.Д. Анчабадзе, А.В. Кушхабиев, М.М. Паштова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Кабардино-Балкарский научный центр РАН; Адыгейский республиканский ин-т гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева – Москва: Наука, 2022. – 870 с.

- Айларова 2007 – *Айларова С.А.* Д.С. Кодзоков в 30-70-е гг. XIX в.: просветитель, реформатор, хозяйственник // Известия СОИГСИ. – 2007. – Вып. 1 (40). – С. 85-100.
- Баранов 1891a – *Баранов Е.* По вопросу о формах землевладения у кабардинцев // Терские ведомости. – 1891. – №67 (22 авг.). – С. 3-4.
- Баранов 1891b – *Баранов Е.* По поводу эксплуатации кабардинцами частновладельческих земель // Терские ведомости. – 1891. – №99 (12 дек.). – С. 3.
- Баратов 1860 – *Баратов Т.Г.* О природе и хозяйстве Кабарды // Кавказ. – 1860. – №73 (18 сент.). – С. 431.
- Батыров 2010 – *Батыров В.В.* Калмыцкое коневодство и военная реформа Д.А. Милютина в конце XIX – начале XX в. // Oriental Studies. – 2010. – №3 (1). – С. 65-66.
- Белобородов 1895 – *Белобородов А.* Землевладение в Терской области // Терские ведомости. – 1895. – №107 (10 сент.). – С. 2.
- Владикавказ... 1891 – *Владикавказ* (от собст. корр.) // Кавказ. – 1891. – №131 (19 мая). – С. 3.
- Военно-конская перепись 1891 – *Военно-конская перепись* 1891 года. – СПб: Центр. стат. ком. Мин-ва внутр. дел, 1894. – 149 с.
- Высочайшие повеления... 1891 – *Высочайшие повеления.* О порядке пользования кабардинцами и сопредельными с ними пятью горскими обществами, предоставленными им в постоянное пользование пастбищными землями и лесными угодьями // Терские ведомости. – 1891. – №82 (13 окт.). – С. 1.
- Гаврилов 1869 – *Гаврилов П.А.* Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // ССКГ. – 1869. Вып. 2. Отд. 7. – С. 3-64.
- Грегори 2003 – *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. – Москва: РОССПЭН, 2003. – 256 с.
- Думанов 2009 – *Думанов З.Б.* К вопросу истории коневодства в Кабарде // Современные гуманитарные исследования. – 2009. – №5 (30). – С. 25-28.
- К вопросу об упадке... 1891 – *К вопросу об упадке* коневодства в Кабарде // Терские ведомости. – 1891. – №80 (6 окт.). – С. 3-4.
- К вопросу... 1891 – *К вопросу* о коневодстве в Терской области // Терские ведомости. – 1891. – №2 (6 янв.). – С. 4.
- Кабардинцы... 2018 – *Кабардинцы:* факты истории в архивных документах и материалах. Краткая энциклопедия / Автор-составитель С.Н. Бейтуганов. – Нальчик: Эльбрус, 2018. – 944 с.
- Казаков 2008 – *Казаков А.В.* Генерал Маймед Эномук – первый руководитель малкинского конезавода // Вестник КБИГИ. № 15. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2008. – С. 238-244.
- Казбек 1888 – *Казбек Г.Н.* Военно-статистическое описание Терской области: Ч. 1-2. – Тифлис: Отд. ген. штаба Кавк. воен. окр., 1888. – 412 с.
- Калоев 1993 – *Калоев Б.А.* Скотоводство народов Северного Кавказа (с древнейших времен до начала XX века). – Москва: Наука, 1993. – 231 с.
- Кармов 2018 – *Кармов А.Х.* Пшемахо Коцев – общественно-политический и государственный деятель Северного Кавказа. – Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 167 с.
- Клапрот 2008 – *Юлиус Клапрот.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик: Эль-Фа, 2008. – 317
- Ковальченко, Милов 1974 – *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX в. Опыт количественного анализа. – Москва: Наука, 1974. – 399 с.
- Кодзоков 1869a – *Кодзоков Д.* Несколько слов о коновальной школе // Терские ведомости. – 1869. – №3 (15 янв.). – С. 3-4.
- Кодзоков 1869b – *Кодзоков Д.* Заметка о кавказском коневодстве // Терские ведомости. – 1869. – №10 (5 марта). – С. 2-3.

Конские заводы... 1896 – *Конские заводы* Европейской России, Кавказа и Тургайской области и исторический очерк их развития: С карт. распределения пород, з-дов и табунов / Сост. Дм. Дубенский, под ред. И.К. Мердера. – СПб: Воен. тип., 1896. – 306 с.

Копия с телеграммы... 1889 – *Копия с телеграммы* генерал-адъютанта князя Дондукова-Корсакова военному министру от 25-го июня 1889 г., из Карса // Петербургский листок. – 1889. – №180 (5 июля). – С. 1.

Кудашев 1913 – *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. – Киев: Тип-лит. «С.В. Кульженко», 1913. – 283 с.

Кузьминов 2009 – *Кузьминов П.А.* Эпоха реформ 50–70-х годов XIX в. у народов Северного Кавказа. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2009. – 236 с.

Кузьминов 2024 – *Кузьминов П.А.* Роль периодической печати в становлении кавказоведения // Современное историческое и филологическое кавказоведение: состояние, проблемы, перспективы. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию ИИАЭ-ИЯЛИ ДФИЦ РАН. Часть I. – Махачкала: ИИАЭ ДФИЦ РАН; Издательство АЛЕФ, 2024. – С. 166–170.

Кумыков 1985 – *Кумыков Т.Х.* Дмитрий Кодзоков. – Нальчик: Эльбрус, 1985. – 177 с.

Максимов 1892 – *Максимов Е.Д.* Туземцы Северного Кавказа. Вып. 1. Осетины. Ингуши. Кабардинцы. – Владикавказ: Типография областного правления Терской области, 1892. – 187 с.

Малявкин 1891a – *Малявкин Г.* Очерк общинного землевладения в Кабарде // Терские ведомости. – 1891. – №86 (27 окт.). – С. 1-2.

Малявкин 1891b – *Малявкин Г.* Очерк общинного землевладения в Кабарде // Терские ведомости. – 1891. – №96 (1 дек.). – С. 3.

Матвеев 2023 – *Матвеев О.В.* Из кавказоведческого наследия Г.Ф. Малявкина // Научная мысль Кавказа. – 2023. – № 4. – С. 147–155.

Мельникова 2024 – *Мельникова Д.А.* Крестьянское коневодство Российской империи во второй половине XIX — начале XX века: историографический аспект // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. – 2024. – № 1. – С. 72-83.

Месяц 1928 – *Месяц С.И.* Население и землепользование Кабарды. – Воронеж: издание Обл. исп. Ком Кабардино-Балкарской авт. области, 1928. – 191 с.

Миронов 2012 – *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. – Москва: Издательство «Весь мир», 2012. – 844 с.

Мужев 1965 – *Мужев И.Ф.* Горцы Северного Кавказа в период империализма (социально-экономический очерк). – Нальчик: Кабардино-Балкарский ун-т, 1965. – 92 с.

Островский 2016 – *Островский А.В.* Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX – начало XX в. – Москва: Тов-во КМК, 2016. – 431 с.

Пожидаев 1925 – *Пожидаев В.П.* Хозяйственный быт Кабарды: (историко-этнографический очерк). – Воронеж: типография Обл. ред.-изд. ком, 1925. – 106 с.

Потто 2006 – *Потто В.А.* Кавказская война. В 5 т. – Москва: Центрполиграф, 2006. Т. 1. – 528 с.

Самойлова 2010 – *Самойлова Е.Н.* Введение военно-конской повинности в России // Наука и современность. Новосибирск, 2010. № 5 (1). – С. 152-156.

Сборник... 1917 – *Сборник* статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. – Пг., 1917. – 503 с.

Статистические... 1890 – *Статистические* таблицы населенных мест Терской области. В 2 т. – Владикавказ, 1890-1891. Т. 2. Вып.5.: Нальчикский округ, 1890. – 69 с.

Терский... 1893 – *Терский* календарь на 1894 г. Вып. 3. Отд. II. – Владикавказ: Тип. Терского обл. стат.ком-та, 1893. – 286 с.

Терский... 1895 – *Терский* календарь на 1896 г. Вып. 5. – Владикавказ: Тип. Терского обл. правл., 1895. – 426 с.

Терский... 1899 – *Терский* календарь на 1900 г. Вып. 9. – Владикавказ: Тип. Терского обл. правл., 1899. – 190 с.

Урусов 1908 – *Урусов С.П.* Краткий очерк положения коневодства в России // Ежегодник ГУЗЗ по ДЗ и Лесному департаменту. 1908 г. – СПб.: Типография В.Ф. Киришбаума, 1909. – 581 с.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального Государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

Хозяйственный... 1891 – *Хозяйственный* быт на Кавказе (особенности кабардинцев) // Кавказ. – 1891. – № 342 (29 дек.). – С. 2-3.

Христианович 1926 – *Христианович В.П.* Сельскохозяйственные районы Кабарды. – Воронеж: Издание ЦИКа Кабардино-Балкарской авт. области. – 213 с.

Хуранов 2011 – *Хуранов Ш.Ш.* Труды. Исследования и материалы. – Черкесск, 2011. – 435 с.

ЦГА РСО-Алания – *Центральный* государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

REFERENCES

Adygi: Adygeitsy. Kabardintsy. Cherkesy. Shapsugi [Adyghes: Adyghes. Kabardian. Circassians. Shapsugi] / Edited by A.Kh. Abazov, Yu.D. Anchabadze, A.V. Kushkhabiev, M.M. Pashtova. – Moscow: Nauka, 2022. – 870 p. (In Russ.).

AILAROVA S.A. *D.S. Kodzokov v 30-70-e gg. XIX veka: prosvetitel', reformator, khozyaistvennik* [D.S. Kodzokov in the 30s–70s of the 19th century: Educator, Reformer, Economist]. IN: *Izvestiya SOIGSI*. – 2007. – Vyp. 1 (40). – P. 85-100. (In Russ.).

BARANOV E. *Po povodu ekspluatatsii kabardintsami chastnovladel'cheskikh zemel'* [On the exploitation of privately owned lands by the Kabardians] // IN: *Terskie vedomosti*. – 1891. – №99 (12 dek.). – P. 3. (In Russ.).

BARANOV E. *Po voprosu o formakh zemlevladieniya u kabardintsev* [On the issue of land tenure forms among the Kabardians]. IN: *Terskie vedomosti*. – 1891. – №67 (22 avg.). – P. 3-4. (In Russ.).

BARATOV T.G. *O prirode i khozyaistve Kabardy* [On the nature and economy of Kabarda]. IN: *Kavkaz*. – 1860. – №73 (18 sent.). – P. 431. (In Russ.).

BATYROV V.V. *Kalmytskoe konevodstvo i voennaya reforma D.A. Milyutina v kontse XIX – nachale XX v.* [Kalmyk horse breeding and D.A. Milyutin's military reform in the late 19th – early 20th centuries]. IN: *Oriental Studies*. – 2010. – №3 (1). – P. 65-66. (In Russ.).

BELOBORODOV A. *Zemlevladieniye v Terskoi oblasti* [Land tenure in the Terek region]. IN: *Terskie vedomosti*. – 1895. – №107 (10 sent.). – P. 2. (In Russ.).

Central'nyy gosudarstvennyy arhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya [Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania]. (In Russ.).

Dumanov Z.B. *K voprosu istorii konevodstva v Kabarde* [To the question of the history of horse breeding in Kabarda]. IN: *Sovremennye gumanitarnye issledovaniya*. – 2009. – №5 (30). – P. 25-28. (In Russ.).

GAVRILOV P.A. *Ustroistvo pozemel'nogo byta gorskikh plemen Severnogo Kavkaza* [The organization of land tenure among the mountain peoples of the North Caucasus]. IN: *SSKG*. – 1869. Vyp. 2. Otd. 7. – P. 3-64. (In Russ.).

GREGORI P. *Ekonomicheskii rost Rossiiskoi imperii (konets XIX – nachalo XX v.): Novye podschety i otsenki*. [Economic growth of the Russian Empire (late 19th – early 20th centuries): New calculations and estimates]. – Moscow: ROSSPEN, 2003. – 256 p. (In Russ.).

K voprosu o konevodstve v Terskoi oblasti [On the issue of horse breeding in the Terek region]. IN: *Terskie vedomosti*. – 1891. – №2 (6 yanv.). – P. 4. (In Russ.).

K voprosu ob upadke konevodstva v Kabarde [On the decline of horse breeding in Kabarda]. IN: *Terskie vedomosti*. – 1891. – №80 (6 okt.). – P. 3-4. (In Russ.).

Kabardintsy: fakty istorii v arkhivnykh dokumentakh i materialakh. Kratkaya entsiklopediya [Kabardians: Historical facts in archival documents and materials. A concise encyclopedia] / Edited by S.N. Beituganov. – Nal'chik: El'brus, 2018. – 944 p. (In Russ.).

KALOEV B.A. *Skotovodstvo narodov Severnogo Kavkaza (s drevneishikh vremen do nachala XX veka)* [Livestock breeding among the peoples of the North Caucasus (from ancient times to the early 20th century)]. – Moscow: Nauka, 1993. – 231 p. (In Russ.).

KARMOV A.KH. *Pshemakho Kotsev – obshchestvenno-politicheskii i gosudarstvennyi deyatel' Severnogo Kavkaza* [Pshemakho Kotsev – a socio-political and state figure of the North Caucasus]. – Nal'chik: IGI KBNTs RAN, 2018. – 167 p. (In Russ.).

KAZAKOV A.V. *General Maimed Enomuk – pervyi rukovoditel' malkinskogo konezavoda* [General Maymed Enomuk – the first head of the Malka horse farm]. IN: Vestnik KBIGI. № 15. – Nal'chik: GP KBR «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.», 2008. – P. 238-244. (In Russ.).

KAZBEK G.N. *Voenno-statisticheskoe opisanie Terskoi oblasti: Ch. 1-2.* [Military-statistical description of the Terek region: Parts 1–2] – Tiflis: Otd. gen. shtaba Kavk. voen. okr., 1888. – 412 p. (In Russ.).

Khozyaistvennyi byt na Kavkaze (osobennosti kabardintsev) [Economic life in the Caucasus (peculiarities of the Kabardians)]. IN: Kavkaz. – 1891. – № 342 (29 dek.). – P. 2-3. (In Russ.).

KHRISTIANOVICH V.P. *Sel'skokhozyaistvennye raiony Kabardy* [Agricultural regions of Kabarda] – Voronezh: Izdanie TsIKa Kabardino-Balkarskoi avt. oblasti. – 213 p. (In Russ.).

KHURANOV SH.SH. *Trudy. Issledovaniya i materialy* [Works. Research and materials] – Cherkessk, 2011. – 435 p. (In Russ.).

KODZOKOV D. *Neskol'ko slov o konoval'noi shkole* [A few words about the farrier school]. IN: Terskie vedomosti. – 1869. – №3 (15 yanv.). – P. 3-4. (In Russ.).

KODZOKOV D. *Zametka o kavkazskom konevodstve* [A note on Caucasian horse breeding]. IN: Terskie vedomosti. – 1869. – №10 (5 marta). – P. 2-3. (In Russ.).

Konskie zavody Evropeiskoi Rossii, Kavkaza i Turgaiskoi oblasti i istoricheskii ocherk ikh razvitiya: S kart. raspredeleniya porod, z-dov i tabunov [Horse farms of European Russia, the Caucasus and the Turgai region and a historical outline of their development: With a map of the distribution of breeds, farms and herds] / Edited by Dm. Dubenskii and I.K. Merder. – Saint-Petersburg: Voen. tip., 1896. – 306 p. (In Russ.).

Kopiya s telegrammy general-ad'yutanta knyazya Dondukova-Korsakova voennomu ministru ot 25-go iyunya 1889 g., iz Karsa [Copy of telegram from Adjutant General Prince Dondukov-Korsakov to the Minister of War dated June 25, 1889, from Kars]. IN: Peterburgskii listok. – 1889. – №180 (5 iyulya). – P. 1. (In Russ.).

KOVAL'CHENKO I.D., MILOV L.V. *Vserossiiskii agrarnyi rynek. XVIII – nachalo XX v. Opyt kolichestvennogo analiza* [The all-Russian agrarian market. 18th – early 20th centuries. An attempt at quantitative analysis]. – Moscow: Nauka, 1974. – 399 p. (In Russ.).

KUDASHEV V.N. *Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode* [Historical information about the Kabardian people]. – Kiev: Tip-lit. «S.V. Kul'zhenko», 1913. – 283 p. (In Russ.).

KUMYKOV T.KH. *Dmitrii Kodzokov* [Dmitry Kodzokov]. – Nal'chik: El'brus, 1985. – 177 p. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A. *Epokha reform 50–70-kh godov XIX veka u narodov Severnogo Kavkaza* [The era of reforms of the 1850s–1870s among the peoples of the North Caucasus]. – Nal'chik: Kab.-Balk. un-t, 2009. – 236 p. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A. *Rol' periodicheskoi pechati v stanovlenii kavkazovedeniya* [The role of periodicals in the development of Caucasian studies]. IN: Sovremennoe istoricheskoe i filologicheskoe kavkazovedenie: sostoyanie, problemy, perspektivy. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu IIAE-IYaLI DFITs RAN. Chast' I. – Makhachkala: IIAE DFITs RAN; Izdatel'stvo ALEF, 2024. – P. 166–170. (In Russ.).

MAKSIMOV E.D. Tuzemtsy Severnogo Kavkaza. Vyp. 1. Osetiny. Ingushi. Kabardintsy [Natives of the North Caucasus. Historical and statistical essays. Issue 1: Ossetians, Ingush, Kabardians]. – Vladikavkaz: Tipografiya oblastnogo pravleniya Terskoi oblasti, 1892. – 187 p. (In Russ.).

MALYAVKIN G. *Ocherk obshchinnogo zemlevladieniya v Kabarde* [Essay on communal land tenure in Kabarda]. IN: Terskie vedomosti. – 1891. – №86 (27 okt.). – С. 1-2. (In Russ.).

MALYAVKIN G. *Ocherk obshchinnogo zemlevladieniya v Kabarde* [Essay on communal land tenure in Kabarda]. IN: Terskie vedomosti. – 1891. – №96 (1 dek.). – С. 3. (In Russ.).

MATVEEV O.V. *Iz kavkazovedcheskogo naslediya G.F. Malyavkina* [From the Caucasian studies heritage of G.F. Malyavkin]. IN: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2023. – № 4. – P. 147–155. (In Russ.).

MEL'NIKOVA D.A. *Krest'yanskoe konevodstvo Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka: istoriograficheskii aspekt* [Peasant Horse Breeding in the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Century: Historiographical Aspect]. IN: Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. – 2024. – № 1. – P. 72-83.

MESYATS S.I. *Naselenie i zemlepol'zovanie Kabardy* [Population and land use in Kabarda]. – Voronezh: izdanie Obl. isp. Kom Kabardino-Balkarskoi avt. oblasti, 1928. – 191 p. (In Russ.).

MIRONOV B.N. *Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoi Rossii: XVIII – nachalo XX veka* [Welfare of the population and revolutions in imperial Russia: 18th – early 20th centuries] – Moskva: Izdatel'stvo «Ves' mir», 2012. – 844 p. (In Russ.).

MUZHEV I.F. *Gortsy Severnogo Kavkaza v period imperializma (sotsial'no-ekonomicheskii ocherk)* [The mountaineers of the North Caucasus during the imperial period]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskii un-t, 1965. – 92 p. (In Russ.).

OSTROVSKII A.V. *Rossiiskaya derevnya na istoricheskom pereput'e. Konets XIX – nachalo XX v.* [The Russian village at a historical crossroads. Late 19th – early 20th centuries]. – Moscow: Tov-vo KMK, 2016. – 431 p. (In Russ.).

POTTO V.A. *Kavkazskaya voina. V 5 t.* [The Caucasian War. In 5 volumes]. – Moscow: Tsentrpoligraf, 2006. V. 1. – 528 p. (In Russ.).

POZHIDAEV V.P. *Khozyaistvennyi byt Kabardy: (istoriko-etnograficheskii ocherk)* [The economic life of Kabarda: (a historical and ethnographic essay)]. – Voronezh: tipografiya Obl. red.-izd. kom, 1925. – 106 p. (In Russ.).

SAMOILOVA E.N. *Vvedenie voenno-konskoi povinnosti v Rossii* [The introduction of military horse conscription in Russia]. IN: Nauka i sovremennost'. Novosibirsk, 2010. № 5 (1). – P. 152-156. (In Russ.).

Sbornik statistiko-ekonomicheskikh svedenii po sel'skomu khozyaistvu Rossii i inostrannykh gosudarstv [Collection of statistical and economic data on agriculture in Russia and foreign countries. Tenth year]. God desyaty. – Pg., 1917. – 503 p. (In Russ.).

Statisticheskie tablitsy naseleennykh mest Terskoi oblasti. V 2 t. [Statistical tables of populated places in the Terek region. In 2 volumes]. – Vladikavkaz, 1890-1891. T. 2. Vyp.5.: Nal'chikskii okrug, 1890. – 69 p. (In Russ.).

Terskii kalendar' na 1894 g. Vyp. 3. Otd. II. [Terek calendar for 1894. Issue 3. Part II]. – Vladikavkaz: Tip. Terskogo obl. stat.kom-ta, 1893. – 286 p. (In Russ.).

Terskii kalendar' na 1896 g. Vyp. 5. [Terek calendar for 1896. Issue 5]. – Vladikavkaz: Tip. Terskogo obl. prav., 1895. – 426 p. (In Russ.).

Terskii kalendar' na 1900 g. Vyp. 9. [Terek calendar for 1900. Issue 9]. – Vladikavkaz: Tip. Terskogo obl. prav., 1899. – 190 p. (In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo Gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Administration of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

URUSOV S.P. *Kratkii ocherk polozheniya konevodstva v Rossii* [A brief overview of the state of horse breeding in Russia]. IN: Ezhegodnik GUZZ po DZ i Lesnomu departamentu. 1908 g. – Saint-Petersburg: Tipografiya V.F. Kirshbauma, 1909. – 581 p. (In Russ.).

Vladikavkaz (ot sobst. korr.) [Vladikavkaz (from own correspondent)]. In: Kavkaz. – 1891. – №131 (19 maya). – P. 3. (In Russ.)

Voenno-konskaya perepis' 1891 goda [Military horse census of 1891]. – Saint-Petersburg: Tsentr. stat. kom. Min-va vnutr. del, 1894. – 149 p. (In Russ.).

Vysochaishie poveleniya. O poryadke pol'zovaniya kabardintsami i sopredel'nymi s nimi py-at'yu gorskimi obshchestvami, predostavlennymi im v postoyannoe pol'zovanie pastbishchnymi zemlyami i lesnymi ugod'yami [Imperial decrees. On the procedure for the Kabardians and the adjacent five mountain societies to use the pasture lands and forest areas granted to them for permanent use]. IN: Terskie vedomosti. – 1891. – №82 (13 okt.). – P. 1. (In Russ.).

YULIUS KLAPROT. *Opisanie poezdok po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 godakh* [Description of travels in the Caucasus and Georgia in 1807 and 1808]. Nal'chik: El'-Fa, 2008. – 317 p. (In Russ.).

Информация об авторах

И.В. Паштов – аспирант.

П.А. Кузьминов – доктор исторических наук, профессор.

Information about the authors

I.V. Pashtov – Postgraduate student.

P.A. Kuz'minov – Doctor of Science (History), Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.06.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 19.06.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

Научная статья
УДК 930+93/94
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-333-348
EDN: RIWVIL

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КАБАРДИНСКОМ (НАЛЬЧИКСКОМ) ОКРУГЕ В ОТРАЖЕНИИ ГАЗЕТЫ «КАВКАЗ» (1860–1910-Е ГОДЫ)

Дмитрий Николаевич Прасолов

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, dmprsolov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0026-1262>

Аннотация. В статье рассматриваются материалы периодической печати, опубликованные газетой «Кавказ», в которых нашли отражение сведения об интеграционных процессах в Кабардинском (Нальчикском) округе. Обращение к теме обусловлено работой Ю.М. Азиковой, опубликованной в № 2 ЭЖ «Кавказология» за 2024 г., и посвященной исследованию статей главной газеты Кавказского края о некоторых аспектах социально-пространственного единства Кабарды и Балкарии. Используемый в нем корпус источников периодической печати представляется недостаточно репрезентативным для раскрытия заявленной темы. В данной статье уточняется содержательная ценность материалов газеты «Кавказ», которые были упомянуты, но не интерпретированы должным образом, с учетом их информативного потенциала, иллюстрирующего интеграционные функции кавказских властей и совместного самоуправления кабардинцев и балкарцев. Предложенное расширение круга используемых газетных материалов позволяет обратиться к анализу более разнообразных тенденций общественно-государственного и межнационального взаимодействия. Рассмотренные публикации углубляют и расширяют возможности реализации информационного потенциала газеты «Кавказ» как важного источника периодической печати по процессам социокультурной интеграции в Кабардинском (Нальчикском) округе во второй половине XIX – начале XX в.

Ключевые слова: газета «Кавказ», кабардинцы, балкарцы, Кабардинский округ, Нальчикский округ, интеграция, великий князь Михаил Николаевич, А.М. Дондуков-Корсаков

Для цитирования: Прасолов Д.Н. Интеграционные процессы в Кабардинском (Нальчикском) округе в отражении газеты «Кавказ» (1860–1910-е годы) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 333–348. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-333-348. EDN: RIWVIL.

© Прасолов Д.Н., 2025

Original article

INTEGRATION PROCESSES IN THE KABARDIAN (NALCHIK) DISTRICT AS REFLECTED IN THE NEWSPAPER «CAUCASUS» (1860–1910)

Dmitry N. Prasolov

Institute for Humanitarian studies – branch Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, dmprsolov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0026-1262>

Abstract. The article examines materials published in the newspaper Kavkaz, which reflect information about integration processes in the Kabardian (Nalchik) district. The topic is addressed in response to the work of Yu.M. Azikova, published in Kavkazologiya No. 2 for 2024, which is devoted to the study of the reflection in the pages of the main newspaper of the Caucasus region of aspects of the socio-spatial unity of Kabarda and Balkaria. The corpus of periodical press sources used in it does not seem to be sufficiently representative to reveal the stated topic. This article clarifies the substantive value of the materials from the Kavkaz newspaper that were mentioned but not properly interpreted, considering their informative potential, which illustrates the integrative functions of the Caucasian authorities and the joint self-government of the Kabardians and Balkarians. The proposed expansion of the range of newspaper materials used allows us to turn to the study of more diverse trends in public-state and inter-community interaction. The publications under consideration deepen and expand the possibilities for realizing the informational potential of the Kavkaz newspaper as an important source of periodicals on the processes of sociocultural integration in Kabardino (Nalchik District) in the second half of the 19th and early 20th centuries.

Keywords: Kavkaz newspaper, Kabardians, Balkars, Kabardian district, Nalchik district, integration, Grand Duke Mikhail Nikolaevich, A.M. Dondukov-Korsakov

For citation: Prasolov D.N. Integration processes in the Kabardian (Nalchik) district as reflected in the newspaper «Caucasus» (1860–1910). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 333–348. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-333-348. EDN: RIWVIL.

© Prasolov D.N., 2025

Предлагаемая работа является откликом на исследование Ю.М. Азиковой, опубликованное в предыдущем номере ЭЖ «Кавказология» [Азикова 2025: 115–139], в котором публикации в газете «Кавказ» рассматриваются как источник для изучения интеграционных процессов с участием кабардинцев и балкарцев. Основным подходом к интерпретации региональных интеграционных процессов автором была избрана продуктивная обобщающая концепция А.Х. Борова, в которой устойчивость и воспроизводство институционализированного интер-социального взаимодействия кабардинцев и балкарцев объясняется прежде всего «взаимоприемлемым порядком» совместного хозяйственного землепользования, основанного на «обоюдно принятых и взаимовыгодных» условиях [Азикова 2025: 117].

В современной литературе предлагаются и другие интерпретации исторических аспектов интеграции кабардинцев и балкарцев, дополняющие и конкретизирующие этот процесс. В масштабном ретроспективном исследовании истории земельного вопроса в Кабардино-Балкарии И. Ланцилотти обосновал концепцию несимметричных симбиотических отношений Кабарды и балкарских обществ, которые сложились до включения в состав Российской империи, и в основном сохранили устойчивость в последующем развитии региона. Он находит подтверждения, что, после окончательного включения Центрального Предкавказья в административно-политическую систему российского государства «не видя стратегического преимущества в прекращении симбиотических отношений между кабардинскими и балкарскими сообществами, царские, а затем и советские администраторы признали Кабарду и пять горских обществ как единую экономическую систему и проводили политику, которая еще больше объединяла эти сообщества» [Lanzillotti 2022: 5–6]. Впоследствии «в дополнение к укреплению

национальной и советской идентификации, советское государство создало и продвигало промежуточную, наднациональную, кабардино-балкарскую идентичность» [Lanzillotti 2022: 7].

Дополнительные подтверждения тому, что интеграционные тенденции направлялись и оформлялись российской государственной системой, а также освещались официальной региональной прессой еще в поздний имперский период сформулированы в обобщающем исследовании Съездов доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ. В нем показано, что их деятельность во второй половине XIX – начале XX в. позволяла средствами окружной администрации и самобытного самоуправления согласовывать и интегрировать интересы различных этнических сообществ. Регулярное обсуждение и практические решения доверенными сельских обществ по поземельным, хозяйственным, общественно-финансовым, административно-политическим, просветительским вопросам сформировали предпосылки модернизации их локальной политической традиции, заложив основы советской государственности Кабардино-Балкарии [Прасолов 2022: 132–152].

В результатах своего исследования Ю.М. Азикова приходит к выводу, что характеризуя некоторые аспекты жизнедеятельности кабардинцев и балкарцев, газета «Кавказ» показывала «географическую связанность двух народов, а затем административное оформление их интеграции в рамках Кабардинского/Нальчикского округа как социально-пространственной единицы российского государства» [Азикова 2025: 129]. И даже при изменениях «устоявшегося порядка интер-социального взаимодействия... в материалах газеты отображалось прочное удержание каждым из двух народов контроля над своим субпространством и ассимиляционных процессов не наблюдалось» [Азикова 2025: 129]. Обсуждение этого не бесспорного тезиса заслуживает отдельной работы. Если сменить исследовательскую оптику на выявление интеграционных связей, трудно не заметить их значительную эволюцию (углубление, расширение и интенсификацию) в проекции горизонтальных взаимодействий, обеспеченных условиями, заданными российской административной системой и, прежде всего, сопутствующей ей регулярной практикой съездов доверенных. Однако в работе Ю.М. Азиковой о функционировании данного института не упоминается вообще, даже несмотря на описание его деятельности в рассмотренных ею же материалах газеты «Кавказ». Уточнив эти сюжеты, приведем также материалы, которые не были включены в обсуждаемую статью.

В итоге обобщающие выводы, сформулированные в аннотации и заключении статьи Ю.М. Азиковой, оказались глубже содержания того корпуса источников, которые были привлечены для их обоснования. В силу ограниченности привлечённой источниковой базы и современной историографии оценка значимости газеты «Кавказ» осталась фрагментированной, упускающей существенные детали, иллюстрирующие разнонаправленность интеграционных процессов с участием кабардинцев и балкарцев. Не отрицая актуальности и обеспеченности обсуждаемой темы репрезентативными источниками, при этом не претендуя на ее исчерпывающее исследование, рассмотрим некоторые аспекты

интеграционных процессов, иллюстрируемые публикациями газеты «Кавказ», но не акцентированные Ю.М. Азиковой.

Об интеграционных тенденциях в хозяйственном развитии кабардинцев и балкарцев в статье Ю.М. Азиковой говорится неоднократно, но их аргументация публикациями «Кавказа» ограничивается их перечислением либо краткой характеристикой нескольких материалов. Для выявления динамики до- и пореформенного хозяйственного быта представляют интерес экономические очерки Ставропольской губернии, в которых излагались сведения об основных отраслях хозяйства кабардинцев и включенности их в товарный обмен с народами Центрального Кавказа [Краткий... 1848: № 20, 21], а также отмечались преимущества и потенциальная востребованность кабардинских лошадей на Горячеводской ярмарке [Д-с И. 1848].

Отметив на основании статьи 1891 г. предприимчивость Х. Урусбиева в организации сыроварни по швейцарской технологии [Азикова 2025: 125], Ю.М. Азикова обошла вниманием, что «Кавказ» ранее и более подробно писал о развитии этого новаторского предприятия. В сентябре 1887 г. сообщалось о возобновлении в местечке Хаюко работы сыроварни братьев Урусбиевых, десятью годами ранее вынужденно прервавшей свою деятельность из-за чумы, приведшей к падежу 200 голов молочного скота. До этих драматических обстоятельств выпускаемые здесь сыры «успели в течение трех лет завоевать себе довольно почетное место во Владикавказе, Пятигорске и некоторых других городах» [Из Нальчика... 1887]. На момент выхода газетного материала А. Урусбиев «выстроил недавно особое каменное здание с различными приспособлениями для сыроварения и... с июля месяца начата выделка сыров под руководством Х. Урусбиева» [Из Нальчика... 1887]. В декабре 1888 г. уже отмечалось, что «крупные помещики – братья князя Урусбиевы... открыли у себя сыроделательный завод... перетерпевший массу невзгод... в настоящее время г. Урусбиев поехал в Тифлис с образцами своих сыров и, говорят, намерен хлопотать там об учреждении в нашем округе школы рационального молочного хозяйства» [Из Нальчика... 1888]. Посещение в ходе поездки по Баксанскому ущелью сыроварни позволило Е. Баранову составить личное впечатление о качествах сыра предприятия Урусбиевых, который «хотя и уступал настоящему швейцарскому, но далеко превосходил сыры местного производства своим ароматом и приятным вкусом» [И.З. 1891: 2].

Газетные материалы о кабардино-балкарских поземельных отношениях [Азикова 2025: 126–128] дополняет серия публикаций К. Красницкого 1865 г., где раскрывались интеграционные связи осетинских обществ с Кабардой. Они были обусловлены совместным, прежде всего пастбищным, землепользованием под покровительством кабардинских князей, отражая типологически близкую по характеру и содержанию картину межобщинных взаимодействий, которые связывали Кабарду и балкарские горские общества [Красницкий 1865: № 31. 186–187. № 33. С. 186–187].

Последствием интеграционного импульса, инициированного российским государством, стало освобождение на Кавказе зависимых сословий. В апреле 1867 г. «Кавказ» приветствовал «замечательный факт, который, без сомнения,

займет одно из самых видных мест в истории Кавказа» – «освобождение в Кабарде около двадцати тысяч крепостных», выражая уверенность, что «пример кабардинцев, как передового народа между туземцами, которые всегда и во всем подражали им, повлечет за собой повсеместное освобождение крепостных на Кавказе» [С... 1867]. В юбилейном материале к 25-летию этого события Е. Максимов, сожалея, что событие «почти не привлекает внимания ни органов прессы, ни ученых деятелей», отмечал, что оно в сравнении с крестьянской реформой в России, «имело в жизни края не меньшее, а очень вероятно, что и большее значение» [Максимов 1892: 2]. Статья, значительной частью своего объема посвященная Кабарде, представляла тематический обзор, основанный на извлечениях из обстоятельного статистико-экономического очерка Е. Максимова о кабардинцах, изданного в том же году в Терском сборнике. Актуализируя внимание на последствиях отмены крепостного права, автор отметил не завершенное переходное состояние общества в новых условиях хозяйствования и общественного землепользования, выразив обоснованные надежды на «прочное и значительное благосостояние освобожденного от рабства и крепостной зависимости кабардинского народа, при котором уже немыслима будет бесхозяйственность целых тысяч домохозяев» [Максимов 1892: 3].

Публикации газеты «Кавказ» неоднократно освещали события, выступавшие этапами выстраивания прямых отношений высшей российской власти с населением края. В официальных мероприятиях при посещении Кабарды, а впоследствии Кабардинского (Нальчикского) округа, соблюдался типичный верноподданнический сценарий власти, а в его региональной репрезентации символически учитывалась совместная субъектность интегрированного сообщества кабардинцев и балкарцев.

После вторжения в апреле 1846 г. Шамиля в Кабарду, в начале мая Главнокомандующий Кавказской армией и наместник императора на Кавказе князь М.С. Воронцов посетил Нальчик. «Кавказ» описывал событие словами из письма очевидца:

«Явились к нему все кабардинские князья и уздени как оставшиеся в своих домах и сохранившие во все время в своих аулах совершенную тишину и покорность, так и те, которые находясь на пути следования Шамиля, должны были быть с ним, но не участвовали ни в каких против нас действиях; не явились только главные виновники, призывавшие Шамиля в Кабарду, обещая вооружиться... Пробыв три дня в Нальчике Главнокомандующий отправился в Екатериноград, конвоируемый теми же самыми кабардинцами, которых Шамиль считал своими приверженцами» [Письмо... 1846].

В конце октября – начале ноября 1863 г. новый кавказский наместник младший брат Александра II великий князь Михаил Николаевич посетил Кабардинский округ в ходе поездки по Терской области. В официальном сообщении «Кавказа» в подробностях и весьма живописно освещались главные этапы встречи почетного гостя, в которой участвовали жители Кабарды и балкарских обществ:

«После ночлега в Пятигорске, высокие путешественники направились через станицу Зольскую в Кабарду, которая еще за месяц изменила совершенно обычную свою жизнь:

поездки жителей прекратились, суды опустели, в домах хлопотали, чистили оружие, снаряжали седла холили и проезжали коней; женщины шили щегольские черкески, башлыки, чевяки ткали галуны и тесмы, валяли бурки. Горцы из Балкарии, Чегема и других мест сошли с гор и расположились по окрестным Нальчику ущельям...

Для такого торжества несколько тысяч кабардинцев разделились на четыре партии, расположившиеся на правом берегу Малки (граница Кабарды), на Баксане, Чегеме и Шалухо (в 6 верстах от укрепления Нальчика); здесь ожидали и народные судьи, почетные князья, уздени, старики, имея при себе высочайше пожалованное в 1846 г. знамя [ошибка «Кавказа»: знамя было получено кабардинцами в 1844 г. – Д.П.] за отражение Шамиля из Кабарды» [Путешествие... 1863: 556].

Весьма примечательно, что при пересечении границы Кабарды великого князя встретили интернациональным тюркоязычным приветствием:

«Быстро несущийся поезд переехал в Кабарду, встреченный радостным приветом собравшегося народа, выражающимся у кабардинцев глубокою, почтительною тишиной и неподражаемым для нас европейцев движением руки, соответствующим поклону. Экипаж Их Высочеств шагом въехал в ряды кабардинцев, которые громким многократным "берекет берсын" отвечали на милостивые приветствия Царской семьи» [Путешествие... 1863: 556].

Еще одним свидетельством подчеркнуто совместного политического гостеприимства стала организация встречи и охраны гостя в Нальчике:

«В зале, убранном цветами и старинным кабардинским оружием, ожидал Их Величества почетный караул из кабардинцев и горцев, составленный из молодых людей лучших фамилий; от того же караула высланы по два часовых к дверям покоев Его и Ее Высочеств» [Путешествие... 1863: 3].

Интересно, что о следующем посещении кавказским наместником Кабардинского округа в мае 1869 г. «Кавказ» умолчал, хотя предыдущий этап его поездки по Карачаю был освещен в подробностях. В частности, говоря о преимуществах нахождения карачаевцев под российской властью с 1828 г., И. Кравцов отметил, что «с тех пор их уже не могли обижать другие, более сильные и воинственные племена, как например кабардинцы» [Кравцов 1869: 2]. Поездку по Кабарде в деталях описали официальные областные «Терские ведомости», отметив, что по пути между аулами Кармово в Атажукинские вел. кн. Михаила Николаевича сопровождали «кабардинцы и горская сотня, составленная из жителей горских обществ» [Приезд... 1869: 3].

После пространного теоретического и историографического вступления, переходя непосредственно к основному предмету своей статьи, Ю.М. Азикова отмечает: «В материалах газеты «Кавказ» представлено два фактора взаимосвязанности кабардинского и балкарского обществ – требования обеспечения безопасности и хозяйственные нужды» [Азикова 2025: 126]. Две публикации, которыми иллюстрируется данный тезис, должны были показать взаимосвязи, обусловленные оформлением правил совместного общественного пастбищного землепользования кабардинцев и балкарцев Зольскими и Горными пастбищами. Но отмеченные материалы об объявлении в июне о «высочайшем пожаловании» и

публикация, собственно, Правил в 1890 г. [Азикова 2025: 127–128] являлись лишь эпизодами процесса, который был более продолжителен, насыщен событиями и на основных этапах освещался на страницах «Кавказа».

Ключевую роль в разрешении пастбищного вопроса в Нальчикском округе сыграл Главноначальствующий на Кавказе князь А.М. Дондуков-Корсаков. Возглавив край после упразднения в 1882 г. Наместничества, он совершал регулярные объезды подведомственной территории. Сообщения об их содержании через «Кавказ» стали одним из средств, позволявшим главноначальствующему «через церемонии и публичные обращения к местному населению представить также свой личный сценарий власти, т. е. индивидуальный образ себя как главного начальника Кавказского края» [Волхонский 2018: 14]. Издание в 1889 г. в четырех выпусках антологии публикаций «Кавказа» о деятельности А.М. Дондукова-Корсакова подчеркивало методичность его информационной политики [Сборник... 1889].

Очевидно, отбор сведений для официального информирования производился по степени важности для общекавказской политики главноначальствующего. В сообщении о его проезде в августе 1884 г. из Владикавказа в Кисловодск через Кабарду лаконично сообщались лишь основные пункты маршрута [Кавказ. 1884. № 192. С. 1]. Но владикавказская газета «Терек» в начале октября 1884 г. в корреспонденции из Нальчика приводила примечательный факт: «Посетил нас князь Дондуков-Корсаков; кабардинцы заявляли ему о своих нуждах, как то: об оставлении в их собственности всех земель и лесов, которыми они теперь пользуются и т.п. и получили благоприятный ответ» [-в 1884].

В феврале 1885 г. в «Кавказе» со ссылкой на корреспондента Z. из Нальчика опровергались распространяемые в округе слухи по поводу скорого обращения в казну «общественных кабардинских лесов и запасных пастбищных мест». Редакция, проверив основательность «слух есть не что иное, как ни на чем не основанный вымысел и вопрос об отобрании в казну кабардинских общественных лесов и запасных пастбищных лугов за последнее время никем нигде не возбуждался» [Кавказ. 1884. № 42. С. 2].

Одним из обсуждаемых общественных вопросов в крае в 1886 г. стал порядок распространения воинской повинности на местное население. 31 августа «Кавказ» опубликовал «высочайшее повеление» от 28 мая 1866 г., которым устанавливалось в отношении лиц «мусульманского исповедания, поставку новобранцев заменить временно, впредь до дальнейших распоряжений, взиманием особого денежного сбора в доход Государственного Казначейства, присвоив сему сбору наименования налога взамен исполнения воинской повинности натурой» [Высочайшее... 1886]. Год спустя, во след этому решению и в преддверии административной реформы в Терской области А.М. Дондуков-Корсаков посетил области Северного Кавказа, осуществляя традиционную для него презентацию заинтересованности высшей кавказской власти в содействии местных сообществ в решении насущных общественно-государственных проблем. Сообщая о посещении главноначальствующим Атажукинского аула и слободы Нальчик, «Кавказ» писал:

«В обоих пунктах князь подолгу толковал с собравшимся в большом числе кабардинцами и представителями верхних горских обществ; главной темой бесед служили и здесь дарованные мусульманам льготы по отбыванию воинской повинности и искоренение развившихся с прошлого года в Кабарде грабежей и воровства, к счастью, значительно ослабевших теперь, благодаря энергическим мерам настоящего начальника Терской области. Представители Кабарды отнеслись с полным сочувствием к советам Главноначальствующего, благодарили как за оказанную им милость в отношении воинской повинности, так и за истребление разбойничества, и обещали самое горячее со своей стороны содействие местной администрации в деле упрочения между кабардинцами общественной безопасности и порядка» [Поездка... 1887: 2].

В начале осени 1888 г. Кавказский край посетил Александр III. 20 сентября во Владикавказе прошла торжественная встреча императора с представителями народов Терской области. Газета «Кавказ» осветила событие тезисно:

«Был прием deputаций от Терского войска и разных племен. Deputации поднесли Их Императорским величествам хлеб-соль и разные приношения местной работы, из коих некоторые изумительны по искусству. Кроме подношений из местного вооружения и костюмов, Их Величествам и Высочествам подведены шесть коней» [Кавказ. 1888. № 250. С. 1].

В специальной работе церемониалу одаривания В.А. Потто уделил более детальный обзор, допустив, однако, нередкую для российской печати ошибку отождествления. После описания шести коней, приведенных кабардинцами, был особо отмечен подарок балкарского таубия: «горные кабардинцы подносят эльборусский сыр, выделяемый в горах заводом полковника Урусбиева» [Потто 1889: 43–44].

Примечательным откликом на встречу во Владикавказе стала заметка «Кавказа» о празднике, организованном в честь «чудесного избавления» императорской семьи «от грозившей опасности» при крушении поезда 17 октября 1888 г. «Почетнейшая и влиятельнейшая кабардинка, княгиня Айшет Атажукина... устроила у себя, по обычаю предков, торжественный курман (празднество), на который пригласила представителей администрации и тысячи народа». Во время пребывания императорской семьи во Владикавказе княгиня была представлена их величествам [Из слободы... 1888].

На встрече с Александром III была заявлена просьба «об оставлении за населением 315383 десятин запасных земель», о чем «Кавказ» сообщил только в публикации о внеочередном съезде доверенных 23 июня 1889 г., приуроченном к торжественному объявлению о «высочайшем пожаловании» Александром III 21 мая 1889 г. «в постоянное и неотъемлемое пользование» Кабарды и пяти горских обществ» пастбищ и лесов, «до тех пор, пока означенное население будет вести себя, как приличествует верноподданным» [Гаибов 1905: 116–117]. Исторический контекст данного события, полный текст статьи «Кавказа» о нем и сопутствующие архивные документы были опубликованы [Прасолов 2021]. Но этот историографический источник никак не отражен в статье Ю.М. Азиковой, поэтому закономерно, что в корреспонденции «Кавказа» она выделила только приезд в Нальчик начальника Терской области с объявлением о «высочайшем

пожаловании» [Азикова 2025: 128], не оценив ни предпосылок, ни последствий этого события.

Главная газета Кавказского края продолжала освещать развитие ситуации. Ее определенный общеимперский информационный резонанс отмечался уже в следующем номере сообщением о публикации постановлений «уполномоченных Кабарды и горских обществ» в столичном «Русском инвалиде» [Кавказ. 1889. № 176. С. 1]. Но особенно показательна информационная подача публикации «Кавказа» о посещении Нальчика А.М. Дондуковым-Корсаковым в августе 1889 г. В числе решений съезда доверенных 23 июня 1889 г. была выражена просьба к главноначальствующему принять депутацию кабардинцев и балкарцев в Кисловодске [Слобода Нальчик 1889]. Получив согласие,

«народ снарядил блестящую и многочисленную депутацию из представителей лучших и богатейших фамилий Кабарды, которая 19 июля представилась князю Александру Михайловичу в Кисловодске и в горячей речи, сказанной убежденным сединой штабс-ротмистром Шардановым, благодарила его за труды и заботы о благе кабардинского народа, приглашая его от народа посетить Нальчик. Князь разъяснил в ответе на это, что в великой милости Государя кабардинцы должны видеть новое доказательство доверия к ним и заботу о них Монарха... Приняв депутатов как своих гостей и обещав посетить Кабарду, князь и устроил им в этот же день в парке ужин» [Поездка... 1889. № 308. С. 1].

3 августа, выехав из Кисловодска, главноначальствующий был торжественно встречен в Нальчике, а на следующий день к нему во дворе Нальчикской горской школы «собрались депутаты от всех селений и сословий Кабарды и горских обществ» [Поездка... 1889. № 308. С. 1]. Выслушав их приветствия,

«князь предложил представителям народа обсудить, не следует ли в чем-либо изменить действовавшие до сих пор правила собственно пользования общественными землями, какие следует установить за это сборы, какую учредить администрацию и на что расходовать собираемые суммы; а затем предложил избрать депутатов, которые в особой, назначаемой для этого под председательством начальника области, комиссии высказали бы желание народа, с тем, чтобы с будущего года ввести уже новые порядки. Особенное внимание обращено было при этом князем на необходимость учреждения в Нальчике высшей профессиональной школы, в которой кабардинцы могли бы давать своим детям соответствующее потребностям края образование, вместо вполне для них непригодного классического» [Поездка... 1889. № 308. С. 1].

Информация об августовском посещении Нальчика была опубликована только 19–20 ноября с подзаголовком «по приказанию Главноначальствующего». Столь запоздалая реакция в информировании может вызывать недоумение. Однако в интерпретации этой публикации можно увидеть определенную своевременность, учитывая только случившееся к тому времени событие. На ноябрьском съезде доверенных 1889 г. «после продолжавшихся в течении нескольких дней прений» 148 представителей Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ оформили приговор о правилах пользования совместными пастбищными и лесными угодьями. Таким образом, публикация наставлений Главноначальствующего, изложенных в типичной для него форме «парадоксального

монологичного диалога с обществом» [Волхонский 2018: 19], поддерживала его образ мудрого и заботливого руководителя, по рекомендации которого представители Кабарды и балкарских обществ, помимо пастбищных правил, приняли и другие решения об улучшениях в их общественной жизни. Новый порядок общественного землепользования был утвержден князем А.М. Дондуковым-Корсаковым 6 января 1890 г., но по определению Правительствующего Сената в него были внесены небольшие изменения, с которыми Правила были «распубликованы» в Собрании узаконений и Распоряжений правительства от 2 сентября 1891 г. [Гаибов 1905: 127–130]. Только после полного завершения законотворческого процесса Правила были опубликованы в «Кавказе» 6 октября 1891 г. [Правила... 1891] и вступили в силу.

Риторической особенностью коммуникаций с высшей властью в Российской империи являлось официальное выражение верноподданнических чувств, апеллирующих к исторической традиции верности российскому престолу. В условиях нарастания международной напряженности на Балканах, приведшей в 1877 г. году к войне с Османской империей, Александру II поступил всеподданнейший адрес, в котором была выражена приверженность некогда избранной политической ориентации: «Всемилоостивейший Государь! Более полутораоста лет Кабардинский народ находится в милостивом подданничестве Великих Императоров России», и готовность «идти против неисполняющих Твоих человеколюбивых требований». Риторика документа, поданного «жителями Кабарды через их представителей», не должна вводить в заблуждение о чисто кабардинской инициативе, без участия балкарцев. Они выступали единым субъектом, оформив верноподданническое заявление 18 декабря 1876 г. на ежегодном съезде доверенных Кабарды и Пяти горских обществ [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 2. Д. 431. Л. 2]. А в рядах сформированного для участия в военных действиях кабардино-кумыкского полка отличился, например, молодой Мисост Абаев [Этюды... 2002: 104]. Наряду с обращениями других народов края, всеподданнейший адрес «жителей Кабарды» был опубликован на первой полосе «Кавказа» 26 января 1877 г. [Кавказ. 1877. № 10. С. 1]. В редакционной статье 29 января эти акты верноподданничества упоминались в качестве аргументов несомненной верности народов Кавказа российскому престолу, опровергая «домыслы» газеты «Голос» и других изданий Москвы и Петербурга о ненадежности горцев [Кавказ. 1877. № 13. С. 3].

Газета «Кавказ» освещала на своих страницах достижения и проблемы, возникавшие в ходе интеграции народов региона в образовательное пространство Российской империи. В 1877 г. в обзоре развития учебного дела отмечалось начало успешной деятельности педагогических курсов при Нальчикской окружной Горской школе и в трех сельских школах в Кабарде. Среди их учительниц упоминалась Фуза Шагманова [Шакманова. – Д.П.] – уроженка Хуламского общества, которую «Кавказ» называл кабардинкой [Учебное дело... 1877], получавшая в 1863–1875 гг. материальное пособие из Кабардинской общественной суммы (КОС) для обучения в Тифлисском учебном заведении им. Св. Нины.

В 1891 г. собственный корреспондент «Кавказа» из Нальчика сообщал о намерениях Министерства народного образования

«открыть в одном из селений нашего округа начальное сельское училище по образцу уже существующих в других селах и предлагает от себя ежегодную субсидию в 1000 руб.» с условием, что сельское общество выделит на это участок земли и возведет на нем школьное здание. Актуальность этой меры также объяснялась тем, что «в настоящее время кандидатские списки на поступление в пансион горской школы уничтожены и детям придется держать конкурсный экзамен», а «начальная сельская школа окажет детям-туземцам, не знающим ни слова по-русски, неоценимую услугу» [Нальчик 1891].

14 февраля 1881 г. «Кавказ» републиковал сообщение петербургской газеты «Голос» в котором отмечался возросший интерес к образованию в Нальчикской горской школе: «В нынешнем учебном году поступило от горцев более ста прошений сверх установленной нормы, об определении детей в училище» [Из Нальчика... 1881]. И здесь же сообщалось о приговоре 31 декабря 1880 г. с ходатайством съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ

«о преобразовании находящейся в Нальчике кабардинской горской школы в реальное училище. Вместе с тем горские общества изъявили согласие принять на себя третья часть всех расходов по содержанию и весь ремонт здания предполагаемого реального училища» [Из Нальчика... 1881].

С этого решения начался длительный и противоречивый процесс общественно-государственного взаимодействия по вопросам реформирования среднего образования в Нальчикском округе. Однако эта последовательность событий в освещении газеты «Кавказ» также осталась без должного внимания Ю.М. Азиковой. Из статьи от 7 февраля 1883 г. было отмечено только упоминание в тексте обозначения «кабардино-горский народ», употребляемое здесь наряду с «народом кабардинским», что закономерно при описании газетой декабрьского 1882 г. съезда «представителей кабардинского народа и горских обществ». «Этот вопрос уже третий раз обсуждается народным собранием в настоящее время», – сообщает «Кавказ», подчеркивая обстоятельный подход доверенных к планированию накопления и распределению общественных расходов из КОС в ходе преобразования Нальчикской горской школы в Реальное училище. В 1900 г. отмечая затягивание этого процесса, автор «Кавказа» сообщал о трудностях, с которыми сталкивались областные власти, с 1895 г. «убеждая народ в пользе школ и необходимости их устройства». На взгляд автора, «обыкновенно», обсуждение вопроса приводило к разделению населения аулов на меньшинство сторонников открытия школ и большинство, «во главе с муллой», убежденных в достаточности только мусульманского образования. Поэтому со сдержанным оптимизмом сообщалось об открытии нескольких министерских аульных школ в Кабарде, которая может стать примером для других народностей Терской области [Кавказец 1900].

В ряде материалов, иллюстрирующих этапы преобразования Горской школы в Реальное училище непременно отмечалась ключевая роль съезда доверенных в общественно-государственном взаимодействии по организации и финансированию этого ключевого социокультурного проекта в Нальчикском округе [Не-кабардинец 1908], завершившегося в 1909 г. учреждением Кабардино-Горского Реального училища имени Александра III. Весной 1911 г.

«Кавказ» рассказывал о торжественной закладке нового здания Реального училища [Торжество закладки... 1911], а в феврале 1912 г. об утверждении съездом доверенных дополнительных ассигнований на его строительство и ходатайстве об учреждении при нем сельскохозяйственного отделения, которое бы по оценке автора газеты имело «огромное экономическое значение для обширного района Терской области, где население разных национальностей занимается только сельским хозяйством» [Эм 1912]. Помимо обеспечения бытовых условий для пансионеров основного учебного процесса, как сообщалось в августе 1916 г., в общежитии нового здания Реального училища смогли разместить 99 слушателей курсов рукоделия Кавказского учебного округа [Нальчик 1916].

Это лишь некоторые из материалов периодической печати из газеты «Кавказ», которые иллюстрируют значимые тенденции, характеризующие формирование социально-пространственного единства кабардинцев и балкарцев в контексте их включения в социокультурное пространство российского государства. Они состояли в развитии региональных торгово-экономических связей и новых хозяйственных практик, расширении эффективных политических коммуникаций с высшей имперской и региональной властью, распространении среди местного населения общероссийских институтов образования. Таким образом, материалы главной официальной газеты Кавказского края обладают более разнообразным информативным потенциалом, иллюстрирующим сформировавшиеся к настоящему времени историографические факты о разнонаправленности, содержательности и интенсивности интеграционных процессов в Кабардино-Балкарии в период поздней Российской империи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Lanzillotti 2022 – *Ian Lanzillotti*. Land, community, and the state in the Caucasus: Kabardino-Balkaria from tsarist conquest to post-Soviet politics. – London; New York: Bloomsbury Academic, 2022. – 328 p.

-в 1884 – -в. Нальчик // Терек. – 1884. – № 2. – С. 4.

Азикова 2025 – *Азикова Ю.М.* Аспекты социально-пространственного единства Кабарды и Балкарии в материалах газеты «Кавказ» // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 115–139. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-115-139.

Волхонский 2018 – *Волхонский М.А.* «Объезд» главноначальствующим кн. А.М. Дондуковым-Корсаковым Кавказского края в 1882 г.: борьба за полномочия и презентация имперской власти // История. Научное обозрение OSTKRAFT. – № 6. – М.: Модест Колеров, 2018. – С. 5–24.

Высочайшее... 1886 – Высочайшее повеление о привлечении к отбыванию воинской повинности населения Закавказья и инородцев Терской и Кубанской областей // Кавказ. – 1886. – № 230. – С. 1.

Гаилов 1905 – *Гаилов Н.Д.* О поземельном устройстве горских племен Терской области. – Тифлис: Типография Окружного Штаба Кавказского военного округа, 1905. – 340 л.

Д-с И. 1848 – *Д-с И.* Очерки Пятигорска и его окрестностей. Ярмарка // Кавказ. – 1848. – № 20. – С. 77-79.

И.З. 1891 – *И.З.* Баксанское ущелье (путевые заметки) // Кавказ. – 1891. – № 336. – С. 2-3.

Из Нальчика... 1887 – Из Нальчика нам пишут... // Кавказ. – 1887. – № 235. – С. 2.

Из Нальчика... 1881 – Из Нальчика, Терской области, 20 января пишут в Голосе // Кавказ. – 1881. – № 36. – С. 2

Из Нальчика... 1888 – Из Нальчика нам пишут... // Кавказ. – 1888. – № 323. – С. 2.

- Из слободы... 1888 – Из слободы Нальчик (Терской области) нам пишут... // Кавказ. – 1888. – № 313. – С. 2–3.
- Кавказец 1900 – *Кавказец*. Владикавказ: (От собственного корреспондента) // Кавказ. – 1900. – № 219. – С. 3.
- Кравцов 1869 – *Кравцов Иван*. Баталпашинск, 1 июня // Кавказ. – 1869. – № 70. – С. 1-2.
- Красницкий 1865 – *Красницкий К.* Кое-что об Осетинском. округе и правах туземцев его // Кавказ. – 1865. – №29–33.
- Краткий... 1848 – Краткий очерк Ставропольской губернии в промышленном и торговом отношениях // Кавказ. – 1848. – № 21. – С.83-84.
- Максимов 1892 – *Е. Макс-ов*. Двадцатипятилетие освобождения зависимых сословий Терской области // Кавказ. – 1892. – № 178. – С.2-3.
- Нальчик 1891 – Нальчик: (От собств. корresp.) // Кавказ. – 1891. – № 16. – С. 2.
- Не-кабардинец 1908 – *Не-кабардинец*. Нальчик // Кавказ. – 1908. – № 193. – С. 3.
- Сл. Нальчик 1916 – Сл. Нальчик (Терской обл.) // Кавказ. – 1916. – № 186. – С. 3.
- Письмо... 1846 – Письмо из Темир-хан-Шуры 14 мая 1846 г. // Кавказ. – 1846. – № 21. – С. 82.
- Поездка... 1887 – Поездка Главноначальствующего по Северному Кавказу (окончание) // Кавказ. – 1887. – №246. – С.2-3.
- Поездка... 1889 – Поездка Главноначальствующего по краю (Сообщено по приказанию Главноначальствующего) // Кавказ. – 1889. – № 307. – С. 2; № 308. – С.1-2
- Потто 1889 – *Потто В.А.* Царская семья на Кавказе. 18 сентября – 14 октября 1888 года. – Тифлис: Тип. Окружного Штаба Кавказского военного округа, 1889. – 230 с.
- Правила... 1891 – Правила о порядке пользования кабардинцами и сопредельными с ними пятью горскими обществами, предоставленными им, на основании Высочайшего повеления от 21-го мая 1889 года, в постоянное пользование пастбищными землями и лесными угодьями // Кавказ. – 1891. – № 263. – С. 1.
- Прасолов 2021 – *Прасолов Д.Н.* «Высочайшее пожалование» Александра III от 21 мая 1889 г. в общественной жизни кабардинцев и балкарцев // Вестник КБИГИ (KBIHR Bulletin). – №1 (48). – С. 83–90. DOI: 10.31007/2306–5826-2021-1-48-83-90
- Прасолов 2022 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в политической культуре кабардинцев и балкарцев. – Нальчик: Принт Центр, 2022. – 240 с.
- Приезд... 1869 – Приезд его императорского высочества государя великого князя Михаила Николаевича в Кабардинский округ Терской области // Терские ведомости. – 1869. – №23. – С.2-3.
- Путешествие... 1863 – Путешествие их императорских высочеств государя великого князя Михаила Николаевича и государыни великой княгини Ольги Федоровны по Терской области // Кавказ. – 1863. – № 94. – С. 2–3.
- С... 1867 – С. ...Укр. Нальчик. Освобождение крепостных // Кавказ. – 1867. – №27. – С. 153–154.
- Сборник... 1889 – Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ», касающихся деятельности на Кавказе генерал-адъютанта князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова. Выпуск 1–4. – Тифлис, 1889.
- Слобода Нальчик 1889 – Слобода Нальчик (Терской области), 28 июня (от собств. корр.) // Кавказ. – 1889. – № 175. – С.2.
- Торжество закладки... 1911 – Торжество закладки здания для Нальчикского реального училища // Кавказ. – 1911. – № 167. – С. 2–3.
- Учебное дело... 1877 – Учебное дело и Народные школы // Кавказ. – 1877. – № 2. – С. 3.
- ЦГА РСО-Алания – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.
- Эм 1912 – *Эм*. Нальчик // Кавказ. – 1912. – № 40. – С. 3.
- Этюды... 2007 – Этюды о Балкарии: Урусбиевы, Мисост Абаев, Басият Шаханов // Сост., прим. и коммент. Т.Ш. Биттировой. – Нальчик: Эльбрус, 2007. – 408 с.

REFERENCES

- Ian Lanzillotti. Land, community, and the state in the Caucasus: Kabardino-Balkaria from tsarist conquest to post-Soviet politics. London; New York: Bloomsbury Academic, 2022. 328 p. (In Russ.)
- V. *Nal'chik* [Nalchik]/ IN: Terek. – 1884. – No. 2. – P. 4. (In Russ.)
- AZIKOVA Yu.M. *Aspekty sotsial'no-prostranstvennogo edinstva Kabardy i Balkarii v materialakh gazety «Kavkaz»* [Aspects of socio-spatial unity of Kabarda and Balkaria in the materials of the newspaper "Kavkaz"]/ IN: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2025. – No. 2. – P. 115–139. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-115-139. (In Russ.)
- VOLKHONSKII M. A. «*Ob"ezd*» *glavnonachal'stvuyushchim kn. A.M. Dondukovym-Korsakovym Kavkazskogo kraya v 1882 g.: bor'ba za polnomochiya i prezentatsiya imperskoi vlasti* [The “tour” of Prince A.M. Dondukov-Korsakov, Chief Administrator of the Caucasus Region, in 1882: the struggle for authority and the presentation of imperial power]. IN: Istoriya. Nauchnoe obozrenie OSTKRAFT. – No. 6. – M.: Modest Kolerov, 2018. – P. 5–24. (In Russ.)
- Vysochaishee povelenie o privilechenii k otbyvaniyu voinskoi povinnosti naseleniya Zakavkaz'ya i inorodtsev Terskoi i Kubanskoi oblastei* [Supreme decree on conscripting the population of Transcaucasia and foreigners from the Terek and Kuban regions into military service] IN: Kavkaz. – 1886. – No. 230. – P. 1. (In Russ.)
- GAIBOV N.D. *O pozemel'nom ustroistve gorskikh plemen Terskoi oblasti* [On the land tenure system of the mountain tribes of the Terek region] – Tiflis: Tipografiya Okruzhnogo Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1905. – 340 p. (In Russ.)
- D-S I. *Oчерки Pyatigorska i ego okrestnostei. Yarmarka* [Очерки Пятигорска и его окрестностей. Ярмарка]. IN: Kavkaz. – 1848. – No. 20. – P.77-79. (In Russ.)
- I.Z. *Baksanskoe ushel'e (putevye zametki)* [Baksan Gorge (travel notes)]. IN: Kavkaz. – 1891. – No. 336. – P.2-3. (In Russ.)
- Iz Nal'chika nam pishut...* [We have received a letter from Nalchik]. IN: Kavkaz. – 1887. – No. 235. – P. 2. (In Russ.)
- Iz Nal'chika, Terskoi oblasti, 20 yanvarya pishut v Golose* [From Nalchik, Terek Region, January 20, they write in Golos]. IN: Kavkaz. – 1881. – No. 36. – P. 2. (In Russ.)
- Iz Nal'chika nam pishut...* [We have received a letter from Nalchik]. IN: Kavkaz. – 1888. – No. 323. – P. 2. (In Russ.)
- Iz slobody Nal'chik (Terskoi oblasti) nam pishut...* [From sloboda of Nalchik (Tersky District), we receive the following letter]. IN: Kavkaz. – 1888. – No. 313. – P. 2–3. (In Russ.)
- KAVKAZETS. *Vladikavkaz: (Ot sobstvennogo korrespondenta)* [Vladikavkaz: (From our correspondent)]. IN: Kavkaz. – 1900. – No. 219. – P. 3. (In Russ.)
- KRAVTSOV IVAN. *Batalpashinsk, 1 iyunya* [Batalpashinsk, June 1]. IN: Kavkaz. – 1869. – No. 70. – P. 1–2. (In Russ.)
- KRASNITSKII K. *Koe-что об Osetinskom. okruge i pravakh tuzemtsev ego* [Some information about the Ossetian district and the rights of its indigenous people]. IN: Kavkaz. – 1865. – No. 29–33. (In Russ.)
- Kratkii oчерk Stavropol'skoi gubernii v promyshlennom i torgovom otnosheniyakh* [A brief overview of the Stavropol Province in terms of industry and trade]. IN: Kavkaz. – 1848. – No. 21. – P. 83-84. (In Russ.)
- E. MAK-SOV. *Dvadsatipyatiletie osvobozhdeniya zavisimykh soslovii Terskoi oblasti* [Twenty-fifth anniversary of the liberation of the dependent classes in the Terek region]. IN: Kavkaz. – 1892. – No. 178. – P. 2-3. (In Russ.)
- Nal'chik: (Ot sobstv. korresp.)* [Nalchik: (From our own correspondent)]. IN: Kavkaz. – 1891. – No. 16. – P. 2. (In Russ.)
- NE-KABARDINETS. *Nal'chik* [Nalchik]. IN: Kavkaz. – 1908. – No. 193. – P. 3. (In Russ.)
- Sl. Nal'chik (Terskoi obl.)* [Sl. Nalchik (Tersky Oblast')]. IN: Kavkaz. – 1916. – No. 186. – P.3. (In Russ.)

Pis'mo iz Temir-khan-Shury 14 maya 1846 g. [Letter from Temir-Khan-Shura, May 14, 1846]. IN: Kavkaz. – 1846. – No. 21. – P. 82. (In Russ.)

Poezdka Glavnonachal'stvuyushchego po Severnomu Kavkazu (okonchanie). IN: Kavkaz. – 1887. – No. 246. – P.2-3. (In Russ.)

Poezdka Glavnonachal'stvuyushchego po krayu (Soobshcheno po prikazaniyu Glavnonachal'stvuyushchego) [The Commander-in-Chief's Trip to the North Caucasus (conclusion)]. IN: Kavkaz. – 1889. – No 307. – P. 2; No. 308. – P. 1-2. (In Russ.)

POTTO V.A. *Tsarskaya sem'ya na Kavkaze. 18 sentyabrya – 14 oktyabrya 1888 goda* [The Imperial Family in the Caucasus. September 18–October 14, 1888]. – Tiflis: Tip. Okruzhnogo Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1889. – 230 p. (In Russ.)

Pravila o poryadke pol'zovaniya kabardintsami i sopredel'nymi s nimi pyat'yu gorskimi obshchestvami, predostavlennymi im, na osnovanii Vysochaishego poveleniya ot 21-go maya 1889 goda, v postoyannoe pol'zovanie pastbishchnymi zemlyami i lesnymi ugod'yami [Rules governing the use by the Kabardians and five neighboring mountain communities of pasturelands and forest lands granted to them for permanent use by the Highest Decree of May 21, 1889]. IN: Kavkaz. – 1891. – No. 263. – P. 1. (In Russ.)

PRASOLOV D.N. *«Vysochaishee pozhalovanie» Aleksandra III ot 21 maya 1889 g. v obshchestvennoi zhizni kabardintsev i balkartsev* [Alexander III's "Highest Gift" of May 21, 1889, in the public life of the Kabardians and Balkars]. IN: Vestnik KBIGI (KBIHR Bulletin). – No. 1 (48). – P. 83–90. DOI: 10.31007/2306–5826-2021-1-48-83-90 (In Russ.)

PRASOLOV D.N. *S"ezdy doverennykh v politicheskoi kul'ture kabardintsev i balkartsev* [Conventions of trusted in the political culture of the Kabardians and Balkars]. – Nal'chik: Print Tsentr, 2022. – 240 p. (In Russ.)

Priezd ego imperatorskogo vysochestva gosudarya velikogo knyazya Mikhaila Nikolaevicha v Kabardinskii okrug Terskoi oblasti [The arrival of His Imperial Highness Grand Duke Mikhail Nikolaevich in the Kabardin District of the Terek Region]. IN: Terskie vedomosti. – 1869. – No. 23. – P. 2-3. (In Russ.)

Puteshestvie ikh imperatorskikh vysochestv gosudarya velikogo knyazya Mikhaila Nikolaevicha i gosudaryni velikoi knyagini Ol'gi Fedorovny po Terskoi oblasti [The journey of Their Imperial Highnesses Grand Duke Mikhail Nikolaevich and Grand Duchess Olga Fyodorovna through the Terek Region]. IN: Kavkaz. – 1863. – No. 94. – P. 2–3. (In Russ.)

S. ...Ukr. *Nal'chik. Osvobozhdenie krepostnykh* [Fortification of Nalchik. Emancipation of serfs]. IN: Kavkaz. – 1867. – No 27. – P. 153–154. (In Russ.)

Sbornik statei i soobshchenii gazety «Kavkaz», kasayushchikhsya deyatel'nosti na Kavkaze general-ad'yutanta knyazya Aleksandra Mikhailovicha Dondukova-Korsakova [A collection of articles and reports from the newspaper Kavkaz concerning the activities of Adjutant General Prince Alexander Mikhailovich Dondukov-Korsakov in the Caucasus]. Vypusk 1–4. – Tiflis, 1889. (In Russ.)

Sloboda Nal'chik (Terskoi oblasti), 28 iyunya (ot sobstv. korr.) [Sloboda Nalchik (Tersky District), June 28 (from our correspondent)]. IN: Kavkaz. – 1889. – No. 175. – P.2. (In Russ.)

Torzhestvo zakladki zdaniya dlya Nal'chikskogo real'nogo uchilishcha [Celebration of the laying of the foundation stone for the Nalchik Real School]. IN: Kavkaz. – 1911. – No. 167. – P. 2–3. (In Russ.)

Uchebnoe delo i Narodnye shkoly [Education and Public Schools]. IN: Kavkaz. – 1877. – No. 2. – P. 3. (In Russ.)

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya [Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania].

EM. *Nal'chik* [Nalchik]. IN: Kavkaz. – 1912. – No. 40. – P. 3. (In Russ.)

Etyudy o Balkarii: Urusbievy, Misost Abaev, Basiyat Shakhanov [Etudes on Balkaria: Urusbievs, Misost Abaev, Basiyat Shakhanov]// Comp. by T.Sh. Bittirova. – Nal'chik: El'brus, 2007. – 408 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Д.Н. Прасолов – кандидат исторических наук

Information about the author

D.N. Prasolov – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 19.08.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 19.08.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа)

Научная статья

УДК 811.512.142

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-349-357

EDN: RTEXSQ

ДУХОВНОЕ ПРОЗРЕНИЕ ГЕРОЯ И СЕМАНТИКА ГЕРОИЗМА В РОМАНЕ АХМЕДХАНА НАЛОЕВА «ВСАДНИКИ РАССВЕТА»

Светлана Михайловна Алхасова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, alkhas55@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1773-285X>

Аннотация. Данная работа является первой попыткой анализа исторического романа Ахмедхана Налоева «Всадники рассвета». Главной же задачей статьи является интеграция национальной кабардино-черкесской литературы в новую социокультурную действительность, что будет способствовать определению её статуса в современном художественном контексте. Предпринята попытка обосновать концепцию сравнительно-типологического характера – переход от констатации общих положений литературоведения к разработке конкретных вопросов на конкретном материале, то есть анализ и идентификация национально-художественного контекста романа «Всадники рассвета». Установлено, что творчество кабардинского прозаика Ахмедхана Налоева в настоящее время всё ещё остаётся в числе малоизученных. Утверждается, что на сегодняшний день не существует монографий, других научных трудов по всестороннему изучению произведений автора. Между тем серьёзное исследование творчества писателя Ахмедхана Налоева вызвано настоятельной необходимостью. Показано, что роман Ахмедхана Налоева написан в рамках господствовавшей в 60-70-е гг. XX в. советской идеологии и методологии социалистического реализма; с художественным осмыслением, сообразным воссозданием атмосферы минувших дней. Подчёркнуто, что удачный и своеобразный выбор темы романа, способность писателя к смелому и широкому охвату грандиозных исторических событий в жизни маленького кабардинского народа в совокупности с талантом самого автора: живостью и ясностью изображения, умением проникнуть в глубину проблемы и философски его осмыслить, – это отличительные черты автора данного произведения. Доказано, что с основной задачей – как можно полнее раскрыть в романе духовную жизнь и характер человека, чей образ следует изображать выразительными красками, – автор А. Налоев успешно справился. Поставленная цель определила задачу. Теоретическая значимость работы состоит в том, что данная статья в некоторой степени восполнит существующий пробел в кабардино-черкесском литературоведении. Методы исследования: сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический, культурно-исторический, историко-типологический.

Ключевые слова: кабардино-черкесская литература, социокультурный контекст, современный статус, военно-исторический роман, А. Налоев

Для цитирования: Алхасова С.М. Духовное прозрение героя и семантика героизма в романе Ахмедхана Налоева «Всадники рассвета» // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 349-357. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-349-357. EDN: RTEXSQ.

© Алхасова С.М., 2025

Original article

**SPIRITUAL INSIGHT OF THE HEROES IN THE NOVEL
BY AHMEDKHAN NALOEV "RIDERS OF THE DAWN"****Svetlana M. Alkhasova**

Institute for Humanitarian Research – branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, alkhas55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1773-285X>

Abstract. The objective of this article is to integrate the national Kabardino-Circassian literature into the new socio-cultural reality, which will help determine its status in the modern artistic context. An attempt has been made to substantiate the concept of a comparative-typological nature – the transition from stating the general provisions of literary criticism to developing specific issues on specific material, that is, analyzing and identifying the national-artistic context of the novel "Riders of the Dawn". It has been established that the work of the Kabardian prose writer Akhmedkhan Naloev is currently still among the little-studied. It is argued that to date his work is still among the little-studied: there are no monographs or other scientific works on a comprehensive study of the author's works. Currently, only the dictionary entry of P. Shevlovkov with the same name, the article of S. Alkhasova in the KBIGI Bulletin and the preface of M. Sokurov to the Russian translation of the novel are known. Meanwhile, a serious study of the work of the writer Akhmedkhan Naloev is caused by an urgent need. It is shown that the novel by Akhmedkhan Naloev was written in the then dominant Soviet ideology and methodology of socialist realism, with artistic comprehension, a consistent recreation of the atmosphere of days gone by. A successful and original choice of the theme of the novel, the writer's ability to boldly and broadly cover the grandiose historical events in the life of the small Kabardian people, together with the talent of the author himself: liveliness and clarity of image, the ability to penetrate into the depths of the problem and philosophically comprehend it - these are the distinctive features of the author in this work. It is proven that A. Naloev successfully coped with the main task - to reveal as fully as possible the spiritual life and character of a person whose image should be depicted in expressive colors. The stated goal determines the task. The theoretical significance of the work is that this article will to some extent fill the existing gap in Kabardino-Circassian literary criticism. Research methods: comparative-contrastive, comparative-historical, cultural-historical, historical-typological.

Key words: Kabardino-Circassian literature, socio-cultural context, modern status, military-historical novel, A. Naloev.

For citation: Alkhasova S.M. Spiritual insight of the heroes in the novel by Ahmedkhan Naloev "Riders of the dawn". IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 349-357. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-349-357. EDN: RTEXSQ.

© Alkhasova S.M., 2025***Введение***

Современное состояние кабардино-черкесской литературы предполагает необходимость углублённого изучения крупных прозаических произведений авторов, оказавших значительное влияние на развитие национального

литературного процесса. В условиях трансформации исследовательской парадигмы и усиления интереса к региональным литературным традициям, особенно актуальным становится теоретический и литературоведческий анализ творчества таких знаковых писателей, как Ахмедхан Налоев, Сараби Мафедзев, Борис Мазихов, Хамиша Шекихачев, Биберд Журтов, Саладин Желитежев и др. Несмотря на высокую художественную ценность их произведений, указанные авторы остаются сравнительно малоизученными в современном литературоведении, что свидетельствует о назревшей необходимости систематизированного научного осмысления их вклада в развитие кабардино-черкесской литературы.

Актуальность данного направления обусловлена также тем, что на сегодняшний день отсутствуют монографические исследования, посвящённые комплексному анализу как отдельных произведений, так и творческого пути названных писателей в целом. Лишь отдельные аспекты их творчества находили отражение в кратких библиографических справках и статьях [Алхасова 2012: 38]. Однако многие важные вопросы, касающиеся генезиса, поэтики и идейно-художественной эволюции произведений авторов позднесоветского периода, всё ещё требуют обстоятельного рассмотрения. На современном этапе развития кабардино-черкесского литературоведения это направление является одним из наиболее востребованных и перспективных.

Особое значение приобретает изучение литературы 1970–1980-х годов, периода, когда активно применялись принципы социалистического реализма, а художественное творчество находилось в тесной связи с идеологическими, социальными и культурными реалиями времени. Именно в этот историко-литературный контекст вписывается творчество Ахмедхана Хамурзовича Налоева, писателя, отразившего в своих произведениях ключевые этапы исторического пути адыгского народа, включая трагические события Первой и Второй мировых войн, судьбы простых людей в условиях социальных трансформаций, формирование новых нравственных ориентиров.

В условиях глобализационных процессов, ускоренного научно-технического прогресса и широкого распространения электронных средств коммуникации художественная литература продолжает выполнять важную культурно-смысловую функцию. Осмысление исторического прошлого, его литературное воплощение становятся необходимыми условиями для формирования устойчивой культурной идентичности и продуктивного межкультурного диалога. Таким образом, исследование наследия авторов, отражающих в своём творчестве судьбы народа и вехи его истории, приобретает не только литературоведческое, но и общеполитическое значение.

Целью данной работы является провести некоторое исследование прозы Ахмедхана Налоева, проследив основные тематические и художественно-стилевые особенности его творчества, а также выявить его вклад в становление и развитие современной кабардино-черкесской литературы. В поле зрения находится его знаковый роман **«Всадники рассвета»**, в котором наиболее полно воплотились историко-культурные и художественные ориентиры писателя.

Именно это произведение и стало ключевым для творчества А. Налоева и принесло ему известность и признание. П.Ж. Шевлоков в одноимённой

словарной статье, назвал произведение А. Налоева историко-революционным и социально-психологическим: «Всё творчество А. Налоева свидетельствует о том, что писатель стремится нащупать корни и истоки тех значительных общественных перемен, которые произошли в истории родного народа за минувшие десятилетия XX в. Этими поисками вызвано появление историко-революционного и социально-психологического романа «Нэхущ шу» [Шевлоков 2003: 297].

«...Однако при всей колоритности его образа роман всё же нельзя назвать повествованием об одном герое. Речь прежде всего идёт о массе рядовых горцев, которые силой обстоятельств вовлечены в кровавую русско-японскую войну начала XX века» [Сокуров 1981: 319-322]. Значительным идейно-художественным завоеванием писателя является в этом произведении является умелое воплощение столь масштабного процесса в индивидуальных судьбах людей, в изображении их повседневного быта. Своим романом писатель восполняет в кабардинской литературе пробел, воспроизводя судьбы горских народов на одном из значительнейших поворотов их истории» [Шевлоков 2003: 297].

Ахмедхан Налоев изучил большое количество источников по социально-экономической истории Кабарды на рубеже веков, изучал архивы, а также был в специальной поездке на Дальний Восток. Такая работа дополнялась, естественно, внимательным чтением и перечитыванием известных и малоизвестных художественных произведений о русско-японской войне, мемуаров участников, фольклорных стихов и песен о Залимгери Керефове, Дохшоко Астемирове, Каирбеке Анзорове. Собственно, роман написан по мотивам народной адыгской песни о герое Залимгери Керефове. Можно сказать, что писатель «развернул» во всю ширину содержание песни, наполнил её плотью и кровью. Таким образом автор ввёл читателя в мир героического прошлого, в мир великодушных и мужественных людей, таких, как З. Керефов и его товарищи: Каирбек Анзоров, Таша Тасмахиллов и другие. Вот, к примеру, какую живописную сцену описывает автор во время джэгу – танцев на свадьбе в селе Хату-Анзорово; даже эти четыре строчки ярко характеризуют главного героя, раскрывая глубину его души:

«Играет гармошка на все лады, да так, что кажется, будто под весёлую музыку пляшут горы. Залимгерию по душе такая буйная и зажигательная мелодия. Эх, пойти бы под неё волчком, взмыть бы птицей в небо!» [Налоев 2001: 46].

Произведения Ахмедхана Налоева не склонны к нарочитому пафосу или внешней эффектности: они глубоко реалистичны, тонко психологичны и сосредоточены на внутреннем мире человека, чья жизнь освещается в контексте эпохальных событий. Его герои – простые люди, живущие в условиях войны и мира, труда и потерь, веры и сомнений. Эти повседневные, на первый взгляд, судьбы становятся в прозе Налоева символами духовной стойкости, человечности и исторической памяти.

Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе романа Ахмедхана Налоева «**Всадники рассвета**», в контексте историко-культурных процессов, происходивших в кабардинской литературе второй половины XX в. Особое внимание уделяется идейно-тематической направленности произведения, специфике художественного воплощения исторических событий, системе персонажей и поэтике прозы писателя.

Обзор источников и степень разработанности темы

Несмотря на несомненное значение творчества Ахмедхана Налоева для кабардинской литературы, степень научной разработанности его художественного наследия остаётся недостаточной. На сегодняшний день отсутствуют серьёзные исследования, посвящённые всестороннему анализу его произведений, за исключением кратких библиографических и энциклопедических упоминаний, например, в **Биобиблиографическом словаре писателей Кабардино-Балкарии** (2003), а также в справочных изданиях Союза писателей КБР. Имеются также отдельные статьи, затрагивающие творчество Налоева в контексте развития жанра рассказа или формирования образа героя военной прозы [Алхасова 2012: 38-43].

В целом, обращение к наследию Налоева в отечественном литературоведении носит фрагментарный характер и требует систематизации, уточнения и привлечения новых методологических подходов. В связи с этим данное исследование восполняет важный пробел и предлагает литературоведческое осмысление его ключевого произведения – романа **«Всадники рассвета»**.

Роман **«Всадники рассвета»** представляет собой масштабное художественное полотно, охватывающее важнейшие события начала XX в. – русско-японскую войну 1904-1905 гг., политическую мобилизацию на Северном Кавказе, зарождение подпольной революционной деятельности. Через призму индивидуальных судеб выходцев из одного кабардинского селения Хату-Анзорово Ахмедхан Налоев раскрывает глубокие социокультурные и нравственные изменения в сознании горцев.

В романе прослеживается характерная для реалистической прозы Налоева установка на художественную реконструкцию исторических событий, органично сочетающуюся с выразительными средствами фольклорной и публицистической стилистики. Повествование отличается многоплановостью, сложной композицией, насыщенностью внутреннего монолога и социальной типизации персонажей. Уже в общей концепции произведения заметно стремление автора не только зафиксировать эпохальные переломы, но и выявить нравственные ориентиры, выработанные народом в период больших исторических потрясений.

Настоящее исследование направлено на осмысление одной стороны творчества Ахмедхана Налоева, крупного прозаического полотна в жанре романа. В рамках поставленной цели решаются следующие задачи: изучение системы образов и персоналий, прежде всего, главного героя Залимгери Керефова, а также рассмотрение стилистических и жанровых особенностей. Кроме того, особое внимание уделяется тому, каким образом автор осмысливает исторические события начала XX в. через призму личностной драмы, общественных трансформаций и народного мировоззрения.

Как было замечено выше, несмотря на значимость творчества Ахмедхана Налоева, степень научной разработанности его наследия остаётся крайне низкой. В существующих литературоведческих трудах лишь эпизодически затрагиваются отдельные аспекты его прозы, тогда как целостные монографические исследования отсутствуют. Исключение составляют краткие сведения в справочниках и словарях, где даётся общее представление о направлениях творчества

писателя. В качестве контекстуальной базы используются также более широкие исследования, посвящённые литературе народов Северного Кавказа, вопросам социалистического реализма и становлению исторического романа в советский период.

Итак, автор первый в истории кабардинской литературы описал первые шаги революционного подполья в Кабарде. История разворачивается через судьбы простых горцев, в частности жителей села Хату-Анзорово, среди которых главным персонажем является Залимгери Керефов, фигура духовно зрелая, внутренняя трансформация которой символизирует пробуждение национального самосознания. Через образ этого героя автор раскрывает не только внешние события, но и глубокие внутренние конфликты эпохи: столкновение традиционного уклада с новыми идеями, поиск нравственных ориентиров в условиях разрушающегося мира.

Роман сочетает в себе черты исторического, социально-психологического и идеологического повествования. Он отличается глубокой идейной насыщенностью, точной передачей этнографических и бытовых деталей, выразительным языком и психологической достоверностью. Художественное пространство романа наполнено подлинной исторической атмосферой, что позволяет говорить о **«Всадниках рассвета»** как о важнейшем произведении кабардинской прозы, в котором автор не только воспроизводит прошлое, но и задаёт ориентиры для понимания настоящего и будущего.

Таким образом, обращение к творчеству Ахмедхана Налоева, и, в частности, к его роману **«Всадники рассвета»**, представляется особенно актуальным в свете задач современного литературоведения, стремящегося к углублённому осмыслению ключевых этапов развития национальной литературы.

Роман Ахмедхана Налоева **«Всадники рассвета»** является важным произведением в контексте кавказской литературы XX в. Он представляет собой не просто историческое повествование, а глубокий психологический и философский анализ человеческой природы, а также философское осмысление революционных процессов, которые потрясли традиционное общество. На фоне исторических катастроф, происходящих на Кавказе, Налоев рисует картину внутреннего мира своих героев, особенно Залимгери Керефова, который находится на перепутье исторических и личных выборов.

Роман задаёт вопросы, которые остаются актуальными и по сей день: как сохранить свою идентичность в условиях революции? Можно ли сохранить идеалы, не став частью разрушительных процессов? Какую цену готов заплатить человек за свои убеждения?

В целом, роман **«Всадники рассвета»** – это произведение, которое затрагивает не только исторические события, но и глубокие философские вопросы о судьбе народа, времени и человеческой жизни в условиях глобальных исторических перемен. Налоев показывает внутреннюю борьбу героев, их стремление к идеалам и осознание того, что их мир в какой-то момент рушится, а их мечты и стремления остаются невыполненными.

Как было сказано выше, роман начинается с того, что главный герой, Залимгери Керефов, молодой кабардинец, вовлечен в трагические события войны. Он

был призван на службу в русскую армию, вернее, откликнулся на призыв и записался добровольцем на шесть долгих военных месяцев. Как и многие другие горцы, его друзья: Каирбек Анзоров, Дохшоко Астемиров, Хатута Тохтаров, Зулкарней Абеев, Курман Архестов, Беслан Маршенкулов, Данил Тамбиев, – он не понимает настоящего смысла конфликта, в который он попал. Война для них кажется чем-то чуждым, и Залимгери Керефов, как и многие другие горцы, воспринимает её как неприятное внешнее вмешательство в собственную жизнь и жизнь его народа.

Однако в ходе войны Залимгери сталкивается с жестокой реальностью, где ему предстоит бороться не только за свою жизнь, но и за свои идеи, связанные с революцией и освобождением своего народа. Революционными идеями он проникся в городе Баку, куда ездил на заработки на нефтяные промыслы, и жил там несколько лет. Именно там он услышал само слово «революция», а вскоре познакомился с идеями подпольного кружка, ему приходилось даже распространять листовки и читать свежие номера подпольной газеты.

Автор постепенно, на протяжении всего повествования раскрывает нам революционные идеи и внутренний конфликт героя и его товарищей: Каирбека Анзорова, Таши Тасмахилова, Хатуты Тохтарова и других.

Залимгери, как и другие горцы, проявляет интерес к революции, мечтая о том, чтобы его народ избавился от рабства и угнетения. Но, как показано в романе, горцы не готовы к такой борьбе. В своем стремлении привлечь солдат-земляков для участия в революции, Залимгери сталкивается с полной идеологической и моральной незрелостью не только среди простых людей, но и среди своих ближайших соратников.

Пытаясь вернуть солдат домой, он решает использовать их на родной земле для революционной борьбы. Однако эти усилия оказываются напрасными. Находя поддержку только в нескольких товарищах, он все больше разочаровывается в своих идеях и в людях, с которыми столкнулся на фронте.

Кризис идеалов и внутренняя борьба

Залимгери переживает настоящий внутренний кризис. Он осознает, что народ, к которому он обращался, еще не готов к революции и освобождению. Он начинает понимать, что его мечты и надежды на изменение мира, на борьбу за народ, были слишком амбициозными и идеализированными. Это понимание приводит его к глубокому разочарованию в своей жизни и идеях.

Особенно мучительно для героя осознание того, что он не может найти соратников в своей борьбе, а вокруг него все больше людей, которые не заинтересованы в революции, а думают о своих собственных материальных благах.

Трагические события неминуемо настигают Залимгери. Минули те полгода, на которые был заключён контракт добровольцев, но война ещё не была окончена. Каирбек Анзоров контужен, Хатута Тохтаров тяжело ранен. Невероятная усталость солдат и тоска по дому обуяла всех... После сражения у порта Артур стало ясно, что Россия проигрывает войну. Каждый солдат был наперечёт. После подачи прошения главнокомандующему армии Куропаткину и его резкого отказа отпустить домой добровольцев, чей контракт был окончен, на общем сходе

было решено самовольно покинуть фронт. Покинуть решили сразу две сотни солдат: кабардинская и чеченская. Но Залимгери и его товарищам далеко уйти не удалось: среди них оказался выдавший всех Данил Тамбиев. Вскоре их окружили в перелеске и вернули снова на позиции... Организаторы побега не избежали наказания, многих ждала тюрьма и Сибирь. Залимгери Керефову, как лидеру – казнь через расстрел...

На фоне всех этих событий, переживаний и разочарований Залимгери оказывается перед лицом своей собственной судьбы. В какой-то момент его заподозрили в проявлении политических и революционных действий и попытках изменить ход событий, направив народ на путь борьбы за свободу. Его казнь становится символом не только личной трагедии героя, но и поражения революционных идей в данном историческом контексте.

Залимгери был казнен не за конкретные преступления или жестокие действия, а за свои идеалы и стремление изменить устоявшийся порядок. Его казнь представляет собой результат неготовности народа к революционным изменениям, а также неготовности общества к таким глобальным переменам. В этом контексте казнь Залимгери становится трагическим символом его собственной незрелости и того, что время для изменений ещё не наступило.

Последние размышления перед смертью главного героя романа

Перед самой казнью Залимгери размышляет о своём пути, о неосуществившихся мечтах, о своих заблуждениях. Он осознает, что его народ ещё не готов к борьбе за свободу и равенство, и что революция для его времени была не более чем утопической мечтой. Это осознание не приносит ему облегчения, но становится частью его философских размышлений перед смертью. Он понимает, что в будущем, возможно, будут другие люди, которые смогут довести дело до конца, но для него самого это уже не актуально. Речь Залимгери – это уже психологически зрелого человека, она содержит в себе философию и мудрость от прожитой жизни: «Человек, человек! Кто ты: ошибка природы или бог? – пытался он ответить самому себе. – Сколько в тебе противоречий! Ты жаждешь мира, а сам идёшь на войну. Тебе претит убийство, и все религиозные заповеди повторяют: «не убий», а сам идёшь на войну убивать! Когда ты плюнешь на кровопролитные войны и объявишь войну нищенству?

Да, ты не брезгуешь проливать кровь ближних своих, у тебя всегда найдутся доводы, чтобы оправдать себя. Особенно легко льётся кровь в нашей милой Кабарде. Разбойники со спокойной совестью убивают человека...

А войны? Враждуют между собой люди разных национальностей. Рекой льётся кровь... Человеческая жизнь! А что такое человеческая жизнь? Родился, пожил, умер. Вот и все. Да, но что такое жизнь? «– так главный герой рассуждает ещё долго. Но заканчиваются его тяжёлые думы философскими мыслями, содержащими революционные идеи: «Да, не делай зла другому. Но и не прощай никакое зло. Зло – это когда твой кусок хлеба отнимает другой. Зло – это когда одна нация эксплуатирует другую...» [Налоев 2001: 252].

Роман заканчивается на трагической ноте. Залимгери погибает, но его смерть не является концом борьбы. Напротив, она становится важным

моментом, который в какой-то степени предвещает изменения в будущем. Его смерть символизирует непрощенную утрату и бессмысленность личных жертв, которые не принесли реальных изменений в этот исторический момент.

Заключение

Таким образом, роман Ахмедхана Налоева «**Всадники рассвета**» раскрывает глубокую философскую проблематику, связанную с идеалами революции, моральными поисками человека в условиях войны и исторических катастроф. Главный герой, Залимгери Керефов, становится символом поколения, которое стремилось к переменам, но не успело их осуществить, и его казнь – это символ неудачи, несбывшихся надежд и неизбежной трагедии того времени.

Роман Налоева – это не только история войны и революции, но и глубокий психологический анализ внутренних противоречий героя, который пытается найти свой путь в мире, полном насилия и неопределенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Алхасова 2012 – *Алхасова С.М.* Национальное своеобразие подлинника и перевод // Вестник КБИГИ. – 2012. – № 4. – С. 38-43.

Налоев 2001 – *Налоев А.Х.* Всадники рассвета. Избранное в двух томах. – Том I. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 327 с.

Сокуров 1981 – *Сокуров М.* От рассказа к роману // Предисловие к роману «Всадники рассвета». – Нальчик: Эльбрус, 1981. – С. 319-322.

Шевлоков 2003 – *Шевлоков П.Ж.* Ахмедхан Налоев // Писатели Кабардино-Балкарии. XIX – конец 80-х гг. XX в. Библиогр. словарь [Более 180 ст.]. – Нальчик: Эль-фа, 2003. – С. 297-301.

REFERENCES

ALKHASOVA S.M. *Natsional'noe svoeobrazie podlinnika i perevod* [National Identity of the Original and Translation]. In: Vestnik KBIGI. – 2012. – № 4. – P. 38-43. (In Russ.).

NALOEV A.KH. *Vsadniki rassveta. Izbrannoe v dvukh tomakh* [Riders of the Dawn. Selected Works in Two Volumes]. – Tom I. – Nal'chik: El'-brus, 2001. – 327 p. (In Russ.).

SOKUROV M. *Ot rasskaza k romanu* [From Short Stories to Novels]. In: Predislovie k romanu «Vsadniki rassveta». – Nal'chik: El'brus, 1981. – P. 319-322. (In Russ.).

SHEVLOKOV P.ZH. *Akhmedkhan Naloev* [Ahmedkhan Naloev]. In: Pisateli Kabardino-Balkarii. KhKh – konets 80-kh gg. KhKh v. Bibliogr. slov., [Bolee 180 st.]. – Nal'chik: El'-fa, 2003. – P. 297-301. (In Russ.).

Информация об авторе

С.М. Алхасова – доктор филологических наук.

Information about the author

S.M. Alkhasova – Doctor of sciences (Philology).

Статья поступила в редакцию 15.06.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 15.06.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

Научная статья
УДК 821
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-358-365
EDN: SDWUZM

ТЕМА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ОДИНОЧЕСТВА И ДЕГРАДАЦИИ СОЦИУМА В ЛИРИКЕ ЕТИМА ЭМИНА

Руслан Гаджимурадович Кадимов¹, Зарема Нажмудиновна Чукуева²

¹ Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, ruslankadimov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8743-8106>

² Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Россия, turkdgpu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1831-0380>

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу ключевой темы в лирике классика дагестанской (лезгинской) поэзии Етима Эмина – трагического переплетения экзистенциального одиночества личности и деградации социума. Исследование раскрывает, как укорененный в традициях лезгинской литературы и суфийской мысли поэтический дискурс Эмина осмысливает дружбу как высшую духовную ценность, чья утрата (через смерть, забвение или предательство) оборачивается для лирического героя онтологической катастрофой и метафизической покинутостью в брэнном мире (фана). Параллельно анализируется выступление поэта в роли беспощадного диагноста социального кризиса: эрозии морали, торжества зависти и корысти, девальвации знания (илим) и духовности, что характеризуется как состояние «развращенных народов». Статья доказывает глубинную причинно-следственную связь этих тем: патологии деградирующего общества представлены как коренная причина страданий и изоляции индивида, чья личная драма является симптомом общего кризиса гуманизма. На материале детального разбора стихотворений исследуются художественные средства воплощения трагедии: использование жанров элегии, плача и газели, контрастной метафористики («мир-фана», «яма горя», «черное сердце»), антитезы, лексических удвоений (биномов), навязчивых редифов и повторов, создающих ритм скорби. Особое внимание уделяется суфийскому подтексту, легитимизирующему обращение к умершим друзьям и формирующему основу для духовного сопротивления через веру и верность идеалу. Делается вывод о поэзии Эмина как реквиеме по утраченной гармонии и гуманистическом свидетельстве о трагическом уделе человека в эпоху распада связей и ценностей, сохраняющем философскую глубину и художественную силу.

Ключевые слова: Етим Эмин, суфийский подтекст, лирический герой, тема, экзистенциализм, дискурс, поэтика.

Для цитирования: Кадимов Р.Г., Чукуева З.Н. Тема экзистенциального одиночества и деградации социума в лирике Етима Эмина // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 358-365. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-358-365. EDN: SDWUZM.

© Кадимов Р.Г., Чукуева З.Н., 2025

Original article

THE TOPIC OF EXISTENTIAL ALONE-NESS
AND SOCIAL DEGRADATION IN ETIM EMIN'S LYRICS

Ruslan G. Kadimov¹, Zarema N. Chukueva²¹ Dagestan State Pedagogical University R. Gamzatov, Makhachkala, Russia, ruslankadimov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8743-8106>² Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia, turkdgpu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1831-0380>

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the key theme in the lyrics of the classic of Dagestani (Lezgin) poetry Yetim Emin – the tragic interweaving of the existential loneliness of the individual and the degradation of society. The study reveals how Emin's poetic discourse, rooted in the traditions of Lezgin literature and Sufi thought, conceptualizes friendship as the highest spiritual value, the loss of which (through death, oblivion or betrayal) turns into an ontological catastrophe and metaphysical abandonment in the mortal world (fana) for the lyrical hero. In parallel, the poet's performance as a merciless diagnostician of the social crisis is analyzed: the erosion of morality, the triumph of envy and self-interest, the devaluation of knowledge (ilim) and spirituality, which is characterized as the state of "corrupted peoples". The article proves the deep cause-and-effect relationship of these themes: the pathologies of a degrading society are presented as the root cause of suffering and isolation of an individual, whose personal drama is a symptom of the general crisis of humanism. Based on a detailed analysis of the poems, the author examines the artistic means of embodying the tragedy: the use of the genres of elegy, lamentation and ghazal, contrasting metaphors ("mir-fana", "pit of grief", "black heart"), antithesis, lexical doublings (binomes), obsessive redifs and repetitions that create a rhythm of grief. Particular attention is paid to the Sufi subtext, legitimizing the appeal to deceased friends and forming the basis for spiritual resistance through faith and loyalty to the ideal. A conclusion is made about Emin's poetry as a requiem for lost harmony and a humanistic testimony to the tragic fate of man in the era of the disintegration of connections and values, preserving philosophical depth and artistic power.

Key words: Yetim Emin, Sufi subtext, lyrical hero, theme, existentialism, discourse, poetics.

For citation: Kadimov R.G., Chukueva Z.N. The topic of existential alone-ness and social degradation in Etim Emin's lyrics. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 358-365. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-358-365. EDN: SDWUZM.

© Kadimov R.G., Chukueva Z.N., 2025

Введение

Творчество Етима Эмина, классика дагестанской (лезгинской) поэзии XIX в., представляет собой уникальный синтез глубокой философской рефлексии и эмоциональной лирической силы, укорененный в традициях лезгинской литературы и суфийской мысли. Его поэтический дискурс последовательно исследует трагические аспекты человеческого существования, центрируясь на переживании экзистенциального одиночества личности, обостренного на фоне острого социокультурного кризиса современного ему общества. Эмин осмысливает дружбу не просто как человеческую привязанность, но как высшую духовную ценность, «золотую казну» бытия (в духе Абу Али ибн Сины), чья утрата – будь то через смерть, забвение или предательство – оборачивается для лирического героя онтологической катастрофой, разрушением самой ткани мира. Это одиночество носит не только личный, но и метафизический характер, усугубляясь ощущением бренности мира (фана), покинутости перед лицом Божьего суда (Зулжалал) и превращением некогда «просторного мира» во враждебную, тесную пустыню существования.

Параллельно и неразрывно с темой одиночества развивается беспощадная критика поэтом деградации социума: Эмин фиксирует эрозию морали, торжество зависти, лицемерия и корысти, девальвацию знания и подлинной духовности, характеризуя состояние общества как массовое нравственное падение, где утрачены уважение и нравственность, а герой ощущает себя осажденным «сотнями врагов».

Ключевым аспектом поэзии Эмина является выявление глубинной взаимосвязи этих тем: патологии деградирующего социума (распад связей, эрозия ценностей) выступают коренной причиной экзистенциального одиночества и страданий индивида, чья личная драма становится симптомом и зеркалом общего кризиса гуманизма. Для воплощения этой трагической картины Эмин мастерски использует арсенал восточной поэтики (жанры элегии, плача, газели), насыщая свои стихи мощными художественными средствами: риторическими вопросами, контрастными метафорами и символами («мир-фана», «яма горя», «черное сердце»), антитезой, характерными лексическими удвоениями (бинами: «салам-дуьа», «гъам-хажалат»), навязчивыми редирами и повторами, создающими ритм скорби.

Суфийский подтекст легитимизирует обращение к умершим друзьям как к заступникам в инобытии и формирует основу для духовного сопротивления через веру, память и верность идеалу дружбы среди руин социума.

Данная статья предлагает детальный анализ этой центральной для поэтики Эмина дихотомии – экзистенциального одиночества и социокультурной деградации – на материале ключевых стихотворений («Сердечные друзья, нельзя ли вспомнить обо мне?», «Приветствую вас...», «Весть отправь другу», «Неужели я не нужен?»), раскрывая их философскую глубину, художественное своеобразие и непреходящую гуманистическую значимость как реквиема по утраченной гармонии и свидетельства о трагическом уделе человека.

Основная часть

Поэзия Етима Эмина пронизана глубоким осмыслением экзистенциального одиночества человека на фоне социокультурного кризиса, образуя трагическую картину человеческого существования. Экзистенциальное одиночество у Эмина имеет глубокие истоки и многообразные проявления.

Поэтический дискурс Етима Эмина, укорененный в традициях лезгинской литературы и суфийской мысли, последовательно исследует тему дружбы как высшей духовной ценности и трагедию ее утраты. Стихотворение «Сердечные друзья, нельзя ли вспомнить обо мне?» («Азиз дустар, килигдачни зи гьалдиз?») [Етим 1995: 197]), выстраивает дихотомию между лирическим субъектом и покинувшим его кругом друзей. Лейтмотивом произведения становится риторический вопрос о причинах этого социального отчуждения:

*Приветствую вас сладчайшими словами,
Сердечные друзья, нельзя ли вспомнить обо мне?
Когда нищий к вам приходит с улицы,
Неужели вы не вспомните меня?*

Третья строфа выполняет функцию композиционного моста, актуализируя теологический аспект. Поэт апеллирует к всеведению Бога (Зулжалал), подчеркивая греховность забвения и предрекая неизбежность эсхатологического ответа:

*Когда таким являюсь горемыкой,
И жизнь моя в лишениях прошла,
Когда, забыв меня, вы помните других,
Что ответите вы Зулжалалу?*

Смерть или забвение друзей становится для лирического героя онтологической катастрофой, разрушающей саму ткань бытия, что выражено в строках «Приветствую вас...» [Етим 1995: 197]: «Подобна смерти разлука с вами», «В глубокую яму горя-тоски я упал». Лирический герой постоянно сталкивается с социальным отчуждением и покинутостью – друзья забывают его («Сердечные друзья...»: «Когда, забыв меня, вы помните других»), мир равнодушен к его страданиям, порождая острое чувство ненужности и вопрошание («Неужели вы не вспомните меня?»). Эта утрата обнажает брэнность человеческого существования (мира-фана), оставляя героя один на один со смертью и перед лицом Божьего суда («Сердечные друзья...»: «Что ответите вы Зулжалалу?»), придавая одиночеству метафизический характер. Оно материализуется в образах пространственной и эмоциональной стесненности: «Просторный мир стал тесен», «ясный день – пасмурен» («Приветствую вас...»), превращая мир без друзей во враждебную пустыню существования. В стихотворениях вроде «Весть отправь другу» и «Неужели я не нужен?» («За кьведай заз хкаж хьана?») одиночество осознается как участь непонятого глашатая, чьи слова о бедах мира остаются без ответа («Неужели я не нужен?»: «Плачущий, я нужен ли вам?»).

Параллельно и неразрывно с темой одиночества развивается тема деградации социума, где Эмин выступает как диагност социальных болезней. Он фиксирует глубокую эрозию морали и кризис нравственных устоев: исчезают ключевые ценности – «потеряны уважение, нравственность» («Весть отправь другу»). Мир захлестнули пороки: торжествуют зависть («Один другому завидует»), лицемерие, корысть, равнодушие к страданиям ближнего («Сердечные друзья...»: сравнение с забытым нищим). Арбен Кардаш, говоря о лирике поэта, отметил, что «Етим Эмин – поэт-философ, ратовавший за душевную и духовную чистоту людей. У него немало стихов о душе, о внутреннем мире человека... Его судьба и наследие содержит в себе много жизненных уроков и для будущих поколений» [Арбен 2018].

Поэт с горечью констатирует девальвацию знания («илим») и подлинной духовности («Весть отправь другу»), вытесняемых низменными интересами. Используя сильное выражение «развращенные народы», Эмин указывает на массовый характер нравственного падения, свидетельствующий о кризисе общества в целом. Этот социум, лишенный нравственных ориентиров, становится враждебной силой для одинокой души: «врагов уже сотни» («Весть отправь другу»). Герой ощущает себя осажденным в мире, где господствуют антигуманные законы.

Деградация проявляется и в разрушении подлинных человеческих связей, замене искренней дружбы на поверхностные отношения, что напрямую питает экзистенциальное одиночество героя.

Между одиночеством и деградацией социума существует глубокая взаимосвязь и причинно-следственная зависимость. Эмин прямо указывает, что патологии общества являются коренной причиной (этиологической основой) страданий и одиночества человека («Весть отправь другу»). Распад социальных связей и ценностей обрекает инвалида на изоляцию. Переживание героем глубокого одиночества – это не только личная драма, но и симптом общего неблагополучия, кризиса гуманизма в обществе, зеркало, отражающее болезнь целого мира. Однако Эмин намечает и пути попытки преодоления через обращение к утраченному и вечному. Вера в инобытие (потустороннее бытие) умерших друзей позволяет герою обращаться к ним («Приветствую вас...», «Хочу спросить у вас, друзья...»), ища утешения и заступничества (интерцессии) – попытка преодолеть земное одиночество через связь с миром вечным. Герой сохраняет веру, принимая страдание как божественную волю, и его просьбы к друзьям молиться за него – акт упования на высшую справедливость. Само постоянное обращение к идеалу дружбы, ее воспевание и оплакивание – это утверждение идеала в противовес реальности деградирующего социума. Поэт придавал очень большое значение дружбе вообще. В известном стихотворении «Дуьнья гургъагур» («Беспорядочный мир») [Етим 1995: 135] поэт говорит, что «друг в этом мире тот, кто, как Рабеу Салман, готов жизнь отдать за дело друга» (Яр-дустунин рекъе вичин чан гудай/Дуст гъа Рабеу Салман я дуьньяда) [Кюреви 2020: 205]. Представляя идеал дружеских отношений в стихотворении поэтом упомянут Рабеу Салман – герой мусульманских легенд, который ценой своей жизни продолжил дело своего друга, которому так был предан.

Для выражения этих тем Эмин использует мощный арсенал художественных средств. Он обращается к адекватным жанрам: элегии, плачу, газели, наиболее подходящим для выражения скорби и размышлений о бренности. Репрезентация эмотивного состояния достигается через комплекс поэтических средств. Создается особая поэтика скорби: риторические вопросы выражают недоумение, отчаяние, вопрошание к миру и Богу («Неужели вы не вспомнить?», «Как дни и ночи проводить?», «Что ответите вы?»). Метафоры и символы («Мир-фана», «яма – горя», «просторный мир стал тесен», «черное сердце», «слезы», «разлука – смерть», «друзья слаще сахара») создают плотное семантическое поле страдания, антитезу, контрастирующую между миром ушедших друзей (подразумеваемым потусторонним бытием) и миром фана (бренного существования), где герой испытывает экзистенциальную стесненность:

*Приветствую вас от всей души, мои сердечные друзья.
Подобна смерти разлука с вами, слаще сахара друзья...
Горя в мире-фана, как дни и ночи проводить?
Просторный мир стал тесен, ясный день – пасмурен, друзья.
Когда, покинув мир, вы удалились от меня,
В глубокую яму горя-тоски я упал, друзья».*

Суфийский подтекст принципиально важен: обращение к умершим друзьям легитимизируется верой в их инобытие («в доме дорогом Ислама» – в раю). Герой просит их заступничества (интерцессии) перед Аллахом, принимая свою участь как божественную волю, но не в силах преодолеть скорбь:

*Хочу спросить у вас, друзья: в доме дорогом Ислама (в раю)
Неужели никогда не вспомните одержимого Эмина?*

Стилистические особенности включают тематический параллелизм и вариативность мысли в строфах, характерные для Эмина лексические удвоения (биномы): «салам-дуъа» («привет-благопожелание»), «гъам-хажалат» («горе-тоска»), «хийир-дуъа» («благословление-молитва»), а также антитетические конструкции: «йикъар-йифер» («дни-ночи»), «ачух дуънья хъана дар» («просторный мир стал тесен»), «алахъай югъ – серин» («ясный день – пасмурен»). Тема дружбы получает дальнейшее развитие в газели «Весть отправь другу» («Са хабар це дустуниз») [Етим 1995: 189]. Восстановленный в сборнике 1995 года полный текст демонстрирует богатую формальную организацию: метрическая схема (15-сложный стих с цезурой после 4-го слога), реди́ф (повторяющаяся фраза в конце строки «са хабар це дустуниз» – «весть отправь другу» – 7-сложный), рифмовка (первое двустипение – смежная рифма «дердерикай – вилерикай», последующие четные строки – дактилическая предреди́фная рифма (напр., «вахтара», «ц1раз», «илим», «вишерал», «гъамарикай»), финал усилен внутренней рифмой («я, рик1 зайиф я») и синтаксический параллелизм в первом дистихе:

*Стха, на зи дердерикай са хабар це дустуниз,
На зи сефилвилерикай са хабар це дустуниз.*

*Брат, о горестях моих весть отправь другу,
О печалях ты моих весть отправь другу).*

Лексикографический анализ слова «сефилвилерикай» («о печалях» / «о печальных глазах») указывает на возможный авторский вариант раздельного написания («сефил вилерикай»). Эта гипотеза подкрепляется созданием визуального образа «печальных глаз», соответствием ритмическому паттерну (цезура на 4-м слоге совпадает с границами слов), отсутствием слова «сефилвилер» в других текстах Эмина и раздельным употреблением компонентов «вилер» (глаза) и «сефил» (печальный) в других строфах газели.

Семантическое развитие текста в дистихе 2 конкретизирует причину скорби – физическую разлуку с другом и ее темпоральную протяженность («много времени в разлуке»), используя метафору слез: «Когда со мной расстался друг и много времени в разлуке, / О слезах, из глаз текущих, весть отправь другу». Дистих 3 усиливает мотив интериоризации страдания («в сердце черно»), душевного увядания («я таю») и социального унижения («обездоленных»): «Днем и ночью в сердце черно, став грустным, я таю, / О днях обездоленных моих весть отправь другу».

Дистих 4 осуществляет переход на макросоциальный уровень, где поэт диагностирует глубокий кризис общества: торжество зависти («Один другому завидует»), эрозию моральных устоев («потеряны уважение, нравственность»), девальвацию знания («науки») и нравственную деградацию масс («развращенные народы»): «Один другому завидует, потеряны уважение, нравственность, науки. / О развращенных народах весть отправь другу». Финальные дистихи возвращают к личному плану через кольцевую композицию, подчеркивая множественность врагов и физико-душевное истощение героя («Грустен я, ослабло сердце»), идентифицируя его с поэтом («Эмина горьких слезах»):

*Что теперь мы будем делать – врагов уже сотни,
О выпавших нам горестных днях-ночах весть отправь другу
Грустен я, ослабло сердце, о скорби раба грешного,
Об Эмина горьких слезах весть отправь другу».*

В отличие от стихотворения «Сердечные друзья...», где присутствует открытое противопоставление героя забывшим его друзьям, в газели «Весть отправь другу» дихотомия выражена иначе. Лирический субъект предстает прежде всего как жертва, «истерзанный» и «измученный» одиночеством и несправедливостью мира. Однако социокультурная критика, содержащаяся в четвертом дистихе, является ключом к пониманию этиологической основы его страданий. Эмин прямо указывает на патологии современного ему социума («деградация морали», «утрата знаний», «всеобщая зависть») как на коренную причину человеческой драмы. Элегический тон обоих произведений, усиленный повторяющимися структурами, богатой звукописью и системой образов, связанных со смертью, забвением, слезами и сужением мира, формирует устойчивое семантическое поле скорби, отражающее экзистенциальную травму поэта перед лицом утраты идеала дружбы и кризиса гуманистических ценностей в окружающей действительности. Творчество Эмина выступает как рефлексия над хрупкостью человеческих связей и брэнностью земного существования в контексте суфийского мировидения и традиций восточной лирической поэзии.

Навязчивый ритм скорби создается редифом и повторами ключевых фраз («весть отправь другу», обращения «друзья»), подчеркивая неразрешимость проблемы. Контрастные эпитеты («Сердечные друзья» / «развращенные народы», «сладчайшие слова» / «горькие слезы») усиливают трагическое напряжение.

Заключение

Таким образом, тема экзистенциального одиночества и деградации социума является смысловым нервом лирики Етима Эмина. Его герой – трагическая фигура, раздавленная двойным бременем онтологической покинутости в брэнном мире («фана») и нравственного распада окружающего общества. Одиночество предстает как уделом человека в эпоху утраты духовных ориентиров и подлинных связей. Критика социума у Эмина – это глубоко переживаемая боль за разрушение основ человеческого общежития и духовности. Его поэзия становится реквиемом по утраченной гармонии и идеалу дружбы, и одновременно – актом

духовного сопротивления через веру, память и верность высшим ценностям среди руин социума и пустыни одиночества, оставаясь мощным гуманистическим свидетельством и философской рефлексией о трагических аспектах человеческого удела.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Арбен 2018 – *Арбен Кардаш*. Величие Етима Эмина // Литературная Россия. – № 208/37. – 12.10.2018. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://litrossia.ru/item/velichie-etima-jemina/?ysclid=mcpyafajpq866899734>. Дата обращения: 05.07.2025 г.

Етим 1995 – *Етим Эмин*. Не нагляжусь на мир... – Махачкала, 1995. (на лезг. яз.).

Кюреви 2020 – *Кюреви Мансур*. Этим Эмин (1840-1880). – М.: Азбука-2020, 2020. – 335 с.

REFERENCES

ARBEN KARDASH. *Velichie Etima Emina* [The greatness of Etim Emin]. In: Literaturnaya Rossiya. – № 208/37. – 12.10.2018. Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa: <https://litrossia.ru/item/velichie-etima-jemina/?ysclid=mcpyafajpq866899734>. Data obrashcheniya: 05.07.2025 g. (In Russ.).

ETIM EMIN. *Ne naglyazhus' na mir...* [I can't get enough of the world...]. – Makhachkala, 1995. (na lezg. yaz.).

KYUREVI MANSUR. *Etim Emin (1840-1880)* [Etim Emin (1840-1880)]. – M.: Azbuka-2020, 2020. – 335 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Р.Г. Кадимов – доктор филологических наук, профессор.

З.Н. Чукуева – доктор филологических наук, профессор.

Information about the authors

R.G. Kadimov – Doctor of Science (Philology), professor.

Z.N. Chukueva – Doctor of Science (Philology), professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 10.07.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

Статья поступила в редакцию 10.07.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 27.09.2025.

Научная статья
УДК 821.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-366-376
EDN: SRECQQ

КАБАРДИНСКИЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ (МИЛИЦЕЙСКИЙ) ДЕТЕКТИВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РАШИДА КЕШОКОВА И АЛЕКСАНДРА САРАХОВА)

Кара Оскаровна Хашир

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, cara.khashir@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3426-9166>

Аннотация. Детективный жанр в кабардинском литературоведении недостаточно изучен, что обуславливает актуальность представленного исследования. На материале произведений писателей и вместе с тем сотрудников правоохранительных органов Рашида Кешокова (1907–1975) и Александра Сарахова (1934–2022) рассмотрены особенности кабардинского полицейского (милицейского) детектива, названы характерные для данного жанра литературные приемы (главные герои – официальные представители органов правопорядка, работа ведется в команде, важно следовать процедурам и др.), отображена его связь с национальным менталитетом (описание обрядов и обычаев, характерные только для кавказского общества фигуры, внутренний кодекс чести следователей и др.). Оба автора показали, что детектив в кабардинской литературе может успешно сочетать увлекательный сюжет с серьезными темами, национальный колорит – с универсальными мотивами борьбы закона с преступлением.

Ключевые слова: полицейский детектив; милицейский детектив; кабардинский детектив; Рашид Кешоков; Александр Сарахов.

Для цитирования: Хашир К.О. Кабардинский полицейский (милицейский) детектив (на материале произведений Рашида Кешокова и Александра Сарахова) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 366-376. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-366-376. EDN: SRECQQ.

© Хашир К.О., 2025

Original article

KABARDIAN POLICE (MILITSIA) DETECTIVE (BASED ON THE WORKS OF RASHID KESHOKOV AND ALEXANDER SARAHOV)

Kara O. Khashir

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, cara.khashir@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3426-9166>

Abstract. The detective genre in Kabardian literary criticism is insufficiently studied, which determines the relevance of the presented research. Based on the works of writers and at the same time law enforcement officers Rashid Keshokov (1907–1975) and Alexander Sarakhov (1934–2022), the features of the Kabardian police (militsia) detective are considered, literary techniques

characteristic of this genre are named (main characters are official representatives of law enforcement agencies, work is carried out in a team, it is important to follow procedures, etc.), his connection with the national mentality (description of rituals and customs, characters that are specific only to Caucasian society, the internal code of honor of investigators, etc.). Both authors have shown that detective fiction in Kabardian literature can successfully combine a fascinating plot with serious themes, and national flavor with the universal motives of the law's struggle against crime.

Keywords: police detective; militia detective; Kabardian detective; Rashid Keshokov; Alexander Sarakhov.

For citation: Khashir K.O. Kabardian police (militia) detective (based on the works of Rashid Keshokov and Alexander Sarakhov). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 366-376. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-366-376. EDN: SRECQQ.

© Khashir K.O., 2025

Детективный жанр включает в себя долгую историю эволюции форматов и тем, его границы до сих пор расширяются. Считается, что основу для него заложил Эдгар Аллан По, в XIX в. явивший миру героя-сыщика Огюста Дюпена. В то же время, хотя он был первым автором, рискнувшим вступить на неизведанную территорию детективных рассказов, именно сэр Артур Конан Дойл сделал их чрезвычайно популярными.

Их герои – Огюст Дюпен и Шерлок Холмс – гениальны, несколько эксцентричны и единственные способны решить загадку, в отличие от более приземленных слугителей закона. В целом, классический детектив славится героями-индивидуалистами, не имеющими прямого отношения к правоохранительным органам. В то же время еще одним пионером жанра был Уилки Коллинз, а в его романе «Лунный камень» сыщик Ричард Кафф выступает как официальный представитель полиции, и его можно назвать предшественником героев полицейского (милицейского) романа.

В XX в. полицейский (милицейский) роман, выводящий на первый план расследование преступлений представителями органов правопорядка и сочетающий в себе черты детектива и производственного романа, получил широкое распространение. В то же время нет единого мнения о месте данного жанра в криминальной литературе:

«Криминальные жанры давно уже являются популярным объектом исследования. Однако при том огромном количестве работ, которые им посвящены <...>, вопрос об их разграничении в рамках существующей жанровой системы остается пока открытым» [Кириленко, Федунина 2010: 17].

Литературоведы Н.Н. Кириленко и О.В. Федунина утверждают, что «несмотря на то, что детектив и полицейский роман являются основными жанрами криминальной литературы и в основе их обоих лежит сюжет расследования, их разграничение совершенно необходимо в силу того, что они имеют больше структурных и содержательных различий, чем сходства» [Кириленко, Федунина 2010: 29], и в данной работе мы выделим черты, позволяющие назвать кабардинские детективы именно полицейскими (милицейскими) романами.

В целом, исследователи сходятся во мнении, что полицейский (милицейский) роман – это подвид детектива, полагающийся на реалистичное и аутентичное представление органов правопорядка, их работы, а также жизни. Именно данный жанр представлен в кабардинской литературе, он связан с именами Рашида Пшемаховича Кешокова (1907–1975) и Александра Аюбовича Сарахова (1934–2022). Выбор данного типа детектива неслучаен, ведь оба писателя посвятили множество лет работе в следственных органах и использовали полученный опыт при написании произведений. Так, Рашид Пшемахович пишет:

«Обдумывая план будущей книги, я решил изменить лишь фамилии героев и названия населенных пунктов. В основу романа положены действительные события. Во всем же, что касается внутреннего мира персонажей, мотивов их поведения, я оставлял за собой право на вымысел» [Кешоков 1978: 4].

То же касается и работ Александра Аюбовича, на что указывает исследовательница кабардинской литературы И.А. Кажарова:

«Одна из черт, присущих детективам А. Сарахова – ориентированность на повествование о криминальных происшествиях, имевших место в реальности» [Кажарова 2019: 184].

Автор тяготеет к документализму, стремится к наиболее подлинному отображению действительности, во время описания судебных заседаний даже приводит и далее поясняет реальные статьи уголовного кодекса. Например, в рассказе «Сколько бы ниточка ни вилась...» прокурор, ожидающий вынесения приговора, использует время для беседы на правовые темы с присутствующими в судебном зале людьми:

«Статья 89, – говорил он, – устанавливает уголовную ответственность за хищение государственного или общественного имущества путем кражи. Особенностью кражи является ее тайный характер. Закон различает четыре вида кражи социалистической собственности...» [Сарахов 1985: 29].

Полицейский (милицейский) роман предполагает не только другой тип детектива, но и иную технику расследования, отличную от той, что была у детективов прошлых традиций. В отличие от классического детектива главным героем здесь выступает официальный представитель правопорядка, который полагается на ведомственные процедуры полиции (милиции), а также на собственный опыт, накопленный за годы службы. Так, Жунид Шукаев, главный герой романов Р. Кешокова «По следам карабаира» (1969), «Кольцо старого шейха» (1975) и «Двойной пароль» (написан в 1970, издан в 2014) начинает как двадцатипятилетний выпускник московской специальной школы милиции, но за годы работы успевает возмужать и обрести бесценный следовательский опыт. Преступники, пойманные Шукаевым в первой книге серии, во второй оказываются на свободе и вновь дают о себе знать, но выучивший их уловки следователь выводит злодеев на чистую воду. Кешоков сформировал единый детективный мир и выстроил сквозной сюжет: каждое новое дело героя тесно связано с прежними.

Образ Жунида Шукаева заслуживает особого внимания. Он профессиональный сыщик, сотрудник советской милиции, беспредельно преданный долгу, человек честный, смелый, находчивый и вместе с тем крайне скромный – своего рода народный герой на страже закона. Шукаев отлично знает местные реалии, пользуется уважением жителей Кавказа, переводит слова плохо говорящих на русском языке свидетелей и умеет учитывать национальные традиции в ходе расследования. В образе Шукаева отражен синтез профессиональной этики (верность присяге, принципиальность) и национального характера: герой воплощает лучшие черты кабардинского джигита – честь, отвагу, тягу к справедливости, направленные на благо общества. Кешоков через своего героя показывает, как традиционные нормы могут органично дополнять современную законность.

В то же время для произведений А. Сарахова не характерно наличие основного главного героя, кочующего из рассказа в рассказ, автор часто меняет героев-следователей, вводит множество новых имен (начальник уголовного розыска Жигунов, инспектор Пошолов, эксперт-криминалист Иругов и др.):

«Несомненно, многочисленность сыщиков оправдывается реальными особенностями организации работы правоохранительных органов. В этом контексте обращает на себя внимание еще одна причина ввода новых лиц – смена следователей» [Кажарова 2019: 188].

Ярким примером подобной смены следователей может послужить история Леонида Баркизова из повести «Карточный долг»: честный и принципиальный Баркизов не сумел закрыть глаза на деяния высокопоставленных браконьеров, за что и был уволен со службы. Его место занял Салих Таукенов, не ставший бороться за правду до конца. Осознание несправедливости тяготит читателей:

«Баркизову было тягостно на душе. Он никогда не чувствовал себя таким беспомощным, как сейчас. Кучка проходимцев праздновала свою победу. Это сильнее угнетало. Сколько несправедливости еще! Где же она, правда?» [Сарахов 1990: 88].

А. Сарахов высвечивает и темные стороны правоохранительных органов, показывает «правду жизни»: «Справедливость скрывалась в тумане местничества, куначества и круговой поруки» [Сарахов 1990: 88]. Только в самом конце повести, в последних строках мы узнаем о том, что Баркизову все же удалось вернуться на службу благодаря политическим изменениям в стране.

В романах Рашида Кешокова мы также можем столкнуться с нелестным изображением некоторых сотрудников правоохранительных органов, оба автора не боятся показать полицейские (милицейские) изъяны. Так, один из первых героев, с которыми мы знакомимся в романе «По следам карабаира», – это непосредственный начальник Жунида Шукаева – коррумпированный Тигран Ивасьян, промышляющий контрабандой, помогающий мошенникам и бандитам. Выясняется, что даже высшие чины в органах, созданных для сохранения порядка, нарушают закон, бывают мелочны, трусливы, завистливы, и в целом не походят на героев и защитников людей. Как верно отмечает А. Сарахов:

«Совесть не продается и не покупается, граждане браконьеры, – сказал внушительным тоном лейтенант Вячеслав Попов. – Потерявший совесть в милиции служить не может. Это уже не человек» [Сарахов 1990: 55–56].

Однако Кешоковым показан и пример того, как можно быть на грани правонарушения, выбирать между выгодой и совестью, но суметь сделать верные выводы, справиться с искушением и стать сильнее: так, следователь Вадим Дараев из своего тщеславия и близости к Ивасьяну решает, что можно оставить дело Афипского грабежа без дополнительного расследования с риском посадить невиновных, но в конце концов осознает свои ошибки и исправляет их:

«Как получилось, – стучало у него в висках, – что я, Вадим Дараев, которому несколько лет назад многие пророчили блестящую будущность, вдруг оказался на одной доске с ограниченным и завистливым Ивасьяном? Почему мне в какое-то время показалось, что нужно быть именно таким, как он?» [Кешоков 2019: 106–107].

Более того, впоследствии Дараев становится близким другом Жунида Шукаева:

«С Вадимом Акимовичем они сблизились за последнее время. И главную роль в этом сыграл не Жунид, который не слишком-то легко сходил с людьми, а сам Дараев. Он сильно изменился. <...> Как-то они разговорились. О прошлом, о себе, о своих семьях. Жунид умел слушать, а Дараев любил говорить. Словом, они почти подружились. Теперь им предстояло вместе работать» [Кешоков 2019: 118].

В то время как классические детективы-любители полагаются в основном на логику, рационализацию и научные объяснения, полицейские (милиейские) обязаны также следовать определенным процедурам. Данный момент предполагает, что детективы в полицейском (милиейском) романе почти всегда расследуют преступления в команде, и даже если главный герой присутствует, он никогда не раскрывает преступления единолично. Так, Шукаев работает не один, а с коллегами, такими как Вадим Дараев и Арсен Сутуров. Также слаженно работают герои и в произведениях Сарахова:

«Следователь Баркизов, не теряя времени, приступил к организации осмотра места происшествия, пригласив двоих понятых из числа собравшихся соседей. Криминалист Иругов высматривал местность, искал следы, щелкал фотоаппаратом, мигая фотовспышкой. Жигунов расспросил домочадцев о количестве нападавших и мысленно прикинул план розыска преступников» [Сарахов 1990: 4].

«Жигунов и Пошолов, давно привыкшие с полуслова понимать задание, сразу горячо принялись за дело. В пути они советовались, спорили, строили планы» [Сарахов 1990: 9].

Можно отметить, что кабардинский детектив тяготеет к реализму: преступления берутся из реальной жизни, расследования описаны достоверно, а концовки не всегда бывают благополучными, если того требует «правда жизни». В то же время сохраняется и воспитательная функция, важная для советской и

национальной литературы: каждое произведение несет мысль о противостоянии добра и зла, о необходимости верности долгу. В произведениях А. Сарахова можно увидеть рассуждения о том, как губительно бывает пренебрежение моралью, и особенно символично название его сборника «Расплата»:

«В жизни так устроено, что за все надо платить. Но плата бывает самой разнообразной. Встречается, например, плата карточного долга. Дико звучит, но встречается такое еще кое-где. Встречается только среди пьяниц, туенядцев. Бывает плата и подороже – плата свободой, здоровьем, а нередко жизнью. Бессмысленная плата. Так расплачиваются люди за свои ошибки, за нежелание идти в ногу с другими, за конфликт с законом, неуважительное к нему отношение. Плата за бесцельную жизнь» [Сарахов 1990: 28].

Такая плата была отдана героем Сарахова Емзагом Кушназоковым. Емзаг – пьяница, учинивший разгром в семье, избивший жену, сжегший дом и в итоге умерший на больничной койке: «

Кушназоков расплачивается теперь за свои ошибки. Он даже исповедался передо мной, когда я посетил его в больнице... До неузнаваемости изменился этот человек. Кается, но уже поздно. Весь желтый, изможденный, хилый. Лежит одинокий, всеми покинутый. Тяжела его одинокая старость...» [Сарахов 1990: 29].

Следователь Баркизов дополняет:

«Да, за все надо платить. Он сам виноват во всем. Ничто даром не проходит. Жизнь не прощает такие ошибки». [Сарахов 1990: 30].

В то же время есть и другой пример раскаяния: Семен Дуденко – подросток, который еще в прологе романа «По следу карабаира» оказывается косвенно замешанным в краже, кается и благодаря помощи Шукаева, разглагольствовавшего в нем внутреннюю доброту, выбирает верный путь и также начинает трудиться во благо народа. В следующих книгах помощь «рыжика», как его окрестил главный герой, бывает бесценна при поимке преступников. Автор показывает, как важна вовремя протянутая рука помощи, Жунид берет Семена под крыло, тем самым вдохновляет его на изменения:

«Народный суд учел данные Шукаева и поведение Семена, и Дуденко решено было не наказывать. Через несколько месяцев после суда, по ходатайству управления, в чем немалую роль сыграло вмешательство Жунида, «рыжика» зачислили курсантом в Военно-кавалерийскую школу» [Кешоков 2019: 107–108].

Часто герои кабардинского полицейского (милицейского) романа сами противопоставляют себя и свою работу расследованиям, что вели классические детективы. Они, как правило, подсвечивают то, как же книжные приключения отличаются от суровой и более приземленной реальности. Так, Шукаев рассуждает:

«Еще ему подумалось, что ни в одном детективном романе не описана, пожалуй, такая будничная, иногда довольно нудная и утомительная работа. Писателей, да и читателей,

наверное, привлекает другое. Сногшибательные повороты в расследовании, неожиданные и загадочные обстоятельства, дьявольская изобретательность преступников... Стрельба из-за угла, покушения на сыщиков, двойники, как две капли воды похожие один на другого, демонически прекрасные женщины с непроницаемыми взглядами и... мало ли еще что... А на самом деле бывает совсем другое. Работа, работа и работа. Часто – скучная, изматывающая тело и нервы» [Кешоков 2019: 171–172].

Сарахов также пишет именно реальные, жизненные истории о расследованиях правоохранительных органов, а его герои порой обсуждают то, как поступил бы известнейший книжный сыщик Шерлок Холмс:

«...Все же давайте лучше анализировать. Шерлок Холмс отличался от других глубиной логического мышления. – Доктор Ватсон тоже неплохо мыслил логически, а преступление все-таки раскрывал Холмс» [Сарахов 1990: 6].

Зачастую еще одной чертой полицейского (милицейского) романа является внимание к личной жизни героев, которая, как правило, не складывается из-за тягот службы. Исключением не стал и Жунид Шукаев, имевший трудности с женой:

«И вот сегодня он вдруг понял, что все его мечты и планы, касающиеся Зулеты и их совместной жизни, построены на песке. Словно говорят они на разных языках, совершенно не понимая друг друга» [Кешоков 2019: 87].

Взаимоотношениям Жуниды с женой Зулетой посвящено много строк, их история даже косвенно становится связанной с основным расследованием: Зулета оказывается втянута в интриги супругов Ивасьянов, а одного из мошенников, с которым у нее завязываются отношения, ловят прямо в их с мужем доме. Здесь также присутствует тема раскаяния и дальнейшего изменения: если ранее героиня не интересовалась учебой и тосковала без внимания мужа, отчего и решалась на легкомысленные поступки, то потом окончила медицинское училище, осознала свои ошибки и проявила себя не только как трудолюбивая работница, но и как замечательная мать.

Сарахов же в этом вопросе отходит от стандарта: про личную жизнь героев автор практически не пишет, в целом старается не уделять пристального внимания ничему, кроме самого преступления и его расследования. Даже если в текст вводятся историко-социальные эпизоды или культурные зарисовки, они не отвлекают от детективной линии:

«У А. Сарахова минимизировано все, что лежит за пределами расследования: подробности быта, деловой и личной жизни, показ внутреннего мира, характера. Наиболее явное отступление от этого принципа – в повести «Эбарг». После короткой экспозиции, в которой сообщается о преступлении и именах подозреваемых, следует глава с подробным, основанным на документальных свидетельствах повествованием о депортации ингушского и чеченского народов, что, в свою очередь, служит «предысторией» главного преступника, «абрека поневоле» Тархана Хангиева. И, тем не менее, все это не преобразует детективную линию в социально-политическую» [Кажарова 2019: 184].

В целом, подобные отличительные особенности работ Кешокова и Сарахова можно объяснить тем, что Кешоков писал в жанре чистого полицейского (милицейского) романа, а Сарахов включал в работы и черты полицейского процеду- рала. М.А. Жиркова в статье «Жанровые разновидности детектива (опыт сло- варя)» выделяет полицейский детектив и детектив полицейской процедуры:

«**Полицейский** [детектив] – детективное расследование ведет официальное лицо; может быть выделен один персонаж или команда профессионалов как часть государственного аппа- рата. Главный герой выведен как положительный персонаж, он честен, добросовестен и пре- дан своему делу, ведет официальное расследование. Раскрытию его характера, способностей, даже личной жизни также уделяется большое внимание. **Полицейской процедуры** [детектив] – роман выводит на первый план повествования работу полиции как официального государ- ственного органа правопорядка; показана повседневная работа по обнаружению и выслежива- нию преступника; не выделен главный герой, полицейская служба освещается как работа ко- манды профессионалов. В центре повествования – описание будничной работы полицейских детективов, методики расследования преступлений соответствуют реальной жизни: наличие информаторов, допрос свидетелей, работа криминалистической лаборатории и т. п.» [Жиркова 2010: 65].

Важно также отметить национальные черты кабардинского детектива, вы- делить его кавказский колорит. В текстах Кешокова описываются быт и нравы горцев, пути героев пролегают через аулы и горные перевалы. Автор часто опи- сывает местные особенности и обычаи. Например:

«С давних времен у горцев Кавказа бытует любопытный обычай. Если джигит нанес себе увечье на скачках, невзначай вывалившись из седла, получил ранение в стычке с кровником или абреком, если просто одолела его какая-нибудь неприлипчивая болезнь, – соседи и другие аульчане устраивали ему вечер увеселения» [Кешоков 2019: 346].

У Сарахова связь с родной землей и традициями проявлена неявно, нацио- нальное прослеживается в деталях: персонажи могут рассуждать о горском эти- кете, народной мудрости, а в повести «Эбарг» автор описывает ингушский сва- дебный обряд. В мировоззрении его героев традиционные ценности (честь, чув- ство ответственности перед обществом) могут служить моральным фундамен- том для службы закону. Например, принципиальность следователя Баркизова и его нежелание мириться со злом можно расценить как проявление внутреннего кодекса чести, во многом сходного с горским «хабзэ» или адатом, но реализо- ванного на современной правовой почве.

Национальный характер героев кабардинских детективов порой проявля- ется в системе ценностей и устойчивости к нравственным испытаниям. Встреча- ются в текстах и «оборотни в погонах», но, как правило, герои-сыщики добросо- вестные, сдержанные, целеустремленные – именно такие черты присущи образу порядочного кавказского мужчины, перенесенному в профессию следователя.

Также в кабардинском детективе появляются фигуры, характерные именно для кавказского общества. Например, образ «абрека» – горца-разбойника – Тар- хана Хангиева у А. Сарахова и Хахана Зафесова у Р. Кешокова. Встречается и местный «джегуако» – сказитель:

«Глядя на его хитроватое, добродушное лицо с глубоко запавшими умными глазами, над которыми густо нависли кустистые седые брови, на узловатые, еще сильные руки, которые ни минуты не могли находиться без движений и жестов, он сразу угадал в старике довольно распространённый на Кавказе тип сказителя, чья память буквально набита побасенками и сказками» [Кешоков 2019: 159].

Итак, Рашид Кешоков и Александр Сарахов внесли неоценимый вклад в развитие детективного жанра на кабардинской почве. Кешоков проложил путь, совместив детективную интригу с национальными особенностями и утвердив образ честного и смелого героя-сыщика, близкого народу. Сарахов же развил жанр, двинувшись в сторону еще большей документальности, отразив в нем жизненные реалии, трудности и драматизм новейшей эпохи. Оба автора показали, что детектив в кабардинской литературе может успешно сочетать увлекательный сюжет с серьезными темами, национальный колорит – с универсальными мотивами борьбы закона с преступлением.

Однако, несмотря на большую популярность, детективный жанр в кабардинском литературоведении недостаточно изучен и не получил широкого развития. Возможно, необходимость в детективе, который часто связан с городской средой и современными формами преступности, была менее актуальной в условиях традиционного кабардинского общества. Также детектив воспринимался через призму стереотипов как низкий жанр, чуждый национальной литературе:

«Выходит, что непопулярность детектива в кабардинской литературе может объясняться тем, что в национальной культуре народов Северного Кавказа массовый уровень письменной художественности не проявлен, а это обстоятельство дополнительно усугубляется некоторыми стереотипами восприятия самого феномена массового искусства, не говоря уже о стереотипах восприятия детективного жанра» [Кажарова 2019: 182].

Мы согласны с Г. Честертоном, выступившим в защиту детектива, считающегося «плохим» и низким жанром:

«Когда сыщик в приключенческом полицейском романе с безрассудной отвагой заходит в воровской притон и противостоит в одиночку ножам и кулакам бандитов, это наверняка побуждает нас помнить, что оригинальная и поэтическая фигура — это блюститель социальной справедливости... <...> Романтика полицейской службы оборачивается, таким образом, романтикой всего человечества. Она основана на том факте, что нравственность представляет собой самый тайный и смелый из заговоров. Она напоминает нам: вся эта бесшумная и незаметная полицейская деятельность, что регулирует нашу жизнь и защищает нас, является всего лишь донкихотством, которому сопутствует успех» [Честертон 1990: 19].

Детектив занял достойное место в кабардинской культуре благодаря усилиям Рашида Кешокова и Александра Сарахова, которые были не только талантливыми писателями, но и отважными следователями, героями, не только словом, но и делом доказывавшими, как важен тернистый и непростой путь защиты людей и справедливости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Жиркова 2018 – *Жиркова М.А.* Жанровые разновидности детектива (опыт словаря) // *Art Logos*. – 2018. – № 2 (4). – С. 58–69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-raznovidnosti-detektiva-opyt-slovary> (дата обращения: 25.06.2025).

Кажарова 2019 – *Кажарова И.А.* Детектив: к проблеме вариативности основного события и персонажей (на материале повестей А. Сарахова) // *Электронный журнал «Кавказология»*. – 2019. – №2. – С. 176–192. DOI 10.31143/2542-212X-2019-2-176-192

Кешоков 1978 – *Кешоков Р.П.* По следам карабаира. Роман. – Москва: Современник, 1978. – 334 с.

Кешоков 2019 – *Кешоков Р.П.* По следам карабаира: Роман. – Рязань: Издатель Митин А.С., 2019. – 400 с.: ил. – (Библиотека приключений и научной фантастики. Золотая полка).

Кириленко, Федунина 2010 – *Кириленко Н.Н., Федунина О.В.* Классический детектив и полицейский роман: к проблеме разграничения жанров // *Новый филологический вестник*. – 2010. – № 3 (14). – С. 17–32. URL: http://slovorggu.ru/nfv2010_3_14_pdf/02Kirilenko_Fedunina.pdf (дата обращения: 25.06.2025).

Сарахов 1985 – *Сарахов А.А.* Сколько бы ниточка ни вилась... – Нальчик: Эльбрус, 1985. – 104 с.

Сарахов 1990 – *Сарахов А.А.* Расплата: Повесть. – Нальчик: Эльбрус, 1990. – 136 с.

Честертон 1990 – *Честертон Г.К.* Как сделать детектив. / Пер. с англ. В. Воронина – М.: Радуга, 1990. – 320 с.

REFERENCES

ZHIRKOVA M.A. *Zhanrovye raznovidnosti detektiva (opyt slovary)* [Genre Varieties of the Detective (Dictionary Experience)]. IN: *Art Logos*. – 2018. – №2 (4). – P. 58–69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-raznovidnosti-detektiva-opyt-slovary> (access date: 25.06.2025). (In Russ.).

KAZHAROVA I.A. *Detektiv: k probleme variativnosti osnovnogo sobytiya i personazhej (na materiale povestey A. Sarahova)* [Detective story: to the problem of variability of the main event and characters (by the case of a. sarakhov's stories)]. IN: *Kavkazologiya / Caucasology*. – 2019. – № 2. – P. 176–192. DOI 10.31143/2542-212X-2019-2-176-192 (In Russ.).

KESHOKOV R.P. *Po sledam karabaira*. Roman [In the wake of Karabair. Novel]. – Moscow: Sovremennik, 1978. – 334 p. (In Russ.).

KESHOKOV R.P. *Po sledam karabaira*. Roman [In the wake of Karabair. Novel]. – Ryazan': Izdatel' Mitin A.S., 2019. – 400 p.: il. – (Biblioteka priklyuchenij i nauchnoj fantastiki. Zolotaya polka). (In Russ.).

KIRILENKO N.N., FEDUNINA O.V. *Klassicheskii detektiv i politseiskii roman: k probleme razgranicheniya zhanrov* [A classic detective story and a police novel: on the problem of differentiating genres]. IN: *Novyi filologicheskii vestnik*. – 2010. – No 3 (14). – P. 17–32. URL: http://slovorggu.ru/nfv2010_3_14_pdf/02Kirilenko_Fedunina.pdf (access date: 25.06.2025). (In Russ.).

SARAKHOV A.A. *Rasplata. Povest'* [Payback. Story]. – Nal'chik: El'brus, 1990. 136 p. (In Russ.).

SARAKHOV A.A. *Skol'ko by nitochka ni vilas'...* [No matter how long the thread is]. – Nal'chik: El'brus, 1985. 104 p. (In Russ.).

CHESTERTON G.K. *Kak sdelat' detektiv* [How to Write a Detective Story]. / Per. s angl. V. Voronina — M.: Raduga, 1990. 320 p. (In Russ.).

Информация об авторе

К.О. Хашир – кандидат филологических наук.

Information about the author

K.O. Khashir – candidate of sciences (Philology).

Статья поступила в редакцию 27.06.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 27.06.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

Научная статья

УДК 398+811.351.32+808.5(075)

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-377-384

EDN: SZIQFF

ЖАНРОВЫЕ ПРИЗНАКИ ЛЕЗГИНСКИХ НАРОДНЫХ СКОРОГОВОРК И ИХ ОБУЧАЮЩАЯ ФУНКЦИЯ

Аида Руслановна Гашарова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Россия, aida.2015@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1651-1740>

Аннотация. В данной статье рассматриваются народные скороговорки, представленные в детском потешном фольклоре лезгин. Целью статьи является выявление специфики использования скороговорок в детском обществе, а также их роли в формировании эстетического, художественного и педагогического содержания фольклорных текстов. При изучении жанра скороговорки мы опираемся на теоретическую базу, выработанную в российской науке о фольклоре, так как этот жанр не исследовался в лезгинском фольклоре. Анализ основан на системном подходе, предполагающем комплексный метод исследования фольклора в контексте конкретных реалий. Результаты анализа показали, что в детском фольклоре скороговорки функционируют в форме увеселений, игры. Однако содержание игры раскрывается только в устной словесной форме. В контексте изучения скороговорок в лезгинском детском фольклоре, проведенное исследование позволило выявить, что скороговорки можно классифицировать по различным жанровым признакам. Доказано, что скороговорки применяются логопедами (для устранения дефектов речи) и учителями (для укрепления артикуляционного речевого аппарата и развития речи). Скороговорки основаны на аллитерациях, внутренней рифме, ритме, частых повторях (многократное воспроизведение согласных звуков в сочетании с гласными звуками; повторение одних и тех же слов или корня слова; повторение целых грамматических конструкций; морфологические повторы на основе числительных, междометий и др.).

Ключевые слова: детский фольклор лезгин, потешный фольклор, словесные игры, скороговорки, развитие речи.

Для цитирования: Гашарова А.Р. Жанровые признаки лезгинских народных скороговорок и их обучающая функция // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 377-384. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-377-384. EDN: SZIQFF.

© Гашарова А.Р., 2025

Original article

GENRE FEATURES OF LEZGHIN FOLK TONGUE TWISTERS AND THEIR EDUCATIONAL FUNCTION

Aida R. Gasharova

The G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Federal Research Center of Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, aida.2015@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1651-1740>

Abstract. This article examines folk tongue twisters presented in Lezghin children's amusing folklore. The purpose of the article is to identify the specifics of using tongue twisters in children's society, as well as their role in the formation of the aesthetic, artistic and pedagogical content of folklore texts. When studying the tongue twister genre, we rely on the theoretical basis developed in the Russian science of folklore, since this genre has not been studied in Lezghin folklore. The analysis is based on a systematic approach, which involves a comprehensive method for studying folklore in the context of specific realities. The results of the analysis showed that in children's folklore, tongue twisters' function in the form of entertainment, games. However, the content of the game is revealed only in oral verbal form. In the context of studying tongue twisters in Lezghin children's folklore, the study revealed that tongue twisters can be classified according to various genre features. It has been proven that tongue twisters are used by speech therapists (to eliminate speech defects) and teachers (to strengthen the articulatory speech apparatus and develop speech). Tongue twisters are based on alliterations, internal rhyme, rhythm, frequent repetitions (repeated reproduction of consonant sounds in combination with vowel sounds; repetition of the same words or root words; repetition of entire grammatical constructions; morphological repetitions based on numerals, interjections, etc.).

Key words: Lezghin children's folklore, amusing folklore, word games, tongue twisters, speech development.

For citation: Gasharova A.R. Genre features of Lezghin folk tongue twisters and their educational function. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 377-384. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-377-384. EDN: SZIQFF.

© Gasharova A.R., 2025

Скороговорка – это одна из разновидностей устно-поэтического творчества лезгин. О давности возникновения скороговорок свидетельствует содержание фольклорных текстов. В скороговорках повествуется о каком-либо событии, происшествии в утрированном виде и юмористической форме. Разделов, посвященных скороговоркам нет ни в одном фольклорном сборнике лезгинского народа, примерно такая же картина складывается и у других народов Дагестана. Вопрос о зарождении и происхождении данного жанра не затрагивался в научных трудах дагестанских, в том числе и лезгинских фольклористов.

Материалом для нашего исследования послужили тексты скороговорок из следующих изданий: детский литературно-художественный журнал «Кард» («Соколенок») на лезгинском языке; газета «Самур» (лезгиноязычная газета, которая издается в Азербайджане); школьные учебники для младших классов на лезгинском языке.

Впервые о фольклорном жанре скороговорки заговорил В.И. Даль [Даль 1862]. Вместе с пословицами, поговорками, речениями, присловиями, чистоговорками, прибаутками, загадками, поверьями, им были собраны и опубликованы и 49 чистоговорок.

Характеризуя скороговорки (по Далю – «чистоговорки») и их назначение в речи, Даль писал: «Слагается для упражнения в скором и чистом произношении,

почему в ней сталкиваются звуки, затрудняющие быстрый говор» [Даль 1862: 26]. Эти слова можно отнести и к лезгинским скороговоркам.

На основе фактического материала мы можем предположить, что значительная часть скороговорок, согласно лексическому значению, была рассчитана для взрослой аудитории, а не для детского сознания. Со временем скороговорки перешли из взрослой среды, где их относили к разновидностям «тайной речи» [Липе 1954: 271-274], в детский коллектив и стали применяться как средство для развития речи ребенка и улучшения его произношения.

Так как первоосновой скороговорок является игра, это способствовало тому, что они стали частью детского фольклора.

В лезгинском фольклоре скороговорки – «*фадрахунар*» (наречие «*фад*» – «быстро», «скоро»; сущ. «*рахунар*» – 1) «разговоры», «переговоры», 2) «речь», «говор»), «*зарбдиз рахун*» (наречие «*зарбдиз*» – «стремительно», «быстро»; гл. «*рахун*» – «говорить», «рассказывать») относят к потешному фольклору, шуточному жанру. Это словесная игра, отличительная особенность которой – полное отсутствие игровых действий, движений. «Словесная игра отличается от спортивной и драматической игры тем, что почти не имеет или совсем не имеет никакого действия, движения. Весь интерес в слове и выражен словом. Но это и не поэтическое произведение, дающее наслаждение своей формой и содержанием, а игра, состязание» [Мельников 1987: 82]. Главная цель скороговорки как игрового вида – с помощью труднопроизносимых звуков запутать, затруднить произношение, обыграть своих соперников мгновенной реакцией, проницательностью и сметливостью. Для этого, безусловно, необходимо проявлять характерные для любой словесной игры – личностные компетенции, тактическое мышление и коммуникативные навыки. «При быстром повторении возникает уподобляющее воздействие одних слогов на другие – и в результате происходят ошибки, смещение звукового ряда, исключение смысла, невольное произношение непривычных слов и созвучий» [Аникин 2001: 580]. Сочетание несовместимых звуков придает иронический оттенок повествованию. Поскольку в процессе игры не каждому ребенку удастся быстро и правильно произнести скороговорку, это и вызывает смешной эффект. Их основное назначение – развлечь, развеселить.

Скороговорки можно систематизировать согласно различным жанровым признакам или свойствам. Чаще всего они функционируют в детской среде (5–12 лет). Исходя из того, как ребенок воспринимает представленный текст, в фольклоре лезгин можно выделить:

- произведения, предназначенные для детей, и те, которые не могут быть поняты детьми, то есть сложные скороговорки;
- сюжетные (с определенным смыслом) и бессюжетные;
- по объему скороговорки могут быть длинными (в пределах одного стихотворного текста) и короткими (выраженные одним предложением). Например: *Ламрал алай яргъи чувуд // Чуру къуна чилел авуд* (Долговязого еврея, что на осле // Возьми за бороду и спусти на землю).
- по форме исполнения – рифмованные и нерифмованные (воспроизводимые ритмизированной прозой или речитативом);

– отдельной группой можно выделить тексты скороговорок с повторами, построенные на дублировании одинаковых звуков, слогов, грамматических конструкций;

– выделяют также потешные (забавные) скороговорки и тексты в виде обычного повествования. Скороговорки, представленные в виде повествовательных предложений, передают информацию о каком-либо действии или состоянии объекта, а также описывают его качества, форму или содержание;

– представленные в форме риторического вопроса: *БалкIандиз мух мус михъна мус вегъида?* (Когда [ты] очистишь овес для лошади и когда вскормишь?)

Основными приемами для звуко-ритмической организации текста считалок являются: ритм и внутренняя рифма. Роль рифмы может выполнять аллитерация в сочетании с ассонансом:

Сенфиз сятдин садаз скамейкадал Сейфединаз севре са сеферда сивна (Вчера в час ночи на скамейке медведь один разок коснулся до Сейфедина).

Звуковое оформление может строиться также на частых повторах. Зачастую, дублирующие звуки располагаются в начале или в середине слова. Это:

1) многократное воспроизведение согласных звуков (иногда и в сочетании с гласными звуками):

– скороговорки на звук [кь]: *Къасумхуъруън мекъуън къиле рекъин юкъвал къве буъркъуъ фекъи къил къиле акъуна къведни къена* (В начале моста села Касумкент, посередине дороги, два слепых муллы столкнулись головами друг об друга и оба умерли). *Къве къуъзуъ къиф къантIардин къилел къил къиле къуна къведни къена* (Две старые мыши на бугорке стукнулись головами друг об друга и обе умерли).

– скороговорки на звук [кI]: *КIиркIирчи кIемпил кIиранди кIвалакIар кIватIна кIеви кIилидин кIвале кIутадиб кIус-кIусна* (<Некто> собрал <не переводится> клубок ниток и в закрытой отдельной комнате молотком раскромсал на мелкие куски);

– скороговорки на звук [тI]: *ТIямлу тIуънар тIуъна тIигъирви тIанурчиди тIакIа тIуърлуъярзавай* (Поев вкусной еды, тагиркентский тандырщик отдыхает в сторонке).

– скороговорки на звук [х]: *Ханум хала хутарай хтана халат хкунал хуталди хперни хтана* (Пока тетя Ханум вернулась из сада и повесила халат на крючок, овцы вернулись).

– скороговорки на звук [хъ]: *Хъипи хъалхъасди хъуърез-хъуърез хъамадиз хъархъарин хъиреяр хъичена хъфена* (Желтая черепаха с улыбкой, бросив на пожилого мужчину ореховую скорлупу, ушла).

– скороговорки на звук [ц, цI]: *КъецIи кицIи цицIер ацукънавай цIару ципIинилай цIар ягъизвай* (Хромая собака наматывала круги вокруг пестрой крынки, где сидели кузнечики).

– скороговорки на звук [чI]: *ЧIимел чIавуз чIафара чIакъракъярзавай чIалитI чIехи чIулав чIухлумIдал чIагана* (В дождливую погоду в дутых сливах скрежетавшая куропатка, очаровалась большой черной калиной);

2) повторение одних слов или корня слова: *КIуф яру кIекре кIуф хъипи кIекрен къилиз кIуф яна* (Петух с красным клювом клюнул голову петуха с

желтым клювом). *Чулав чИредаллай чИгъичИгъдин чИгъчИгъди чИалитI чИалал гъанвай* (Звуки стрекочущей цикады раздражали куропатку, которая сидела на черной крыше);

3) повторение целых грамматических конструкций: *Къацу хъархъун тарал – туькъуьл къацу хъархъар, туькъуьл къацу хъархъар – къацу хъархъун тарал* (На зеленом ореховом дереве – горькие зеленые орехи, горькие зеленые орехи – на зеленом ореховом дереве). *Клуф хъипи кукупI, клуф яру кукупI, клуф яру кукупI, клуф хъипи кукупI* (Кукушка с желтым клювом, кукушка с красным клювом, кукушка с красным клювом, кукушка с желтым клювом). *Ам иниз ша, куьн санал вач, куьн санал хъша, ам аниз хъвач* (Он придет сюда, вы пойдете вместе, вы приходите вместе, пусть он уйдет туда);

4) морфологические повторы на основе междометий и звукоподражаний: *Хъарт-хъарт хъанвай хъухъвай хъалхъамда хъипи хъипери хъарна-хъарниз хъархъар хазвай* (В растрескавшемся сухом дупле, желтые лягушки со звуком «харпа-харп» ломали зеленые грецкие орехи).

В лезгинских скороговорках некоторые слова (специально составленная фраза со сложным сочетанием звуков для произношения) искусственно подстраивают под сложенную рифму и даются в искаженном виде. Например: *ЧлакIарви чIаба чIагъанчиди чулав чхрадин чулар чIудгъунна¹ чуран чилик чуьнуьхарна* (<...> лохматый гармонист выхватил из рук черные ремни прялки и спрятал под слоем дёрна). *КIемтил кIвалакI кIвалин къакъан кIрцалдилай² кIаммна аватна* (Катушка ниток со звуком «бах» упала с высокого порога дома).

К художественной образности скороговорок можно отнести топонимы и антропонимы. Большей частью они применяются для рифмы, созвучия, мерности стихотворной строки. К таковым относятся:

Хемисдиз Худатай хтай Халилбеган халади харалралди хпен хамар хканвай (Тетя Халилбека, которая в четверг вернулась из Худата, привезла в больших мешках овечьи шкуры).

Можно предположить, что некоторые собственные имена изначально были известны только узкому кругу людей, а со временем стали распространяться в народе и иметь множество аналогичных вариантов: *Ханум хала хутарай хтана, халат хкунихъ кухтуна* (Тетя Ханум вернулась из сада и повесила халат на крючок). *Халиса хала хутарай хтана, халат хутIунна, хкунихъ эхцигна* (Тетя Халиса вернулась из сада, сняла халат, повесила его на крючок).

Пример топонимов: *Къасумхуьруьн муькъвел, са къар авай юкъуз, къве фекъидин къил къиле акъуна къена* (На мосту села Касумкент, в один один день, когда была слякоть, две муллы стукнулись головами друг об друга и умерли). *Къурагъ рекъин къере, са къар авай юкъуз, къве фекъидин къил къиле акъуна къена* (На обочине дороги, ведущей в село Курах, в один день, когда была слякоть, две муллы стукнулись головами друг об друга и умерли).

В лезгинском детском фольклоре получили широкое распространение скороговорки, содержащие числовые элементы (имена числительные). «Выбор того

¹ Чудгъунна (правильно пишется – «шуткъунна») – выхватить из рук.

² КIрцалдилай (правильно пишется – «гуьрцел») – с порога.

или иного числительного зачастую определяется требованиями эвфонической гармонии текста» [Анчек 2015: 7]. Например: *ЦІекІуьд цІару цицІрени, цІекІуьд цІару ветІре цІаюн винелай цІар ягызвай* (Девятнадцать пестрых кузнечиков и девятнадцать пестрых комаров кружились вокруг костра). *Вад вак – вад вик, вад вик – вад вак* (Пять быков – пять упряжек, пять упряжек – пять быков).

Чтобы добиться желаемого эффекта, а также с целью затруднения скороговорки в произношении, в текст вводились бессмысленные словосочетания и нелепые предложения. Они могут строиться на произвольном сближении этимологически неродственных слов и безотносительно к реальным особенностям. Например: *КІанчІунилай аватай кІирец кІекрен кІарабар кІар-кІар хъана* (У клыкастого петуха, упавшего с пенька, кости превратились в палочки).

Также широко применялся антропоморфизм: *ТІветІре ветІ кукІварайвал акур чІутран чІал кьуна* (Увидев, как муха расправилась с комаром, блоха лишилась дара речи).

Скороговорки взаимодействуют с другими жанрами фольклора: пословицами, загадками, считалками, дразнилками. Например, распространенная в лезгинском фольклоре скороговорка «*Хъвер алай хъуьхъвез хъел кутугдач* — Щечкам с улыбкой злость не подойдет», употребляется и в качестве народного изречения.

Известную загадку про блоху: «*Инал тІампІ, анал тІампІ, тІампІала-баиш, кьизилбаиш* (Здесь тамп, там тамп, тампалабаш, золотая голова)» одни используют как считалку, другие – как скороговорку.

Дразнилка: «*Эй, Мине бах, кьил къабах, ламрал акъах, зун хутах* (Эй, те-тушка Мине, голова тыквой, сядь на осла, меня подвези)», в которой мерно повторяются одни и те же слоги, так же употребляется в роли скороговорки.

В скороговорках обнаруживается влияние считалок, которые используются «для развития артикуляции речевого аппарата» [Капица и др. 2002: 77]. Например:

*Са тІур, кьве тІур, пІумІ гьеретІур,
Шизал тІизан тІуьгь тІуьгьуьжан,
Муьгьуьр хъанна хъуьлле ибид,
Дыр хъанна пІистІи пІанкъ.*

Одна ложка, две ложки, <не переводятся>,
<не переводятся>,
<не переводятся>,
<не переводятся>¹.

Скороговорка может выступать в роли дидактической игры. Исполнителями скороговорок выступают два и более участника игрового действия. Один из присутствующих произносит текст скороговорки, остальные участники

¹ Из материалов, собранных автором данной работы. Записано в марте 2014 г. от Гаджиева С.-А. М., 1938 г.р., уроженца сел. Усучай Докузпаринского района РД, проживал в г. Махачкала.

пытаются по очереди ее правильно повторить. Это делает скороговорки в некотором роде обучающими, познавательными. Такая словесная игра обладает педагогической значимостью и художественной ценностью. «Употребление скороговорок детьми развивало у них чувство языка, содействовало преодолению косноязычия» [Мельников 1987: 95].

Скороговорки активно применяются логопедами для тренировки правильного произношения различных звуков, для исправления речевых недостатков (дефектов речи).

Для развития речи и укрепления артикуляционного речевого аппарата, скороговорки чаще всего включают в учебную программу младших классов. Многократное повторение одинаковых звуков, слов, сочетаний, настраивает речевой аппарат и приучает ребенка произносить скороговорку в быстром темпе. Это приводит к улучшению произношения, развитию сообразительности, умению внимательно слушать, четко выговаривать фразы и грамотно говорить. На переднем плане, безусловно, – ясность и точность артикуляции, только потом внимание акцентируется на ускоренном темпе произношения. Ассоциативному запоминанию слов, быстрому восприятию и заучиванию текста способствует мнемонический прием.

Таким образом, к группе жанров словесных игр наряду с поддевками, молчанками, загадками относятся и скороговорки.

Скороговорка – это словесная игра, в которой способность ловко, ясно и быстро произносить сложные сочетания слов и звуков является особо значимым. Подобно заумным считалкам, в скороговорках отдается большее предпочтение звучанию, произношению, нежели содержанию.

Непосредственное воздействие на скороговорки оказало творчество взрослой аудитории, которое со временем приобрело специфические жанровые черты, характерные детскому фольклору.

Несмотря на относительное постоянство жанра, тексты скороговорок преобразуются путем добавления новых слов и повторов, подстраиваясь под современную тематику.

Скороговорки в актуальной интерпретации начинают утрачивать традиционную функцию детской словесной игры. Существовая в фольклорной среде, скороговорки также являются необходимым элементом системы и выполняют определенную им в традиции функцию не только детской словесной игры. Со временем они приобрели практическую ценность и преобразовались в ответственную деятельность, с помощью которой отлаживают произношение и правильное говорение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аникин 2001 – Аникин В.П. Русское устное народное творчество. Учебник. – Москва: Высшая школа, 2001. – 726 с.

Анчек 2015 – Анчек С.Х. Особенности языка адыгских скороговорок // Вестник науки Адыгейского Республиканского Института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. – 2015. – № 6 (30). – С. 5–9.

Даль 1862 – *Пословицы русского народа*. Сост. В.И. Даль. – Москва: В университетской типографии, 1862. – 1095 с.

Капица и др. 2002 – *Капица Ф.С., Колядич Т.М.* Русский детский фольклор: Учебное пособие для студентов вузов. – Москва: Флинта: Наука, 2002. – 320 с.

Липе 1954 – *Липе Ю.* Происхождение вещей. – Москва: «Издательство иностранной литературы», 1954. – 438 с.

Мельников 1987 – *Мельников М.Н.* Русский детский фольклор. – Москва: Просвещение, 1987. – 239 с.

REFERENCES

ANIKIN V.P. *Russkoye ustnoye narodnoye tvorчество. Uchebnik* [Russian oral folklore. Textbook]. – Moscow: Vysshaya shkola, 2001. – 726 p. (In Russ.).

LIPE YU. *Proiskhozhdeniye veshchey* [The Origin of Things]. – Moscow: Izdatel'stvo inostran-noy literatury, 1954. – 438 p. (In Russ.).

MEL'NIKOV M.N. *Russkiy detskiy fol'klor*. [Russian children's folklore]. – Moscow: Prosvesh-cheniye, 2002. – 239 p. (In Russ.).

KAPITSA F.S., KOLYADICH T.M. (comp.) *Russkiy detskiy fol'klor: Uchebnoye posobiye dlya studentov vuzov* [Russian children's folklore: A textbook for university students]. – Moscow: Flinta, Nauka, 2002. – 320 p. (In Russ.).

ANCHEK S.KH. *Osobennosti yazyka adygskikh skorogovorok* [Features of the language of Adyghe tongue twisters]. In: *Vestnik nauki Adygeyskogo Respublikanskogo Instituta gumanitarnykh issledovaniy im. T.M. Kerasheva*. – 2015. – No. 6 (30). – Pp. 5–9. (In Russ.).

Poslovitsy russkogo naroda [Proverbs of the Russian people]. / Comp. V. I. Dal. – Moscow: V universitetskoy tipografii, 1862. – 1095 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Р. Гашарова – кандидат филологических наук.

Information about the author

A.R. Gasharova – PhD in Philology.

Статья поступила в редакцию 24.06.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 24.06.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

Научная статья

УДК 811.35

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-385-394

EDN: TGERXX

**К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОБРАЗОВАНИЯ
МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА
В РЕЧИ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ДИАСПОРЫ В ТУРЦИИ
(в сравнении с современным кабардино-черкесским языком)**

Марита Мухамедовна Абазова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского
научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, marita.abazova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7701-1133>

Аннотация. В статье исследуется грамматический показатель множественного числа в речи представителей кабардино-черкесской диаспоры в Турции в сравнении с литературным кабардино-черкесским языком. Изучение речи черкесов за рубежом представляет научный интерес не только для лингвистов, но и для историков и этнографов, для восстановления истории языка, культуры народа. Утверждается, что в речи представителей черкесской диаспоры наблюдается архаичная форма образования множественного числа *-hэ* или *хъэ*, а также множественность показана частицей *сымэ*. Сравнительный анализ речи диаспоры за рубежом с диалектами и говорами кабардино-черкесского языка показал, что на исторической Родине в современной речи некоторых представителей диалектов и говоров сохранился архаичный аффикс *-hэ* вместо современного *-хэ*. Отмечается, что суффикс множественного числа *-hэ* является первичным, а *-хэ* новообразованием, который вошел в язык с созданием письменности. Делается вывод, что в речи черкесской диаспоры за рубежом законсервировались архаичные формы и образовался новый суффикс *-хъэ*, как аффикс множественного числа. Все эти изменения вызваны внешними и внутренними влияниями на язык.

Ключевые слова: диаспора, кабардино-черкесский язык, аффикс, множественное число, метрополия, речь, диалект, говор.

Для цитирования: Абазова М.М. К вопросу об особенностях образования множественного числа в речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции (в сравнении с современным кабардино-черкесским языком) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 385-394. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-385-394. EDN: TGERXX.

© Абазова М.М., 2025

Original article

**ON THE PECULIARITIES OF PLURAL FORMATION
IN THE SPEECH OF THE KABARDINO-CHERKESS DIASPORA
IN TURKEY
(in comparison with the modern Kabardino-Cherkess language)**

Marita M. Abazova

The Institute of Humanitarian Studies is a branch of the Kabardino–Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, marita.abazova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7701-1133>

Abstract. The article examines the grammatical indicator of the plural in the speech of representatives of the Kabardian-Circassian diaspora in Turkey, in comparison with the literary Kabardian-Circassian language. The study of the speech of Circassians abroad is of scientific interest not only for linguists, but also for historians and ethnographers, in order to restore the history of the language and the culture of the people. It is argued that the speech of representatives of the Circassian diaspora shows an archaic form of plural formation -hə or хьэ, and the plural is also indicated by the particle сымэ. A comparative analysis of the speech of the diaspora abroad with the dialects and vernaculars of the Kabardian-Cherkessian language showed that in the historical homeland, in the modern speech of some representatives of dialects and vernaculars, the archaic affix -hə has been preserved instead of the modern -хэ. It is noted that the plural suffix -hə is primary, and -хэ is a new formation that entered the language with the creation of writing. It is concluded that archaic forms have been preserved in the speech of the Circassian diaspora abroad, and a new suffix -хьэ has been formed as a plural affix. All these changes are caused by external and internal influences on the language.

Keywords: diaspora, Kabardian-Circassian language, affix, plural, metropolis, speech, dialect, and accent.

For citation: Abazova M.M. On the peculiarities of plural formation in the speech of the kabardino-cherkess diaspora in Turkey (in comparison with the modern Kabardino-Cherkess language). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 385-394. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-385-394. EDN: TGEPPX.

© Abazova M.M., 2025

Введение

Данная статья посвящена исследованию форм множественного числа в речи представителей кабардино-черкесской диаспоры в Турции и в литературном кабардино-черкесском языке на исторической Родине. Формам множественного числа в литературном кабардино-черкесском языке уделено внимание ведущих ученых-адыгovedов, но как это сохранилось в речи диаспоры до сих пор не получила должного осмысления в научных трудах исследователей адыгского языкознания.

Теоретическую базу исследования составляют научные работы по исследуемой теме А. Куйперса [Kuipers 1960], Ж. Дюмезиля [Dumézil 1965], К. Пари [Paris 1974], Н.Ф. Яковлева [Яковлев 1948], К.Т. Мамрешева [Мамрешев 1959], Б.Х. Балкарова [Балкаров 1970], А.К. Шагилова [Шагилов 1969, Шагилов 2004], М.А. Кумахова [Кумахов 1981], Х.Ш. Урусова [Урыс 1980], Н.Г. Гишева [Гишев 2003; Гишев 2008], Х.Т. Таова [Таов 2005], Б.Ч. Бижоева [Бижоев 2000], Х.Ч. Жилетежева [Жилетежев 2009], а также «Кабардино-черкесская грамматика» (на кабардино-черкесском языке) [Адыгэ грамматикэ, 2023], и обобщающая работа по истории и этнографии адыгов [Адыги 2022] и др. В работах указанных авторов затрагивались общие вопросы по грамматике адыгских языков. Эмпирической базой послужили полевые материалы М.М. Абазовой, собранные с 2009 по 2024 г. (далее ПМА) и фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассеты 1071, 1074, 1075, 1077.

Методологию исследования составляют:

- сопоставительный метод, который использован в ходе сравнительного анализа материалов полевых исследований, кабардино-черкесского литературного языка, диалектов и говоров кабардино-черкесского языка;
- к контекстуальному методу обращались для определения степени изменения речи черкесской диаспоры под влиянием иноязычного окружения;
- этнолингвистический метод применялся для общей характеристики речи представителей черкесских диаспоры, проживавших длительное время за рубежом. Применение этих методик позволило подробно и всесторонне исследовать звуковой состав речи черкесов за рубежом, определить грамматические особенности образования множественного числа под влиянием внешних и внутренних факторов. В ходе исследования анализу подвергались те лексемы, которые часто встречались в речи респондентов.

Основная часть

В кабардино-черкесском языке множественное число, как и во многих других языках, образуется суффиксальным способом. Суффиксом множественного числа в современном литературном кабардино-черкесском языке является *-хэ*, который в разговорной речи иногда произносится как *-һэ*. В лингвистической литературе по вопросу аффикса множественного числа *-хэ* или *һэ* существуют различные мнения.

М.А. Кумахов отмечает, что переход общеадыгского среднеязычного спиранта *x* в ларингальный *h* имеет широкое распространение в диалектах и приводит примеры, сравнивая бесленеевский, баксанский и кубанский диалекты: *ўынэһэр* ($\rightarrow$ *ўынэхэр*) «дома», *цҭыхуһэр* (*цҭыхухэр*) «люди», *лҭыһэр* (*лҭыхэр*) «мужчины». Данное фонетическое изменение ученый связывает с тем, что «среднеязычный спирант *x* дает ларингальный *h* лишь в морфеме множественного числа, обладающий высокой частотностью употребления» [Кумахов 1981: 205]. П.М. Багов считает, что «среднеязычный спирант *x* в морфеме *-хэ* является более архаичной фонемой, нежели ларингальный *h*. В реконструируемой праадыгской фонетической системе нет ларингального спиранта *h* и нет деффективного ряда, в котором он мог бы занять место» [Багов 1969: 30]. Не все ученые согласны с таким суждением, большинство считают ларингальный *h* первичным, а *x* (*хэ*) в аффиксе множественного числа вторичным.

Л.М. Апажев, соглашаясь с мнением Т.Х. Куашевой, М.А. Кумахова, К.Т. Мамрешева и других ученых, отмечает, что «из двух вариантов суффикса множественного числа имен и глагола *һэ* и *хэ* *һэ* древнее, а *хэ* – вторичное явление... учитывая закон сингармонизма согласных, можно предположить такое направление исторического развития суф. мн. ч. $\varepsilon \leftarrow a \leftarrow p\varepsilon \leftarrow хэ$, а не наоборот: $\varepsilon \rightarrow a \rightarrow p\varepsilon \rightarrow хэ$ » [Апажев 1964: 56]. Множественное число «требует после себя падежно-определятельного форманта: *мышъэ* (медведь, медведья), *мышъэ-хэ-р* (медведи, медведей), *мышъэ-хэ-м* (медведи, медведей, медведям, медведях). Суффикс множественного числа *-хэ* выступает и в виде – *һэ*, который в живой речи обладает большой частотностью употребления, согласный *h* по фонетическому качеству слабее *x*... в кабардинском литературном языке отдано

предпочтение варианту -хэ» [Шагиров 2004: 74]. Наличие *h* в современной речи некоторых диалектов и говоров можно объяснить, ссылаясь на утверждение Г.В. Рогава, который отмечал, что в адыгских языках исторически «было четыре латерала: *I'* – звонкий, *I'* – придыхательный, *I* – абруптивный и четвертый – придыхательный латерал. В адыгейском языке придыхательный латерал заменился среднеязычным спирантом *х'* в суффиксе множественного числа -*х'ă* – *wəpă*- *х'ă*-г «дома», так и слабым ларингальным спирантом *h̃* – *wəpă*- *h̃ă*-г» [Рогава 1974: 75]. Интересный подход к описанию морфемы множественного числа видим в исследованиях голландского лингвиста А. Койперса. В работе «Phonem and Morphem in Kabardian (Eastern Adyghe)» (1960), ученый, как и Н.Ф. Яковлев, морфемой множественного числа отмечает – *hə*.

С помощью суффикса -хэ образуется множественное число 3 лица «прямого» объекта, которое не характерно для разговорной речи. «Более употребительна глагольная форма безобъектного -хэ, ср.: например, *лЫм шыхэр йыгъэпсчIашь* и *лЫм шэхэр йыгъэпсчIа-хэ-шь* – «мужчина выкупал лошадей»» [Шагиров 2004: 138]. В адыгейском языке тоже «множественное значение фиксируется в определяемом слове аффиксами -хэмэ, -хэм, -мэ, а в определяющем – притяжательным префиксом *а-||я-*, например: *ахэм амакъэ* «их голоса», *бзылъфыгъэхэм язекIуакI* «походка женщин», *Айвазхэм яшъхьал* «мельница Айвазовых», *чъыгымэ яныбжъыкъу* «тени деревьев», *Дэгуужъыекъомэ яныу* «старуха Дагужиевых», *лIэшIэгъухэм яхъишь* «история веков»» [Гишев 2008: 135]. Б.М. Карданов отмечает, что иногда в кабардинском языке подлежащее и сказуемое не согласуются во множественном числе, автор аргументирует это явление универсальностью аффикса -хэ как в литературном, так и в живой речи [Карданов 1957: 74]. Но А.М. Камбачоков не соглашается с таким утверждением, считая, «отсутствие в главных членах предложения показателя множественного числа не отражается на лексическом значении слова, которым оно выражено, и не нарушает коммуникативной законченности предложения» [Камбачоков 1997: 23].

«Язык диаспоры, находясь «между» языком, речевым и коммуникативным узусом, нормами того же языка, функционирующего в метрополии, и узусом и нормами основного, например, государственного языка своей страны, неизбежно существует в пограничной ситуации» [Костанди 2015: 140]. Сравнительный анализ речи представителей диаспоры с литературным кабардино-черкесским языком показал различия в употреблении суффикса множественного числа. Как отмечено выше, и в литературном кабардино-черкесском языке, и в литературном адыгейском языке аффиксом множественного числа является суффикс -хэ, чему в речи представителей диаспоры и в некоторых диалектах и говорах кабардино-черкесского языка соответствует – *hə*.

Например, в речи диаспоры множественное число имен выражается: *Ди унагъуэм къэбэрдеибзэс, нобэм къэсаси, а ди цIыкIуhэр тыркубзэс* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1075] «В нашей семье по сей день разговариваем на кабардинском, а наши дети – на турецком». *Мыдэ дэсым нэхъыбэр къэбэрдес, Узун-Яйлэ исым, къуажэхэм плыцI хуэдизыр къэбэрдес, къэнарас Iабзэхти, хьэткъуеити абазэти зыIэмынэр зэрыхъури, абыhэм зыIэмынэу къэбэрдеибзэр ящIэ, дэ абы я бзэр тцIэрIым* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1071]

«Большинство проживающих здесь кабардинцы, в селах Узун-Яйля сорок процентов составляют кабардинцы, остальные – абадзехи, хатукаевцы, абазинцы – все без исключения знают кабардинский язык, но мы их язык не знаем». *Зи бл'агъагъэ зыхуагуу зыщыгъуагъэ идей къыщыбуыдгъуагъэ, ау куэд фгу зэрылгъагъуу, зымрэ зымрэ и хъэтыр ямыкътэу ахуэдэ псэуагъэс.* (ПМА, Щоджэн Ф.) «Нигде не написано, что они связаны родственной связью, но всегда жили уважая, почитая, любя друг друга». *Ди щытычгъэ, ди гупсысэгъэ, ди щыгъыгъэ, ди унагъуэм теухуау ди гупсысэгъэ куэдэ зыщыгъуагъэ апхуэдэси* (ПМА, Ярум Г.) «Наш образ жизни, наше мышление, наши умения, наши мысли о семье во многом схожи».

В речи представителей диаспоры нередкий случай замены суффикса множественного числа *-хэ* на *-хъэ*, где в суффиксе глухой среднеязычный спираント *х* переходит в глухой придыхательный ларингальный спиранто *хъ*. Например: *Игы фи псалгъэ дахэгъэ сугу щыгъагъэ, сугу къэгъэраш жыгъыгъуагъэ* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1074] «После того, как мне понравились ваши красивые слова, я скажу все, что мне пришло на ум». *Мис ара дэ ипэ дыдэ ахуэдэ хъыбархъэр щызэдгъэщыгъэ, ау нэхъыбу тегъэгъэщыгъэ сщыгъуагъэ мис мыбы ди лгъыжъ фызыжъгъэ жагъуу къэгъуэгъуагъэ* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1077] «Вот так мы впервые запомнили эти рассказы, но я больше буду опираться на рассказы наших дедушек и бабушек». *Тыркум щыпсэу зыми апхуэдэ школ ди гъыжъ, драгъэгъэ, драгъэгъэ, сымти янэ-ядэр псалгъэмэ къуагъэ нэхъ дэсагъэ ахъэм зрагъэгъэ, ау мы горэгъышхуэм дэсхъэм куэдгъэ щыгъуагъэ, сэ синыбжъгъуагъэри ара* (ПМА, Акбай И.) «В Турции не было таких школ (где обучали кабардинскому языку), нас не учили читать, писать, но если родители говорили на родном языке, то сельские жители больше знали свой язык, но многие из тех, кто живет в больших городах, не знают язык, как и мои друзья тоже». *А Бердым и пхъуагъэ и бынгъэраш щыгъэ* (Щоджэн Ферсис.) «Дети дочерей Берда здесь находятся». Как показывает полевой материал, многие респонденты параллельно используют в *хъ:гъ* в аффиксе множественного числа.

Множественное число глаголов: *Дэ ди яужыгъыгъэ илгъэгъэ, илгъэ тлоуыгъэ адыгъэгъэ щыгъэжгъэ дахэ-дахэу* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1074] «Предшествующее поколение, которое младше нас на десять-двадцать лет практически не знают кабардинский». *Дэ ди адыгъэгъэ мыр Тыркум дызырыс къэрагыгъуэм дыкъызэрагъыгури дгъэгъыгъэ жари ы-ы-ы щыгъэгъэ щыгъэгъэ* (Щоджэн Фарукъ) «Наших адыгов в Турции знают как воспитанных, и они стремятся следовать этому». *Араси, игы куэдэ сэ нэхъгъэ нэхъгъэ Идэгъэ флгъэгъуагъэ, ау сэ сызэрегупсысгъэ, си акъыл зэрыгуагъэ нобэ сыздынгъэс апхуэдэс* (Февзие С.) «Итак, вы видели больше, чем я, но это то, к чему я пришел и знаю сегодня». *Ау нобэ согупсысгъэри нобэ, билэ, а махуэм сэ агъэ яжэгъэ хуэдэ жызыгъыгъэ куэд щыгъэгъэ* (ПМА, Щоджэн Э.) «Но сейчас я думаю над тем, что им сказала в тот день, и понимаю, что мало кто посмел бы им такое сказать». *Зэ дэхъгъэ къопсэгъэну хуегъэс* (ПМА, Щоджэн Э.) «Они еще раз хотят с тобой поговорить».

Отклонения в образовании множественного числа отмечаются и в различных диалектах и говорах кабардино-черкесского языка. Таов Х.Т. переход среднеязычного спиранта *х* в ларингал *гъ* в кабардино-черкесских диалектах и говорах

считает позиционной фонетической особенностью. «На переход $x > h$ накладываются строгие морфологические ограничения, так как возможен только в морфеме множественного числа. Ср. $a\text{-}x\text{-}p > a\text{-}h\text{-}p$ «они», $ф\text{-}y\text{-}z\text{-}x\text{-}p > ф\text{-}y\text{-}z\text{-}h\text{-}p$ «женщины» [Таов 1998: 19]. В современном бесленеевском и моздокском диалектах А.А. Афаунова и Н.Г. Шериева фиксируют наличие ларингального придыхательного согласного h во множественном числе, отмечая, что в моздокском он встречается чаще, чем в бесленеевском. Авторы приводят такие примеры:

<i>мозд.</i>	<i>лит.</i>	<i>рус.</i>
саби h эм	сабийхэм	детям
йанэ h эр	йа анэхэр	их мамы
уынэц h эм	у[ы]нэц h эм	фамилии
<i>бесл.</i>	<i>лит.</i>	<i>рус.</i>
ди саби h эри	ди сабийхэри	наши дети
датэ h эр	датэхэр	даты [Афаунова, Шериева, 2025: 68].

В бесленеевском диалекте $-h$, в качестве суффикса множественного числа может выступать как в именах, так и в глаголах: тхыль h эр – тхыльхэр «книги», дэ h эр – дэхэр «орехи», h эр – h эр «руки», уынэ h эр – унэхэр «дома», к h уа h э – к h уахэр «которые пошли», дэх h а h э – дэх h ахэр «которые вошли» [Шериева 2024: 48].

Замена суффикса множественного числа $-x$ на ларингальный $-h$ частое явление в современной разговорной речи представителей баксанского диалекта. Еще в 50-х годах К.Т. Мамрешев отмечал особенности образования множественного числа носителями баксанского диалекта. «В окончании множественного числа ларингальный спираント систематический употребляется в речи старшего поколения всех сел исследуемого лингвистического района. В речи молодого поколения ларингальный спирант h и средненебный x употребляются параллельно», такое произношение ученый аргументирует влиянием кабардинского письма на речь молодого поколения и приводит примеры: баи h эр – баи x эр «палки», еджак h уэ h эр – еджак h уэхэр «учащиеся», лажьэ h эр – лажьэхэр «работающие», мак h уэ h эр – мак h уэхэр «идут», маи x э h эр – маи x эхэр «кушают» [Мамрешев 1959: 26]. Как показывает полевой материал, в речи всех представителей баксанского диалекта активно функционирует ларингальный спирант h в аффиксе множественного числа. Например:

<i>бакс.</i>	<i>лит.</i>	<i>русс.</i>
сабий h эр	сабийхэр	«дети»
махуэ h эр	махуэхэр	«дни»
лэжьыгьэ h эр	лэжьыгьэхэр	«работы»
тльэгьуа h эр	тльэгьуахэр	«что видели»

В терских говорах наличие ларингального h наиболее характерен в окончаниях множественного числа имени и глагола «независимо от его фонетического положения в слове: бын h эри – бынхэри (дети), жылэ h эр – жылэхэр (семена), уыдз h эр – уыдзхэр (травы), мэлажэ h эр – мэлажэхэр (работают), йоджэ h эр – йоджэхэр (учатся), йопль h эри – йопльхэри (смотрят)» [Куашева 1954; Куашева 1969: 124].

В малкинском говоре в указательных и возвратном местоимениях множественного числа отмечено наличие ларингального h : «а h эм, мо h эм, мы h эм, езы h эм вместо ахэм, мохэм, мыхэм, езыхэм (они)» [Шагиров 1969: 303].

В литературном кабардино-черкесском языке множественность «кроме морфемы -хэ, выражается сочетанием личных имен и фамилий с частицей -сымэ (в адыгейском -дыхэ). Личное имя или фамилия (или оба вместе) + *сымэ* указывают на группу лиц, среди которых находится названное лицо, например: *Псыр Хьэсанихьымэ къашищ* (Щ. I.) «Воду привезли Хасанш и другие» [Жилетежев 2009: 66]. В речи диаспоры показатель множественного числа *сымэ* сочетается с существительным, что является отклонением от нормы употребления в литературном языке, где по грамматическим нормам *сымэ* связана только с личными именами и не изменяется. Например: *Хьыджэбзым и анэ сымэ Анкээрэ дэсхэти анхуэду зэнымышу махуэ къэс къысхулуыхуэрэ къызэпсалъэт* (ПМА, Яурум Г.). «У девушки мама и другие (родственники) проживали в Анкаре, поэтому каждый день с ней созванивались». *Сэ ипэм си анэ сымэ я псэуцIэр сцIэтэIымы сэ сызэрыпсом хуэду псори анхуэду сфIэщIт зысIас...* «Я раньше не знала, как живут моя мама и другие (девочка росла с тетей), казалось, что все живут так (в достатке), как и я» (ПМА, Щоджэн Э.). *Ди анэм сымэ жаIыуэ къыджаIыжа* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1074] «Я слышала от мамы и других об этом».

Заключение

Таким образом, анализ речи кабардино-черкесской диаспоры за рубежом показал, что формы множественного числа имеют свои особенности, которые вызваны экзогенными и эндогенными факторами. Сравнительный анализ речи диаспоры с современным литературным кабардино-черкесским языком, с его диалектами и говорами подтверждает, что в диаспоре сохранилась ранняя форма образования множественного числа -*хэ* и придыхательный ларингальный спирант *хь*, а также показатель множественного числа *сымэ*, который сочетается с существительным *анэ* «мать», а не и именами собственными, как в литературном языке. Следовательно, ларингальный спирант *h(э)* является первичным, а *x(э)* – новообразование, установившееся в литературном языке с созданием письменности. Этим и объясняется широкий диапазон употребления ларингального *h* в современной речи, как в диаспоре, так и в диалектах и говорах кабардино-черкесского языка. А употребление придыхательного ларингального спиранта *хь(э)* вместо *x(э)* – новообразование в диаспоре, такое явление не отмечается ни в диалектах, ни в говорах кабардино-черкесского.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Dumezil 1965 – Dumezil G. Documents anatoliens sur les langues les du Caucase III. PARIS INSTUT D'ETHNOLOGIE muse'e de l'homme, pa lais de chaillot, PLACE DU TROCADE'RO. – Paris, 1965. – 269 p.

Kuipers 1960 – Kuipers A.H. Phonem and Morphem in Kabardian (Eastern Adyghe); s – Gravenhage, 1960.

Paris 1974 – Paris Catherin. Systeme phonologique et phenomenes phonétiques dans le parler Besney de Zennun kôyu (Tcherkesse oriental). Collection linguistique publie par la socie te de Linguistique de Paris LXIX. – Paris, 1974. – 248 p.

Адыгэ (къэбэрдей-шэрджэс) грамматикэ: Мы Грамматикэр абы елэжьахэм фэеплэ хуащI бзэщIэныгъэлI щэджащэ Къумахуэ Мухьэдин Iэбубэчыр и къуэм / Б. Ч. БищIо, Р. Хь. Дзыгъу-анэ, М. М. Абазэ [et al.]. – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2023. – 624 p. – ISBN 978-5-907725-12-6.

Адыги 2022 – *Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги.* – Москва: «Наука», 2022. – 870 с. – (Серия «Народы и культуры»).

Апажев 1964 – *Апажев М.Л.* Об одной фонетической закономерности в кабардинском языке и ее отражении в русских заимствованиях // Ученые записки КБНИИ, том XIV. Нальчик: Каб.-Балк. Книж. изд-во, 1964. С. 40-58.

Афаунова, Шериева 2025 – *Афаунова А.А., Шериева Н.Г.* Фонетические особенности моздокского и бесленеевского диалектов кабардино-черкесского языка (сходства и различия) // Научный диалог. – 2025. – Т. 14, № 4. – С. 55-73. – DOI 10.24224/2227-1295-2025-14-4-55-73.

Багов 1969 – *Багов П.М.* Кубано-зеленчукские говоры // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 года, 1969. – С. 9-76.

Балкаров 1970 – *Балкаров Б.Х.* Фонетика адыгских языков (синхронно-диахронное исследование). – Нальчик: Эльбрус, 1970. – 333 с.

Бижоев 2000 – *Бижоев Б.Ч.* Язык кабардино-черкесской диаспоры в Сирии, Иордании, Турции // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. – Нальчик: изд-во «Эль-фа», 2000. – С. 201–240.

Гишев 2003 – *Гишев Н.Г.* Сравнительный анализ адыгских языков. – Майкоп: «Качество», 2003. – 284 с.

Гишев 2008 – Гишев Н. Т. Избранные труды по языкознанию / Н. Т. Гишев. – Майкоп: ООО «Качество», 2008. – 538 с.

Жилетежев 2009 – *Жилетежев Х.Ч.* Специфика собственных имен существительных в кабардино-черкесском языке. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2009. – 13 с.

Кабардино-черкесский язык 2006 – *Кабардино-черкесский язык.* Создание письменности, фонетика и фонология, морфология, синтаксис. Т. I. – Нальчик: изд-во «Эль-фа», 2006. – 547 с.

Камбачоков 1997 – *Камбачоков А.М.* Проблемы простого предложения в кабардино-черкесском языке. – Нальчик: издательский центр «Эль-фа», 1997. – 337 с.

Карданов 1957 – *Карданов Б.М.* Глагольное сказуемое в кабардинском языке. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1957. – 140 с.

Костанди 2015 – *Костанди Е.И.* Специфика пространственно-временной локализации в условиях диаспоры (русский язык в Эстонии) // Культурный ландшафт пограничья: прошлое, настоящее, будущее: Сборник материалов Международных научных конференций в Риге (21.02.-22.02.2013) и Пскове (05.12.-07.12.2013), посвященных проблемам пограничья, Рига-Псков, 21–22 февраля 2013 года. – Рига-Псков: Псковский государственный университет, 2015. – С. 140-148.

Куашева 1954 – *Куашева Т.Х.* Особенности Терских говоров кабардинского языка. Автореф. дисс... канд. филол. н-к. – Нальчик, 1954. – 24 с.

Куашева 1969 – *Куашева Т.Х.* Терские говоры // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 г., 1969. – С. 119–189.

Кумахов 1981 – *Кумахов М.А.* Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. – М.: изд-во «Наука», 1981. – 288 с.

Мамрешев 1959 – *Мамрешев К.Т.* Баксанский диалект // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 года, 1969. – С. 249-290.

ПМА – Полевой материал М.М. Абазовой.

Таов 2005 – *Таов Х.Т.* Кабардино-черкесская диалектология. Учеб. пособие. – Нальчик: КБГУ, 2005. – 185 с.

Урусов 2000 – *Урусов Х.Ш.* Морфемика адыгских языков. Нальчик: Эльбрус, 1980. – 403 с.

Шагиров 1969 – *Шагиров А.К.* Малкинский говор // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 года, 1969. – С. 290-329.

Шагиров 2004 – *Шагиров А.К.* Фонетика и морфология кабардинского языка. – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – 220 с.

Шериева 2024 – Шериева Н.Г. Фонетические особенности бесленеевского диалекта кабардино-черкесского языка / Н. Г. Шериева // Вестник КБИГИ. – 2024. – № 1 (60). – С. 42–51. – DOI: 10.31007/2306-5826-2024-1-60-42-51

Яковлев 1948 – Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 371 с.

REFERENCES

DUME'ZIL G. *Documents anatoliens sur les langues les du Caucase III*. PARIS INSTUT D'ETHNOLOGIE muse'e de l'homme, pa lais de chaillot, PLACE DU TROCADE'RO. – Paris, 1965. – 269 p. (In Franch.).

KUIPERS A.H. *Phonem and Morphem in Kabardian (Eastern Adyghe)*; s – Gravenhage, 1960.

PARIS CATHERIN. *Systeme phonologique et phenomenes phonetiques dans le parler Besney de Zennun k'oyu (Tcherkesse oriental)*. Collection linguistique publie par la socie te de Linguistique de Paris LXIX. – Paris, 1974. – 248 p. (In Franch.).

Adyge (k'eberdei-sherdzhes) grammatike [Adyghe (Karadrin-Circassian) grammar]: My Grammatiker aby elezh'akhem feepl" khuashchI bzheshchIenyg"elI shchedzhashche K"umakhue Mukh'edin Iebubechyr i k"uem / B. Ch. BishchIo, R. Kh'. Dzyg"uane, M. M. Abaze [et al.]. – Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr», 2023. – 624 p. – ISBN 978-5-907725-12-6. (In Russ.).

Adygi: Adygeitsy. Kabardintsy. Cherkesy. Shapsugi [Adyghe: Adygei. Kabardians. Circassians. Shapsugs]. – Moskva: «Nauka», 2022. – 870 s. – (Seriya «Narody i kul'tury»). (In Russ.).

APAZHEV M.L. *Ob odnoi foneticheskoi zakonomernosti v kabardinskom yazyke i ee otrazhenii v russkikh zaimstvovaniyakh* [On a phonetic pattern in the Kabardian language and its reflection in Russian borrowings]. In: Uchenye zapiski KBNII, tom XIV. Nal'chik: Kab.-Balk. Knizh. izd-vo, 1964. – P. 40-58. (In Russ.).

AFAUNOVA A.A., SHERIEVA N.G. *Foneticheskie osobennosti mozdokskogo i besleneevskogo dialektov kabardino-cherkesskogo yazyka (skhodstva i razlichiya)* [Phonetic features of the Mozdok and Besleney dialects of the Kabardian-Circassian language (similarities and differences)]. In: Nauchnyi dialog. – 2025. – T. 14, № 4. – P. 55-73. – DOI 10.24224/2227-1295-2025-14-4-55-73. (In Russ.).

BAGOV P.M. *Kubano-zelenchukskie govory* [Kuban-Zelenchuk dialects]. In: Ocherki kabardino-cherkesskoi dialekto-logii. – Nal'chik: Tipografiya im. Revolyutsii 1905 goda, 1969. – P. 9-76. (In Russ.).

BALKAROV B.KH. *Fonetika adygskikh yazykov (sinkhronno-diakhronnoe issledovanie)* [Phonetics of the Adyghe languages (synchronic-diachronic study)]. – Nal'chik: El'brus, 1970. – 333 p. (In Russ.).

BIZHOEV B.CH. *Yazyk kabardino-cherkesskoi diasporы v Sirii, Iordanii, Turtsii* [The language of the Kabardian-Cherkessian diaspora in Syria, Jordan, and Turkey]. In: Adygskaya i karachaevo-balkarskaya zarubezhnaya diaspora: istoriya i kul'tura. – Nal'chik: izd-vo «El'-fa», 2000. – P. 201–240. (In Russ.).

GISHEV N.G. *Sravnitel'nyi analiz adygskikh yazykov* [Comparative analysis of the Adyghe languages]. – Maikop: «Kachestvo», 2003. – 284 p. (In Russ.).

GISHEV N.T. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. – Maikop: ООО «Ka-chestvo», 2008. – 538 p. (In Russ.).

ZHILETEZHEV KH.CH. *Spetsifika sobstvennykh imen sushchestvitel'nykh v kabardino-cherkesskom yazyke* [Specific features of proper nouns in the Kabardian-Cherkessian language]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2009. 113 p. (In Russ.).

Kabardino-cherkesskii yazyk. Sozdanie pis'mennosti, fonetika i fonologiya, mor-fologiya, sintaksis [Kabardian-Cherkessian language. Creation of a written language, phonetics and phonology, morphology, and syntax]. T. I. – Nal'chik: izd-vo «El'-fa», 2006. – 547 p. (In Russ.).

KAMBACHOKOV A.M. *Problemy prostogo predlozheniya v kabardino-cherkesskom yazyke* [Problems of a simple sentence in the Kabardian-Cherkessian language]. – Nal'chik: izdatel'skii tsentr «El'-fa», 1997. – 337 p. (In Russ.).

KARDANOV B.M. *Glagol'noe skazuemoe v kabardinskom yazyke* [Verb predicative in the Kabardian language]. – Nal'chik: Kabard.-Balkar. kn. izd-vo, 1957. – 140 p. (In Russ.).

KOSTANDI E.I. *Spetsifika prostranstvenno-vremennoi lokalizatsii v usloviyakh diaspory (russkii yazyk v Estonii)* [Specific features of spatial and temporal localization in the conditions of diaspora (Russian language in Estonia)]. In: Kul'turnyi landshaft pogranich'ya: proshloe, nastoyashchee, budushchee: Sbornik materialov Mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsii v Rige (21.02.-22.02.2013) i Pskove (05.12-07.12.2013), posvyashchennykh problemam pogranich'ya, Ri-ga-Pskov, 21–22 fevralya 2013 goda. – Riga-Pskov: Pskovskii gosudarstvennyi universi-tet, 2015. – P. 140-148. (In Russ.).

KUASHEVA T.KH. *Osobennosti Terskikh govorov kabardinskogo yazyka* [Features of the Terek dialects of the Kabardian language]. Avtoref. diss... kand. filol. n-k. – Nal'chik, 1954. – 24 p. (In Russ.).

KUASHEVA T.KH. *Terskie govory* [Terek dialects]. In: Ocherki kabardino-cherkesskoi dialektologii. – Nal'chik: Tipografiya im. Revolyutsii 1905 g., 1969. – P. 119–189. (In Russ.).

KUMAKHOV M.A. *Sravnitel'no-istoricheskaya fonetika adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [Comparative-historical phonetics of the Adyghe (Circassian) languages]. – M.: izd-vo «Nauka», 1981. – 288 p. (In Russ.).

MAMRESHEV K.T. *Baksanskii dialekt* [Baksan dialect]. In: Ocherki kabardino-cherkesskoi dialektologii. – Nal'chik: Tipografiya im. Revolyutsii 1905 goda, 1969. – P. 249-290. (In Russ.).

Polevoi material M.M. Abazovoi [Field material by M.M. Abazova.]. (In Russ.).

TAOV KH.T. *Kabardino-cherkesskaya dialektologiya* [Kabardian-Circassian dialectology]. Ucheb. posobie. – Nal'chik: KBGU, 2005. – 185 p. (In Russ.).

URUSOV KH.SH. *Morfemika adygskikh yazykov* [Morphemics of the Adyghe languages]. – Nalshyk: El'brus, 1980. – 403 p. (In Russ.).

SHAGIROV A.K. *Malkinskii govor* [Malkinsky dialect]. In: Ocherki kabardino-cherkesskoi dialektologii. – Nal'chik: Tipografiya im. Revolyutsii 1905 goda, 1969. – P. 290-329. (In Russ.).

SHAGIROV A.K. *Fonetika i morfologiya kabardinskogo yazyka* [Phonetics and morphology of the Kabardian language]. – Nal'chik: El'-Fa, 2004. – 220 p. (In Russ.).

SHERIEVA N.G. *Foneticheskie osobennosti besleneevskogo dialekta kabardino-cherkesskogo yazyka* [Phonetic features of the Besleneyevsky dialect of the Kabardian-Circassian language]. In: Vestnik KBIGI. – 2024. – № 1 (60). – P. 42–51. – DOI: 10.31007/2306-5826-2024-1-60-42-51. (In Russ.).

YAKOVLEV N.F. *Grammatika literaturnogo kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the literary Kabardian-Circassian language]. – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1948. – 371 p. (In Russ.).

Сведения об авторе

М.М. Абазова – кандидат филологических наук.

Information about the author

M.M. Abazova – candidate of sciences (Philology).

Статья поступила в редакцию 07.07.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 07.07.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

Илму статья
УДК 811.512.142
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-395-408
EDN: TKMKFH

ХАПАРЧЫЛАРЫ ФРАЗЕОЛОГИЯ АЙЛАНЧЛАДАН КЪУРАЛГЪАН АЙТЫМЛАНЫ ФОРМА-МАГЪАНА ЮЛГЮЛЕРИ

Ахматланы Ахматны кызы Мариям¹, Текуланы Масхутну жашы
Мусса², Хуболланы Магаметни жашы Сахадин³

^{1, 2, 3} Х.М. Бербеков атлы Къабарты-Малкъар кырал университет, Нальчик
шахар, Россия.

¹ mari.ahmatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0507-395X>

² tekuev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2887-4792>

³ khubol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1016-5023>

Къысха магъанасы. Статья къарачай-малкъар тилде хапарчылары фразеология айланчладан къуралгъан айтымланы форма эм магъана жаны бла тюрлюлерине жораланады. Белгилисича, фразеология тилибизни бек кеч тинтилип башланган бѣлумлеринден бириди. Арт кезиуде къарачай-малкъар тилни фразеологиясын тинтиуде иги жетишимле болдурулгъандыла. Фразеологизмни баш шартлары, аны магъана эм форма жаны бла тюрлюлери, стиль жаны бла энчиликлери, фразеологизмлени жаратылыуларына кѣре тюрлюлери, кесеклери бир бирлери бла магъана жаны бла къалай байланганларына кѣре къауумлары, фразеологизмлени синтаксис къуллукълары дегенча вопросла тынгылы ачыкълангандыла. Алай алыкъа ачыкъларгъа керекли вопросла кѣпдѣле, аны себепли тинтиу ишлени мындан ары да тохтатмай бардырыргъа кереклиси баямды. Фразеологизмле, лексика ѳлчемлеча, къаллай болса да бир тюрлю магъананы билдиредиле. Алай аланы билдирген магъаналарыны кѣчю сѣзню магъанасындан эсе уллуду, шатыкды. Бу статьяда хапарчылары фразеология айланчладан къуралгъан айтымлагъа къаралады. Быллай айтымла фразеология айланчланы орунлукъларына кѣре бир ненча къауумгъа ѳлешинедиле. Аланы асламысы бир эм эки орунлула боладыла. Синтаксис жаны бла членлеге ѳлешинмегенле, башха тюрлю айтханда, бир членден къуралгъан айтымла эм ѳч орунлула аз тѳбейдиле. Быллай айтымлада тюрлю-тюрлю болумла, халла, адамгъа бичилген багъа, иш, къымылдау, ѳюмлау, заман, тюрсюн, сан, сѣлешу дагъыда анга кѣре кѣп тюрлю магъанала ачыкъланадыла.

Баш магъаналы сѣзле: къарачай-малкъар тил; фразеологизм; хал; къылыкъ; иш; къымылдау; багъа бичиу; сѣлешу.

Хурметле бла финанс болушлукъ: Бу иш «Приоритет 2030» деген программа бла байламлы КЪМКЪУ-ну (34 номерли Келишим) ич грантыны болушлугъу бла тамамланганды.

Цитата этерге: Ахматланы А.къ.М., Текуланы М.ж.М., Хуболланы М.ж.С. Хапарчылары фразеология айланчладан къуралгъан айтымланы форма-магъана ѳлгюлери // Кавказология. – 2025. – № 3. – С. 395-408. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-395-408. EDN: TKMKFH.

© Ахматланы А.къ.М., Текуланы М.ж.М., Хуболланы М.ж.С., 2025

Original article

FORMAL-SEMANTIC MODELS OF STRUCTURES

**WITH PREDICATES EXPRESSED BY PHRASEOLOGICAL UNITS
IN THE KARACHAY-BALKARIAN LANGUAGE****Mariyam A. Akhmatova¹, Mussa M. Tekuev², Sakhadin M. Khubolov³**^{1, 2, 3} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia.¹ mari.ahmatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0507-395X>² tekuev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2887-4792>³ khubol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1016-5023>

Abstract. The article is devoted to the phraseology of the Karachay-Balkar language, which is a valuable source of information about the culture and mentality of the people. The descriptions of the phraseological plan encode the ideas of society about customs, rituals, morals, behavior, which are associated with traditional archetypal stereotypes of idioethnic orientation. The study of phraseology involves an obligatory analysis of its components in terms of their structural and semantic organization and linguacultural significance. This article examines the valence features of phraseological units. As is known, the issues of phraseology began to be studied relatively late. But in recent years, significant results have been achieved in the study of phraseology. Such issues as the main features of phraseological units, their structural-grammatical and semantic types, stylistic and functional features, varieties of phraseological units according to the degree of semantic fusion of their components, etc. have been covered. But many issues are waiting to be covered, one of which is the formal-semantic analysis of constructions in which the predicate position is occupied by phraseological units. Depending on the valence features of phraseological units, they are divided into single, double, triple and syntactically indivisible units. Single and double constructions are characterized by the highest frequency. Triple and syntactically indivisible units are less frequent. In terms of semantics, communicative units with predicates of state, attitude, evaluation with their subclasses prevail among phraseological constructions. Constructions with phraseological predicates expressing various character traits of a person are also quite common. Sentences with predicates of movement, action, thinking, speech, perception, etc. are characterized by lower frequency.

Keywords: Karachay-Balkar language; phraseology; semantics; state; attitude; grade; action; movement.

Acknowledgments and funding: The study was funded by the KBGU Internal Grant (Contract No. 34) as part of the Priority 2030 program.

For citation: Akhmatova M.A., Tekuev M.M., Khubolov S.M. Formal-semantic models of structures with predicates expressed by phraseological units in the Karachay-Balkarian language. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 395-408. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-395-408. EDN: TKMKFH.

© Akhmatova M.A., Tekuev M.M., Khubolov S.M., 2025

Научная статья

**ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КОНСТРУКЦИЙ
С ПРЕДИКАТАМИ, ВЫРАЖЕННЫМИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ
ЕДИНИЦАМИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ****Мариям Ахматовна Ахматова¹, Мусса Масхутович Текуев², Сахадин
Магаметович Хуболов³**

^{1, 2, 3} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

¹ mari.ahmatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0507-395X>

² tekuev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2887-4792>

³ khubol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1016-5023>

Аннотация. Статья посвящена фразеологии карачаево-балкарского языка, которая является ценнейшим источником сведений о культуре и менталитете народа. В дескрипциях фразеологического плана закодированы представления социума об обычаях, обрядах, морали, поведении, которые сопряжены с традиционными архетипическими стереотипами идиоэтнической направленности. Исследование фразеологии предполагает облигаторный анализ ее составляющих в плане их структурно-семантической организации и лингвокультурологической значимости. В данной статье рассматриваются валентностные особенности фразеологических оборотов. Как известно, вопросы фразеологии начали исследовать относительно поздно. Но в последние годы в изучении вопросов фразеологии достигнуты значительные результаты. Освещены такие вопросы как основные признаки фразеологизмов, их структурно-грамматические и семантические типы, стилистические и функциональные особенности, разновидности фразеологизмов по степени семантической слитности их компонентов и др. Но многие вопросы ждут своего освещения, одним из которых является формально-семантический анализ конструкций, в которых предикатная позиция занята фразеологическими единицами. В зависимости от валентных особенностей фразеологических единиц, они делятся на одноместные, двухместные, трехместные и синтаксически нечленимые единицы. Наибольшей частотностью характеризуются одноместные и двухместные конструкции. Менее частотны трехместные и синтаксически нечленимые единицы. В плане семантики среди фразеологизированных конструкций преобладают коммуникативные единицы с предикатами состояния, отношения, оценки с их подклассами. Довольно широкое хождение имеют и конструкции с фразеологическими предикатами, выражающими различные черты характера лица. Меньшей употребительностью характеризуются предложения с предикатами движения, действия, мышления, речи, восприятия и др.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык; фразеология; семантика; состояние; отношение; оценка; действие; движение.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Внутреннего гранта КБГУ (Договор № 34) в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: Ахматова М.А., Текуев М.М., Хуболов С.М. Формально-семантические модели конструкций с предикатами, выраженными фразеологическими единицами в карачаево-балкарском языке // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 395-408. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-395-408. EDN: TKMKFH.

© Ахматова М.А., Текуев М.М., Хуболов С.М., 2025

Фразеология тил билимни бек кеч тинтилип башланган бёломлеринден бириди. Бизни кыралда анга жыйырманчы ёмюрнү кырккынчы жылларында эс бурулуп башланганды. Фразеологияны тинтиуге, аны айнытыуга академик В.В. Виноградов уллу кыйын салганды [Виноградов 1947; Виноградов 1977].

В.В.Виноградовдан сора фразеология бла кюрешген алимле кеслерини ишлеринде аны оюмуна таяннгандыла эм анга уллу магъана бергендиле. Аны фразеологияга жораланган ишлери магъаналарын бюгюнлюкде да тас этмегендиле.

Андан сора да фразеологияны тинтиуге Н.М. Шанский [Шанский 1985], В.П. Жуков [Жуков 1978; Жуков 1986], В.М. Мокиенко [Мокиенко 1989], В.Н. Телия [Телия 1996], А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский [Баранов, Добровольский 2008] эм башха алимле уллу кыйын салгандыла.

Арт жыллада фразеологияны тинтиуде иги жетишимле болдурулгандыла. Фразеологияга жораланган кёп иш басмаланганды. Ол ишледе аслам эс фразеологизмлени магъана эм грамматика жаны бла кыауумлагъа юлешиниулерине, стиль жаны бла энчиликлерине, синтаксис кыуллукъларына, аланы суратлау чыгъармалада кыалай хайырланылыуларына бурулады. Бир бирге жууукъ тилледе тюбеген фразеология материалны тенглешдириуде да бир талай иш этилгенди.

Кыарачай-малкыар тилни юсюнден айтханда, фразеология аны бек кеч тинтилип башланган бёлюмлеринден бириди. Эм алгъа кыарачай-малкыар тилни фразеологиясын З.Къ. Жарашуева бла Ж.М. Гузеев тинтип башлагъандыла. З.Къ. Жарашуеваны кыарачай-малкыар тилни фразеологиясына жораланган бир талай иши барды [Жарашуева 1973; Жарашуева 1995]. Алада фразеология деп неге айтылганына, фразеологизмлени кесеклери магъана жаны бла бир бирлери бла кыалай байланганларына кёре кыауумлагъа юлешиниулерине, аланы магъана жаны бла энчиликлерине, тилни кыйсы кесегини кыуллугъунда жорюгенлерине кёре кыауумларына эм башха вопрослагъа кыаралады.

Ж.М. Гузеев «Проблематика словника толковых словарей тюркских языков» [Гузеев 1984] деген китабыны бир башын фразеологияга жоралайды. Ол фразеология айланчланы сёзле бла, сёз тутушла бла, кыауумланган сёзле бла, кыош этимле бла, терминле бла, нарт сёзле бла тенглешдиреди, алада бирча эм бирге ушамагъан шартланы ачыкылайды, аланы бир кыауумларыны фразеологизмлеге ётгенлерин тохташдырады. Андан тышында фразеология синонимлени, антонимлени, омонимлени, кёп магъаналы фразеологизмлени энчиликлерине да кыаралады.

С.Къ. Башиеваны кыарачай-малкыар фразеологияны стилистикасына бла фразеология вариантлагъа аталып, бир талай иши басмаланганды [Башиева 1993; Башиева 1995; Башиева 1996].

Фразеологизмлени синтаксис кыуллукъларына эм хапарчылары фразеологизмледен кыуралган айтымланы форма эм магъана жаны бла тюрлюлерине жораланып, бир талай статья басмаланганды [Хуболов, Улаков 2013; Хуболов 2013; Хуболов 2014].

Ж.М. Гузеев бла А.М. Мизиевни кыарачай-малкыар тилни фразеологиясына жораланган ишлеринде фразеологизмни тилни бирси ёнчемлеринден башхалыгъы, фразеология синонимле, антонимле, омонимле, вариантла, фразеологизмлени жаратылыуларына кёре кыауумлары дегенча вопрослагъа тынгылы кыаралганды [Гузеев 2013].

Арт кезиуде кыарачай-малкыар тилни фразеологизимлерни тюрлю-тюрлю энчиликлерине тилни башха бёлюмлери бла байламлы ишледе да эс бурулганды. Сёз ючюн, эскирген сёзлени [Кетенчиев 2022], концептлени [Ахматова 2022; Ахматова, Кучмезов 2024] айтымны членлерини синтаксис кыуллукъларын [Ахматова, Кетенчиев 2023] тинтгенде кыаралганды. Алай алыкъа тилни бу

бёлюмюнде тийишлисича эс бурулмагъан вопросла кёпдюле. Аладан бири – хапарчылары, башха тюрлю айтханда, предикатлары, фразеология айланчладан къуралгъан айтымланы форма-магъана юлгюлерин тохташдырыу бла байламлы вопросду. Бу проблема синтаксисге чыгъады. Арт жыллада синтаксисни тинтиуде уллу жетишимле болдурулгъандыла. Бютюн да уллу эс айтымны магъана жаны бла тинтиуге бурулады. Ол бошдан туююлдо, нек дегенде айтымны жаланда форма жаны бла тинтиу толу болмайды, бир бири бла келишмеген затланы туудурады. Ол чюйреликлени кетериуге уа айтымны магъана жаны бла тинтиу себеплик этеди. Сёз ючюн: *Жаиха къалтырауукъ тийди. Назифаны эси ауду.* Форма жаны бла алып къарасакъ, бу айтымла бир баш членли иесиз айтымладыла, быланы башчылары жокъдула, биринчи айтым толтуруучу бла фразеология айланчдан къуралгъан хапарчыдан, экинчиси уа жаланда фразеология айланчдан къуралгъан хапарчыдан къураладыла. Магъана жаны бла къарагъанда уа, бу айтымла иели айтымла боладыла, баш членлери экиси да бардыла: субъект (ие) бла предикат (хапарчы). Биринчи айтымда иелик бериучю болушдагъы бетлеучю алмаш бла, экинчи айтымда уа иеликчи болушдагъы сёз эм фразеология айланчны ат кесегине кюшулгъан иелик аффиксни болушлукълары бла бериледи. Бу юлгюле кёргюзтгенге кёре, айтымны толу ачыкълар ючюн, аны форма эм магъана жаны бла тинтирге керекди. Айтымны форма-магъана къурулушу аны хапарчысыны магъанасы бла къаты байламлыды. Айтымда ненча член болгъаны, ол членле къаллай формалада жюрюгенлери, айтымны магъанасы хапарчыны магъанасына кёре болады. Хапарчыны айтымгъа ненча сёз салдыргъанына аны орунлугъу (валентносту) дейдиле. Къарачай-малкъар тилде фразеологиялы айтымла асламысында бир эм эки орунлула боладыла. Аланы араларында синтаксис жаны бла членлеге юлешинмеген айтымла да кёп тюбейдиле. Юч орунлула аздыла.

Къарачай-малкъар тилде бек кёп бир орунлу фразеологиялы айтымла тюбейдиле. Ала тюрлю-тюрлю юлгюле бла къураладыла. $C_1 + (C_4 + Э)$ (мында быллай кысхартыула бериледиле: C – тилни ат кесеги, C_1 – баш болушдагъы ат, C_2 – иеликчи болушдагъы ат, C_3 – бериучю болушдагъы ат, C_4 – тамамлаучу болушдагъы ат, C_6 – башлаучу болушдагъы ат, $C_{бла}$ – согура бирлеш, $Э$ – этим, $ФА$ – фразеология айланч) юлгю бла къуралгъан айтымла быллай магъаналаны ачыкълалдыла:

1) адамны сокъураннганын, жангылгъанын кёргюзтген айтымла: *«Ай ме-дет!» – деп, Дауут эринин къапханды, Излей кетип, бир уууч от тапханды;*

2) биреуню ачыуланнганын билдирген айтымла: *Идрис таш-агъач ашайды. Не этерге билмей, Хамит тилин чайнайды. Биреу сени да сарнатыр, жан-жан-нынгы къарматыр;*

3) адамны саулугъу игиге айланнганын, къууаннганын кёргюзтген айтымла: *Саусуз эт ала башлады. Къартны хапарындан сора, жашила кёз ачдыла;*

4) адамны эсирик болгъанын, махтаннганын, уяла билмегенин кёргюзтген айтымла: *Арт кезиуде ол дёрденин кёпдюрюю айланады. Аз затчыкъдан ала бетлерин тас этдиле. Бир бирле тойгъанларын кётюралмай башлагъандыла;*

5) адамны бир затха бюсюремегенин, адам айтханнга тынгыламагъанын, бир затны этерге сюймегенин кёргюзтген айтымла: *Хамит эринлерин жыйырды.*

Артдан артха Мухтар сёз жутмай тебирегенди. Ары барыргъа унамай, жаш жагъасын жыртдырады;

6) адамны тынчайгъанын, ырахатланнганын белгилеген айтымла: *Къонакъла бираз эс тапдыла. Юйге келгенден сора, Къанишаубий бел бошлады;*

7) адамны къыйын, жууаплы ишни толтуруудан артха турмазлыгъын кёргюзтген айтымла: *Ата журтум, сени ючюн Жаннган отха кирирге, керек болса, къызгъанмай, Мен жанымы берирме.* Быллай айтымлада башчыны къуллугъунда этимсыфат айланчла да кёп тюбейдиле.

$C_1 + (C_2 + C_4 + Э)$. Бу юлгю бла къуралгъан айтымла да кёп тюрлю магъаналаны ачыкълайдыла:

1) адамны адамгъа тырман этгенин, урушханын, биреуге аман сёз айтханын, тюйгенин кёргюзтген айтымла: *Кесимхан аны атасын танытды. Атасы жашны тонун къакъды. Мусос Сафарны къулакъларын буруп кетди. Ол Хакимни тишлерин санатды. Жашла жетип айырмасала эди, Алий Мухтарны терисин союп къоярыкъ эди. Жашыу Къазийни атасын-анасын тойдурду;*

2) биреу кесини неда башха адамны намысы бла ойнагъанын, башха адамгъа артыкълыкъ этгенин кёргюзтген айтымла: *Гудучу биреуню этин ашайды, кесини бетин ашайды. Хар къайда да жарлы жарлыча жашайды, Къарыулу къарыусузну этин ашайды. Сен къызны бети бла ойнама;*

3) магъанасыз затла айтып, биреу биреуню эрикдиргенин, жанындан этгенин, адамны бир затдан, ишден эрикгенин белгилеген айтымла: *Байны малы жарлыны башын аурутур. Солтанны магъанасыз сёзлери аны башын тели этдиле;*

4) биреуню биреуге неда бир затха бюсюремегенин кёргюзтген айтымла: *Ол адам мени жанымы алады. Къонакъны айтхан сёзлери аны кёлюн кюлдюрдюле;*

5) адам адамны ёлтюргенин неда къоркъутханын кёргюзтген айтымла: *Эллилени болушлукълары бла партизанла фашистлени артларын къурутхан эдиле. Энди аллай ишинг болса, мен сени боюн жигинги юзерме.*

$C_3 + (C_1 + Э)$ юлгю бла къуралгъан айтымла быллай магъаналаны кёргюзтедиле:

1) адамны ауругъанын, халы осал болгъанын: *Къагъанакъгъа кёз тийгенди. Жукъа кийингенлеге сууукъ татый башлады. Махмутха жётел тийип турады;*

2) адамны саулугъу игиленнгенин: *Энди аны саз бетчигине къан кире башлады. Жамиятха жан кире башлады;*

3) адамны кёлю кётюрюлгенин: *Къууанчлы хапарны эшитгенде, Кязимге къанатла битген эдиле. Ахматны эсегенде, жашлагъа жан кирди.*

$C_1 + (C_2 + C_3 + Э)$ юлгю бла къуралгъан айтымла да бир талай магъананы ачыкълайдыла:

1) биреу биреуню ачыуландыргъанын кёргюзтген айтымла: *Адрахманны сёзлери аны жаууруна къатылдыла. Халим тенгини жинине тийди. Къатынны сёзлери эрини башына чапдыла;*

2) адамны уялгъанын, ёпкелегенин кёргюзтген айтымла: *Шарау къулакъ артларына дери къызарды. Къарындашы Мурадинни кёлюне тийди;*

3) адамны бир затны эслегенин неда эшитгенин белгилеген айтымла: *Жашны атасына бекден бек ушай баргъаны анасыны кёзюне урунады. Сюрюучюлени жырлагъан тауушлары жашны кёулагъына чалындыла;*

4) адамны адам айтханнга эс бурмагъанын, башха адамны басынчакъларгъа умут этгенин кёргюзтген айтымла: *Сизни айтханыгъыз мени кёулагъыма да кирмейди. Была уа мени башыма минерге тебирегендиле.*

$C_1 + (C_2 + C_6 + \text{Э})$ юлгю бла кёуралгъан айтымла бир ишни толтурур ючюн, биреу биреуню амалсыз этгенин, эрикдиргенин кёргюзтген айтымла: *Машиначыкъны ал деп, Хызырчыкъ анасыны богъурдагъындан кысды. Быстырла тик деп, Самат аны бойнундан асып турады. Бюгечели бери ол мени жанымдан этди. Къылыкъсызлыгъы бла жаш анасыны борбайындан олтуртду.*

Къарачай-малкъар тилде эки орунлу фразеологиялы айтымла бир орунлуладан эсе аздыла. Быллай айтымла юч членден кёураладыла эм тюрлю-тюрлю магъаналаны ачыкълайдыла.

$C_1 + C_3 + (C_4 + \text{Э})$. Бу юлгю бла кёуралгъан айтымла быллай магъаналаны белгилейдиле:

1) биреуню биреуге бойсуннганын неда бойсунмагъанын кёргюзтген айтымла: *Жигитле душманнга баи иймейдиле. Сайхат старшинагъа баи урду. Ол не бек кюрешсе да, биз анга бой бермедик;*

2) адамны кёууаннганын, кёлленнгенин, кёргюзтген айтымла: *Сен къанат бергенсе эркинлигибизге, Жаугъа къажасу кыйын сермешибизде. Жашыны юсюнден хапар анга жан салды;*

3) биреуню биреуге дерт тутханын кёргюзтген айтымла: *Сосран кесин мах-тамагъанлагъа бармакъ къадайды. Ол анга эрттеден бери тиш билейди;*

4) адамны бир затны этерге унамагъанын кёргюзтген айтымла: *Бир бирле халкъны оноуна аякъ тирерге кюрешедиле. Жаш анасы айтханнга ёшюн тиреп тохтады;*

5) адамны ачыуланнганын, аман айтханын кёргюзтген айтымла: *Апанас алагъа мыйыкъларын чюйюрдю. Эки бай Хожагъа дуняны аманын кёуйдула;*

6) биреу биреуню кёрюрге сюймегенин кёргюзтген айтымла: *Азрет бизге арт айландырып турады. Исса не бек кюрешсе да, Халимат анга бет бермедиле. Асхат къоншусуна боюнун буруп да къарамады. Хасан жашлагъа сырт буруп турады;*

7) биреуню биреуге дерт жетдиргенин кёргюзтген айтымла: *Ахмат фашистлеге кёлюн къандырды. Ол Хажибатыргъа кёл кенгдирди;*

8) адамны бир затха уллу эс буруп тынгылагъанын кёргюзтген айтымла: *Блинов аланы хапарларына кёулакъларын тургъузтду. Ушкогун кёолуна алгъанлай, ол тегерекге кёулакъ ийди;*

9) биреу биреуню бек сюйгенин кёргюзтген айтымла: *Хамзат кыызгъа жан атып айланады. Асхат асыры халалдан, адам анга жанын берир;*

10) биреуню иши болмагъан жерге кесин кёшуп айланнганын кёргюзтген айтымла: *Сен муслиманланы дин тутханларына бурунунгу уруп нек айланаса? Хусей хар неге да бурунун сугъуп айланады.*

$C_1 + C_4 + (C_3 + \text{Э})$ юлгю бла кёуралгъан айтымла да бир талай магъананы ачыкълайдыла:

1) адаманы бир затны эсгергенин кѣргюзтген айтымла: *Хар атха миннгени сайын, Жамилят партизанланы эсине тюшюреди. Асхат сохтала жетдирмей кѣойгъан затланы эслерине салады. Ахмат жашиланы жыйылыугъа барлыкъларын эсине тюшюрдю;*

2) адамны бир затны тамамларгъа борч алгъанын кѣргюзтген айтымла: *Ол Сейитланы ишлерин кѣурауну боюнуна алды. Жашила ол жумушну толтурууну боюнларына кийдиле;*

3) адамны ырысхысын зыраф этгенин, жойгъанын кѣргюзтген айтымла: *Татлы тилли кѣозучукъ Эки ананы эмеди, Оспар сѣзлю жаши жигит Ырысхыны отха кѣмеди. Жаши атасындан кѣалгъан мюлкню кюлге кѣуйгъанча этди;*

4) биреу биреуню ийнакъларгъанын кѣргюзтген айтымла: *Андан бери кѣарт кѣатын мени кѣзюне-бурунуна сугъады;*

5) адам бир затны сансыз этгенин кѣргюзтген айтымла: *Ол Къанаматны айтханын кѣулагъына алыргъа унамады. Тюнене берирге унамагъанса, энди уа аны башынга ур.*

$C_1 + C_4 + (C_6 + Э)$ юлгю бла кѣуралгъан айтымла биреу биреуге урушханын, тырман этгенин, биреуню ачыуландыргъанын кѣргюзтедиле: *Эринчекле бригадирни ачыудан жара эдиле. Устаз дерсге хазырланмагъанланы ташидан кѣчюре эди. Сен этгенинги адамны бурунундан чыгъараса.*

$C_1 + C_4 + (C + эт)$ юлгю бла кѣуралгъан айтымла быллай магъаналаны ачыкълардыла:

1) бир ишни толтурулгъанын неда толтурургъа керек болгъанын кѣргюзтген айтымла: *Хаулесине кетгинчи, сен жашичкѣны бир жанлы эт;*

2) биреу биреуню тюйгенин неда тырман бла ырахын этгенин кѣргюзтген айтымла: *Сайхат келинин тырман бла, иш бла да борбайсыз этгенди. Жашила уручуланы дуудых этдиле;*

3) адам адамны неда зат затны жокъ этгенин, кѣурутханын кѣргюзтген айтымла: *Халжар кѣыйырында жатхан кѣарт парий эки киштикни да таши агъач юлюшю этди. Партизанла Зауурбекни аскерлерин тюп этдиле.*

Членлеге юлешинмеген фразеологиялы айтымла тюрлю-тюрлю юлгюле бла кѣураладыла эм кѣп тюрлю магъананы белгилейдиле. $(C_2 + C_1 + Э)$ юлгю бла кѣуралгъан айтымла быллай магъаналаны ачыкълардыла:

1) адамны мудак болгъанын: *Ийналукуну гямпирлери тюшдюле. Жашиланы салпылары тюшдюле. Ол кюнден бери аны тишлери ышармайдыла. Ажгерийни буруну салынды;*

2) адамны кѣарыусуз болгъанын: *Ол аман хапарны эшитгенде, жашны санлары кѣыйылдыла. Кѣп кюрешгенден, Кѣамбулатны тюнкеси юзюлдю. Хамитни санлары тутмайдыла;*

3) адамны кѣыйынлыкъ, бушуу сынагъанын: *Эри ёлгенли бери, Таужанны борбайы юзюлюндю. Халимни чууакъ кюню ёчюлдю. Кѣызны оту кѣмюлдю. Масхутну эшиги жабылды;*

4) адамны кѣоркѣгъанын: *Ахыяны ахы кетди. Таукъанны тили тутулду. Азаматны жаны кетди;*

5) адамны халын: *Саусузну кѣргенде, Сюйдюмню эси ауду. Исмаилны кѣлю бокъланды. Кѣызны эси тайды;*

б) адамны ачыуланнганын: *Жашны жини тутду. Алимни кёзлери жандыла.*

Быллай айтымла жаланда хапарчыдан кьураладыла. Баш болушда келген сёз бла этим фразеология айланч кьурайдыла. Фразеология айланч а айтымда бир членни кьуллугъун толтурады. Иеликчи болушдагы сёз (C_2) айгъакълаучуну кьуллугъунда келеди эм фразеология айланчны атдан кьуралгъан кесегине кьарайды, кеси ачыкълангъан сёз бла бирге хапарчыны кьурамына киреди. Аны себепли быллай айтымланы синтаксис жаны бла членлеге юлеширге онг болмайды. Магъана жаны бла айтымланы бу кьаууму субъектден бла предикатдан кьураладыла.

($C_2 + C_3 + C_1 + \text{Э}$) юлгю бла кьуралгъан айтымла быллай магъаналаны ачыкълангъан:

1) адамны сагъышланнганын билдирген айтымла: *Аслижанны кёзюне жукъу кирмеди. Адыхамны башына акъ чыккъды;*

2) адамны ачыуланнганын кёргюзтген айтымла: *Алийни бетине къан чанды. Аны кёзлерине къан чанды;*

3) адамны халы игиленнгенин кёргюзтген айтымла: *Ахматны бетине къан келе башлады. Аны кьуу сюеклерине жан кирди;*

4) адамны кьыйынлыкъ сынагъанын кёргюзтген айтымла: *Кёчгюнчюлюкню кезиунде кёплени юйлерине кьыйынлыкъ тюшгенди. Урушну хатасындан кёплени башларына къан жаугъанды.*

($C_2 + C_1 + C_3 + \text{Э}$) юлгю бла кьуралгъан айтымлада кёп тюрлю магъана ачыкъланады:

1) адамны халы игиленнгени: *Аймёлекни жаны жерине келди. Къызын жюреги орунуна келди;*

2) адамны кьууаннганы: *Жашны тёппеси кёкге жетди. Аны кёлю кёкге жетди;*

3) адамны мудах болгъаны: *Къызын башы сагъышха кьалды. Байдуллахны балтасы таиша тийип тура эди;*

4) адамны жашауу осал болгъаны: *Аны башы палахха кьалды. Далхатны жашауу артына кетди;*

5) адамны кьоркыгъаны: *Сарыбийни жаны табанына кетген эди. Айыуну кёргенде, Мазанны кёзлери мангылайына чыккъдыла;*

б) адамны жашауу игиленнгени: *Къызын насыбы аллына урду. Асхатны тирмени аллына айланды.*

($C_{\text{ым}2} + C_{02} + C_{\text{ым}} + \text{Э}$) юлгю бла кьуралгъан айтымла да бир талай магъананы ачыкълангъан:

1) адамны кьоркыгъанын кёргюзтген айтымла: *Юйде олтургъан кишилени кёргенде, Асиятны чач тюклери турдула;*

2) адамны бушуу сынагъанын кёргюзтген айтымла: *Жарлы ананы кёз жарыгъы ёчюлдю. Аны дуня тутуругъу кетди;*

3) адамны ёлгенин белгилеген айтымла: *Аны ариу жашауу кесилди. Махмутну ашар гыржыны тауусулду. Былайда да жаууну боюн жиги чыккъанды.*

Аз болса да, кьарачай-малкьар тилде юч орунлу фразеологиялы айтымла да тюбейдиле. Ала тюрлю-тюрлю юлгюле бла кьураладыла: $C_1 + C_3 + C_6 + \text{ФА}$, $C_1 +$

$C_3 + C_4 + \Phi A$, $C_1 + C_3 + C_{\text{бла}} + \Phi A$, $C_1 + C_4 + C_{\text{бла}} + \Phi A$ д.б. Кеслери да быллай магъаналаны белгилейдиле:

1) кьаллай болса да бир сылтау бла бир халгъа тюшюуню: *Заманында келалмай, биз таматаланы аллында айыплы болдукъ;*

2) адамланы араларында болумланы: *Махмут манга не ишде да билеклик этеди. Паша Кезийбаннга бир бош затны юсюнде кёлкьалды болду;*

3) ишни: *Ахмат чалгъычы жыйыннга баи болады;*

4) кьымылдауну: *Домашны кёкбаи эшеги, бахчагъа кьутулур умут бла, кьабакъ эшикге кесин урады;*

5) сёлешиуню: *Къанийни ачыуландырыр мурадда, Ариуба айталгъан аманларын артха салмады.*

Башда келтирилген юлгюле этим айланчладыла, анга кёре, аланы болуш-лукълары бла этим айтымла кьураладыла. Алай кьарачай-малкьар тилде хапарчылары ат фразеологизмледен кьуралгъан айтымла да кенг халда жюрюйдюле. Ат айтымла хапарчыны орунлугъуна кёре юч тюрлю боладыла:

1) членлеге юлешинмегенле: *Ахматны кёлю базыкьды. Махмутну бир аягъы жерде, бир аягъе кёрдеди;*

2) бир орунлула: *Зауурбек элде барып тохтагъанладанды. Мухтар алтын кьоллуду;*

3) эки орунлула: *Сюймеген ишин этген анга кьоюнуну от тюшгенчады. Былада юч орунлула тюбемейдиле. Хапарчылары ат фразеологизмледен кьуралгъан айтымла быллай юлгюле бла кьураладыла: $C_1 + (C_2 + C_{02} + C)$, $C_1 + (C_3 + C + C)$, $C_3 + (C_1 + C)$, $(C_2 + C_1 + C)$ эм башхала. Бу юлгюле бла кьуралгъан айтымла бир талай магъананы ачыкьлап келедиле:*

1) адамны тыш сыфатын, жыл санын, тойгъанын, тоймагъанын д.а.к.: *Къызы санлары кепге кьуйгъан кибикдиле. Ол кенг жауурунлу киши адам ортасына келгенди. Алимни тюненеден бери ауузунда сууу жокъ эди. Да энди уа жел элтмезча болгъанма;*

2) адамны жашау халын: *Тили жокъну кюню жокъ. Джолоучулукъдама, тынч тюлдю таймаздан джюрюб турмакьлыкъ, ёзге алайсыз меннге кюн джокъду. Къанишау кесини кюнюн кеч эталмай айланган, башына оу адамды. Ол олтургъан къызды. Бизни халкъ мангылай кьыйыны бла жашагъан халкьды;*

3) адамланы неда затланы араларында болумланы, сёз ючюн, адам адамны сюйгенин, ариу кёргенин, сюймегенин, сансыз этгенин, бойсундургъанын д.а.к.: *Кьонакьгъа иги болуу аланы жанлары-тиллериди. Мазан мени жанымды, кёз жилтинимди. Сабий ананы кёз чырагъыды. Ол мени кёз жарыгъымды, къан тамырымды, ийнагъымды. Гюл бахчада айланган Марзиятны жананы кьыйырыды. Ала бизни къанлы душманларыбыздыла. Киши кьыйынын ашагъанланы бла бизни ортабыз эт бла бичакъ кибикди. Да, Атай, этигиз оноу, сиз айтханны мен этерге хазырма, бойнум кьылдан иничгеди. Жаи адамла сени кёзюнге кьарагъанладыла. Ахмат бла нёгери жан бла тёммек кибикдиле. Мени нёгерим ол затха уллу кёллюдю;*

4) адамгъа неда бир затха багъа бичиу: *Аминат турушунлай сары алтынды. Жангы кьоншубуз къара капекге тийишмегенледенди. Заурбек барып тохтагъанладанды. Сени атанг къан ичиучюледенди. Ала бир итни*

кьуйругьудула. Староста кьандан тоймагъанладанды. Ол кьайры да бурунун сугьуучуладанды. Харун хунагъа жарашмагъан таиш кибикди. Тамбийланы кьыз башын улуу кьрюучюледенди. Кьой, иги жаш, тонгузну аласы, кьарасымы башхады, байла да бары бир итни кьуйругьудула. Сеничала бокьдан ийис ангыламагъанладыла. Мени атам кьазауатда уруш этгенди, сеники уа – кьан ичиучюдо, киши бьреклене жутады. Староста адамгъа не аз да эриулюгю болмагъан, кьандан тоймагъан адам эди. Ёхтемлиги болмагъан адамгъа игилик этгенинг итге чабыр этген кибикди. Таслиймат алтынны журунуду. Жашчыкь турушунлай акьыл тебеди. Хамзат аллы бла чыпчыкь ётмеген уучуладан эди. Жаш а жашмыды. Саулай элге оноу этерча, акьыл тьбе;

5) адамны кьылыгъы бла байламлы шартланы, сьз ючюн, сьзюне кертичилики, кьылыкьсызлыкьны, бетсизлики, ётюрюкчюлюкню, тырманчылыкьны, тил этиуню д.а.к.: *Кериуан сьзюн жерге атыучуладан тьююлдо. Ол эки тиширыу узун тиллиледиле. Элде бир кьауумла кьадыр кьылыкьлыладыла. Зар адамла кьара жюреклиледиле;*

6) оюмлауну, жыл санны: *Аны башы барды. Аны башы ишлейди. Ол башына кьатыды. Бу сабий турушунлай акьыл тьбеде. Ислам адам ортасына келген эр кишиди. Мен туугъанлы, кьеп суу саркьгъанды.*

Юлгюле кьргюзтгеннге кьере, фразеологиялы айтымла формаларына эм магъаналарына кьере кьеп тюрюлю боладыла. Алай аланы ичинде уа аслам жюрюютюлгенле тюрюлю-тюрюлю халланы эм адамланы араларында болумланы кьргюзтгенледиле. Членленге юлешинмеген айтымланы магъана кьурамларына субъект бла предикат киредиле. Бир орунлуланы асламысы эки неда юч компонентлиледиле – субъект, предикат, объект неда конкретизатор. Эки орунлула асламысында юч компонентден кьураладыла – субъект, предикат, объект (конкретизатор). Юч орунлула тьрт компонентден кьураладыла – субъект, предикат, эки объект, неда объект бла конкретизатор, неда косубъект бла конкретизатор.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ахматова 2022 – *Ахматова М.А., Салчак А.Я., Чертыкова М.Д.* Средства выражения эмоции страха в тюркских языках (на примере тувинского, карачаево-балкарского и хакаского языков) // Новые исследования Тувы. – 2022. – № 2. – С. 224-238.

Ахматова, Кетенчиев 2023 – *Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б.* Синтаксические конструкции с однородными членами предложения в карачаево-балкарском нартском эпосе // Эпосоведение. – 2023. – № 2 (30). – С. 5-15.

Ахматова, Кучмезов 2024 – *Ахматова М.А., Кучмезов А.М.* Функционально-семантическая характеристика фразеологизмов с соматизмом бауур в карачаево-балкарском языке // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 388-400.

Баранов 2008 – *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.

Башиева 1993 – *Башиева С.К.* Вариантность в карачаево-балкарском языкознании // Вопросы лексикологии и грамматики карачаево балкарского языка. – Нальчик, 1993. – С. 50-58.

Башиева 1995 – *Башиева С.К.* Средства формирования стилистического компонента значения фразеологизмов. – Нальчик, 1995. – 64 с.

Башиева 1996 – *Башиева С.К.* Стилистический компонент фразеологического значения: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 1996. – 38 с.

Виноградов 1947 – *Виноградов В.В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Академик А.А. Шахматов «Труды комиссии по истории Академии наук СССР». – М.-Л., 1947. – С. 339-364.

Виноградов 1977 – *Виноградов В.В.* Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 118-139.

Гузеев 1984 – *Гузеев Ж.М.* Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 160 с.

Гузеев 2013 – *Гузеев Ж.М., Мизиев А.М.* Фразеологизация свободных словосочетаний и предложений в карачаево-балкарском языке. – Нальчик, 2013. – 190 с.

Жарашуева 1973 – *Жарашуева З.К.* Вопросы фразеологии современного карачаево-балкарского языка: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Баку, 1973. – 24 с.

Жарашуева 1995 – *Жарашуева З.К.* Фразеологический словарь карачаево-балкарского языка. – Нальчик, 1995. – 476 с.

Жуков 1986 – *Жуков В.П.* Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 1986. – 310 с.

Жуков 1978 – *Жуков В.П.* Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.

Кетенчиев 2022 – *Кетенчиев М.Б., Ахматова М.А., Додуева А.Т.* Архаическая лексика в карачаево-балкарских паремиях // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2022. – Т. 19. – № 2. – С. 297-307.

Мокиенко 1989 – *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. – М.: Высшая школа, 1989. – 287 с.

Телия 1996 – *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Хуболов 2013 – *Хуболов С.М., Улаков М.З.* Двусоставные фразеологизированные предложения с предикатами состояния в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2013. – № 2 (52). – С. 148-153.

Хуболов 2013 – *Хуболов С.М.* Односоставные фразеологизированные предложения с предикатами отношения в карачаево-балкарском языке // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 1 (292). – С. 145-148.

Хуболов 2014 – *Хуболов С.М.* Семантический потенциал фразеологических единиц, управляющих исходным объекта в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2014. – № 6 (62). – С. 260-264.

Шанский 1985 – *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.

REFERENCES

АНМАТОВА М.А., SALCHAK A.JA., CHERTYKOVA M.D. *Sredstva vyrazhenija jemocii straha v tjurkskih jazykah (na primere tuvinskogo, karachaevo-balkarskogo i hakasskogo jazykov)* [Verbalization of the concept “kysh” (winter) in the Karachay-Balkarian linguistic picture of the world]. IN: *Novye issledovanija Tuvy*. – 2022. – № 2. – P. 224-238. (In Russ.)

АНМАТОВА М.А., KETENCHIEV M.B. *Sintaksicheskie konstrukcii s odnorodnymi chlenami predlozhenija v karachaevo-balkarskom nartskom jepose* [Syntactic constructions with homogeneous sentence parts in the Karachay-Balkar Nart epic]. IN: *Jeposovedenie*. – 2023. – № 2 (30). – P. 5-15. (In Russ.)

АНМАТОВА М.А., KUCHMEZOV A.M. *Funkcional'no-semanticheskaya harakteristika frazeologizmov s somatizmom bauur v karachaevo-balkarskom yazyke* [The functional and semantic characteristics of phraseological units with Somatism Bauuur in Karachay-Balkarian]. IN: *Kavkazologiya*. – 2024. – № 4. – P. 388-400. (In Russ.)

BARANOV A.N., DOBROVOL'SKIJ D.O. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. – Moscow: Znak, 2008. – 656 p. (In Russ.)

BASHIEVA S.K. *Variantnost' v karachaevo-balkarskoj frazeologii* [Variation in Karachay-Balkar phraseology]. IN: *Voprosy leksikologii i grammatiki karachaevo balkarskogo jazyka*. – Nal'chik, 1993. – P. 50-58. (In Russ.)

BASHIEVA S.K. *Sredstva formirovaniya stilisticheskogo komponenta znachenija frazeologizmov* [Means of forming the stylistic component of the meaning of phraseological units]. – Nal'chik, 1995. – 64 p. (In Russ.)

BASHIEVA S.K. *Stilisticheskij komponent frazeologicheskogo znachenija* [Stylistic component of phraseological meaning]: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk. – Krasnodar, 1996. – 38 p. (In Russ.)

VINOGRADOV V.V. *Ob osnovnyh tipah frazeologicheskikh edinic v russkom jazyke* [On the main types of phraseological units in the Russian language]. IN: *Akademik A.A. Shahmatov «Trudy` komissii po istorii Akademii nauk SSSR»*. – Moscow-Leningrad, 1947. – P. 339-364. (In Russ.)

VINOGRADOV V.V. *Osnovnye ponjatija russkoj frazeologii kak lingvisticheskoi discipliny* [Basic concepts of Russian phraseology as a linguistic discipline]. IN: *Izbrannye trudy. Leksikologija i leksikografija*. – Moscow, 1977. – P. 118-139. (In Russ.)

GUZEEV ZH.M. *Problematika slovnika tolkovykh slovaroj tjurkskikh jazykov* [Problems of the vocabulary of explanatory dictionaries of Turkic languages]. – Nal'chik: Jel'brus, 1984. – 160 p. (In Russ.)

GUZEEV ZH.M., MIZIEV A.M. *Frazeologizacija svobodnyh slovosochetanj i predlozheni v karaaevo-balkarskom jazyke* [Phraseologization of free phrases and sentences in the Karaa-Balkarian language]. – Nal'chik, 2013. – 190 p. (In Russ.)

ZHARASHUEVA Z.K. *Voprosy frazeologii sovremennogo karachaevo- balkarskogo jazyka* [Issues of phraseology of the modern Karachay-Balkar language]: avtoref. diss. ...kand. filol. nauk. – Baku, 1973. – 24 p. (In Russ.)

ZHARASHUEVA Z.K. *Frazeologicheskij slovar' karachaevo- balkarskogo jazyka* [Phraseological dictionary of the Karachay-Balkar language]. – Nal'chik, 1995. – 476 p. (In Russ.)

ZHUKOV V.P. *Russkaja frazeologija* [Russian phraseology]. – Moscow: Vysshaja shkola, 1986. – 310 p. (In Russ.)

ZHUKOV V.P. *Semantika frazeologicheskikh oborotov* [Semantics of phraseological units]. – Moscow: Prosveshhenie, 1978. – 160 p. (In Russ.)

KETENCHIEV M.B., AHMATOVA M.A., DODUEVA A.T. *Arhaicheskaja leksika v karachaevo-balkarskikh paremyah* [Archaic vocabulary in Karachay-Balkar proverbs]. IN: *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*. – 2022. – T. 19. – № 2. – P. 297-307. (In Russ.)

MOKIENKO V.M. *Slavjanskaja frazeologija* [Slavic phraseology]. – Moscow: Vysshaja shkola, 1989. – 287 p. (In Russ.)

TELIJA V.N. *Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. – Moscow: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1996. – 288 p. (In Russ.)

HUBOLOV S.M., ULAKOV M.Z., *Dvusostavnye frazeologizirovannye predlozheniya s predikatami sostoyaniya v karachaevo-balkarskom yazyke* [Two-part phraseological sentences with predicates of the condition in the Karachay-Balkarian language]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN*. – 2013. – № 2 (52). – P. 148-153. (In Russ.)

HUBOLOV S.M. *Odnosostavnye frazeologizirovannye predlozheniya s predikatami otnosheniya v karachaevo-balkarskom yazyke* [One-component phraseological proposals with predicates of relations in the Karachay-Balkarian language]. IN: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2013. – № 1 (292). – P. 145-148. (In Russ.)

HUBOLOV S.M. *Semanticheskij potencial frazeologicheskikh edinic, upravlyayushchih iskhodnym ob'ekta v karachaevo-balkarskom yazyke* [The semantic potential of phraseological units that control the initial object in the Karachay-Balkarian language]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN*. – 2014. – № 6 (62). – P. 260-264. (In Russ.)

SHANSKIY N.M. *Frazeologija sovremennogo russkogo jazyka* [Phraseology of the modern Russian language]. – Moscow: Vysshaja shkola, 1985. – 160 p. (In Russ.)

Авторну юсюнден билдириу

Ахматланы Ахматны кызы Мариям – филология илмуланы доктору.

Текуланы Масхутну жашы Мусса – филология илмуланы доктору.

Хуболланы Магаметни жашы Сахадин – филология илмуланы кандидату.

Information about the authors

M.A. Akhmatova – Doctor of Science (Philology).

M.M. Tekuev – Doctor of Science (Philology), professor.

S.M. Khubolov – Candidate of Sciences (Philology), associate professor.

Информация об авторах

М.А. Ахматова – доктор филологических наук, доцент.

М.М. Текуев – доктор филологических наук, профессор.

С.М. Хуболов – кандидат филологических наук, доцент.

Авторланы кьошумчулуклары: статьяны хазырлаугъа авторла бирча кыйын салгъандыла. Авторланы бир бирине даулары жокъду.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья редакциягъа 02.07.2025 келгенди; кесамат этилгенден сора 15.09.2025 къабыл кёрюлгенди; басмагъа 27.09.2025 алыннганды.

The article was submitted 02.07.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

Статья поступила в редакцию 02.07.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 27.09.2025.

Научная статья
УДК 811.512.142
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-409-421
EDN: UZADMV

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗООЛЕКСЕМЫ ЭШЕК 'ОСЕЛ' В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Мусса Бахаутдинович Кетенчиев¹, Ахмат Магометович Мизиев², Ак-
кизова Айгуль Арсеновна³

^{1,2,3} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербе-
кова, Нальчик, Россия,

¹ ketenchiev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1656-8368>

² miz1967@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6136-9379>

³ gulitema@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-1509-0954>

Аннотация. Статья посвящена лексике карачаево-балкарского языка. В ней многостороннему анализу подвергается фауноним *эшек* 'осел', выявляются его словообразовательные интенции, отмечается представленность в составе различного рода онимов. В работе отмечается, что подвергаемая анализу зоолексема сопряжена с релевантными для карачаево-балкарской этно- и лингвокультуры составляющими, которые, являясь архаизированными, актуальны и для современности. В самом общем виде в мировосприятии карачаево-балкарского этноса осел предстает как домашнее животное, отличающееся такими характеристиками, как упрямство, выносливость, трудолюбие и находчивость, любовь к потомству, что детерминируется мировосприятием этноса и его ментальностью, в большей степени обнаруживается в корпусе карачаево-балкарских пословиц и поговорок. Осел является добычей для волков, его образ оппозитивен по отношению к образу коня, стоящему в иерархии домашних животных гораздо выше. В анималистических сказках осел в силу своего добродушия попадает в тяжелое положение, однако находит возможности для возвращения своего выгодного статуса. Поэтизированный образ осла в целом коррелирует с его традиционным народным образом. Проанализированный эмпирический материал дает возможность говорить в целом об универсалиях, связанных с образом осла. Зоолексема *эшек* является значимым элементом зооморфного кода культуры в карачаево-балкарской картине мира.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, фольклор, лексика, зооним «осел», функция, семантика, этнокультурное значение

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Внутреннего гранта КБГУ (Договор № 34), в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: Кетенчиев М.Б., Мизиев А.М., Аккизова А.А. Функционально-семантический потенциал зоолексемы эшек 'осел' в карачаево-балкарском языке // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 409-421. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-409-421. EDN: UZADMV.

© Кетенчиев М.Б., Мизиев А.М., Аккизова А.А., 2025

Original article

THE FUNCTIONAL AND SEMANTIC POTENTIAL OF THE ZOOLEXEME ESHEK 'DONKEY' IN THE KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Mussa B. Ketenchiev¹, Akhmat M. Miziev², Ajgul A. Akkizova³

^{1,2,3} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

¹ ketenchiev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1656-8368>

² miz1967@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6136-9379>

³ gulitema@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-1509-0954>

Abstract. The article focuses on the vocabulary of the Karachay-Balkarian language. In it, the faunonym eshek 'donkey' is subjected to a multilateral analysis, its word-formation intentions are revealed, and its representation in the composition of various kinds of onyms is noted. The paper shows that the zoolexeme being analyzed is associated with relevant components for the Karachay-Balkarian ethno- and linguistic culture, which, being archaic, are relevant for modern times. In its most general form, in the worldview of the Karachay-Balkarian ethnic group, the donkey appears as a pet, characterized by such characteristics as stubbornness, endurance, hard work and resourcefulness, and love for offspring, which is determined by the worldview of the ethnic group and its mentality, and is mostly found in the corpus of Karachay-Balkarian proverbs and sayings. The donkey is prey for wolves, and its image opposite to the image of the horse, which stands much higher in the hierarchy of domestic animals. In animal fairy tales, the donkey, by virtue of his good nature, gets into a difficult situation, but finds opportunities to regain his advantageous status. The poeticized image of the donkey generally correlates with its traditional folk image. The analyzed empirical material makes it possible to speak in general about the universals associated with the image of a donkey. The Eshek zoolexeme is a significant element of the zoomorphic cultural code in the Karachay-Balkarian worldview.

Keywords: Karachay-Balkar language, folklore, vocabulary, zoonym «donkey», function, semantics, ethnocultural significance

Acknowledgements and funding: The study was carried out with the financial support of an Internal grant from KBSU (Contract No. 34), within the framework of the Priority 2030 program.

For citation: Ketenchiev M.B., Miziev A.M., Akkizova A.A. The functional and semantic potential of the zoolexeme eshek 'donkey' in the karachay-balkar language. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 409-421. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-409-421. EDN: UZADMV.

© Ketenchiev M.B., Miziev A.M., Akkizova A.A., 2025

Царство животных традиционно привлекает внимание ученых, специализирующихся как в области зоологии, так и в сфере гуманитарного знания, что имеет непосредственное отношение и к карачаево-балкарской филологической науке. Так, например, к образам представителей фауны в своих монографических работах обращаются фольклористы, исследуя общетеоретические аспекты народной сказки [Малкондуев 2017], а также сказочные тексты, связанные с животными [Гергокова 2023]. Опубликованы и научно-теоретические статьи, в которых рассматриваются такие релевантные для фольклорного дискурса проблемы, как типология жанрового состава карачаево-балкарских сказок [Урусбиева 2007], их

тематическая стратификация [Гулиева (Занукоева) 2019], применение частотного анализа при интерпретации зооморфных образов, представленных в паремическом фонде [Берберов 2023] и др.

Языковедов же изначально привлекали лексико-семантические особенности зоонимов и их этимологический анализ [Эбзеева 2011]. Однако в связи с изменением парадигмы научного знания стали появляться и работы, ориентированные как на полиаспектный анализ отдельных зоонимов [Кетенчиев и др. 2024], так и на изучение специфики номинации этнокультурно маркированных зооморфных образов на материале разноструктурных языков [Гукетлова 2016]. Тем не менее некоторые зоонимические лексемы все еще не подвергнуты должному научно-теоретическому анализу, что относится и к зоолексеме *эшек* «осел». Правда, на материале таких разноструктурных языков, как кабардино-черкесский, французский и русский, Ф.Н. Гукетлова, интерпретируя зоонимы в качестве репрезентантов языковой картины мира, предприняла удачную попытку, хоть и в небольшом объеме, рассмотреть лексему «осел» и ее концептосферу [Гукетлова 2009: 99-103]. Такой же подход имеет место и в карачаево-балкарском языкознании [Кетенчиев 2015: 630-631]. М.З. Улаков же эту лексему дефинирует как термин и рассматривает его лексико-семантическое поле [Улаков 2019: 94-96].

Актуальность настоящей работы сопряжена с релевантностью выявления и описания функционально-семантической и этнокультурной специфики, в том числе и архаизированной, зоонимов, что в основном проявляется в текстах устного народного творчества.

Научная новизна статьи заключается в том, что в ней представлены некоторые функциональные, лексико-семантические и этнокультурные характеристики зоолексемы *эшек*, которые существенны для современной парадигмы науки о языке.

Цель статьи состоит в выявлении и описании функционально-семантических и иных возможностей рассматриваемого зоонима в карачаево-балкарском языке. Исходя из данного целеполагания, решаются задачи, связанные с интерпретацией представлений карачаево-балкарского этноса об осле. Материал для анализа извлечен из лексикографических источников, а также текстов, относящихся к различным жанрам устного народного творчества и художественной литературы.

Рассматриваемая зоолексема является общетюркской. Она в таких формах, как *eşäk*, *eşgäk* с лексическим значением «осел» обнаруживается в тюркских языках ранней эпохи, о чем, например, свидетельствуют специальные издания лексикографического плана [ДТС 1969: 185]. В современных же тюркских языках (азербайджанском, алтайском, казахском, караимском, киргизском, крымско-татарском, кумыкском, ногайском, татарском, турецком, узбекском и др.) данное слово употребляется в формах типа *aşak*, *äşäk*, *eşek*, *işäk* и т.п. При этом имеет место расширение парадигмы его лексической семантики, т.е. у этого зоонима появились вторичные значения, в том числе переносные: «глупец, дурак, невежда», «баран двухлетний», «козлы (мостовые)», «ножницы для стрижки овец (*шпенек*)», «треугольная доска, на которой продают сладости». Наряду с этим видный специалист в области составления этимологических словарей

тюркских языков Э.В. Севортян отмечает и существующие в тюркологии мнения относительно его происхождения: а) заимствование армянского *ēsh* «осел» (по Х. Педерсену), б) производное от тюркского *āš* «товарищ» (по В. Бангу и Г. Дёрферу), в) трансформация монгольского *elžigen* «осел» (по З. Гомбоц) [Севортян 1974: 317-318].

Номинация осла в карачаево-балкарском языке в целом коррелирует с вышеуказанным. Как явствует из «Толкового словаря карачаево-балкарского языка» [ТСКБЯ 2005: 1123-1124], слово *эшек* «осел» употребительно и в просторечии в переносном значении, маркируясь семантикой «осел, дурак, глупец, невежда (*о тупом упрянце*)». Оно участвует в словопроизводстве, являясь составной частью номинаций реалий окружающей действительности: *эшек губус* (у балкарцев) // *эшек гуммос* (у карачаевцев) «рак (*медицинский термин*)», *эшек шинжи* (у балкарцев) // *эшек чыгъанакъ* (у карачаевцев) «татарник (*ботанический термин*)», *эшек джууа* (у карачаевцев) «гриб (*ботанический термин*)», *эшек жип* (в цокающем диалекте) «веревка, изготовленная из кожи крупного рогатого скота (*употребляется для перевязывания поклажи осла*)» и др. Употребляются в языке и фразеологические единицы (фразеологизированные предложения), содержащие в своем составе анализируемую лексему: *Эшек атха миндир* «позорить при всех (букв. Посади на осла-лошадь)», *Эшеги ёлгенди* «печалиться, быть печальным (букв. Его ишак умер)». Подобные конструкции маркируются в этнокультурном отношении. Так, например, появление первой фразеологической единицы сопряжено с тем, что в традиционном обществе в свое время человека за его прегрешения, несовместимые с адатами социума, с тем чтобы опозорить перед жителями и тем самым наказать, сажали на осла задом наперед и проводили по всему селу. Второй фразеологизм актуализирует то, что в силу физико-географических и иных условий ишак являлся незаменимым помощником карачаевцев и балкарцев в их хозяйстве. Утрата его воспринималась как тяжелая потеря, что отражалось на состоянии хозяина. Такой этнокультурный подход к рассмотрению фразеологических единиц представляется достаточно релевантным для современной междисциплинарной гуманитарной науки. Обычно же языковеды-фразеологи при их изучении не выходят за рамки структурализма в традиционной лингвистике, что можно заметить при обращении к грамматическим исследованиям [Хуболов 2010].

Анализируемая зоолексема в качестве препозитивного элемента представлена в составе некоторых двух- и трехкомпонентных микропонимов Карачая и Балкарии: *Эшек жолу* «Ослов дорога» (местность на правом берегу р. Уку-суу); *Эшек ыстауат* «Ослов стойбище» (стойбище у с. Верхняя Балкария); *Эшекле-Тохтаучу* «Ослы останавливающиеся» (местность на правом берегу р. Балык близ с. Хабаз); *Эшекли-къол-аягъы* «Ослиной балки устье» [Хапаев 2013: 432]. Данные названия отражают специфику хозяйственной деятельности местного населения.

Сопряженность основных характеристик осла с традиционной культурой карачаево-балкарского этноса лучше всего обнаруживается в фольклорном дискурсе. Так, например, зоонимическая лексема *эшек* является облигаторной составляющей некоторых примет. Считается, что осел приносит добро: *Эшек юй*

эшикден юйню ичине къарап окъуса, юйге ырысхы келеди, дегендиле «Говорили, что, если осел будет кричать у дверей дома, смотря внутрь, приходит богатство». Имеются также и приметы-прогнозы, появившиеся в результате длительного наблюдения представителей этноса над окружающей действительностью: *Эшек къулакъларын къакъса, кюн бузулады* «Если осел потрясет ушами, то погода испортится»; *Эшек кюлде аунаса, кюн бузулады* «Если осел вываливается в золе, то погода испортится». Отметим также приметы, связанные со сновидениями, для понимания некоторых стереотипов по отношению к ослу. Небезынтересны следующие приметы из сонника, составленного И. Газаевым [Газаев 2012: 104]: *Тюшде бёкем, тири эшекни кёрюу – ышаннгылы кьолайлыкъгъады* «Видеть во сне здорового, быстрого осла – к надежному благополучию»; *Тюшде эшекни этин ашау – байлыкъгъады* «Есть во сне мясо осла – к богатству»; *Тюшде, эшекге иер салып, анга минип, тюз барыу – деменгиликге бла насыпхады* «Оседлать во сне осла и ехать на нем правильно – к могуществу и счастью»; *Тюшде тиши эшекни кёрюу – ахча хайыр этип, даражасын тюшюрюудю* «Видеть во сне ослицу – получить деньги и потерять авторитет». Согласно мировосприятию карачаевцев и балкарцев, во сне лучше видеть осла, особенно светлого, чем какой-либо другой гужевой транспорт.

Рассматриваемый зооним встречается и в составе карачаево-балкарских загадок [КъМФС 2022: 269-294]. Для того, чтобы их отгадать, требуется знать то, что мясо осла не употребляется в пищу, а также размер и форму его ушей: *Эти ашалмагъан узункъулакъ* (Эшек) «Мясо чье не едят длинноухий» (Осел); *Алпы-салпы къулакълы, бий Атабийни къызы* (Эшек) «С длинно-висящими ушами, князя Атабия дочь» (Осел). В ряде случаев обнаруживается метафорический перенос осел → человек, основанный на такой черте обоих существ, как глупость: *Къалау-къалау тёшекле, аны билмеген – эшекле* (Хуна) «Стопками-stopками матрацы, кто их не знает – ослы» (Каменный забор). По такому образцу структурируются и загадки, появившиеся позже, в связи с распространением светского образования: *Къалау-къалау тёшекле, аны билмеген – эшекле // Къалау-къалау тёшекле, аланы билмегенле – эшекле* (Китапла) «Стопками-stopками матрацы, не знающие их – ослы» (Книги).

В сказках осел, как правило, встречается эпизодически. Однако его образ, структурированный в определенной степени, представлен в таком сказочном произведении, как «Ёгюз бла эшек» («Вол и осел») [КъМХЖ 2012: 546-548]. В нем осел является собственностью торговца, который использует его как средство передвижения: *Эшегине минип, бир-бирде жерине-мюлкюне къарай айлан-ганды, бир-бирде уа бош алай, къаукъалакъ этгенди* «Сев на осла, иногда осматривал свои земли и хозяйство, иногда же просто так проводил время». За это осел получал хороший уход: *Куудушунда кём-кёк бичени, торбасында суурулгъан арпасы, бир жерде челек бла суу салынып, орунуну тюбю да жылтырап. Эшекни кесин а несин айтаса, асыры семизден, тюзю къатапача жылтырайды* «В яслях зеленое-презеленое сено, в торбе провеянный ячмень, в одном месте поставлено ведро с водой, основание загона блестит. А сам осел, что о нем говорить, до того жирный, что шерсть его блестит, как бархат». Такое положение вещей приводит к проявлению у него добросердечности по отношению к волу, который

выполняет по хозяйству самую тяжелую физическую работу. Осел рекомендует волю прикинуться больным, чтобы отдохнуть от такой нагрузки, и вынужден был поменяться с ним ролями. Однако со временем находит выход и доносит до его ушей якобы услышанное от хозяина: *Ёгюз аурурдан болса, эрттенбла кесип кетирирге керекди. Эти хоча болмаса да, териси бир жукъгъа жарар* «Если вол и дальше будет болеть, то утром его надо зарезать. Если мясо и плохое, то шкура его для чего-нибудь пригодится». В результате каждый из них возвращается к исполнению своих привычных ролей. В данной сказке таким образом находят свою репрезентацию следующие характеристики осла: а) доброта, которая детерминируется сытой жизнью; б) недалёковидность, продиктованная добросердечностью; в) хитрость и находчивость, проявившиеся в тяжелых условиях жизни.

Большим функционально-семантическим потенциалом зоонимическая лексема *эшек* отмечена в составе паремических высказываний. В опубликованных хрестоматийных изданиях [КъНС 1963; МНС 1982 и др.] имеется свыше 170 пословиц и поговорок с таким конституентом. При этом они характеризуются многообразием как в структурном отношении, так и по семантике, а также варьируются. Варьирование, например, детерминируется несколькими факторами:

1. Ряд паремий, представляя собой сравнительно-уподобительные конструкции, употребляются с различными маркерами компаратива (аффиксами и послелогоми): *Эшек арты бла черен ойгъанлай* – *Эшек арты бла черен ойгъанча* – *Эшек арты бла черен ойгъан кибик* «Словно осел, который задом копну (большую) развалил»; *Эшекни къулагъына къобуз сокъгъанлай* – *Эшекни къулагъына къобуз сокъгъанча* – *Эшекни къулагъына къобуз сокъгъан кибик* «Словно в ухо ослу на гармонии сыгравший»; *Налгич эшекге эришгенлей* – *Налгич эшекге эришгенча* – *Налгич эшекге эришген кибик* «Словно Налгич, который с ослом тягается» и др.

2. Некоторые сравнительно-различительные паремические высказывания употребляются как с отглагольной формой *эсе* в значении «чем», так и без него: *Атдан жыгъылгъандан эшекден жыгъылгъан аманды* – *Атдан жыгъылгъандан эсе, эшекден жыгъылгъан аманды* «Хуже упасть с осла, чем с лошади».

3. Имеет место употребление в составе паремий синонимичных слов: *Аман эшек хуна ояр, аман киши къатын къояр* – *Аман эшек хуна ояр, осал киши къатын къояр* «Плохой осел забор повалит, плохой мужчина жену оставит»; *Атынга эшек атама, тонунга тёшек деде* – *Атынга эшек деде, тонунга тёшек деде* «Не называй свою лошадь ослом, а шубу – тюфяком».

4. В паремиях имена существительные употребляются как с маркерами поссессива, так и без них: *Ат жумушуну эшек тындырмаз* – *Ат жумушун эшек тындырмаз* «Работу лошади ишак не выполнит».

5. В них в силу архаичности имена в винительном падеже обычно употребляются в нулевой форме, однако такие словоформы могут принимать и собственно падежные аффиксы: *Тынчайгъан эшек къыл элек кётюрмез* – *Тынчайгъан эшек къыл элекни кётюрмез* «Отлежавшийся ишак волосяное сито не поднимет».

6. Обнаруживается взаимозаменяемость падежных и послеложно-падежных форм: *Ит эшекни эт бла багъып, эшек итни бичен бла багъып, экиси да ачдан*

ёлгенлей – *Ит эшекни эт бла багъып, эшек итни биченден багъып экиси да ачдан ёлгенлей* «Словно, собака осла мясом кормя, осел собаку сеном кормя, об от голода померли».

7. Части сложносочиненных паремических высказываний меняются местами, т.е. их постпозитивные части могут употребляться в препозиции и наоборот: *Не эшек ёлюр, не хан ёлюр* «Или ишак умрет, или хан умрет» – *Не хан ёлюр, не эшек ёлюр* «Или хан умрет, или ишак умрет»; *Ат – атды, эшек – эшекди* «Лошадь есть лошадь, ишак есть ишак» – *Эшек – эшекди, ат – атды* «Ишак есть ишак, лошадь есть лошадь».

8. В сложноподчиненных паремических высказываниях глаголы, репрезентирующие взаимодействие, могут употребляться и в единственном числе, и во множественном числе: *Эки ат табанлашса, арада эшек ёлюр* – *Эки ат табанлашсала, арада эшек ёлюр* «Если лягаются две лошади, между ними осел умрет».

9. В составе паремических высказываний взаимозамене могут подвергаться разнородные языковые единицы (глагольные обороты, послеложно-именные дескрипции, зависимые компоненты сложноподчиненных конструкций): *Аман эшек юйге жете жортур* «Плохой осел рысит, приближаясь к дому» – *Аман эшек юйге жууукъ ашыгъыр* «Плохой осел ближе к дому поспешит» – *Аман эшек, юйге жуукълашса, жортур* «Плохой осел рысит тогда, когда приближается к дому».

В структурном отношении рассматриваемые типы паремий представлены всем многообразием синтаксических конструкций карачаево-балкарского литературного языка: а) простые паремические высказывания, в том числе именные и глагольные (*Сёзню кёбю эшекге – жюк* «Много слов для осла – груз»; *Ёлген эшек бёрюден кьоркъмаз* «Мёртвый осел волка не боится»); б) осложненные паремические высказывания (*Ат жерни салгъанлыкъгъа, эшек ат болмаз* «Ишак, от того, что оседлаешь, лошадью не станет»); в) сложносочиненные паремические высказывания (*Ёгюзден сют чыкъмаз, эшекге муююз чыкъмаз* «От вола молока не будет, у осла рога не вырастут»); г) сложноподчиненные паремические высказывания (*Ит улуса, эшекни къарыны бурур* «Если собака завоюет, то ишак забеспокоится»).

Представленные выше высказывания в целом являются полными. Однако среди них встречаются и неполные, характеризующиеся элиминированностью, обычно сказуемого элемента: *Эшикни – арты, эшекни – къарты* «Что за дверь (стоять), что осел старый (не ценятся)»; *Эшек – атха, ат – арбагъа* «Ишак – к коню, конь – к арбе (не подходят)».

Поскольку паремические высказывания выполняют констатирующую функцию, то среди них, как правило, преобладают конструкции, построенные по образцам повествовательных предложений: *Жюгю ауур эшек бек чабар* «Ишак, у которого груз тяжелый, побежит быстрее». Правда, хоть и редко, встречаются вопросительные высказывания типа *Эшегинг жокъ эсе да, киеуюндамы жокъду?* «Если у тебя даже нет ишака, то и зятя нет что-ли?». Они обычно не требуют ответа, представляют собой риторические вопросы.

В пословицах и поговорках, содержащих в своем составе компонент *эшек*, обнаруживается целый ряд когнитивных характеристик домашнего животного,

отражающих определенный сегмент зоонимической картины мира, что детерминруется социальным опытом носителей карачаево-балкарского языка. К ним относятся следующие:

1. **Упрямство:** *Эшек бузгъа тирелгенлей – Эшек бузгъа тирелгенча* «Словно осел, упершийся перед льдом»; *Жагъынлы эшек жеринден тепмез* «Норовистый осел с места не сдвинется». Упрямство осла проявляется в силу его капризности и при столкновении с определенным препятствием, таковым для него является лед.

2. **Предназначение для работы:** *Эшекни эти – харам, къыйыны – халал* «Мясо ишака есть не дозволяется, а труд его принимается»; *Эшекни сыйларгъа чакъырмайдыла, жегерге чакъырадыла* «Ишака зовут не для того, чтобы угостить, а для того, чтобы запрягать»; *Эшекни кючю – халал, сютю – харам* «Сила ишака принимается, а молоко – запрещено»; *Эшек жюксюз къалмаз* «Ишак без поклажи не останется».

3. **Выносливость:** *Эшек арыгъанны билмез – Эшек арый билмез* «Осел устали не знает».

4. **Монотонность, единообразие в деятельности:** *Эшек билген – арба жол* «Что ишак знает – это аробная дорога»; *Эшек – жолгъа жанашыу* «Осел – приближение к дороге»; *Эшек жолгъа тюзелгенча* «Словно осел, привыкший к дороге».

5. **Особенности питания (непритязательность):** *Эшек суйген – чыгъана, адам суйген – магъана* «То, что осел любит – это колючки, то, что человек любит – это смысл»; *Эшек тамырдан тоюп окъугъанча* «Словно осел, кричащий кореньев наевшись»; *Мантдан тойгъан эшек кибик* «Словно осел, насытившийся репейником»; *Эшекге будай, къыххыр берсенг да, башха туююдю* «Для осла разницы нет, что ему пшеницу даешь, что – отруби».

6. **Ценностное отношение к потомству:** *Эшек гылыуун бек сюер* «Ослица осленка сильно любит»; *Эшекни гылыуу кесине хора кёрюнюр* «Для ослицы осленок гнедым (конем) кажется».

7. **Неизменность:** *Эшек эшекди да, эшекди* «Осел осел он, да осел»; *Эшекни Маккагъа ийсенг да, эшеклей къалыр* «Осла хоть в Мекку отправь, ослом и останется»; *Эшекден туугъан ат болмаз* «Родившийся от осла лошастью не станет»; *Ат жерини эшекге салгъанлыкъгъа, эшек ат болмаз* «Если даже седло лошади поставить на осла, осел лошастью не станет»; *Эшекни не къадар туюсенг да, ат болмаз* «Сколько осла не бить, конем не станет»; *Эшекни, туююп, ат этмезсе* «Битьем осла конем не сделаешь».

8. **Осел интерпретируется как добыча для волка** (согласно представлениям карачаевцев и балкарцев, волк больше всего предпочитает мясо осла): *Бёрю эшекге шуёх болмаз* «Волк для осла другом не станет»; *Къычырыкъ эте тургъанлай эшекни бёрю ашайды* «Хоть осел и кричит, его волк съест»; *Иесиз эшекни бёрю ашар* «Осла без хозяина волк съест»; *Эшек бёрю бла жарашыргъа барып, юйюне къайтмай къалгъанлай* «Словно осел, который пошел мириться с волком, и домой не возвратившийся».

9. **Осел отрицательно влияет на других:** *Эшекле бла жыйылгъан ат кылыкълы болур* «Лошадь, которая находится в одно загоне с ослами норовистым

становится»; *Эшекле бла жыйылгъан тай къылыкълы болур* «Жеребенок, который находится в одном загоне с ослами, норовистым становится».

Характеристика ослу зачастую дается путем употребления признаков слов, в основном имен прилагательных и причастий: *Аман эшек сакъау болур* «Плохой осел с сапом бывает»; *Гёбел эшек агъач элекни кётюрмез* «Изнеженный осел не поднимет даже деревянное сито»; *Тойгъан эшек къышхырын чачып ашар* «Сытый осел отруби ест, разбрасывая». В этом отношении следует отметить и конструкции с придаточными условия: *Кён къатылсанг, эшек чочуучу болур* «Если часто подгоняешь, осел брыкливым становится»; *Эшекни жюгю ауур болса, жоргъа болур* «Если груз осла тяжелый, то он иноходцем станет»; *Эшекни жюгю женгил болса, жатарыгъы келир* «Если поклажа осла легкая, ему лечь захочется».

Паремии с компонентом *эшек* часто употребляются по отношению к человеку, характеризуя его с отрицательной стороны, что связано с отношением к этому животному в обществе, ср.: *Эшекге махтау жсараимаз* «Для осла похвала не подходит (о человеке, который не понимает хорошего к себе отношения)»; *Тынч эшекге экеулен минер* «На спокойного осла вдвоем сядут (о тех, кто злоупотребляет добротой кого-либо)»; *Кёк эшекге – кюмюш къууушхан* «Для серого осла – серебряный подхвостник (по отношению к тому, кто одевается без вкуса)»; *Эшек – тойгъан жерине* «Осел идет туда, где наелся (о том, кто не ценит свою родную землю)»; *Эшекге алтын жюклесенг да, эшеклей кълалыр* «Если осла даже навьючить золотом, он ослом и останется (о плохом человеке)»; *Атдан тюшюп, эшекге миннген* «Тот, кто слез с коня и на осла сел (о человеке с пониженным социальным статусом, а также о том, кто плохо разбирается в чем-либо)» и т.п.

Образ осла находит свою репрезентацию и в поэзии. Так, ему посвящено детское просветительское стихотворение С. Шахмурзаева «Эшек» («Осел») [Шахмурзаланы С. 2002: 75]. В нем автор пишет о том, что осел знаком народу издавна: *Эртте-эртте заманда // Эшеклен суюгенбиз* «В давнее-давнее время // Ослов мы любили». В нем актуализируются следующие характеристики данного животного:

- 1) место проживания: *Тюзде, тауда жашайды* «На равнине, в горах живет»;
- 2) использование в качестве рабочего скота: *Жегип, жюклеп кёкбашны, // Чыбыкъ алып туюгенбиз* «Запрягая, навьючив серолобого, // Взяв прутья, били»;
- 3) особенности питания: *Шинжи, бичен ашайды, // Сууну сюзюп ичеди* «Колочки, сено ест, // Воду процеживая пьет».

Однако осел достаточно полный структурированный поэтический образ получает у основоположника карачаево-балкарской литературы К. Мечиева, в частности в стихотворении-обращении «Жауур эшекге» («Ослу с ссадинами»), написанном в 1912 г. [Мечиев 2009: 113]. В этом произведении осел представляется как рабочий скот, подвергающийся избиениям: *Сен жарлыны жегелле, // Сора тутуп тюелле* «Тебя бедного запрягают, // Потом избивают». Без него же горцы обходиться не могут: *Сенсиз да болмайдыла // Журтубузда таулула* «Без тебя не могут жить // Горцы в наших местах». Как помощник горца ишак обошел всю трудную гористую местность: *Туякъларын тиймеген // Таш болмаз бу жоллада,*

// *Сен бармагъан жол болмаз // Бу тарлада, къоллада* «На этих дорогах камня нет, // На который не наступили бы твои копыта, // В этих теснинах, ущельях // Дороги нет, по которой бы ты не прошел».

Автор сопереживает, выражает сочувствие труженику, покрытому ссадинами, упрекая при этом его хозяина: *Жарлы эшек, жауур эшек, // Иенг не аман эди! // Жауур этмейин жексе, // Юйюмю къуругъан эди!* «Бедный ишак, с ссадинами ишак, // Какой плохой хозяин твой! // Запрягал бы тебя, не ставя ссадин, // Опостылел бы его дом!». Главное же заключается в том, что автор, характеризуя ишака, тем самым рисует образ рядового труженика-горца, подвергающегося насилию: *Эки къулагъынг салпы, // Мудах болуп тураса, // Кён артыкълыкъ сынагъан // Сен да бир жанса* «Уши твои обвисшие, // Находишься в печали, // Много насилия перенесшая // Ты тоже одна душа».

Итак, проанализированный выше эмпирический материал свидетельствует в пользу того, что зоолексема *эшек* «осел» отмечается в современном карачаево-балкарском языке значительными функционально-семантическими возможностями, являясь облигаторной составляющей ряда номинаций окружающей действительности. Как этнокультурно маркированная языковая единица, она способствует репрезентации социального опыта карачаевцев и балкарцев, релевантна для понимания их традиционной лингвокультуры. Работа имеет перспективу для дальнейшего поливекторного исследования стереотипных представлений народа о фауне ареала жизнедеятельности карачаево-балкарского народа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Берберов 2023 – *Берберов Б.А.* Определение зооморфных образов в карачаево-балкарских пословицах и поговорках с использованием элементов частотного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2023. – Т. 15. – № 2. – С. 288-306. DOI: 10.21638/spbu13.2023.205.

Газаев 2012 – *Газаев И.М.* Мир снов. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2012. – 176 с.

Гергокова 2023 – *Гергокова Л.С.* Карачаево-балкарские сказки о животных. – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2023. – 208 с. EDN: НХКЕРЕ.

Гукетлова 2009 – *Гукетлова Ф.Н.* Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале кабардино-черкесского, русского и французского языков). – М.: ТЕЗАУРУС, 2009. – 228 с.

Гукетлова 2016 – *Гукетлова Ф.Н.* Номинация этнокультурных зооморфных образов в разноструктурных языках // Международный журнал экспериментального образования. – 2016. – № 4-3. – С. 451-454. EDN: VSSAOX.

Гулиева (Занукоева) 2019 – *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* О разграничении карачаево-балкарских волшебных и анималистических сказок // Вопросы Кавказской филологии. – 2019. – № 12. – С. 158-164. EDN: IAZLLO.

ДТС 1969 – Древнетюркский словарь / сост. Т.А. Боровкова, Л.В. Дмитриева, А.А. Зырин и др. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1969. – 676 с.

Кетенчиев 2015 – *Кетенчиев М.Б.* Зоолексемы как репрезентанты карачаево-балкарской языковой картины мира // Motif Akademi Halkbilimi Dergisi. – 2015. – № 16. – С. 623-635. EDN: RSMNRR.

Кетенчиев и др. 2024 – *Кетенчиев М.Б., Анпоев А.К., Мизиев А.М.* Полиаспектный анализ зоолексемы бёрю ‘волк’ в карачаево-балкарском языке // Электронный журнал "Кавказология". – 2024. – № 2. – С. 409-423. DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-409-423.

КъМФС 2022 – Къарачай-малкъар фольклорну своду. 5-чи том. Къарачайлыланы бла малкъарлыланы кёлден айтылгъан чыгъармачылыкъларыны гитче жанрлары / отв. ред. Б.А. Берберов – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2022. – 412 с.

КъМХЖ 2012 – Къарачай-малкъар халкъ жомакъла. 1-чи китабы / сост. С.А. Мусукаева. – Нальчик: Эльбрус, 2012. – 590 б.

КъНС 1963 – Къарачай нарт сёзле (Карачаевские пословицы и поговорки) / сост. С.Ч. Алиев. Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1963. – 484 с.

Малкондуев 2017 – Малкондуев Х.Х. Карачаево-балкарская народная сказка. – Нальчик: Изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 184 с. EDN: HVQLGG.

МНС 1982 – Малкъар нарт сёзле (Балкарские пословицы и поговорки) / сост. А.З. Холаев. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 188 с.

Мечиев 2009 – Мечиев К.Б. Избранные произведения: Стихи. Поэмы. Зикры. – Нальчик: Эльбрус, 2009. – 576 с.

Севортян 1974 – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). – М.: Наука, 1974. – 767 с.

ТСКБЯ 2005 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х т. / Ин-т гуманитар. исслед. Правительства КБР и КБНЦ РАН / Ред. Ж.М. Гузеев, А.А. Жаппуев. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005. – Т. 3. С-Я. – 1157 с.

Улаков 2019 – Улаков М.З. Лексико-семантическое поле терминов къадыр "мул" и эшек "осел" в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2019. – № 3 (89). – С. 93-98. DOI: 10.35330/1991-6639-2019-3-89-93-98.

Урусбиева 2007 – Урусбиева Ф.А. Типология жанрового состава карачаево-балкарской сказки: обновление сказочного пространства // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2007. – № 3-1. – С. 116-120. EDN: ICHEKN.

Хапаев 2013 – Хапаев С.А. Географические названия Карачая и Балкарии. – М., 2013. – 576 с.

Хуболов 2010 – Хуболов С.М. Фразеологизированные конструкции с предикатами движения в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2010. – № 12. – С. 320-322.

Шахмырзаланы С. 2002 – Шахмырзаланы С. Къая къызы – къарылгъач: назмула, поэма. – Нальчик: Эльбрус, 2002. – 208 б.

Эбзеева 2011 – Эбзеева Ф.П. Названия животных и птиц в карачаево-балкарском языке (сравнительно-историческое исследование). – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. – 171 с. EDN: QKUIGJ.

REFERENCES

BERBEROV B.A. *Opredelenie zoomorfnykh obrazov v karachaevo-balkarskikh poslovitsakh i pogovorkakh s ispol'zovaniem elementov chastotnogo analiza* [Determination of zoomorphic images in Karachay-Balkar proverbs and sayings using elements of frequency analysis]. IN: Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika. – 2023. – Т. 15. – № 2. – P. 288-306. (In Russ.).

Drevnetyurkskii slovar' [Ancient Turkic dictionary] / Compiled by T.A. Borovkova, L.V. Dmitrieva, A.A. Zyrin i dr. – L.: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1969. – 676 p. (In Russ.).

EBZEEVA F.P. *Nazvaniya zhivotnykh i ptits v karachaevo-balkarskom yazyke (sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie)* [Names of animals and birds in the Karachay-Balkar language (comparative historical research)]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2011. – 171 p. (In Russ.).

GAZAEV I.M. *Mir snov* [The World of Dreams]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2012. – 176 p. (In Russ.).

GERGOKOVA L.S. *Karachaevo-balkarskie skazki o zhivotnykh* [Karachay-Balkarian fairy-tales about animals]. – Nal'chik: Print Centr, 2023. – 208 p. (In Russ.).

GUKETLOVA F.N. *Zoomorfnyi kod kul'tury v yazykovoi kartine mira (na materiale kabardino-cherkesskogo, russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [Zoomorphic code of culture in the linguistic

worldview (based on Kabardino-Circassian, Russian and French languages)]. – M.: TEZAURUS, 2009. – 228 p. (In Russ.).

GUKETLOVA F.N. *Nominatsiya etnokul'turnykh zoomorfnykh obrazov v raznostrukturnykh yazykakh* [Nomination of ethnocultural zoomorphic images in different structured languages]. IN: *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. – 2016. – No 4-3. – P. 451-454. (In Russ.).

GULIEVA (ZANUKOEVA) F.KH. *O razgranichenii karachaevo-balkarskikh volshebnykh i animalisticheskikh skazok* [On the differentiation of Karachay-Balkarian magical and animalistic fairy tales]. IN: *Voprosy Kavkazskoi filologii*. – 2019. – No 12. – P. 158-164. (In Russ.).

KETENCHIEV M.B. *Zooleksemy kak reprezentanty karachaevo-balkarskoi yazykovoi kartiny mira* [Zoolexems as representatives of the Karachay-Balkar linguistic worldview]. IN: *Motif Akademii Halkbilimi Dergisi*. – 2015. – No 16. – P. 623-635. (In Russ.).

KETENCHIEV M.B., APPOEV A.K., MIZIEV A.M. *Poliaspektnyi analiz zooleksemy beryu 'volk' v karachaevo-balkarskom yazyke* [Multidimensional analysis of the zoolexeme börü 'wolf' in the karachay-balkar language]. IN: *Elektronnyi zhurnal "Kavkazologiya"*. – 2024. – No 2. – P. 409-423. (In Russ.).

KHAPAEV S.A. *Geograficheskie nazvaniya Karachaya i Balkarii* [Geographical names of Karachay and Balkaria]. – M., 2013. – 576 p. (In Russ.).

KHUBOLOV S.M. *Frazeologizirovannye konstruksii s predikatami dvizheniya v karachaevo-balkarskom yazyke* [Phraseologized constructions with predicates of movement in the Karachay-Balkar language]. IN: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*. – 2010. – № 12. – S. 320-322. (In Russ.).

K"arachai-malk"ar fol'klornu svodu. 5-chi tom. K"arachailylany bla malk"arlylany kelden aitylg"an chyg"armachylyk"laryny gitche zhanrlary [Learning Karachay-Malkar folklore. Volume 5. Genres of works sung by Karachay and Balkar] / Executive editor B.A. Berberov – Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Centr», 2022. – 412 p. (In Karach.-Balk.).

K"arachai-malk"ar khalk" zhomak"la. 1-chi kitaby [Karachay-Balkar folk tales. Vol. 1] / Compiled by S.A. Musukaeva. – Nal'chik: El'-Fa, 2003. – 472 p. (In Karach.-Balk.).

K"arachai nart sezle [Karachai proverbs and sayings] / Compiled by S.C. Aliyev. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. – 484 p. (In Karach.-Balk.).

Malk"ar nart sezle [Balkarian proverbs and sayings] / Compiled by A.Z. Kholaev. – Nal'chik: El'brus, 1982. – 188 p. (In Karach.-Balk.).

MALKONDUEV KH.KH. *Karachaevo-balkarskaya narodnaya skazka* [Karachay-Balkar folk tale]. – Nal'chik: Izd. otdel IGI KBNC RAN, 2017. – 184 p. (In Russ.).

MECHIEV K.B. *Izbrannye proizvedeniya: Stikhi. Poemy. Zikry* [Selected works: Poems. Poems. Dhikras]. – Nal'chik: El'brus, 2009. – 576 p. (In Karach.-Balk.).

SEVORTYAN E.V. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye)* [Etymological dictionary of Turkic languages (Common Turkic and inter-Turkic vowel bases)]. – M.: Nauka, 1974. – 767 p. (In Russ.).

SHAKHMYRZALANY S. *K"aya k"yzy – k"arylg"ach: nazmula, poema* [The girl of the rock – after reading: poems, a poem]. – Nal'chik: El'brus, 2002. – 208 p. (In Karach.-Balk.). SHAKHMYRZALANY S. *K"aya k"yzy – k"arylg"ach: nazmula, poema* [The girl of the rock – after reading: poems, a poem]. – Nal'chik: El'brus, 2002. – 208 p. (In Karach.-Balk.).

Tolkovyj slovar' karachaevo-balkarskogo jazyka [Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language]: V 3-h t. / In-t gumanitar. issled. Pravitel'stva KBR i KBNC RAN / Red. Zh.M. Guzeev, A.A. Zhappuev. – Nal'chik: Izdatel'skij centr «Jel'-Fa», 2005. – T.3. S-Ja. – 1157 p. (In Karach.-Balk.).

ULAKOV M.Z. *Leksiko-semanticheskoe pole terminov k"adyr "mul" i eshek "osel" v karachaevo-balkarskom yazyke* [The lexical and semantic field of the terms qadir "mule" and eshek "donkey" in the Karachay-Balkar language]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2019. – № 3 (89). – P. 93-98. (In Russ.).

URUSBIEVA F.A. *Tipologiya zhanrovogo sostava karachaevo-balkarskoi skazki: obnovlenie skazochnogo prostranstva* [Typology of the genre composition of the Karachay-Balkar fairy tale: updating the fairy-tale space]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2007. – № 3-1. – P. 116-120. (In Russ.).

Информация об авторах

М.Б. Кетенчиев – доктор филологических наук.

А.М. Мизиев – доктор филологических наук.

А.А. Аккизова – бакалавр

Information about the authors

M.B. Ketenchiev – Doctor of Science (Philology).

A.M. Miziev – Doctor of Science (Philology).

A.A. Akkizova – bachelor (Philology).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.05.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 05.05.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

Научная статья
УДК 811.512.142
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-422-434
EDN: WFLKNG

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИМЕН КАК ЛЕКСИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ (СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В СОСТАВЕ ТОПОНИМОВ)

Борис Абдулкеримович Мусуков

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского
научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, bmusukov@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1765-0176>

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию географических наименований и апеллятивной лексики на материале карачаево-балкарского языка с точки зрения грамматической специфичности ономастики, одного из аспектов грамматической системы – словоизменения имен собственных и их производящих основ. В определительных словосочетаниях описательного типа, изафетных конструкциях рассматриваются формальные словоизменительные признаки географических имен, падежная флексия, имеющая в топонимах свое грамматическое значение. В рамках данной работы, ограниченной ономастической грамматикой, анализируются новые акты наименования, сохранившиеся в первоначальном контекстуальном виде, различные зафиксированные грамматические топоформанты и их варианты как широко распространенное средство образования географических имен.

Анализ географических наименований свидетельствует о том, что в номенклатурных словосочетаниях, употребляющихся в номинативно-нарицательном, терминообразующем и формообразовательном значениях, существует лексико-семантическая и грамматическая связь между сочетающимися компонентами. Из падежных флексий наиболее многочисленными оказываются в карачаево-балкарской топонимии аффиксы родительного падежа *-ны/-ни*, *-ну/-ню*.

В развернутом обобщении обращается внимание на то, что топонимизации словоизменительных единиц морфологии в сочетании с апеллятивными производящими основами в зависимости от значения корневого компонента подвергаются такие аффиксы, как аффикс множественности-собирательности, обозначающий количественные характеристики абстрактных имен, плюральные формы топонимов, аффикс субъективной оценки *-чыкъ/-чик*, *-чукъ/-чюк*, аффикс профессии *-чы/-чи*, *-чу/-чю*, падежные флексии, употребляемые в пространственно-временных образованиях, лексикализуясь, изолированно в значении другой части речи.

Ключевые слова: изафетная конструкция, падежная флексия, грамматическое значение, грамматический топоформант, географическое имя, топонимизация, грамматическое оформление.

Для цитирования: Мусуков Б.А. Морфологические характеристики карачаево-балкарских географических имен как лексической категории (существительные, прилагательные, числительные в составе топонимов) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 422-434. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-422-434. EDN: WFLKNG.

Original article

MORPHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF KARACHAY-BALKAR GEOGRAPHICAL NAMES AS A LEXICAL CATEGORY (NOUNS, ADJECTIVES, NUMERALS IN TOPONYMS)

Boris A. Musukov

Institute of Humanitarian Research – branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, bmusukov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1765-0176>

Annotation. The article is devoted to a comprehensive study of geographical names and appellative vocabulary based on the material of the Karachay-Balkar language from the point of view of the grammatical specificity of onomastics, one of the aspects of the grammatical system – the inflection of proper names and their derivative stems. In descriptive-type defining phrases and izafet constructions, formal inflectional features of geographical names and case inflection, which have their own grammatical meaning in toponyms, are considered. Within the framework of this work, limited to onomastic grammar, new acts of naming preserved in their original contextual form, various recorded grammatical topoformants and their variants as a widespread means of forming geographical names are analyzed.

An analysis of geographical names shows that in nomenclature phrases used in nominative-common, term-forming and form-forming meanings, there is a lexical-semantic and grammatical connection between the combined components.

In the detailed generalization, attention is drawn to the fact that the toponymization of inflectional units of morphology in combination with appellative productive bases, depending on the meaning of the root component, is subject to such affixes as the affix plurality-collectivity, denoting quantitative characteristics of abstract names, plural forms of toponyms, affix of subjective evaluation - *чыкъ/-чик*, *-чук/-чук*, affix of profession *-чы/-чи*, *-чий/-чийю*, case inflections used in spatio-temporal formations, lexicalizing, isolated in the meaning of another part of speech.

Key words: izafet construction, case inflection, grammatical meaning, grammatical topoformant, geographical name, toponymization, grammatical design.

For citation: Musukov B.A. Morphological characteristics of Karachay-Balkar geographical names as a lexical category (nouns, adjectives, numerals in toponyms). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 422-434. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-422-434. EDN: WFLKHG.

© Musukov B.A., 2025

Введение

Рассматривая морфологические особенности карачаево-балкарских географических наименований как лексической категории и нарицательных единиц – существительных, прилагательных, числительных в составе топонимов, следует обратить внимание на грамматическое (словоизменительное) оформление имен собственных и апеллятивных основ. В работе анализируются лексико-семантические и структурно-семантические характеристики апеллятивных наименований, подвергнутых топонимизации и морфологизации. В ней рассматривается определенная словообразовательная и грамматическая заданность,

детерминированная статусом физико-географических наименований, их особым положением в системе языка, пути и способы языковой экономии в карачаево-балкарской топонимике. Географические имена, отмеченные как на ранних, так и поздних письменных фиксациях, представляют собой важный источник установления этнической картины прошлого. Формирование их языковой принадлежности, лексико-семантических и лексико-грамматических полей по входящим в топонимы с открытой семантической структурой апеллятивам изучается как синхронный срез с точки зрения лингвистической и исторической интерпретации как собственно карачаево-балкарских топонимов, так и субстратных единиц, употребляемых в ономастике в качестве терминообразующего компонента.

Основная часть

Карачаево-балкарские географические названия, в составе которых употребляются существительные, прилагательные, числительные, наряду с ярко выраженными словообразовательными особенностями обладают целым рядом морфологических и синтаксических показателей, заслуживающих особого внимания. Основным и ведущим в топонимике остается деривационный принцип, сводящий к минимуму особенности морфологического анализа при всем его многообразии. Несмотря на это, топонимические наблюдения свидетельствуют о том, что морфологическая и синтаксическая организация омонимов в карачаево-балкарском языке так же, как и в других тюркских языках, имеет свои специфические особенности.

Грамматическое оформление имен собственных

В настоящее время, как и раньше, в карачаево-балкарском языке так же, как и в других тюркских языках, вопрос о грамматическом оформлении имен собственных в составе физико-географических наименований является весьма актуальным. Вокруг данного вопроса проводится немало споров, выражаются самые различные порой совершенно диаметрально противоположные точки зрения. Как в тюркской ономастике в целом, так и в карачаево-балкарском языкознании, в частности, решению обозначенной проблемы не уделялось в предыдущие годы должного внимания, в то время как в некоторых языках этот вопрос уже имел определенно сложившиеся особенности. Следует обратить внимание на то, что еще В. Гумбольдт почти сто пятьдесят лет тому назад выражал мысль о неограниченных перспективах языка применять имеющиеся у него ограниченные средства и об обязанности грамматики исследовать процессы, обеспечивающие эту возможность [Humboldt 1836].

Ограниченные грамматические средства, о которых говорил в свое время В. Гумбольдт, в системе любого языка в связи с употреблением имен собственных в составе географических наименований являются максимально лимитированными. О.Т. Молчанова в этой связи отмечает, что «лимитированность грамматических средств оформления имен собственных является одной из топонимических универсалий. Грамматической особенностью большинства имен собственных является то, что они не имеют формы множественного числа в обычном употреблении» [Молчанова 1988: 32]. Грамматической особенностью большинства

имен собственных в составе топонимических конструкций карачаево-балкарского языка в отличие от двусоставных географических названий алтайского языка является то, что они выступают в форме множественного числа как в обычном употреблении, так и в номенклатурных единицах. Если в тюркских языках имена собственные, выражающие неопределенность, исключаются из обычных и топонимических конструкций, то в карачаево-балкарском языке они проявляют активное употребление.

Есть ли основания говорить о грамматической (словоизменительной) специфичности карачаево-балкарских географических наименований. «Цель приведенных выше замечаний, – писал Е. Курилович, – поставить грамматическую проблему имени собственного, выделить ее среди необозримого множества точек зрения и мнений внелингвистического характера, выдвигающихся на первый план в ономастических исследованиях. Внешние (по отношению к языку) факты истории вообще и факты истории культуры в частности нередко оказываются решающими для выяснения этимологии собственных имен. Однако их специфическое значение для лингвистики заключается в тех особенностях, которыми они отличаются от других групп существительных. Остальное в значительной степени относится к смежным наукам: к этимологии, социологии, политической истории, истории культуры и т.д.» [Курилович 1962: 266].

Итак, какие формальные, грамматические различия отличают топонимическую группу лексики карачаево-балкарского языка с точки зрения словоизменения имен собственных?

Грамматическая, морфологическая специфичность географических имен в карачаево-балкарском языке совсем не изучалась. С этой точки зрения грамматические (словоизменительные) различия могут быть несущественными, содержащими лишь количественные, а не качественные особенности. Географические названия располагают лишь им свойственными структурными (нефонетическими) закономерностями развития, разрозненными фрагментами самостоятельной грамматики, которые можно было бы в определенной степени назвать топонимическими законами.

С точки зрения одного из аспектов грамматической системы – словоизменения географических имен наиболее отчетливо выступают ономастические (топонимические) проблемы. При анализе и разграничении грамматических свойств соответствующих топонимических единиц задача наглядно формулируется в отношении карачаево-балкарского языка как описание словоизменительных особенностей номенклатурных единиц различной сложности.

Сложность описания карачаево-балкарской топонимии заключается в том, что тип карачаево-балкарских географических имен нельзя ограничить совершенно конкретными и единственными структурно-словообразовательными особенностями. Словоизменительной особенностью бытования географических имен в языке-источнике является то, что существовали и существуют морфологические варианты одного и того же географического названия в разной интерпретации, например, из карачаево-балкарского языка: *Алтынла Сырты*, холм на лев. бер. р. Чайнашки у среднего течения, прав. прит. р. Ч.-Балк.; *алтын* ‘золото’; *сырт* ‘склон’; *Алтынла-Сырт-Тюбю*, местн. на лев. бер. р. Чайнашки,

лев. прит. р. Ч.-Балк.; *алтын* 'золото'; *сырт* 'склон'; *тюбю* 'низовье' [Хапаев 2013: 94].

Проблема описания морфологических особенностей географических наименований связана с количеством топонимических лексем, с набором словоизменительных образцов, с изменением их. Основную же сложность при этом представляют фактически грамматические проблемы, имеющие экстраграмматические особенности, то есть какое место занимает словоизменение географических имен по отношению к словоизменению апеллятивной лексики; каковы основные, наиболее важные факторы, квалифицирующие специфичность словоизменения топонимических единиц.

Попытка ответить на сформулированные вопросы на материале собственно топонимическом будет способствовать решению теоретических грамматических вопросов, связанных с изменениями, имеющими место в морфологии современного карачаево-балкарского литературного языка. При изучении географических материалов «собственной грамматики» станут заметнее и те преобразования, которые совершаются в грамматике апеллятивной лексики – «центральной грамматике», и яснее реальные влияния одной на другую.

Карачаево-балкарские географические наименования, образованные от соответствующих физико-географических апеллятивов, выявляют помимо множественного числа различные грамматические средства оформления имен собственных. Карачаево-балкарские географические имена в большинстве случаев имеют двучленную структуру, выявляя тип синтаксической связи примыкание между лексическими компонентами. Сложное географическое имя, как один из членов словосочетания, обладая одним или несколькими лексическими значениями и категориально-грамматическим значением, добавляет падежную форму ко второму компоненту названия. Приведем примеры склонения карачаево-балкарских топонимических единиц, например, *Токъа-Хаджини-Бау-Орну*, мест. близ аула Карт-Джурт; *Токъа-Хаджи* – и. собств.; *бау орун* 'загон для скота'; (компонент *Токъа-Хаджини* употребляется в форме родительного падежа ед. числа) [Хапаев 2013: 353]; *Токълучулары-Къара-Суу*, родник на лев. бер. р. Схауат; *Токълучулары* – род фам. Созаруковых; *къара суу* 'родник' [Хапаев 2013: 353]; (компонент *Токълучулары* употребляется в форме родительного падежа мн. числа); *Томайны-Къулагъы*, балка в Архызе; *къулакъ* 'балка'; *Томай* – и. собств. [Хапаев 2013: 354]; (компонент *Томайны* употребляется в форме родительного падежа ед. числа). Употребление компонентной формы родительного падежа в карачаево-балкарской топонимии считается частым явлением. Кроме того, географические названия, в которых один из компонентов выступает в форме родительного падежа с помощью словоизменительных инвентарных единиц морфологии *-ны/-ни*, *-ну/-ню* сопровождаются аффиксами третьей формы изафета. В карачаево-балкарском языке в составе географических названий в качестве грамматических средств формального выражения имен собственных выступает в различных фонетических вариантах аффикс профессии *-чы/-чи*, *-чу/-чю*, например, *Тууар-Беклеучю*, местн. на р. Чайнашки; *тууар* 'крупный рогатый скот', *беклеучю* 'загораживающий', 'загоняющий' [Хапаев 2013: 359]; *Уллу-Мурутчу-Суу*, река в бас. р. Теберды; *суу* 'вода'; *уллу* 'большой'; *мурутчу*, возможно, от

муртху ‘калина’ [Хапаев 2013: 368, 286]; *Чалыучу*, местн. на прав. бер. р. Ч. Без, выше устья р. Думала; *чалыучу* ‘косарь’, ‘местность, где косят сено’ [Хапаев 2013: 392]; *Чалыучу-Баши*, местн. на прав. бер. р. Ч. Без; *баши* ‘верховье’ [Хапаев 2013: 393]. Аффикс профессии *-чы/-чи* может употребляться и в двухкомпонентной конструкции, присоединяясь только к первому компоненту.

Топонимические конструкции, рассмотренные выше, обнаруживают тенденцию к сохранению формы именительного падежа во всех случаях изменения определяемого имени. Для большинства географических имен отсутствие словоизменительных особенностей интерпретируется как норма, за исключением тех моментов, когда в ряде случаев наблюдаются колебания.

При помощи аффикса *-чы* в целом образуются имена существительные, обозначающие лиц по их профессии, деятельности в широком смысле слова. В эту группу лексем входят основы со значениями профессии, занятости, привычки, склонности, влечения, приверженности и т.д. Наиболее древним значением в этом списке является значение профессии (занятия), участвующее в образовании как нарицательных имен, так и географических имен, например, *малчы* ‘скотовод’ – от *мал* ‘скот’; *Малчы-Тёш*, местн. ниже села Булунгу; *малчы* ‘скотник’, *тёш* ‘грудина’, ‘наковальня’ [Хапаев 2013: 276]; *чалыучу* ‘косарь’ – от *чалыу* ‘косьба’; *Окьуб-Чалыучу*, местн. и покос в бас. р. Ак-суу выше гор. Нальчика; *чалыучу* ‘косивший’; *Окьуб* – и. собств.; *ойнаучу* ‘игрок’, ‘играющий’ – от *ойнау* ‘игра’ – *Ойнаучу-Кьол*, балка в бас. р. Учкулан; *ойнаучу* ‘игрок’; *кьол* ‘балка’ [Хапаев 2013: 305]; *индырчы* ‘рабочий на току’ – от *ындыр* ‘ток, гумно’ – *Ындырчы*, местн. и поляна на прав. бер. р. Басхан ниже устья р. Адыл-суу; *ындыр* ‘ток, гумно’ [Хапаев 2013: 418]; *гумачи* ‘кладовщик’ – от *гуму* ‘кладовая’, ‘кладовка’ (балк.) – *Гумачи*, пер. в междр. Адыр-суу и Адыл-суу; река там же; *гуму* ‘кладовая’, ‘кладовка’ (балк.) [Хапаев 2013: 161]. По отношению к распространенным в структурно-композиционном плане географическим наименованиям в единственном числе существует правило неизменного отсутствия падежного изменения, например, *Чариш-Таиш*, местность и камень в верх. р. Кышлык-суу; лев. прит. р. Ч.-Без.; *таиш* ‘камень’ [Хапаев 2013: 393]; *Чалкьы-Ыз*, местн. на окр. аула Ташкёпюр; *чалкьы* ‘коса’; *ыз* ‘след’, ‘борозда’; *Чалманла-Тюз*, поляна на лев. бер. р. Аксаут на сев. окр. селища Кызыл-Карачай, *тюз* ‘равнина’; *чалманла* ‘плетни’ [Хапаев 2013: 392]; (препозиционный компонент употребляется только во множественном числе); *Чабакь-Кёл*: 1) озеро недалеко от аула Джангы-Джөгетей; 2) озеро в верховьях р. Марухи; *чабакь* ‘рыба’; *кёл* ‘озеро’; *Чабакь-Таиш*, камень на р. Кичи-Балык; *чабакь* ‘рыба’; *таиш* ‘камень’ [Хапаев 2013: 391]; *Чана-Дорбун*, пещ. на прав. бер. р. Тамчы-суу в 3 – 5 км. от ист.; *чана* ‘сани’; *дорбун* ‘пещера’; *Чана-Джолла*, местн. в ист. р. Башиль - Аузу-суу у лед. Башиль; *чана* ‘сани’; *джолла* ‘дороги’ [Хапаев 2013: 393]; (постпозиционный компонент употребляется только во множественном числе).

В географическом словаре С.А. Хапаева значение атрибутивного компонента *чариш*, употребляемого в позиции определения со значением ‘скаковой’, не отмечается, несмотря на то что он имеет очевидно прозрачную и продуктивную семантику [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2005: 878].

Как пишет исследователь алтайского языка О.Т. Молчанова, «в тех случаях, когда в географическом имени определяющее имя предшествует географическому номену, сливаясь с ним в неразложимое целое, определяющее слово не склоняется» [Молчанова 1983: 34], например, **Чанка-Къулакъ**, балка на лев. бер. р. Джёгетей; **къулакъ** ‘балка’; **чанка** ‘знатное сословие’ [Хапаев 2013: 393]; **Чанка-Къулакъны** (родительный падеж); **Чанка-Къулакъгъа** (дательный падеж); **Чанка-Къулакъны** (винительный падеж); **Чанка-Къулакъда** (местный падеж); **Чанка-Къулакъдан** (исходный падеж).

Теоретическое осмысление вопросов, имеющих отношение к словоизменению географических имен, имеет собственно практическое значение. В настоящее время отсутствуют лингвистические пособия, отражающие склонение как карачаево-балкарских собственных названий, так и заимствованных из разносистемных языков. На страницах материалов популярных газет и журналов, связанных со склонением субстратных географических имен, совпадающих с апеллятивами, в карачаево-балкарском языке еще бóльшую путаницу создают ответы на подобного рода вопросы, далеко не всегда квалифицированные в современной практике. Решение подобных вопросов в теоретическом плане будет способствовать созданию словаря склонения географических имен, охватывающего все сложные случаи.

В топонимических исследованиях географические имена, обладающие в ряде случаев теоретически недостаточно изученной орфографической специфичностью, констатируют, но не регламентируют существующие написания. В географических словарях по карачаево-балкарскому языку указания на склонение и правописание собственных и заимствованных наименований приводятся эпизодически и не всегда правильно. В них, в частности отсутствуют трудные с орфографической точки зрения формы некоторых падежей, например **Мусса-Къой-Къыркъгъан** местн. в междр. Аксаута и Марухи; Мусса – и. собств.; **къой** ‘овца’; **къыркъгъан** ‘стриженный’ [Хапаев 2013: 286].

Для того, чтобы доказать специфичность словоизменения географических имен, необходимо выяснить, чем словоизменение географических названий отличается от синхронного состояния словоизменения апеллятивной лексики. Сравнение между этими двумя языковыми и географическими понятиями целесообразно выполнить по морфологическим категориям и словоизменительным парадигмам. Собственный грамматический признак имен состоит из грамматической оформленности отмеченных единиц из подбора грамматических классов слов, составляющих онимию карачаево-балкарского языка. Другими словами, собственный грамматический признак географических названий определяется, кроме того, общностью языковых единиц, участвующих в терминообразовании.

Наибольшее число географических наименований в карачаево-балкарском языке образовались с помощью именных частей речи: существительных, прилагательных, числительных, обладающих абсолютной номинативной значимостью в тюркском топонимиконе отмеченного ареала. Кроме того, встречаются и глагольные формы, наречия, имитативы, местоимения. Наиболее многочисленной является группа географических имен, образованных от существительных.

Среди именных частей речи господствующую позицию с точки зрения их номинативной значимости в терминообразовании занимают имена существительные: они в значительной степени, чем остальные части речи способны употребляться в процессе наименования физико-географических объектов, выступая в значении предметности. Однако, немало и таких имен, которые образовались от абстрактных апеллятивных (нарицательных) единиц.

В работах исследователей тюркских имен бытует мнение, согласно которому «не существует логического различия между существительными и прилагательными как в формальном, так и синтаксическом смысле. Причина этого состоит в том, что невозможно определить их концептуально. ...Следовательно, тюркское имя – это не существительное и не прилагательное, но именно то и другое одновременно» [Grönbech 1979: 24–25].

Географические названия в значении прилагательного, помимо самостоятельного употребления, выражаются и контекстуально или в позиции определения, однако исходя из этого положения нельзя констатировать то, что не существует разницы между признаком и предметом, между признаком и абстрактными именами. Можно привести примеры контекстуального употребления имен существительных в позиции определения в географической терминологии, так же как и в материалах обычного употребления: *Таш-Къулакъ*, река, прав. прит. р. Теберды, впадает ниже устья р. Гитче-Кулак; *къулакъ* ‘балка’; *Таш-Баула*, местн. и загоны в верх. р. Кышкыт; бас. р. Аксаут; *баула* ‘загоны’; *таш* ‘камень’ [Хапаев 2013: 340].

В составе карачаево-балкарских топонимов употребляются как терминообразующие компоненты в препозиции количественные и порядковые числительные, обнаруживающие различные грамматические особенности, например, *Эки-Аралыкъ*, поляна в междр. Аманауза и Гоначхира; *аралыкъ* ‘междуречье’, ‘середина’. [Хапаев 2013: 422]. Здесь во втором компоненте отмечается самый продуктивный аффикс отымённого словообразования для карачаево-балкарского языка общетюркский аффикс *-лыкъ*. Существительные, образованные этим аффиксом, выражают главным образом семантику абстрактности-обобщенности.

В составе карачаево-балкарских географических названий отмечаются и порядковые числительные, оформленные аффиксом *-нчи* и обычно выступающие в предложении в качестве определения к существительным, например, *Экинчи-Къызбурун*, официально – Второй Кызбурун, населённый пункт на р. Басхан; *экинчи* ‘второй’ [Хапаев 2013: 423].

При самостоятельном употреблении (без определяемого слова) порядковые числительные довольно редко, лишь в особых условиях контекста субстантивируются, и в этом случае они принимают аффиксы числа, падежа, сказуемости.

Рассматривая производные (одноосновные) формы карачаево-балкарского топонимикона, можно обратить внимание в значительной группе словарных единиц на формальную и смысловую дифференциацию имен существительных и имен прилагательных. На основании лексико-семантических особенностей, руководствуясь только грамматическими характеристиками, нельзя объединять немотивированно в одну группу эти две части речи. Такое положение в

исследовательской работе создает определенные трудности в восприятии производных именных форм.

Анализируя взаимосвязь имени существительного с другими частями речи, следует отметить то, что каждая часть речи характеризуется свойственными только ей семантическими особенностями. Несмотря на это, между частями речи, участвующими в образовании географических названий на материале карачаево-балкарского языка, существует взаимосвязь и взаимодействие. Это проявляется как в системе словообразования, так и контекстуальном употреблении. В особенности тесна взаимосвязь между именем существительным и прилагательным.

Такие части речи – определители имен существительных, как прилагательные, числительные и некоторые разряды местоимений, при употреблении их в нестандартных для них функциях (например, подлежащего или дополнения) приобретают особенности имен существительных. Это явление принято именовать контекстуальной субстантивацией. «В отличие от устойчивой формы субстантивации, где слово утрачивает все признаки прежней части речи, при контекстуальной субстантивации в слове сосуществуют свойства двух частей речи, т.е. в предложении наряду с признаками своей части речи оно приобретает и признаки имен существительных. Основным условием субстантивации является употребление указанных частей речи вместо определяемого ими существительного...» [Татарская грамматика 1993: 59].

Часто и имена существительные, выступая в контекстуальном окружении, употребляются в функции определения, выражая различные признаки физико-географических объектов. К таким именам, которые употребляются в образовании географических названий, относятся:

темир 'железо' → *темир* 'железный';
таш 'камень' → *таш* 'каменный';
терек 'дерево' → *терек* 'деревянный';
алма 'яблоня'; 'яблоко' → *алма* 'яблоневый'; 'яблочный';
кертме 'груша' → *кертме* 'грушевый';
балыкъ 'рыба' → *балыкъ* 'рыбный';
эрик 'слива' → *эрик* 'сливовый';
нарат 'сосна' → *нарат* 'сосновый';
бау 'загон' → *бау* 'загонный';
къуш 'орел' → *къуш* 'орлиный';
къыз 'девушка' → *къыз* 'девичий';
къая 'скала' → *къая* 'скальный';
суу 'вода; река' → *суу* 'водный; речной';
тау 'гора' → *тау* 'горный' и многие другие.

В необычной весьма продуктивной модели построения терминологических единиц они часто употребляются в качестве препозиционного атрибутивного компонента, меняя в процессе наименования свою частеречную принадлежность. Их можно рассматривать как свободные словосочетания, выступающие в прямом значении – значении компонентов. Атрибутивный компонент характеризует морфологические, колоративные особенности рельефа местности,

различных физико-географических объектов. Основным условием употребления имен существительных в функции определения является выступление вместо определяемого ими существительного.

Нередко и имена существительные пополняют лексический состав других частей речи, а также выступают в функции других частей речи. Так, например, падежные формы имен существительных с обстоятельственным значением, являясь постоянным резервом наречий, участвуют в словообразовании географических имен способом лексической изоляции основной формы слова, например, **Блокуда-Ингилизли-Къошу**, название хранит память об англичанах-геологах, в дореволюционное время работавших в Безенги (находится в бас. р. Безенги); **Блоку** – название местности; **ингилизли** ‘англичанин’; **къош** ‘кошара’ [Хапаев 2013: 135]; **Джайлыкъда-Къая-Баши**, местн. бас. р. Аман-Кол; **джайлыкъ** ‘летнее пастбище’, **къая** ‘скала’; **баши** ‘верховье’; **Джайлыкъда-Къая-Тюбю**, скалы в бас. р. Аман-Кол; **джайлыкъ** ‘летнее пастбище’; **къая** ‘скала’; **тюбю** ‘низовье’ [Хапаев 2013: 177]. К числу лексикализированных грамматических форм, обычно так квалифицируемых в лексикографических источниках, относятся формы местного и орудийного падежей, которые, изолируясь от своих истоков, от производящей основы, переходят в разряд другой части речи, то есть наречия, и выступают как самостоятельные слова. На этом основании они выделяются как нарицательные наименования в словарные статьи, требующие необходимой лексикографической интерпретации и участия в наименовании физико-географических объектов. Как пишет Н.К. Дмитриев, «при каком-нибудь существительном имеется полная схема падежей, и каждый из них употребляется именно как форма изменения этого самого существительного. И вот в силу специальных причин (обычно семантико-синтаксических) один из падежей принимает особое значение, лишь отдаленно связанное с корнем основного слова и этим самым как бы отрывается от целой схемы, изолируется от нее. В результате получается новое слово, только этимологически связанное с основным существительным» [Дмитриев 1948: 118]. Как отмечает А.А. Юлдашев, в принципиальной оценке образований перечисленного рода выделяется «нарушение тождества слова, преобразование словоформы в собственно лексическую единицу» [Юлдашев 1972: 97].

В большинстве случаев формы субъективной оценки придают имени существительному, выступающему в терминообразовании как апеллятив, ласкательно-уменьшительное значение. Эти аффиксы прибавляются в целом как к денотативным именам существительным, так и абстрактным.

«Экспрессивно-эмоциональная лексика в отличие от собственно стилистической в большинстве случаев не имеет дублетов и близких лексических эквивалентов в пределах данной лексической системы» [Юлдашев 1972: 81–82].

Уменьшительно-ласкательные формы, участвующие в карачаево-балкарском языке в образовании географических наименований, продуктивностью и употребительностью не отличаются и на этом основании нельзя считать целесообразным включение нарицательных образований в толковый и переводной словари, возможных лишь теоретически, не принятых нормами языка и явно искусственных. Трудно считать целесообразным включение в лексикографические источники уменьшительно-ласкательных имен, несмотря на то что они отличаются

прозрачностью лексико-семантической и словообразовательной структур. На основании существующих примеров, имеющих ограниченные функциональные особенности, следует отметить аффикс **-чыкъ/-чик** не может выступать в качестве полноценного средства словообразования.

В образовании географических наименований на материале карачаево-балкарского языка от физико-географических апеллятивов участвует и общетюркский аффикс **-сыз/-сиз, -суз/-сюз**, например, **Башсыз-Къол**, балка в бас. р. Аман-Кол; **башсыз** 'безглавый'; **къол** 'балка' [Хапаев 2013: 125]; **Башсыз-Къулакъ**, балка на прав. бер. р. Схауат; **баи** 'верховье'; **-сыз** – аффикс отсутствия чего-либо; в данном случае, истока; **къулакъ** 'балка', 'балка, не имеющая истока'; **Башсыз-Къулакъчыкъ**, ручей на прав. бер. р. Кичи-Балык (Кичи-Малка) у уроч. Кюнлюм; **къулакъ** 'балка', **-чыкъ** – уменьшительно-ласкательный аффикс [Хапаев 2013: 126]; **Белсизланы-Сюлеменни-Дорбуну**, пещ. на прав. бер. р. Кичи-Балык у села Кичи-Балык; **Белсизлары** – антроп.; **Сюлемен** – и. собств.; **дорбун** 'пещера' [Хапаев 2013: 129]; **Бийсиз-Къол**, башня в верховьях р. Зеленчук; **бийсиз** 'без князя'; **къол** 'балка' [Хапаев 2013: 133].

«Аффикс **-сыз/-сиз, -суз/-сюз**. В карачаево-балкарском языке, так же, как и в других тюркских языках, этот аффикс образует имена прилагательные, указывающие на отсутствие конкретного лица или предмета, указанного в основе» [Грамматика карачаево-балкарского языка... 1976: 138]. Прилагательные на **-сыз**, обозначающие пространственный признак, например, **чексиз** 'безграничный', могут относиться как к качественным, так и к относительным, например, **юйсюз** 'бездомный' – от **юй** 'дом'; **жерсиз** 'безземельный' – от **жер** 'земля'; **ишсиз** 'безработный' – от **иш** 'работа'.

В некоторых случаях производные основы на **-сыз** могут выражать и переносное значение, например, **сансыз** 1) 'безразличный'; 2) 'неприметный, простой' [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2005: 62].

Основной функцией прилагательного, участвующего в образовании географических наименований, является его употребление в значении определения к существительному. «Значение категории прилагательного – писал акад. Л.В. Щерба, – конечно, качество, как это прекрасно показано Пешковским... Формально она выражается прежде всего своим отношением к существительному: без существительного, явно или подразумеваемого, нет прилагательного» [Щерба 1957: 70].

В карачаево-балкарском языке существует резкая грань между существительным и прилагательным. Прилагательные в определенных условиях переходят в существительные, а многие существительные – в прилагательные. В большинстве случаев одно и то же слово, а именно имя существительное, обладая различными лексическими значениями, может выполнять функции разных частей речи, проявляя их грамматические особенности, другими словами, может выступать как существительное, и в зависимости от контекстуального окружения как прилагательное.

Начальная форма слова в карачаево-балкарском языке, так же, как и в других тюркских языках, состоит из чистой основы (корня или производной основы). Она, как законченное слово, выявляет определенное лексическое

значение, а с другой стороны, не существует каких-либо грамматических показателей, указывающих на принадлежность к той или иной части речи.

Заключение

Сравнение географических наименований с апеллятивной лексикой показывает процессы топонимизации нарицательных единиц и процессы, происходящие в словоизменении терминологических основ. Изменения в грамматическом строе языка отражаются не только в апеллятивной лексике, но и в географических именах с точки зрения экстралингвистических влияний, «внешних факторов» и ономастической грамматики – периода становления и формирования литературного языка. Все это создает необходимые условия для большей интенсивности грамматических процессов в ономастике. Решая теоретические грамматические вопросы, следует обратить внимание на то, насколько словоизменение географических имен повторяет словоизменение апеллятивной лексики; каковы значительные, решающие факторы, раскрывающие специфичность словоизменения географических наименований. Изменения, происходящие в морфологии современного карачаево-балкарского литературного языка, с точки зрения наименования физико-географических объектов можно охарактеризовать общей формулой – «тенденция к аналитизму».

Анализируя вопросы морфологической составности, грамматической оформленности, внешнего и внутреннего синтаксиса географических наименований, следует отметить, что: 1) топонимические единицы в карачаево-балкарском языке имеют формы единственного и множественного числа; 2) географические наименования обладают специальной двучленной, реже одночленной структурной формой, часто маркированной географическим номеном; 3) топоним-компози́та как один член предложения, выступая в одном лексическом и категориально-грамматическом значении, присоединяет падежную флексию ко второму компоненту; 4) географические имена выражают специфическую представленность грамматических классов; 5) географические имена употребляются в составе конструкций, выражающих неопределенность; 6) географические наименования в функции прямого дополнения выступают только в винительном падеже, в то время как имена нарицательные здесь могут употребляться в основном падеже (5 и 6 признаки не относятся к дополнительным).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Grönbech 1979 – *Grönbech K.* The Structure of the Turkic Languages. Translated by J.R. Krueger. – Bloomington: Indiana University Uralic Altaic Series, 1979. – Vol. 136. – P. 24–25.

Humboldt 1836 – *W. von Humboldt.* Über die Verschiedenheit des Menschlichen Sprachbaues. – Berlin, 1836. – 157 p.

Грамматика карачаево-балкарского языка... 1976 – Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика. Морфология. Синтаксис. – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 571 с.

Дмитриев 1948 – *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 276 с.

Курилович 1962 – *Курилович Е.* Положение имени собственного в языке // Очерки по лингвистике». – М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1962. – С. 251–266.

Молчанова 1988 – Молчанова О.Т. Морфологические характеристики тюркских географических имен Горно-Алтайской автономной области (существительные, прилагательные, числительные в составе топонимов) // Советская тюркология. – 1988. – № 2. – С. 32–42.

Татарская грамматика 1993 – Татарская грамматика. Том II. Морфология. – Казань: Татарское книжное издательство. 1993. – 397 с.

Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2005 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка. В трех томах. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – Т. III. – С–Я. – 1157 с.

Хапаев 2013 – Хапаев С.А. Географические названия Карачая и Балкарии. – М.: Фонд «Эльбрусид», 2013. – 574 с.

Щерба 1957 – Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 186 с.

Юлдашев 1972 – Юлдашев А.А. Принципы составления тюркско-русских словарей. – М.: Наука, 1972. – 416 с.

REFERENCES

Grönbech K. The Structure of the Turkic Languages. Translated by J.R. Krueger. – Bloomington: Indiana University Uralic Altaic Series, 1979. – Vol. 136. – P. 24–25.

W. von Humboldt. Über die Verschiedenheit des Menschlichen Sprachbaues. – Berlin, 1836. – 157 p.

Grammatika karachaevo-balkarskogo yazyka. Fonetika. Morfologiya. Sintaksis [Grammar of the Karachay-Balkar language. Phonetics. Morphology. Syntax]. – Nal'-chik: El'brus, 1976. – 571 p. (In Russ.).

DMITRIEV N.K. *Grammatika bashkirskogo yazyka* [Grammar of the Bashkir language]. – M.–L.: Izd-vo AN SSSR, 1948. – 276 p. (In Russ.).

KURILOVICH E. *Polozhenie imeni sobstvennogo v yazyke* [The position of the proper name in the language]. In: *Ocherki po lingvistike*. – M.: Izd-vo inostrannoi lit-ry, 1962. – P. 251–266. (In Russ.).

MOLCHANOVA O.T. *Morfologicheskie kharakteristiki tyurkskikh geograficheskikh imen Gorno-Altayskoi avtonomnoi oblasti (sushchestvitel'nye, prilagatel'nye, chislitel'nye v sostave toponimov)* [Morphological characteristics of Turkic geographical names of the Gorno-Altai Autonomous Region (nouns, adjectives, numerals as part of place names)]. In: *Sovetskaya tyurkologiya*. – 1988. – № 2. – P. 32–42. (In Russ.).

Tatarskaya grammatika. Tom II. Morfologiya [Tatar grammar. Volume II. Morphology]. – Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'-stvo. 1993. – 397 p. (In Russ.).

Tolkovyi slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka. V trekh tomakh [Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language. In three volumes]. – Nal'-chik: El'-Fa, 2005. – Т. III. – С–Я. – 1157 p. (In Russ.).

ХАПАЕВ С.А. *Geograficheskie nazvaniya Karachaya i Balkarii* [Geographical names of Karachay and Balkaria]. – М.: Фонд «El'brusoid», 2013. – 574 p. (In Russ.).

ШЧЕРБА Л.В. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. – М.: Учпедгиз, 1957. – 186 p. (In Russ.).

YULDASHEV A.A. *Printsipy sostavleniya tyurksko-russkikh slovarei* [Principles of compilation of Turkic-Russian dictionaries]. – М.: Nauka, 1972. – 416 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Б.А. Мусуков – доктор филологических наук.

About the author

B.A. Musukov – Doctor of science (Philology).

Статья поступила в редакцию 09.04.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 09.04.2025 y.; approved after reviewing 15.09.2025 y.; accepted for publication 27.09.2025 y.

Теоретическая, прикладная **и сравнительно-сопоставительная лингвистика**

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-435-448

EDN: WMKPOP

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКОВ)

Альберд Тахирович Бозиев^{1,2}, Загират Талибовна Хашхожева¹

^{1,2} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

¹ Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия

¹ alberdboziev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2383-5268>

² zagirat_inkaz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2022-3589>

Аннотация. Окружающий мир понимается легче, если мы устанавливаем существующие связи между вещами и явлениями. Нет ни одной области человеческого знания, которая бы не обращалась к универсальным законам, действующим в природе и человеческом сознании. Одним из таких законов или принципов является принцип взаимосвязи причины и следствия. В данной работе исследуются способы передачи причинно-следственных отношений в разноструктурных языках – русском, английском и кабардино-черкесском. В работе проанализировано около 350 примеров. В качестве основного экспериментального материала выступили 60 русских предложений, которые были переведены на английский (с помощью компьютерного переводчика) и на кабардино-черкесский (перевод выполнен авторами). В результате проведённого исследования сделаны следующие выводы:

1. Все три языка располагают инвентарём средств для выражения причинно-следственных отношений.

2. Русский и английский языки отмечаются большим количеством приёмов передачи подобных отношений.

3. В русском и английском языках чётко прослеживается стилистическая дифференциация таких средств и приёмов.

Ключевые слова: причина; следствие; союз; бессоюзное предложение; предлог; послелог; деепричастие; причастный оборот.

Для цитирования: Бозиев А.Т., Хашхожева З.Т. О некоторых особенностях выражения причинно-следственных отношений в разноструктурных языках (на примере русского, английского и кабардино-черкесского языков) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 435-448. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-435-448. EDN: WMKPOP.

© Бозиев А.Т., Хашхожева З.Т., 2025

Original article

ON SOME FEATURES OF EXPRESSING CAUSE-AND-CONSEQUENCE RELATIONSHIPS IN LANGUAGES OF DIFFERENT STRUCTURES (USING RUSSIAN, ENGLISH AND KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGES AS AN EXAMPLE)

Alberd T. Boziev¹, Zagirat T. Khashkhodzheva²

^{1,2} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

¹ Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Nalchik, Russia

¹ alberdboziev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2383-5268>

² zagirat_inkaz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2022-3589>

Abstract: The world around us is easier to understand if we establish existing connections between things and phenomena. There is no area of human knowledge that does not refer to the universal laws operating in nature and human consciousness. One of such laws or principles is the principle of the relationship between cause and effect. This paper examines the methods of conveying cause-and-effect relationships in languages of different structures - Russian, English and Kabardino-Circassian. The paper analyzes about 350 examples. The main experimental material was 60 Russian sentences, which were translated into English (using a computer translator) and into Kabardino-Circassian (translated by the authors). As a result of the study, the following conclusions were made: 1. all three languages have an inventory of means for expressing cause-and-effect relationships; 2. Russian and English are distinguished by a large number of techniques for conveying such relationships; 3. in Russian and English, stylistic differentiation of such means and techniques is clearly visible.

Keywords: cause, consequence, conjunction, non-conjunction sentence, preposition, postposition, adverbial participle, participial phrase

For citation: Boziev A.T., Khashkhodzheva Z.T. On some features of expressing cause-and-consequence relationships in languages of different structures (using Russian, English and Kabardino-Circassian languages as an example). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 435-448. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-435-448. EDN: WMKPOP.

© Boziev A.T., Khashkhodzheva Z.T., 2025

Введение

Актуальность данного исследования определяется повышенным лингвистическим интересом к сравнительному изучению когнитивных особенностей носителей различных языков.

Целью статьи является анализ способов передачи причинно-следственных отношений в разноструктурных языках – русском, английском и кабардино-черкесском.

Материал и методика исследования. Материалом для данного исследования послужили примеры, взятые из коротких рассказов Дж. Бассетт (выбор автора и произведений случайный) [Bassett 2000], а также экспериментальные предложения, составленные авторами данной статьи. В качестве исходного материала были подобраны предложения на русском языке – их общее количество составило 60 примеров. Примеры подбирались таким образом, чтобы в них были учтены наиболее типичные случаи передачи причинно-следственных

отношений. Исходные предложения были переведены на английский язык (с помощью компьютерного переводчика Google translate) и на кабардино-черкесский язык. Суммарно было проанализировано свыше 350 примеров. Для удобства описания примеры были сгруппированы в 10 тематических классов (по типам связей).

Теоретическая часть

Общеизвестно, что посредством языка человек отражает и осмысляет окружающий его мир, пытаясь понять своё место в природе, обществе и полнее изучить и осознать самого себя. Такие мыслительные процессы осуществляются успешнее в том случае, если активно подключаются логические операции, проводимые человеком. Выводы, к которым приходят в результате таких операций, могут носить более или менее очевидный, или правдоподобный характер, поскольку со временем они могут уточняться. Во всех областях человеческой деятельности – научной, бытовой, повседневной, межличностной – человек стремится к тому, чтобы увидеть взаимосвязь вещей и явлений. Независимо от возраста, образования, социального статуса или иных показателей любой человек стремится (по крайней мере, должен) рассмотреть взаимообусловленность происходящих в мире событий, поскольку это важное экзистенциальное условие, без которого не может быть движения вперёд.

Анализ причинно-следственных отношений занимает важное место в установлении истины (в широком смысле этого слова), которая может быть относительной или абсолютной. Не случайно, что в разных языках имеются специальные средства, с помощью которых передаются подобные отношения.

Изучению причинно-следственных отношений в лингвистике всегда уделялось и уделяется сейчас достаточно много внимания как отечественными, так и зарубежными лингвистами.

Ознакомление с обширной литературой по исследуемой теме позволило заключить, что в русском языке в простых и сложных предложениях имеются несколько возможностей передачи причинно-следственных отношений: с помощью сочинительных (союз «и») и подчинительных союзов, предложных сочетаний, бессоюзным способом, с помощью деепричастий и деепричастных оборотов, глаголов причин и глаголов-результатов. Вопрос о способности наречий выражать следственные отношения до настоящего времени остается достаточно дискуссионным.

Описывая функциональную нагрузку союза «и», И.С. Ожегов говорит о том, что данный союз соединяет между собой не только однородные члены предложения, но и сложносочинённые предложения. К причинным союзам он относит союзы «потому что», «ибо», «ведь», к союзам следствия «так что» [Ожегов 1982: 211]. Отметим сразу, что исследователи русского языка единодушны в признании того, что основным репрезентантом следственной семантики является союз «так что».

В простом предложении – причинно-следственные отношения выражаются с помощью следующих предложно-падежных словосочетаний:

- для выражения причины, благоприятной для осуществления чего-либо. Например: *Благодаря* своевременно оказанной помощи он выжил;
- для выражения причины, препятствующей осуществлению действия. Например: *Из-за* боли в спине он не мог встать;
- для выражения причины действия, обусловленного чувствами или чертами характера. Например: *Из скромности* она промолчала;
- для выражения причины, связанной с внешним воздействием, изменением или внутренним состоянием. Например: *От волнения* он забыл представиться;
- для выражения причины, связанной с реакцией лица или тела. Например: *С испугу* он чуть не потерял дар речи;

К вышеприведённым предложениям можно добавить ещё предлоги, которые типичны больше для официально-делового и научного стилей: *ввиду, вследствие, в результате, в силу* и т.д.

В сложноподчинённых предложениях придаточные обстоятельства причины присоединяются к главной части предложения с помощью следующих союзов: *потому что, ибо, оттого что, так как, постольку, благодаря тому что, из-за того что, по причине того что, в силу того что, вследствие того что, в связи с тем что* и т.д. Следует отметить, что некоторые союзы имеют ограниченную дистрибуцию по стилю и месту в предложении. Например: союз *ибо* больше характерен для научного и публицистического стиля, союз *благодаря* типичен для разговорного стиля, а союз *затем что* архаичен.

В сложносочинённых предложениях причинная связь может передаваться с помощью союза «и». Например: *Пошёл дождь, и мы спрятались в домике*. Данное предложение может быть легко трансформировано в предложение - *Пошёл дождь, поэтому мы спрятались в домике*.

Что касается бессоюзной передачи значения обусловленности, то авторы «Русской грамматики» подчеркивают: «бессоюзные закрытые ряды выражают в основном те же отношения, которые принадлежат союзным рядам» [Шведова 1980: 173]. Например: *Стало темнеть. Мы поспешили домой*.

Кроме того, причинно-следственная связь может быть выражена при помощи глаголов-причин и глаголов-результатов (например, вызывать, приводить, следовать, быть причиной, являться результатом) и глагольных конструкций с лексемами *делать, позволять, заставлять, побуждать*. Например: *Плохая игра команды привела к отставке тренера. Успех всегда является результатом кропотливого труда. Полное разоблачение заставило его признать вину*.

Деепричастия и деепричастный оборот – ещё один общепризнанный способ передачи причинно-следственных отношений. Например: *Поправившись на 20 килограммов, он начал активно искать диеты для похудения*.

Теперь перейдём к обзору способов передачи причинно-следственных отношений в английском языке. Специальных работ, посвящённых данной проблематике в таком объёме как это имеет место в русском языке, не так много. Большая часть исследователей сфокусированы на установлении инвентаря союзов и предлогов, их функциональному описанию.

Авторы И.П. Иванова, В.В. Бурлакова и Г.Г. Почепцов выделяют в английском языке следующие причинно-следственные союзы – *because, so...that*

[Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981: 96]. Исследователь английской грамматики М.А. Беляева выделяет причинные союзы – *because, as, since* – и союзы следствия – *so that, so... that* [Беляева 1973: 214]. Особую позицию по данному вопросу занимают Л.С. Бархударов и Д.А. Штелинг. По их мнению, предложения, вводимые союзом *for*, выражают основание, а предложения, вводимые союзами *so, hence*, выражают следствие, вывод [Бархударов, Штелинг 1960: 388]. Различие между типом сложносочинённого предложения и сложноподчинённым предложением с придаточным причины или следствия (союзы – *as, because, so that* и др.) заключается в следующем: а) в сложносочинённом предложении вторая часть не выражает причины или следствия действия, обозначенного сказуемым в первой части, оно даёт логическое основание, объяснение всего факта, либо вывод, заключение этого факта (*so, hence*) [Бархударов, Штелинг 1960: 389]; б) в сложносочинённом предложении, в отличие от сложноподчинённого, союз никогда не вводит первого предложения; он всегда стоит между двумя предложениями, выражая их логическую взаимосвязь как двух равноправных частей. Данные авторы выделяют причинные союзы – *because, as, since, lest* – и союзы следствия – *so that, so (such)... that* [Бархударов, Штелинг 1960: 403]. К.Н. Качалова и Е.Е. Израилевич выделяют следующие причинные союзы – *as, since, due to, for, now that* и союзы следствия – *so, so that* [Качалова, Израилевич 1999: 433].

Как и в русском, в английском языке причинно-следственные отношения могут передаваться с помощью союза *and*, подчинительных союзов, предложных сочетаний, бессоюзным способом. Предположительно такие отношения могут передаваться с помощью причастий и причастных оборотов, глаголов причин и глаголов-результатов.

К причинно-следственным союзам обычно относят следующие союзы: *because, as, since, so, that's why, thus, hence*. Союз *because* (*потому что*) – самый частотный союз, характерен как для официальной, так и неофициальной речи, может употребляться без дистрибутивных ограничений. Союз *as* (*так как*) больше типичен для официального стиля, чаще употребляется со значением следствия. Союз *since* присущ больше формальному стилю, передаёт причинное значение. Союз *so* – явный передатчик разговорного следственного значения. Союз *that's why* – причинный, без стиливого ограничения. Союз (наречие) *thus* – передаёт причинно-следственные отношения, имеет значения – следовательно, таким образом, поэтому. Союз (наречие) *hence* – причинный, характерен для научного стиля.

Предложные сочетания – *because of, thanks to, due to, owing to, as a result of, as a consequence, on account of*. Исследователи отмечают, что сочетания *because of, thanks to* больше характерны для разговорного, неформального стиля, а сочетания *due to, owing to, as a result of, as a consequence, on account of* – для официального стиля.

Отношения причины и следствия передаются и с помощью предлогов *to* (за которым следует инфинитивная форма глагола), *for* (со значением из-за, за которым обычно следует местоимение, существительное или герундий, указание на причину), *from* (*no, из* – указание на причину), *of* (со значением от, из-за, по – объяснение причины, обычно связано с негативной оценкой), *through* (из-за,

указание на причину). Например: a. He is saving money *to buy* a car. b. He was fined *for DUI*.

Причинно-следственные отношения могут передаваться и бессоюзно. Например: ¹'She doesn't like trains. She always feels ill on trains.'². 'I want a drink. I'm thirsty.'³. I never stay in one country for a long time. It gets boring [Bassett 2000: 5].

Сравнительный анализ способов передачи причинно-следственных отношений в русском и английском языках показывает их полное совпадение. Единственное различие касается того, что вместо деепричастий и деепричастных оборотов в английском языке используются причастия и причастные обороты.

Что касается работ по изучению подобных отношений в кабардино-черкесском языке, то такие отношения не являлись предметом специального исследования. В кабардино-черкесском языке отсутствуют предлоги, процесс формирования союзов не завершён. Исследователь Н.Ф. Яковлев, отмечает, что в кабардино-черкесском языке союзы весьма малочисленны и представлены союзами *икIи* (и), *е* (или), *хьэмэ* (или) [Яковлев 1948: 119]. По мнению Н.Ф. Яковлева, отсутствие предлогов в кабардино-черкесском языке компенсируется послелогоми, среди которых выделяются послелогичины- *арцхьэкIэ* (поэтому), *цхьэкIэ* (из-за, по причине), *напцIэ*, *напцIэкIэ* (из-за, по причине) [Яковлев 1948: 120]. В «Грамматике-70» говорится о том, что в кабардино-черкесском языке можно выделить простые и сложные союзы. «Сложные союзы представляют собой словосочетания, состоящие из местоимённого элемента и послелога. Они образовались сравнительно поздно. Процесс становления многих из них протекает ещё на наших глазах» [Багов, Балкаров 1970: 202]. К сложным союзам авторы данного издания относят – *абы цхьэкIэ* – поэтому; *абы кьыхэкIкIэ* – исходя из этого; *абы ипкь иткIэ* – ввиду этого, из-за; *сыт цхьэкIэ жыпIэмэ* – так как, потому что и т.д. Причинные союзы выражают подчинительную связь между главным и обстоятельственным придаточным предложением причины [Багов: 204]. Причинно-следственные отношения передаются и послелогоми – служебными словами, которые, занимая в речи положение после имён существительных, местоимений, наречий и именных форм глагола, выражают различные грамматические отношения между членами предложения. Послелогичины, не являясь самостоятельными членами предложения, раскрывают, уточняют значение данной падежной формы или же со словами, с которыми сочетаются, образуют семантически новые оттенки объектно-предикатных отношений – *напцIэ/напцIэкIэ* – из-за; *кьыхэкIкIэ* – из-за, исходя из; *цхьэкIэ* – из-за [Грамматика кабардино-черкесского... 1970: 198]. Как видно из краткого грамматического обзора, кабардино-черкесский язык, как и любой другой язык в мире, располагает средствами для передачи причинно-следственных отношений.

Практическая часть

Данную часть работы начнём с выяснения того, каким образом субъект перевода (компьютерный переводчик Google translate) переводит на английский язык предложные сочетания из простых предложений. *Из-за* – в экспериментальном материале данный предлог встречался в 9 случаях. В 8 случаях (6 случаев

препозиции, 2 случая постпозиции) данный предлог переводится как *because of*, в *одном* – как *due to*. Предлог *because of* употреблялся зеркально как в препозиции (6), так и в постпозиции (2), характерен для официального и неофициального стилей. Предлог *due to* имеет стилистические дистрибутивные ограничения, он типичен для более формального стиля. Примеры: 1. Я опоздал на занятия из-за дождя. 2. Из-за недостатка времени он не успел подготовиться к занятиям. 3. Из-за сильной головной боли больной плохо спал ночью. 1a. *I was late for class because of the rain.* 2a. *Due to lack of time, he did not have time to prepare for class.* 3a. *Because of a severe headache, the patient slept poorly at night.*

Предлог *из* - в материале встречается 4 раза (3 раза в препозиции, один раз в постпозиции, данный расклад сохранился в переводе). Примечательно, что при указании на чувства или состояние данный предлог переводится с учётом норм английского языка. Предлог *из* в трёх случаях из 4 переводится как *out of*, один раз как *for*. Примеры: 1. Он промолчал из вежливости. 2. Из боязни опоздать на самолет я взял такси. 3. Из чувства скромности он никому не сказал о прекрасных результатах своих исследований. 1a. *He kept silent out of politeness.* 2a. *For fear of missing the plane, I took a taxi.* 3a. *Out of modesty, he did not tell anyone about the excellent results of his research.*

Предлог *от* встречается 10 раз (1 раз в препозиции, 9 раз в постпозиции), переводится предложениями *of* (1), *from* (5), *with* (3), *out of* (1), Примеры: 1. Солдат умер от тяжёлых ран. 2. Старик ослаб от голода. 3. Она покраснела от стыда. 4. От волнения студент долго не мог начать свой ответ. 1a. *The soldier died of severe wounds.* 2a. *The old man weakened from hunger.* 3a. *She blushed with shame.* 4a. *Out of excitement, the student could not begin his answer for a long time.*

Предлог *по* (количество употреблений – 2, препозиция). Данный предлог один раз переводится как *due to*, другой раз – как *out of*. Примеры: 1. По невниманию я сделал ошибку в работе. 2. По привычке он опоздал на свидание на полчаса. 1a. *Due to carelessness, I made a mistake at work.* 2a. *Out of habit, he was half an hour late for a date.*

Благодаря в оригинале используется 4 раза (препозиция). 2 раза в качестве предлога и переводится ожидаемо как *thanks to*, 2 раза в качестве союза и переводится как *because* (постпозиция). Постпозиционное употребление *because* объясняется полной перестройкой исходного предложения при переводе – *thanks to* утрачивает свою позицию и положительную коннотацию. Примеры: 1. Благодаря своим способностям он достиг высоких показателей в учёбе. 2. Благодаря тому, что он много работал, он получил продвижение по службе. 1a. *Thanks to his abilities, he achieved high marks in his studies.* 2a. *He got a promotion because he worked hard.*

Союзы *потому что* (3), *оттого что* (2), *из-за того что* (2), *так как* (3). Общее количество употреблений – 10, в препозиции – 2, в постпозиции – 8. При переводе позиционная дистрибуция видоизменилась – препозиция 1, постпозиция -9. Всё многообразие синонимичных союзов в русском языке переводится на английский язык преимущественно с помощью союза *because*. Примеры: 1. Становилось прохладно, *оттого что* наступила осень. 1a. *It was getting cool, because autumn had come.* 2. *Из-за того, что* телевизор сломался, я вызвал мастера.

2a. I called a repairman *because* the TV broke. 3. Мы не можем купить новую машину, *оттого что* у нас нет денег. 3a. We can't buy a new car *because* we don't have money. В одном случае в препозиции союз *так как* был переведён с помощью союза *since*. В другом случае вместо союза *так как* использована предложная фраза с герундием. Примеры: 1. Не стоит тревожиться, из-за того, что он задерживается. 1a. *You shouldn't worry about him being late.* 2. Так как книга пользовалась спросом, её было трудно достать. 2a. *Since the book was in demand, it was difficult to get.*

Перевод предлога *ввиду*, союзов *ввиду того что*, *вследствие того что*. Общее количество примеров – 6, *ввиду* (1, препозиция), *ввиду того что* (3, препозиция – 2, постпозиция – 1), *вследствие того что* (2, препозиция – 1, постпозиция – 1). При переводе данных союзов в препозиции преимущественно используется союз *since*, в постпозиции *because*. Примеры: 1. Автокатастрофа произошла вследствие того, что водитель на несколько секунд отвлёкся от дороги. 1a. *The car accident happened because the driver was distracted from the road for a few seconds.* 2. Я не рисковал писать *ввиду* того, что письмо легко могло попасть в чужие руки. 2a. *I didn't risk writing because the letter could easily fall into the wrong hands.* 3. *Ввиду* того, что работа не отвечала элементарным требованиям, она была отклонена. 3a. *Since the work didn't meet the basic requirements, it was rejected.* Предлог *ввиду* переводится предлогом *due to*. Пример: 1. *Ввиду* неявки соперника на бой ему было засчитано поражение. 1a. *Due to the opponent's failure to show up for the fight, he was declared a loser.*

Общее количество предложений с деепричастиями составило 6. При переводе они регулярно заменяются на английские причастные формы. Примеры: 1. Получив телеграмму, я срочно вылетела домой. 2. Опоздав на поезд, он готов был идти пешком до дома. 3. Проболев целый месяц, он вынужден был догонять группу. 1a. *Having received the telegram, I immediately flew home.* 2a. *Having missed the train, he was ready to walk home.* 3a. *Having been ill for a whole month, he was forced to catch up with the group.*

Союз *and* может соединять два простых предложения, при этом второе предложение, как правило, передаёт значение следствия. Примеры: 1. Пошёл дождь, и земля намокла. 1a. *It started to rain, and the ground got wet.* 2. У неё было плохое настроение, и она сидела молчаливо. 2a. *She was in a bad mood and sat silently.* Во всех примерах употреблён союз *и*, в переводе союз *and*.

Причинно-следственные отношения могут передаваться рядом положенными предложениями. В экспериментальном материале общее количество таких примеров составило 5. Примеры: 1. Пошёл дождь. Все забежали в дом. 1a. *It started to rain. Everyone ran into the house.* 2. Я нажал выключатель. Загорелся свет. 2a. *I pressed the switch. The light came on.*

В следующей части работы, опираясь на исследуемый материал, авторы решали задачу более полного освещения и систематизации способов и средств передачи причинно-следственных отношений в кабардино-черкесском языке.

В кабардино-черкесском языке в простом предложении причинно-следственные отношения передаются словами различных частей речи, словосочетаниями и оборотами в синтаксической позиции обстоятельства причины.

Классифицируя кабардино-черкесские обстоятельства, профессор А.М. Камбачоков в работе «Проблемы простого предложения» выделил обстоятельства причины и достаточно убедительно охарактеризовал их. Автор подробно представил части речи, выполняющие синтаксическую функцию обстоятельства причины [Камбачоков 1997: 211].

Так, в кабардино-черкесском языке в роли обстоятельства причины могут выступать существительные в послеложном падеже: 1. Он промолчал из вежливости. – *1 а. И щэныфIагъкIэ нэпсэльэжакъым.* 2. Я опоздал на занятия из-за дождя. – *2 а. Уэишым и зэранкIэ сэ еджапIэм сыкъыкIэрыхуащ.* 3. Мы поссорились из-за неё. – *3 а. Абы щхъэкIэ дэ дызэфIэнащ.* 4. Благодаря заботливому уходу ребёнок быстро пошёл на поправку. – *4 а. Игъуэта гулытэмрэ ирахъэлIа къарууишхуэмрэ и фIыгъэкIэ сабийм и узынишагъэр цIэх дыдэу зэтеувэжащ.* 5. Благодаря своим способностям он достиг высоких показателей в учёбе. – *5 а. И зэфIэкIхэм я фIыгъэкIэ абы лъэгапIэ инхэр еджэныгъэм цызыIэригъэхъащ.*

В роли обстоятельства причины могут выступать наречия: 1. *Ар ауэ къэгубжъакъым* – *1 а.* Он не просто так разозлился. 2. *Ар уи нэхей-кIэ къэкIуащ* – *2 а.* Он пришел назло тебе. 3. *Щхъэ унэм укъыцIэмышхэрэ?* – *3 а.* Почему в дом не заходишь?

Обстоятельства причины могут быть выражены существительными в эргативном падеже с послелогоми *щхъэкIэ*, *къыхэкIкIэ*, *къыхэкIыу*: 1. От голода старик обессилел – *1 а. МэжащIалIэ-м къыхэкIкIэ лIыжъыр къарууниэ хъуащ.* 2. Она покраснела от стыда. – *2 а. УкIытэ-м къыхэкIкIэ ар плыжъ къэхъуащ.* 3. Он побледнел от боли. – *3 а. Узы-м къыхэкIыу абы и фэр пыкIащ.* 4. Она засмеялась от счастья. – *4 а. ГуфIэгъуэ-м къыхэкIыу ар къэдэхъэишащ.* 5. Из чувства скромности он никому не сказал о прекрасных результатах своих исследований. – *5 а. И Iэдэбагъым къыхэкIыу и ехъулIэныгъэфIхэр зыми яжриIагъым.* 6. Из чувства жалости она взяла бездомного котенка домой. – *6 а. И гумащIагъэм къыхэкIыу джэду цIыкIур унэм кыхъащ.* 7. Из-за плохой погоды экскурсию пришлось перенести на следующий день. – *7 а. Уэлбанэм щхъэкIэ зыплыхъакIуэр етIуанэ махуэм ягъэлэпхъуащ.*

Синтаксическую позицию обособленного обстоятельства причины также могут выражать причастный оборот с префиксом *зэры-* и окончанием *-м* в сочетании с послелогоми *щхъэкIэ*, *къыхэкIкIэ* (*къыхэкIыу*), *папцIэкIэ* [Камбачоков, Хашхожева, Бетуганова 2016: 46]: 1. Из-за недостатка времени он не успел подготовиться к занятиям. – *1 а. Зэман мащIэ фIэкIа зэры-мыIэ-м къыхэкIкIэ, абы лэжъыгъэр игъэзэщIакъым.* 2. Он опоздал в театр на полчаса из-за сильного дождя. – *2 а. Уэишыхуэ къы-зэре-ишыхы-м къыхэкIыу, ар театрым сыхъэт ныкъуэкIэ къыкIэрыхуащ.* 3. У меня разболелась голова от усталости. – *3 а. Сы-зэре-зэша-м къыхэкIкIэ, си щхъэр узащ.* 4. Из-за сильной головной боли больной плохо спал ночью. – *4 а. И щхъэр хуабжъу зэры-узы-м къыхэкIкIэ, сымаджэр жэщым фIыуэ жеякъым.* 5. Из-за того, что телевизор сломался, я вызвал мастера. – *5 а. Телевизорыр зэры-къута-м щхъэкIэ, сэ телевизорцIыжыр къезджащ.* 6. Из-за резкого стука все вздрогнули. – *6 а. Хуабжъу зэры-теуIуа-м къыхэкIыу, псори къэцтащ.* 7. Из-за жажды у путешественников кружилась голова. – *7 а. Псы зэра-хуэлIэ-м щхъэкIэ, гъуэгурькIуэхэм я щхъэр кIэрахъуэрт.* 8.

От волнения студент долго не мог начать свой ответ. – 8 а. *Зэры-гузавэ-м ицхэкIэ, еджакIуэм куэдрэ жэуап итыфакъым.* 9. Матч мне понравился потому, что в нём было забито много мячей. – 9 а. *Топ джэгур сэ сигу ирихъащ, абы топ куэд гъуэм зэры-цыдальхъа-м ицхэкIэ.* 10. Она справилась с поставленной задачей благодаря тому, что он целеустремлён и всегда доводит любое дело до конца. – 10 а. *Ар и къалэнхэм пэлъэцащ, сьт цыгъуи иригъэжъа Iуэхур икIэм зэры-нигъэсы-м и фIыгъэкIэ.* 11. Мы не можем купить новую машину, оттого что у нас нет денег. – 11 а. *Дэ машинэцIэ къытхуэцэхунукъым, ахъшэ ды-зэри-мыIэм къыхэкIкIэ.* 12. Всем стало весело, так как он рассказал смешную историю. – 12 а. *Псоми гукъыдэж яIэ хъуат, абы хъыбар гъэцIэгъуэн къы-зэри-Iуэтэжам къыхэкIкIэ.* 13. Вследствие того, что у тебя отсутствует цель в жизни, ты постоянно сталкиваешься с трудностями. – 13 а. *ГъацIэм мурад узэры-щимыIэм къыхэкIкIэ, уэ гугъуехъ куэдым ухуозэ.* 14. Благодаря тому, что он много работал, он получил продвижение по службе. – 14 а. *Псэмыблэжу зэры-лажъэм и фIыгъэкIэ, ар и лэжъыгъэкIэ дэкIуэтэящ.*

В роли обстоятельства причины в кабардино-черкесском языке нередко выступают деепричастия. Как отглагольные формы, они обладают способностью изменяться по формам лица и числа, при помощи которых деепричастие-обстоятельство причины устанавливает синтаксическую связь с подлежащим, согласуясь с ним в форме лица и числа: 1. *Зыдмыужьурэ мафIэгум дыкъыкIэрыхуащ.* – 1 а. «Копошась, (мы) опоздали на поезд». 2. *УкъэмыкIуэурэ уи ныбжъэгъухэм уащыужащ.* – 2 а. «Не приходя (к нам), (ты) отвык от друзей».

Синтаксическую позицию обстоятельства причины часто занимает и деепричастный оборот: 1. *Уэ мэкъумылэ къыумышэурэ Iэщыр зэтебгъэлIащ.* – 1 а. «Из-за того, что ты не привозил корма, весь скот пал (букв.: ты корма не привозя, весь скот пал)». 2. *Уэсэпсым дыхэтурэ ди вакъи цыгъыни псыф хъуащ.* – 2 а. «Из-за того, что мы ходили по росе, обувь и одежда промокли (букв.: (мы) ходя по росе обувь и одежда промокли)» [Хашхожева 2010: 244]. Примеры: 1. Узнав о тяжелой болезни друга, он заплакал от горя. – 1 а. *Уз бзаджэр кызыреуэлIар кьицIауэ ар магъ.* 2. По невниманию я сделал ошибку в работе. – 2 а. *Гу лъызымтэу лэжъыгъэм щыуагъэ хэсцIыхъащ.* 3. Получив телеграмму, я срочно вылетела домой. – 3 а. *Телеграммэ къысIэрыхъауэ сэ икIэцIыпIэкIэ унэм сылъэтэжащ.* 4. Не имея друзей, он чувствовал себя одиноким. – 4 а. *Ныбжъэгъу имыIуэрэ абы ицхъэзакъуэу зыкъыщыхъужат.*

В сложносочиненных предложениях с союзом *икIи*, союз-суффиксом *-и* между предикативными частями могут возникать причинно-следственные отношения, когда действие одного предложения обусловлено действием глагола-сказуемого другого предложения, является следствием первого. В таких конструкциях союз-суффиксом *-и* оформляется субъект или объект действия придаточной части. Примеры: 1. Пошёл дождь, и земля намокла. – 1 а. *Уэишх къригъэжъащ, щIыр-и псыф къэхъуащ.* 2. У неё было плохое настроение, и она сидела молчаливо. – 2 а. *Абы гукъыдэж иIэтэкъым, икIи щыму щыст.* 3. Начинало темнеть, и на небе замигали звёзды. – 3 а. *Пианэр зэхэуэу щIидзащ, икIи уафэм вагъуэхэр къыщылыдащ.*

В работе «Кабардинская грамматика» известный адыговед Х.Ш. Урусов, рассматривая сложноподчиненные предложения, выделил придаточные причины и придаточные следствия [Урыс 1994: 124-125].

Придаточные причины описывает причину или обоснование ситуации, о чем говорится в главной части. Для связи предикативных частей сложноподчиненного предложения с придаточным причины в кабардино-черкесском языке выступают следующие средства выражения причинно-следственного значения:

а). Сым ыцхэкIэ жыпIэмэ/сыту жыпIэмэ. 1. Я поступил в медицинский университет, потому что с детства хотел стать врачом. – *1 а. Сэ медицинэ университетым сыцIэтIысхьащ, сым ыцхэкIэ жыпIэмэ сызэрысабийрэ дохутыр сыхьуну си хьуэпсапIэмт.* 2. Так как книга пользовалась спросом, её было трудно достать. – *2 а. Тхылъыр зыIэрыбгъэхъэныр тыништэкъым, сыту жыпIэмэ абы куэд ыцIэупиIэрт.* 3. Он любит порядок, потому что так воспитан. – *3 а. Абы къабзагъэр фIэфIм, сым ыцхэкIэ жыпIэмэ ар апхуэдэу гъэсат.*

б). Суффикс –и, который присоединяется к сказуемому придаточной части. Примеры: 1. Становилось прохладно, оттого что наступила осень. – *1 а. Бжыхьэр къэблэгъащ-и, ыцIыIэтыIэ хьуащ.* 2. Вода в чайнике выкипела, потому что я забыл выключить газ. – *2 а. МафIэр згъэункIыфIыжыну сицыгъунищат-и, шейнычым ит псыр ивэцIэжсащ.*

Следственные подчинительные указывают на следствие, которое вытекает из действия глагола-сказуемого главного предложения, из содержания всей главной части. Придаточная часть следствия занимает позицию после главного предложения. Подчинительные союзы **абы кыхэкIкIэ, ауэ ыцхьукIэ** связывают предикативные части, устанавливая следственные отношения между ними: 1. Я не рисковал писать письмо ввиду того, что оно легко могло попасть в чужие руки. – *1 а. Письмор нэгъуэщI зыгуэрым IэрыхъэнкIэ хьунут, абы кыхэкIкIэ сэ ар нэстхыну сытегуишхуакъым.* 2. Работа была отклонена ввиду того, что она не отвечала элементарным требованиям. – *2 а. Лэжыгъэр зэрыцтыт хуей жыпхъэм тету гъэзэцIатэкъым, абы кыхэкIкIэ ар пхагъэкIакъым.*

Бессоюзные сложные предложения с указанием причины во второй части. Причинные отношения в данном случае выражаются при помощи интонации, характеризующейся паузой между предикативными частями. В кабардино-черкесском языке среди сложноподчиненных предложений данному типу бессоюзных предложений соответствуют предложения с придаточным причины и следствия. Например: 1. Пошёл дождь, все забежали в дом. – *1 а. Уэшхым кьригъэжъащ, псори унэм ыцIэлъэдащ.* 2. Солнце поднялось, жара стала невыносимой. – *2 а. Дыгъэр кьыдэкIуэтеящ, хуабэр хьэлъэ хьуащ.*

Два семантически связанных простых предложения с указанием причины в первом предложении. Примеры: 1. Он сломал руку. Врач наложил гипс. – *1 а. Абы и Iэр къутащ. Дохутырым гипс трилъхъащ.* 2. Начальник был занят. Он не мог ответить на звонок. – *2 а. УнафэцIыи хуцIыхьэртэкъым. Абы телефоныр кьицтэфакъым.* 3. Он рассказал анекдот. Все рассмеялись. – *3 а. Ар гушыIащ. Псори зэцIэдэхъэишащ.*

Таким образом, в кабардино-черкесском языке синтаксическими средствами выражения причинно-следственных отношений могут выступать:

1. простые предложения с обстоятельством причины;
2. сложносочиненные предложения;
3. сложноподчиненные с придаточным причины и придаточным следствия;
4. сложные бессоюзные предложения, выражающие причинные отношения и отношения следствия;
5. два семантически связанных простых предложения с причинно-следственным значением.

В указанных синтаксических конструкциях для выражения причинно-следственных отношений используются разные языковые элементы.

Выводы

Проведённое исследование выявило закономерности передачи причинно-следственных связей в анализируемых языках: во всех трёх языках имеются средства для выражения причинно-следственных отношений на уровне простого, сложносочинённого, сложноподчинённого, бессоюзного предложения. Причинно-следственными отношениями могут быть связанные, контактные (следующие один за другим предложения) и, предположительно, изолированные, предложения, находящиеся на небольшом отдалении друг от друга. По сравнению с кабардино-черкесским языком русский и английский языки обладают большим количеством средств и приёмов трансляции причинно-следственных отношений и проводят их чёткую стилистическую дифференциацию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Bassett 2000 – Bassett J. One-way ticket. Short Stories. Oxford University Press, 2000 // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://litres.com/book/jennifer-bassett/one-way-ticket-short-stories-23572775/> (дата обращения 28.04.2025 г.) (на англ. яз.)
- Бархударов, Штелинг 1960 – Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1960. – 423 с.
- Беляева 1973 – Беляева М.А. Грамматика английского языка. – М: Высшая школа, 1973. – 335 с.
- Грамматика кабардино-черкесского... 1970 – Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. Ч. 1: Фонетика и морфология. – Москва: Наука, 1970. – 215 с.
- Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981 – Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика английского языка. – М: Высшая школа, 1981. – 287 с.
- Камбачоков 1997 – Камбачоков А.М. Проблемы простого предложения в кабардино-черкесском языке. – Нальчик: Эль-фа, 1997. – 235 с.
- Камбачоков, Хашхожева, Бетуганова 2016 – Камбачоков А.М., Хашхожева З.Т., Бетуганова Л.З. Морфологические особенности и синтаксические функции причастия, деепричастия и инфинитива в кабардино-черкесском языке. – Нальчик: Издательство Кабардино-Балкарского государственного университета, 2016. – 79 с.
- Качалова, Израилевич 1999 – Качалова К.Н., Израилевич Е.Е. Практическая грамматика английского языка. – М: ЮНВЕС ЛИСТ, 1999. – 715 с.
- Ожегов 1982 – Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М: Издательство «Русский язык», 1982. – 815 с.
- Урыс 1994 – Урыс Хь.Щ. Адыгэ грамматикэ. Синтаксис, пунктуацэ. – Налшык: Эльбрус, 1994. – 212 с.
- Хашхожева 2010 – Хашхожева З.Т. Синтаксис кабардино-черкесского деепричастия // Национальные образы мира в художественной культуре. Материалы международной научной

конференции. – Нальчик: Издательство Кабардино-Балкарского государственного университета, 2010. – С. 243-248.

Шведова 1980 – Шведова Н.Ю. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. – М: Наука, 1980. – 714 с.

Яковлев 1948 – Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. – Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1948. – 373 с.

REFERENCES

BASSETT J. *One-way ticket. Short Stories*. Oxford University Press, 2000. In: Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa: <https://litres.com/book/jennifer-bassett/one-way-ticket-short-stories-23572775/> (data obrashcheniya 28.04.2025 g.) (In Eng.)

BARKHUDAROV L.S., SHTELING D.A. *Grammatika angliiskogo yazyka* [English Grammar]. – М.: Izdatel'stvo lite-ratury na inostrannykh yazykakh, 1960. – 423 p. (In Russ.)

BELYAEVA M.A. *Grammatika angliiskogo yazyka* [English Grammar]. – М: Vysshaya shkola, 1973. – 335 p. (In Russ.)

Grammatika kabardino-cherkesskogo literaturnogo yazyka. Ch. 1: Fonetika i morfologiya [Grammar of the Kabardian-Cherkess Literary Language. Part 1: Phonetics and Morphology]. – Moskva: Nauka, 1970. – 215 p. (In Russ.)

IVANOVA I.P., BURLAKOVA V.V., POCHETSOV G.G. *Teoreticheskaya grammatika angliiskogo yazyka* [Theoretical English Grammar]. – М: Vysshaya shkola, 1981. – 287 p. (In Russ.)

KAMBACHOKOV A.M. *Problemy prostogo predlozheniya v kabardino-cherkesskom yazyke* [Problems of the Simple Sentence in the Kabardian-Cherkess Language]. – Nal'chik: El'-fa, 1997. – 235 p. (In Russ.)

KAMBACHOKOV A.M., KHASHKHOZHEVA Z.T., BETUGANOVA L.Z. *Morfologicheskie osobennosti i sin-taksicheskie funktsii prichastiya, deeprichastiya i infinitiva v kabardino-cherkesskom yazyke* [Morphological Features and Syntactic Functions of the Participle, Gerund, and Infinitive in the Kabardian-Cherkess Language]. – Nal'chik: Izdatel'stvo Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016. – 79 p. (In Russ.)

KACHALOVA K.N., IZRAILEVICH E.E. *Prakticheskaya grammatika angliiskogo yazyka* [Practical English Grammar]. – М: YuN-VES LIST, 1999. – 715 p. (In Russ.)

OZHEGOV S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. – М: Izdatel'stvo «Russkii yazyk», 1982. – 815 p. (In Russ.)

URYS KH'.SHCH. *Adyge grammatike. Sintaksis, punktuatse* [Adyghe Grammar. Syntax and Punctuation]. – Nalshyk: El'brus, 1994. – 212 p. (In Russ.)

KHASHKHOZHEVA Z.T. *Sintaksis kabardino-cherkesskogo deeprichastiya* [Syntax of the Kabardian-Cherkessian participle]. In: Natsional'nye obrazy mira v khudozhestvennoi kul'ture. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. – Nal'-chik: Izdatel'stvo Kabardino-Balkarsko-go gosudarstvennogo universiteta, 2010. – S. 243-248. (In Russ.)

SHVEDOVA N.YU. *Russkaya grammatika. T. 2. Sintaksis* [Russian Grammar. Vol. 2. Syntax]. – М: Nauka, 1980. – 714 p. (In Russ.)

YAKOVLEV N.F. *Grammatika literaturnogo kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the Literary Kabardian-Cherkessian Language]. – Moskva-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1948. – 373 p. (In Russ.)

Информация об авторах

З.Т. Хашхожева – кандидат филологических наук, доцент.

А.Т. Бозиев – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

Z.T. Khashkhozheva – PhD (in philology), docent.

A.T. Boziev – PhD (in philology), Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.05.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 09.05.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «СЫЙ» ‘УВАЖЕНИЕ’, «БЕТ» ‘СОВЕСТЬ’, «ТЮЗЛЮК» ‘ПРАВЕДЛИВОСТЬ’ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Светлана Конакбиевна Башиева¹, Зульфия Мустафировна Ульбашева²

^{1,2} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

¹ bfo-pdo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6562-9879>

² z.gaboeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0085-077X>

Аннотация: В статье рассмотрены особенности репрезентации этических концептов «сый» ‘уважение’, «бет» ‘совесть’, «тюзлюк» ‘справедливость’ в карачаево-балкарской лингвокультуре. В качестве эмпирического материала использованы паремиологические, фразеологические единицы, повседневные речевые фразы. В ходе исследования выявлено, что указанные концепты являются константами нравственной картины мира карачаево-балкарского этноса, в совокупности образующие морально-духовную категорию «*адамлык*» ‘человеческое достоинство’, определена лингвоментальная специфика языковых средств, в которых зафиксированы представления о нормах поведения, системе ценностей, сформированных в течение многих веков. Так, концепт *сый* ‘уважение’ эксплицирует понятия высокая нравственность, моральная ответственность за действия, концепт *бет* ‘совесть’ характеризует человека с точки зрения его способности оценивать поступки в рамках шкалы «хорошо» – «плохо»; концепт *тюзлюк* ‘справедливость’ представляет собой смысловую структуру, репрезентирующую, с одной стороны, понимание справедливости как божью кару, а с другой стороны – как необходимость беспристрастного отношения друг к другу внутри социума. Механизмом социальной регуляции являются этические кодексы тау адет, ёзден адет, в которых объективированы нормативные и ненормативные правила поведения людей (традиции, ценности и т.д.).

Ключевые слова: лингвокультура, концепт, карачаево-балкарский язык, фразеологическая единица, паремия, формулы речевого обмена, концепт «сый», концепт «бет», концепт «тюзлюк».

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова (договор № 43) в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: Башиева С.К., Ульбашева З.М. Репрезентация концептов «сый» ‘уважение’, «бет» ‘совесть’, «тюзлюк» ‘справедливость’ в карачаево-балкарской лингвокультуре // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 449-457. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-449-457. EDN: UPCVRO.

REPRESENTATION OF CONCEPTS «SY'I» 'RESPECT', «BET» 'CONSCIENCE', «T'UZL'UK» 'FAIRNESS' IN KARACHAY-BALKARIAN LINGUOCULTURE

Svetlana K. Bashieva¹, Zulfiya M. Ulbasheva²

^{1,2} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

¹ bfo-pdo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6562-9879>

² z.gaboeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0085-077X>

Abstract. The article examines the representation features of the ethical concepts "sy" 'respect', "bet" 'conscience', "tyuzlyuk" 'justice' in the Karachay-Balkarian linguistic culture. Paremiological, phraseological units, and everyday speech phrases were used as empirical material. The study revealed that these concepts are constants of the moral worldview of the Karachay-Balkarian ethnic group, collectively forming the moral and spiritual category "adamlyk" "human dignity", the linguistic specificity of linguistic means is determined, in which ideas about the norms of behavior and the value system formed over many centuries are fixed. Thus, the concept of "respect" explicates the concepts of high morality, moral responsibility for actions, the concept of "conscience" characterizes a person in terms of his ability to evaluate actions within the scale of "good" – "bad"; the tyuzlyuk concept of "justice" is a semantic structure that represents, on the one hand, the understanding of justice as God's punishment, and on the other hand, the need for an impartial attitude towards each other within society. The mechanism of social regulation is the ethical codes of tau adet and ezden Adet, which represent the normative and non-normative rules of human behavior (traditions, values, etc.).

Keywords: linguoculture, concept, Karachay-Balkarian language, phraseological unit, paroe-mia, formulas of speech exchange, the concept of "sy", the concept of bet, the tyuzlyuk concept.

Acknowledgements and funding: The study was conducted with the financial support of an Internal grant from the Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov within "Priority 2030" program (agreement no. 43).

For citation: Bashieva S.K., Ulbasheva Z.M. Representation of concepts «sy'i» 'respect', «bet» 'conscience', «t'uzl'uk» 'fairness' in karachay-balkarian linguoculture. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 449-457. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-449-457. EDN: UPCVRO.

© Bashieva S.K., Ulbasheva Z.M., 2025

Введение

Как известно, любой язык отражает взаимосвязь этноса и культуры в вербальных средствах, репрезентирующих особенности бытия, мировоззренческих установок людей, поэтому в последние годы в лингвистике в рамках антропоцентрической парадигмы наблюдается повышенный интерес к таким понятиям, как картина мира, концепт, ставшим ключевыми в исследованиях отечественных ученых, заложивших теоретико-методологическую основу для дальнейшего изучения указанных терминов (Н.Д. Арутюнова, С.А. Аскольдов, А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, В.А. Маслова, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, В.Н. Телия и др.).

Цель данной статьи заключается в описании специфики объективации ядерных концептов карачаево-балкарской лингвокультуры «сый» 'уважение', «бет»

‘совесть, «тюзлюк» ‘справедливость’. Объектом исследования являются карачаево-балкарская картина мира, предметом – особенности репрезентации концептов «сый», «бет», «тюзлюк».

Для достижения цели поставлены следующие задачи: 1) описать понятийные составляющие концептов «сый», «бет», «тюзлюк» на основе данных лексикографических источников; 2) выявить в содержании концептов «сый», «бет», «тюзлюк» этнокультурные компоненты, реализованные в лексических, фразеологических, паремиологических единицах, формулах речевого обмена.

В работе использованы метод сплошной выборки, компонентный анализ, лингвокультурологический анализ.

Эмпирическим материалом послужила выборка из трехтомного толкового словаря карачаево-балкарского языка «Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю» в трех томах [КъМТАС 1996; КъМТАС 2002; КъМТАС 2006], фразеологического словаря «Къарачай-малкъар тилни школ фразеология сезлюгю» (составители С.К. Башиева, З.К. Жарашуева) [КъМТШФС 1994], этимологического словаря тюркских языков [ЭСТЯ 2003], сборников паремий «Балкарские пословицы и поговорки» (составитель А.З. Холаев) [БПиП 1982], «Къарачай-малкъар нарт сёзле» (составитель Х.Ч. Джуртубаев) [КъМНС 2005], «Къарачай-малкъар нарт сёзле» (составитель М.Х. Табаксоев) [КъМНС 2018], этического кодекса карачаево-балкарского народа «Ёзден адет» (составитель М.Ч. Джуртубаев) [Ёзден адет... 2025] и других источников.

Исследование проведено с опорой на междисциплинарный подход к изучению этнической культуры, предложенный Ч.К. Ламажаа, которая рассматривает в качестве основного методологического средства «концепт культуры», объединяющий в себе словоформы, идею, социальную регуляцию [Ламажаа 2023: 8].

Основная часть

Морально-нравственные ценности карачаево-балкарского этноса вербализуются в этических концептах, из которых, на наш взгляд, ядерными являются «сый», «бет», «тюзлюк».

В толковом словаре карачаево-балкарского языка лексема *сый* представлена в следующих значениях: 1) «уважение, честь, почтение», 2) «цена, значение», 3) «подарки, раздаваемые невестой родственникам жениха»; «торжество, вечер, угощение в честь *кого-л.*» [КъМТАС. Т. III. 2005: 250–251]. Согласно данным этимологического словаря тюркских языков, слово *сый* зафиксировано в нем в значениях 1) «подарок, плата»; 2) «награда, премия»; 3) «угощение, устраиваемое родственниками жениха в честь родителей невесты»; 4) «почет». По утверждению авторов, оно «появляется в письменных памятниках тюркских языков после XII века» [ЭСТЯ 2003: 423–424]. Следует отметить то, что в различных вариантах в указанных значениях слово *сый* используется во многих тюркских языках, например, в хакасском языке *сыйых* «подарок, награда, премия», в казахском языке *сыйыт* «свадебный подарок». «Старейшее значение сый – суй представлено в тувинском языке *суй белек* (калым, свадебный дорогой подарок)» [ЭСТЯ 2003: 423–424]. В контексте данной статьи актуально первое значение в карачаево-балкарском языке, четвертое значение в тюркских языках. Ср. с

дериватами в карачаево-балкарском языке *сыйлы* «уважаемый, почетный, дорогой», *сыйсыз* «неуважаемый», *сыйларгъа* «уважать», *сыйлау* «уважение», *сыйланмакълыкъ* «оказание уважения, почести», *сыйлануу* «уважительное отношение» [КъМТАС. Т. III. 2005: 250–254].

Концепт-идея «сый» в значениях уважение, честь, почет репрезентирован в паремиологических, фразеологических единицах, повседневных стереотипных формулах речевого обмена, например, *сый бер* «окажи почести», *сыйын кёр* «получи уважение». *къартны сыйын кёрмеген, къартлыгъында сыйлы болмаз* «тот, кто не проявляет в молодости уважение к старику, сам в старости будет неуважаемым», *сыйынг бла* «с честью»: *сыйы бла кете билмеген, сыйсыз болур* «тот, кто вовремя с честью не уходит, не будет уважаемым», *сыйы тюшдю* «лишился чести, потерял уважение», *сыйын тас этген* «потерявший честь, уважение», *кесинги таматача тутмасанг, сый-хурмет излеме* «не ищи для себя почести, если не умеешь себя вести как старший», *онгсуз бла кюрешсенг сыйынг кетер* «если будешь притеснять бедного, лишишься чести», *сыйсыз, намыссыз болма* «не теряй честь, уважение», *бай, сыйлы болугъуз* «будьте знатными, уважаемыми», *сыйынг тёппемде болсун* «пусть Ваша честь будет у меня на макушке» (формула извинения за бестактное слово), поэтому неудивительно то, что в пословицах компонент *сый* «честь, уважение» равноценен жизни, что репрезентировано в следующих выражениях: *сыйсыз жашагъандан эсе, сыйлы ёлген игиди* «чем жить без чести, лучше умереть с честью», *атынг аманга чыкъгъандан эсе, жанынг тамагъынг бла чыкъсын* «чем иметь дурную славу, пусть душа вылетит из горла», *сыйы жокъну кюню жокъ* «у кого нет чести, у того нет хорошего дня», *жашасанг да, сыйынг бла жаша, ёлсенг да сыйынг бла ёл* «живи с честью, умри с честью», *сыйлы ёлю сыйсыз саудан – сау* «уважаемый покойник живет неуважаемого живого». В этой связи в пословицах подчеркивается необходимость знания своего места в социуме: *орунун билген сыйсыз болмаз* «знающий свое место не будет неуважаемым».

Для карачаевцев и балкарцев потеря уважения окружающих страшнее смерти, о чем свидетельствуют следующие фразы: «*Адамла не айтырла?*» – «Что скажут люди?», «*Айыб туююлмюдю?*» – «Не стыдно?», «*Азабдан къоркъма, айыбдан къоркъ*» – «Не бойся наказания, бойся позора», поэтому для менталитета этноса характерны попытки увидеть себя со стороны, что представителям других культур может показаться в некоторой степени ограничением свободы. Смысловой объем приведенных примеров глубже и шире: они отражают нравственную сущность коллективных представлений о нормах поведения, соответствуют канонам этических кодексов балкарцев и карачаевцев – *тау адет* «горский этикет», *ёзден адет* «узденский этикет», выполняют нормативно-нравственную функцию.

Социальные установки, репрезентированные в концепте «сый», в частности такие, как управление своим поведением, взаимодействие с нормами, принятыми в обществе, реализуются в повседневной жизни людей, состоящей из конвенциональных компонентов оказания уважительного отношения, например, со старшим здороваются двумя руками; при старших младший не сидит; еду подают сначала старшим и т.д.

Таким образом, содержание концепта «сый» коррелирует с понятиями моральная ответственность, высокая нравственность, правильные отношения в социуме, которые в национально-культурном контексте имплицитно и эксплицитно соотносятся с соблюдением общепринятых, соответствующих традициям норм поведения.

Другим ядерным этическим концептом карачаево-балкарской лингвокультуры, как указано выше, является концепт «бет» 'совесть'. В толковом словаре лексема *бет* определена как 1) «лицо (человека)»; 2) «совесть, стыд»; 3) «склон»; 4) «поверхность»; 5) «цвет»; 6) «страница» [КЪМТАС. Т. I. 2005: 402–403]. В контексте темы нашего исследования актуально второе значение. Согласно данным этимологического словаря тюркских языков, слово *бет* (бѣт/bit, bid) используется в значениях: 1) «лицо человека, облик» в турк., кр.-тат., каракалп., к-балк., кир., кум., каз., ног. яз.; «морда» в кирг., «рожа» в татар. яз.; 2) «совесть, стыд» в к.-балк., кир., каз. яз.; 3) «щека» в кир., ног., башк., уйг. яз.; 4) «рисунок» в алт. диал.; 5) «направление» в турк. диал, кир., каз., каракалп. яз., узб. диал.; 6) «слой» в каз.яз. Как отмечает Э.В. Севортян, «старейшим среди приведенных значений является 'лицо человека', все остальные значения – более поздние, развившиеся из него» [Севортян 1978: 121–122].

Концепт-идея «бет» (совесть) репрезентируется в следующих фразеологических единицах карачаево-балкарского языка: *бетинден этерге* «делать из уважения» (досл. «делать из-за лица»); *бети жетмейди* «не хватает совести» (досл. «не хватает лица»), *бети жибирге* «стыдиться за свой поступок» (досл. «лицо стало влажным»); *бети бла ойнаргъа* «играть с чьей-либо честью, позорить» (досл. «играть с лицом»), *бети къалын* «бессовестный» (досл. «лицо плотное»; ср. с рус. толстокожий); *бети барды* «совестливый» (досл. «у него есть лицо»); */бети болмагъан* «бессовестный» (досл. «без лица»), *бети агъарды* «побледнел» (досл. «лицо побелело»); *бетине туюрюрге* «оскорбить» (досл. «плевать в лицо»); *бетин чыгъарыргъа* «показать с хорошей стороны» (досл. «вытащить лицо»); *бети къызарды* «смутился» (досл. «лицо покраснело от стыда»); *бети къарады* «не стесняется» (досл. «его лицо черное»); *бет бермейди* «не проявляет уважение» (досл. «не дает лицо»), в поговорках *уялмагъан бетге – къазан къара* «бессовестному лицу – копоть казана» (восходит к древней традиции мазать лицо провинившегося человека копотью казана); *бетсиз адам – эр туююл* «бессовестный человек – не мужчина»; *бетсиз адам уятсыз* «бессовестный человек не имеет стыда»; *бетин сатхан кесин сатар* «продавший совесть продаст и себя», в формулах речевого обмена: *бет жарыкълы бол* «не срамись перед кем-либо» (досл. «сделай лицо светлым»); *бет тап* «пользуйся уважением» (досл. «найди лицо»); *бет эт* «уважь, пощади» (досл. «сделай лицо»).

В паремиологических единицах реализуются такие когнитивные признаки, как: 1) человека человеком делает совесть: *аш кетер да бет къалыр* «еда уйдет, а совесть останется»; *эт кетсе да бет къалсын* «даже если уйдет мясо, пусть останется совесть»; *малы болгъан эт табар, бети болгъан бет табар* «имеющий скот получит мясо, имеющий совесть найдет уважение»; *бет адамны кюзгюсюдо: не букъмаз, не алдамаз* «совесть – зеркало человека: не спрячется, не обманет»; *бети къызарыучу адамны жюреги харам болмаз* «сердце

краснеющего человека не может быть черствым»); 2) порицание отсутствия совести: *бети къалын адамны сѣз бла уялтмазса* «бессовестного человека не пристыдишь словом»; *бети къалындан намыс сакълама* «от бессовестного не жди уважения»; *бетсиз адамдан бет къууанмаз* «бессовестный человек никого не обрадует». Как отмечает И.Р. Мокаева, в карачаево-балкарской лингвокультуре совесть является нравственным ориентиром, этноспецифичность которого заключается в тенденции к «сохранению своего лица», то есть «совесть связана непосредственно с лицом человека» [Мокаева 2004: 17].

Не менее важным в карачаево-балкарской лингвокультуре является концепт «тюзлюк» ‘справедливость’. В толковом словаре лексема *тюзлюк* представлена в следующих значениях: 1) «ровность, прямизна»; 2) «справедливость, объективность, беспристрастность»; 3) «правда»; 4) «преданность, верность» [КъМТАС. Том III. 2006: 647–649]. Слово *тюзлюк* образовано от слова *тюз* 1) «истина, правда»; 2) «ровный, прямой»; 3) «верный, правдивый, точный» [КъМТАС. Том III. 2006: 643–644], восходящего к древнетюркскому *tüz* 1) «ровный, плоский»; 2) «равный, одинаковый»; 3) «верный, истинный» [ДТС 1969: 602]. Дериватами являются *тюзлюксюз* «несправедливый»; *тюзлюкчю* «сторонник правды», «тот, кто рассудит справедливо», *тюзниет* «честный, справедливый»; *тюзсюн* «считать правильным, верным», *тюзююн* «правильный, верный»; «честный».

Согласно М.Ч. Джуртубаеву, одной из проверенных жизнью опор для карачаево-балкарского этноса является надежда на Божью справедливость, поэтому ему присущи склонность «к этической оценке всего и вся», оценке всего происходящего, всех событий и поступков «с точки зрения того, хорошо это или плохо, добро или зло» [Джуртубаев 1997: 167]. «Балкарец твердо убежден, что справедливость можно нарушить, только заблуждаясь или недопонимая»..., «что в конечном счете мир основан на справедливости», – отмечает он [Джуртубаев 1997: 171], ибо *Аллах кѣреди* «Аллах видит». Это обостренное чувство справедливости отражено в поговорке: *дуния кезиудю* «в мире все идет последовательно».

В паремиологических единицах справедливость тождественна правде в значениях 1) «истина»; 2) «правильный», «верный», «точный»; 3) «правый», «невиновный», «невинный»; 4) «справедливый»; 5) «честный» [КъМОС 1989: 668]). Анализ эмпирического материала позволил выделить в концепте «тюзлюк» следующие когнитивные признаки: 1) торжество справедливости, правды: *тюзлюк тенгизде батмаз* «справедливость в море не утонет»; *тюз тюзелир, терс юзюлюр* «справедливость восторжествует, несправедливость порвется»; *тюз кишиге жюз киши жакъ* – «у справедливого человека сто заступников»; *тюзлюкню къылыч кесмез* «правду меч не рубит»; *тюзлюк темирни бюгер* «правда железо согнет»; 2) сосуществование в мире справедливости и несправедливости: *тюзлюк жокъду деде, терслик жокъду деде* «не говори, что нет справедливости, не говори, что нет несправедливости»; 3) осуждение несправедливости: *тюзлюк деген – жарыкъ жол, терслик деген – къарангы къол* «справедливость – светлый путь, несправедливость – темный овраг»; *терсликни ур, тюзлюкню къур* «несправедливость искореняй, справедливость устанавливай».

Механизмом социальной регуляции справедливости до 1917 года являлся общинный орган Тёре, выполнявший управленческие и судебные функции.

Согласно Х.Х. Малкондуеву, «тёр» – святое место в языческих храмах, отсюда тёре – святой совет, чьё решение исполняется беспрекословно» [Малкондуев 2001: 38]. В карачаево-балкарском языке, лексема *тёре* используется в значениях «суд», «обычай», которые репрезентированы в следующих поговорках: *кёре келген – кёреге, чырдан чыкъмаз тёреге* «видавший виды – на всеобщем обозрении, не выходящий за рамки норм справедливости – в судьи»; *тёре кесген бармакъдан къан чыкъмаз* «из пальца, порезанного тёре, не потечет кровь»; *дунияда тюзлюк къуругъан эсе да, Уллу Малкъарда тёредамы къуругъанды?* «Если на свете исчезла справедливость, то неужели исчез и тёре в Большой Балкарии», поэтому в языковом сознании карачаевцев и балкарцев до сих пор актуальна фраза *тёредеча эт* «делай так, как принято в тёре».

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что концепты «сый» ‘уважение’, «бет» ‘совесть’, «тюзлюк» ‘справедливость’ входят в группу важнейших констант карачаево-балкарской нравственной картины мира играют существенную роль в жизненных ситуациях. Они в совокупности соотносятся с таким понятием, как *адамлыкъ* «человеческое достоинство», которое в этноментальной парадигме народа является одной из ключевых морально-нравственных категорий, репрезентирующих положительные качества человека (порядочность, честность, уважение, самоуважение, ответственность и т.д.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- БПиП 1982 – Балкарские пословицы и поговорки /Составитель А. Холаев. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 188 с.
- Джуртубаев 1997 – *Джуртубаев М.Ч.* Душа Балкарии. Сборник статей. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 232 с.
- ДТС 1969 – Древнетюркский словарь. / [ред. В. М. Наделяев и др.]; АН СССР. Институт языкознания. – Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1969. – 676 с.
- Ёзден адет... 2025 – Ёзден адет: Этический кодекс карачаево-балкарского народа/ сост., предисл. и коммент. М. Джуртубаева. – Нальчик: Республиканский полиграфический комбинат им. Революции 1905 года, 2005. – 574 с.
- КъМНС 2018 – Къарачай-малкъар нарт сёзле/ Составитель М. Табаксоев. – Нальчик: Эльбрус, 2018. – 219 с.
- КъМНС 2005 – Къарачай-малкъар нарт сёзле/ составитель Х. Джуртубаев. – Нальчик: Эльбрус, 2005. – 184 с.
- КъМОС 1989 – Къарачай-малкъар орус сёзлюк. – М: Русский язык. 1989. – 830 с.
- КъМТАС 1996 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю/ Отв. ред. Ж.М. Гузеев. Ючтомлукъ. I том. – Нальчик: «Эль-Фа» китап басма. 1996. – 1016 с.
- КъМТАС 2002 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю / Отв. ред. Ж.М. Гузеев. Ючтомлукъ. II том. – Нальчик: «Эль-Фа» китап басма. 2002. –1168 с.
- КъМТАС 2006 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю. / Отв. ред. Ж.М. Гузеев. Ючтомлукъ. III том. – Нальчик: «Эль-Фа» китап басма. 2005. –1157 с.
- КъМТШФС 1994 – Малкъар тилни школ фразеология сезлюгю / Составители С.К. Башиева, З.К. Жарашуева. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 316 с.
- Ламажаа 2023 – *Ламажаа Ч. К.* Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. № 1.– С. 6–25. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

Малкондугев 2001 – *Малкондугев Х.Х.* Этническая культура балкарского народа. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 172 с.

Мокаева 2004 – *Мокаева И.Р.* Этические концепты в языковой картине мира (на материале русского и карачаево-балкарского языков): автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Нальчик, 2004. – 22 с.

Севортян 1978 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на «Б»/ АН СССР. Ин-т языкознания [отв.ред. Н.З. Гаджиева]. – М.: Наука, 1978. – 349 с.

ЭСТЯ 2003 – Этимологический словарь тюркских языков. Л, М, Н, П, С / [Отв. ред. А. В. Дыбо]. – М.: Восточная литература. – 2003. – 445 с.

REFERENCES

Balkarskie poslovice i pogovorki [Balkarian proverbs and sayings] /sostavitel' A. Holaev. – Nal'chik: El'brus, 1982. – 188 p. (In Russ.).

DZHURTUBAEV M.CH. *Dusha Balkarii* [The soul of Balkaria]. Sbornik statej. – Nal'chik: El'brus. 1997. – 232 p. (In Russ.).

Drevnetyurkskij slovar' [Ancient Turkic Dictionary] / red. V. M. Nadelyaev i dr.; AN SSSR. Institut yazykoznaniya. – Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1969. – 676 p. (In Turkic).

Yozden adet: Eticheskij kodeks karachaevo-balkarskogo naroda [Ezden Adet: The Ethical Code of the Karachay-Balkarian people]/ sost., predisl. i komment. M. Dzhurtubaeva. – Nal'chik: Respublikanskij poligraficheskij kombinat im. Revolyucii 1905 goda, 2005. – 574 p. (In Karach.-Balk.).

K"arachaj-malk"ar nart syozle [Karachay-Balkarian proverbs] / Sostavitel' M. Tabaksoev. – Nal'chik: El'brus, 2018. – 219 p. (In Karach.-Balk.).

K"arachaj-malk"ar nart syozle [Karachay-Balkarian proverbs] / sostavitel' H. Dzhurtubaev. – Nal'chik: El'brus, 2005. – 184 p. (In Karach.-Balk.).

K"arachaj-malk"ar orus syozlyuk [Karachay-Balkar-Russian dictionary]. – M: Russkij yazyk. 1989. – 830 p. (In Karach.-Balk.-Russ.).

K"arachaj-malk"ar tilni angylatma syozlyugyu [Karachay-Balkar explanatory Dictionary]/ otv. red. Zh.M. Guzeev. Yuchtomluk". I tom. – Nal'chik: «El'-Fa» kitap basma. 1996. – 1016 p. (In Karach.-Balk.).

K"arachaj-malk"ar tilni angylatma syozlyugyu [Karachay-Balkar explanatory Dictionary] /otv. red. Zh.M. Guzeev. Yuchtomluk". II tom. – Nal'chik: «El'-Fa» kitap basma. 2002. – 1168 p. (In Karach.-Balk.).

K"arachaj-malk"ar tilni angylatma syozlyugyu [Karachay-Balkar explanatory Dictionary] /otv. red. Zh. M. Guzeev. Yuchtomluk. III tom. – Nal'chik: «El'-Fa» kitap basma. 2005. –1157 p. (In Karach.-Balk.).

K"arachaj-malk"ar tilni shkol frazeologiya sezlyugyu [Karachay-Balkar school phraseological dictionary] / sostaviteli S.K. Bashieva, Z.K. Zharashueva. – Nal'chik: El'brus, 1994. – 316 p. (In Karach.-Balk.).

LAMAZHAA CH. K. *Koncepty kul'tury: forma, ideya, social'naya regulyaciya* [Cultural concepts: form, idea, social regulation] //Novye issledovaniya Tuvy. № 1. – P. 6–25. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

MALKONDUEV H.H. *Etnicheskaya kul'tura balkarskogo naroda* [Ethnic culture of the Balkarian people]. – Nal'chik: El'brus, 2001. – 172 p. (In Russ.).

MOKAEVA I.R. *Eticheskie koncepty v yazykovoj kartine mira (na materiale russkogo i karachaevo-balkarskogo yazykov)* [Ethical concepts in the linguistic worldview (based on the material of Russian and Karachay-Balkarian languages)]: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk. – Nal'chik, 2004. – 22 p. (In Russ.).

SEVORTYAN E.V. *Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na «B»* [Etymological dictionary of the Turkic languages: Common Turkic and

inter-Turkic bases on "B"]/ AN SSSR. In-t yazykoznaniiya /otv.red. N.Z. Gadzhieva. – M.: Nauka, 1978. – 349 p. (In Turkic-Russian).

Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov. L, M, N, P, S [Etymological dictionary of Turkic languages. L, M, N, P, S]/ otv. red. A. V. Dybo. – M.: Vostochnaya literatura. – 2003. – 445 p. (In Turkic).

Информация об авторах

С.К. Башиева – доктор филологических наук, профессор.

З.М. Ульбашева – кандидат филологических наук.

Information about the author

S.K. Bashieva – doctor of sciences (Philology), professor.

Z.M. Ulbasheva – PhD (in Philology).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.04.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 30.04.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

Научная статья
УДК 81
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-458-479
EDN: XGWSEQ

КОНЦЕПТ «*LIFE / ЖИЗНЬ / ДАХАР*» В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКАХ

Седа Исаевна Тасуева^{1,2}

¹ Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Россия, taseda.83@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6658-9187>

² Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, Грозный, Россия

Аннотация. Данная статья направлена на описание концепта «*LIFE / ЖИЗНЬ / ДАХАР*» в английской, русской и чеченской лингвокультурах. Практический материал помог рассмотреть концепт «*LIFE / ЖИЗНЬ / ДАХАР*» в трех культурах и провести сравнительный анализ на основе подобранных фразеологических единиц английского, русского и чеченского языковых фондов с содержанием семантического поля «*LIFE / ЖИЗНЬ / ДАХАР*».

Проведенный в статье анализ показал, что в национальном восприятии данного концепта англичанами, русскими и чеченцами имеются сходства с лишь небольшими различиями. Различия в восприятии концепта жизни обосновываются национальными особенностями данных этносов: в их образе жизни, мировосприятии, культуре и ценностной оценке мира. От периода возникновения и до современного употребления данного концепта в рассматриваемых языках, можно наблюдать их схожее возникновение и развитие, а также способы его употребления.

Ключевые слова: концепт «*LIFE / ЖИЗНЬ / ДАХАР*», семантическое ядро концепта, фразеологизм, языковые средства, лингвокультура.

Для цитирования: Тасуева С.И. Концепт «*life / жизнь / дахар*» в английском, русском и чеченском языках // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 458-479. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-458-479. EDN: XGWSEQ.

© Тасуева С.И., 2025

Original article

THE CONCEPT “*LIFE / ZHIZN’ / DAHAR*” IN ENGLISH, RUSSIAN AND CHECHEN

Seda I. Tasueva^{1,2}

¹ Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia, taseda.83@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6658-9187>

² Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia

Abstract. This article aims to describe the concept “*LIFE/ZHIZN’/DAHAR*” in English, Russian and Chechen linguocultures. The practical material helped to examine the concept of LIFE in the three cultures and to conduct a comparative analysis based on selected phraseological units of English, Russian and Chechen with the content of the LIFE/ZHIZN’/DAHAR semantic field.

The analysis shows that English, Russian and Chechen national perceptions of the concept are similar, with only slight differences. The differences in the perception of the concept of life are justified by the national peculiarities of these ethnic groups: their way of life, worldview, culture and value assessment of the world. From the period of origin to the modern use of this concept in the languages under consideration, one can observe their similar origin and development, as well as the ways of its use

Keywords: concept “LIFE/ZHIZN’/DAHAR”, semantic core of the concept, phraseology, linguistic means, linguoculture.

For citation: Tasueva S.I. The concept “life / zhizn’ / dahar” in English, Russian and Chechen. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 458-479. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-458-479. EDN: XGWSEQ.

© Tasueva S.I., 2025

Введение

Актуальность исследования определяется значимостью данного концепта в жизни человека, так как, являясь неотъемлемой частью существования, жизнь как концепт в сознании различных народов, представляет интерес для ученых-лингвистов, главной целью которых является описание данного концепта с помощью языковых средств.

Целью статьи является исследование концепта «LIFE / ЖИЗНЬ / ДАХАР» с помощью фразеологического фонда анализируемых языков. Для достижения поставленной цели важно выполнение таких задач как: изучить этимологию концепта «LIFE / ЖИЗНЬ / ДАХАР» в английском, русском и чеченском языках; изучить имеющиеся фразеологические единицы с концептом «LIFE / ЖИЗНЬ / ДАХАР»; провести сравнительный анализ вербализации концепта «LIFE / ЖИЗНЬ / ДАХАР» в рассматриваемых лингвокультурах.

Материалами для статьи послужили данные различных этимологических, толковых и фразеологических словарей английского, русского и чеченского языков.

Основная часть

Обозначенный в данной статье концепт занимает центральное место среди концептов. Концепт «LIFE / ЖИЗНЬ / ДАХАР» формирует ядро языкового сознания анализируемых этносов. Исследование концепта и способы его вербализации во фразеологических единицах чеченского, русского и английского языков позволит путем сопоставления нескольких разных языковых картин мира сделать выводы о сходных и различных чертах и содержании анализируемого концепта, порядке их формирования среди разных этнокультурных народов.

Концепт включает в себя не только содержание или концептуальную составляющую, но и другие концептуальные характеристики, которые раскрывают в сознании того или иного народа культурную обусловленность, национальную специфику конкретного объекта реальности. Речь идет об ассоциативно-образной и ценностной составляющих концепта, которые позволяют раскрыть его культурную обусловленность и эмоционально-оценочные характеристики [Карасик 2004].

Фразеологический фонд языка является важнейшим языковым хранилищем культурного наследия, передаваемого из поколения в поколение, носителем информации о системе ценностей и традиций того или иного народа. В этом отношении этногенность фразеологизмов не вызывает сомнений, поскольку фразеологизмы обладают высокой информативностью, они возникают не только для описания мира, но и для объяснения, оценки и выражения субъективного отношения к миру [Маслова 2007: 9, 82].

В.Н. Телия определяет фразеологическую единицу как языковое средство, характеризующееся богатым культурным содержанием и являющееся незаменимым языковым материалом для объяснения концептов [Телия 1996].

История и судьба каждого слова обуславливается, в первую очередь, его происхождением. Рассмотрим в сопоставительном плане этимологию данной лексемы в анализируемых языках.

В древнерусском языке в XII в. слово «жизнь» имело два основных значения «жизнь, оживление» и «имущество» [Фасмер 1996: 2, 52].

Значение «имущество» все еще сохранилось и в современных словах «пожитки», фразе «нажитое имущество» и в поговорке: Жить – поживать, да и добра наживать. Древнерусский глагол жити означал в то время «существовать, пастись, кормиться, обитать» [Черных 1999: 304].

Уже в момент своего первого появления рассматриваемое слово «жизнь» было содержательным и полисемантическим. Некоторые базовые значения слов «жизнь» и «жить» в русском языке понемногу утратились («имущество», «кормиться», «принуждать»), но, тем не менее, они могут проявляться и в лексическом значении других слов (пожитки, наживать, жить на что-то, выжить кого-либо).

Что касается английского языка, то по данным Online Etymology Dictionary у слова «life» следующее этимологическое определение в английском языке:

Old English life «animated bodily subsistence; the narration of an person from birth to death; lifetime, stage between birth and death; written account of a person's life; state of being a living thing, reverse of death; way of life; spiritual existence imparted by God, through Christ, to the believer» ... [Online Etymology Dictionary].

Древнеанглийское слово life как «одушевленное телесное существование; срок жизни, история человека от рождения до смерти; период между рождением и смертью; письменный отчет о жизни человека; состояние, когда человек является живым существом, противоположное смерти; образ жизни (хороший или плохой); духовное существование, переданное Богом через Христа верующему».... [Online Etymology Dictionary / перевод выполнен автором статьи].

The transition toward 'live', etc. is only Gmc. and disputed, but semantically comprehensible: stick → remain (also Tocharian) → live. The noun associated with [live](#) (v.) «to live,» which is literally «to continue, remain». Extended 1703 to lifeless objects, «term of duration or existence». Sense of «vitality, power in action, appearance, etc» is from 1580s. Meaning «noticeably lively part of human existence, pleasures or pursuits of the world or civilization» is by 1770s. Meaning «cause or source of living» led to the sense «vivifying or animating principle» and thus «one who keeps things lively» in life of the party (1787). Meaning «imprisonment for life, a life sentence» is

from 1903, paired with limb from 1640s. Not on your life «by no means» is attested from 1896 [Online Etymology Dictionary].

Существительное, связанное с live (глагол) «жить», что буквально означает «продолжать, оставаться». Распространено в 1703 г. на неодушевленные предметы, «срок продолжительности или существования». Смысл «жизненная сила, энергия в действии, выражении и т. д.» относится к 1580-м гг. Значение «замечательная активная часть человеческого существования, удовольствий или занятий в мире или обществе» относится к 1770-м гг. Значение «причина или источник жизни» привело к смыслу «оживляющий или одушевляющий принцип», а значит, «тот, кто поддерживает жизнь» в life of the party (1787 г.). Значение «пожизненное заключение, пожизненный приговор» – с 1903 г., сочетается с limb с 1640-х гг. Not on your life «ни в коем случае» засвидетельствовано с 1896 г. [Online Etymology Dictionary / перевод выполнен автором статьи].

In gaming, an extra turn at play for a character; this transferred use was prefigured by uses in card-playing (1806), billiards (1856), etc., in position to a definite number of chances or necessary objects devoid of which one's turn at the game fails. The life «the living form or model» is from 1590s. [Online Etymology Dictionary].

В азартных играх дополнительный ход в игре для персонажа; это перенесенное использование было предвосхищено использованием в карточной игре (1806), бильярде (1856) и т. д., в отношении определенного количества шансов или необходимых предметов, без которых ход в игре не удастся. Жизнь «живая форма или модель, подобие» относится к 1590-м гг. [Online Etymology Dictionary / перевод выполнен автором статьи].

Согласно словарю The Oxford Dictionary of English Etymology у слова «life» следующее определение:

– life laif – animate existence; course or manner of living. OE. lif. – жизнь одушевленное существование; ход или способ жизни [The Oxford Dictionary of English Etymology 1966].

Как видно из определений этимологическая составляющая английского концепта «*LIFE*» тоже полисемична как и в русском языке и включает такие значения как *существование, тело, образ жизнедеятельности, основной период между рождением и смертью, дополнительный игровой ход*.

А. Вагапов в своем словаре этимологии чеченского языка не дает определение слову «*дахар*», однако приводит слово *даха* – *жить* с отсылкой к глаголу *вах* в следующей дефиниции:

Даха. см. Ваха. Ваха – жить, жить богато, пребывать находиться. Общенахский классн.гл (инг. Ваха, ц.-туш. Ваха), имеющий соответствия в индоевропейских языках: иран vah ‘находиться, пребывать’, авест. vah ‘находиться’, др.-инд. Vas- ‘находится’, и.-е. ues ‘оставаться, жить, пребывать, жить хорошо, радостно’. Фонетическое развитие s>h>x, отмечаемое и в некоторых других случаях, позволяет отнести сюда также чеч. в-иса ‘оставаться, оставаться жить’ [Вагапов 2019].

Из производных форм можно отметить еще среднеперс. Gyak ‘место’ (<vi-vaha-ka), соответствующее чеченскому V-exijla ‘местопребывание, местожительство, жилье’ (<нах.v-аха-jla).

Значительный интерес для индоевропеистики представляет тот факт, что основа *vañ-* в иранских языках, как и в нахских, представлена также с преформантом *d-*: среднеперс. *Deh-* ‘страна, селение, село’ (<*dahyu-*), авес., др.-перс. *Dahyu* – ‘страна, провинция, область’, класс перс. *Dih, deh-* ‘страна, село’. Ср. с последними чеч. *D-аха* ‘жить, проживать’, *d-ex-ijla* ‘жилье, жизненное пространство (область и возможность проживания)’ [Вагапов 2019].

Как видно из определений этимологическая составляющая концепта «*ДАХАР*» включает такие значения как *пребывание, нахождение, богатая, радостная жизнь, жильё*.

Анализ словарных дефиниций дает возможность установить ядерные смысловые концепты «*LIFE / ЖИЗНЬ / ДАХАР*» в английском, русском и чеченском языках.

Словарь Д.Н. Ушакова определяет «жизнь» как:

1. Существование вообще, бытие в постоянном движении и развитии.
2. Период от самого рождения до смерти человека или же животного.
3. Совокупность всего сделанного и пережитого человеком.
4. Реальность во всей совокупности ее проявлений.
5. Энергия, внутренняя бодрость, полнота духовных и нравственных сил.
6. Самое дорогое для человека, источник радости, счастья (книжн.).
7. О существовании без какой-либо нужды и забот, а также полном содержании, деятельности.
8. Отдельное живое существо, человек (устар.) [Ушаков 2005].

Толковый словарь великорусского языка определяет «жизнь» как:

ЖИЗНЬ ж. жись, жисть, простонародное живот; житие, бытие; состояние особи, существование отдельной личности. В обширном смысле жизнь обусловлена только питанием и усвоением пищи, и в этом значении она дана двум царствам природы: животному и растительному; в телесном смысле, она требует произвольного движения и чувств, принадлежа одним животным; в высшем значении как бытие, она относится к душе или к смерти плоти [Даль 2004].

Словарь Т.Ф. Ефремовой определяет слово «жизнь» как:

- I. 1. Особая форма постоянного бытия самой материи, начавшаяся на определённой ступени её прямого формирования.
2. Состояние организма в тот самый период его непосредственного роста или разрушения.
3. Промежуток от самого рождения до смерти человека или же животного.
4. перен. Энергия, бодрость, вся полнота имеющихся духовных и нравственных сил.
- II. 1. Деятельность общества и человека во всей совокупности её проявлений.
2. Реальность во всех проявлениях.
3. Способ существования; уклад.
4. События, которые случаются с чем-либо уже существующим.
- III ж. устар. Живое существо [Ефремова 2000].

Словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дает обозначение слову «жизнь» как:

1. Совокупность различных явлений, которые, так или иначе, происходят в организме, некая особая форма постоянного существования.

2. Физиологическое бытие человека или животного.

3. Время такого бытия непосредственно от его момента возникновения и до его конца.

4. Деятельность человека.

5. Реальная действительность.

6. Активность, проявление деятельности [Ожегов 2015].

Рассмотренные словарные определения помогли нам выявить, что анализируемая лексема «жизнь» в русском языке имеет такие значения как: *существование, состояние организма, время от рождения до смерти, развитие, биография, деятельность человека, действительность, источник радости, живое существо*.

Эти значения соответствуют этимологическим данным, однако можно наблюдать расширение значения лексемы «жизнь» в ходе употребления.

Оксфордский словарь определяет слово «life» в английском языке как:

Life 1. state of living, the capacity to breathe, breed, produce young, etc. that people, animals and plants have faster than they die and that objects do not have –

Жизнь 1. состояние жизни способность дышать, расти, производить потомство и т.д., которой обладают люди, животные и растения до того, как умрут, и которой не обладают предметы.

2. the condition of being alive as a human being; an individual person's existence – состояние жизни человека как живого существа; существование отдельного человека [Oxford Advanced Learner's Dictionary].

В Collins Dictionary можно найти такое определение слову «life» в английском языке:

1. Life is the special quality that people, different animals, and also plants have when they are not dead, and that different objects and substances do not have. – Жизнь – это особое качество, которым обладают люди, различные животные и также растения, когда они не мертвы, и которым не обладают предметы и вещества.

2. You can apply to life concerning the things that are [alive](#). – Можно использовать слово «жизнь» для обозначения вещей или группы вещей, которые являются живыми [Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary].

Согласно словарю Macmillan Dictionary лексема «life» имеет 7 дефиниций:

1. The time from birth of someone till his death – Период времени от рождения человека до его смерти;

2. Your way of living and your experiences – особый образ жизни и опыт, который вы имеете;

3. The special state of being alive – состояние, когда вы живы;

4. Living things: plants and animals – живые существа, такие как растения и животные;

5. The time when something exists or continues – период времени, в течение которого что-то существует или продолжается;

6. The amount of activity or excitement in a place – количество активности или волнения в каком-либо месте;

7. In a game, one of a number of times that you can lose but still continue to play – в игре один из нескольких случаев, когда вы можете проиграть, но продолжаете играть [Macmillan English Dictionary for advanced learners 2007].

Анализ словарей позволил выявить, что лексема «life» в английском языке обозначает: *state of living, being alive, period of time (from birth to death), activity, game (number of lives)*.

Эти значения практически полностью соответствуют этимологическим данным, однако также, как и в русском языке можно наблюдать расширение значения лексемы «life» в ходе употребления.

В научном труде А.Т. Исмаилова «Дош» лексема «дахар» определена как:

Дахар – жизнь, житье, поход, поездка, добывание на свое пропитание [Исмаилов 2005: 81].

В чеченско-русском словаре А.Г. Мадиева дано следующее определение лексеме «дахар»:

Дахар масд. от даха. Даха – [деха, дехира, дахна] в разных значениях жить;

Иза Ленинградехь еха - она живёт в Ленинграде; котам а хилла вежачул, н!аьна а хилла велча тоьлу посл. чем жить курицей, лучше умереть петухом [Мадиев 1961: 127].

В русско-чеченском словаре А.Т. Карасаева и А.Г. Мадиева лексема «дахар» имеет дефиницию:

Жизнь 1) дахар, возникновение жизни на Земле: Лаьтта т!ехь дахар кхолладар; общественная жизнь – юккхаларийн дахар; образ жизни – вахаран кеп, хозяйственная жизнь страны – мехкан бахамаллин дахар.

2) (физиологическое состояние) са; лишитъ жизни – са даккха (вен); положить жизнь за что-л. - цхьаннан духьа шен са д!адала.

3) (продолжительность существования) оьмар;

в моей жизни – сан оьмарехь;

никогда в жизни – дуьненах цкъа а;

вопрос жизни и смерти – валар-висарх доьзна г!уллакх;

при жизни – дийна волуш;

случай из жизни – дахарехь хилларг;

между жизнью и смертью (о больном) – вела а, дийна а воцуш;

по гроб жизни – вела д!аваллалц;

бороться на смерть – я вала, я виса кыйсам латто [Карасаев, Мадиев 1978: 154-155; Мадиев 1961: 121].

Анализ словарей чеченского языка позволил выявить, что лексема «дахар» в чеченском языке обозначает жизнь в различных ее значениях. Эти значения соответствуют этимологическим данным лексемы.

Анализ ядерных сем слов «жизнь», «life» и «дахар» позволяет сделать вывод, что семантическое ядро концептов «LIFE / ЖИЗНЬ / ДАХАР» практически идентично в трех языках и включает следующие дефиниционные семы:

1. Продолжительность существования;

2. Физиологическое существование;

3. Деятельность (активная, позитивная);

4. Действительность, реальность.

Согласно проведенному анализу, можно также сделать вывод, что есть некоторые отличия в рассматриваемых языках.

В русском языке слово «жизнь» используется в большой мере для того, чтобы подчеркнуть процесс жизнедеятельности со всеми вытекающими процессами: радостями, горестями, наживанием имущества.

В чеченском языке слово «дахар» обозначает больше процесс безбедной, зажиточной, достойной настоящего чеченца жизни.

В английском же языке слово «life» используется в отношении состояния человека, в его ощущении себя живым, в возможности быть активным, что также отражено и в значении дополнительных жизней в игре.

Исходя из данных проведенного лексического и этимологического анализов, можно подвести итог, что анализируемый нами концепт отражен в языковой картине мира рассматриваемых этносов, при этом он является их базовой лексемой и может описать жизнедеятельность человека.

В данной статье мы постараемся показать специфику вербализации концепта на материале фразеологических единиц.

В английском языке есть фразеологизмы, которые часто рассказывают о жизни с позиции её достатка и социального уровня:

1) live (или be) in clover жить в роскоши, припеваючи, процветать; & кататься как сыр в масле:

The firm was at once as busy as a bee-hive on "easy street", again, as the expression went, "in clover". – Дела пошли прекрасно, издательство процветало, и работа кипела как в улье [Кунин 1984: 156].

2) the life of Riley (жаргонное выражение) – лёгкая жизнь, обеспеченная всем, жить припеваючи:

Since he has got that promotion, he led the life of Riley. – С тех пор как он получил повышение, он живет припеваючи [Кунин 1984: 454].

3) life is not a bed of roses – в жизни бывают не одни только радости:

A parochial life is not only a bed of roses, Mrs Mann. – В приходском приюте вовсе не райское житье, миссис Мэн [Кунин 1984: 454].

4) life is a bed of down – райская жизнь:

It was like a bed of down. Jennie was too worshipful. – Очень сладко ему жилось. Очень уж боготворила его Джени [Кунин 1984: 73].

5) life is a bed of thorns – тернистый путь; не жизнь, а мука:

Fleur had a natural sense of rhythm which caused her discomfort during those long and «interesting» passages which evidenced, as it were, the composer's rise and fall from his bed of thorns. – ...Флер обладала врожденным чувством ритма, и ей было очень не по себе во время этих бесконечных «занятных» пассажей, явно изобличавших все перипетии тернистого пути композитора [Кунин 1984: 73].

6) keep one's body and soul together – жить впроголодь, поддерживать существование с большим трудом, перебиваться кое-как, сводить концы с концами с трудом:

Trench. ...your fortune has been made out of a parcel of unfortunate creatures that have hardly enough to keep body and soul together. – Тренч. ...вы нажили

состояние тем, что вымогали последние гроши у несчастных бедняков, живущих перебиваясь кое-как [Кунин 1984: 95].

7) a dog's life – сложная жизнь, собачья жизнь:

This was a dog's life, he thought. It was a tough thing to have to come to. – Собачья жизнь, – размышлял он, – печально, когда приходишь до этого [Кунин 1984: 452].

8) live from hand to mouth – полуголодное существование:

Most of the young men and women had moved away. But the children and older people remained, moving, it seemed to me, like ghosts, wresting a hand-to-mouth existence from the sea ... – Молодежь почти вся разошлась. Остались лишь дети да старики, которые двигались, как мне казалось, как призраки, стараясь отвоевать у моря ... возможность не умереть с голоду [Кунин 1984: 352].

Следующим значением, описываемым лексемой «life», является скоротечность жизненного пути:

1) art is long, life is short – жизнь слишком коротка, а искусство вечно:

Sometimes I injure my health, rather more than I can quite justify to myself, by doing so: but art is long and time is short. – Иногда я этим непозволительно подрываю свое здоровье, сам это знаю: но жизнь коротка, ну а мое искусство будет вечным [Кунин 1984: 50].

2) life is but a span – жизнь так коротка:

My Life, thou know'st, is but a Span. – Моя жизнь, как ты знаешь, всего лишь пролет [Кунин 1984: 454].

3) a bad life – хилый, болезненный человек, которому написано на роду прожить короткий век:

Elizabeth all her days was reckoned a «bad life». – Про Элизабет всегда говорили, что она не жилец на этом свете [Кунин 1984: 452].

Однако жизнь может быть мерой и употребляется в значении «большой, громадный»:

1) large (big) as life – в полную величину, настоящий, истинный; приметный, броский:

This statue was as large as life, too graceful. – Эта статуя была в свою натуральную величину, очень грациозная [Кунин 1984: 453].

2) larger (bigger) than life или life-sized – преувеличенный; противоестественный, наигранный; легендарный:

His mind ... saw the whole thing a little larger than life-size. – Его ум ... видел все чуть-чуть в преувеличенном виде [Кунин 1984: 453].

В английском языке немало фразеологизмов, имеющих значение «рисковать своей жизнью» или вести опасный, рискованный образ жизни:

1) risk one's life – рисковать своей жизнью, рисковать головой:

He had got into the habit of risking his life, and his tendency to run into unnecessary peril seemed to her a form of intemperance which should be quietly but steadily resisted. – Рисковать жизнью стало для Овода привычкой, это было нечто похожее на страсть алкоголика к вину, и Джемма считала необходимым твердо противодействовать ему во всех таких случаях [Кунин 1984: 636].

2) to escape with life and limb спасти свою жизнь; уйти подобру-поздорову:

They escaped with life and limb. – Они остались целы и невредимы [Кунин 1984: 454].

3) carry one's life in one's hands – сильно рисковать жизнью, пуститься в отчаянное предприятие:

...every man knew that he carried his life in his hands, prospecting in the back country these days. – ...всем было известно, что он пустился в отчаянное предприятие, отправившись в эту пору искать золото в отдаленный район страны [Кунин 1984: 452].

Жизнь для англичан – это некая вещь, которой при желании можно просто распоряжаться, как хочется:

1) take smb's life – лишить жизни, убить кого-либо, забрать жизнь:

Next to murder, the worst offence a slave could commit was to run away... To steal a Negro was felony. To take his life while punishing him was not. – Самым тяжким преступлением раба (если не считать убийства) был побег. Кража негра была уголовным преступлением. Убийство же негра во время наказания преступлением не считалось [Кунин 1984: 455].

2) take one's life – покончить жизнь самоубийством, наложить на себя руки:

One thing is clear – had the Nazis seized upon the promise of the split atom, then they would never have bent Dr. Hahn to their will for he would have taken his life first. – Однако совершенно ясно одно, если бы нацисты ухватились за идею использования атомной энергии, они никогда не заставили бы доктора Гана выполнять их приказы – он скорее покончил бы жизнь самоубийством [Кунин 1984: 455].

3) lose one's life – погибнуть, потерять жизнь:

They did not gather again till the night on which Robert Forestier lost his life. – Фред снова встретился с Робертом Форестье как раз в тот вечер, когда Роберт погиб [Кунин 1984: 454].

4) give one's life – отдать свою жизнь, пожертвовать жизнью:

Many gave their lives in the gallant effort to wipe out fascism, with its hideous racism and human slavery. – Многие отдали жизнь в героической борьбе с фашизмом, несущим рабство, проповедующим самый разнузданный расизм [Кунин 1984: 453].

Фразеологизмы английского языка с этим концептом, нередко встречаются в значении подпортить кому-либо жизнь:

1) guy the life out of smb – отравить существование кому-либо постоянными шутками:

I am so glad that Harry Lacy and John Drew are not here now. They would «guy» the life out of us. – Я так рада, что Харри Лейси и Джона Дрю нет здесь сейчас. Нам просто не было бы никакого спасения от их постоянных шуточек.

2) make smb's life a hell – обратить жизнь в кромешный ад:

It's like he's taken an oath to make my life hell. – Похоже, он поклялся превратить мою жизнь в ад [Кунин 1984: 454].

В английском языке есть такие фразеологизмы, которые призывают человека полностью принять все жизненные неурядицы и смириться с ними:

1) it's a great life if you not weaken – жизнь слишком хороша, если ты не будешь падать духом:

Sidney it's a great life if you don't weaken, but most of us weaken. – Эх, Сидни, знаешь, как говорится, для того жизнь прекрасна, кто не падает духом. Но только таких-то совсем мало.

2) *life's like that* – уж такова эта жизнь, ничего не сделаешь:

There goes my thousand quid. Oh, well, that's life. – Ухнули мои денежки. Тысяча фунтов. Ничего не поделаешь – такова жизнь.

3) *a fact of life* – это чья-то часть жизни:

Precision was a fact of life for her. – Актерство было для нее поистине смыслом жизни [Кунин 1984: 454].

В английском языке можно встретить такие фразеологизмы, которые обозначают собой старость и то, что человек дожил до этой старости:

1) *evening of life* – вечер жизни или закат жизни:

For instance, old age is to life as evening is to day, so we can speak metaphorically about the «old age of the day» or the «evening of life». – «Старость так [относится] к жизни, как вечер к дню, поэтому можно назвать вечер «старостью дня»... а старость – «вечером жизни».

2) *there is a life in the old dog yet* – старая собака все еще жива, есть еще порох в пороховницах:

Alfred. Are you going to play tennis. I'll just nip over the garden wall and change. I don't mind showing you young things that there's life in the old dog yet. – Альфред. Вы собираетесь играть в теннис? Я тогда махну через ограду и переоденусь. Надо же показать молодежи, что есть еще порох в пороховницах у нас [Кунин 1984: 455].

Немало фразеологизмов в английском языке, в которых жизнь используют для клятвы или спора, ставят её на кон:

1) *not on your life* – ни в коем случае, и думать не смейте, никоим образом, ничего подобного, ни за что:

I'm not going to put up with any hanky-panky, not on your life. – Я не допущу никаких фокусов, и думать не смейте.

2) *stake/pawn one's life* – поручиться жизнью, давать свою голову на отсечение:

I will pawn my life for her, she will not at all be pert to your honor... – Клянусь своей жизнью, она никогда больше не будет грубить Вам ваша честь.

3) *to save one's life* – даже ради спасения жизни, даже если бы моя жизнь от этого зависела:

Gerald ...I was fearfully idle when I was at school, and I couldn't pass an examination now to save my life. – Джеральд ... В школе я отчаянно ленился и теперь не выдержал бы экзамена даже ради спасения собственной жизни.

4) *upon my life!* – клянусь своей жизнью, честное слово!, ей-богу!:

Upon my life I thought he was going to faint. – Честное слово, я думал, что Дик упадет в обморок.

5) *for one's life* – никак, ни за что (на свете), хоть убей, убей меня бог:

Walter, for his life, would have hardly called her by her name. – Вальтер ни за что не называл бы ее по имени [Кунин 1984: 454-455].

Фразеологизмы, рассмотренные в русском языке, обрисовывают жизнь, как постоянное движение:

1) жизнь идет:

У нас жизнь сама идёт как заведённая машина, и писать особо нечего, собственно говоря.

2) жизнь проходит:

Учишь жить, а самой жить некогда. Как белка в колесе. И жизнь проходит. Вот уже три года как белка в колесе, без надежды выбраться.

3) жизнь входит в колею (ру́сло); входит в свои берега, возвращаться к прежнему образу жизни:

После войны жизнь постепенно входила в мирную колею (в свои берега).

4) маячить жизнь (просторечье, неодобр.) – жить безрадостно, однообразно и скучно:

В такую-то среду людей, скучно маячивших жизнь изо дня в день, незаметно вторгалось большое, совершенно незнакомое ему дело [Федоров, 2008].

Часто во фразеологизмах упоминается именно долгая жизнь, фразы, указывающие на долголетие. Также в сознании русского народа жизнь часто соотносится с образом горы, или склона. Проживая жизнь, человек спускается или преодолевает гору. Например:

1) на склоне жизни – в глубокой старости:

На склоне жизни этот старик увлекся написанием своих мемуаров.

2) с высоты прожитых лет:

На пути этом были немалые победы и неизбежные поражения, но сейчас, с высоты прожитых лет, могу сказать, что хотя бы в какой-то степени цель моей жизни достигнута.

3) заживать чужой век – жить очень долго, до глубокой старости, переживая других:

Чужой век заживаешь... На том свете тебя давно с фонарём ищут.

4) на покон жизни – до самой смерти, до конца жизни человека:

– Жить бы сынку твоему на белом свете подольше, смолоду отца с матерью радовать, на покон жизни поить-кормить, а помрёт когда – поминки творить! [Федоров 2008: 495].

В русских фразеологизмах процесс жизнь и рождение, а иногда и смерти часто определяется словом «свет»:

1) появиться на свет – родиться, возникнуть, произвести на этот свет – дать жизнь:

У каждого ребёнка должна быть по природе вещей всегда одна мать – именно та, которая его сама выносила и потом произвела его на свет.

2) пребывать (поживать) на белом свете – жить:

Без году неделю всего на свете живет, еще молоко на его губах не обсохло, еще недоросль!

3) вывозить в свет – выводить в светское общество, вывозить на балы, вечера, приёмы:

Меня вывезли в свет зимою 1811 года. Легко можно себе вообразить, что должна была чувствовать шестнадцатилетняя девушка, променяв антресоли и учителей на непрерывные балы.

4) оставить свет, покидать свет – оставить жизнь:

Так с тихим вздохом, взором ясным Она оставила сей свет.

5) отправить на тот свет – убивать, лишать жизни:

Когда через несколько месяцев после маленькая царевна умерла, в народе пошли такие толки, что Борис сам отправил её на тот свет [Федоров 2008: 449].

Также восприятие того, что наша жизнь – это некий свет, используется и в значении проживать тоскливую жизнь:

1) беспросветная жизнь:

Он подпер тяжелую голову кулаком и стал думать о своей бедности, о тяжелой беспросветной жизни, потом о богачах, об их больших домах, каретах, о сотенных бумажках...¹

Жизнь в русскоязычных фразеологизмах очень часто воспринимается как некий дар или подарок:

1) жизнь подарить – оставить кого-либо в живых, помиловать:

Испанцы взяли его в плен и приговорили к смерти, но затем, по прихоти чьего-то милосердия, он был помилован. Ему подарили жизнь.

2) дать (отдать) жизнь:

Вы мне дали жизнь – возьмите, возьмите её назад, если можете².

В русском языке есть фразеологизмы, которые описывают образ жизни человека, его привычки:

1) сидячая жизнь:

От сидячей жизни, должно быть, он и стал таким непоседой, пяти минут не держится на стуле³.

2) светская жизнь:

Раиса Павловна пустила в ход все свои знания светской жизни, чтобы сделать незаметным то расстояние, которое разделяло Лушу от подержанного молодого магната⁴.

Часто жизнь в русских фразеологизмах является неким пассивным компонентом и над ней могут совершаться различные действия. Человек при этом проявляет активность, посредством которой как бы воздействует на себя, свое окружение и реальность:

1) вступить в жизнь:

Я догадываюсь, что он вступал в жизнь с большими и, вероятно, не совсем обычными для того времени ожиданиями⁵.

2) возвращать к жизни:

Анна кинулась помогать старику, который, видимо, не терял еще надежды вернуть свою дочь к жизни.

3) входить в жизнь:

¹ Электронный ресурс. Режим доступа - <https://kartaslov.ru/цитаты-из-русской-классики/со-словом/жизнь> . Дата обращения: 14.05.2025 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

С его времени литература вошла в жизнь общества, стала необходимой принадлежностью образованного класса¹.

4) строить жизнь:

Мы – простые, рабочие люди, синьор, у нас – своя жизнь, свои понятия и мнения, мы имеем право строить жизнь, как хотим и как лучше для нас².

5) воплощать в жизнь, претворять в жизнь:

У мамы был большой запас энергии и жизненных сил. И любую мечту она тотчас же старалась претворять в жизнь. Папа же любил просто пометать и пофантазировать, не думая непременно о претворении мечты в жизнь³.

6) наслаждаться жизнью:

По лицу его видно было, что он наслаждался жизнью, был счастлив и доволен своей судьбой [https://kartaslov.ru/цитаты-из-русской-классики/со-словом/жизнь].

7) загубить жизнь:

Если бы я встретила его, задушила бы, вот так, пальцами своими задушила бы! Жизнь он мою загубил, негодяй! Двадцать пять лет мне, а я уж старухой стала [Федоров 2008: 237].

8) играть жизнью:

Вы не дорожили ничем – даже приличиями, были небрежны в мыслях, неосторожны в разговорах, играли жизнью... хвастались удачей [kartaslov.ru].

Более того, жизнь часто может занимать очень активную позицию в различных фразеологизмах русского языка:

1) жизнь покажет:

«Будь что будет!» – повторял он про себя, когда они, молча, шли из лесу. – «Жизнь покажет, как нам быть с Серафимой»⁴.

2) жизнь научит:

Горький опыт жизни научил понимать многое, что было недоступно раньше⁵.

Жизнь также может восприниматься как вещь, которой распоряжаются, ее можно оценить:

1) отнять жизнь:

Мелькают в его памяти незабвенные дни ожидания этого самого существа, спящего сном невинности в колыбели, которому суждено было своею жизнью отнять жизнь матери⁶.

2) положить, класть свои жизни – гибнуть, погибать за какое-либо дело:

Мы на полях сражений жизни клали. Чтоб ты счастливой, Родина, была! Чтоб дети наши свиста пуль не знали.... [Федоров 2008: 295].

3) цена жизни:

¹ Электронный ресурс. Режим доступа - <https://kartaslov.ru/цитаты-из-русской-классики/со-словом/жизнь> . Дата обращения: 14.05.2025 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

– Господа! Ростовцев у меня! – сказал он. – Под моим покровительством, и я надеюсь, что вы не заставите меня защищать его ценою жизни...¹

4) ставить жизнь на кон:

Если люди начинают ставить на кон свои жизни, то они должны слепо верить своему начальству. Он для них всё – он и учитель, и их друг [Федоров 2008: 652].

В русском языке имеется большое количество фразеологизмов, которые описывают успешную жизнь человека, жизнь в достатке и радости без забот:

1) жизнь бьет ключом:

– Даже в наших далеких захолустьях как-то сильно чувствовалось, что скоро здесь жизнь забьёт ключом прямо отовсюду [Федоров 2008: 98].

2) праздник жизни:

Будем надеяться, что на своем празднике жизни Наташа не забудет тех, кому суждены будни, полные лишений, борьбы и труда.

3) не житьё, а масленица (рай) – очень хорошая, вольготная жизнь:

Не житьё им, а масленица! [Федоров 2008: 231].

4) жизнь как у Христа (Бога) за пазухой:

– ...Он будет тут жить, как у Христа за пазухой, и мое сердце будет спокойно, что не избалуется².

5) жить на широкую ногу:

Он жил на очень широкую ногу, понемногу увеличил и красиво отделал дедовские хоромы, выписывал каждый день из Москвы тысяч на пятнадцать вина и всегда пользовался величайшим уважением среди людей [kartaslov.ru].

В русском языке есть такие выражения, которые повествуют о тяготах человеческой жизни и о его тяжелой судьбе:

1) собачья жизнь:

...– Я бы теперь, кажется, пешком готов был уйти, ежели бы пустили, в Петербург. Опостыла, ей Богу, эта собачья жизнь!³.

2) спартанская жизнь:

Одевался он очень бедно, хоть любил изящество, и во всем остальном вел спартанский образ жизни; например, не допускал тюфяка и спал на войлоке...⁴

3) копить небо (или свет) – вести праздную жизнь; выражение происходит от пословицы «Без дела сидеть, только небо копить»:

Ты ленивец, только даром хлеб наш есть да небо коптишь [Федоров 2008: 312].

4) жизнь не сахар:

– Не сахар выпало житьё. Покуда учился, и обувку, и одежонку шиказную не знал, случалось, ел вполсыта. Худо-бедно, а выучился ж таки на инженера! [Федоров 2008: 593-594].

Согласно нашей выборке из имеющихся фразеологических словарей чеченского языка, фразеологические единицы с лексемой «дахар» в этом языке

¹ Электронный ресурс. Режим доступа - <https://kartaslov.ru/цитаты-из-русской-классики/со-словом/жизнь> . Дата обращения: 14.05.2025 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

встречаются крайне редко, в этом значении используется лексемы «дуюне, вахар, хан-зама, 1ан, мур, са». Исходя из собранного материала, можно поставить при- близительный знак равенства между этими лексемами, где лексемы «дуюне» и «вахар» являются основными вербализаторами концепта «ДАХАР».

Согласно выборке, жизнь в чеченском фразеологическом фонде можно обо- значить как вещь, которой можно:

1) наслаждаться:

Дуюне даа – Наслаждаться жизнью. Жизнь, жить. Употребляется, когда го- ворящий хочет подчеркнуть некоторые приятные, прекрасные стороны жизни:

«Хьол т1аьхьа дууш долу дуюне ца оьшу суна», – аьлла, к1ант говра т1ера чукхоссавала воьлча, – «Хьуна сайх мел къахета хьажа йоллур со 1ад1елахь», – аьлла цуьнга говро, адамийх йист а хила [Байсултанов 1992: 111].

«Я не буду жить (наслаждаться жизнью)» – сказал он, собираясь слезать с коня. – «Я хотел узнать, насколько ты меня жалеешь» – сказал конь человече- ским языком (перевод здесь и далее автора).

Кхана стерчий а эзна, лама дуюйна д1а готанахь хила деза хьуна вайшин- нан. Х1инца-м х1ун хала дара х1ара дуюне даан а, нахе корта ца беттан а! [Бай- султанов 1992: 112]. –

Завтра купим быков, и с послезавтра нам придется туда пойти. Теперь то, совсем не сложно жить (наслаждаться), не прося у людей.

2) играть с ней:

Дуюне ловзо – Праздно проводить время, бездельничать:

Шаьш балхахь куьг а ца тухуш, мерза дууш, хаза духуш, х1ара дуюне ловзош лела – Сами ничего не делают на работе, вкусно едят, красиво одеваются, праздно живут.

3) искать:

Дуюне лаха – Жить, искать хорошее положение в жизни:

Цкъа а лийр воцуш сана лаха деза дуюне, – элира цо. – Живи так, как будто никогда не умрешь, – сказал он.

4) показывать:

Дуюне гайта – Показать прелести жизни, удовлетворить любопытство:

Султан. Сихха соьга йола хьо.

Хадижа. Еьча дуюне гайта воллий хьо?

Султан. Волу. Комсомолец ву со.

Султан. Выходи за меня.

Хадижа. Если выйду, хочешь мне жизнь лучшую показать?

Султан. Да, собираюсь. Я же комсомолец [Байсултанов 1992: 111-113].

Зачастую фразеологизмы с компонентом жизни высмеивают лень, празд- ную жизнь, где жизненный процесс выражается лексемой «1ан». Например,

1. Аг1орваьлла 1ан // наной вала // тахваьлла 1ан – совсем ничего не делать, беззаботно жить;

2. Ког хецца 1а – жить богато, роскошно, не стесняясь в средствах, свободно, независимо;

3. Ден вахар делла (дала) – «отцовскую жизнь отдать (отдавши)» - не счита- ясь ни с какими усилиями, затратами, жертвами, какими-угодно средствами,

способами (достигать, добиваться чего-либо, спасать, помочь, преобразовать, защищать и т.п. [Байсултанов 1992: 11, 88, 142; Ибрагимов 2010].

Во фразеологическом фонде чеченского языка также есть такие выражения, которые повествуют о тяготах человеческой жизни и о тяжелой судьбе человека:

1. Г1ийла дуьне даа/дуьне даа – тяжело проживать жизнь:

Да кхелхира х1ара пхийттара волуш. Иштта г1ийла дуьне дууш къанвеллера [Байсултанов 1992: 64]. – Отца не стало, когда ему не было шестнадцати лет. Так и прожил он до старости тяжелую (тягостную) жизнь

2. Дуьне къахьда – доставить кому-либо неприятность, вызвать в ком-либо отвращение к чему-либо:

Оьзда воцчу стагана эхь ца хетта мел оьзда доцург дийца а, лело а, ша сана оьзда воцург шена накъосталлина кхайкха а. Ткъа цара дуьне къахьдина лелочу оьздачу, хъаналчу стагана эхь хетта, оцу йовсарна дуьхьал кыйсамехь ша сана оьздачу хъоналчу нахе г1о деха [Байсултанов 1992: 113]. – Бессовестному человеку не стыдно говорить неподобающие вещи, вести себе развязно, брать себе в друзья таких же беспринципных людей. Однако, порядочным людям, которым они доставляют неприятности (отравляют жизнь), стыдно обращаться за помощью к таким как они сами, порядочным людям.

3. Дуьне к1ордо – испытывать чувство пессимизма, нежелания жить:

Г1аьххьарчу хенахь нана а елла, дуьне к1ордина массо а х1уманах дог а даьлла лелара Сижан [Байсултанов 1992: 113]. – В последнее время после смерти матери, Сижан была потеряна, не было желания жить.

4. Дуьне муха ду (ца хаййта, ца хаьа) – какими-либо действиями/иногда поручениями не давать кому-либо покоя, отдыха, нормальной жизни:

Хьо малар муьйлуш, кху ц1енна т1е ца воьрзуш лелаиш, дуьне муха ду ца хаййти ахь сунна [Байсултанов 1992: 113]. – Выпивая, не интересуясь домом, гуляя, ты не дал мне прожить нормальную жизнь.

Кху бераша сагатдеиш дуьне муха ду ца хаьаиш ма ю со [Байсултанов 1992: 114]. – Переживая за детей, нет мне покоя в жизни.

5. Хене вала – выжить, выйти из трудного бедственного положения:

Эцца нохчаина ... саг1ина лун х1ума сана хене валал [Байсултанов 1992: 245]. – Для этих чеченцев ... как милостыню, чтобы просто выжить.

6. Мур бахьа – хан-зама такха; цхьа хан такха – прожить жизнь;

7. Са даккха а, дола а ца вита; готта хьовзо – усложнять жизнь;

8. Дуьне къахьдан – гаттеволла, 1азап далло; эхарт марздан – испортить жизнь;

9. Дуург дуьне дац – дуьне дууш ца воллу – проживать тяжелую жизнь;

10. Г1ийла /дуьне дууш/ шен сискал юуш – кхолламца ца къуьйсус, хала воллуш; пекъар, миска – влачить бедную жизнь [Байсултанов 1992: 112-113; Ибрагимов 2010].

Жизнь в чеченском языке часто понимается как некая вещь, которой можно просто пожертвовать для спасения другого человека или для хорошего дела:

1. Дуьненах дог дилла – Южаллина къера хила – распрощаться с жизнью, разочароваться в жизни;

2. Дахар д1адала; дахар цхъан меттана д1адалла – пожертвовать собой ради кого-либо или чего-либо; отдать жизнь за кого-либо:

Хийла майрачу к1анта шеен дахар д1аделла, таханлерчу маишарен дахарна дуьхьал – Сколько храбрых парней отдали жизнь за наш мир сегодня [Байсултанов 1992: 78; Ибрагимов 2010].

В чеченском языке есть большое количество фразеологизмов, которые представляют благополучную жизнь, в достатке и весело, без особых забот:

1. Дуьне атта дууш – дахар нисделла; ирс долуш – проживающий праздную (счастливую, беззаботную) жизнь:

Шен атта дуьне дууш ву-кх. – Живет беззаботной жизнью.

2. Вахарна вукъвелла – Кто-то очень богато живет:

Ткъа ша цу мисканийн хьокъехь ц1еноиш дира, верстина, вахарна вукъвелира. – Там посредством бедняков построил дом, растолстел, начал богато жить.

3. Ваха хаа – наладить жизнь, организовать благоприятные условия, найти место, обосноваться;

4. Ваха хао – наладить чью – то жизнь, организовать кому-либо хорошие условия в жизни:

Шина тоьпо со ваха хаор ву, къола а кочара ер ю сунна. – Два ружья не наладят мою жизнь, да и бедность отступит.

5. Дала дела – жить в достатке, и роскоши, быть в достатке, в роскоши:

Уггар пайдехьчу мехаца и хъан веишн йо1 маре йохуьйтуш ву-кх со! Х1инца дала а дела вехар ву хьо! – Дочери твоего брата я устраиваю очень хороший брак! Будешь теперь жить в достатке! [Байсултанов 1992: 73; Ибрагимов 2010].

В чеченских фразеологизмах жизнь и смерть часто дополняют друг друга, подчеркивая ее неизбежность.

Например,

1. Дуьненара д1аваллалц – до конца жизни:

Хьокхучу шийлачу мохехь Байкалан ша т1ехула шена хьалха вьодучу протопоп Аввакуме зудчо х1ара хьал мел хан яллалц лан деза вайша, – аьлла хьаттича Аввакума жоп деллира: – Вайна дуьненера д1адаллалц –

На холодном ветру, идущая по льду Байкала жсена протопопа Аввакума спросила у него, сколько еще им это терпеть – он ответил: – До конца жизни.

2. Бакъ дуьне ваха – умирать:

Ц1а а харцдерг дуьйцуш вацара Г1айтарби. Ша бакъ дуьнена вахана ву- кх иза. И валлалц вай массо вехийла. – Гайтарби никогда не врал. Его нет в живых сейчас. Чтобы мы прожили до тех пор, пока он не вернется (с того света).

3. Вахана ваьлла – наступает конец чему-либо (о жизни, о карьере):

Цуьнан метан Абузар вахийтина, ткъа важа – Ахьмад – вахана велира – Вместо него послали Абузара, а другой Ахмед, его уже нет в живых (жизнь закончена).

4. Дуьненах дог дилла – Южаллина къера хила – распрощаться с жизнью, разочароваться в жизни;

5. Дуьне диьна ваьлла – вала дукха хан ца йисна; ч1ог1а къанвелла, к1елвисна – прожил жизнь [Байсултанов 1992: 115; Ибрагимов 2010].

Сюда же можно отнести следующие чеченские пословицы, которые отражены во фразеологическом словаре:

Нехан махкахъ вехачул, шен махкахъ валар тоьлу. – *Лучше смерть на Родине, чем привольная жизнь на чужбине.*

Тахана лийр волуш санна нехан гIуллакх де, цкъа а лийр воцуш санна дуьне даа. – *Делай людские дела, будто сегодня умрешь, наслаждайся жизнью, будто ты вечен* [Байсултанов 1992: 115-118].

Довольно часто лексема «дуьне» встречается в клятвенных восклицаниях:

1. Ни за что в жизни. Ни при каких обстоятельствах:

вай дуьненах а (стиглахъ);

дуьненахъ а, эхартахъ а;

дуьненах /хьонка нIаьна хиларх/ сийна цIе ялахъ а

дуьне IункархIоттахъ а, тIекIелдалахъ а:

Ча яц и-и? – элира ша шега йоIа. Юха кIегарьелира йоI. Дуьненахъ а чуян ца тигира «ча». – *Это что медведь? – про себя воскликнула девушка. И отступила. Ни за что не захотел зайти в дом этот «медведь».*

2. Ну, ты даёшь, вот ты хулиган (в хорошем смысле):

Вех ма вах хьо – Ну, ты даешь (Чтоб ты не жил) [Байсултанов 1992: 47, 116, 118; Ибрагимов 2010].

Заключение

В английском языке жизнь может рассматриваться с точки зрения её финансового благополучия, хорошего материального достатка, так же часто подчеркивается её неминуемая скоротечность. Жизнь воспринимается англичанами как некое средство измерения, при этом указывая именно на большой размер явления или предмета, на его значимость.

Во фразеологизмах английского языка довольно часто повествуется о ведении крайне беспокойного, очень рискованного образа жизни, есть фразеологизмы, которые используются в значении испортить кому-либо жизнь. Его жизнь – это самый дорогой для человека дар, что можно наблюдать по использованию ее в клятвах, чтобы убедить собеседника, что ты прав. Более того, рассматриваемый нами концепт может часто употребляться в таком значении как «дожить до глубокой старости».

Анализируемый концепт в русскоязычных фразеологизмах довольно часто отображается в образе высокой горы или высокого склона, который человек потихоньку преодолевает. Жизнь представлена светом или активным движением. Русский народ воспринимает жизнь как некую игру или вещь. Она может быть ценным подарком, жизнь может быть мерилom уровня и достатка.

В чеченском языке у жизни сложное значение, которое не отображено напрямую одной лексемой, что говорит о широте данного концепта в этом языке. Жизнь – это сложный образ, который может быть вербализован как тягостный или наоборот легкий, беззаботный. Жизнь воспринимается как вещь, которой можно жертвовать и которой можно клясться, где идет отсылка к самому сокровенному, что есть у человека. Жизнь в чеченском языке идет рядом со смертью, старостью, в таких фразеологизмах всегда подчеркнут факт неизбежной смерти.

В ходе исследования стало ясно, что во всех трех анализируемых языках значение этого концепта несколько схоже. В английском, русском и чеченском языках жизнь в основном интерпретируется с точки зрения её финансового достатка или материального положения.

В русском и английском языках в ходе анализа, было выявлено больше всего совпадений. Сразу в двух этих языках жизнь рассматривается как рискованный образ жизни, игра судьбой, подвергания ее опасности. Для чеченского языка рисковать жизнью неприемлемо, если на то нет веской причины, однако если это необходимо для спасения, то решение незамедлительно.

В английском, русском и чеченском языках над жизнью проводят какие-то действия, и она воспринимается как некая вещь. Более того этот концепт отражает и старение, и достижение преклонного возраста человеком.

Различия в отображении данного концепта в трех языках, связано с менталитетом каждого из народов, где, к примеру, пренебрежительное отношение к жизни, можно наблюдать в русской культуре, что никак не свойственно для чеченской культуры, даже если речь идет о прожигании жизни впустую.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Collins – Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary> (Дата обращения: 12.05.2025).

Macmillan English Dictionary for advanced learners 2007 – Macmillan Publishers Limited, 2007. – 1748 p.

Online Etymology Dictionary – Online Etymology Dictionary // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.etymonline.com/> (Дата обращения: 12.05.2025).

Oxford Advanced Learner's Dictionary – Oxford Advanced Learner's Dictionary. // Электронный ресурс. Режим доступа: OxfordLearnersDictionaries.com (Дата обращения: 10.05.2025).

The Oxford Dictionary of English Etymology 1966 – The Oxford Dictionary of English Etymology. – Oxford: Clarendon Press, 1966. – 1048 p.

Байсултанов 1992 – Байсултанов Д. Чеченско-русский фразеологический словарь. – Грозный: изд-во «Книга», 1992 – 320 с.

Вагапов 2019 – Вагапов А.Д. Этимологический словарь чеченского языка. – Грозный; Махачкала: Алеф, 2019. – 298 с.

Даль 2004 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В.И. Даль. – Москва: Олма-Пресс: Крас. пролетарий, 2004. – 700 с.

Ефремова 2000 – Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. – Москва: Рус. язык, 2000. – 1084 с.

Ибрагимов – Ибрагимов Л. Толкование чеченских фразеологизмов, 2010 // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://proza.ru/2010/10/31/432> (Дата обращения: 28.05.2024).

Исмаилов 2005 – Исмаилов А. Слово (Размышления о чеченском языке). – Элиста: АПП «Джангар», 2005. – 928 с.

Карасаев 1978 – Карасаев А.Т. Русско-чеченский словарь: 40 тыс. слов. – Москва: Рус. язык, 1978. – 728 с.

Карасаев, Мациев 1978 – Карасаев А.Т., Мациев А.Г. Русско-чеченский словарь. – М.: Русский язык, 1978. – 728 с.

Карасик 2004 – Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

Карта слов и выражений русского языка – Карта слов и выражений русского языка // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://kartaslov.ru/цитаты-из-русской-классики/со-словом/жизнь> (Дата обращения: 01.05.2025).

Кунин 1984 – Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. 4-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1984. – 945 с.

Маслова 2007 – Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. 3-е изд., испр. – М.: Академия, 2007. – 208 с.

Ожегов 2015 – Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений: [новое издание]. – М.: Мир и образование, 2015. – 1375 с.

Осипова 2012 – Осипова О.Б. Когнитивно-концептуальный анализ репрезентации концепта LIFE во фразеологическом фонде английского языка // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – С. 93-96.

Телия 2015 – Телия В.Н. Русская фразеология: семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. – М.: Языки рус. культуры, 1996. – 288 с.

Ушаков 2005 – Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. – М.: «Альта-Принт», 2005. – 1239 с.

Фасмер 1996 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – СПб.: Терра-Азбука, 1996. – 3-е изд., стер. – 2940 с.

Федоров, 2008 – Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц / А.И. Федоров. – 3-е изд., испр. – Москва: АСТ: Астрель, 2008. – 878 с.

Черных 1999 – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка в 2-х томах. Том 1. – М.: Русский язык, 1999. – 623 с.

REFERENCES

Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary. In: Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary> (Дата обращения: 12.05.2025). (In Eng.).

Macmillan Publishers Limited, 2007. – 1748 p. (In Eng.).

Online Etymology Dictionary. In: Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.etymonline.com/> (Дата обращения: 12.05.2025). (In Eng.).

Oxford Advanced Learner's Dictionary. In: Электронный ресурс. Режим доступа: Oxford-LearnersDictionaries.com (Дата обращения: 10.05.2025). (In Eng.).

The Oxford Dictionary of English Etymology. – Oxford: Clarendon Press, 1966. – 1048 p. (In Eng.).

BAISULTANOV D. Chechensko-russkii frazeologicheskii slovar' [Chechen-Russian phraseological dictionary]. – Grozny: izd-vo «Kniga», 1992 – 320 p. (In Russ.).

VAGAPOV A.D. Etimologicheskii slovar' chechenskogo yazyka [Etymological dictionary of the Chechen language]. – Grozny; Makhachkala: Alef, 2019. – 298 p. (In Russ.).

DAL' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory dictionary of the Great Russian language]: izbr. st. / V.I. Dal'. – Moskva: Olma-Press: Kras. proletarii, 2004. – 700 p. (In Russ.).

EFREMOVA T.F. Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi [New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formation dictionary]. V 2 t. – Moskva: Rus. yazyk, 2000. – 1084 p. (In Russ.).

IBRAGIMOV L. Tolkovanie chechenskikh frazeologizmov, 2010 [Interpretation of Chechen phraseological units]. In: Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa: <https://proza.ru/2010/10/31/432> (Data obrashcheniya: 28.05.2024). (In Russ.).

ISMAILOV A. Slovo (Razmyshleniya o chechenskom yazyke) [Word (Reflections on the Chechen Language)]. – Elista: APP «Dzhangar», 2005. – 928 p. (In Russ.).

KARASAEV A.T. Russko-chechenskii slovar': 40 tys. Slova [Russian-Chechen Dictionary]. – Moskva: Rus. yazyk, 1978. – 728 p. (In Russ.).

KARASAEV A.T., MATSIEV A.G. Russko-chechenskii slovar' [Russian-Chechen Dictionary]. – M.: Russkii yazyk, 1978. – 728 p. (In Russ.).

KARASIK V.I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. – M.: Gnozis, 2004. – 390 p. (In Russ.).

Karta slov i vyrazhenii russkogo yazyka [Map of Words and Expressions in the Russian Language]. In: Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa: <https://kartaslov.ru/citaty-iz-russkoj-klassiki/slovom/zhizn> (Data obrashcheniya: 01.05.2025). (In Russ.).

Anglo-russkii frazeologicheskii slovar' [English-Russian Phraseological Dictionary] / A.V. Kurnin. 4-e izd., ispr. – M.: Russkij yazyk, 1984. – 945 p. (In Russ.).

MASLOVA V.A. Lingvokul'turologiya: ucheb. Posobie [Linguoculturology]. 3-e izd., ispr. – M.: Akademiya, 2007. – 208 p. (In Russ.).

OZHEGOV S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 100000 slov, terminov i vyrazhenii [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 100,000 Words, Terms, and Expressions]: [novoe izdanie]. – M.: Mir i obrazovanie, 2015. – 1375 p. (In Russ.).

OSIPOVA O.B. Kognitivno-kontseptual'nyi analiz reprezentatsii kontsepta LIFE vo frazeologicheskom fonde angliiskogo yazyka [Cognitive and Conceptual Analysis of the Representation of the Concept of LIFE in the Phraseological Fund of the English Language]. In: Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2012. – P. 93-96. (In Russ.).

TELIYA V.N. Russkaya frazeologiya: semanticheskie, pragmaticheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty [Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic, and Linguocultural Aspects]. – M.: Yazyki rus. kul'tury, 1996. – 288 p. (In Russ.).

USHAKOV D.N. Bol'shoi tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Large Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language]. – M.: «Al'ta-Print», 2005. – 1239 p. (In Russ.).

FASMER M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of the Russian Language]: V 4 t. / Per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva; pod red. i s predisl. B.A. Larina. – SPb.: Terra-Azbuka, 1996. – 3-e izd., ster. – 2940 p. (In Russ.).

FEDOROV A.I. Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka: okolo 13000 frazeologicheskikh edinits [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language: About 13,000 Phraseological Units] / A.I. Fedorov. – 3-e izd., ispr. – Moskva: AST: Astrel', 2008. – 878 p. (In Russ.).

CHERNYKH P.YA. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka v 2-kh tomakh [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language in 2 Volumes]. Tom 1. – M.: Russkii yazyk, 1999. – 623 p. (In Russ.).

Информация об авторе

С.И. Тасуева – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

S.I. Tasueva – a Candidate of Philology and an Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 09.06.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 09.06.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Теория и история культуры, искусства народов Кавказа

Научная статья

УДК 379.8

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-480-491

EDN: XJZPEF

«АТАЖУКИНСКИЙ САД» КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА ГОРОДА НАЛЬЧИК

Гульфия Джамаловна Базиева

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик,
Россия, gulfiyabazieyva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1860-9856>

Аннотация. Объекты ландшафтной архитектуры (парки, сады) представляют интерес для исторического, эстетического и культурологического исследования. В статье рассматриваются процессы формирования историко-культурного комплекса «Атажукинский сад», расположенного в курортной зоне «Долинск» г. Нальчик. Предметом исследования является изучение исторического и социокультурного проектирования парковой зоны как важной составляющей культурного ландшафта городского пространства. Задачи исследования обусловлены необходимостью комплексного изучения парка как географического и исторического места, формирующего культурный ландшафт территории. Исторические методы исследования восстанавливают историю формирования парка «Атажукинский сад» с середины XIX в. по настоящее время, фиксируются изменения и трансформации, произошедшие под влиянием политических и идеологических причин. Анализ культурного ландшафта с точки зрения художественных категорий позволяет определить систему ценностей, которая влияет на состояние эмоционального и духовного восприятия местности.

Культурологический анализ предполагает исследование географических, климатических, исторических и социокультурных характеристик объекта культурного ландшафта. В результате проведенного исследования были выявлены уникальные географические и климатические характеристики парка «Атажукинский сад» (минеральные источники, горная река Нальчик, пешеходные аллеи и туристические тропы с различной степенью сложности, благоприятная температура в любое время года). Подчеркивается важное значение парка в историко-культурном пространстве республики: на его территории возведены первые памятники монументального искусства, посвященные различным страницам истории Кабардино-Балкарской Республики, архитектурные здания, отражающие процессы формирования городского парка как курортной зоны. Сделан вывод, что в современный период моделирование культурного ландшафта парка требует новых подходов к его организации, морфологии, структуре, необходимым становится привлечение специалистов в различных областях оформления и использования культурного ландшафта с привлечением современных информационных технологий.

Ключевые слова: культурное наследие, культурный ландшафт, парковая зона, архитектура, природа, Кабардино-Балкария.

Для цитирования: Базиева Г.Дж. «Атажукинский сад» как объект культурного ландшафта города Нальчик // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 480-491. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-480-491. EDN: XJZPEF.

© Базиева Г.Дж., 2025

Original article

«ATAZHUKINSKY GARDEN» AS AN OBJECT OF THE CULTURAL LANDSCAPE OF NALCHIK

Gulfiya D. Bazieva

Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
gulfiyabazieyva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1860-9856>

Abstract. Landscape architecture objects (parks, gardens) are of interest for historical, aesthetic and cultural research. The article examines the processes of forming the historical and cultural complex «Atazhukinsky Garden», located in the resort area «Dolinsk» in Nalchik. The subject of the study is the study of the historical and sociocultural design of the park area as an important component of the cultural landscape of urban space. The tasks of the study are due to the need for a comprehensive study of the park as a geographical and historical place that forms the cultural landscape of the territory. Historical research methods restore the history of the formation of the «Atazhukinsky Garden» park from the middle of the 19th century to the present, changes and transformations that have occurred under the influence of political and ideological reasons are recorded. Analysis of the cultural landscape in terms of artistic categories allows you to determine the value system that affects the state of emotional and spiritual perception of the area.

Cultural analysis involves the study of the geographical, climatic, historical and socio-cultural characteristics of the object of the cultural landscape. As a result of the study, the unique geographical and climatic characteristics of the «Atazhukinsky Garden» park were identified (mineral springs, the Nalchik mountain river, pedestrian alleys and hiking trails with varying degrees of difficulty, favorable temperatures at any time of the year). The importance of the park in the historical and cultural space of the republic is emphasized: the first monuments of monumental art dedicated to various pages of the history of the Kabardino-Balkarian Republic, architectural buildings reflecting the processes of forming the city park as a resort area were erected on its territory. It was concluded that in the modern period, modeling of the cultural landscape of the park requires new approaches to its organization, morphology, structure, it becomes necessary to attract specialists in various areas of design and use of the cultural landscape with the involvement of modern information technologies.

Key words: cultural heritage, cultural landscape, park zone, architecture, nature, Kabardino-Balkaria.

For citation: Bazieva G.D. «Atazhukinsky garden» as an object of the cultural landscape of Nalchik. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 480-491. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-480-491. EDN: XJZPEF.

© Bazieva G.D., 2025

Введение

Ландшафты есть результат проникновения и сложного сочетания геологических, биологических и собственно географических объектов. Если биология изучает высшую форму движения живой природы, то география законы

вертикальной и горизонтальной (поясной) зональности неживой природы, которым подчиняется и все живое. Культурный ландшафт включает не только различные природные (климат, флора, фауна и др.), но и антропогенные (архитектура, парки, сады и др.) компоненты. Являясь неотъемлемой частью окружающего пространства, ландшафты сохраняют культурное поле той или иной местности. Длительное время существовали различные подходы к изучению ландшафта (физико-географический, культурно-географический, этнографический, исторический и др.). Изучение географического пространства как пространства, населенного людьми, начинается в XIX в. (О. Шпенглер, И. Данилевский, А. Тойнби и др.). В XX в. диапазон исследований расширяется с применением различных подходов разных наук: философии, этнографии, искусствоведения, литературоведения, культурологии. Философские исследования связаны с ролью человека в том или ином «пространстве и времени», этнографические – с этническими образами, ценностями, мировоззрением народов, занимающих ту или иную территорию, искусствоведческие – с историей искусства, в филологических трудах исследуются географические образы произведения, формируются понятия пространства и времени в рамках художественного времени (хронотоп).

В конце XX в. в «Директивах по применению Конвенции о Всемирном наследии» (ЮНЕСКО, 1992) был закреплён статус культурного ландшафта, в связи с этим активизируется и культурологический подход к изучению ландшафтов (Ю.А. Веденин, Р.Ф. Туровский, Д.Н. Замятин, М.Е. Кулешова, О.А. Лавренова и др.). В культурологических исследованиях используются различные методологические подходы к изучению географического пространства, облагороженного трудом человека: комплексный, семантический, структурный и др. В рамках комплексного подхода утверждается необходимость изучения ландшафта не только с помощью географического, но и динамического подходов, так как культурогенез предполагает изменение границ и формирование новых культурно-географических ареалов. «Культурный ландшафт складывается из совокупности территориальных культурно-природных комплексов, образующих взаимосвязанную систему, обеспечивающую развитие, воспроизводство и сохранение объектов и явлений как инновационной, так и традиционных культур» [Веденин 1997: 17].

Семантический подход изучает несколько уровней географического пространства: ассоциативный, эстетический, сакральный. Символизация объектов культурного ландшафта происходит по мере его формирования. В концепцию культурного ландшафта включается «информация в пространстве и о пространстве». «Культурный ландшафт – составная часть семиосферы и семиотическая система, в которой соблюдается большинство правил семиотики» [Лавренова 2001: 100].

Проведение структурного анализа культурного ландшафта требует определения пространственных категорий: точечных (точка, центр, культурный очаг), линейных (линия, граница, направление, вектор) и площадных (ареалы, территории, районы). В рамках структурного исследования могут изучаться различные культурные ландшафты, в том числе и поликультурные, пограничные зоны, на территории которых формируется тот или иной объект комплексного типа.

Результаты исследования

В процессе развития культурный ландшафт подвергается различным изменениям, которые зависят как от природного, так и этнокультурного фактора той или иной территории. Природный ландшафт Кабардино-Балкарии отличается большим разнообразием: равнина, предгорные степи, горы. Курорт Нальчик находится на равнине и издавна славился благоприятными природными и климатическими условиями. В 1887 г. на земельном участке в трех километрах от города Нальчик был основан хутор «Долинск», на территории которого отдыхало через несколько лет от тридцати (1892 г.) до 2000 тыс. отдыхающих (1915 г.). «Все то, чего недостает Нальчику, здесь есть. И того, что отягощает Нальчик, здесь нет» [Пеннер 1993: 54]. На курорте более 18 минеральных источников с общим дебитом 12 млн. литров в сутки. Минеральные воды курорта делятся на две большие группы (для внутреннего и наружного применения) [Балкаров 1983: 25]. В конце XIX в. местное население стало пользоваться теплой минеральной водой Белореченских источников для лечения заболеваний органов движения и кожных заболеваний, делались углубления на месте выхода вод, эти примитивные ванны закрывались от посторонних глаз бурками или ветвями деревьев. «Впоследствии Белореченские теплые источники использовались приезжавшими в Нальчик дачниками (купцы, отставные военнослужащие и др.), имевшими в районе Долинска свои дачи» [Сергиенко 1964: 7].

В статье «Слобода Нальчик», опубликованной в журнале «Казбек» в 1896 г., подчеркивались такие характеристики местности как «ровный климат, чудный воздух, близость природы, возможность в пять минут оказаться в поле или в лесу и дышать свежим чистым воздухом, дешевизна жизни, деревенская простота нравов, позволяющая приезжим курсовым ходить запросто в том костюме, в каком сидели дома, а дамам без шляп и корсетов, чистая и вкусная вода из протекающей тут же речки Нальчик, которая дарит приезжим укрепляющие здоровье прохладные купания, – все это и многое другое делают из Нальчика один из лучших курортов России» [Пеннер 1993: 39].

Главной достопримечательностью курорта «Нальчик» является городской парк «Атажукинский сад», который занимает территорию 363,35 га, большая часть которого лесопарк (хвойные, лиственные деревья). В качестве объекта исследования культурный ландшафт парковой зоны г. Нальчика «Атажукинский сад» представляет собой комплексный ареал, наделенный особыми географическими, природными, климатическими и историческими характеристиками. История парка связана с тем, что в 1847 г. для разбивки фруктового сада по просьбе начальника Центра Кавказской линии князя Г.Р. Эристова из Крыма и Грузии были завезены яблони, черешни, груши, абрикосы, каштановые деревья. В 1865 г. сад площадью более 30 га был передан кабардинскому князю Атажукину, получив название «Атажукинский сад». «Это был один из тех громадных садов, подобные которым можно встретить только на Кавказе. Это был сад-лес», – отмечал Я.В. Абрамов, автор очерков «Кавказские горцы» [Котляров, Котлярова 2006: 50].

В начале XX в. парк перешел во владение акционерам Владикавказской железной дороги, в этот период в парке были построены здания для принятия ванн,

плавательный бассейн, небольшое озеро, заложен фундамент курзала (на котором впоследствии был построен ресторан «Эльбрус»). Но затем в связи с общественно-политической обстановкой парк приходит в упадок. «Атажукин сад» являл собой неприглядную картину заброшенности и бесхозяйственности. Старая липовая аллея в верхней части, десятка два тутовника в нижней – вот и все парковое хозяйство, которое досталось в наследство от прошлого» [Петров 1966: 194].

Несмотря на развитие курортной зоны г. Нальчика в дореволюционный период, формирование парка как зоны культуры и отдыха начинается с 20-х гг. XX в., когда областные органы совместно с учеными и специалистами приняли решение о создании на месте бывшего сада городского парка с аллеями, беседками, лестницами к реке Нальчик и др. Разрабатывать данный проект было поручено архитектору В.Х. Казину. Проект был объемным, невыполнимым в условиях недостатка рабочих рук, специалистов, материальных средств. 4 мая 1923 г. Б.Э. Калмыков выступил с обращением к трудящимся и учащейся молодежи Кабардино-Балкарии выходить на субботники. «Средств у нас нет, мы будем строить парк коммунистическим трудом» [Петров 1966: 195]. Во второй половине 20-х гг. XX в. у входа в парк была сооружена арка высотой более пяти метров, шириной около восьми. Состояла она из трех входов – двух узких по бокам и широкой посередине...» [Петров 1966: 194-195]. За аркой был водружен памятник И.В. Сталину, впоследствии демонтированный. В 1923 г. Кабардино-Балкарским облисполкомом была учреждена комиссия по изучению курортной местности, по ее решению были объединены курортные окрестности города Нальчика – Долинск, Затишье и Мужичий хутор – в самостоятельную единицу [Сергиенко 1964: 7].

В 1928 г. СНК РСФСР было принято решение об определении Нальчика горно-климатическим курортом. В этой связи начинается строительство лечебно-оздоровительных учреждений. Уже в 1931 г. число лечившихся и отдыхающих в Кабардино-Балкарии составило 6400 человек. Завершение в 1935 г. строительства ванн Белореченских сернистых источников дополняет курорт новым бальнеологическим фактором. В 1933 г. в Нальчик была отправлена группа архитекторов, возглавляемая И.В. Жолтовским, который был назначен председателем архитектурно-планировочного комитета города. В 1936 г. в архитектурно-планировочной мастерской № 2 (Н.К.К.Х.-РСФСР) (рук. В.Н. Семёнов) был разработан генеральный план г. Нальчика (арх. А.А. Карпов, при участии А.С. Деменьтьева, В.С. Арманд). В 1938 г. архитектор Я.Г. Грозовский и профессор В.Н. Семёнов разработали проект парка культуры и отдыха г. Нальчика [Гусаченко 2010: 170]. Парк, как объект градостроительства, был представлен в плане-чертеже, на котором видны только точки и линии, но его единство не только симметрия параллельных линий, при планировке парка нужно было учитывать и географические особенности местности с учетом сохранения флоры и фауны. Все принципиальные вопросы проектирования решались при активном участии В.А. Веснина, главного архитектора Наркомтяжпрома СССР, по проекту В.А. Веснина в 1933 г. оформляется вход в парк: были возведены две строгие и торжественные арки. В 1933 г. «Кабардинский парк» был переименован в «Парк имени

Сталина», в 1957 году – в «Нальчикский парк культуры и отдыха», а в 2007 г. в связи с новой реконструкцией получил новое название – «Атажукинский сад».

Если в дореволюционный период парк удовлетворял интересы немногочисленных «дачников», то в советский период парк призван был отражать идеалы нового человека, новой системы ценностей, нового советского строя. Нальчикское садово-оранжерейное хозяйство (ныне совхоз «Декоративные культуры») занималось разведением быстрорастущих и кустовых роз, гладиолусов, а также других растений. Селекционер И.П. Ковтуненко (1891-1984), работавший в Кабардино-Балкарии с 1918 г., был удостоен Государственной премии СССР за открытие метода выращивания голубых серебристых канадских елей. Так, в 30-е гг. XX в. в городском парке появилась аллея серебристых елей (от здания медицинского факультета КБГУ им. Х.М. Бербекова (бывшее здание Ленинского учебного городка) до главного входа в парк.

В послевоенный период в 1948 г. в КАССР было открыто Нальчикское отделение Всероссийского общества охраны природы, основным содержанием работы которого было «распространение среди населения идей охраны природы, пропаганда бережного отношения к природе», – отмечал председатель секции по охране ландшафтов, член Географического общества СССР Г.Н. Подъяпольский [Подъяпольский 1969: 261]. «Где бы вы не остановились в парке, отовсюду видна великолепная картина горной природы: покрытые лесом хребты, скалы, снежные вершины... В зависимости от времени года парк меняет свой облик» [Подъяпольский 1977: 50].

После окончания Великой Отечественной войны парк находился в запущенном состоянии. И.П. Ковтуненко разработал метод оздоровления корневой системы заболевших растений, растущих на территории парка и вернул им первоначанную прелесть. В 1975 г. аллея перед входом в парк была реконструирована – теперь голубые ели не только ее обрамляют, но и высажены по центру, разделяя прогулочный тротуар на две равные части.

Ввиду того, что Б.Э. Калмыков прилагал немалые усилия для создания в Кабардино-Балкарии курорта и лично участвовал в открытии городского парка, в 1961 г. на улице Республиканской (ныне Шогенцукова) был водружен памятник Б.Э. Калмыкову (скульптор М.Х. Тхакумашев, архитектор В.К. Альтаржевский). В 1967 г. здесь было построено здание Кабардино-Балкарского драматического театра (гл. арх. Е.М. Ландау, 1967 г.). Перед зданием театра в 1990 г. был поставлен памятник классику кабардинской литературы А.А. Шогенцукову, а театр получил новое наименование, в связи с переездом балкарской труппы театра в новое помещение, «Кабардинский драматический театр имени А.А. Шогенцукова».

Памятник Б.Э. Калмыкову – не просто документальное и точное изображение человека, – это правдивый образ борца за Советскую власть на Северном Кавказе, уверенного в победе социалистического строительства, в правоте коммунистических идей. Памятник А.А. Шогенцукову решен в другой трактовке, лаконичен и прост, но в то же время более пластичен и фактурен. Минувя главный вход в «Атажукинский сад», можно через небольшую площадь, на которой находится памятник Б.Э. Калмыкову, а также обогнув здание Кабардинского театра им. А.А. Шогенцукова завернуть на Комсомольскую аллею.

В парке три аллеи: Главная парковая аллея (длина – 1340 метров, ширина – 9 метров), Липовая и Комсомольская.

Главная парковая аллея расположена напротив входа в парк, слева от входа в послевоенный период воздвигнут архитектурный комплекс, посвященный памяти погибшим в годы Великой Отечественной войны: мемориал «Вечный огонь» и обелиск Славы (1949 г.). На протяжении последующих десятилетий в данный комплекс вносились изменения: за центральным обелиском были установлены мраморные плиты с мартирологом имен, погибших солдат и партизан Кабардино-Балкарии (арх. Ж. Ионнисян), затем были установлены мемориальные плиты с фамилиями воинов-интернационалистов, погибших в Афганистане [Аппаева 2015: 87]. К этому памятнику в торжественной процессии возлагаются венки в День Победы – 9 Мая.

От данного архитектурного памятника можно спуститься к сосновой роще под романтическим названием «Роща утренней радости», здесь расположен обелиск – героям Гражданской войны. Аллея траурных сосен – место, где живая природа введена в композицию ансамбля и создает особую зону – зону молчания. В настоящее время памятник находится в запущенном состоянии, на нем лежит отпечаток времени, но это налагает налет сопричастности прошлому, которое «не забыто» и «никто не забыт». Аллея, а также искусственные озера (часть из них высушена) незаметна и не всегда привлекает внимание посетителей парка. Между тем, эта часть парковой зоны была предусмотрена как прогулочная, оздоровительная, так как находится вдали от шума городского транспорта, ближе к реке «Нальчик».

Наиболее благоустроенной является Центральная аллея, здесь находится декоративно оформленная площадка «Звездный камень», символизирующая, по мнению автора, народного художника Кабардино-Балкарии А. Пашт-Хана, единство народов Кабардино-Балкарии. Камень весом в 40 тонн был привезен из Безенгиевского ущелья в 2017 г. Естественный гранит был обработан и украшен бронзовыми вставками с традиционными для народов Кабардино-Балкарии орнаментами. Декоративные бронзовые детали на материале камня мелочны, точно проработаны, но это затрудняет восприятие главного объема и мелких деталей. Тщательное выполнение орнамента требует рассмотрения с близкого расстояния, но при таком восприятии теряется впечатление единства. При вечернем освещении «Звездный камень», освещенный искусственной подсветкой, выглядит более колоритно и впечатляюще.

Комсомольская аллея является самой протяженной – почти 2,5 километра, прямая дорога позволяет дойти до питьевого павильона «Источник Нальчик» (его возвели в 1969 г.), где можно в дневное время суток выпить теплую или прохладную минеральную воду (реконструирован в 2003 г.). С павильона можно спуститься к курортному озеру, над которым возвышается «Башня влюбленных», построенная в 1867 г. в Атажукинском саду и служила для отдыхающих смотровой площадкой. Легенда о красавице Бадах и влюбленном в нее сыне пастуха Сосруко служит мифологическим дополнением к истории строительства башни.

Липовая аллея достаточно извилиста в отличие от главной, некоторые из деревьев посажены здесь еще в XIX в., в то время, когда был заложен сад. В конце Липовой аллеи находится «Аллея поэзии», доходящая до главной аллеи, которая начинается со скульптурного изображения основоположников кабардинской и балкарской литератур Б. Пачеву (скульптор М. Тхакумашев) и К. Мечиеву (скульптор Х. Крымшамхалов) (1960 г.). Важным элементом общей композиции памятника являются надписи – стихотворные строки К. Мечиева и Б. Пачева.

Пускай наш труд
На полях столетий
Взойдет, как слава,
Как наша честь!
Пускай прославятся
наши дети –
И те, что будут,
и те, что есть!

Бекмурза Пачев

Хорошее слово –
противник насилия,
Борцам помогает
созреть.
Хорошее слово
для доброго крылья,
Недобрых стегает
как плеть.

Кязим Мечиев

Кроме скульптурных бюстов в композицию памятника также входит декоративная поэтическая тропа с гранитными раскрытыми книгами поэтов Кабардино-Балкарии: К.Ш. Кулиева, А.П. Кешокова, И. Кашежевой, Т. Зумакуловой и др. «Аллея поэзии» служит посредником между архитектурно-скульптурным объектом и открытым ландшафтом, по центру окаймленным с обеих сторон гранитными плитами-книгами.

От Липовой Аллеи при спуске к озеру «Трек» возвышается ресторан «Эльбрус», реконструированный в 2004-2006 гг. (Архитектор А. Кузнецов, проект 2002г.). Вход в ресторан «Эльбрус» оформлен полукруглым портиком с колоннами в стиле древнегреческого амфитеатра, лестницы и балкон здания украшены ажурными балюстрадами. Ресторан «Эльбрус» выглядит как целостный архитектурный комплекс. У главного входа ступенчатый постамент очень удачно подчеркивает стройность колоннады. Открытая площадка слева от здания открывает вид на гору Малая Кизилровка и реку Нальчик, через которую проведен мостик, позволяющий любоваться пейзажем как справа, так и слева. Ресторан является примером того, как из небольшого по размерам сооружения можно получить максимум эффекта, предоставляя посетителям обозреть окружающий пейзаж. По этой причине ресторан часто используется для свадебных торжеств и получил другое наименование «Дворец Торжеств».

Напротив ресторанного комплекса находится «Зеленый театр» (арх. Г. Мосулишвили), построенный в 1957 г. в честь 400-летия «Присоединения Кабардино-Балкарии к России». В эти праздничные дни в «Зеленом театре» состоялись концерты Ленинградского симфонического оркестра под управлением А. Янсонса, солистом которого был известный пианист Э. Гилельс, хора имени М.Е. Пятницкого, русского Академического хора под управлением А. Свешникова и др. Театр на открытом воздухе, расположенный на месте бывшего курортного

зала, позволяет обозревать окружающее пространство с высоты. В 2007 г. театр был реконструирован, его вместимость в настоящий период составляет 2500 человек. В «Зеленом театре» проводятся важные для республики мероприятия: Празднование Дня города, республиканские, региональные и всероссийские фестивали, а также концерты артистов Кабардино-Балкарии и гостей республики. В «Литературном салоне Зеленого театра», открытом в 2015 г., организуются встречи с писателями и поэтами, празднуются юбилеи, проводятся общественные мероприятия.

Курортное озеро расположено у подножия горы Большая Кизиловка, в летнее время здесь можно покататься на лодках и катамаранах. В 70-е гг. XX в. над курортным озером начинает функционировать самая длинная в СССР канатно-кресельная дорога из «Долинска» на гору «Большая Кизиловка» её протяженность 2,5 км. (1976 г., арх. Е.М. Манучаров), впоследствии демонтированная.

От курортного озера начинается терренкур «1000 ступеней», который проходит через лесной массив, ведущий к широкой горе «Нартия», по ступеням различного уровня сложности (600 м.) можно добраться до горы «Малая Кизиловка». Если направиться в другую сторону, то одна из дорожек выведет к оригинальному комплексу кафе «Бочка», интерьер которого оформлен натуральным деревом и разбит на отдельные зоны (Архитекторы Логоватовский Ю.С., Техин В.Л., Глазков С.В., Казов М.М., 1970). Данный комплекс был реконструирован 1999 г.

Необычная архитектура ресторана «Сосруко» стала визуальным символом города (1973 г., арх. Р.И. Палагашвили, М.Г. Хлудневский, скульп. З.Э. Озов). Здание находится на высоте 600 м над уровнем моря. Центральный вход оформлен в форме головы богатыря, а отходящее от него крыло в форме протянутой вдаль руки с факелом. «В целом комплекс Сосруко предстает перед нами, как духовно-нравственная доминанта столицы, как символ его мужского, сильного, побеждающего начала» [Бгажноков 2015: 280]. В 2004 г. комплекс был реконструирован, в настоящий период работают два зала: «Молодежный» и «Охотничий». На высоте 640 м расположена смотровая площадка, позволяющая обозревать окрестности г. Нальчика. К ресторанному комплексу ведет канатно-кресельная дорога над озером. Формы ресторана «Сосруко» подчеркнута геометричны, строгой ясностью очертаний выделяются на фоне неба. Сочетание единства с природой и противопоставления ей сообщает строению монументальность. Памятник издали производит впечатление гораздо больших размеров, что объясняется голубоватой дымкой воздуха над ним, а также лесным массивом, на фоне которого он выглядит более впечатляюще.

«Атажукинский сад» как природно-территориальный комплекс может быть структурирован как система эстетических, морально-духовных и лечебно-оздоровительных ценностей, влияющих на эмоциональное состояние организма. В 1970 г. в г. Нальчике была проведена конференция «Географическая среда и здоровье человека», на которой специалисты в области медицины и других наук подчеркивали, что необходимо создавать специальные медико-географические карты [Хлебович, Прохоров и др. 1971: 280]. Предварительные материалы

конференции «убедительно показывают настоятельную необходимость создания комплексной ландшафтной лаборатории» [Борисенко 1971: 16].

Парк является символическим местом курортной зоны с особой архитектурой, построенной на созвучии естественной и антропогенной природы. В сооружениях, построенных на территории парка, нет тяжеловесных форм, спокойный ритм архитектуры почти идентичных павильонов при входе в парк и перед «Аллеей поэзии» воспринимается как дополнительное украшение центральной аллеи. Архитектура, расположенная на главной аллее, обозрима и с других аллей, соединенных пешеходными тропинками. Центральная аллея строго упорядочена и симметрична, контрастируя с многоликостью природой. В культурном ландшафте «Атажукинского сада» природное и архитектурное целое не распадается на отдельные фрагменты: здесь есть и пропорция, и соразмерность, оказывающие лечебно-оздоровительный эффект и эстетическое воздействие.

Заключение

Парковая зона «Атажукинский сад» представляет собой зону, построенную не по градостроительным геометризированным принципам с точной и линейной перспективой, а широко распахнутую горизонталь. В этом смысле возвышающийся над горизонталью лесной массив, а также горный пейзаж воспринимается как вертикаль. Вертикальная и горизонтальная структура ландшафта предполагает использование и природного, и культурного слоев в качестве маркера той или иной местности. Современность диктует новые подходы к интерпретации и репрезентации объектов культурного ландшафта, который должен привлекать, развлекать увлекательные картины. В связи с повышением интереса к культурному наследию и использованию этно-ландшафтных территорий разрабатываются новые информационные проекты, связанные с рекламой культурного туризма, популяризацией военно-исторического прошлого, художественного наследия и др. «Атажукинский сад» как объект культурного ландшафта предполагает устойчивое и целенаправленное развитие как природного, так и антропогенного факторов в качестве популяризации общечеловеческих ценностей, формирующих гуманное отношение к природе, этнокультурным ценностям, историческому прошлому всех народов, проживающих на территории Кабардино-Балкарии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Аппаева 2015 – *Аппаева Ж.М.* Монументальная скульптура Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Тетраграф, 2015. – 219 с.
- Балкаров 1983 – *Балкаров М.И., Балкарова И.М.* Курорт Нальчик и нарзаны Эльбруса. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 188 с.
- Бгажноков 2015 – *Бгажноков Б.Х.* Нальчик. Проблема духовно-нравственных центров и памятных мест в культурном пространстве города // Вестник КБИГИ. №2 (25). Нальчик: КБИГИ, 2015. С. 63-67.
- Борисенко 1971 – *Борисенко Е.А., Желокова З.И., Предтеченский С.А.* Особенности медико-географического и сельскохозяйственного районирования горных стран // Географическая среда и здоровье человека. Тезисы докладов II Северо-Кавказского научного совещания по проблемам медицинской географии, посв. 100-летию В.И. Ленина. 21-25 сентября 1970. – Нальчик: Кн. изд-во, 1971. – С. 15-16.

Веденин 1997 – *Веденин Ю.А.* Очерки по географии искусства. – М.: Российский научно-исследовательский институт культурного наследия, 1997. – 224 с.

Гусаченко 2010 – *Гусаченко Т.В.* Архитектура Кабардино-Балкарии (XX в.) // Вестник КБИГИ. Вып. 17. Ч. 2. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. – С. 167-174.

Котляров, Котлярова 2006 – *Котляров В., Котлярова М.* Неповторимый Нальчик. Занимательное путешествие с авторами и героями книг по столице Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Изд-во Котляровых. Полиграфсервис и Т., 2006. – 400 с.

Лавренова 2001 – *Лавренова О.А.* Новые направления культурной географии: семантика географического пространства, сакральная и эстетическая география // Культурная география. – М.: Институт наследия, 2001. – С. 95-126.

Пеннер 1993 – *Пеннер В.Я., Пеннер Н.В.* Нальчик глазами современников. – Нальчик: Эль-фа, 1993. – 144 с.

Петров 1966 – *Петров Г.* Из истории Кабардино-Балкарского парка // Природа Кабардино-Балкарии и ее охрана. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1966. – С. 194-196.

Подъяпольский 1969 – *Подъяпольский Г.Н.* К 20-летию организации Кабардино-Балкарского отделения Всероссийского общества охраны природы // Природа Кабардино-Балкарии и ее охрана. – Вып. 2. – Нальчик: Кн. изд-во, 1969. – С. 260-266 с.

Подъяпольский 1977 – *Подъяпольский Г.Н.* Достопримечательные места Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1977. – 165 с.

Сергиенко 1964 – *Сергиенко И.Н.* Курорт Нальчик. – Нальчик: Кн.-ное изд-во, 1964. – 122 с.

Хлебович, Прохоров и др. 1971 – *Хлебович И.А., Прохоров Б.Б. и др.* Конструктивные карты для целей медицинской географии // Географическая среда и здоровье человека. Тезисы докладов II Северо-Кавказского научного совещания по проблемам медицинской географии, посв. 100-летию В.И. Ленина. 21-25 сентября 1970. – Нальчик: Кн. из-во, 1971. – С. 279-282.

REFERENCES

APPAEVA Zh.M. *Monumental'naya skul'ptura Kabardino-Balkarii* [Monumental sculpture of Kabardino-Balkaria]. – Nal'chik: Tetragraf, 2015. – 219 p. (In Russ.).

BALKAROV M.I., BALKAROVA I.M. *Kurort Nal'chik i narzany El'brusa* [Resort Nalchik and Narzan Elbrus]. – Nal'chik: El'brus, 1983. – 188 p. (In Russ.).

BGAZHNOKOV B.Kh. *Nalchik. Problema dukhovno-nravstvennykh tsentrov i pamyatnykh mest v kulturnom prostranstve goroda* [The problem of spiritual and moral centers and memorable places in the cultural space of the city] // Bulletin of KBIGI. №2 (25). Nalchik: KBIGI, 2015. P. 63-67. (In Russ.).

BORISENKO E.A., ZHELOKOVA Z.I., PREDTECHENSKIY S.A. *Osobennosti mediko-geograficheskogo i sel'skohozyajstvennogo rajonirovaniya gornyh stran* [Features of medical-geographical and agricultural zoning of mountain countries]. In: *Geograficheskaya sreda i zdorov'e cheloveka. Tezisy dokladov II Severo-Kavkazskogo nauchnogo soveshchaniya po problemam medicinskoj geografii, posv. 100-letiyu V.I. Lenina. 21-25 sentyabrya 1970.* – Nal'chik: Kn. izd-vo, 1971. – 428 p. (In Russ.).

GUSACHENKO T.V. *Arhitektura Kabardino-Balkarii (XX v.)* [Architecture of Kabardino-Balkaria (XX century)]. In: *Vestnik KBIGI. – Vyp. 17. – Ch. 2. – P. 167-174.* (In Russ.).

HLEBOVICH I.A., PROHOROV B.B. i dr. *Konstruktivnye karty dlya celej medicinskoj geografii* [Constructive maps for the purposes of medical geography]. In: *Geograficheskaya sreda i zdorov'e cheloveka. Tezisy dokladov II Severo-Kavkazskogo nauchnogo soveshchaniya po problemam medicinskoj geografii, posv. 100-letiyu V.I. Lenina. 21-25 sentyabrya 1970.* – Nal'chik: Kn. iz-vo, 1971. – P. 279-282. (In Russ.).

KOTLYAROV V., KOTLYAROVA M. *Nepovtorimyj Nal'chik. Zanimatel'noe puteshestvie s avtorami i geroyami knig po stolice Kabardino-Balkarii* [Unique Nalchik. An entertaining journey with authors and heroes of books in the capital Kabardino-Balkar]. – Nal'chik: Izd-vo Kotlyarovykh. Poligrafservis i T., 2006. – 400 p. (In Russ.).

LAVRENOVA O.A. *Novye napravleniya kul'turnoj geografii: semantika geograficheskogo prostranstva, sakral'naya i esteticheskaya geografiya* [New directions of cultural geography: semantics of geographical space, sacred and aesthetic geography]. In: *Kul'turnaya geografiya*. – M.: Institut naslediya, 2001. – P. 95-126. (In Russ.).

PENNER V.Ya., PENNER N.V. *Nal'chik glazami sovremennikov* [Nalchik through the eyes of contemporaries]. – Nal'chik: El'-fa, 1993. – 144 p. (In Russ.).

PETROV G. *Iz istorii Kabardino-Balkarskogo parka* [From the history of Kabardino-Balkarian Park]. In: *Priroda Kabardino-Balkarii i ee ohrana*. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izd-vo, 1966. – P. 194-196. (In Russ.).

POD"YAPOL'SKIJ G.N. *K 20-letiyu organizacii Kabardino-Balkarskogo otdeleniya Vse-rossijskogo obshchestva ohrany prirody* [By 20-th years for organization Kabardino-Balkarian department of Russian society the guarding nature]. In: *Priroda Kabardino-Balkarii i ee ohrana*. – Vyp. 2. – Nal'chik: Kn. izd-vo, 1969. – P. 260-266. (In Russ.).

POD"YAPOL'SKIJ G.N. *Dostoprimechatel'nye mesta Kabardino-Balkarii* [Noteworthy places of Kabardino-Balkaria]. – Nal'chik: El'brus, 1977. – 166 p. (In Russ.).

SERGIENKO I.N. *Kurort Nal'chik* [Resort Nalchik]. – Nal'chik: Kn-noe izd-vo, 1964. – 122 p. (In Russ.).

VEDENIN Yu.A. *Ocherki po geografii iskusstva* [Essays on the geography of art]. – M.: Rossijskij nauchno-issledovatel'skij institut kul'turnogo naslediya, 1997. – 224 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Г.Д. Базиева – кандидат философских наук.

Information about the author

G.D. Baziyeva – the candidate of sciences (Philosophy).

Статья поступила в редакцию 20.05.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 20.05.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

ЩІэныгъэ тхыгъэ

УДК 81-26+811.352.3

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-492-503

EDN: XWTQEA

ИДЖЫРЕЙ КЪЭБЭРДЕЙ-ШЭРДЖЭСЫБЗЭМ КЪЫПЭЩЫТ ЛЪЭПОЩХЪЭПОХЭМ ЕХЪЭЛАУЭ

БакІуу Хъанджэрий Ильяс и къуэ

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет щІэныгъэ ІуэхущІапІэ «Урысейм щІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щІэныгъэ центр» Федеральнэ щІэныгъэ центрым» и филиал, Налшык, Урысей, h.bakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4194-1718>

Аннотацэ. Мы тхыгъэр зытеухуар илӕс куэд хъуауэ зытепсӕлӕхъ, ауэ конференцэ, стІол хъурей, Парламентым къыщызэрагъэпэщ зӕІуцІэхэр зэрыращІэкІым е газет икІи журнал напӕкІуэцІхэм зэрыщытепсӕлӕхъым емылгытауи, унафӕ пыухыкІа зытрамыщІыхъыф Іуэхугъуэхэрщ. Мыбдежым лъэпощхъэпоуэ къэувхэм я нӕхъыщхъэр Къэбэрдей-Балъкъэрми, Къэрэшей-Шэрджэсмй, Адыгейми терминологиим елӕж комиссэ зэрыщымыІэрщ. ЕтІуанӕ лъэпощхъэпор хамӕбзӕ псалъэхэр ди бзӕм куэд кызырыхыхъэрщ. БзӕщІэныгъэм и тхыдӕм щІӕнӕкІалӕ ящІу кыхӕнащ урысыбзӕр жыджӕру зыгъӕкӕбзӕну хӕтахэр, абыхэм «славяно-фил» жиІӕу фІащыгъащ. Нобӕ дӕри диІӕщ «адыгӕфил» Іӕджӕ. Абыхэм яхӕтщ Къэбэрдей-Балъкъэрмй, Къэрэшей-Шэрджэсым, Адыгейм щыпсӕу еджагъӕшхуэхӕри, егъӕджакІуэхӕри, журналистхӕри, адыгӕбзӕм пӕжыжӕ адыгӕхӕри. Ди лӕжыгъэм къыщытхъ шапхӕхэмкІӕ щІыдогъӕбыдӕ апхуэдӕхэм ирагъӕкІуӕкІ лӕжыгъэр гъуӕгу пхӕнжкІӕ зырунӕтІар, хӕкІыпІӕу щыІӕхӕри къыщыдогъӕлӕгъуӕ. Тхыгъэм гупсысӕ нӕхъыщхъӕу щыпхрышар литературӕбзӕр зӕблӕзыш Іуэхугъуэхэр ІӕщІыб щІауӕ, ар къабзӕу хъумӕн зӕрыхуейрщ. Къэхутэныгъэм щыдубзыхуа Іуэхугъуэхэр илӕс бжыгъӕ куӕдкІӕ еджапІӕ зӕхуӕмӕдӕхэм, сабий гъӕсапІӕхэм, хъыбарегъащІӕ ІуэхущІапІӕхэм къэбэрдей-шэрджэсыбзӕр зӕрыцагъӕлажӕм и лъӕныкъуӕкІӕ щедгъӕкІуӕкІа кІӕлгыплъыныгъэм кърикІуахэмкІӕ щІыдогъӕбыдӕ.

Зӕрыгъуазӕ псалъэхэр: къэбэрдей-шэрджэсыбзӕ, лексикӕ, пӕжырытхӕ, зӕрегъӕджӕн тхылъ, лъэпощхъӕпо, хамӕбзӕ псалъӕ, литературӕбзӕ.

Цитатӕ кызырыхӕпхынур: БакІуу Хъ.И. Иджырей къэбэрдей-шэрджэсыбзӕм къыпӕщыт лъэпощхъӕпохэм ехъӕлауӕ // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 492-503. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-492-503. EDN: XWTQEA.

© БакІуу Хъ.И., 2025

Review article

CURRENT PROBLEMS OF FUNCTIONING OF THE KABARDINO-CIRCASSIAN LITERARY LANGUAGE

Khangeri I. Bakov

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, h.bakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4194-1718>

Abstract. The article discusses the issues that have been raised but not resolved for many years, despite the abundance of conferences, round tables, discussions at the Parliament level and publications in newspapers and magazines. The main obstacle is that neither Kabardino-Balkaria, nor Karachay-Cherkessia, nor Adygea have a state terminology commission (neighboring republics do not have one either). The issue of borrowing foreign vocabulary in the Kabardino-Cherkess language is of particular concern. This study subjects linguists, journalists, and teachers of the native language to justified criticism, who compete with each other to replace long-borrowed and well-established terms and words with artificially invented analogs. Their actions are reminiscent of the "Slavophiles" in Russian linguistics of the distant past, who were ridiculed and stopped at that time. Numerous examples prove the groundlessness (and sometimes stupidity) of the positions of some authors. Some recommendations are given for getting out of the existing picture of the functioning and preservation of the native language. The issues of orthoepy, which our linguists do not deal with, are also touched upon. The author calls for adhering to the norms of the literary language. In conclusion, conclusions are made based on many years of observations of the work of educational institutions and the media in the areas of Adyghe literature, and several recommendations are given.

Keywords: Kabardino-Circassian language, vocabulary, orthoepy, textbook, problem, borrowing, literary language.

For citation: Bakov Kh.I. Current problems of functioning of the Kabardino-Circassian literary language. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 492-503. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-492-503. EDN: XWTQEA.

© Bakov Kh.I., 2025

Обзорная статья

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Хангери Ильясович Баков

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Россия, Нальчик, h.bakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4194-1718>

Аннотация. В статье речь идет о проблемах, поднимаемых, но нерешаемых много лет, несмотря на обилие конференций, круглых столов, обсуждений на уровне Парламента и публикаций на страницах газет и журналов. Главным препятствием является то, что ни в Кабардино-Балкарии, ни в Карачаево-Черкессии, ни в Адыгее нет терминологической государственной комиссии (ее нет и в соседних республиках). Особую тревогу вызывает вопрос заимствования иноязычной лексики в кабардино-черкесском языке. В данном исследовании подвергаются обоснованной критике языковеды, журналисты, преподаватели родного языка, которые наперебой заменяют давно заимствованные и прижившиеся термины и слова искусственно выдуманными аналогами. Их действия напоминают «славянофилов» в русском языкознании далекого прошлого, которых тогда высмеяли и остановили. На многочисленных примерах доказывается необоснованность (а иногда и глупость) позиций некоторых авторов. Приводятся некоторые рекомендации для выхода из создавшейся картины функционирования и сохранения родного языка. Затронуты и вопросы орфоэпии, которыми не занимаются наши лингвисты. Автор призывает придерживаться к нормам литературного языка. В заключении делаются выводы на основе многолетних наблюдений за работой образовательных учреждений и средств массовой информации в областях адыгской словесности, и дается несколько рекомендаций.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, лексика, орфоэпия, учебник, проблема, заимствование, литературный язык.

Для цитирования: Баков Х.И. Актуальные проблемы функционирования кабардино-черкесского литературного языка // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 492-503. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-492-503. EDN: XWTQEA.

© Баков Х.И., 2025

Иужьрей ильэсхэм адыгэбзэм тепсэлъыхьхэр, абы и шылэкIэм, и къэкIуэnum иригузавэр нэхьыбэ хьуурэ макIуэр. Ар гурылуэгъуэщ, лъэпкъ зэхэщIыкIым зэрызиужьым и зы шапхьэщ. Адыгэбзэр адыгэ псоми ди зэхуэдэ хьугъуэфIыгъуэщ, хэти хуитщ бзэм теухуауэ и еплъыкIэ кыыхильхьэну, ауэ нэхьыщхьэу шытын хуейр адыгэбзэр зи IэщIагъэхэм я псалъэрщ, егъэджакIуэхэрщ, щIэныгъэлIхэрщ, журналистхэрщ. Ди жагъуэ зэрыхьунщи, а иужьрейхэм бжыпэр яубыдауэ «иракьутэкI». Сэ пщIэшхуэ яхузощIыр журналистхэм (сыщыщIыкIум си хьуэпсапIэу шытащ журналист сыхьуну), Къэрэшей-Шэрджэс университетым сыщылажьэу Ищхьэрэ Кавказым псом япэ а IэщIагъэр филологием гуэдзэн хуэсщIри программэм хэзгъэхьащ, етIуанэ IэщIагъэ сщIащ, газетхэм сахуотхэр, телевидениеми радиоми сахуэхамэкъым, журналист Iэджи си ныбжьэгъуэщ. Зы грек Iуэ гуэрым жиIэгъащ: «Платон мне друг, но истина дороже». Абы и чэнджэщым сытехьэнщи псом япэ си губжьыр ятескьутэнщ журналистхэм. Абы ящыщ гуэрхэр яыхьащ «пхьэхуей жэхапхьэкIэ адыгэбзэр зыпхьэнкIыну» утыку кыхьахэм.

Дунейпсом теткъым зы бзи нэгъуэщIхэм я псалъэ езым ейм химыгъэхьэу. Я беагъкIэ, цIыху мелуанхэр щыхуэныкьуэкIэ пашэ инджылыбзэ, испаныбзэ, французыбзэ, хьэрыпыбзэхэм хамэкъэралхэм я псалъэу хагъэхьахэр процент 30-40-хэм зэрынохьэсыр, ауэ а бзэхэм къащта, куэд щIауэ хэт псалъэхэр кыщыхадзыжыр закьуэтIакьуэщ. АбыкIэ тыркухэм уадэплъей хьунукъым. Тыркухэм я императору шыта Ататюрк (и цIэ къудейр плъагъукъэ – ата + тюрк – Тыркум и адэ!) Iуэху куэд лъэпкъыр хуилэжьащ, ауэ я бзэм ирищIар хьэдэгъуэдахэщ – абы я бзэм хэт хьэрып, иран псалъэхэр егъэлеуэ хыригъэдзащ, уеблэмэ и IукIэр нэхьдахэ ищIын папщIэ макъ гуэрхэри дигъэкIуащ. Сыт абы кьишар? Ильэсищэ бжыгъэкIэ Тырку Империем кыигъэсэбэпар нобэрей тыркухэм къагурылуэкъым, абы «уэсмэныбзэкIэ» йоджэр. Лъэпкъым и блэкIа культурэр зыкъомкIэ игъэмэщIащ. Ильэс Iэджэ хьуауэ а уэсмэныбзэмкIэ тхэхэр нобэрей тыркубзэм хуагъэкIуэж зэман куэди, ахьшэ куэди трагъэкIуадэу. Тырку лъэпкъхэу нобэ шыIэр тIошIым щIегъур, абыхэми зыкъомкIэ и зэран екIащ Ататюрк бзэм ирищIахэр. Материал къэдгъэсэбэпахэр газетхэм, журналхэм кьитхаш, ди интервьюхэм шыщи хэтащ. Радиом кьитхэм ильэс бжыгъэкIэ дызэдэIуауэ зэхуэтхьэсахэри, телевизоркIэ адыгэбзэкIэ кьита нэтынхэм я Iыхьэ зыбжани тешIапIэ тщIащ, ахэр мащIэкъым, конференцихэм щыжытIа гуэрхи хэтщ.

Сыт хуэдэ бзэми хуэсакъын хуейщ, егупсысауэ хамэ псалъэ хэгъэхьэн хуейщ, щхьэусыгъуэншэуи псалъэ хэдзын хуейкъым. Дауэ шыт абыкIэ нобэрей адыгэбзэр? – КIэщIыу жыпIэмэ «кыызэрыкIуэм и мэш» жыхуаIэм хуэдэщ. Хэхауэ абы и унафэ зыми ищIкъым. Адыгэбзэ зэрырагъаджэм куэд топсэлъыхь. Бзэр

зэрырагъэдж учебникхэр зэрыкъэралу хуаухуа стандартым тетщ, абы кърид-зэркъым бзэ къэскІэ зэрызиужьар, и тхыдэр, и методикэр, и кадрхэм я зэфІэкІыр нэгъуэщІхэр.

Къалэм дэс адыгэхэм я бынхэм анэдэлъхубзэр нэхъ мащІау ящІэ, зымыщІэххэри мащІэкъым, ауэ ахэр зэрырагъаджэ тхыльхэр егъэлеяуэ гугъуу зэхалъхъэ. Сабий къалэм щыпсэухэр адыгэбзэкІэ егъэджакІуэ, журналист е нэгъуэщІ адыгэбзэм пыщІа ІэщІагъэлІ хъунукъым. Ахэр тхэфу, псэлъэфу егъэсэ-нырщ зыхуэунэтІын хуейр. Иджырей учебник класс нэхъыщІэм теухуахэр бзэр зыщІэми зымыщІэхэми хуагъэхъэзыр. Псалъэхэр зымыщІэхэм я унэ лэжыгъэхэр кудащ бзухэм, псэущхъэхэм я цІэ щІагъуэрэ къамыгъэсэбэпыжхэмкІэ, кроссвордым нэхъей ахэм гугъу ирагъэхьыр сабийхэм я закъуэкъым, атІэ унэлэжыгъэхэр ягъэзащІэр я анэ-адэхэм, адэшхуэ-анэшхуэ-хэм, я гъунэгъухэм. Я насыпкъэ унэлэжыгъэ еджакІуэхэм езымыт къэралхэм (ахэри щыІэщ).

Бзэр зыщІэхэмрэ зымыщІэхэмрэ зэхэсу ебгъэджын хуейкъым. ЕтІыуанэхэм я къалэныр гъэпсынщІэн хуейщ. Москва сыт жаІэн жэуэ ущІыщысын щыІэкъым ди республикэхэм къэралыгъуэ гуэр жаІэр пэжмэ. Метод кыыхэтхар пыщІащ проблемэ зэккырытхым, егъэпцэныгъэ Іэмалыр нэхъыщхъэщ, бзэр пасэм къэд-гъэсэбэпу зэрыщытамрэ, ар нобэ зыхуэкІуамрэ зэдгъэпщаш, анализ тщІащ лек-сикэр, къэтхъэхуа хамэ псалъэхэр.

Къэхутэныгъэр щедгъэкІуэкІым адыгэбзэм и блэкІар, и нобэр, и пщэдейр щІэтпщыкІащ абы сэбэп къэзыыххэмрэ зэран къэзышэхэмрэ зэхэдгъэкІын мурад диІэу. Хронологие Іэмалым дытету едгъэкІуэкІащ ди псалъэмакыыр, ауэ нэхъыбэу гу зылыттар нобэ къэбэрдей шэрджэсыбзэр зэрыхуа лъэпо-щхъэпохэрщ.

Тхыбзэ диІэ щыхъуа илгъэсхэм хамэ терминологие куэд, псом хуэмыдэу урысыбзэ псалъэхэу кыыхыхъащ адыгэбзэм. ЕджапІэ кыызэІуахахэм, щІэныгъэ зэмылІэужыгъуэ зэфІэувэхэм, газет, журнал кыдэкІхэм, театр кыызэІуаххэм, усакІуэхэм, тхакІуэхэм къагъэсэбэпу щІадзащ термин, фІэщыгъэцІэ димыІа куэд дыдэ. Бзэр, литературэр зыджхэм къагъэсэбэпу щІадза терминхэр псалъэуахахэм щыхагъэувэм адыгэбзэу хэтыр суффикс, префикс къудейт. Апхуэдэт грамма-тикэм пыщІа терминхэри, литературэдж щІэныгъэм ехъэллэхэри. Илгъэс куэд дыдэ текІуэдащ ахэм ящыщ гуэрхэр адыгэ псалъэкІэ зэтхъуэкІыным.

Псалъэм папщІэ, къэтхъынщ щапхъэ зыбжанэ: стихи – усэ, поэт – усакІуэ, рассказ – Іуэтэж (мыр Хъуаж Фахъри и фІыщІэкІэ бзэм иджы дыдэ къиштащ), литературоведение – литературэдж щІэныгъэ, народ – цІыхубэ, обществэ – жы-лагъуэ, нэгъуэщІхэри.

Мыхэр нэхъыбэ хъунут адыгэхэм, нэгъуэщІ ди гъунэгъу лъэпкъ куэдхэми блэкІа лІэщІыгъуэм и пэщІэдзэм, революцэм иужькІэ тхыбзэ щызэхалъхъэм адыгэ псоми зэхуэдэу зы тхыбзэ яухуатэмэ, политикэм щышынэу хамэкъэрал, урыс термин куэдыІуэ къамыштатэмэ, уеблэмэ урыс суффикс узыхуэмей гуэрх-эри ІэщІыб ящІатэкъым. Псалъэм папщІэ, илгъэс куэд щІакъым урыс суффикс «ск» жыхуиІэр къэдмыгъэсэбэпыж зэрыхъурэ. (Ар зи фІыщІэр ди институтым щылажъэ филологхэрщ). Коммунистическэ Партыр – Коммунист парт хъуащ, Советскэ Союзыр – Совет Союз н.кь. Псом къагуроІуэр, сыту жыпІэмэ

адыгэбзэм и хабзэмкIэ а суффиксым ухуейкыым, ар лейщ. Псалъэухам деж щыIэцIэхэмрэ плъыфэцIэхэмрэ япэ итым, иужь хъум я мыхъэнэр ехъуэжыр. Чырбыш унэ жытIэмэ (унэ чырбыш жытIэкъым) – чырбышыр плъыфэцIэ мэхъур, коммунист, Совет Союз жыхуиIэми а кьалэн дьдэр ягъэзащIэр. Урыс суффиксыр урысыбзэм куэд дьдэу кьегъэсэбэпыр, абы уэру кьыхигъэхъэнуш ди бзэм хамэ псалъэхэр.

Нобэрей адыгэбзэм кыгъэщIын хуей псалъэщIэхэм дьтепсэлъыхъын ипэ и гугъу тщIыну абы кьышта хамэ псалъэхэм тепсэлъыхъхэм дьзыхаша лъэпощхъэпыхэм. КIуэ пэтми нэхъыбэ мэхъур апхуэдэ псалъэхэр зэхъуэкIын хуейуэ къэзылътыхтэхэр. Ахэм я нэхъыбэм фIы ящIэ кьщохъур, ауэ адыгэбзэр «ПхъэнкIын» хуейкыым, лъэныкъуэ зыбжанэкIэ егупсысыпхъэщ проблемэм. Адыгэбзэм куэд хэзмыщIыкIхэм, ар зи мыIэщIагъэхэм, кьимылэжьауэ зи цIэр зыгъэIунухэм я Iуэхур щхъэхуэщ, ауэ сэ сызыгъэгузавэр абыхэм егъэджакIуэхэр, университетхэм щылажьэхэр, журналист газетхэм, радиом, телевидением щылажьэхэр зэрахэтыр. Ахэм я IуэхуеплъыкIэхэм сызэрыхуэмыарэзыхэр сэтей къэсщIынщ ди тхыгъэм.

Сэ си гъащIэм и Iыхъэшхуэр щекIуэкIащ университетым литературэ зэхуэмыдэхэр щезгъаджэу, къэсхутэу, абы щыщу адыгэбзэкIэ езгъэджащ илъэсипщIкIэ, щIэныгъэ лэжьыгъэу кьытездзам и нэхъыбэр адыгэ литературэм теухуащ, ауэ мащIэкъым адыгэбзэм и Iыхъэри. Курыт еджапIэм адыгэбзэкIэ сезыгъэджахэр Тут Михаилр (усакIуэт) Кхъуэхъу Цуцэрэщ (тхакIуэ Iэзэт). Сыщеджар интернат Черкесск дэт школ нэхъыфI дьдэм хабжэу щытарщ. Университетым адыгэбзэрэ литературэрэ сезыгъэджар АбытIэ Мухъэб, Урыс Хъэталый, Налло Ахъмэдхъан, ХъэкIуащэ Андрей сымэщ. Ахэм урагъэджауэ адыгэбзэр фIыуэ умыщIэныр гуэныхъщ. Аращ сытезыгъэгушхуэр зыгуэрхэм адыгэбзэм теухуауэ жаIэхэм, ятххэм сыщIемызэгъыу щытым сытепсэлъыхъын. Псом япэу, илъэс куэд пщIэншэу тедгъэкIуэдащ ди алфавитыр «ремонт» щIыну е латин графикэкIэ зэхъуэкIын хуейуэ къэзыгъэуухэм япэщIэтыным. Иужьрейхэм нэхъ ерыщу кьытпэщытахэр Тыркум щыпсэу адыгэхэм я лIыкIуэхэрщ. Ахэр тырку политикхэм ягъэдэIуэщхъут езыхэр зытет латин алфавитхэм адыгэхэри трагъэхъэну. Тырку кьэралыр Евросоюзым хыхъэну хуейти адыгэхэр я бзэкIэ тхэну, мащIэу еджэну, телевизорми дакыкыэ зыбжанэ яIэну хуит ящIати, ахэр зэрытхэн алфавитыр кьыхахыну Дунейпсо конгресс зэхашащ 2003 гъэм «Анкара» деж. Ди республикэхэм икIыу абы хэтащ: БищIо Борис (Къэбэрдей-Балъкъэр), БакIуу Хъанджэрий, Паз Сергей (Къэрэшей-Шэрджэс), Благуэжь Зулкъарин (Адыгей), Сирием, Иорданием, Европэм кыкIа зыбжанэ.

Тыркум и лIыкIуэхэм я еплъыкIэр зэрымытэмэмыр ягурыдгъэIуэну дьхэтащ. А кьэралым щыпсэу адыгэхэр зэреджэр тыркубзэщи абыхэм я дежкIэ нэхъ тынщ адыгэбзэри езыхэм я латин графикэр. Хъэрып кьэралхэм щыпсэухэм я деж хъэрып графикэм, Урысейм щыпсэухэм кирилицэ лъэпкъ куэдым кьагъэсэбэпыр нэхъ Iэрыхуэ хъуну кьыщIэкIынт, ауэ адыгэ псоми я хысэпыр кьэплъытэмэ, а еплъыкIэм арэзы утехъуэнкIэ Iэмал иIэкъым. Совет Союзым кьина адыгэхэм адыгэбзэм, адыгэ культурэм теухуауэ куэд дьдэ яхуээфIэкIащ: адыгэбзэр щаджыр курыт еджапIэхэм, университетхэм, адыгэбзэкIэ кьыдокI газетхэр, журналхэм, литературэм и жанр псомкIи кьыдэкIахэщ тхыль мин

бжыгъэхэр, адыгэбзэкIэ ягъэувыр пьесэхэр. А псор кыызэрагъэщIа алфавитыр зэпхъуэкIмэ аргуэру еджэфи тхэфи щыIэжынукуым, кыытщIэхъуэхэм яфIэкIуэдынуш илгъэсищэкIэ зэфIэдгъэува культурэр. Хамэкъэрал щыпсэу адыгэхэм абы и Iыхъэ щани ирагъэщIакъым. МахуиппIкIэ дызэдэIуаш. (Нэхъ гуащIэу сэрэщ япэщIэтар тыркухэм я лIыкIуэхэм, дэ кыддэщIащ Сирием, Иорданием, Европэм кыикIа адыгэхэр).

Илгъэс зыбжанэ дэкIри ди дауэгъухэм къагурыIуэжаш зэрымызахуэр, ауэ тырку щыльхухэм (ахэр лгъэпкъ 23-м носыр) мыувыIэу а проблемэм хэтщ. Нэхъ проблемэ цIыкIукуым нобэрей адыгэбзэм зэрызиужьыным ехъэлIа гуэрхэр. Ар щынэрылгъагъуш лексикэм, бзэм псалгъэщIэу кыыхыхъэм, хэкIыжхэм. Мис мыбдежым жыджэру еплъыкIэ зэхуэмыдэхэм я бжыгъэр нэхъ куэд хъууэ макIуэр. Адыгэбзэр къэрал унафэм щыщIэмыткIэ щхъэж и щхъэ кыиххэр желэр, етхыр. Нэхъ зэранышхуэ къэзыыххэр адыгэбзэм илгъэс куэдкIэ хэта, хэзэгъа термин, латиньбзэм, урысыбзэм тхыдэшхуэрэ, культурэшхуэрэ зиIэ «дунейпсо бзэуэ къалгъытэхэм къахэкIахэр хэдзын хуейуэ, адыгэбзэ «къабзэ» щIын хуейуэ къэзылгъытэхэрщ. Щапхъэр гъунэжщ. КыыщIэздэнщ си хэкуэгъу Къэрэшей-Шэрджэсым щыщхэу пщIэ зыхуэсщIэхэмкIэ. Брат Хъэсин Республикэм и щIыхъ зиIэ журналистщ, филологии щIэныгъэмкIэ кандидатщ. Бзухэм ятеухуа тхыль щхъэпэ кыыдигъэкIащ псэущхъэм триухуари кыытекIынуш. Илгъэс зыбжанэкIэ адыгэбзэкIэ диктору Черкесск деж щылэжъащ. («Шэрджэс Левитан» цIэр телукащ, Левитан и чэнджэщ кыылысащ). А псори фIыщ, ауэ абы и статья «Анэдэлгъубзэр дяпэкIи щыIэну дыхуеймэ», жыхуиIэм щитххэм арэзы утехъуэныр гугъуш, укъэзыгъэгубжьи, уи дыхъэшхэн къэзыгъакIуи хэтщ. Псалгъэм папщIэ абы етхыр: «Игъуэ хъуащ «топ» псалгъэр зыхэт спорт джэгукIэхэм я цIэхэр адыгэбзэкIэ жытIэну: «футбол» – лгъэтоп, «баскетбол» – матэтоп, «гандбол» – Iэтоп, «волейбол» – топзэхуэдз». Авторым и фантазием утетмэ, езы «топ» – жыхуиIэри тыркубзэщ. Ар сыткIэ зэпхъуэкIыну. Футбол джэгукIэр Англием щыпсэухэрщ. Дэ дыщыщIыкIум дызэрыджэгугуу щытар «бацэ топщ» [Братов 2022]. Абы идэкъым килограмм псалгъэр (латиньбзэм кыыхэкIар) щIатхыр, «металл» псалгъэм и пIэ «дахащэу нэхъ шэрыуэу» «гъу(ъ) терминыр «хъувэну къелгъытэр» [Братов 2022]. Урысыбзэм езым кыищта хамэ псалгъэ куэду ди бзэми кыыхэхъащ. Апхуэдэхэщ Хъэсин Iумпэм ищI терминхэу: конгресс, комиссие, форму, семинар, инвестицие, субсидие, кредит жыхуиIэхэри, ахэм щыщ хъарзынэу адыгэ псалгъэ ящIыу желэр: конгрессыр – зэхуэсышхуэ, конференциер (щIэныгъэ конференциер Хъуат Фахъри зэрехъуэкIыр (щIэнIуатэкIэ).

И цIэр кыыщитIуакIэ Хъуаж Фахъри деж дыкIуэнщ. Ар зымыщIыху адыгэ куэд щыIэкъым, дин IэщIагъэмкIи, юрист IэщIагъэмкIи ищхъэ щIэныгъэ иIэщ. Илгъэс куэд щIауэ адыгэ лгъэпкъым хуолажъэр, Хасащхъэм хэтщ, Тыркуми, Къэбэрдей-Балгъкъэрми, Адыгейми илгъэс бжыгъэкIэ щыпсэуаш, щылэжъащ, куэд ещIэр, куэди хузэфIокIыр, фIыуи солгъагъур, ауэ абы «и щхъэфэ симыIэбзэу» хъунукуым къэсIуэта проблемэм ехъэлIауэ. Абы адыгэбзэ ищIащ «рассказ» урысыбзэ терминыр, ар зэрызэрихъуэкIа псалгъэр – «Iуэтэж» жыхуиIэр хуэфашэу, бзэми кыищтэ хуэдэщ, ауэ адрей зэрихъуэкIыну кыигъэлгъагъуэхэр лейуэ кызолгъытэр: физкультурэ – пкыыгъасэ, компьютер – щIэныгъэпс, память – Iурыубыдэ, руль – гъэзалгъэ, доска – тетхапIэ, диктофон – макъыщтэ машынэ,

пидджак – цей кІэщІ, пенсия – гуфІапщІэ (куэдым я пенсием уигъэгуфІэн си гугъэкъым). Адыгэм куэд хуэзыщІа, хамэкъэрал кыкІыжу и хэкужъым илгъэ зыбжанэ щыпсэужа Абазэ Ибрэгими. Мыбы адыгэхэм къэдгъэсэбэп псалгъэ зыкъом кыритхэкІащ, ахэр кызыыхэкІа бзэхэмрэ адыгэбзэкІэ кыкІуу кыилгъытэхэр бгъурыту. КъыхэттхыкІынщ арэзы дызытемыхъуэхэр, зэхъуэкІын хуэмейхэр, зэрызэридзэкІар мытэмэмхэри хэту:

Район – латин. – жылагъуэ ?

Гуэныхъ – араб. – псэкІуэд ?

Тэмэм – араб. – ирикъун ?

Хьэлэмэт – араб. – гъэщІэгъуэн – мыхэр куэд щІауэ хэт адыгэбзэм

Делэ – тырку. – щхъэзэ – мыр нэгъуэщІу, узыфэщ.

Уахъты – араб. – и пІалгъэ, мыр хэтиц бзэм.

Сатыр – араб. – аргъынэ – мыбы кыкІыр нэгъуэщІу.

Зэчий – араб. – губзыгъэ – мыбы кыкІыр нэгъуэщІу.

Куй – фарс. – къуажэ.

Ахъшэ – тырку. – нэгъуэщІу – мыр диалект, ахъшэр псоми ящІэр.

Къалэм – араб. – тхэрыпс, мыбыи зыкІи дыхуейкъым.

Шакъэ – араб. – тхэпс – мыри узыхуэмей фантазиеш.

Нэмыс – араб. – щІыхъышхуэ – тэмэмкъым?

МелыІыч – араб. – тхъэбзацилэ – сыткІэ ухуей?

Анатомия – латин – Іапкълъапкъ – нэхъыкІэжщ, щыуагъэщ.

Хъарбыз, хъэуан, мамэ, хъэзыр, хъэрэм, Іэмал, хъэтыр, фейдэ, ахъшэм, сэлэт, армэ жыхуиІэхэр адыгэ псоми ящІэр, ахэр куэд щІауэ кыдогъэсэбэпыр, зэхъуэкІын хуейуэ зыми кыигъэувыркъым.

Хамэ къэралхэм щыпсэу адыгэхэм, псом хуэмыдэу ди хэкум къэзыгъэзэжахэм лгъэкІыныгъэ яІакъым иджыри яІэкъым адыгэбзэр школхэм щаджыну, и гугъэ умыщІыххэ и щхъэ еджапІэхэм. Ахэм фІыщІэ гуапэ яхуэщІын хуейщ адыгэбзэм зэрытегузэвыхъым щхъэкІэ, ауэ къагъэуу хэкІыпІэхэр щІэныгъэм теухуахэкъым. Дэ къэрал дыщыпсэур Урысейщ, къэралыбзэр урысыбзэщ, урысыбзэращ кызыыхэтхыр дунейпсо цивилизацэм кыигъэщІ щІэныгъэхэм, политикэм, къэхъукъащІэхэм, тхыдэм, литературэм пыщІа терминхэр, псалгъэщІэхэр. Урысыбзэр, шэч хэмылгу тхыбзэ кІасэу зыІэрыхъа лгъэкІхэм я кыыхэкІыпхъэщ, зыгъэбейщ, ауэ абы ижъ кызыэрыщІихур лгъэхъэнэ къэс зэхуэдэкъым. 20-40 гъэхэм урысыбзэ куэдыІуэ кыыхыхъащ. Ахэр нэхъ мащІэ хъууэ щІидзаш иужьрей лгъэхъэнэхэм, ауэ урысыбзэм ди бзэм кырита псалгъэхэм мащІэкъым езы урысыбзэм кыихъахуа терминхэри. Куэдщ латиныбзэ нобэ мыпсэтым кыыхэкІахэр, хъэрыпыбзэм, тыркубзэм, инджылыбзэм, французыбзэм, испаныбзэм, нэмыцэбзэм кыыхэкІахэр. Ахэм урысыбзэкІэ зэреджэр «интернациональная лексикэ» жэуэщ. Мис абыхэм хуэсакъын хуейщ, ахэм я нэхъыбэр адыгэбзэм куэд щІауэ хэтхэщ, хэсыхъащ, ди блэкІа лгъэхъэнэхэм лгъэкІыи илгъэа тхыгъэхэм уэру хэтщ.

ИщхъэкІэ зэрыжытІаши, иужъ зэманым ахэр адыгэбзэм хэзыгъэкІыным я бжыгъэр хэхъуэ зэпытщ. Ди жагъуэ зэрыхъунщи, ди блэкІа культурэм и зэран

зезыхуэхэм япэщІэтыным ипІэкІэ ди журналистхэм зэпеуэу (Къэбэрдейм дежи, Шэрджэсми, Адыгейми) езыхэм термин дызэсахэр зэрахъуэкІыр абыхэм яхуэмыфашэ псалъэхэмкІэ. Къэтщтэнщ «район» псалъэр, сыт ар «хьэрэм» щІащІыр. Мыр нэхьыбэ дьдэрэ къагъэсэбэпыр адыгэбзэми, литературэми, политикэм хэтхэми, документ минищэ бжыгъэхэми. Ди щІэблэ къэхъухэм, къэхъунухэм дауэ къазэрыгурыІуэнур абы и мыхьэнэр.

Районыр куйекІэ зэрахъуэкІащ. Бзэ куэдым къагъэсэбэп «районыр» а мыхьэнэр къызэрымыкІ тырку псалъэ «куейкІэ» хагъэхьащ журналистхэм. Абы ипэ къыхуэу районым арэзы темыхъуэхэм вариант зыбжанэ утыкум къыралъхьащ: хэшыгъуэ [Сидакова 2015: 21], куэпсэ [Тлимахова 2019: 170]. Мыбы и шапхъэхэр мащІэкъым. Хэти зэрехъуэкІ: композитор – мэкъамэтх, балетместер – къафэгъэпс, библиотекэ – тхылъэщ н.къ. ЗэхъуэкІын хуей «нэм къыщІэуэу» къагъэсэбэп къуажэкІэхэм я фІэщыгъэцІэхэр – «Малэ Зеленчук» (КъШР), «Верхно Акъбаш» (КъБР) нэгъуэщІхэр. Ди бзэм хэмыт къыпщыхъунщ «Малэ», «Верхнэ» псалъэхэм пэшэчын.

Арэзы сытехъуэкъым (нэмыщІ куэд дьдэхэми яфІэтэмэкъым) «культура» псалъэр ІэщІыб ящІыну «щэнхабзэ» зэрыхагъэхьар. Лъэпкъ зызыужьауэ дунейм тетым «культурэ» псалъэр хэтщ, ар мыхьэнэ куэд дьдэм епхауэ къагъэсэбэпыр: культура речи, культура производства, культура поведения, культура земледелия, животноводства н. къ. Іэджэ. Дэ дынэхъ Іуцу пІэрэ псом нэхьрэ? Энциклопедии «щІэнгъуазуэ» къыщІэкІынкъым. Ди зэманым адыгэхэми, дэр хуэдэу тхыбзэ гувауэ къызыІэрыхьахэми я бзэм хамэ къэрал, псом хуэмыдэу урыс псалъэ куэдыІуэ къыхэхьащ, ахэр щІэныгъэ димыІахэм, хьэпшып, псэуалъэ нэгъуэщІ димыІахэм я гъусэу къэкІуахэщ. Ахэм я фІэщыгъэцІэхэм щыщу зыкъоми «адыгэбзэкІэ» зэрахъуэкІащ лъэхьэнэ зыбжанэкІэ, ауэ нобэ хуэдэу емыгупсысу «адыгэбзэр зыпхьэнкІын» куэд утыкум къыхьакъым.

Иджыри зы шапхъэ къэсхьынщ лъэпкъыр гупитІ хъуауэ щІызэдауэ Іуэху. ИщхьэкІэ зэрыжытІащи «интернациональная лексикэ» жыхуиІэ термин лъэпкъышхуэхэм къагъэсэбэпыр календарым щыщ мазэцІэхэр. Ахэр ди бзэми зэман куэдкІэ хэтащ зыри зэгуамыгъэпу, гукъанэ хуамыщІыу. Ахэр: январь, февраль, май ...» жыхуэтІэхэр. Адыгэ псалъэм щылажьэ, пщІэшхуэ зыхуэсщІ, щІэныгъэ лъагэ зиІэ щІалэжытІ еувалІэри а псори адыгэбзэ ящІащ. Ахэр цІыхубэм еупщІахэкъым (хэт ахэм еупщІахэр). Сэ цІыхубэм сащыщти, сапэщІэуващ, ауэ къысхуэгъэшахэкъым. Илъэс зыбжанэ хъуауэ Іэджэми соушщІыр: зэрыщытар нэхьыфІт хьэмэрэ нобэ зэращІар (... бадзэуэгъуэ, мэкъуауэгъуэ, щакІуэгъуэ...) тэмэму къэфлътэрэ? ЦІыхухэм я нэхьыбапІэм къыхахыр япэу зэрыщытарщ.

Псалъэм папщІэкІэ, къэсхьынщ Хьэбзэ къуажэм адыгэбзэкІэ езыгъаджэхэр, методистхэр, районым и унафэщІ гуэрхэри щІэсу дытепсэлъыхьт егъэджэныгъэм, бзэр хьумэным, абы зегъэужьыным теухуауэ. Си къэпсэлъэныгъэм и кІэм деж захуэзгъэзащ: мазэцІэхэр зэрыщытамрэ иджы ахэр адыгэбзэкІэ зэрызэрахъуэкІамрэ сытым фырителъхьэ – жысІэри. Я Іэр езгъэлэтати, цІыху ищІым щІигъум щыщу зыплІытху фІэкІа къахэкІакъым иджы зэращІам и телъхьэу. Япэрауэ, зэуэ псалъэ 12 зэуэ яхуэзгъащІэкъым нэхьыбэм. ЕтІуанэу, цІыхубэ календарыр яхъуэж зэпытыр цІыхубэм, терминхэмрэ я мыхьэнэмрэ щызэтемыхуэри имызакъуэу дыхьэшхэн щыхъуи щыІэщ. ЩІыпІэ зэхуэмыдэхэм

дежи щызэтемыхуи урохьэллэр. Къэтштэнщ Пашлэ Бэчмырзэ и зэманым мазэцлэхэм еджэу зэрыщытар (Абы и ныбжьэгъу Чэлимэт Хьэжумар зэрыжиламклэ: щышылэ, мазэхъуанэ, уэдыбэ, уэдыжьыхь, накьыгъэ, напхъуэ, шыщхьэлъу, хьэстул, фокладэ, вэн, тхьэщлэн, пхьэзей. Абы щыщу ди деж къэсар нэхь мащлэщ хэклыжам нэхьрэ. Мазэцлэхэр гъэм и лъэхъэнэм хуэдэу зэрахъуэкI щыгъынкъым. Дунейпсом щызоклэу январь, февраль, март, апрель... жы-хуэтлэхэр илъэсищэ куэдкIэ зэрамышъуэкIыу, псори арэзыуэ зокIуэр. Дэнэ нобэ дызыхуаша календары вариант зыбжанэу ягъэхьыбэращ «адыгэр нэхьыфIыу зылъагъухэм».

Иджыри зы лъэпощхьэпо хэкIыплэ кыхуэбгъуэтыну Iэмал щлагъуэ зымылэу: Адыгэ псомт я зэхуэдэу литературэбзэ ухуэным теухуауэ. Куэдрэ емыгупсысу ар псынщIэу зэбгъэпэщыну жызылэр мащлэкъым. Абы жалэр: дэнэ щыпсэу адыгэхэри псори дызылъэкъыщ (ар пэжщ, зыри пылъхьэн хуейкъым), дызэрыпсалъэри зы бзэщ, тIэкIу делэзэмэ, тхуэщIынущ зы литературэбзэ. Мисмыбдеж шэч кытехьэн хуейщ. Ди жагъуэ зэрыхъунци, Адыгейм щыпсэу адыгэхэмрэ, Къэбэрдей-Балъкъэрым, Къэрэшей-Шэрджэсым щыпсэухэмрэ я бзэр зэпэлэщIэ хъуащ, лексикэм имызакъуэу зэтемыхуэ хъуащ макъ зыгуэрхэри. Иужьырейр нэхь проблемэшхуэщ.

Урыс-Кавказ зауэ илъэсищэкIэ екIуэкIам зэпэлэщIэ ищIащ Псыжь адэкIэ щыпсэуа нобэ «адыгей» хъуахэмрэ Псыжь мыдэкIэ щыпсэуа къэбэрдейхэмрэ. Ахэр зэкIэлъыкIуэн ялъэкIтэкъым, абы къишэт я псалъэкIэри зэпэлэщIэ хъуныр. Ауэ гъэщIэгъуэнщ: къэбэрдейхэм я бзэмрэ адыгейхэм я бзэ хъуамрэ нэхьри зэтемыхуэ щыхъуар тхьбзэ ялэ хъуа нэужьщ. Революцэ зыщIа коммунистхэм (большевикхэм) адыгэхэр лъэпкъищу ягуэшащ: кабардинцы, черкесы, адыгейцы, ахэр субъектищым (Къэбэрдей-Балъкъэрым, Къэрэшей-Шэрджэсым, Адыгейм) щыпсэу хъуащ. Псоми я алфавитыр щхьэхуэу зэхалъхьэну къалэн щашIащ япэрей щIэныгъэ зыгъуэта гуэрхэм. Адыгеймрэ къэбэрдейхэмрэ я литературэбзэм лъабжьэ хуащIар диалект зэхуэмыдэхэрщ, я алфавитхэми я зэхуэдэ макъхэр зэхуэмыдэ хьэрфкIэ кыщагъэлыагъуи хыхьащ. ГъэщIэгъуэнщ, ауэ хамэкъэрал щыпсэу адыгэ тхьбзэ зымылэхэр, диалект зыбжанэкIэ псалъэхэр нобэ нэхь зэгуролуэр нобэрей къэбэрдейхэмрэ адыгейхэмрэ нэхьрэ. Ар и Iэужьщ зэтемыхуэ алфавит, зэхуэмыдэ диалектхэр зэрырагъаджэу зэращIам.

Адыгэ псоми я зэхуэдэ литературэбзэ пщIыныр егъэлеяуэ гугъуш. БзэщIэныгъэм нэхь куэд дыдэ хуэзыщIа Къумахуэ Мухьэдин зэритхымкIэ ар тхуээфIэмыкIын Iуэхуш. Нобэ къэралым бзитIу къилъытащ адыгейбзэмрэ къэбэрдей-шэрджэсыбзэмрэ, ахэр щхьэхуэу щаджыр курыт еджаплэхэми университетхэми. ТIум языр кыххэпхын хуейщ е зы бзэр текIуэн хуейщ. А тIуми еувэлIэнукъым къэралри езы республикэхэри. Апхуэдэ реформэхэми илъэс куэд дыдэ ихьынуш. Дауэ щытми ди Iэр зэтэдзауэ, нэхьри зэпэжыжьэ дызэрыхъум деплъу дыщыс хъунукъым. Сэ сызэреплъымкIэ зэпэлэщIэ дызэрыхъур къэгъэувылэн хуейщ. ПсалъэщIэу ди бзэхэм кыхыхьэхэр дызэгурылуауэ зэхуэдэ фащэм игъэувэн хуейщ. КъыдэгъэкIын хуейщ адыгейхэми къэбэрдей-шэрджэсхэмрэ я зэхуэдэу хэт псалъэхэм я псалъальэ. Дыхуейщ дызэрызэтемыхуэ псалъэхэми я псалъальэ. Ди алфавитхэм еIэзэщIэн хуейщ Къумахуэ Мухьэдин и чэнджэщхэм тещIыхъауэ [Кумахов 2006: 40-49].

Иджыри зы лъэпощхъэпо бзэщІэныгъэм щІыпІэ хэха щимыгъуэтауэ. Дэ куэдрэ дытопсэлъыхъ дызэрытхэм, ауэ и гугъу тщІыкъым дызэрыпсалъэм, «орфоэпие» жыхуиІэм. Сэ зи гугъу сщІыр унэм, уэрамым дыщызэрыпсалъэр аракъым, атІэ литературэбзэм кыгъэуу мардэм тет псалъэкІэр. Ар зыІурылтыр щІэныгъэлІхэрщ, егъэджакІуэхэрщ, журналистхэрщ, тхакІуэхэрщ. Мыхэр хуэсакъын хуейщ я псалъэкІэм, хабзэм тетын хуейщ. Мы Іуэхур хъэдэгъуэдахэ щІыхужыпІэн щхъэусыгъуэхэр мащІэкъым. Мыбы теухуауэ илъэс куэд хъуауэ содаІуэр радиом, сопль теленэтынхэм, соджэ газетхэм, шыуагъэу ящІхэр кыщІы-зотхыкІыр. Урысыбзэ псалъэхэр имычэзууэ жызыІэхэр ауан ящІыр ди тхакІуэхэм, артистхэм. Сэри нэхъ гъэщІэгъуэну зэхэсха гуэрхэр къэсхынщ: «Поздравить фызощІыр» (кыуажэм дэс фызыжыщ жызыІэр), «Праздникыр отмечать дощІ, ди руководителхэри ди гъусэу», (кыуажэм дэс ухуакІуэщ), «Квартирэм и балконыр хуитщ, кушеткэм уису спать пщІыну фІыщ» (сэ унэ сылтыхъуэу адыгэ фыз гуэрым кыызжиІащ), «Алыхъ, не знаю» (Адыгэ тыкуэнтесым кыызжиІащ), «Первый автору» нэгъуэщІ куэд.

Апхуэдэу нэм кыщІэмыуэми, литературэбзэм тет, псалъэкІэми щымащІэкъым тэмэму мыпсалъэхэр. Гъунэжщ суффикс «къым» ипІэкІэ «Іым» жызыІэхэр: диІэІым – диІэкъым, пфІэфІІэ – пфІэфІкъэ, кыпхуэпсэлъІым – кыпхуэпсэлъкъым (мыхэр адыгэбзэкІэ радиом и нэтын закъуэм – 20.07.22 г. Къыхэтхаш, ауэ щапхъэхэр куэд дыдэщ, адыгэбзэкІэ езыгъаджэхэми жызыІэхэри, журналистхэри мащІэкъым). Макъ «дж»-м ипІэкІэ адыгэбзэм хэмытыж макъ «г» жызыІэхэми урохъэлІэр: пщэдг`ыжъ – пщэдджыжъ, г`эдыкІэ – джэдыкІэ, иг`ыпсту – иджыпсту н. Апхуэдэу «кІы»м ипІэкІэ бзэм хэмытыж макъ к` –къапсэлъ: шк`э – шкІэ, хэк`ыпІэ – хэкІыпІэ. Къэрэшей-Шэрджэсым щыпсэу адыгэхэм къамыгъэсэбэпу къэбэрдейхэм лейуэ макъ щыхагъэхэр гъунэжщ: фІэфІыуэ – фІэфІу, кыыхихыуэ – кыыхихыу, н. Щапхъэхэр хэщ ятххэми къапсэлъхэми. МащІэщ, ауэ укъэзыгъэуІэбжъ псалъэкІи урохъэлІэр «жысІащ» псалъэм ипІэкІэ «зысІащ» жэуэ, «гупсысэм» и пІэкІэ «гупсыпсэ» къэзыгъэсэбэп. Япэрей псалъэр «гупщысэ» жыхуэтІэр хамэкъэрал щыпсэу адыгэхэм ящыщхэми, Къэрэшей-Шэрджэсым щыІэхэм апхуэдэщ зэраІурылтыр, къэбэрдей закъуэрщ ар «гупсысэ» щыхъуар.

НэгъуэщІ шапхъэ Іэджи къэпхыфынущ адыгэ литературэбзэм и мардэхэм темыту щыпсалъэ, дэ и гугъу тщІыкъым унэм, уэрамым, кыуажэм дэсхэу адыгэбзэр зи мыІэщІагъэхэм. Псом хуэмыдэу сакъын хуейхэр егъэджакІуэхэрщ, журналистхэр, щІэныгъэлІхэрщ, тхакІуэхэрщ. Иужьрейхэм бзэр къулей ящІыр, псалъэ шэрыІуэхэр, жыІэгъуэ дахэхэр хагъэхэр бзэм. Ахэр я анэдэлъхубзэкІэ псалъэни, тхэни зэрыхуейм зыми шэч кытрихъэкъым, ауэ иужь зэманым урысыбзэкІэ тхэ адыгэхэр нэхъыбэ мэхъур. Ар къешэр ди гъащІэм кыщыхъу псэукІэм. ЩІэныгъэлІхэр зодауэр, хэти нэгъуэщІыбзэкІэ тхэным и телъхъэщ, хэти ар идэкъым. Идэкъым хамэбзэкІэ тхэныр осетин литературэдж цІэрыІуэ Нафи Джусойты. Ар и акъылэгъу дунейпсом кыщцацІыху И. Тургенев, къэтхынщ абы и псалъэ: «Вы верите, что я мог когда-либо написать хоть одну строчку на ином языке кроме русского?.. Для меня субъект, который выдает себя за писателя и пишет больше, чем на одном – а именно на своём родном языке... Жалкая бездарность... И не своим-то на родном, едва можно сладить с образами,

с мыслями» К. Хетагуров согласен «лучше не скажешь и точнее – тоже» [Джусойты 2003: 72-73]. Апхуэдэу гуащIэу жыIэн хуей си гугъэкъым, аращ я псалъэхэм шыщ гуэрхэр щIыхэзгъэкIар. И мыбзэкIэ тхэхэм сыт хуэдизу тхакIуэ цIэрыIуэу шытми Тургенев я жагъуэ хъун псалъэ жиIэн хуеякъым. Хэти хуитщ зэрытхэн бзэр кыхыхыну. БзитI-бзищкIэ хъарзынэу тхэуэ шытам хэтщ литературэм и тхыдэм, ауэ нэхьыфIу кыщIэкIынщ анэдэльхубзэр кыхыхыныр.

Апхуэдэ щIыкIэкIэ, сэтей къэтщIащ адыгэ литературэбзэм нобэ шыщIэныгъэу иIэр, ар кызырагъэсэбпыр бзэм хуагъэува мардэхэм зэрытемыхуэхэр. Абы щхъэкIэ жытIахэр щIэдгъэбыдащ шапхъэ IэджэкIэ, а шапхъэхэр кыхыхэтхаш газетхэм, журналхэм, радиом, телевидением и нэтынхэм. Щыуагъэ кыщыдгъуэтащ егъэджакIуэхэм, журналистхэм, щIэныгъэлIхэм я лэжыгъэ зэхуэмыдэхэм. Зэрытхэм нэмыщI ди къапсэлъэкIэм и Iыхъэ лей хухэтхаш. Ди жагъуэ зэрыхъунщи, «орфоэпием» елэж ди щIэныгъэлIхэм яхэткъым.

ДызыкIэлъыплъа материалхэм проблемэ нэхьыщхъэу адыгэбзэр зыджхэри, ар къэзыхутэхэри зытелэжъэн хуейр адыгэ литературэбзэр зэрыхуа лъэпощхъэпохэр гъэмэщIэнырщ, ахэр епхаш нэхьыбэу бзэм кыхыхыпсальэщIэхэр егупсысауэ, адыгейхэми къэбэрдейхэми зэтэхуэу къэщтэнырщ. Мыхъэнэшхуэ иIэщ бзэм хэкIыж псалъэхэм хуэсакъыным. Ди жагъуэ зэрыхъунщи, ди зэманым адыгэбзэм куэд щIауэ кыхыхыпсальэ хэзэгъа урыс псалъэ, «интернационал» псалъэ куэд хэзыдзыну къэзыгъэувыр нэхьыбэ мэхъур. (Абы я шапхъэ куэд къэтхаш). ЗыкIи нэхьыфIкъым ди псалъэкIэри, ар мащIэкъым литературэбзэм и мардэм шытемытыр. Дыщогугъыр дызыхуэкIуа чэнджэщхэр къащхъэпэну адыгэбзэкIэ езыгъаджэхэм, студентхэм, ар къэзыхутэхэм, журналистхэм.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Братов 2022 – *Братов Х.* Если хотим, чтобы и дальше продолжал существовать [на каб.-черк. яз: Брат Хь. ДяпэкIэ шыIэну дыхуеймэ] // Электронная газета «Адыгэ псалъэ». – 2022, 13 марта. – Режим доступа: <https://apkbr.ru/node/3767> (дата обращения: 09.06.2025).

Сидакова 2015 – *Сидакова Б.* Адыгский очаг Касейхабля [на каб.-черк. яз: Сидакъ Б. Къэсейхъэблэжъым и адыгэ жьэгур] // Лъахэ. – 2015. – С. 17-23.

Тлимахова М. – *Тлимахова М.* Открытый урок [на каб.-черк. яз: ЛIымаху М. Дерс зэIуха] // Хэку. – 2019. – № 1. – С. 169-175.

Кумахов 2006 – *Кумахов М.А.* О новом проекте унификации алфавитов и орфографии // Кабардино-черкесский язык (КЧЯ): в 2 т. Т. I. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.: Эль-Фа, 2006. – С. 40-49.

Джусойты 2003. – *Джусойты Н.Г.* Книга друзей: Сочинения последних лет. – Нальчик: Эльбрус, 2003. – 176 с.

REFERENCES

BRATOV H. *Esli hotim, chtoby i dal'shej prodolzhal sushchestvovat'* [If we want it to continue to exist]. IN: Electronic newspaper "Adyghe psal'e". – 2022, March 13. – Access mode: <https://apkbr.ru/node/3767> (date of access: 06/09/2025). (In Kabardian-Circassian).

SIDAKOVA B. *Adygskij ochag Kasejhablya* [Adyghe hearth of Kaseyhabl]. IN: L'akhe. – 2015. – P. 17-23. (In Kabardian-Circassian).

ТЛИМАНОВА М. *Otkrytyj urok* [Open lesson]. IN: Heku. – 2019. – No. 1. – P. 169-175. (In Kabardian-Circassian).

КУМАКHOV M.A. *O novom proekte unifikacii alfavitoj i orfografii* [On the new project of unification of alphabets and spelling]. IN: Kabardino-Circassian language (KCHY): in 2 volumes. T. I. – Nalchik: Republican Printing Plant named after the Revolution of 1905: El-Fa, 2006. – P. 40-49. (In Russ.).

ДЗХУСОУТЫ Н.Г. *Kniga družej: Sochineniya poslednih let* [Book of Friends: Works of Recent Years]. – Nalchik: Elbrus, 2003. – 176 p. (In Russ.).

Авторым теухуауэ

Бакуу Хъ.И. – филологие щІэныгъэхэмкІэ доктор, профессор.

Information about the author

Kh.I. Bakov – Doctor of Science (Philology), professor.

Информация об авторе

Х.И. Баков – доктор филологических наук, профессор.

Тхыгъэр редакцэм кърагъэхьащ 24.07.2025 гъ.; рецензэ нэужьым къащтащ 15.09.2025 гъ.; кытрадзэнуш 27.09.2025 гъ.

The article was submitted 24.07.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

Статья поступила в редакцию 24.07.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

Персоналии

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-504-510

EDN: YSKCQT

АНЗОРУ ВИКТОРОВИЧУ КУШХАБИЕВУ 60 ЛЕТ

Для цитирования: Анзору Викторовичу Кушхабиеву 60 лет // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 504-510. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-504-510. EDN: YSKCQT.

© Электронный журнал «Кавказология», 2025

Personalities

ANZOR VIKTOROVICH KUSHKhabIEV IS 60 YEARS OLD

For citation: Anzor Viktorovich Kushkhabiev is 60 years old. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 504-510. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-504-510. EDN: YSKCQT.

© Electronic journal «Caucasology», 2025

В 2025 г. свой 60-летний юбилей отмечает известный историк, исследователь истории черкесского (адыгского) народа, доктор исторических наук Анзор Викторович Кушхабиев.

Кушхабиев Анзор Викторович родился 27 сентября 1965 г. в г. Нальчик Кабардино-Балкарской АССР в семье служащего. После окончания исторического факультета Кабардино-Балкарского ордена Дружбы народов государственного университета (КБГУ, г. Нальчик) в 1987 г. и стажировки в том же университете в 1988 г., обучался в аспирантуре в Институте Африки РАН (г. Москва), где в 1991 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, а в 1998 г. – диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Важно, что именно студенческие и аспирантские годы юбиляр считает наиболее значимыми в формировании его профессиональных навыков и научной позиции, во главе которой он ставит принцип объективности и отказ от влияния идеологических установок и личных взглядов.

В 1992-2009 гг. А.В. Кушхабиев работал в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований в должностях научного, старшего, ведущего научного сотрудника и заведующего Отделом источниковедения. С 2010 г. – ведущий

научный сотрудник, с 2021 г. – главный научный сотрудник Центра социально-политических исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН (г. Нальчик). С 2018 г. – заведующий этим центром. С 2025 г. – главный научный сотрудник и начальник Научно-инновационного центра «Экспертные системы источниковедения и историографии» КБНЦ РАН.

Сфера научных интересов Анзора Викторовича разнообразна. Его важнейшим вкладом в историческую науку является исследование истории и современных проблем зарубежной черкесской диаспоры. Благодаря трудам А.В. Кушхабиева комплексное историко-этнологическое и политологическое изучение зарубежной черкесской (адыгской) диаспоры сформировалось как важное научное направление. По данной проблематике им опубликован ряд научных работ, в том числе монографии: «Черкесы в Сирии» [Кушхабиев 1993а]; «Черкесская диаспора в арабских странах (XIX-XX вв.)» [Кушхабиев 1997]; «Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры» [Кушхабиев 2007а]. В этих обобщающих работах, подготовленных на основе диссертационных исследований автора, показаны: характер основных периодов миграций черкесов (адыгов) за пределы Кавказа; процессы адаптации черкесских иммигрантов в регионах Османской империи во 2-й половине XIX в. и в странах Европы и США в XX в.; роль черкесских диаспор в социально-политической жизни стран Ближнего Востока и Северной Африки в Средние века, Новое и Новейшее время; актуальные этнокультурные и этнополитические процессы в среде зарубежной черкесской диаспоры в Новейший период. Следует отметить, что кандидатская диссертация А.В. Кушхабиева является первым в стране научным исследованием зарубежной черкесской диаспоры, начиная с её формирования.

Особый интерес у читателей вызвала монография А.В. Кушхабиева «Проблемы репатриации зарубежных черкесов: история, политика, социальная практика» [Кушхабиев 2013], написанная в период обострения Черкесского вопроса на международном уровне. В ней представлено исследование проблемы репатриации зарубежных черкесов во второй половине XIX – начале XXI в., анализ правовых, социально-экономических и культурно-психологических аспектов адаптации черкесов-репатриантов в Кабардино-Балкарской Республике и Республике Адыгея.

Следует отметить, что источниковедческой, информационной базой указанных исследований являются: архивные документы (документы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ г. Москва); Османского государственного архива Турции (г. Стамбул); Управления Центра документации Новейшей истории Архивной службы КБР (УЦДНИ АС КБР, г. Нальчик)); опубликованные сборники документов и материалов; мемуарная, научная и публицистическая литература; полевые материалы, собранные автором в среде черкесских диаспор в Турции, Сирии и Иордании в 90-е гг. XX – начале XXI в.; результаты социологических исследований, проведенных автором в этих странах и в среде черкесов-репатриантов в республиках Северного Кавказа (Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская Республика).

Анзор Викторович в своем научном творчестве особое значение придает источниковедческой базе исследований и, прежде всего, выявлению и детальному

анализу архивных документов и материалов. Большой интерес у специалистов – востоковедов и кавказоведов вызвал сборник документов «История адыгов в документах Османского государственного архива Турции» [История ... 2009], составителем, автором введения и комментариев (в соавторстве) которого является А.В. Кушхабиев. В сборник включены документы Османского государственного архива Турции по истории адыгов и других народов Северного и Западного Кавказа в последней четверти XVIII – начале XX в. В них отражена сущность политики Османской империи в Кабарде, Западной Черкесии и Абхазии в период соперничества с Российской империей на Кавказе. Особую ценность представляют материалы по истории формирования черкесской диаспоры в Османской империи. Документы сборника были опубликованы впервые.

А.В. Кушхабиев также занимается исследованием современных этнополитических проблем на Кавказе. По данной проблематике он написал и опубликовал монографии: «Кабардинские добровольцы в Грузино-абхазской войне 1992-1993 гг.» [Кушхабиев 2008]; «Кабардино-Балкария и Грузино-абхазская война 1992-1993 гг.» [Кушхабиев 2020]. В них представлено исследование социально-политических процессов в Кабардино-Балкарии, связанных с грузино-абхазской войной 1992-1993 гг. Показаны: характер поддержки, оказанной Кабардинским национальным движением, общественностью и органами государственной власти Кабардино-Балкарской Республики народу Республики Абхазия; специфика и значимость участия кабардинских добровольцев в боевых действиях грузино-абхазской войны 1992-1993 гг. Данные исследования подготовлены на основе анализа: архивных документов (документы УЦДНИ АС КБР), материалов архива Союза абхазских добровольцев КБР (САД КБР, г. Нальчик); результатов социологических исследований (анкетные опросы, полуформализованное интервью с кабардинскими добровольцами – участниками грузино-абхазской войны 1992-1993 гг.); опубликованных сборников документов и материалов; материалов периодической печати. Они получили широкое признание среди специалистов, занимающихся исследованием этнополитических конфликтов на Кавказе.

Значительный интерес у специалистов – историков, политологов и др. вызвали коллективные монографии: «Основные проблемы развития общественно-политической ситуации в Кабардино-Балкарии в конце XX – начале XXI века» [Кушхабиев и др. 2021] и «Кабардино-Балкарская Республика: генезис, аспекты и проблемы современного развития» [Боров и др. 2024]. В них содержатся разделы А.В. Кушхабиева, посвященные: Кабардинскому национальному движению в конце XX – начале XXI века, влиянию конфликтов на Кавказе на общественно-политическую ситуацию в Кабардино-Балкарии в 1990-е годы, общественным объединениям этнических диаспор в КБР, взаимодействию Кабардино-Балкарии с зарубежными соотечественниками и др.

Данные коллективной монографии «Трансформация системы ценностей населения Кабардино-Балкарии в современных условиях» [Кушхабиев и др. 2019], подготовленной А.В. Кушхабиевым в соавторстве с М.З. Улаковым, М.М. Алхасовым и И.А. Табаксоевым, включены в доклад Российской Академии наук Правительству РФ о ходе реализации программы фундаментальных исследований за 2019 г. Монография написана на основе результатов социологического

исследования (анкетный и экспертный опросы, руководитель – А.В. Кушхабиев), проведенного Центром социально-политических исследований КБНЦ РАН в 2018 г. во всех районах и городских округах КБР. В ней показаны: эволюция, состояние и характер трансформации экономических, политических, некоторых социальных, моральных, витальных, а также этнокультурных и религиозных ценностей населения Кабардино-Балкарии в современный период.

Анзор Викторович принимает участие в коллективных проектах межрегионального и федерального уровней. Разделы, написанные А.В. Кушхабиевым, включены в следующие издания: «Тунисская Республика. Справочник» [Кушхабиев 1993]; «Адыгская (черкесская) энциклопедия» [Адыгская ... 2006]; «Очерки истории христианских цивилизаций» [Очерки 2019]; «Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги» [Адыги ... 2022]. Последняя монография была переиздана в 2023 и 2024 гг.

Результаты научных исследований А.В. Кушхабиева получили признание среди ведущих специалистов РФ и других стран. Методология исследования этнических диаспор, разработанная А.В. Кушхабиевым, используется в научно-исследовательских учреждениях и вузах РФ.

Анзор Викторович успешно сочетает научную деятельность с преподавательской. В 2001-2008 гг. он работал в должности профессора кафедры истории и этнографии народов КБР КБГУ (по совместительству), где читал лекции по основным предметам кафедры и спецкурсам, руководил дипломными работами и магистерскими диссертациями, опубликовал учебное пособие «Зарубежная черкесская диаспора: история и современность» [Кушхабиев 2007]. С 2016 г. А.В. Кушхабиев работает в должности профессора кафедры «Отечественная история и этнология» Научно-образовательного центра КБНЦ РАН: читает лекции, проводит практические занятия, осуществляет научное руководство аспирантами. Разработал и опубликовал учебные пособия для аспирантов: «История зарубежной черкесской диаспоры. Учебное пособие» [Кушхабиев 2023]; «Хрестоматия по истории зарубежной черкесской диаспоры. Часть первая. Черкесская диаспора в Османской империи (вторая половина XIX – начало XX века). Учебное пособие» [Хрестоматия 2023]. Под руководством А.В. Кушхабиева подготовлено и защищено пять диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических и социологических наук [Думанов 2010; Кешева 2004; Максидова 2011; Сантикова 2007; Хачетлова 2008].

А.В. Кушхабиев входит в состав совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук 24.2.308.02 по историческим наукам, созданного на базе Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова.

А.В. Кушхабиев также участвует в грантовых проектах, является членом редколлегии ряда коллективных научных трудов и журналов, в частности, членом редакционной коллегии, рецензентом и автором статей в ЭЖ «Кавказология».

Плодотворная научная и педагогическая деятельность А.В. Кушхабиева отмечена наградами, среди которых Почётная грамота Кабардино-Балкарской Республики (Указ от 27 июня 2013 г.).

Вместе с тем, имея серьезные научные достижения, в жизни юбиляр остается скромным, общительным, очень доброжелательным и одновременно принципиальным человеком.

Редакция электронного журнала «Кавказология» поздравляет Анзора Викторовича с юбилеем и желает дальнейших творческих успехов, в том числе новых научных открытий, крепкого здоровья и вдохновения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адыги ... 2022 – *Адыги*: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / отв. ред. А. Х. Абазов, Ю. Д. Анчабадзе, А. В. Кушхабиев, М. М. Паштова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Кабардино-Балкарский научный центр РАН; Адыгейский республиканский ин-т гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева. – М.: Наука, 2022. – 870 с.

Адыгская ... 2006 – *Адыгская* (черкесская) энциклопедия. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – 1248 с.

Боров и др. 2024 – *Боров А.Х., Кушхабиев А.В., Шаожева Н.А., Геграев Х.К., Татаров А.А., Тумов А.А.* Кабардино-Балкарская Республика: генезис, аспекты и проблемы современного развития. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2024. – 472 с.

Думанов 2010 – *Думанов З.Б.* Политика Российской империи в Кабарде: административно-правовые, социальные и экономические аспекты (конец XVIII – первая половина XIX века). Автореферат диссертации на соискание уч. ст. канд. ист. наук. – Майкоп, 2010. – 24 с.

История ... 2009 – *История* адыгов в документах Османского государственного архива. Вып. 1. – Нальчик: ГП КБР РПК, 2009. – 404 с.

Кешева 2004 – *Кешева З.М.* Танцевальная и песенно-музыкальная культура кабардинцев во второй половине XX века. Автореферат диссертации на соискание уч. ст. канд. ист. наук. – Нальчик, 2004. – 24 с.

Кушхабиев 2007 – *Кушхабиев А.В.* Зарубежная черкесская диаспора: история и современность. Учебное пособие. – Нальчик: КБГУ, 2007. – 94 с.

Кушхабиев 1993 – *Кушхабиев А.В.* Исторические связи народов Кавказа и России с Тунисом // Тунисская Республика. Справочник. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – С. 90–92.

Кушхабиев 2023 – *Кушхабиев А.В.* История зарубежной черкесской диаспоры. Учебное пособие. Издание 2-е, перераб. и доп. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2023. – 248 с.

Кушхабиев 2008 – *Кушхабиев А.В.* Кабардинские добровольцы в Грузино-абхазской войне 1992–1993 гг. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых. 2008. – 112 с.

Кушхабиев 2020 – *Кушхабиев А.В.* Кабардино-Балкария и Грузино-абхазская война 1992–1993 гг. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2020. – 288 с.

Кушхабиев 2007а *Кушхабиев А.В.* Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 320 с.

Кушхабиев 2013 – *Кушхабиев А.В.* Проблемы репатриации зарубежных черкесов: история, политика, социальная практика. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2013. – 224 с.

Кушхабиев 1993а – *Кушхабиев А.В.* Черкесы в Сирии. – Нальчик: Эль-Фа, 1993. – 170 с.

Кушхабиев 1997 – *Кушхабиев А.В.* Черкесская диаспора в арабских странах (XIX–XX вв.). – Нальчик: ИИФЭ КБНЦ РАН, 1997. – 227 с.

Кушхабиев и др. 2019 – *Кушхабиев А.В., Улаков М.З., Алхасов М.М., Табаксоев И.А.* Трансформация системы ценностей населения Кабардино-Балкарии в современных условиях. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2019. – 192 с.

Кушхабиев и др. 2021 – *Кушхабиев А.В., Шаожева Н.А., Геграев Х.К., Табаксоев И.А.* Основные проблемы развития общественно-политической ситуации в Кабардино-Балкарии в конце XX – начале XXI века. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2021. – 346 с.

Максидова 2011 – *Максидова Д.Ф.* Исторический опыт развития отношений Кабардино-Балкарии с черкесскими диаспорами Сирии и Иордании (1966-2006 гг.). Автореферат диссертации на соискание уч. ст. канд. ист. наук. – Майкоп, 2011. – 28 с.

Очерки 2019 – *Очерки истории христианских цивилизаций*: в 2 т. – Т. 1: От зарождения до арабских завоеваний: в 2 кн. Кн. 2 / [отв. ред. В. В. Наумкин, рук. Проекта, науч. и лит. ред. Ю. М. Кобищанов]. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. – 552 с.

Сантикова 2007 – *Сантикова М.Х.* Соиоэтническая динамика на Юге России. Автореферат диссертации на соискание уч. ст. канд. социолог. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – 26 с.

Хачетлова 2008 – *Хачетлова С.М.* Проблемы миграции народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в конце XVIII – начале XX века. Автореферат диссертации на соискание уч. ст. канд. ист. наук. – Владикавказ, 2008. – 28 с.

Хрестоматия 2023 – *Хрестоматия по истории зарубежной черкесской диаспоры*. Часть первая. Черкесская диаспора в Османской империи (вторая половина XIX – начало XX века). Учебное пособие. Составитель, автор предисловия и комментариев А.В. Кушхабиев. Издание 2-е, перераб. и доп. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2023. – 252 с.

REFERENCES

Adygi: Adygeitsy. Kabardintsy. Cherkesy. Shapsugi [Circassians: Adygeis. Kabardians. Circassians. Shapsugs] / resp. ed. O.H. Abazov, Yu.D. Anchabadze, A.V. Kushkhabiev, M.M. Pashtova; Institute of Ethnology and Anthropology named after. N.N. Miklouho-Maclay RAS; Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; Adyghe Republican Institute of Humanitarian Studies named after. T.M. Kerashev. – M.: Nauka, 2022. – 870 p. (In Russ.).

Adygskaya (cherkesskaya) ehntsiklopediya [Circassian Encyclopedia]. – M.: Fond im. B.KH. Akbasheva, 2006. – 1248 p. (In Russ.).

BOROV A.KH., KUSHKHABIEV A.V., SHAOZHEVA N.A., GEGRAEV KH.K., TATAROV A.A., TUMOV A.A. *Kabardino-Balkarskaya Respublika: genezis, aspekty i problemy sovremennogo razvitiya* [Kabardino-Balkarian Republic: genesis, aspects and problems of modern development]. – Nal'chik: Publishing House of the KBNC RAS, 2024. – 472 p. (In Russ.).

DUMANOV Z.B. *Politika Rossiiskoi imperii v Kabarde: administrativno-pravovye, sotsial'nye i ehkonomicheskie aspekty (konets XVIII – pervaya polovina XIX veka). Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uch. st. kand. ist. nauk* [The policy of the Russian Empire in Kabarda: administrative, legal, social and economic aspects (late 18th – first half of the 19th century). Abstract of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. – Maikop, 2010. – 24 p. (In Russ.).

Istoriya adygov v dokumentakh Osmanskogo gosudarstvennogo arkhiva. Vyp. 1. [History of the Circassians in the documents of the Ottoman State Archives. Issue 1.]. – Nal'chik: GP KBR RPK, 2009. – 404 p. (In Russ.).

KESHEVA Z.M. *Tantseval'naya i pesenno-muzykal'naya kul'tura kabardintsev vo vtoroi polovine XX veka. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uch. st. kand. ist. nauk* [Dance and song-musical culture of Kabardians in the second half of the 20th century. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. – Nal'chik, 2004. – 24 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Zarubezhnaya cherkesskaya diaspora: istoriya i sovremennost'. Uchebnoe posobie* [The Foreign Circassian Diaspora: History and Modernity. Tutorial]. – Nal'chik: KBGU, 2007. – 94 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Istoricheskie svyazi narodov Kavkaza i Rossii s Tunisom* [Historical connections of the peoples of the Caucasus and Russia with Tunisia]. In: *Tunisskaya Respublika. Spravochnik* [Tunisian Republic. Handbook]. – M.: Nauka, 1993. – P. 90–92. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Istoriya zarubezhnoi cherkeskoi diaspor. Uchebnoe posobie. Izdanie 2-e, pererab. i dop.* [History of the foreign Circassian diaspora. Tutorial. Edition 2, revised and additional]. Nalchik: KBNC RAS, 2023. 248 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Kabardinskie dobrovol'tsy v Gruzino-abkhazskoi voine 1992–1993 gg.* [Kabardian volunteers in the Georgian-Abkhazian war of 1992–1993]. – Nal'chik: Publishing House of M. and V. Kotlyarov, 2008. – 112 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Kabardino-Balkariya i Gruzino-abkhazskaya voyna 1992–1993 gg.* [Kabardino-Balkaria and the Georgian-Abkhazian War of 1992–1993]. – Nalchik: Publishing House of the KBNC RAS, 2020. – 288 p. (In Russ.)

KUSHKHABIEV A.V. *Ocherki istorii zarubezhnoy cherkesskoy diaspori* [Essays on the history of the foreign Circassian diaspora]. Nalchik: El-Fa, 2007. 320 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Problemy repatriatsii zarubezhnykh cherkessov: istoriya, politika, sotsialnaya praktika* [Problems of repatriation of foreign Circassians: history, politics, social practice]. Nalchik: KBNC RAS, 2013. 224 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Cherkesy v Sirii* [Circassians in Syria]. Nalchik: El-Fa, 1993. 170 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Cherkesskaya diaspora v arabskikh stranakh (XIX–XX vv.)* [Circassian diaspora in Arab countries (XIX–XX centuries)]. Nalchik: IHPH KBNC RAS, 1997. 227 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V., ULAKOV M.Z., ALKHASOV M.M., TABAKSOEV I.A. *Transformatsiya sistemy tsennosti naseleniya Kabardino-Balkarii v sovremennykh usloviyakh* [Transformation of the value system of the population of Kabardino-Balkaria in modern conditions]. – Nal'chik: KBNC RAS, 2019. – 192 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V., SHAOZHEVA N.A., GEGRAEV KH.K., TABAKSOEV I.A. *Osnovnye problemy razvitiya obshchestvenno-politicheskoi situatsii v Kabardino-Balkarii v kontse XX – nachale XXI veka* [The main problems of development of the socio-political situation in Kabardino-Balkaria in the late 20th – early 21st century]. Nal'chik: KBNC RAS, 2021. – 346 p. (In Russ.).

MAKSIDOVA D.F. *Istoricheskiy opyt razvitiya otnosheniy Kabardino-Balkarii s cherkesskimi diasporami Sirii i Iordanii (1966–2006 gg.)*. *Avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kand. ist. nauk* [Historical Experience in the Development of Relations between Kabardino-Balkaria and the Circassian Diasporas in Syria and Jordan (1966–2006). Abstract of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. – Maykop, 2011. – 28 p. (In Russ.)

Ocherki istorii khristianskikh tsivilizatsii: v 2 t. – T. 1: Ot zarozhdeniya do arabskikh zavoevaniy: v 2 kn. Kn. 2 / [otv. red. V. V. Naumkin, ruk. Proekta, nauch. i lit. red. YU. M. Kobishchanov] [Essays on the History of Christian Civilizations: in 2 volumes. – Volume 1: From the Origin to the Arab Conquests: in 2 books. Book 2 / [editor-in-chief V. V. Naumkin, Project Director, scientific and literary editor Yu. M. Kobishchanov]]. – M.: Politicheskaya ehntsiklopediya, 2019. – 552 p. (In Russ.).

SANTIKOVA M.KH. *Soioetnicheskaya dinamika na Yuge Rossii. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uch. st. kand. sotsiolog. nauk* [Socio-ethnic dynamics in the South of Russia. Abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Sociological Sciences]. – Rostov-na-Donu, 2007. – 26 p. (In Russ.).

KHACHETLOVA S.M. *Problemy migratsii narodov Severo-Zapadnogo i Tsentral'nogo Kavkaza v kontse XVIII – nachale XX veka. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uch. st. kand. ist. nauk* [Problems of migration of peoples of the North-West and Central Caucasus in the late 18th – early 20th centuries. Abstract of a dissertation for the degree of of candidate of historical sciences]. – Vladikavkaz, 2008. – 28 p. (In Russ.).

Khrestomatiya po istorii zarubezhnoi cherkesskoi diaspori. Chast' pervaya. Cherkesskaya diaspora v Osmanskoi imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka). Uchebnoe posobie. Sostavitel', avtor predisloviya i kommentariyev A.V. Kushkhabiev *Izдание 2-e, pererab. i dop.* [Chrestomathy on the history of the Circassian diaspora abroad. Part one. The Circassian diaspora in the Ottoman Empire (second half of the 19th – early 20th century). Textbook. Compiled by A.V. Kushkhabiyev, author of the preface and comments. 2nd edition, revised and enlarged] – Nal'chik: KBNC RAS, 2023. – 252 p. (In Russ.).

Материал поступил в редакцию 16.08.2025 г.; принят к публикации 15.09.2025 г.

Material has submitted 16.08.2025; accepted for publication 15.09.2025.

Персоналии
УДК 821.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-511-518
EDN: YIJHKS

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ПЕДАГОГА И УЧЕНОГО: К 85-ЛЕТИЮ Х.И. БАКОВА

Людмила Борисовна Хавжокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, lyudmila-havzhokova.86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9931-7726>

Аннотация. В статье представлена панорамная картина жизни и творческой деятельности ученого-литературоведа, педагога, доктора филологических наук, профессора Хангери Ильясовича Бакова. Отмечается его вклад в образование, науку, национальное литературоведение, критику, публицистику. Проводится обзорный анализ научных и научно-критических работ исследователя (монографии, сборники статей, главы и разделы в коллективных изданиях и др.) с указанием основных направлений его деятельности. В статье применен биографический метод, а также методы наблюдения, описания, анализа, позволившие рассмотреть различные аспекты жизнедеятельности Х.И. Бакова. Полученные результаты могут найти применение при изучении истории адыгского этноса, национальной культуры и литературы; составлении справочных, биобиблиографических, энциклопедических изданий; разработке спецкурсов по различным проблемам адыгского литературоведения как значимого фрагмента отечественной филологической науки.

Ключевые слова: Х.И. Баков, педагог, ученый-литературовед, исследователь, научно-педагогическая деятельность, монография, статья.

Для цитирования: Хавжокова Л.Б. Творческий путь педагога и ученого: к 85-летию Х.И. Бакова // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 511-518. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-511-518. EDN: YIJHKS.

© Хавжокова Л.Б., 2025

Personalities

THE CREATIVE PATH OF A TEACHER AND SCIENTIST: TO THE 85TH ANNIVERSARY OF H.I. BAKOV

Lyudmila B. Khavzhokova

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, lyudmila-havzhokova.86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9931-7726>

Abstract. The article presents a panoramic picture of the life and creative work of the literary scholar, teacher, Doctor of Philology, Professor Khangeri Ilyasovich Bakov. His contribution to education, science, national literary criticism, criticism, and journalism is noted. A review analysis of the researcher's scientific and scientific-critical works (monographs, collections of articles, chapters

and sections in collective publications, etc.) is carried out, indicating the main areas of his activity. The article uses the biographical method, as well as the methods of observation, description, analysis, which made it possible to consider various aspects of the life of Kh.I. Bakov. The results obtained can be used in studying the history of the Adyghe ethnic group, national culture and literature; compiling reference, biobibliographic, encyclopedic publications; developing special courses on various issues of Adyghe literary criticism as a significant fragment of domestic philological science.

Keywords: Kh.I. Bakov, teacher, literary scholar, researcher, scientific and pedagogical activity, monograph, article.

For citation: Khavzhokova L.B. The creative path of a teacher and scientist: to the 85th anniversary of H.I. Bakov. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 511-518. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-511-518. EDN: YIJHKC.

© Khavzhokova L.B., 2025

В стремительно меняющемся современном мире с непрерывно протекающими в нем глобализационными процессами, сопровождающимися серьезными трансформациями во всех сферах жизни, человеку важно обладать умственной и психологической устойчивостью, чтобы следовать зову сердца и не сойти с избранной жизненной траектории. Это удастся только самым смелым и выносливым людям, в которых гармонично сочетаются личные человеческие качества и высокие интеллектуальные способности. Ярким примером такой личности является Х.И. Баков. Врожденное остроумие, упорство, трудолюбие и правильный выбор направления деятельности принесли ему общепризнанный авторитет в северокавказской и отечественной филологии.

Х.И. Баков родился 17 сентября 1940 г. в ауле Жако Хабезского района Черкесской автономной области (ныне КЧР). После гибели отца под Сталинградом в 1942 году на попечении матери-вдовы осталось трое несовершеннолетних детей. Младший из них, Хангери, после шести классов Жаковской (в то время семилетней) школы был определен в областную среднюю школу-интернат, открытую в Черкесске для детей участников войны, погибших на фронте. В этой школе работали высококвалифицированные педагоги, приглашенные из разных областей СССР, поэтому дети проходили прекрасную подготовку, выпускники успешно поступали в лучшие вузы страны. Знания, полученные в школе, дали возможность Х.И. Бакову поступить в Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, после чего он окончил аспирантуру Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР (ныне РАН) в Москве с успешной защитой диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук (1973). Впоследствии Хангери Ильясович защитил и докторскую диссертацию (1995).

В трудовой книжке Х.И. Бакова зафиксированы только три записи: первая – работа в строительной бригаде (1959–1961 гг.), вторая – научно-педагогическая деятельность в Карачаево-Черкесском государственном педагогическом институте (ныне КЧГУ им. У.Д. Алиева; 1973–2004 гг.), третья – исследовательская работа в должности главного научного сотрудника КБИГИ (ныне ИГИ КБНЦ РАН; с 2004 г. по настоящее время) [более подробно о биографии Х.И. Бакова см.: Тимижев 2021: 129-132]. Приведенные данные ничего не говорят о тяжелом

детстве и юности, о том, что будущий ученый много лет жил в интернате, в студенческом и аспирантском общежитиях, армейской казарме. Эти годы закалили его характер, воспитали в нем трудолюбие и упорство.

Безмерная любовь Хангери Ильясовича к родному языку и литературе передавалась от матери, которая обладала редкостным чувством патриотизма, привязанности к своим истокам и выразительностью речи; знала бесчисленное множество народных песен, стихов, сказок, пословиц и поговорок. Вместе с тем профессиональный интерес к филологии пробудился в нем позже, в университете, где он активно участвовал в работе научно-студенческого сообщества. По окончании КБГУ на совместном заседании кафедры кабардино-черкесского языка и литературы и кафедры русской литературы Х.И. Баков был рекомендован в аспирантуру. Впоследствии, как показало время, он в полной мере оправдал оказанное ему высокое доверие.

К исследовательской деятельности Х.И. Баков приобщился уже в студенческие годы. За дипломной работой «Лирика Алима Ханфенова», которая была рекомендована к изданию в качестве учебного пособия, последовало исследование на более обширную тему, охватывающую весь адыгский литературный процесс, – «Адыгские литературы и проблемы развития младописьменных литератур», по которой была защищена кандидатская диссертация [Баков 1973 а]. В процессе работы над ней диссертант приезжал из Москвы в Нальчик, Черкесск, Майкоп. В Майкопе неоднократно беседовал с выдающимся адыгским прозаиком Темботом Керашевым. В результате большую часть диссертации Хангери Ильясович посвятил известным произведениям этого писателя, продемонстрировав в своей работе собственное видение его творчества, несмотря на то что к тому времени о художественном мастерстве Т. Керашева были уже написаны книги, диссертации, опубликовано множество научных и публицистических статей. Представив диссертацию на обсуждение в Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований, Х.И. Баков не только получил положительный отзыв заведующего отделом фольклора и литературы А.М. Гадагатля, но и письмо от него, в котором обращался к соискателю со словами: «Если Вы разрешите, то мы опубликуем всю главу о Темботе Керашеве». Впоследствии эта часть диссертации была опубликована в «Ученых записках Адыгейского научно-исследовательского института» [Баков 1973 б].

По окончании аспирантуры главными объектами исследовательской деятельности Х.И. Бакова стали литература адыгского (черкесского) зарубежья, проблема национального своеобразия художественной словесности, особенности и закономерности развития адыгской (адыгейской, кабардинской, черкесской) поэзии и т.д. Ученым опубликованы десятки статей по проблемам национального языка, литературы и культуры, о результатах которых докладывал на конференциях и других научных мероприятиях различного уровня.

Над докторской диссертацией Хангери Ильясович работал долго, ее завершению препятствовал ряд обстоятельств: продолжительная административная работа в должности декана (более 12 лет), заведующего кафедрой (13 лет), разработка лекций по многим учебным курсам (11 дисциплин). Несмотря на это, защита докторской диссертации по теме «Национальное своеобразие адыгской

поэзии и проблемы творческой индивидуальности художника» [Баков 1995] и выход в свет монографии, ставшей основой этой диссертации, принесли исследователю большую славу и признание. В 1996 г. монография была удостоена Международной премии им. Иззата Кандура.

В настоящее время трудно определить, в какой ипостаси Хангери Ильясович достиг наиболее значимых успехов – как преподаватель и организатор учебного процесса в КЧГУ, которому он посвятил более 30 лет, последовательно занимая должности старшего преподавателя, доцента и профессора, заведующего двумя кафедрами, декана филологического факультета и директора впервые созданного на базе университета Института филологии, или в академической филологической науке, которой он плодотворно занимался в КЧГУ и сегодня продолжает заниматься в ИГИ КБНЦ РАН. Несомненно, значителен его вклад в сферу образования, за что был удостоен звания «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» (1998). Но немало заслуг и у Бакова-ученого, заслуженного деятеля науки трех республик – Карачаево-Черкессии (2000), Кабардино-Балкарии (2013), Адыгеи (2023), прямым свидетельством которых выступают сотни его научных публикаций.

Первое монографическое исследование Х.И. Бакова «Национальное своеобразие и творческая индивидуальность в адыгской поэзии» [Баков 1994] было издано в годы его работы в КЧГУ. В нем автор объединил две актуальные проблемы, за которые берутся лишь немногие ученые. Вопрос национальной самобытности художественной словесности – один из самых сложных в теории литературы. Этой проблемой в отдаленном прошлом занимались лишь единицы: И. Гердер, Г. Белинский, Д. Сикейрос, В. Брюсов, ближе к нашему времени – М. Храпченко, Ч. Гусейнов. Из адыгских исследователей ее затронули только Х. Теунов и Х. Хапсироков. В своей работе Хангери Ильясович смог установить связь между национальным своеобразием литературы и самобытностью отдельных крупных писателей, обладающих яркой творческой индивидуальностью, между «видением мира вещей» народа и его конкретного представителя, создающего художественную литературу. Значительное место в монографии занимает анализ произведений писателей черкесского зарубежья. Ко времени ее издания были опубликованы значительные работы о жизни и творчестве представителей адыгских диаспор (труды М. Хафицэ, А. Схалыхо и др.), но именно в монографии Х.И. Бакова впервые был проведен глубокий научный анализ национальной литературы, созданной за рубежом, что является одной из причин ее востребованности и активной цитируемости.

Научно-исследовательская деятельность Х.И. Бакова активизировалась в 2004 году после его перехода на работу в Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН. Впервые исследуя творчество кабардинского поэта, писателя, драматурга и публициста Бориса Утижева, Х.И. Баков провел комплексный художественно-эстетический анализ его лирических произведений, сонетов, стихотворений в прозе, новелл, комедий, трагедий и обширной публицистики, отражающей проблемы развития кабардино-черкесского языка, литературы, драматургии и театра. Монография «Борис Утижев. Поэт. Писатель. Драматург» [Баков 2010] получила высокую оценку специалистов; положительные отзывы об

этой работе опубликованы в журналах и газетах, выходящих в разных регионах нашей страны: «Литературная Россия» (г. Москва), «Адыгское слово», «Кабардино-Балкарская правда», «Литературная Кабардино-Балкария» (г. Нальчик), «Голос адыга» (г. Майкоп), «Черкесия» (г. Черкесск). Книга привлекла внимание общественности, широкого круга специалистов, читателей и ценителей творчества Б. Утижева.

Заметным явлением в северокавказском литературоведении стала и следующая монография Х.И. Бакова «Юмор и сатира в адыгской литературе» [Баков 2013]. В ней исследованы проблемы эволюции комических жанров, выявлены черты сходства и различия юмора и сатиры в адыгской (кабардино-черкесской) литературе. Глубокий анализ основных языковых средств создания комического в творчестве кабардинских и черкесских поэтов, писателей и драматургов позволил автору выявить этнокультурные коды национальной сатирико-юмористической литературы.

В следующей работе Х.И. Бакова «Творческая индивидуальность и национальная самобытность поэзии Исхака Машбаша» [Баков 2019] представлено комплексное полиаспектное исследование поэтического – лирического и лиро-эпического – творчества адыгейского поэта и писателя Исхака Шумафовича Машбаша. Определена идейно-тематическая ориентация многочисленных стихотворений и поэм, выявлены особенности их поэтики.

Отличительной чертой Бакова-ученого является то, что в своих исследованиях он опирается на широкий анализ текстов художественных произведений, избегая общих суждений, не подкрепленных фактами из литературного процесса. Исследователь видит актуальные проблемы и направления, типичные для всего литературоведения Северного Кавказа. Об этом свидетельствуют его многочисленные публикации в ведущих российских и зарубежных журналах, посвященные проблемам истории и теории литературы, литературной критики, а также доклады, представленные на международных, всероссийских и региональных научных конференциях, проведенных в России и за рубежом.

В многолетней научно-педагогической деятельности профессора Х.И. Бакова значительное место занимают пропаганда научных знаний, консультации докторантов и руководство аспирантами; участие в советах по защите докторских и кандидатских диссертаций (АГУ, Майкоп; КБГУ, Нальчик), в работе Адыгской (Черкесской) международной академии наук (с 1995 г. – действительный член АМАН; в настоящее время – академик-секретарь отделения историко-филологических наук АМАН). Он часто выступает официальным оппонентом по защите диссертаций, редактором и рецензентом научных изданий.

Хангери Ильясович принимает активное участие во всех мероприятиях и научных проектах, осуществляемых сектором кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН. Он один из редакторов и авторов академического издания «История адыгской (кабардино-черкесской) литературы» (в 3-х томах на кабардино-черкесском языке [История адыгской литературы... 2010, 2013, 2021]; 1 том на русском языке [История адыгской литературы... 2019]), один из авторов-составителей биобиблиографического словаря «Адыгские (адыгейские, кабардинские, черкесские, черкесского

зарубежья) писатели» [Адыгские писатели... 2021, 2022, 2023]. В рамках последнего проекта им написано около 90 статей-персоналий о жизни и творчестве адыгских писателей, фольклористов, публицистов, критиков и литературоведов. Х.И. Баков внес свой вклад и в крупное академическое издание «Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги», в рамках которого подготовил главу «Литература черкесского зарубежья» [Баков 2022: 814-819].

Многолетний добросовестный труд Хангери Ильясовича получил заслуженное признание. Он награжден почетными званиями, многочисленными грамотами и дипломами, о его научно-педагогической деятельности написаны десятки статей. Все это он заслужил своим усердием, талантом, умением работать в коллективе и делиться своими знаниями и ценным опытом, накопленными за более чем полувековой период упорного труда.

В заключение хотелось бы выразить благодарность моему уважаемому наставнику, официальному оппоненту по кандидатской диссертации, научному консультанту по докторской диссертации и коллеге за помощь в моей исследовательской деятельности и организации работы сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН. Желаю новых научных открытий и успехов на его трудном, но благородном творческом пути.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адыгские писатели... 2021, 2022, 2023 – Адыгские (адыгейские, кабардинские, черкесские, черкесского зарубежья) писатели XIX – XXI вв.: библиографический словарь: в 3 тт. / под ред. Л.Б. Хавжоковой. – Нальчик: Принт Центр. – Т. I: А–И. – 2021. – 380 с.; Т. II: К–П. – 2022. – 434 с.; Т. III: Р–Я. – 2023. – 432 с.

Баков 1973 а – *Баков Х.И.* Адыгские литературы и проблема ускоренного развития младописьменных литератур: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. – М.: ИМЛИ, 1973. – 20 с.

Баков 1973 б – *Баков Х.И.* Тембот Керашев и современная адыгская проза // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института. – 1973. – Т. XVIII. – С. 56–104.

Баков 1994 – *Баков Х.И.* Национальное своеобразие и творческая индивидуальность в адыгской поэзии. – Майкоп: Меоты, 1994. – 254 с.

Баков 1995 – *Баков Х.И.* Национальное своеобразие адыгской поэзии и проблемы творческой индивидуальности художника: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02. – Махачкала: ДНЦ РАН, 1995. – 52 с.

Баков 2010 – *Баков Х.И.* Борис Утижев. Поэт. Писатель. Драматург. – Нальчик: КБИГИ, 2010. – 344 с.

Баков 2013 – *Баков Х.И.* Юмор и сатира в адыгской (кабардино-черкесской) литературе (Адыгэ литературэ. ГушыIэмрэ ауанымрэ). – Нальчик: КБИГИ, 2013. – 183 с.

Баков 2019 – *Баков Х.И.* Творческая индивидуальность и национальная самобытность поэзии Исхака Машбаша. – Майкоп, 2019. – 192 с.

Баков 2022 – *Баков Х.И.* Литература зарубежной диаспоры // Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / отв. ред. А.Х. Абазов, Ю.Д. Анчабадзе и др. – М.: Наука, 2022. – С. 814-819.

История адыгской литературы... 2010, 2013, 2021 – История адыгской (кабардино-черкесской) литературы (Адыгэ (къэбэрдей-шэрджэс) литературэм и тхыдэ) / под ред. Х.Т. Тимиева. Т. I. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 года, 2010. – 496 с.; Т. II. – Нальчик: Тетраграф, 2013. – 479 с.; Т. III. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2021. – 508 с.

История адыгской литературы... 2019 – История адыгской (кабардино-черкесской) литературы / науч. и лит. ред. Х.Т. Тимижев. – Нальчик: Принт Центр, 2019. Т. I. – 392 с.

Тимижев 2021 – *Тимижев Х.Т.* Баков Хангери Ильясович (1940) = БакIуу Хъанджэрий Иляс и къуэ (1940) // Адыгские (адыгейские, кабардинские, черкесские, черкесского зарубежья) писатели XIX – XXI вв.: библиографический словарь: в 3 тт. Т. I: А–И. / под ред. Л.Б. Хавжоковой. – Нальчик: Принт Центр, 2021. – С. 129-132.

REFERENCES

Ady`gskie (ady`gejskie, kabardinskie, cherkesskie, cherkesskogo zarubezh`ya) pisateli XIX – XXI vv.: bibliograficheskij slovar` : v 3 tt. / pod red. L.B. Xavzhokovoj [Adyghe (Adyghe, Kabardian, Circassian, Circassian diaspora) writers of the 19th – 21st centuries: bibliographic dictionary: in 3 volumes / edited by L.B. Khavzhokova]. – Nalchik: Print Center. – Vol. I: A–I. – 2021. – 380 p.; Vol. II: K–P. – 2022. – 434 p.; Vol. III: R–Ya. – 2023. – 432 p.

BAKOV Kh.I. *Ady`gskie literatury` i problema uskorennoho razvitiya mladopis`menny`x literatur: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.02* [Adyghe literatures and the problem of accelerated development of young written literatures: author's abstract. dis. ... cand. philological sciences: 10.01.02]. – M.: IMLI, 1973. – 20 p.

BAKOV Kh.I. *Tembot Kerashev i sovremennaya ady`gskaya proza* [Tembot Kerashev and modern Adyghe prose]. IN: Scientific notes of the Adyghe research institute. – 1973. – Vol. XVIII. – P. 56–104.

BAKOV Kh.I. *Nacional`noe svoeobrazie i tvorcheskaya individual`nost` v ady`gskoj poe`zii* [National originality and creative individuality in Adyghe poetry]. – Maykop: Meoty, 1994. – 254 p.

BAKOV Kh.I. *Nacional`noe svoeobrazie ady`gskoj poe`zii i problemy` tvorcheskoy individual`nosti xudozhnika: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.02* [National originality of Adyghe poetry and problems of creative individuality of the artist: author's abstract. dis. ... doctor of philological sciences: 10.01.02]. – Makhachkala: DNC RAS, 1995. – 52 p.

BAKOV Kh.I. *Boris Utizhev. Poe`t. Pisatel`. Dramaturg* [Boris Utizhev. Poet. Writer. Playwright]. – Nalchik: KBIGI, 2010. – 344 p.

BAKOV Kh.I. *Yumor i satira v ady`gskoj (kabardino-cherkesskoj) literature* [Humor and satire in the Adyghe (Kabardino-Circassian) literature]. – Nalchik: KBIGI, 2013. – 183 p.

BAKOV Kh.I. *Tvorcheskaya individual`nost` i nacional`naya samoby`tnost` poe`zii Isxaka Mashbasha* [Creative individuality and national originality of the poetry of Iskhak Mashbash]. – Maykop, 2019. – 192 p.

BAKOV Kh.I. *Literatura zarubezhnoj diaspory`* [Literature of the foreign diaspora]. IN: Adyghe: Adyghe. Kabardians. Circassians. Shapsugs / resp. ed. A.Kh. Abazov, Yu.D. Anchabadze et al. – M.: Nauka, 2022. – P. 814-819.

[History of Adyghe (Kabardino-Circassian) literature (Adyghe (keberdey-sherjes) literature i tkhyde) / edited by H.T. Timizhev. Vol. I. – Nalchik: Republican Printing Plant named after the 1905 Revolution, 2010. – 496 p.; Vol. II. – Nalchik: Tetragraph, 2013. – 479 p.; Vol. III. – Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarovs, 2021. – 508 p.

Istoriya ady`gskoj (kabardino-cherkesskoj) literatury` / nauch. i lit. red. X.T. Timizhev [History of Adyghe (Kabardino-Circassian) literature / scientific and lit. ed. H.T. Timizhev]. – Nalchik: Print Center, 2019. Vol. I. – 392 p.

TIMIZHEV Kh.T. *Bakov Xangeri Il`yasovich (1940) = BakIuu X``andzhe`rij Ilyas i k``ue` (1940)* [Bakov Khangeri Ilyasovich (1940) = BakIuu Khandzheriy Ilyas i kueh (1940)]. IN: Adyghe (Adyghe, Kabardian, Circassian, Circassian diaspora) writers of the 19th – 21st centuries: bibliographic dictionary: in 3 vols. Vol. I: A–I. / edited by L.B. Khavzhokova. – Nalchik: Print Center, 2021. – P. 129-132.

Информация об авторе

Л.Б. Хавжокова – доктор филологических наук.

Information about the author

L.B. Khavzhokova – Doctor of Science (Philology).

Материал поступил в редакцию 16.08.2025 г.; принят к публикации 15.09.2025 г.

Material has submitted 16.08.2025; accepted for publication 15.09.2025.

Наши авторы

Абазова Марита Мухамедовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: marita.abazova@yandex.ru

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин АНО ВО «Научно-клинический центр имени Башларова», Махачкала, Россия.

E-mail: vikingpasha@mail.ru

Аккизова Айгуль Арсеновна – бакалавр социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: gulitema@gmail.com

Алхасова Светлана Михайловна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: alkhas55@mail.ru

Апажева Светлана Султановна – кандидат философских наук, доцент кафедры организации работы с молодежью социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: svetlana.apageva@mail.ru

Албогачиева Макка Султан-Гиреевна – доктор исторических наук, заведующая отделом этнографии Кавказа Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: albmac@mail.ru

Ахмадов Явус Зайндиевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

E-mail: ahmadov_YZ@mail.ru

Ахматова Мариям Ахматовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры караево-балкарской филологии социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: mari.ahmatova@yandex.ru

Базиева Гульфия Джамаловна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: gbaz@mail.ru

Баков Хангери Ильясович – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований –

филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: h.bakov@mail.ru

Балкарова Залина Мухамедовна – старший преподаватель института менеджмента, туризма и индустрии гостеприимства ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: balk.zalina@gmail.com

Баразбиев Муслим Исмаилович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры организации работы с молодежью социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: muslim1971@yandex.ru

Башиева Светлана Конакбиевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: bfo-pdo@mail.ru

Бер Асият Руслановна – аспирант Научно-образовательного центра ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: asyat.tokhtabieva@yandex.ru

Бербекова Марина Хасанбиевна – кандидат исторических наук, заместитель директора института права экономики и финансов ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: yucatan_line@mail.ru

Бозиев Альберд Тахирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия; старший научный сотрудник ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: alberdboziev@mail.ru

Боров Аслан Хажисмелович – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: aslan-borov@mail.ru

Гашарова Аида Руслановна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора ФГБНУ Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Россия.

E-mail: aida.2015@yandex.ru

Геграев Хаким Камилевич – кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора социально-гуманитарного института, доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: gegra70@mail.ru

Гусейнов Юсуп Магомедович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Россия.

E-mail: g.usup@mail.ru

Дабагова Инна Мухамедовна – аспирант Научно-образовательного центра ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: innadabagova@gmail.com

Демелханов Сулейман Магомедович – младший научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

E-mail: demelkhanov74@mail.ru

Дзуганов Тимур Аликович – кандидат исторических наук, доцент, лабораторией ЦИС НИЦ ЭСИИ ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: dzughanov@mail.ru

Джемакулова Нателла Владимировна – соискатель ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: natella8620@mail.ru

Дышеков Мурат Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права института права экономики и финансов ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: dugur1@mail.ru

Ермошина Анастасия Владимировна – соискатель ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия.

E-mail: nasstyа05@mail.ru

Захохова Мадина Руслановна – кандидат экономических наук, доцент кафедры организации работы с молодежью социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: madia_rz@mail.ru

Идрисов Юсуп Магомедович – кандидат исторических наук, лектор-экскурсовод, Исторический парк «Россия – Моя история», Махачкала, Россия.

E-mail: markes06@mail.ru

Кадимов Руслан Гаджимурадович – доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова», Махачкала, Россия.

E-mail: ruslankadimov@mail.ru

Капустина Екатерина Леонидовна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Кавказа Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: parlel@mail.ru

Кетенчиев Мусса Бахаутдинович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой карачаево-балкарской филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: ketenchiev@mail.ru

Кузьминов Петр Абрамович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: petrakis_hist@bk.ru

Мизиев Ахмат Магомедович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры карачаево-балкарской филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: miz1967@mail.ru

Муратова Елена Георгиевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и кавказоведения ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: lena_gm@mail.ru

Мусуков Борис Абдулкеримович – доктор филологических наук, заведующий сектором карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: bmusukov@bk.ru

Нальчикова Елена Аниуаровна – кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: elenalchik@yandex.ru

Осмаев Аббаз Догиевич – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, Грозный, Россия.

E-mail: osmaev@mail.ru

Паштов Ислам Владиславович – аспирант Научно-образовательного центра ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: pashtovwf@gmail.com

Прасолов Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, заведующий сектором этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: dmprasolov@gmail.com

Сулаберидзе Юрий Семенович – кандидат исторических наук, приглашенный профессор Института кавказоведения Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили, Тбилиси, Грузия.

E-mail: iuri.sulaberidze@mail.ru

Тасуева Седа Исаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова, доцент кафедры Чеченского государственного педагогического университета, Грозный, Россия.

E-mail: taseda.83@mail.ru

Текуев Мусса Масхутович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры карачаево-балкарской филологии социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: tekuev@mail.ru

Тетуев Алим Инзрелович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Ульбашева Зульфия Мустафировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и общего языкознания социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им.Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: z.gaboeva@yandex.ru

Урусмамбетова Лаура Адамовна – кандидат педагогических наук, заведующая лабораторией развития социально-гуманитарного образования Государственного бюджетного учреждения дополнительного профессионального образования «Центр непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников» Министерства просвещения и науки Кабардино-Балкарской Республики, Нальчик, Россия.

E-mail: layra76@mail.ru

Черниговская Анастасия Игоревна – аспирант, ассистент кафедры истории России ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия.

E-mail: a.sevostyanova2000@mail.ru

Чукуева Зарема Нажмуудиновна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры чеченской филологии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», Грозный, Россия.

E-mail: turkdgpu@mail.ru

Хавжокова Людмила Борисовна – доктор филологических наук, заведующая сектором кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Хашир Кара Оskarовна – кандидат филологических наук, докторант ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: cara.khashir@gmail.com

Хаширов Аскер Владиславович – младший научный сотрудник ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: askerhashirov@yandex.ru

Хашхожева Загират Талибовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: zagirat_inkaz@mail.ru

Хуболов Сахадин Магаметович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры карачаево-балкарской филологии ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: khubol@yandex.ru

Электронный журнал
«Кавказология»
Caucasology

№ 3 / 2025

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3

Подписано к изданию:
29.09.2025 г.